D02
B815
263
89/2570
Ф/54/61785

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Въ типографіяхъ: Г. Фалькъ,
Губернскаго Правленія и Губ. Зем. Управы.
1872.

- - МАЙ 2008

СОДЕРЖАНІЕ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта за вторую половину 1871 года . . . . . 1.
Отчетъ о состояніи лицея за 1871 годъ. . . 33.

НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Юридическое образованіе въ Англіи . . . 59

Исторія права. Курсъ лекцій Отдѣлъ первый Орд. Пр. М. Н. Капустина . . . . . 1—88.
Христоматія по исторіи Русскаго права Э. Орд. Пр. М. Ф. Владимірскаго=Буданова. 101—232.
Критическій обзоръ ученій о раздѣленіи властей. Испр. д. Э. Орд. Пр. И. И. Вогошилова. 177—320.

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

КНИГА ВТОРАЯ

ЯРОСЛАВЛЬ
Въ типографіи Г. Фалькъ
1872.

С.-Петербургский государственный университет
БИБЛИОТЕКА
Юридический фак.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея

Директоръ М. Капустинъ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

13-го апрѣля 1871. года Разсуждали о порядкѣ пріема въ настоящемъ 1871 году желающихъ поступить въ число студентовъ сего Лицея. Постановили: Напечатать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ нижеслѣдующее объявленіе:

«Отъ Демидовскаго юридическаго Лицея въ Ярославлѣ.—Лицей, съ четырехлѣтнимъ курсомъ ученія, по правамъ своимъ поставленъ наравнѣ съ юридическими факультетами университетовъ. Въ наступающемъ академическомъ году открывается 2-й курсъ. Въ студенты Лицея принимаются молодые люди, успѣшно окончившіе свое ученіе въ классическихъ гимназіяхъ и общихъ классахъ семинарій, по выдержаніи ими спеціальнаго испытанія въ Лицеѣ. Въ нынѣшнемъ году таковое испытаніе ограничивается: по русскому языку сочиненіемъ, по латинскому-переводомъ De officiis Цицерона и по исторіи всеобщею и русскою исторіею въ объемѣ учебниковъ Иловайскаго. Прошенія о вступленіи въ число студентовъ подаются на

имя директора Лицея не позже 20-го августа; къ прошенію прилагаются: метрическое свидѣтельство, документъ о званіи и аттестатъ объ окончаніи курса ученія; лица податнаго состоянія сверхъ того прилагаютъ увольнительное свидѣтельство. Плата за слушаніе лекцій 40 руб. въ годъ. Освобождаются отъ оной недостаточные студенты, представившіе законное свидѣтельство. Сверхъ того въ Лицеѣ имѣются 11 свободныхъ стипендій. Студенты университетовъ могутъ поступать въ Лицей до 1-го ноября, студенты же юридическихъ факультетовъ и позже этого срока, безъ спеціальнаго испытанія.

15-го мая. Слушали: Предложеніе г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 12 сего мая за № 1715, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія ходатайства совѣта демидовскаго юридическаго Лицея, въ 28 день апрѣля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при демидовскомъ юридическомъ Лицеѣ попечительства о недостаточныхъ студентахъ сего Лицея на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1, Попечительство состоитъ подъ предсѣдательствомъ попечителя московскаго учебнаго округа, когда онъ бываетъ въ Ярославлѣ, изъ почетнаго попечителя, директора и трехъ профессоровъ Лицея, а также постороннихъ лицъ, которыя по общественному положенію, или по особому сочувствію къ дѣлу, могутъ содѣйствовать достиженію цѣли учрежденія попечительства. Въ отсутствіе попечителя округа предсѣдательство въ немъ принимаетъ на себя почетный попечитель Лицея, а за отсутствіемъ и сего послѣдняго директоръ лицея. 2, Попечительство имѣетъ цѣлію оказывать вспомоществованіе тѣмъ студентамъ, которые не пріобрѣвъ права на полученіе стипендіи и вообще денежныхъ пособій изъ суммъ, отпускаемыхъ лицею,

тѣмъ не менѣе заслуживаютъ помощи по своему поведенію, усердію къ научнымъ занятіямъ и по затруднительному положенію относительно матеріальныхъ средствъ къ жизни. 3, Вспомоществованіе оказывается въ видѣ заимообразной выдачи денежной суммы, въ платѣ за право слушанія лекцій въ Лицеѣ, въ платѣ квартиросодержателямъ за столъ и помѣщеніе и въ выдачѣ безвозвратно денежнаго пособія на разныя нужды первой потребности. 4, Средства для вспомоществованія собираются отъ ежегодныхъ взносовъ членовъ попечительства по 5 руб. съ каждаго, отъ пожертвованій постороннихъ лицъ и другими дозволенными средствами. При семъ Его Величеству благоугодно было предоставить министру народнаго просвѣщенія право утвердить правила, которыя будутъ составлены для руководства попечительству. О Высочайшемъ повелѣніи этомъ, сообщенномъ г. попечителю въ предложеніи г. министра народнаго просвѣщенія отъ 1-го сего Мая за № 4220, увѣдомляя совѣтъ демидовскаго юридическаго Лицея, въ послѣдствіе представленія отъ 4-го Февраля сего года за № 60, г. попечитель проситъ о составленіи проекта правилъ для руководства Попечительству, какъ для изысканія матеріальныхъ средствъ къ пособію нуждающимся студентамъ, такъ и для опредѣленія порядка самой выдачи пособій, и о доставленіи такого проекта къ нему для представленія въ министерство народнаго просвѣщенія на утвержденіе. Опредѣлили: Составивъ требующійся проэктъ правилъ для руководства Высочайше учрежденному при Лицеѣ попечительству, представить оный чрезъ г. попечителя московскаго учебнаго округа на утвержденіе Его Сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія. Объ учрежденіи же при Лицеѣ попечительства сообщить извѣстнымъ совѣту по усмотрѣнію

онаго лицамъ, пригласивъ ихъ въ члены попечительства.

26-го мая. 1, Разсматривали вѣдомость съ означеніемъ успѣховъ, оказанныхъ студентами демидовскаго Лицея III курса на окончательномъ испытаніи за $18^{70}/_{71}$ академическій годъ и, разсмотрѣвъ успѣхи и поведеніе ихъ за весь трехлѣтній лицейскій курсъ, Опредѣлили: удостоить права на чинъ XII класса: Глазырина, Николаевскаго Владиміра, Прозоровскаго, Рушина, Скворцова, Соболева, Тверицкаго, Трунева, Протасьева, Романова, Ковалевскаго, Лацинскаго, Свѣтлопылева, Севастьянова, Соленникова, Ушакова и Штольцъ; XIV класса: Ермолаева, Николаевскаго Геннадія, Храпицкаго, Челюсткина и Юрьева и объ утвержденіи ихъ въ этихъ правахъ представить г. попечителю московскаго учебнаго округа, съ приложеніемъ копіи съ вѣдомости.

2, Разсматривали частные по каждому предмету списки студентовъ демидовскаго юридическаго Лицея 1-го курса, подвергавшихся переводному годичному испытанію, и по составленіи одного общаго списка, Опредѣлили: Удостоить перевода на 2-й курсъ слѣдующихъ студентовъ: Доброхотова, Драбовскаго, Звѣрева, Знаменскаго, Сперанскаго Ивана, Степанова, Торопова, Надѣинскаго, Протопопова, Уткина, Александровскаго, Бенедиктова, Боевскаго, Васильева, Введенскаго, Веригина, Винниченко, Виноградова, Воробьева, Воскресенскаго, Георгіевскаго, Грузинцева, Добротина, Дьякова, Зобнинскаго, Ивановскаго, Казанскаго, Климова, Колокольцева, Лебедева Александра, Лебедева Василья, Лилеева, Минервина, Назимова, Орлова Александра, Орлова Дмитрія, Островскаго, Ошанина, Павлова, Пальмина Покровскаго, Протасова, Розова Николая, Рубанова, Свидерскаго, Слѣпова, Смарагдова, Смирнова Ивана (Ярославскаго), Смир-

нова Николая, Соколова, Сперанскаго Петра, Стратилатова Николая, Талантова, Тихонравова, Тяжелова, Ульяновскаго, Ульяшенко, Холуйскаго, Чистякова, Шахмаліева, Шипова, Щеголева и Эдельштейнъ, о чемъ и объявить имъ.

3, Обсуждаемо было сочиненіе студента 3-го курса Соболева Павла «О тюремнотъ заключеніи,» написанное имъ для полученія медали. По обсужденіи достоинства сочиненія Соболева, Опредѣлили: Удостоить Соболева похвальнаго отзыва и его же, какъ лучшаго по успѣхамъ, наградить серебряною медалью.

4, Обсуждали вопросъ о печатаніи сочиненія исправ. должность доцента Ворошилова «Критическій обзоръ ученія о раздѣленіи властей» и составленной экстраординарнымъ профессоромъ Владимірскимъ—Будановымъ «Христоматія по исторіи Русскаго права». Опредѣлили: Означенное сочиненіе и Христоматію печатать во Временникѣ Лицея.

5, Разсуждали о порядкѣ чтенія лекцій въ будущемъ $18^{71}/_{72}$ учебномъ году и Опредѣлили: Преподавать *на 1-мъ курсѣ*: Богословіе по 3 часа, Энциклопедію права по 4, исторію Русскаго права по 3, Статистику по 4, исторію римскаго права по 5, Институціи римскаго права по 3 часа въ недѣлю; на *2-мъ курсѣ*: Государственное право общее 3 часа и Русское по 2, исторію русскаго права по 2, исторію римскаго права по 5, Полицейское право по 3 и Общую исторію права по 4 часа, въ недѣлю, при чемъ исторію римскаго права излагать совмѣстно обоимъ курсамъ.

25-го августа 1, Разсматривали частные по каждому предметусписки студентовъ Лицея 1 курса, подвергавшихся испытанію съ разрѣшенія совѣта въ августѣ мѣсяцѣ, и по составленіи одного общаго списка, Опредѣлили: а) Удо-

стоить перевода на 2й курсъ слѣдующихъ студентовъ *Князевскаго* Александра, *Мерцалова* Николая, *Попова* Николая, *Архангельскаго* Николая, *Бѣляева* Александра, *Головачевскаго* Ивана, *Горскаго* Николая, *Кирилова* Михаила, *Крутикъ-Горетубанскаго* Ивана, *Куницына* Николая, *Лыткина* Николая, *Межакова* Ивана, *Морева* Николая, *Перро* Рене, *Писемскаго* Константина, *Польскаго* Михаила, *Преображенскаго* Александра, *Розова* Павла *Розова* Сергѣя, *Смирнова* Ивана (Псковскаго), *Солонцева* Вячеслава, *Яблокова* Павла, *Маурина* Ивана, и *Сутовича* Альфонса. б) Оставить на томъ же 1-мъ курсѣ какъ недодержавшихъ испытаній и во все не явившихся къ онымъ: *Дроздова* Александра, *Оболенскаго* Петра князя, *Розова* Александра, *Бѣлоруссова* Николая, *Голосова* Михаила, *Загорскаго* Петра, *Колусовскаго* Владиміра, *Матвѣевскаго* Митрофана, *Мураховскаго* Семена, *Осѣцкаго* Владиміра, *Сахарова* Василья, *Стратилатова* Александра, *Стратилатова* Ивана, *Третьякова* Николая, *Цвѣтаева* Ѳедора и *Чеботирева* Дмитрія.

2) Слушали: Предложеніе г. управляющаго московскимъ учебнымъ округомъ отъ 19го Іюня сего года за № 2485 слѣдующаго содержанія: Г. смоленскій Губернскій предводитель дворянства, сообщивъ г. попечителю округа, что по сношенію его, согласно письму генералъ-адъютанта Бориса Григорьевича Глинки-Маврина съ директоромъ училищъ Смоленской губерніи, ученикъ тамошней гимназіи, окончившій въ истекшемъ учебномъ году курсъ наукъ и удостоенный аттестата Константинъ *Козловскій* выразилъ желаніе воспользоваться стипендіею генерала Глинки въ Лицеѣ, просить о предоставленіи ему этой стипендіи. При этомъ г. управляющій округомъ проситъ, по зачисленіи Козловскаго студентомъ и стипендіатомъ Глинки, увѣдомить смоленскаго губернскаго пред-

водителя дворянства. Опредѣлили: Предоставить студенту Козловскому стипендію Глинки и увѣдомить объ этомъ смоленскаго губернскаго предводителя дворянства.

3) Вслѣдствіе прошеній о принятіи въ число студентовъ лицея на 1-й курсъ разсматривали документы означенныхъ молодыхъ людей; на основаніи документовъ и произведенныхъ совѣтомъ повѣрочныхъ испытаній по русскому и латинскому языкамъ и всеобщей и русской исторіи, Опредѣлили: Принять въ студенты лицея: *Андріевскаго* Михаила, *Аристова* Александра, *Баталина* Сергѣя, *Богородскаго* Ивана, *Бѣляева* Арсенія, *Вознесенскаго* Александра, *Волковичъ* Дмитрія, *Дмитріевскаго* Ѳедора, *Ельпидинскаго* Алексѣя, *Звѣрева* Владиміра, *Коневскаго* Алексѣя, *Капацинскаго* Алексѣя, *Капустина* Константина, *Козловскаго* Константина, *Колпенскаго* Аркадія, *Лебеданскаго* Дмитрія, *Линденбратенъ* Якова, *Малинина* Дмитрія, *Малинина* Сергѣя, *Мартынова* Николая, *Маслакова* Иліодора, *Массальскаго* Ивана, *Минервина* Андрея, *Минервина* Василья, *Морозова* Николая, *Мураховскаго* Михаила, *Нахимова* Сергѣя, *Орлова* Михаила, *Панова* Константина, *Парнассова* Петра, *Песоченскаго* Ивана, *Разумовскаго* Аполлона, *Розанова* Владиміра, *Рослякова* Владиміра, *Сахарова* Дмитрія, *Смирнова* Андрея, *Соборнова* Василья, *Соколова* Степана, *Соловьева* Ивана, *Сперанскаго* Ивана, *Слонова* Александра, *Срѣтенскаго* Петра, *Стремоухова* Андрея, *Тихомирова* Сергѣя, *Удальцова* Александра, *Успенскаго* Василья, *Фортунатова* Павла, *Чанцева* Сергѣя, *Шугаевскаго* Владиміра, *Эдемова* Николая, *Якиманскаго* Александра и *Яхонтова* Николая.

31-го августа. Слушали: Предложеніе г. управляющаго московскимъ учебнымъ округомъ отъ 21-го Іюня сего года за № 2223, на имя исправлявшаго должность директора лицея слѣдующаго содержанія: Высочайше ут-

вержденнымъ въ 3-й день Іюля 1868 года мнѣніемъ государственнаго совѣта по проекту устава и штата демидовскаго юридическаго лицея, между прочимъ, постановлено: п. 1. Поднеся на Высочайшее Его Императорскаго Величества разсмотрѣніе проектъ временнаго устава демидовскаго юридическаго лицея, ввести уставъ сей въ дѣйствіе съ начала $18^{68}/_{69}$ учебнаго года и предоставить министру народнаго просвѣщенія руководствоваться онымъ, въ видѣ опыта, съ правомъ допускать въ немъ тѣ перемѣны, которыя окажутся необходимыми; по истеченіи же трехъ лѣтъ, исправленный по указаніямъ опыта проектъ устава означеннаго лицея внесть на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. П. 3. Изъ ассигнованной на лицей суммы предоставить министру народнаго просвѣщенія назначать содержаніе какъ профессорамъ и преподавателямъ, такъ и прочимъ служащимъ при лицеѣ лицамъ. равно и на необходимые по управленію лицеемъ расходы, съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ сихъ назначеніяхъ министръ народнаго просвѣщенія не выходилъ изъ размѣровъ предположенныхъ въ представленномъ имъ проектѣ штата для сего лицея, и по истеченіи трехъ лѣтъ внесъ на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ составленный по указаніямъ опыта проектъ штата демидовскаго юридическаго лицея. На основаніи вышеизложеннаго мнѣнія государственнаго совѣта трехлѣтній срокъ временному уставу и штату демидовскаго юридическаго лицея исполнится 3 іюля сего года; но г. министръ народнаго просвѣщенія, принимая во вниманіе, что лицей этотъ, по независѣвшимъ отъ министерства обстоятельствамъ, открытъ былъ только 30 августа 1870 года, а слѣдовательно временные уставъ и штатъ сего лицея введены въ дѣйствіе только около года, каковаго срока для примѣненія оныхъ на практикѣ крайне не достаточно, имѣлъ счастіе всеподданнѣйше исп-

рашивать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на считаніе трехлѣтняго срока временнымъ уставу и штату демидовскаго юридическаго лицея не со дня Высочайшаго разсмотрѣнія проекта устава лицея, а со дня открытія лицея, т. е. съ 30 августа 1870 года, съ тѣмъ чтобы министръ народнаго просвѣщенія внесъ временные уставъ и штатъ сего лицея, законодательнымъ порядкомъ, на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе оныхъ въ государственный совѣтъ къ 30 августа 1873 года. Государь Императоръ, въ 9-й день сего іюня, Высочайше на сіе соизволилъ. О Высочайшемъ повелѣніи этомъ, вслѣдствіе предложенія г. министра отъ 12 минувшаго іюня за № 5756, имѣю честь сообщить Вашему Высокоблагородію. Опредѣлили: Записавъ объ этомъ въ протоколъ, принять настоящее Высочайшее повелѣніе къ исполненію.

11-го сентября. Разсматривали прошенія студентовъ о выдачѣ стипендій и сообразивъ относительное достоинство ихъ по оказаннымъ успѣхамъ и поведенію, Опредѣлили: 1, 20-ть казенныхъ стипендій распредѣлить между студентами слѣдующимъ образомъ, назначивъ оныя съ 26-го Іюня: *Розову* Павлу 2-го курса, *Куницыну* Николаю 2-го курса, *Свидерскому* Іосифу 2-го курса, *Розову* Николаю 2-го курса, *Лебедеву* Василію 2-го курса, *Добротину* Арсенію 2-го курса, *Колькольцеву* Лавру 2-го курса и *Лилееву* Михаилу 2-го курса; съ 1-го августа: *Орлову* Дмитрію 2-го курса, *Грузинцеву* Константину 2-го курса и *Казанскому* Александру 2-го курса; съ 15-го Августа: *Талантову* Александру 2-го курса, *Лебедеву* Александру 2-го курса, *Знаменскому* Алексѣю 2-го курса, *Ульяновскому* Василью 2-го курса, *Халуйскому* Виктору 2-го курса, *Минервину* Василью 1-го курса, *Дмитріевскому* Ѳедору 1-го курса, *Волковичъ* Дмитрію

1-го курса и *Массальскому* Ивану 1-го курса; 2, Болдыревскую стипендію предоставить съ 1-го сентября студенту-2го курса *Щеголеву* Петру; за тѣмъ 3, имѣя въ виду, что на стипендіи ярославскаго дворянства получается въ годъ процентовъ 1114 руб. 52 коп., которые до настоящаго времени дѣлились между пятью студентами и принимая во вниманіе вообще малое число стипендій въ лицеѣ, обратиться къ г. ярославскому губернскому предводителю дворянства съ просьбой о дозволеніи распредѣлить сказанную выше сумму между шестью студентами, выдавая пятерымъ по 200 руб. и одному остальные 114 руб. 52 коп., при чемъ просить г. предводителя дворянства оставить стипендіатами и на наступившій учебный годъ студентовъ 2-го курса: *Протопопова* Петра и *Уткина* Петра и назначить вновь съ 1-го сего сентября на настоящій учебный годъ стипендіи студентамъ 1-го курса: *Мартынову* Николаю и *Слонову* Александру и шестую стипендію въ 114 руб. 52 коп. студенту 2-го курса *Надѣинскому* Павлу. О назначеніи же пятой въ 200 руб. дворянской стипендіи имѣть разсужденіе по полученіи на то согласія отъ г. предводителя дворянства.

30-го сентября. Слушали: 1, Прошеніе бывшаго студента московскаго университета 2-го курса Алекѣя *Алякринскаго*, коимъ проситъ о принятіи его въ Студенты сего лицея, заявляя при этомъ, что документы его находятся въ московскомъ университетѣ, ректору котораго отъ 6-го сего сентября за № 774, и былъ посланъ лицеемъ запросъ о поведеніи г. Алякринскаго и о высылкѣ принадлежащихъ ему документовъ, на что и полученъ уже одобрительный отзывъ отъ 29-го сентября же за № 2286, при которомъ присланы и документы г. Алякринскаго съ просьбой о взысканіи съ него 1 руб.

5 коп. за напечатаніе свидѣтельства о бытности его студентомъ университета. Совѣтъ лицея, по разсмотрѣніи документовъ г. Алякринскаго, Опредѣлилъ: Зачислить его въ студенты лицея на 2-й курсъ, о чемъ ему и объявить, равно какъ и о взысканіи съ него 1 руб. 5 коп., а г. ректора московскаго университета о полученіи документовъ увѣдомить, препроводя къ нему 1 руб. 5., по взысканіи оныхъ съ Г. Алякринскаго.

2, Предложеніе г. директора лицея, коимъ онъ, въ видахъ пополненія студентскаго отдѣла библіотеки, проситъ совѣтъ лицея принять отъ него въ даръ для означеннаго отдѣла книги въ 40 названіяхъ и 60-ти томахъ. Опредѣлили: Поименованныя выше книги принять и сдать въ библіотеку лицея, а жертвователю заявить признательность совѣта лицея.

8-го октября. Слушали: Три прошенія—отъ бывшаго студента Императорскаго варшавскаго университета 1-го курса юридическаго факультета Константина *Бакѣева* и два отъ Студентовъ 1-го же курса Лицея князя Безбородко Николая *Васьянова* и Степана *Давидовичъ* о принятіи ихъ въ студенты демидовскаго юридическаго лицея. Совѣтъ лицея, по разсмотрѣніи документовъ этихъ лицъ, Опредѣлилъ: Зачислить Гг. Бакѣева, Васьянова и Давидовичъ въ студенты лицея на 1-й курсъ, о чемъ имъ и объявить, увѣдомивъ директора лицея князя Безбородко о полученіи въ демидовскомъ лицеѣ документовъ Васьянова и Давидовичъ, присланныхъ при отношеніяхъ отъ 28-го минувшаго сентября за № 384 и 5-го сего октября за № 399.

9-го октября. Слушали: 1, Прошенія бывшихъ студентовъ 2-го курса университетовъ: харьковскаго Александра *Гейцыга* и московскаго Евстафія *Кишкина*, о при-

нятіи ихъ на 2-й же курсъ демидовскаго юридическаго лицея. Совѣтъ лицея, по разсмотрѣніи документовъ этихъ лицъ, Опредѣлилъ: зачислить Гейцыга и Кишкина на 2-й курсъ лицея, о чемъ и объявить имъ.

2. Вслѣдствіе прошеній о принятіи въ число студентовъ лицея на 1-й курсъ и на основаніи произведенныхъ совѣтомъ дополнительныхъ повѣрочныхъ испытаній по русскому и латинскому языкамъ и по Всеобщей и Русской исторіи, Опредѣлили: Принять въ студенты лицея: *Алиханова* Степана, *Апеллесова* Павла, *Валединскаго* Григорья, *Воскресенскаго* Александра, *Люминарскаго* Николая, *Миловидова* Александра, *Соколова* Сергѣя, *Святухина* Алексѣя, *Россова* Ивана, *Глаголева* Ивана.

29 октября. Слушали: Предложеніе г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 20 сего октября за № 4013 слѣдующаго содержанія: Г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ отъ 9 сего октября за № 9540 увѣдомилъ меня, что вслѣдствіе представленія моего, сдѣлано имъ распоряженіе о внесеніи въ проектъ Высочайшаго приказа по министерству народнаго просвѣщенія о командированіи кандидата московскаго университета, стипендіата демидовскаго юридическаго лицея, Михаила *Духовскаго* за границу съ ученою цѣлію, срокомъ на одинъ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по воспослѣдованіи Высочайшаго приказа на командированіе Духовскаго за границу, онъ, г. министръ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, изложеннаго въ предложеніи его отъ 12 ноября 1870 года за № 10.643 разрѣшаетъ выдать г. Духовскому на содержаніе 500 руб., а заисключеніемъ изъ нихъ 150 руб. полученныхъ имъ въ званіи стипендіата за послѣдніе три мѣсяца сего года, остальные 350 руб. изъ остатковъ отъ личнаго состава демидовскаго юридическаго лицея, остальные же за тѣмъ 1500 руб. призналъ возможнымъ назначить ему

изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, каковые деньги и будутъ переведены департаментомъ народнаго просвѣщенія изъ главнаго въ ярославское губернское казначейство, для причисленія оныхъ къ спеціальнымъ средствамъ демидовскаго юридическаго лицея и выдачи за тѣмъ г. Духовскому по требованіямъ правленія лицея, по мѣрѣ надобности. Сообщая объ этомъ вашему превосходительству, въ отвѣтъ на представленіе ваше отъ 22 минувшаго сентября за № 30, къ надлежащему исполненію, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Г. М, согласно предложенію г. министра, обязать подпискою магистранта Духовскаго, чтобы онъ приготовлялся за границею къ обязательному для него занятію каѳедры уголовнаго права въ демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, по возвращеніи изъ заграничной командировки. Опредѣлили: Настоящее предложеніе принять къ свѣденію, о чемъ и записать въ протоколъ; для сдѣланія же распоряженія о выдачѣ г. Духовскому причитающейся суммы передать слушаемое предложеніе въ правленіе лицея.

1-го ноября. 1, Обсуждали предложенный директоромъ лицея вопросъ о томъ, какому способу преподаванія юридическихъ наукъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе и отъ какого изъ нихъ можно ожидать наибольшихъ успѣховъ. По всестороннемъ обсужденіи предмета, всѣ преподаватели лицея пришли къ единогласному заключенію относительно возбужденныхъ въ засѣданіи вопросовъ, и Опредѣлили: Признавая полезнымъ сдѣлать извѣстнымъ взглядъ учебной корпораціи демидовскаго юридическаго лицея по столь важному предмету, просить директора принять на себя редакцію всѣхъ мотивовъ и заключеній, высказанныхъ въ настоящемъ засѣданіи, за тѣмъ по одобреніи составленной имъ редакціи, внести оную въ журналъ совѣта.

2, Директоръ заявилъ, что въ теченіи первыхъ двухъ

мѣсяцевъ учебнаго года количество прочитанныхъ и пропущенныхъ преподавателями лицея лекцій было слѣдующее:

Дирек. орд. пр. Капустинъ	прочиталъ	45	пропущ. 2
Экстраорд. проф. Нелидовъ	— —	27	— — 7
Экстраорд. пр. Владимірскій	—Будановъ—	27	— — 5
Испр. дол. доц. Ворошиловъ	— —	20	— — 8
Испр. дол. доц. Карасевичъ	— —	28	— — 1
Препод. Ковалевъ	— — — —	21	— — »
Законоуч. Лавровъ	— — — —	21	— — »

Всѣ пропущенныя лекціи не были читаны по причинѣ болѣзни профессоровъ, за исключеніемъ двухъ лекцій экстраорд. проф. Нелидова, которые пропущены имъ по нахожденію въ отпуску. Опредѣлили: записать о семъ въ журналъ.

3, Директоръ предложилъ гг. преподавателямъ избрать и назначить, кому произнести рѣчь на актѣ лицея 30 августа 1872 года. Опредѣлили: просить экстраорд. профессора Н. К. Нелидова приготовить рѣчь для публичнаго собранія 30 августа 1872 года и произнести оную, — а такъ какъ профессоръ Нелидовъ изъявилъ свое согласіе на сдѣланное ему отъ совѣта предложеніе, то записать о семъ въ журналъ.

5-го ноября. Слушали: 1, Составленную директоромъ редакцію мотивовъ и заключеній по вопросу о наилучшемъ способѣ преподаванія юридическихъ наукъ въ лицеѣ слѣдующаго содержанія:

Устное изложеніе составляетъ безспорно основную форму въ которой профессоръ передаетъ студентамъ научныя свѣдѣнія. Важное и ни чѣмъ не замѣнимое значеніе лекцій не подлежитъ сомнѣнію,-и потому возможенъ только вопросъ относительно тѣхъ мѣръ, которыя содѣйствуютъ наиболѣе успѣшному усвоенію лекцій слушателями.

Въ ряду этихъ мѣръ на первомъ мѣстѣ должно поставить записываніе лекцій.

Живая устная рѣчь не тождественна съ литературно-обработаннымъ трактатомъ. Ея форма создается при самомъ изложеніи, на кафедрѣ, такъ сказать при участіи всей аудиторіи. Это участіе выражается въ томъ, что студенты, внимательно слѣдя за словомъ профессора, запечатлѣваютъ его въ своей памяти посредствомъ письменныхъ замѣтокъ. Преподаватель передаетъ аудиторіи научный матеріалъ въ томъ размѣрѣ, даже въ той формѣ, въ какой аудиторія способна воспринять и дѣйствительно усвоиваетъ излагаемое предъ нею. Признакомъ такого воспринятія, единственно вѣрнымъ, равно какъ выраженіемъ постоянной связи преподавателя съ слушателями, можетъ служить только ихъ совмѣстный трудъ. Видя передъ собою не роботающаго студента, а лишъ болѣе или менѣе любознательнаго диллетанта, профессоръ не имѣетъ мѣрки для того, чтобы видѣть въ какой степени его лекція оказывается плодотворною, какое дѣйствіе она производитъ, на сколько расширяетъ умственный горизонтъ слушателей. Базъ совмѣстнаго труда аудиторія теряетъ свой истинный характеръ и превращается въ театральную сцену. Ничего не можитъ быть безотраднѣе положенія профессора, который стоитъ лицемъ къ лицу съ людьми, собравшимися только ради внѣшняго исполненія обязаности, какъ бы по принужденію. Невольно теряется энергія преподавателя, который принужденъ читать передъ слушателями, не принающими участія въ его трудѣ, ожидающими развлеченія, а не серіознаго знанія.

Студентъ, слушающій, но незаписывающій лекцій, лишаетъ себя весьма важныхъ преимуществъ. Онъ ограничивается только внѣшнимъ впечатлѣніемъ слова, не воспринимаетъ знанія, потому что оставляетъ умъ свой въ бездѣй

Петербургский государственный университет
БИБЛИОТЕ

ствіи, онъ постоянно теряетъ ту связь изложенія, которую профессоръ, вполнѣ владѣющій предметомъ, считаетъ нужнымъ напередъ обозначить для себя въ формѣ написаннаго конспекта лекціи; наконецъ слушатель, остающійся праздным во время лекціи, не имѣетъ возможности дать себѣ отчетъ въ томъ, способенъ ли онъ выполнить задачи высшаго образованія въ избранной имъ спеціальности. Записываніе есть трудъ въ высшей степени плодотворный и облегчающій студенту усвоеніе науки. Кто легкомысленно ставитъ себѣ цѣлью облегченіе отъ умственнаго труда, тотъ осуждаетъ себя на болѣе утомительную работу механическаго изученія предмета по чужимъ запискамъ: время потерянной самодѣятельности невозвратимо, и отсутствіе свободнаго труда въ аудиторіи искупается потомъ заучиваніемъ, не свойственнымъ воспитаннику высшаго учебнаго заведенія.

Записываніе лекцій есть лучшій пробный камень способности студента, его умѣнья слѣдить за ходомъ мыслей преподавателя, отличать поясненія и амплификаціи отъ основныхъ положеній и выводовъ. Не воспитавъ въ себѣ этой способности, студентъ никогда не достигнетъ надлежащей умственной зрѣлости и останется всегда на степени пассивнаго отношенія къ лекціи.

Нельзя поэтому не видѣть печальнаго признака умственной незрѣлости студентовъ, если они обращаются къ литографированнымъ запискамъ и если профессора поставлены въ необходимость снизойти къ такому невысокому уровню своихъ слушателей.

Лекціи могутъ быть приготовляемы для литографіи или студентами, или самими профессорами. Въ обоихъ случаяхъ литографированіе ихъ вредно.

Существуетъ огромная разница между тѣмъ, какъ студентъ записываетъ лекціи для себя и какъ онъ старается

воспроизвести ихъ для литографіи. Въ первомъ случаѣ онъ работаетъ, усвоиваетъ себѣ мысль профессора, придаетъ ей своеобразное выраженіе; во второмъ—онъ заботится только о томъ, чтобы буквально воспроизвести все сказанное профессоромъ, безсознательно относясь къ каждому его слову. Стенографъ-слушатель не призванъ и не способенъ сдѣлаться посредникомъ между профессоромъ и студентами, онъ не въ правѣ измѣнить ни одного выраженія, а обязанъ механически воспроизвести каждую лекцію.

Исправленіе стенографированной такимъ образомъ лекціи представляетъ для профессора тяжелый и не благодарный трудъ. Лекція не есть только чтеніе, но живое слово получающее извѣстную форму въ моментъ его передачи. Нерѣдко, напримѣръ, недоумѣвающій взглядъ студента заставляетъ профессора повторить свою мысль, остановиться на подробностяхъ; которыя, при другихъ условіяхъ, онъ счелъ бы излишними; на лекціяхъ отпечатлѣвается вся разнообразная обстановка, при которой онѣ произносятся. Литографія, напротивъ, придаетъ неподвижность внѣшней формѣ чтеній, которой профессоръ не приписываетъ абсолютной важности и относительно которой ему необходима полная свобода; иронія, даже шутка иногда весьма умѣстна въ аудиторіи, но производитъ странное впечатлѣніе въ литографіи. По этому исправить стенографически воспроивведенную лекцію значитъ вновь написать ее отъ начала до конца.

Обращаясь къ составленію лекцій самими профессорами и къ ихъ литографированію, нельзя признать подобный трудъ полезнымъ. Не говоря о безплодной работѣ, чисто механической, литографированіе окажетъ неизбѣжно вредное вліяніе на живое слово профессора. Непремѣннымъ послѣдствіемъ его будетъ или странная двойственность между изложеніемъ устнымъ и письменнымъ, или же то, что преподаваніе превратится въ прочтеніе написаннаго въ кабинетѣ безъ всякаго отношенія къ аудиторіи; лекціи поте-

ряли бы всю свою живость и подвижность и сдѣлались бы почти механическимъ воспроизведеніемъ написаннаго заранѣе.

Но признавая всѣ невыгоды литографированія, низводящаго разумное воспринятіе науки на степень механическаго заучиванія, недостойнаго воспитанниковъ высшаго учебнаго заведенія,-преподаватели имѣютъ возможность оказать помощь слушателямъ, еще неопытнымъ, непривыкшимъ записывать, но старающимся воспользоваться всѣми выгодами умственнаго труда.

Для этаго существуютъ два средства. Во первыхъ профессоръ можетъ при изложеніи останавливаться на основныхъ положеніяхъ своей лекціи и не только-если можно такъ выразиться—подчеркивать ихъ въ своей устной рѣчи, но даже продиктовать ихъ, придавая такимъ положеніямъ внѣшнюю систематическою форму, т. е. раздѣляя ихъ на параграфы, главы, отдѣлы и т. п. Такой способъ изложенія имѣетъ свою хорошую сторону: студентъ, по указанію профессора, слѣдитъ за общею связью цѣлаго курса и получаетъ готовые афоризмы, съ которыми въ его умѣ соединяются выслушанныя имъ подробности и которые онъ пополняетъ своими замѣтками. Но диктованіе чрезвычайно утомительно для профессора: онъ долженъ переходить постоянно отъ живаго слова къ диктовкѣ и его лекція дѣлается въ одно время и текстомъ, и комментаріемъ, что лишаетъ ее единства.

Неудобства этого способа изложенія могутъ быть устранены, если профессоръ напередъ составитъ конспектъ своего курса или подробную программу его, въ которой заключались бы основныя опредѣленія, числовыя данныя, собственныя имена, цитаты приводимыя преподавателемъ (особенно на иностранныхъ языкахъ), названіе источниковъ и литературныхъ пособій и том. под. Имѣя у себя пе-

редъ глазами подобный конспектъ и даже ознакомившись съ нимъ заранѣе, студентъ легко слѣдилъ бы за лекціею; остовъ конспекта оживалъ бы для него въ словѣ преподавателя и въ этомъ видѣ удерживался бы въ памяти при посредствѣ письменныхъ замѣтокъ.

Составленіе конспектовъ, давая студентамъ достойное ихъ положенію руководство, полезно и преподавателямъ. При готовомъ конспектѣ каждый изъ нихъ можетъ соразмѣрить находящееся въ его распоряженіи время съ объемомъ предмета, заключить полный его курсъ въ теченіи года и видѣть, сколько пройдено и сколько остается пройти. Несомнѣнно, что отъ профессора требуется много труда для составленія конспекта, а потому невозможно напередъ обязаться срочнымъ исполненіемъ такой работы; но необходимо постоянно имѣть ее въ виду, а до тѣхъ поръ, пока она не будетъ выполнена, полезно восполнять недостатокъ конспекта диктованіемъ главныхъ положеній и вообще того, что должно войти въ составъ конспекта.

Конспекты не исключаютъ, конечно, литературной обработки всей науки или нѣкоторыхъ отдѣловъ ея; напротивъ, эта послѣдняя дѣлаетъ излишними конспекты. Но обработанные и напечатанные отдѣлы науки должны входить въ составъ чтеній профессора. Конечно, былобы желательно, чтобы профессоръ могъ отсылать студентовъ къ своей литературной работѣ и останавливаться въ своихъ лекціяхъ на вопросахъ мало еще разъясненныхъ. Но принимая съ одной стороны непрерывность и значительное число лекцій, выслушиваемыхъ студентомъ, съ другой-неопредѣленность объема тѣхъ отдѣловъ, которые преподаватель успѣетъ обработать окончательно, необходимо держаться одного способа преподаванія для всего курса.

При всемъ важномъ значеніи лекцій, ими однако не исчерпываются всѣ способы преподаванія, свойственны

высшему учебному заведенію. Къ нимъ слѣдуетъ еще присоединить практическія занятія.

Подъ практикою слѣдуетъ разумѣть не обрядовую и внѣшнюю, а практику академическую, состоящую въ умѣніи пользоваться источниками и литературными пособіями. Такого рода умѣнье даетъ новыя силы для самостоятельнаго труда учащихся. Тотъ не заслуживаетъ названія ученаго юриста, кто не умѣетъ обращаться съ источниками, толково читать ихъ и находить въ нихъ отвѣты на научные вопросы. Весь обширный матеріялъ юридическихъ наукъ не можетъ быть переданъ на лекціяхъ; существующее ограниченіе академическаго курса четырьмя годами лишаетъ возможности излагать всѣ отдѣлы науки въ полной подробности, особенно при значительномъ количествѣ предметовъ преподаванія. А между тѣмъ необходимо, чтобы студенты усвоили себѣ правильный методъ занятій, научились критически относиться къ источникамъ и литературпредмета. Это достигается посредствомъ спеціальныхъ курѣсовъ и работы студентовъ надъ источниками, подъ руководствомъ преподавателей.

Чтеніе источниковъ или юридическихъ памятниковъ составляетъ поэтому существенную часть преподаванія, а также лучшій матеріалъ для практическихъ занятій студентовъ, хотя не каждая наука представляетъ въ этомъ отношеніи одинаково богатый матеріалъ, доступный всѣмъ учащимся. Памятники русскаго права, corpus juris civilis по возможности важнѣйшіе акты иностранные должны быть предметомъ чтенія и объясненія. При этомъ чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ болѣе научнаго матеріала онъ представляетъ; во всякомъ случаѣ экзегезъ памятника долженъ касаться его исторической и догматической стороны.

Изученіе (штудированіе) литературныхъ юридическихъ сочиненій представляетъ также несомнѣнную пользу. Огра-

ничиваясь немногими по числу книгами, но читая ихъ внимательно, студентъ пріучается овладѣвать мыслями автора и, если не всегда способенъ отнестись къ нимъ критически, то всегда разширяетъ свой взглядъ на предметъ, уже извѣстный ему изъ устнаго преподаванія. Лучшимъ доказательствомъ того, что студентъ усвоилъ прочитанное, служитъ письменное изложеніе содержанія книги. Необходимо поэтому требовать отъ каждаго студента подобнаго изложенія. Письменная работа дастъ возможность судить о степени развитія студента, объ его способности къ умственному труду и о дѣйствительно употребленномъ трудѣ.

Вообще такъ-называемыя студентскія сочиненія не суть ученыя изслѣдованія, представляющія разработку новыхъ вопросовъ, а лишь академическія упражненія, которыя способенъ и обязанъ исполнить каждый воспитанникъ спеціальной академіи. Они требуютъ не особеннаго таланта, а лишь добросовѣстнаго труда и элементарнымъ юридическимъ свѣдѣній.

На этомъ основаніи, наравнѣ съ изложеніемъ содержанія прочитанной книги или юридическаго памятника слѣдуетъ поставить переводы классическихъ юридическихъ сочиненій. Богатство иностранной литературы по всѣмъ отраслямъ права заставляетъ желать, чтобы студенты открыли себѣ доступъ къ пользованію капитальными трудами иностранныхъ ученыхъ въ подлинникѣ и овладѣли знаніемъ юридическихъ терминовъ. Переводы имѣютъ послѣдствіемъ изученіе не одного языка, но также изученіе права; они пріучаютъ къ усвоенію мыслей автора, а потому служатъ весьма полезными академическими упражненіями.

Наконецъ изложеніе всего курса лекцій по какому либо предмету представляетъ собою также академическій трудъ, вполнѣ удовлетворяющій тѣмъ цѣлямъ, которыя

имѣется въ виду достигнуть практическими упражненіями студентовъ. Кто умѣетъ не механически, а сознательно воспроизвести выслушанный имъ курсъ, тотъ вполнѣ доказываетъ, что онъ стоитъ на той ступени развитія, которая предполагается въ воспитанникѣ высшей спеціальной школы.

Къ этому слѣдуетъ присоединить еще одинъ видъ академическихъ занятій, весьма важный въ дѣлѣ преподаванія. Если лекціи составляютъ главную форму академическаго ученія, то необходимо, чтобы преподаватель находился въ постоянномъ научномъ отношеніи съ студентами, чтобъ онъ могъ дать себѣ отчетъ въ томъ, на сколько студенты поняли изложенное имъ и что осталось для нихъ невполнѣ яснымъ. Средствомъ для этого могутъ служить конспекты или изложеніе лекцій студентомъ, по назначенію преподавателя. Чтобы эти записанныя студентомъ лекціи принесли всю ожидаемую отъ нихъ пользу, весьма важно прочтеніе ихъ предъ цѣлою аудиторіею самимъ профессоромъ или въ присутствіи его-студентомъ. При такомъ чтеніи преподаватель останавливается на замѣченныхъ имъ неправильностяхъ, разъясняетъ ихъ и отыскиваетъ источникъ и причину невѣрнаго пониманія сказаннаго. И здѣсь также наиболѣе плодотворнымъ можетъ оказаться совмѣстное участіе всѣхъ слушателей; при помощи высказываемыхъ ими недоразумѣній, неясный для нихъ вопросъ подвергнется всестороннему обсужденію, останется въ памяти студентовъ и положатся прочныя основы пониманію науки.

Въ каждой наукѣ существуютъ такія капитальныя понятія, отъ правильнаго усвоенія которыхъ зависитъ успѣхъ дальнѣйшаго изученія предмета. Оставлять ихъ безъ разъясненія, не имѣть увѣренности, что студенты вполнѣ овладѣли этими понятіями значитъ образовывать и упрочивать недоразумѣнія и увеличивать безъ всякой пользы трудъ профессоровъ и студентовъ; безъ взаимнаго пониманія ос-

новныхъ началъ и исходныхъ точекъ невозможна бесѣда о подробностяхъ.

По выслушаніи вышеписанной редакціи, совѣтъ, при участіи всѣхъ преподавателей лицея, одобривъ оную во всѣхъ подробностяхъ, призналъ, что всѣ мнѣнія учебной корпорціи лицея выражены въ ней вполнѣ и правильно; а потому Опредѣлили: внести составленную директоромъ лицея редакцію мнѣній и заключеній въ журналъ и, по полученіи на то законнаго разрѣшенія, напечатать во *Временникѣ* Лицея.

2) Прошеніе студентовъ 1-го курса лицея князя Безбородко *Андреева* Василья, *Давидовича* Степана и *Середина* Филиппа и студента 2-го курса с.-петербургской медико-хирургической академіи *Беллерта* Николая о принятіи ихъ на 1-й курсъ демидовскаго юридическаго лицея. Совѣтъ лицея, по разсмотрѣніи документовъ этихъ лицъ, и основываясь на заявленіи директора лицея объ удовлетворительныхъ отзывахъ подлежащихъ начальствъ о поведеніи означенныхъ студентовъ, Опредѣлилъ: зачислить Гг. Андреева, Середина и Беллерта въ студенты лицея на 1-й курсъ, о чемъ имъ и объявить, увѣдомивъ директора лицея князя Безбородко о полученіи въ демидовскомъ лицеѣ документовъ Андреева, Давидовича и Середина, присланныхъ при отношеніи отъ 28 минувшаго октября за № 445.

3) Рапортъ завѣдывающаго библіотекой лицея г. Балкашина отъ 1 ноября за № 10, слѣдующаго содержанія: принимая во вниманіе, что московская контора книжной и газетной торговли г-жи Олениной имѣетъ въ Ярославлѣ своего агента, который могъ бы доставлять въ лицей выписываемыя для библіотеки книги и получать за нихъ разсчетъ въ самомъ лицеѣ, вслѣдствіе чего сократились бы расходы лицея и переписка относительно пе-

ресылки денегъ за книги по почтѣ, входилъ онъ въ сношеніе съ означенною конторою, упомянувъ притомъ, что лицей выписывалъ бы чрезъ ея посредство также газеты и журналы, если бы она приняла на себя отвѣтственность за своевременную доставку ихъ, обязанность взыскивать съ редакцій деньги и возвращать ихъ въ лицей, въ случаѣ прекращенія изданій газетъ и журналовъ ранѣе подписнаго срока. Получивъ сообщеніе конторы съ изъясненіемъ ея условій, согласныхъ со смысломъ вышеположенныхъ соображеній, завѣдывающій библіотекой представляетъ означенное сообщеніе на распоряженіе. Контора Олениной принимаетъ на себя доставку въ лицей журналовъ, книгъ и газетъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Доставку въ лицей русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ, съ тѣмъ чтобы плата за выписываемые лицеемъ газеты и журналы была учинена за годъ впередъ и деньги, по опубликованнымъ редакціями цѣнамъ съ доставкою, были выданы лицеемъ ярославскому агенту конторы, снабженному ея довѣренностью. Въ случаѣ пріостановки какой либо газеты или журнала по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ или суда, при чемъ деньги за нихъ невозвращаются, а засчитываются на срокъ возобновленія выхода, контора никакой отвѣтственности на себя непринимаетъ. Но если бы изданіе какой либо газеты или журнала прекратилось само собою ранѣе подписнаго срока, тогда контора обязуется, по вытребованіи возвращаемыхъ за нихъ по разсчету денегъ представить эти деньги чрезъ своего агента обратно въ лицей. За тѣмъ ярославскій агентъ конторы будетъ доставлять въ лицей выписанные имъ журналы и газеты не позднѣе почты. 2) Доставку требуемыхъ лицеемъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, имѣющихся въ продажѣ въ Москвѣ въ теченіи 3—4 дней, а въ Петербургѣ 5—6. Если лицей пожелаетъ, то книги будутъ присылаемы въ переплетахъ

за особую плату. Книги будутъ доставляться въ лицей агентомъ конторы при счетѣ по опубликованнымъ цѣнамъ безъ платы за провозку ихъ, и слѣдующія за нихъ деньги агентъ конторы имѣетъ получать въ лицеѣ. За тѣмъ о книгахъ, требуемыхъ лицеемъ, но неоказывающихся въ продажѣ, будетъ сообщаться библіотекѣ лицея особо. 3. Относительно пріисканія старыхъ книгъ контора не можетъ принимать на себя никакихъ обязательствъ, но не отказывается поручать своимъ агентамъ въ разныхъ городахъ пріискивать старыя книги для лицея и въ случаѣ, если такія книги найдутся, доставлять ихъ въ лицей тѣмъ порядкомъ какъ и новѣйшія сочиненія. Если же цѣны за нихъ будутъ слишкомъ высоки, то сообщать о томъ библіотекѣ лицея заранѣе. Совѣтъ лицея находя изложенныя въ сообщеніи конторы книжной и газетной торговли Олениной условія для лицея удобными и для казны выгодными, Опредѣлилъ: Выписку русскихъ журналовъ и газетъ на будущій 1872 годъ произвести чрезъ контору Олениной и къ ней же, смотря по надобности, обращаться при выпискѣ русскихъ преимущественно старыхъ книгъ, которыя не находятся въ продажѣ.

15-го ноября. Слушали: 1. Прошеніе окончившаго курсъ въ общихъ классахъ костромской духовной семинаріи Николая *Городкова* о принятіи его въ число студентовъ демидовскаго юридическаго лицея. Принимая въ соображеніе, что Городковъ опоздалъ подачею прошенія не по своей винѣ, а по причинѣ позднихъ экзаменовъ, окончившихся въ Костромѣ, вслѣдствіе эпидеміи, лишь въ октябрѣ мѣсяцѣ, Опредѣлили: подвергнуть Городкова повѣрочному испытанію (что исполнено) и принять въ число студентовъ.

2. Директоръ лицея представилъ именной списокъ студентовъ, выбывшихъ изъ лицея съ начала академическа-

го года, а именно: 1) студенты *2-го курса Доброхотовъ* Дмитрій, *Звѣревъ* Николай, *Винниченко* Евгеній, *Воробьевъ* Иванъ, *Зобнинскій* Анатолій, *Ошанинъ* Николай, *Перро* Рене, *Писемскій* Константинъ, *Протасовъ* Иванъ, *Стратилатовъ* Николай, *Тихонравовъ* Дмитрій, *Тяжеловъ* Николай, *Мауринъ* Иванъ, и *Сутовичъ* Альфонсъ перешли въ московскій университетъ; *Пальминъ* Иванъ и *Георгіевскій* Василій,—въ с.петербургскій университетъ; *Рубановъ* Ефимъ—въ харьковскій университетъ; *Степановъ* Петръ, *Эдельштейнъ Самарій*-уволены по домашнимъ обстоятельствамъ; и 2) студенты 1-го курса, оставшіеся на томъ же курсѣ вторично: *Загорскій* Петръ, *Романовскій* Павелъ, *Цыркуненко* Владиміръ, *Чеботаревъ* Дмитрій,— въ Московскій университетъ; *Дроздовъ* Александръ *Розовъ* Александръ, *Мураховскій* Семенъ въ с.-петербургкій университетъ; *Голосовъ* Михаилъ, *Колусовскій* Владиміръ, ,*Крыловскій* Михаилъ, *Третьяковъ* Николай, и *Срѣтенскій* Леонидъ, по домашнимъ обстоятельствамъ. Изъ вновь поступившихъ на 1-й курсъ студенты *Сахаровъ* Дмитрій, *Аристовъ* Александръ, *Коневскій* Алексѣй, *Рослякевъ* Николай, *Морозовъ* Николай, *Малининъ* Сергѣй перешли въ московскій университетъ; *Колпенскій*—Аркадій въ с.-перербургскій университетъ; *Мураховскій* Михаилъ, и *Нахимовъ* Сергѣй уволены по домашнимъ обстоятельствамъ. Опредѣлили: всѣхъ поименованныхъ студентовъ считать уволенными и исключить изъ списковъ.

29-го ноября. Слушали: Предложеніе г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 24 сего ноября за № 4528, на имя г. директора лицея, слѣдующаго содержанія: Г. министръ народнаго просвѣщенія, къ которому я, согласно ходатайству вашего превосходительства отъ 12 и 20 чиселъ минувшаго октября за № 41 и 45, входилъ съ представленіемъ объ утвержденіи магистра

гражданскаго права *Дювернуа* экстра-ординарнымъ профессоромъ демидовскаго юридическаго лицея, предложеніемъ отъ 13 сего ноября за № 10.934, увѣдомилъ меня, что вслѣдствіе того представленія и на основаніи Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго лицею предложеніемъ управляющаго московскимъ учебнымъ округомъ отъ 5 іюня 1869 года за № 2015, онъ утверждаетъ г. Дювернуа исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора лицея по каѳедрѣ римскаго права, съ 23 октября сего 1871 года, о чемъ, вслѣдъ за симъ, и будетъ внесено въ приказъ по министерству народнаго просвѣщенія. Опредѣлили: Записать о семъ въ протоколъ настоящаго засѣданія и внести въ формуляръ г. Дювернуа статью о назначеніи его исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора лицея.

10 декабря Слушали: 1) Предложеніе господина директора сего лицея, коимъ онъ проситъ совѣтъ принять отъ него въ даръ библіотекѣ лицея книги въ 55 названіяхъ, изъ нихъ 53 для студентской библіотеки остальныя два названія для главной Опредѣлили: принять книги и сдать въ библіотеку лицея, а жертвователю изъявить признательность совѣта лицея.

2) Рапортъ завѣдывающаго библіотекой г. Балкашина, при которомъ онъ представилъ книги заключащіеся въ 31 названіи и нѣсколько журналовъ, пожертвованныхъ для библіотеки лицея ярославскимъ помѣщикомъ Трушинскимъ Опредѣлили: благодарить жертвователя и книги внести въ инвентарь.

3) Рапортъ завѣдующаго библіотекой г. Балкашина коимъ доноситъ, что господиномъ профессоромъ лицея Нелидовымъ пожертвованы для библіотеки книги въ 4 названіяхъ. Опредѣлили: книги записать въ библіотечный инвентарь и жертвователя благодарить.

4) Предложеніе г. Попечителя мовсковскаго учебнаго округа отъ 27 ноября за № 4631 слѣдующаго содержанія: Г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія отъ 17 ноября за № 11134, увѣдомилъ меня, что, вслѣдствіе представленія моего, сдѣлано имъ распоряженіе по Департаменту народнаго просвѣщенія объ отправленіи по почтѣ, изъ сборовъ, предназначенныхъ на образованіе евреевъ, къ г. директору демидовскаго лицея въ Ярославлѣ двадцати пяти руб. съ уплатою страховыхъ денегъ за пересылку особо изъ тѣхъ же сборовъ, для выдачи въ единовременное пособіе студенту означеннаго лицея, изъ евреевъ, Якову *Линденбратену*. Опредѣлили: По полученіи изъ департамента денегъ передать на распоряженіе правленія лицея выдачу оныхъ студенту изъ евреевъ Якову Линденбратену.

5) Предложеніе г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 24 ноября за № 4527, слѣдующаго содержанія: Совѣтъ одного изъ нашихъ университетовъ, донося Министерству, чрезъ посредство начальства учебнаго округа, о результатахъ повѣрочныхъ испытаній, произведенныхъ въ томъ университетѣ, между прочимъ упомянулъ, что, по мнѣнію совѣта, преподаваніе латинскаго языка въ духовныхъ семинаріяхъ оказывается вообще неудовлетворительнымъ, такъ что относительно семинаристовъ испытательная коммисія сочла необходимымъ понизить уровень требованій; несмотря на это, изъ 62 воспитанниковъ духовныхъ семинарій 10 не выдержали испытанія. Совѣтъ министра народнаго просвѣщенія, по разсмотрѣніи вышеизложеннаго совмѣстно съ дѣломъ, находившимся также въ разсмотрѣніи совѣта, о допущеніи воспитанниковъ духовныхъ семинарій къ поступленію въ студенты университетовъ и о слитіи программъ семинарій съ гимназическими, между прочимъ пришелъ къ заключенію, что испытательнымъ универ-

ситетскимъ коммисіямъ при производствѣ повѣрочныхъ испытаній, на основаніи §§ 85 и 86 общ. уст. унив., ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставлено право понижать требованія по тѣмъ или другимъ предметамъ гимназическаго курса отъ желающихъ поступить въ студенты. Опредѣлили: настоящее распоряженіе совѣта министерства народнаго просвѣщенія принять къ исполненію, о чемъ и записать въ протоколъ настоящаго засѣданія

17 декабря. Слушали: Предложеніе г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 27 минувшаго ноября за № 4632, слѣдующаго содержанія: Г. министръ народнаго просвѣщенія отъ 20 ноября за № 11191 увѣдомилъ меня, что вслѣдствіе представленія моего и согласно ходатайству г. директора лицея сдѣлано имъ распоряженіе о внесеніи въ проектъ Высочайшаго приказа по министерству народнаго просвѣщенія о командированіи кандидата московскаго университета *Посникова* заграницу съ ученою цѣлью срокомъ на полтора года, считая съ перваго настоящаго декабря. Вмѣстѣ съ симъ гофмейстеръ графъ Толстой, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, изложеннаго въ предложеніи моемъ г. директору лицея отъ 20 ноября минувшаго года за № 4991, разрѣшаетъ, по воспослѣдованіи Высочайшаго приказа на командированіе г. Посникова заграницу, производить ему въ содержаніе по двѣ тысячи руб. сер. въ годъ, на счетъ остатковъ отъ суммы ассигнуемой на содержаніе личнаго состава демидовскаго юридическаго лицея. Опредѣлили: записать о семъ въ протоколъ настоящаго засѣданія и распоряженіе о производствѣ г. Посникову содержанія предоставить правленію лицея.

21 декабря. Директоръ заявилъ, что съ 1 ноября по 20 декабря число прочитанныхъ и пропущенныхъ преподавателями лекцій было слѣдующее:

Орд. проф. Капустинымъ	*прочитано*	47	*проп.* »
Экстраор. проф. Нелидовымъ	— — —	34	— »
— — — Владимірскимъ-Будановымъ		30	— 1
— — — Дювернуа	— — —	32	— »
Испр. дол. доц. Ворошиловымъ	— —	24	— 1
— — — Карасевичемъ	— —	27	— »
Преподавателемъ Ковалевымъ	— —	17	—
Законоучителемъ Лавровымъ	— — —	19	— »

Гг. Ворошиловъ и Ковалевъ не читали лекціи по болѣзни а г. Владимірскій-Будановъ по случаю засѣданія въ правленіи лицея. Опредѣлили: записать о семъ въ журналъ.

ОТЧЕТЪ

о состояніи демидовскаго юридическаго лицея въ Ярославлѣ.

за 1871 годъ.

I. СОСТАВЪ ЛИЦЕЯ.

А) СОСТАВЪ ЛИЦЕЙСКАГО КУРСА.

Демидовскій юридическій лицей, открытый 30 августа 1870 года, равно какъ и упраздненный въ отчетномъ году демидовскій лицей, на факультеты не дѣлятся. Въ юридическомъ лицеѣ, по Высочайше утвержденному 3 іюля 1868 года временному въ видѣ опыта на три года, уставу положены слѣдующія каѳедры (§ 6):

1) Энциклопедія права,

2) Исторія Русскаго права,

3) Римское право.

4) Государственное право,

5) Гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство,

6) Уголовное право, уголовное судоустройство и судопроизводство

7) Полицейское право,

8) Финансовое право,

9) Международное право,

10) Политическая экономія и статистика.

Сверхъ сего: Богословіе, Исторія русской литературы, Всеобщая исторія и языки нѣмецкій и французскій.

По уставу же демидовскаго лицея, закрытаго съ окончаніемъ прошедшаго учебнаго года, Высочайше утвержденному 22 ноября 1845 года, имѣлись въ немъ (§ 6) каѳедры:

1) Богословія (догматическаго и нравственнаго) и церковной исторіи;

2) Русской словесности (преимущественно практическія упражненія);

3) Чистой математики, политической ариѳметики и бухгалтеріи,

4) Физики и Химіи;

5) Зоологіи, ботаники и минералогіи;

6) Политической экономіи, статистики и науки о торговлѣ;

7) Технологіи, Сельскаго хозяйства, лѣсоводства и землемѣрія;

8) Энциклопедіи законовѣдѣнія, государственныхъ законовъ и учрежденій;

9) Законовъ государственнаго благоустройства и благочинія;

10) Законовъ казеннаго управленія финансовъ;

11) Гражданскихъ и уголовныхъ законовъ съ судопроизводствами;

12) Языковъ нѣмецкаго и французскаго.

Въ первую половину отчетнаго года, т. е. во вторую половину $18^{7}/_{11}$ учебнаго года преподавались:

а) Студентамъ 1 курса демидовскаго юридическаго лицея.

Энциклопедія права	6 часовъ въ недѣлю
Исторія русскаго права	4 — — — — —
Общее государственное право	4 — — — — —
Институціи Римскаго права	3 — — — — —
Статистика — — —	3 — — — — —
Богословіе — — —	3 — — — — —
Итого	23 часа въ недѣлю.

б) Студентамъ 3 курса Демидовскаго Лицея.

Финансовое право	2 часа въ недѣлю
Гражданское судопроизводство	2 — — — —
Статистика — — —	4 — — — —
Полицейское право — —	4 — — — —
Уголовное судопроизводство	2 — — — —
Технологія и лѣсоводство	4 — — — —
Итого	18 часовъ въ недѣлю.

Во вторую половину отчетнаго года т. е. въ первую половину $18^{71}/_{72}$ учебнаго года преподавали въ демидовскомъ юридическомъ лицеѣ:

а) Студентамъ 1 курса.

Энциклопедія права	4 часа въ недѣлю.
Исторія Русскаго права —	3 — — — —
Институціи Римскаго права	3 — — — —
Исторія Римскаго права —	5 — — — —
Статистика — — —	4 — — — —
Богословіе — — —	3 — — — —
Итого	22 — — — —

б) Студентамъ 2 курса,

Исторія Русскаго права	2 часа въ недѣлю.
Государственное право	5 — — — —
Исторія иностранныхъ законодательствъ — — —	4 — — — —
Исторія Римскаго права	5 — — — —
Полицейское право — —	3 — — — —
Итого	19 — — — —

Б) ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

1) Преподаватели

По Высочайше утвержденному 3 Іюля 1868 года временному штату демидовскаго юридическаго лицея, назначено имѣть въ немъ:

Ординарныхъ профессоровъ — — —	— 4.
Экстраординарныхъ профессоровъ — —	— 6.
Доцентовъ юридическихъ наукъ — — —	— 3.
Священника при лицейской церкви, преподающаго Богословіе — — — —	— 1.
Доцентовъ исторіи русской литературы, русской исторіи и всеобщей исторіи — —	— 3.
Лекторовъ новыхъ языковъ — — —	— 2.
Итого. — —	19.

По штату же 1845 года Демидовскаго Лицея, положено въ немъ.

Законоучитель — — — — —	— 1.
Профессоровъ — — — — —	— 6.
Лекторовъ — — — — —	— 2.

Сторонних преподавателей — — — — 2.

Итого — — 11

Всего. — — 30

Къ 1 января 1872 года состояло на лицо:

а) По демидовскому юридическому лицею:

Ординарный профессоръ — — — — — 1.
Экстраординарныхъ профессоровъ — — — 2.
Исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора 1.
Исправляющихъ должность доцента — — — 2.
Преподаватель — — — — — — 1.
Законоучитель — — — — — — 1.

Итого. — — 8.

б, По демидовскому лицею.

Изъ *четырехъ* лицъ, исправлявшихъ должности профессоровъ въ отчетномъ году, одинъ умеръ *(Кошевскій)* и трое *Власьевъ*, *Лыщинскій* и *Цвѣтаевъ* остались за штатомъ.

Незамѣщенныхъ каѳедръ нѣтъ, такъ какъ въ демидовскомъ юридическомъ лицеѣ открыты только два первые курса, а демидовскій лицей упраздненъ.

Для приготовленія къ профессорскому званію, въ виду открытія слѣдующихъ курсовъ юридическаго лицея, въ настоящее время находятся за границею кандидаты *Посниковъ*, *Духовской* и *Борзенко* съ содержаніемъ первымъ двумъ по 2000 руб., а послѣднему по 600 руб. въ годъ и четыре кандидата состоятъ стипендіатами, получая отъ лицея по 600 руб. въ годъ: *Астафьевъ*, *Кайдаловъ*, *Миловидовъ* и *Свиридовъ*.

2) Чиновники по учебно-административной и другимъ частямъ.

По временному штату демидовскаго юридическаго лицея назначено въ немъ.

Директоръ							1.
Инспекторъ	изъ профессоровъ	—	—	—	—	—	1.
Библіотекарь							1.
Помощниковъ инспектора		—	—	—	—	—	2.
Секретарь совѣта и правленія		—	—	—	—	—	1.
Помощникъ его онъ же и Архиваріусъ		—	—	—	—	—	1.
Бухгалтеръ онъ же и казначей		—	—	—	—	—	1.
Экзекуторъ		—	—	—	—	—	1.
Врачъ	—	—	—	—	—	—	1.
Итого		—	—	—	—	—	10

На лицо къ 1 января 1872 года состояло изъ нихъ:

Директоръ	—	—	—	—	—	1.
Помощникъ инспектора	—	—	—	—	—	1.
Помощникъ секретаря	—	—	—	—	—	1.
Бухгалтеръ	—	—	—	—	—	1.
Экзекуторъ	—	—	—	—	—	1.
Итого.	—	—	—	—	—	5.

Администрація по демидовскому лицею, до упраздненія его, сосредоточена была въ тѣхъ же лицахъ.

Именной списокъ служащихъ въ лицеѣ прилагается при семъ подъ № 1.

II. О ЗАНЯТІЯХЪ СОВѢТА.

Совѣтъ лицея имѣлъ въ 1871 гвду по разнымъ случаямъ 37 засѣданій; болѣе важныя изъ совѣтскихъ поставленій отпечатаны уже (по 10 апрѣля 1871 года включительно) въ первой книгѣ *Временника* лицея, остальныя же приготовлены къ печати для второй книги.

Въ отчетномъ 1871 году былъ послѣдній выпускъ студентовъ Демидовскаго лицея. Всего окончило курсъ съ аттестатами 22, изъ коихъ 17-ти по окончательнымъ испытаніямъ дано совѣтомъ лицея, съ утвержденія начальства московскаго учебнаго округа, право *на XIV класс* при вступленіи въ гражданскую службу, остальнымъ же 5 студентамъ право *на XII классъ*. Всѣ окончившіе въ 1871 году курса студенты исповѣданія Православнаго. По происхожденію они: дворянъ 8, оберъ-офицерскихъ дѣтей 7, духовныхъ 5, приказнослужительскихъ 1, мѣщанъ 1; по мѣсту рожденія: Ярославцевъ 10, изъ губерній Владимірской, Воронежской и Костромской по 2, Вятской, Курской, Орловской, Смоленской, Тверской и Черниговской по 1.

Именной списокъ окончившихъ курсъ студентовъ прилагается подъ № 2.

Изъ окончившихъ въ 1871 году курсъ студентовъ награжденъ совѣтомъ лицея *серебряною* медалью Павелъ *Соболевъ* (поступившій въ лицей по окончаніи курса въ ярославской семинаріи) и онъ же на записанное имъ сочиненіе. „Лишеніе свободы какъ средство уголовнаго наказанія“ удостоенъ похвальнаго отзыва.

Совѣтъ лицея со второй половины 1871 года приступилъ къ изданію *Временника*, въ которомъ помѣщаются труды преподавателей лицея. Первая книга *Временника* въ размѣрѣ 30 печатныхъ листовъ вышла въ концѣ года.

Независимо отъ трудовъ, помѣщенныхъ *во Временникѣ* ординарный профессоръ *Капустинъ* напечаталъ статью о московскомъ исправительномъ пріютѣ (Вѣстникъ Европы), исправляющій должность доцента *Кирасевичъ* помѣщалъвъ ,,московскихъ университетскихъ извѣстіяхъ'' свое изслѣдованіе о Гербартѣ и статью объ исторической школѣ, а преподаватель *Ковалевъ* напечаталъ въ журналѣ ,,Бесѣда'' статью о положительномъ направленіи государственныхъ наукъ.

III. О ЗАНЯТІЯХЪ ПРАВЛЕНІЯ.

Въ отчетномъ году поступило въ совѣтъ лицея, въ правленіе онаго и на имя директора отъ разныхъ мѣстъ и лицъ бумагъ 965, отправлено исходящихъ №№ 1161; опредѣленій правленія состоялось 246, ассигновокъ составлено простыхъ 298, авансовыхъ 3 и оборотныхъ 4, всего 305.

Правленіемъ заключены контракты:

1) На поставку дровъ: а) 100 саж. березовыхъ по 4 руб. 10 коп. саж.

б) 353 саж. осиновыхъ нагорныхъ по 2 р. 67 к. саж.

2) На чистку дымовыхъ трубъ за 35 р. въ годъ.

3) На чистку ватерклозетныхъ и помойныхъ ямъ, свозъ мусора и привозъ песку до 100 возовъ за 65 руб. въ годъ.

4) На устройство на главномъ подъѣздѣ дома тамбура за 150 руб..

5) На устройство дубоваго паркета въ корридорѣ 2-го этажа на существующемъ фундаментѣ всего 35 квад саж. по 11 рублей за саж.

6) На устройство дубоваго паркета въ библіотекѣ и

7) На устройство во 2-мъ этажѣ 30 новыхъ закладныхъ колодъ съ подокопниками и къ нимъ 60-ти створныхъ рамъ, всего за 698 рублей.

8) На устройство трехъ духовыхъ безметальныхъ печей за 1900 рублей.

9.) На устройство въ нижнемъ этажѣ одного ватерклозетнаго мѣста и проведеніе воды изъ одной половины дома въ другую, за 380 рублей.

Работы, означенныя въ пунктахъ 4, 5, 6, 7 и 8, въ отчетномъ году недоведены еще до конца, но предположена уплата за нихъ суммами 1871 года.

Всѣ мелочные закупки для Лицея производились хозяйственнымъ образомъ по цѣнамъ ниже справочныхъ и вобще умѣреннымъ.

Сбора за слушаніе лекцій въ 1871 году поступило: 1) съ студентовъ демидовскаго лицея по 15 руб въ полугодіе 210 р; 2) съ студентовъ демидовскаго юридическаго лицея а.) по 20 руб. въ полугодіе 820 р; съ освобожденыхъ отъ платы на половину, т. е. по 10 р. въ полугодіе 30 р; б.) съ перешедшихъ въ демидовской юридической лицей изъ Нѣжинскаго лицея и доплатившихъ въ демидовскомъ лицея къ взноснымъ имъ по 15 р. въ Нѣжинскій лицей по 5 руб.-20 р; в) сторонніхъ слушателей демидовскаго юридическаго лицея по 20 руб. всего же 2180 р.

Подробная вѣдомость объ оборотѣ всѣхъ суммъ прилагается подъ №-3.

Отъ платы за слушаніе лекцій освобождено было: въ первой половинѣ года а) студентовъ 3-го курса демидовского лицея изъ 23-хъ 12, въ числѣ конхъ 8 казенныхъ стипедіатовъ, не платящихъ за слушаніе лекцій наоснованіи устава. б) студентовъ 1-го курса демидовскаго юридическаго лицея изъ 108 вовсе освобождено 86, въ числѣ конхъ 12 казенныхъ стипендіатовъ и наполовину 3; во второй половинѣ года а.)

студентовъ 1 курса изъ 86-ми 52, въ числѣ коихъ 4 казенныхъ стипендіата, б) студентовъ 2 курса изъ 71-го 61, въ числѣ коихъ 16 казенныхъ стипендіатовъ.

Изъ суммы сбора за слушаніе лекцій въ 1-ой половинѣ года выдано пособіе 18-ти нуждающимся студентамъ 380 руб. а во второй половинѣ года 16-ти студентамъ 520 р

Сверхъ сего сверхсмѣтный расходъ изъ экономическихъ суммъ лицея былъ:

а) на погребеніе исправлявшаго должность профессора демидовскаго лицея *Кошевскаго* 28 руб. 57 к. и б) добавочное жалованье четыремъ нижнимъ служителямъ за прослуженіе пятилѣтній 90 рублей.

ОСОБЫЕ СЛУЧАИ.

1) Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу г. Министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ, въ 9 день іюня 1871 г., считать трехлѣтній срокъ для представленія устава и штата лицея съ 30 августа 1870 года, т. е. со дня открытія лицея.

2) Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ, въ 28 день апрѣля, на учрежденіе при лицеѣ попечительства о недостаточныхъ студентахъ онаго.

3.) 30 августа имѣлъ мѣсто въ лицеѣ первый со времени открытія онаго торжественный актъ, коему предшествовало богослуженіе въ лицейской церкви, совершенное Преосвященнымъ Ниломъ архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ. На актѣ Директоромъ лицея прочтена была «Лѣтопись,» напечатаная въ 1-ой книгѣ *Временника* и имъ же произнесена была рѣчь о международнымъ соціальномъ движеніи.

4) 22-го сентября лицей удостился посѣщенія Его

Императорскаго Высочества Князя Романовскаго герцога Лйхтенбергскаго Сергія Максимиліановича.

5) Въ 1871 году окончательно упраздненъ Демидовскій лицей. Бывшіе исправлявшіе должность профессоровъ онаго *Власьевъ*, *Лыщинскій* и *Цвѣтаевъ* оставлены за штатомъ, съ производствомъ имъ годоваго содержанія, первому по 1 января, а двумъ послѣднимъ по 15 августа 1872 года. Исправлявшій должность профессора *Кошевскій* скончался 7 апрѣля.

6.) Въ Юридическомъ лицеѣ вновь назначены слѣдующіе преподаватели: магистръ *Дювернуа* исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ Римскаго права; кандидатъ *Карасевичъ* исправляющимъ должность Доцента по каѳедрѣ энциклопедіи права и кандидатъ *Ковалевъ* преподавателемъ полицейскаго права.

Сверхъ того выдержавшіе экзаменъ на степень магистра кандидаты московскаго университета *Духовской и Посниковъ* отправлены за границу съ ученою цѣлью.

7.) Бухгалтеръ лицея *Головщиковъ* Всемилостивѣйше пожалованъ въ 24 день декабря орденомъ св. Сатистика 3 степени.

VI. ОБЪ УЧАЩИХСЯ:

Къ 1-му Января 1871 года студентовъ на одномъ 3-емъ Демидовскаго лицея было 23.

Въ отчетномъ году вновь прибывшихъ небыло.

ЗА ТѢМЪ ВЪ 1871 ГОДЪ ВЫБЫЛО:

По окончаніи курса — — — —	22
До окончанія курса по прошенію — — —	1

Къ 1-му января 1871 года на 1-мъ курсѣ демидовскаго юридическаго лицея студентовъ было — — — 108
Изъ нихъ удостоено перевода на 2-й курсъ — — 87
Оставлено на томъ же курсѣ — — — — 16
Да выбыло по разнымъ причинамъ до начатія экзаментовъ 5

Изъ 87 студентовъ переведенныхъ на 2-й курсъ перешло въ университеты:

а) московской — — — — — — 12
б) С. Петербургскій — — — — — 3
в) Харьковскій — — — — — — 1
и выбыло для поступленія на службу — — 3

Итого. — — 19

Поступили на 2-й курсъ Лицея:

Изъ Московскаго университета — — — — 2.
— Харьковскаго — — — — — 1.

3.

За тѣмъ на 2-мъ курсѣ Лицея къ 1-му января 1872 года. состоитъ студентовъ — — — — 71.

Изъ нихъ Стипендіатовъ:

а) Казенныхъ — — — — — — 16.
б) Ярославскаго дворянства — — — — 3.
в) Болдырева — — — — — 1.
На своемъ содержаніи — — — — — 51.

По происхожденію они:

Дворянъ — — — — — — — 6.
Оберъ-офицерскихъ дѣтей — — — — — 11.
Духовныхъ — — — — — — 51.

Купцовъ — — — — — — — 1.
Мѣщанъ — — — — — — — 1.
Солдатскій сынъ — — — — — — 1.

По вѣроисповѣданію:

Православнаго — — — — — — 70.
Магометанскаго — — — — — — 1.

На 1-й курсъ Демидовскаго Юридическаго Лицея принято въ отчетномъ году студентовъ по повѣрочнымъ испытаніямъ — 72
Да оставлено было на томъ же курсѣ — — — — 16.

88.

Изъ 72 вновь поступившихъ перешли въ университеты:

Московскій — — — — — — 7
С.-Петербургскій — — — — — 2
и выбыло для поступленія на службу — — — 2

Изъ 16, оставшихся на томъ же курсѣ перешли въ университеты:

С.Петербургскій — — — — — 3
Московскій — — — — — — 2
и выбыло для поступленія на службу — — — 4

Всего выбыло — 20.

За тѣмъ на 1-мъ курсѣ къ 1 января 1872 г. состоитъ студентовъ — — — — — 68.

Изъ нихъ стипендіатовъ

Казенныхъ — — — — — — 4.
Ярославскаго дворянства — — — — — 2.
Глинки — — — — — — — 1
На своемъ содержаніи — — — 61.

Вѣроисповѣданія они:

Православнаго	67.
Армяно-Григоріанскаго	1.

Вновь поступившіе и состоящіе на лицо къ 1 Января 1872 года студенты по происхожденію суть:

Дворянъ	6.
Оберъ-офицерскихъ дѣтей	5.
Духовныхъ	48.
Купцовъ	1.
Мѣщанинъ	1.
	61.

По мѣсту рожденія:

Ярославской губерніи	14.
Владимірской	12.
Костромской	6.
Калужской	6.
Тульской	5.
Черниговской	3.
Смоленской	2.
Курской	2.
Московской	2.
Орловской	2.
Виленской	1.
Каменецъ Подольской	1.
Полтавской	1.
Саратовской	1.
Тверской	1.
Тифлисской	1.
Томской	1.
	61.

Поступили они:

Изъ Варшавскаго университета — — — —	1.
— С.-Петербургской медико-хирургической академіи —	1.
— упраздненнаго Демидовскаго лицея — — —	1.
— Нѣжинскаго — — — — — —	4.
— Кіевской духовной академіи — — — —	1

Изъ гимназій:

Ярославской — — — — — — —	5
Смоленской — — — — — — —	1.
Тифлисской — — — — — — —	1.

Изъ семинарій:

Владимірской — — — — — — —	13.
Калужской — — — — — — —	6.
Костромской — — — — — — —	6.
Ярославской — — — — — — —	5
Тульской — — — — — — —	4.
Черниговской — — — — — — —	4.
Московской — — — — — — —	2.
Смоленской — — — — — — —	2.
Орловской — — — — — — —	1.
Саратовской — — — — — — —	1,
Тверской — — — — — — —	1.
Томской — — — — — — —	1.
	61.

Именной списокъ студентовъ прилагается подъ № 4.

V. ОБЪ УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

Библіотека лицея въ 1871 году увеличилась главнымъ образомъ покупкою книгъ отъ иностранныхъ и русскихъ книгопродавцевъ; сверхъ того принято значительное число сочиненій изъ библіотеки упраздненнаго демидовскаго лицея и поступили пожертвованія отъ разныхъ лицъ. Въ инвентарный каталогъ библіотеки внесено въ теченіи года 1402 названія (отъ № 1.993 по 3.999 включительно) въ 3346 томахъ, и именно:

1) Пріобрѣтено отъ франкфуртскаго книгопродавца Бэра 83 названія въ 508 томахъ на сумму 1504 талера.

2) Отъ московскаго книгопродавца Ланга 250 названій въ 426 томахъ на сумму 1162 руб.

3) Отъ С.-Петербургскаго книгопродавца Исакова 111 названій въ 145 томахъ на 432 руб.

4) Тоже отъ книгопродавца Базунова 51 названіе въ 102 томахъ на 229 руб.

5) Отъ московскихъ книгопродавцевъ Соловьева, Улитина и Оленниной 144 названія въ 290 томахъ на 582 р.

6) Отъ II Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи 1 названіе въ 51 томѣ (первое полное Собраніе Законовъ) за 160 р.

7) Отъ Археографической коммиссіи 21 названіе въ 42 томахъ на 68 руб.

8) Изъ министерства народнаго просвѣщенія 2 названія на 72 руб.

9) Принято изъ библіотеки упраздненнаго демидовскаго лицея 612 названій въ 1649 томахъ.

10) Принесено въ даръ разными учрежденіями и ли-

цами 127 названій въ 160 томахъ, въ томъ числѣ директоромъ лицея Капустинымъ 95 названій.

Такое значительное пополненіе библіотеки могло быть сдѣлано благодаря тому, что министерствомъ разрѣшена была особая сумма исключительно съ этою цѣлью. Изъ наиболѣе замѣчательныхъ пріобрѣтеній библіотеки слѣдуетъ указать на извѣстное собраніе парламентскихъ преній Гансарда въ 303 томахъ, уступленное книгопродавцемъ Бэромъ за 900 талеровъ, вмѣсто обыкновенной цѣны въ 3000 талеровъ; „Магазинъ“ Бюшинга пріобрѣтенъ у него же за 24 талера; другія изданія весьма рѣдкія куплены также по антикварнымъ цѣнамъ съ значительною уступкою.

Съ другой стороны, благодаря тому же правительственному воспособленію, оказалось возможнымъ образовать особую студентскую библіотеку, изъ которой книги выдаются студентамъ для чтенія на домъ.

Такимъ образомъ къ 1 января 1872 г. библіотека лицея заключила въ себѣ 3399 названій книгъ въ 7356 томахъ. Сверхъ того высланъ книгопродавцемъ Бэромъ еще неполученный ящикъ съ книгами, которыя будутъ внесены въ инвентарь 1872 года. Деньги за эти книги въ количествѣ 480 талеровъ уже уплочены.

ИМЕННОЙ СПИСОКЪ ЛИЦЪ,

состоящихъ къ 1 января 1872 года на службѣ по демидовскому юридическому лицею въ Ярославлѣ.

ДОЛЖНОСТЬ, ЧИНЪ, ИМЯ И ФАМИЛІЯ.	Откуда родомъ, изъ какого состоянія, лѣта, вѣроисповѣданіе, имѣетъ ли семейство.
Директоръ ординарный профессоръ международнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Капустинъ, читающій въ настоящее время исторію иностранныхъ законодательствъ и институціи Римскаго права.	Екатеринославской губерніи изъ дворянъ, 43 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Законоучитель, священникъ Алексѣй Лавровъ, онъ же и настоятель лицейской церкви.	Ярославской губерніи изъ духовнаго званія, 47 лѣтъ, вѣроисповѣданія Православнаго, имѣетъ семейство.
Экстраординарные профессора:	
Государственнаго права, колежскій совѣтникъ Николай Нелидовъ.	Симбирской губерніи изъ дворянъ, 38 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Исторіи русскаго права, Михаилъ Владимірскій-Будановъ	Тульской губерніи изъ духовнаго званія, 33 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.

Съ котораго времени въ учебной службѣ и въ должности	Какую имѣетъ ученую степень.	Сколько получаетъ содержанія.
Въ учебной службѣ съ 21 сентября 1849 года, въ настоящей должности съ 1 іюня 1870 года.	Доктора международнаго права.	Жалованья профессорскаго 2,400 р, столовыхъ 300 р.; добавочнаго жалованья по должности директора 1500 р.; пользуется казенною квартирой.
Въ учебной службѣ съ 29 декабря 1850 года, въ настоящей должности съ 16 августа 1870 года.	Магистра Богословія.	Жалованья 700 руб. столовыхъ 150 р.; пользуется казенной квартирой.
Въ учебной службѣ съ 30 ноября 1857 года, въ настоящей должности съ 1 іюля 1870 года.	Магистра государственнаго права.	Жалованья 1600 р. Столовыхъ 200 р. Квартирныхъ 200 р,
Въ учебной службѣ съ 3 сентября 1864 года, въ настоящей должности съ 1 іюля 1870 года.	Магистра русской исторіи.	Жалованья 1600 р. Столовыхъ 200 р. Квартирныхъ 200 р.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора по Римскому праву Николай Дювернуа.	Московской губерніи изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; вѣроисповѣданія православнаго, 35 лѣтъ, неимѣетъ семейства.
Исправляющій должность доцента политической экономіи и статистики Николай Ворошиловъ.	Тверской губерніи изъ купцовъ, 31 года, вѣроисповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Исправляющій должность доцента Энциклопедіи права Порфирій Карасевичъ.	Бессарабской области изъ дворянъ, 27 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Сторонній преподаватель полицейскаго права Иванъ Ковалевъ.	Ярославской губерніи изъ духовнаго званія, 28 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, семейства не имѣетъ.
Помощникъ инспектора надворный совѣтникъ Андрей Петровскій.	Полтавской губерніи изъ дворянъ, 40 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, семейства не имѣетъ.

Въ учебной службѣ съ 1860 года, въ настоящей должности съ 23 октября 1871 года.	Магистра гражданскаго права	Жалованья Столовыхъ Квартирныхъ	1600 р. 200 р. 200 р.
Въ учебной службѣ съ 10 Января 1866 года, въ настоящей должности съ 16 августа 1870 года.	Кандидата юридическихъ наукъ	Жалованья Столовыхъ Квартирныхъ	900 р. 150 р. 150 р.
Въ учебной службѣ и въ настоящей должности съ 1 іюля 1871 года.	Кандидата юридическихъ наукъ	Жалованья Столовыхъ Квартирныхъ	900 р. 150 р. 150 р.
Допущенъ къ исправленію настоящей должности съ 1 сентября 1871 года.	Кандидата юридическихъ наукъ.	Жалованья	1000 р.
Въ учебной службѣ съ 4 сентября 1854 года, въ настоящей должности съ 16 августа 1870 года.	Магистра ботаники.	Жалованья Столовыхъ Квартира казенная.	600 р. 200 р.

Помощникъ секретаря, колежскій секретарь Николай Балкашинъ.	Тверской губерніи изъ дворянъ, 33 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, семейства не имѣетъ.
Бухгалтеръ колежскій секретарь Константинъ Головщиковъ.	Ярославской губерніи изъ духовнаго званія, 36 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Экзекуторъ губернскій секретарь Василій Ивановъ,	Изъ мѣщанъ, 48 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.

Въ службѣ съ 29 декабря 1859 года, въ настоящей должности съ 1 августа 1870 года.	Неимѣетъ.	Жалованья Столовыхъ Квартирныхъ	400 р. 100 р. 100 р.
Въ службѣ съ 19 ноября 1856 года, въ настоящей должности съ 16 августа 1870 года.	Студента семинаріи.	Жалованья Столовыхъ Квартирныхъ	400 р. 100 р. 100 р.
Въ службѣ съ 28 ноября 1844 года, въ настоящей должности съ 24 іюля 1870 года.	Учителя рисованія въ уѣздныхъ училищахъ.	Жалованья Столовыхъ Квартира казенная.	500 р. 100 р.

Приложеніе № 2-й.

СПИСОКЪ

студентовъ демидовскаго лицея, выпущенныхъ изъ онаго въ 1871 году по окончаніи курса.

	А. Съ правомъ на чинъ XII класса.
1.	Соболевъ Павелъ.
2.	Скворцовъ Павелъ.
3.	Прозоровскій Дмитрій.
4.	Романовъ Валентинъ.
5.	Лацинскій Александръ
6.	Штольцъ Николай.
7.	Севастьяновъ Михаилъ.
8.	Рушинъ Филофей.
9.	Свѣтлопылевъ Михаилъ.
10.	Ковалевскій Николай.
11.	Тверицкій Павелъ.
12.	Глазыринъ Протогенъ.
13.	Соленниковъ Александръ.

14.	Николаевскій Владиміръ.
15.	Труневъ Николай.
16.	Протасьевъ Сергѣй.
17.	Ушаковъ Александръ

Б. Съ правомъ на чинъ XIV класса.

18.	Юрьевъ Николай.
19.	Ермолаевъ Владиміръ.
20.	Николаевскій Геннадій.
21.	Челюсткинъ Василій
22.	Храпицкій Александръ.

Приложеніе № 3

ВѢДОМОСТЬ

объ оборотѣ суммъ по демидовскому юридическому лицею за 1871 годъ.

	Остатокъ отъ 1870 года.	Въ 1871 году.		Остатокъ къ 1872 году
		Приходъ.	Расходъ.	
Суммъ, ассигнованныхъ отъ Государственнаго Казначейства.				
По § 6 ст. 1 —	157 р. 10 к.	9628 р. 94 к.	9786 р. 4 к.	
— — — 2 —	15 р. 94 к.	2285 р. »	2300 р. 94 к.	
— — — 3 —	437 р. 77 1/2 к.	1934 р. 45 к.	2316 р. 32 1/4	55 р. 90 1/4 к.
— — — 4 —	939 р. 12 1/4 к.	30712 р. 27 к.	25848 р. 24 1/4 к.	5803 р. 15 к.
Пожертвованныхъ.				
Документами	81937 р. »	3923 р. «	1520 р. « «	84.340 р. »
на нихъ процентовъ:				
Наличными	1332 р. 82 1/2	3447 р. 28 к.	3909 р. 30 к.	870 р. 80 1/2 к.
Сбора за слушаніе лекцій.				
Наличными	294 р. 57 к.	1493 р. 34 к.	1688 р. 80 к.	99 р. 11 к.
Документами	«	675 р. «	200 р. « »	475 р. « »

Экономическихъ:				
Наличными	177 р. 91 к.	326 р. 10 к.	118 р. 57 к.	385 р. 44 к.
Документами	7250 р. »	— » — »	— « — «	7250 р. » »
Переходящихъ суммъ:				
Наличными	255 р. 2¼ к.	533 р. 1 к.	684 р. 6 к.	103 р. 97¼ к.
Документами	2300 р. «	460 р. » »	1850 р. « »	910 р. » »
Прусск. талер.	30 « «	— » « »	— » « » »	30 « »
Всего: Наличн	9610 р. 26½ к.	50.360 р. 39 к.	46,652 р. 27½ к.	7318 р. 38 к.
Докумен.	91.487 р. »	5058 р. »	3570 р. « »	92975 р. « »
Прус. тал.	30 « »	— — » »	— — » »	30 « »

Приложеніе № 4-й.

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ

I-го КУРСА

бывшихъ на лицо къ концу 187⁰/₁ учебнаго года.

№№	ФАМИЛІИ и ИМЕНА	Опредѣленіе совѣта послѣ годичныхъ испытаній.	Особыя отмѣтки.
	Казенные стипендіаты:		
1	Доброхотовъ Дмитрій .	Перев. на 2 кур	Пер. въ Моск унив.
2	Драбовской Петръ . .	Перев. на 2 кур	
3	Дроздовъ Александръ .	Остав. на 1 кур.	Пер. въ С. П. Б. унив.
4	Звѣревъ Николай . .	Перев. на 2 кур.	Пер. въ Моск. унив.
5	Знаменскій Алексѣй .	Переведены на 2-й курсъ.	
6	Князевскій Александръ.		
7	Мерцаловъ Николай .		
8	Оболенскій Петръ Князь	Оставлены на 1-мъ курсѣ.	
9	Розовъ Александръ .		Пер. въ С. П. Б. унив.
10	Сперанскій Иванъ . .	Перев. на 2 кур.	
11	Степановъ Петръ . .	Перев. на 2 кур.	Выш. для пост. на сл.
12	Тороповъ Андрей . .	Перев. на 2 кур.	
	Стипендіаты Ярославскаго Дворянства:		
13	Надѣинскій Павелъ . .	Переведены на 2-й курсъ.	
14	Протопоповъ Петръ .		
15	Уткинъ Петръ . . .		
	Стипендіатъ Болдырева:		
16	Поповъ Николай . .	Перев. на 2 кур.	

	Своекоштные:		
17	Александровскій Николай	Переведены на 2-й курсъ.	
18	Архангельскій Николай.		
19	Бенедиктовъ Алексѣй .		
20	Боевскій Михаилъ . .		
21	Бѣлоруссовъ Николай .	Остав. на 1 кур.	
22	Бѣляевъ Александръ .	Переведены на 2-й курсъ.	
23	Васильевъ Николай . .		
24	Введенскій Николай . .		
25	Верегинъ Александръ .		
26	Винниченко Евгеній .	Перев на 2 кур.	Пер. въ Моск. унив.
27	Виноградовъ Александръ	Перев. на 2 кур.	
28	Воробьевъ Иванъ . .	Перев. на 2 кур.	Пер. въ Моск. унив.
29	Воскресенскій Николай.	Перев. на 2 кур.	
30	Георгіевскій Василій .	Перев. на 2 кур.	Пер. въ С. П. Б. унив.
31	Головачевскій Иванъ .	Перев. на 2 кур.	
32	Голосовъ Михаилъ . .	Остав. на 1 кур.	Выш. для пост. на сл.
33	Горскій Николай . .	Переведены на 2-й курсъ.	
34	Грузинцевъ Константинъ		
35	Добротинъ Арсеній . .		
36	Дьяковъ Викторъ . .		
37	Загородскій Петръ . .	Остав. на 1 кур.	Пер. въ Моск. унив.
38	Зобнинскій Анатолій .	Перев. на 2 кур.	Пер. въ Моск. унив.
39	Ивановскій Алексѣй .	Переведены на 2-й курсъ.	
40	Казанскій Александръ .		
41	Кириловъ Михаилъ . .		
42	Климовъ Иванъ . . .		
43	Колокольцовъ Лавръ .		
44	Колусовскій Владиміръ .	Остав. на 1 кур.	Выб. для пост. на сл.
45	Крутикъ-Горетубанскій Ив.	Перев. на 2 кур.	
46	Крыловскій Михаилъ .	Остав. на 1 кур.	Выб. для пост. на сл.
47	Куницынъ Николай . .	Переведены на 2-й курсъ.	
48	Лебедевъ Александръ .		
49	Лебедевъ Василій . .		
50	Лилеевъ Михаилъ . .		
51	Лыткинъ Николай . .		
52	Матвѣевскій Митрофанъ.	Остав. на 1 кур.	
53	Мауринъ Иванъ . . .	Перев. на 2 кур.	Пер. въ Моск. унив.

54	Межаковъ Иванъ . .	Переведены на 2-й курсъ.	
55	Минервинъ Александръ		
56	Моревъ Николай . . .		
57	Мураховскій Семенъ .	Остав. на 1 кур.	Пер. въ С. П. Б. унив.
58	Назимовъ Андрей . .	Переведены на 2-й курсъ.	
59	Орловъ Александръ . .		
60	Орловъ Дмитрій . . .		
61	Островскій Николай . .		
62	Осѣцкій Владиміръ . .	Остав. на 1 кур.	
63	Ошанинъ Николай . .	Перев. на 2 кур.	Перешл. въ Моск. ун.
64	Павловъ Константинъ .	Перев. на 2 кур.	
65	Пальминъ Иванъ . . .	Перев. на 2 кур.	Пер. въ С. П. Б. унив.
66	Перро Рене	Перев. на 2 кур.	Перешл. въ Моск. ун.
67	Писемскій Константинъ .	Перев. на 2 кур.	Перешл. въ Моск. ун.
68	Покровскій Иванъ . .	Переведены на 2-й курсъ.	
69	Польскій Михаилъ . .		
70	Преображенскій Алексан.		
71	Протасовъ Иванъ . . .	Перев на 2 кур.	Перешл. въ Моск. ун.
72	Розовъ Николай . . .	Переведены на 2-й курсъ.	
73	Розовъ Павелъ . . .		
74	Розовъ Сергѣй . . .		
75	Романовскій Павелъ .	Остав. на 1 кур.	Перешл. въ Моск. ун.
76	Рубановъ Евфимъ . .	Перев. на 2 кур.	Перешл. въ Харьк. ун.
77	Сахаровъ Василій . .	Остав. на 1 кур.	
78	Свидерскій Іосифъ . .	Переведены на 2-й курсъ.	
79	Слѣповъ Николай . .		
80	Смарагдовъ Владиміръ .		
81	Смирновъ Иванъ (Псков.)		
82	Смирновъ Иванъ (Ярослав.)		
83	Смирновъ Николай . .		
84	Соколовъ Сергѣй . . .		
85	Солонцовъ Вячеславъ .		
86	Сперанскій Петръ . .		
87	Срѣтенскій Леонидъ .	Остав. на 1 кур.	Выб. для пост. на сл.
88	Стратилатовъ Александръ	Остав. на 1 кур.	
89	Стратилатовъ Иванъ .	Остав. на 1 кур.	
90	Стратилатовъ Николай .	Перев. на 2 кур.	Перешл. въ Моск. ун.
91	Сутовичъ Альфонсъ . .	Перев. на 2 кур.	Перешл. въ Моск. ун.
92	Талантовъ Александръ .	Перев. на 2 кур.	

93	Тихонравовъ Дмитрій .	Перев. на 2 кур.	Переш. въ Моск. ун.
94	Третьяковъ Николай .	Остав. на 1 кур.	Выш. для пост. на сл.
95	Тяжеловъ Николай . .	Перев. на 2 кур.	Переш. въ Моск. ун.
96	Ульяновскій Василій .	Переведены на 2-й курсъ.	
97	Ульяшенко Сергѣй . .		
98	Холуйскій Викторъ . .		
99	Цвѣтаевъ Ѳедоръ . .	Остав. на 1 кур.	Выш. для пост. на сл.
100	Цыркуненко Владиміръ.	Остав. на 1 кур.	Выш. для пост. на сл.
101	Чеботаревъ Дмитрій .	Остав. на 1 кур.	Переш. въ Моск. ун.
102	Чистяковъ Петръ . .	Переведены на 2-й курсъ.	
103	Шахмаліевъ Мурсаль Бекъ		
104	Шиповъ Павелъ . . .		
105	Щеголевъ Петръ. . .		
106	Эдельштейнъ Самарій .	Перев. на 2 кур.	Выш. для пост. на сл.
107	Яблоковъ Павелъ . .	Перев. на 2 кур.	

Примѣчаніе: Изъ значащихся въ этомъ спискѣ лицъ, двое—*Мауринъ* и *Сутовичъ* не были показаны въ спискѣ поступившихъ въ студенты лицея на 1-й к. въ 1870 г. (Времен. кн. 1), какъ принятые послѣ напечатанія этого списка, а изъ значащихся въ томъ спискѣ (кн. 1-я) непоказаны здѣсь, какъ оставившіе лицей въ теченіи учебнаго года: *Архангельскій* Николай (Рязанск.), *Лебедевъ* Александръ (Яросл.), *Озеровъ* Владиміръ, *Протопоповъ* Николай, *Сухотинъ* Викторъ, *Сферинъ* Павелъ, *Товіевъ* Алексѣй, *Троицкій* Сергѣй, *Успенскій* Александръ, *Хованскій* Василій—вышедшіе для поступленія на службу; *Вишняковъ* Иванъ, *Иваненко* Михаилъ—перешедшіе въ Московскій университетъ; *Моревъ* Александръ, *Рагозинъ* Петръ, *Розингъ* Ѳедотъ—въ Петербургск. университетъ; *Войденовъ* Алексѣй—въ медицинскую академію; сверхъ того умершій *Дьяконовъ* Василій.

СПИ

поступившихъ въ студенты Демидовскаго Юри

№№ по порядку.	ФАМИЛІИ и ИМЕНА.	Сколько отъ роду лѣтъ	Чьи дѣти.	Вѣроиспо-вѣданіе.
1	Алиханов Степанъ . .	20	Оберъ-Офицера.	Армяно грегор.
2	Андріевскій Михаилъ. .	21	Священника.	
3	Андреевъ Василій. . .	20	Унтеръ-Офицера.	
4	Апеллесовъ Павелъ . .	24	Священника.	
5	Аристовъ Александръ. .	23	Священника.	
6	Бакѣевъ Константинъ. .	22	Дворянинъ.	
7	Баталинъ Сергѣй . . .	21	Протоіерея.	
8	Беллертъ Николай. . .	17	Дворянинъ.	
9	Богородскій Иванъ . .	20	Причетника.	
10	Бѣляевъ Арсеній . . .	21	Священника.	
11	Валединскій Григорій . .	21	Священника.	
12	Васьяновъ Николай. . .	17	Дворянинъ.	
13	Вознесенскій Александръ.	22	Священника.	
14	Волковичъ Дмитрій . .	22	Священника.	
15	Воскресенскій Александръ	21	Священника.	
16	Глаголевъ Иванъ . . .	19	Священника.	
17	Городковъ Николай . .	21	Діакона.	
18	Давидовичъ Степанъ . .	19	Дворянина.	
19	Дмитріевскій Федоръ . .	22	Священника.	
20	Елпидинскій Алексѣй. .	22	Священника.	
21	Звѣревъ Владиміръ . .	20	Учителя Семинаріи	
22	Капацинскій Алексѣй. .	22	Священника.	
23	Капустинъ Константинъ .	23	Священника.	
24	Козловскій Константинъ .	20	Дворянина.	
25	Колпенскій Аркадій . .	21	Священника.	
26	Коневскій Аркадій . . .	20	Оберъ-Офицера.	
27	Лебеданскій Дмитрій . .	21	Священника.	
28	Линденбратенъ Яковъ. .	26	Мѣщанина.	Еврейс.
29	Люминарскій Николай. .	23	Причетника.	Прав.

Православнаго

СОКЪ

дическаго лицея на 1-й курсъ въ 1871 году.

Какой губерніи родомъ.	Откуда поступилъ.	Особыя отмѣтки по 1-е Мая 1872 года.
Тифлисской.	Тифлисской гим.	
Черниговской.	Черниговской сем.	
Могилевской.	Нѣж. лицея.	
Ярославской.	Ярославской сем.	
Ярославской.	Ярославской сем.	Перешелъ въ Моск. унив.
Курской.	Варшавскаго унив.	
Калужской.	Калужской сем.	
Ярославской.	Медицинской ак.	
Ярославской.	Ярославской сем.	
Ярославской.	Ярославской сем.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Курской.	Нѣж. лицея.	
Костромской.	Костромской сем.	
Черниговской.	Черниговской. сем.	
Орловской.	Орловской сем.	
Тульской	Тульской сем.	
Костромской.	Костромской сем.	
Подольской.	Нѣж. лицея.	
Тульской.	Тульской семин.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Тверской	Тверской сем.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Ярославской.	Ярославской сем.	
Смоленской.	Смоленской сем.	
Орловской.	Орловской сем.	Перешелъ въ С.П.Б. унив.
Ставропольской.	Ставроп. гим.	Перешелъ въ Моск. унив.
Калужской.	Калужской сем.	
Виленской.	Демидовскаго лиц.	
Костромской.	Костромской сем.	

30	Малининъ Дмитрій. . .	23	Священника.	
31	Малининъ Сергѣй . . .	19	Діакона.	
32	Мартыновъ Николай . .	18	Оберъ-Офицера.	
33	Массальскій Иванъ . .	22	Священника.	
34	Маслаковъ Иліодоръ . .	22	Священника.	
35	Миловидовъ Александръ .	23	Причетника.	
36	Минервинъ Андрей . .	20	Діакона.	
37	Минервинъ Василій . .	22	Діакона.	
38	Морозовъ Николай. . .	21	Причетника.	
39	Мураховскій Михаилъ. .	21	Священника.	
40	Нахимовъ Сергѣй . . .	19	Дворянина.	
41	Орловъ Михаилъ . . .	20	Священника.	
42	Пановъ Константинъ . .	23	Священника.	
43	Порнассовъ Петръ. . .	20	Священника.	
44	Песоченскій Иванъ . . .	21	Священника.	
45	Разумовскій Аполлонъ .	18	Мѣщанина.	
46	Розановъ Владиміръ . .	21	Священника.	
47	Россовъ Иванъ. . . .	21	Священника.	
48	Сахаровъ Дмитрій. . .	19	Діакона.	
49	Святухинъ Алексѣй . .	21	Причетника.	
50	Серединъ Филиппъ . .	22	Купца.	
51	Слоновъ Александръ . .	18	Оберъ-Офицера.	
52	Смирновъ Андрей. . .	26	Пономаря.	
53	Соборновъ Василій . . .	23	Священника.	
54	Соколовъ Сергѣй . . .	22	Священника.	
55	Соколовъ Степанъ. . .	20	Протоіерея.	
56	Соловьевъ Иванъ . . .	23	Священника.	
57	Сперанскій Иванъ. . .	22	Пономаря.	
58	Сретенскій Петръ. . .	20	Діакона.	
59	Стремоуховъ Андрей. .	17	Дворянина.	
60	Тихомировъ Сергѣй . .	20	Оберъ-Офицера.	
61	Удальцовъ Александръ .	18	Протоіерея.	
62	Успенскій Василій. . .	19	Причетника.	
63	Фортунатовъ Павелъ . .	23	Діакона.	
64	Чанцовъ Сергѣй . . .	22	Священника.	
65	Шугаевскій Владиміръ .	21	Священника.	
66	Эдемовъ Николай . . .	21	Священника.	
67	Якиманскій Александръ .	20	Священника.	
68	Яхантовъ Николай. . .	20	Причетника.	

Праволославнаго

Калужской.	Калужской сем.	
Московской.	Московской сем.	Перешелъ въ Моск. унив.
Ярославской.	Ярославской гим.	
Ярославской.	Кіевской Дух. ак.	
Черниговской.	Черниговской сем.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Московской.	Московской сем.	Перешелъ въ Моск. унив.
Харьковской.	Харьковской сем.	Перешелъ въ С. П. Б. унив.
Смоленской.	Смоленской гим.	Вышелъ для поступ. на служ.
Калужской.	Калужской сем.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Калужской.	Калужской сем.	
Ярославской.	Ярославской гим.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Томской.	Томской сем.	
Московской.	Московской сем.	Перешелъ въ Моск. унив.
Владимірской.	Владимірской сем.	
Полтавской.	Нѣж. лицея.	
Ярославской.	Ярославской гим.	
Костромской.	Костромской сем.	
Калужской.	Калужской сем.	
Московской.	Московской сем.	
Смоленской.	Смоленской сем.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Тульской.	Тульской сем.	
Московской.	Московской сем.	
Ярославской.	Ярославской гим.	
Ярославской.	Ярославской гим.	
Ярославской.	Ярославской сем.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Тульской.	Тульской сем.	
Смоленской.	Смоленской сем.	
Черниговской.	Черниговской сем.	
Саратовской.	Саратовской сем.	
Владимірской.	Владимірской сем.	
Костромской.	Костромской сем.	

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ВЪ АНГЛІИ.

Недостатокъ въ научномъ образованіи англійскихъ юристовъ давно сознается всѣми. Корпораціи, извѣстныя подъ именемъ Inns of court, основанныя въ старину въ отпоръ римскому праву, крайне неудовлетворительны; они превратились въ клубы и не имѣютъ вовсе научнаго характера. Потому еще въ 1846 году парламентъ обратилъ вниманіе на печальное положеніе такъ-называемыхъ студентовъ, которые въ Inns пріобрѣтали нѣсколько практическихъ свѣдѣній, но не изучали права систематически. Предполагалось образовать изъ четырехъ «судебныхъ гостинницъ» въ Лондонѣ одно цѣлое и ввести въ нихъ правильное обученіе и экзамены. Въ 1859 году составлены были особыя правила, по которымъ всѣ желающіе заниматься адвокатурою обязаны подвергаться предварительному испытанію по одному предмету изъ слѣдующихъ двухъ отдѣловъ. Къ первому изъ нихъ отнесены: 1) конституціонное право и исторія права; 2) юриспруденція, преимущественно частное и публичное международное право; 3) римское гражданское право. Второй отдѣлъ составляютъ: 1) общее англійское право, common law; 2) Судебныя рѣшенія, Equity и 3) законы о поземельной собственности. Но и эта бѣдная программа, при которой открывалась возможность получить званіе юриста безъ знакомства съ римскимъ правомъ, показалась весьма стѣснительною: англійскій спеціальный юридическій журналъ The law Magazine and Review возсталъ на защиту отжившихъ Inns (статья Андру Эдгара, Law Mag. 1872 № 1); онъ доказываетъ ихъ важное значеніе и предлагаетъ ограничиться испытаніями лишь изъ предметовъ одной второй группы.

Но каковы бы ни были требованія экзаменовъ, существенный вопросъ заключается не столько въ нихъ, сколько въ способѣ обученія. Уровень требованій отъ экзаменующихся непремѣнно понизится, если не будетъ серіозной, систематической и постоянной работы учащихся, т. е. если не будетъ школы. Правда, въ послѣднее время учреждено въ нѣкоторыхъ Inns торство, но оно имѣетъ характеръ чисто случайный: торы суть лица, получившія образованіе въ тѣхъ же Inns, они лишены научныхъ свѣдѣній и усвоили себѣ только знаніе практическихъ руководствъ, относящихся къ англійскому законодательству. По этому коренная реформа юридическаго образованія въ Англіи неизбѣжна.

Съ цѣлію этой реформы въ 1870 году образовалась особая ассоціяція, которая выработала между прочимъ проектъ новаго юридическаго училища, представленный въ палату общинъ серъ-Раунделъ Палмеромъ, 12-го іюля 1871-го года. Предполагалось отнять у Inns, какъ учрежденій, неимѣющихъ характера серіозной школы, право раздавать ученыя степени и передать это право юридическому училищу. Проектъ серъ Р. Палмера обсуждался въ палатѣ общинъ 1-го марта 1872 года и былъ отвергнутъ большинствомъ 116-ти голосовъ противъ 103. Проектъ самъ по себѣ неудовлетворителенъ; но онъ имѣлъ цѣлью главнымъ образомъ уничтожить привилегію богатыхъ старинныхъ корпорацій, которыя не удовлетворяютъ требованіямъ времени и не пользуются уваженіемъ и кредитомъ. Рѣшеніе парламента, конечно, только отсрочило желанную реформу, но самая реформа должна совершиться рано или поздно; раздвоеніе существующее между университетомъ и Inns должно исчезнуть. Наука права одна; изучать англійскіе законы о собственности безъ знанія римскаго права невозможно,—иначе будутъ воспитываться дѣльцы и подъячіе, а не юристы.

Пренія по поводу проекта юридическаго училища представляютъ наглядно состояніе юридическаго образованія въ Англіи, весьма близко касаются вопроса объ ученіи въ спеціальной школѣ и заключаютъ въ себѣ

много вѣрныхъ взглядовъ на предметъ; потому они приводятся здѣсь in extenso. Можно сожалѣть, что проектъ Палмера былъ отвергнутъ,—не потому, чтобы онъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ юридической школы, а лишь потому, что ненормальное положеніе Inns продолжится и что эти корпораціи станутъ еще нѣкоторое время выдавать дипломы на званіе юристовъ лицамъ неприготовленнымъ. Не въ адвокатскихъ конторахъ, а путемъ научной работы воспитываются юристы достойные своего призванія; заучиваніе текста законовъ и судебныхъ рѣшеній не даютъ ни вѣрныхъ взглядовъ, ни пониманія права; безъ приготовительной школы невозможна юридическая практика въ ея истинномъ значеніи.

М. К.

Серъ Раунделъ Палмеръ. Я предлагаю теперь постановить рѣшеніе по вопросамъ мною заявленнымъ. Для предупрежденія недоразумѣній о предметѣ и значеніи дѣла, я полагаю лучше всего указать палатѣ на цѣль, которую я имѣю въ виду и на начала, которыми я старался руководствоваться.

Цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобы палата постановила учрежденіе Юридическаго Училища, которое могло бы стать въ уровень, какъ я надѣюсь, съ лучшими училищами иностранными и въ которомъ излагались бы какъ слѣдуетъ всѣ отрасли права. Я желаю, чтобъ это Училище получило уставъ въ формѣ королевской грамоты или парламентскаго акта. Я имѣю въ виду, чтобы учреждаемое Училище было доступно каждому, не только посвящающему себя извѣстной отрасли юриспруденціи, но всѣмъ подданнымъ ея величества, за умѣренную плату. Я предлагаю, чтобъ Училище не давало преобладанія какому либо классу и не подрывало всеобщаго довѣрія къ нему. По моему плану экзамены въ учреждаемомъ училищѣ должны производиться его властью и имѣть цѣлью между прочимъ удостовѣриться въ знаніяхъ тѣхъ

лицъ, которыя намѣрены заняться практикою въ какой-либо отрасли права. Но я не предлагаю ограничивать экзамены лицами обучавшимися въ главномъ Юридическомъ Училищѣ; я не предлагаю какой-либо монополіи въ обученіи и желаю полнаго безпристрастія со стороны экзаминаторовъ, которое укрѣпило бы довѣріе къ нимъ всѣхъ наставниковъ юношества.

Конечно, каждый въ правѣ требовать, чтобъ я указалъ основанія своихъ предложеній.

Прежде всего скажу нѣсколько словъ о причинахъ, по которымъ мнѣ кажется желательнымъ учрежденіе юридическаго училища.

Я выразилъ мысль о томъ, что предлагаемое училище должно стоять въ уровень съ иностранными юридическими школами. Въ настоящее время ничего подобнаго не существуетъ въ Англіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что у насъ вовсе нѣтъ высшаго юридическаго училища. Я не стану доказывать важнаго значенія права, не буду говорить о лицахъ, достигшихъ высшаго положенія въ судахъ; мнѣ нѣтъ нужды распространяться о томъ, на сколько все общество заинтересовано въ исправленіи недостатковъ нашихъ законовъ и въ распространеніи юридическихъ свѣдѣній; мнѣ достаточно сказать, что въ настоящее время мы не имѣемъ училища. Конечно примѣръ другихъ странъ самъ по себѣ не есть безусловное доказательство; но всеобщій опытъ вполнѣ выяснилъ пользу юридическихъ училищъ.

Не стану утруждать палату подробнымъ изложеніемъ тѣхъ системъ, по которымъ подобныя училища устроены въ разныхъ странахъ. Возьму въ примѣръ лишь то, что сдѣлано во владѣніяхъ ея величества—именно въ Шотландіи. Здѣсь существуетъ хорошо организованная система обученія праву, которой должны слѣдовать всѣ желающіе заняться юридическою практикою. Въ обоихъ шотландскихъ университетахъ требуются серіозные и основательные экзамены. Во Франціи существуетъ шесть юридическихъ факультетовъ—одинъ въ столицѣ, другіе въ провинціальныхъ городахъ; желаю-

щій сдѣлаться юристомъ обязанъ пройти опредѣленный курсъ ученія весьма строгій и за тѣмъ подвергнуться публичному экзамену. Эта система, можетъ-быть, имѣетъ свои недостатки, но при ней образовались замѣчательные юристы и научное движеніе права достигло высокой степени; Франція можетъ съ гордостью указать на кодификацію и на упрощеніе своихъ законовъ. Въ другихъ странахъ принята также какая-либо система, принесшая добрые плоды. Имѣя такимъ образомъ опытъ многихъ государствъ, усвоившихъ систематическое обученіе въ школахъ и ту систему экзаменовъ, какую я предлагаю, мы можемъ надѣяться на хорошіе результаты,—тѣмъ болѣе что мы въ состояніи избѣжать чужихъ ошибокъ.

Въ какомъ положеніи находится у насъ юридическое образованіе? Каждому предоставляется изучить право какъ онъ умѣетъ, съ цѣлью практическою; на помощь ему въ этомъ дѣлѣ приходятъ лица, также занимающіяся практикою. Научныя основы знанію права не могутъ быть положены, хотя онѣ въ высшей степени желательны. Я глубоко уважаю наши законы и нашихъ судей; но истинный другъ учрежденій и лицъ не долженъ закрывать глаза на ихъ недостатки и превозносить свыше мѣры ихъ достоинства. Въ нашихъ законахъ есть, конечно, много прекраснаго, но они представляютъ собою вообще несвязную и нестройную массу; наука права сдѣлала у насъ мало успѣховъ и замѣчательныя свѣтила ея приходится искать скорѣе въ нашемъ далекомъ чѣмъ въ близкомъ прошедшемъ. Такого неизбѣжное послѣдствіе системы практическаго и только практическаго изученія, которая принята у насъ. Не было ли бы лучше, еслибы публичное учрежденіе—по крайней мѣрѣ на сколько оно можетъ сдѣлать это—поощряло и помогало нашимъ студентамъ въ стремленіи пріобрѣсти знаніе юридическихъ принциповъ и понятій и изучить право на широкихъ научныхъ и свободныхъ основаніяхъ. Я увѣренъ, что всѣ согласны съ этимъ и что различіе мнѣній можетъ касаться только способовъ осуществленія высказанной мною цѣли.

Такъ, въ 1854 году лордъ Кернсъ, признавая всю пользу увеличенія юридическихъ лекцій для всѣхъ посвящающихъ себя судебной практикѣ, полагалъ, что этой цѣли удобнѣе всего можно достигнуть въ нашихъ университетахъ и что Inns of court могли бы содѣйствовать этому посредствомъ учрежденія на свои средства каѳедръ и стипендій. Конечно, эта мѣра полезна. Но учрежденія, которыя по существу своему не суть юридическія школы, не могутъ замѣнить тѣ высшія училища, которыя я имѣю въ виду. Справедливо говоритъ серъ Генри Менъ, что при возрастающемъ значеніи нашего законодательства и при реформахъ ему предстоящихъ необходимо для практиковъ знаніе принциповъ права и что ничего нѣтъ труднѣе, какъ заставить обратиться къ научному усвоенію этихъ принциповъ тѣ лица, которыя изучаютъ законы съ цѣлью возможно-скорѣйшаго приложенія ихъ. Лордъ Вестбери и другіе указали ясно на недостатокъ у насъ научнаго и систематическаго изученія права. Тоже подтвердили два предшествовавшія парламентскія изслѣдованія по этому вопросу. Комиссія, избранная этою палатою въ 1846 году, нашла, что наши студенты-юристы почти исключительно предоставлены самимъ себѣ и совершенной случайности, такъ что ни въ Англіи ни въ Ирландіи не существуетъ обученія праву въ истинномъ смыслѣ. Королевская комиссія въ своемъ докладѣ 1855 года выразилась такъ: «теперешняя система юридическаго образованія не даетъ ни какихъ средствъ для изученія научныхъ отраслей юриспруденціи, т. е. конституціоннаго права, исторіи права, римскаго права и международнаго. Знаніе этихъ предметовъ весьма важно не только для адвоката, но и для судьи, особенно въ случаѣ назначенія его на службу въ Индіи или въ колоніи. Лучшимъ способомъ для пріобрѣтенія познаній въ нихъ служатъ лекціи и экзамены изъ прочитаннаго и изъ всей науки.»

Скажу теперь нѣсколько словъ о пользѣ той системы обученія, которая должна бы быть приложена въ проектируемомъ мною училищѣ.

Весьма многіе непризнаютъ вовсе, другіе же, наоборотъ, преувеличиваютъ значеніе лекцій. Этотъ способъ обученія не одинаково пригоденъ для всѣхъ предметовъ; онъ гораздо болѣе приспособляется къ студентамъ взрослымъ чѣмъ къ юношамъ. Но несомнѣнно, что лекціи способны возбудить интересъ и дать учащимся руководство въ усвоеніи принциповъ науки. Я не могу представить себѣ другой формы, которая такъ вѣрно противудѣйствовала бы узкости взгляда, какъ необходимому послѣдствію практическаго изученія права; поэтому лучшія сочиненія по юриспруденціи, пользующіяся авторитетомъ во всѣхъ странахъ, явились продуктомъ чтенія лекцій въ высшихъ школахъ или университетахъ. Такимъ же продуктомъ были лучшія юридическія сочиненія въ Шотландіи, равно какъ *Комментаріи* канцлера Кента и трактаты Стори и Савиньи. Въ нашей странѣ мы обращаемся за общими началами права къ Блекстону, книга котораго написана въ формѣ лекцій, читанныхъ въ Оксфордскомъ университетѣ, или къ Оустину, который читалъ лекціи въ Лондонскомъ университетѣ. Эти примѣры показываютъ существо образцоваго обученія и его значеніе въ смыслѣ руководства для молодыхъ людей: лекціи даютъ имъ способность группировать свои мысли около юридическихъ понятій и въ тоже время возбуждаютъ большой интересъ и болѣе широкія и свободныя воззрѣнія на право, чѣмъ практическое изученіе. Я могу привести свидѣтельство ученаго, слишкомъ рано похищеннаго у науки, покойнаго В. Д. Льюиза, который былъ самъ преподавателемъ въ Gray's Inn; въ началѣ своего поприща онъ былъ предубѣжденъ противъ лекцій, но потомъ на опытѣ убѣдился въ ихъ необычайной пользѣ; Льюизъ прибавляетъ, что онъ самъ, какъ практикъ, извлекъ бы для себя громадную пользу, если бы имѣлъ возможность получить научное знаніе права. Это свидѣтельство Льюиза я заимствую изъ его показаній, данныхъ въ 1854 году.

Перехожу къ другому вопросу, имѣющему также общій характеръ. По моей мысли, юридическая школа имѣетъ въ виду не однихъ только практиковъ; ея поль-

за для нашего отечества распространяется далеко за предѣлы приготовленія къ практической дѣятельности. Не подлежитъ сомнѣнію, что возбужденіе интереса къ серіозному и систематическому изученію права не только между студентами-юристами, но и во всемъ обществѣ споспѣшествуетъ всякой здравой реформѣ въ законодательствѣ. Какъ скоро вы способны обнять предметъ во всемъ его объемѣ, увидѣть связь между подробностями закона и юридическими понятіями,—вы можете понять также истинное значеніе сомнительнаго проекта законодательной реформы и истинную потребность благотворнаго измѣненія закона. Я воспользуюсь въ этомъ случаѣ замѣчаніемъ, которое было сдѣлано недавно ученымъ судьею, вицеканцлеромъ Уикинсомъ, человѣкомъ наиболѣе компетентнымъ и пользующимся высокимъ уваженіемъ въ магистратурѣ и адвокатурѣ. Ученый судья высказалъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что упрощеніе законодательства зависитъ отъ его научнаго изученія, и что этому послѣднему теперь необходимо содѣйствовать по преимуществу.

Послѣ этихъ общихъ соображеній перейду къ подробностямъ. Прежде всего я считаю весьма важнымъ, чтобы въ основаніе юридической школы легла система, въ которой не было бы ничего исключительнаго и узкаго, ничего преждевременно и безполезно вносящаго различіе, вытекающее изъ послѣдующаго практическаго занятія тою или другою отраслью права. Въ періодъ ученія главная цѣль должна состоять въ пріобрѣтеніи возможно большаго количества свѣдѣній, безъ различія будущихъ атторнеевъ, солиситоровъ или баристеровъ. Высшая школа назначается для всѣхъ юристовъ, какой бы отрасли практической дѣятельности они ни посвящали себя въ послѣдствіи; она назначается также для всѣхъ желающихъ приготовиться къ публичной дѣятельности въ парламентѣ и въ магистратурѣ. Высокопочтенный министръ финансовъ жаловался на недостатокъ способныхъ людей для занятія судебныхъ мѣстъ въ колоніяхъ; повсюду высказывается потребность въ людяхъ, знакомыхъ не съ практикою англійскихъ судовъ, но съ

наукою права для отправленія правосудія въ Индіи. Я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію министра финансовъ, который сказалъ слѣдующее: «я думаю, что юридическое образованіе нужно понимать шире, чѣмъ образованіе адвокатовъ и даже судей; я думаю, что въ высшей степени желательно, чтобы каждый англичанинъ, имѣющій достаточно средствъ и времени, пріобрѣлъ знаніе права въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ какъ это дѣлается теперь.»

Мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы предлагаемая мною школа была основана на широкихъ началахъ; чтобы она не была исключительно назначена для практиковъ; чтобы она давала знаніе научныхъ и общихъ принциповъ и служила бы всѣмъ, кто хочетъ изучить законы своей страны и общія начала права.

Теперь спрашивается, какимъ образомъ достигнуть указанной цѣли. Отвѣтомъ на это можетъ служить второе основаніе, предложенное мною, а именно чтобы юридическая школа была государственнымъ учрежденіемъ. Мы слишкомъ долго оставляли дѣло юридическаго образованія въ рукахъ безотвѣтственныхъ корпорацій, которыя оказались неспособными выполнить свою задачу. Дѣло, о которомъ я говорю, можетъ быть совершено только государственною властью. Намъ нужно учрежденіе, независящее отъ большей или меньшей дѣятельности и отъ измѣнчивости взглядовъ корпорацій, стоящихъ внѣ публичной отвѣтственности; намъ нужна школа, которая имѣла бы свой уставъ, утвержденный актомъ парламента или королевскою хартіею. Мы теперь болѣе далеки отъ нормальнаго положенія дѣла, чѣмъ были нѣсколько вѣковъ назадъ. Говоря о царствованіи Генриха VI, высшій судья Фортескью въ своемъ знаменитомъ сочиненіи представляетъ отчетъ о десяти канцлерскихъ Inns и о четыхъ судебныхъ Inns, изъ котораго видно, что въ нихъ было 3.000 студентовъ и что они весьма близко походили на университетъ. Поэтому нынѣшній министръ финансовъ имѣлъ полное право сказать слѣдующее: «Inns of court при настоящемъ своемъ устройствѣ представляютъ собою университетъ въ періодъ упадка. Они находятся въ томъ

же положеніи, въ какомъ былъ оксфордскій университетъ въ концѣ прошлаго вѣка, когда онъ передалъ коллегіямъ право давать ученыя степени, слѣдствіемъ чего былъ самый низкій уровень требованій для ихъ полученія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія университетъ преобразованъ, онъ сталъ производить экзамены и повысилъ уровень ученія. Прилагая это къ Inns of court, можно сказать, что необходима какая-нибудь центральная власть, которая давала бы степень беристера.» Комиссіи 1846 и 1854 не шли дальше вопроса о приготовленіи практиковъ; но онѣ также высказались въ пользу сліянія всѣхъ Inns въ одно цѣлое, нѣчто въ родѣ университета.

Нечего опасаться, что такое сліяніе поведетъ къ монополіи юридическаго образованія. Я не думаю настаивать на томъ, чтобы всѣ, желающіе выдержать экзаменъ или получить право дѣйствовать на судебномъ поприщѣ, непремѣнно обучались въ проектируемой мною школѣ. Я съ удовольствіемъ слѣжу за тѣми улучшеніями, которыя вводятся въ юридическихъ факультетахъ университетовъ лондонскаго, оксфордскаго и кембриджскаго; мнѣ особенно пріятно слышать о предполагающихся юридическихъ школахъ въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ; я надѣюсь, что такія же школы будутъ учреждены и въ другихъ городахъ нашего отечества. Я ожидаю много хорошаго отъ этаго движенія и желалъ бы, чтобы новыя школы дѣйствовали совмѣстно съ тѣмъ центральнымъ учрежденіемъ, которое я предлагаю. Я увѣренъ, что при хорошей центральной школѣ возникнетъ нѣсколько меньшихъ; но безъ первой трудно оживить послѣднія и придать имъ надлежащую энергію.

Было дѣлаемо возраженіе противъ привилегіи экзаменовъ, которая будто бы предоставляется преподавателямъ центральной школы. Но я не имѣю въ виду такой привилегіи. Пусть правительство опредѣлитъ управленіе школы; пусть оно найдетъ способнѣйшихъ представителей различныхъ отраслей правовѣдѣнія и нашедши ихъ, по выбору или другимъ способомъ, приметъ мѣры для обезпеченія ихъ безпристрастія. По моему

мнѣнію, экзаминаторы должны избираться по возможности не изъ преподавателей.

Какъ бы то ни было, учрежденіе новой школы права составляетъ предметъ всеобщаго желанія. Я получилъ объ этомъ заявленіе отъ университетскихъ преподавателей, отъ юридическихъ обществъ, отъ атторнеевъ, солиситоровъ, клерковъ, отъ студентовъ и отъ великобританскаго юридическаго общества, за подписью 6.000 лицъ. Всѣ они согласны въ томъ, что юридическая школа возвыситъ значеніе практики и не произведетъ смѣшенія между ея различными отраслями. Въ Шотландіи будущіе атторнеи и солиситоры учатся вмѣстѣ съ будущими адвокатами и беристерами. Совмѣстное ученіе не предполагаетъ однако тождественнаго экзамена. Желающіе могутъ, конечно, подвергаться испытанію изъ всѣхъ предметовъ; но тому, кто имѣетъ въ виду сдѣлаться беристеромъ, слѣдуетъ предоставить право держать экзаменъ изъ нѣкоторыхъ предметовъ, равно какъ и тѣмъ, кто хочетъ поступить въ атторнеи или солиситоры. Можно требовать отъ каждаго тѣхъ знаній, которыя необходимы для той или другой карьеры, но не должно лишать возможности пріобрѣсти каждому полное юридическое образованіе.

Мое изложеніе будетъ не полно, если я не скажу ничего о средствахъ содержанія новаго учрежденія. По мнѣнію лицъ знакомыхъ съ дѣломъ, юридическая школа можетъ содержаться на собственныя средства, платою за слушаніе лекцій и за экзамены. Я не думаю, чтобы правительство взяло на себя содержаніе школы, какъ это сдѣлано во Франціи. Но я не вижу никакого препятствія къ тому, чтобы капиталы, которыми владѣютъ Inns, были обращены въ пользу юридической школы и, въ случаѣ несогласія этихъ корпорацій на отчужденіе ихъ капиталовъ, правительство обязано принудить ихъ къ тому.

Заключаю мою рѣчь слѣдующимъ формулированіемъ своего предложенія:

1) желательно, чтобъ учреждена была высшая юридическая школа въ Лондонѣ для обученія всѣхъ жела-

ющихъ посвятить себя практикѣ по различнымъ отраслямъ права и всѣхъ подданныхъ ея величества нуждающихся въ юридическомъ образованіи.

2) желательно, чтобы въ означенной школѣ производились испытанія безпристрастно избранными экзаминаторами и чтобы свидѣтельства о выдержаніи таковыхъ испытаній въ томъ объемѣ, въ какомъ это необходимо для разныхъ видовъ практики, требовались для занятія тою или другою практикою.

О. Морганъ поддерживаетъ предложеніе.

Генералъ-атторней. Палата общинъ и сословіе, къ которому я имѣю честь принадлежать, обязаны благодарностью почтенному и ученому члену отъ Ричмонда за внесенное имъ предложеніе. Исполненный гордости, что принадлежу къ той корпораціи, которой онъ служитъ украшеніемъ, и глубокой признательности за все сказанное имъ, я приступаю къ вопросу съ полнымъ желаніемъ по возможности согласиться на сдѣланное сейчасъ предложеніе. Но вполнѣ сочувствуя оратору въ принципѣ, я долженъ указать основанія, по которымъ принятіе палатою представленнаго ей плана было бы преждевременнымъ.

По моему убѣжденію, юридическое образованіе у насъ неудовлетворительно и недостойно великой страны, гражданами которой мы имѣемъ счастіе быть. Я думаю также, что четыре Inns of court сдѣлали далеко не то, чего можно было ожидать отъ ихъ значенія и богатыхъ денежныхъ средствъ. Что касается до этихъ средствъ, то я полагаю, что парламентъ имѣетъ полное право располагать ими, хотя размѣръ ихъ мнѣ кажется преувеличеннымъ: четыре Inns могутъ расходовать ежегодно не болѣе какъ отъ 25.000 до 30.000 фунтовъ, хотя валовой доходъ ихъ простирается до 60.000 ф.

Но возвращаюсь къ существу вопроса. Прежде всего Inns of court имѣютъ всею задачею изученіе англійскаго права и владѣютъ средствами для основанія школы этого права. Какъ же можно изучать англійское право? Думать, что это возможно въ формѣ лекцій, значитъ глубоко заблуждаться; его можно изучить въ прак-

тикѣ судовъ общаго права и канцлерскаго и только въ этой практикѣ. Объясню причину. Наша система законовъ сохранилась отъ среднихъ вѣковъ въ ненаучной формѣ до настоящаго времени, за исключеніемъ, говоря вообще, законовъ о собственности на недвижимыя, торговыхъ законовъ и сравнительно-новаго закона о повинностяхъ; первыя два законодательства въ большей степени научны, послѣднее гораздо въ меньшей. Поэтому англійскаго права нельзя изучать иначе какъ на практикѣ. Я надѣюсь дожить до того дня, когда снимется упрекъ съ нашего отечества, надѣюсь дожить до Англійскаго Кодекса, составленіе котораго вовсе нетрудно и сдѣлаетъ честь правительству, желающему получить право на благодарность современниковъ и потомства. Но составленія кодекса нельзя достигнуть однимъ собраніемъ и соглашеніемъ несовмѣстимыхъ рѣшеній; необходимо поручить дѣло компетентнымъ лицамъ, которыя сумѣли бы изложить законъ. Но пока нельзя изучать правъ, не показавъ его приложенія въ судахъ.

Я не отрицаю впрочемъ возможности излагать общія начала, которыя лежатъ въ основѣ ненаучнаго права англійскаго и иностраннаго, а также пользы отъ совмѣстнаго изученія двухъ отраслей юридической практики. Правда, атторнеи большею частью начинаютъ свое ученіе нѣсколькими годами раньше беристеровъ, а потому трудно обучать въ одномъ и тамъ же классѣ людей разнаго возраста; но это практическое затрудненіе можетъ быть устранено въ виду того вреда, который производитъ излишнее отчужденіе двухъ видовъ практики.

Обращаюсь къ другому вопросу, поднятому моимъ ученымъ другомъ. Онъ утверждаетъ, что на государствѣ лежитъ обязанность обучать праву. Я не рѣшусь согласиться съ этимъ. Если государство не обязано приготовлять медиковъ, богослововъ или гражданскихъ инженеровъ, то я не вижу, почему государство обязано воспитывать юристовъ. Сущность предложенія, сдѣланнаго палатѣ, состоитъ въ томъ, что школа должна быть учреждена государствомъ и что на государство падаетъ

отвѣтственность за нее. Но мой ученый другъ идетъ далѣе и выражаетъ желаніе, чтобы учреждаемая школа производила экзамены. Съ этимъ я позволю себѣ не согласиться. Заботясь объ экзаменахъ, возвышайте ихъ уровень, вмѣшивайтесь прямо или косвенно въ дѣло экзаменовъ, но не ставьте ихъ въ зависимость отъ школы. Пусть экзамены останутся внѣ школы, пусть они производятся независимыми корпораціями, которыя заинтересованы въ ихъ серіозности. Судебныя Inns должны исполнить ту задачу, которую мой ученый другъ возлагаетъ на новое учрежденіе; если же новая школа возникнетъ внѣ Inns, то она лишится содѣйствія мѣстныхъ ассоціяцій и значительныхъ денежныхъ средствъ.

Inns не отказываются затрачивать свой капиталъ на содержаніе профессоровъ по тѣмъ предметамъ, которые могутъ быть изучаемы въ формѣ лекцій. Чтобы лекціи принесли пользу, необходимы способные и хорошо вознаграждаемые профессора, а такое вознагражденіе въ состояніи дать только Inns. Я увѣренъ, что со временемъ они сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы поднять уровень экзаменовъ; поэтому я считаю себя обязаннымъ подать голосъ противъ главной юридической школы.

Волполъ. Я готовъ поддерживать предложеніе ученаго члена отъ Ричмонда по двоякому основанію: я увѣренъ, что оно принесетъ огромную пользу юридической профессіи и еще большую цѣлому обществу. Дѣйствительно, отъ практиковъ потребуется не одной только смышленности, но основательнаго и широкаго знанія юриспруденціи, на которой должна быть построена наша система законовъ какъ въ Англіи такъ и въ прочихъ владѣніяхъ ея величества. Извѣстно, что практическая опытность пріобрѣталась и пріобрѣтается въ конторѣ адвоката; но развѣ можетъ такое знаніе законовъ сколько нибудь замѣнить изученіе тѣхъ великихъ началъ правовѣдѣнія, безъ которыхъ немыслимо правосудіе? Не подлежитъ сомнѣнію, что окажется въ высшей степени полезнымъ знаніе различныхъ отраслей права, не ограничивающееся общимъ англійскимъ и кан-

плерскимъ, но обнимающее собою начала гражданскаго, конституціоннаго и международнаго правъ.

По смыслу внесеннаго въ палату предложенія, рѣчь идетъ объ учрежденіи юридической школы, которая содержалась бы и управлялась государствомъ. Существующія Inns имѣютъ публичный характеръ въ томъ смыслѣ, что судьи признаютъ за ними право допускать студентовъ къ юридической практикѣ; но съ другой стороны эти учрежденія суть частныя, потому что отъ нихъ зависитъ опредѣленіе предметовъ ученія и дисциплины. По моему мнѣнію необходимо опредѣлить особымъ парламентскимъ актомъ, должна ли будущая школа получить характеръ вполнѣ государственный, т. е. управляться государствомъ, или же она должна только находиться подъ опредѣленнымъ контролемъ государства. Что касается до экзаменовъ, то изъ разсматриваемаго нами проекта, нельзя вывести заключенія, будто юридическая школа получитъ исключительное право производить испытанія; во всякомъ случаѣ излишнія опасенія въ этомъ дѣлѣ не должны служить препятствіемъ къ принятію основной мысли, въ справедливости которой всѣ согласны. Палата должна выразить свое мнѣніе о необходимости юридической школы и предоставить правительству разработать подробности дѣла по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ сторонъ его.

Гарди. Я согласенъ, что необходимо сдѣлать существенныя улучшенія въ образованіи членовъ судебнаго сословія, но нахожу также, что сдѣланное палатѣ предложеніе не можетъ быть принято по своей неопредѣленности. Съ другой стороны мнѣ кажется, что смыслъ предложенія состоитъ въ томъ, чтобъ основать факультетъ на правахъ университета, а это по необходимости понизитъ юридическіе факультеты университетовъ, которые, конечно, неудовлетворительны, но могли бы быть улучшены. Правда, почтенный и ученый членъ отъ Ричмонда не говоритъ объ юридическомъ университетѣ; но практическимъ слѣдствіемъ его проекта будетъ именно такое учрежденіе. Онъ ссылается на Шотландію. Но вѣдь тамъ всѣ адвокаты и нотаріусы получаютъ образованіе

въ университетахъ. Я не возражалъ бы ни слова, если бы предлагаемая юридическая школа содержалась на свои средства: въ такомъ случаѣ она конкурировала бы съ Inns и это было бы полезно. Но членъ предлагающій эту школу даетъ понять, что на ея содержаніе должны быть обращены средства Inns. Хотя я и состою членомъ одного изъ Inns, однако принимаю мало участія въ его дѣлахъ и могу говорить о немъ безпристрастно. Въ моей практикѣ я замѣчалъ постоянно одно и тоже явленіе: окончившіе свое ученіе въ университетахъ оказывались на дѣлѣ несостоятельными и уступали своимъ противникамъ, которые пріобрѣли практическую снаровку; богатство знаній ученаго остается въ его кладовой, практикъ выставляетъ его напоказъ. Мнѣ случалось встрѣчать людей съ очень бѣднымъ юридическимъ образованіемъ, почти не имѣющихъ понятія о правѣ, но весьма искусныхъ въ перекрестныхъ вопросахъ и въ защитѣ подсудимаго. Никакіе экзамены не могутъ замѣнить практическаго такта.

Но признавая даже значеніе экзаменовъ, не слѣдуетъ ставить для нихъ очень строгія требованія. Техническое образованіе солиситора обыкновенно начинается въ 16 или 17 лѣтъ отъ роду, между тѣмъ какъ если бы беристеры захотѣли поступить въ университетъ, они не могли бы начать своей карьеры раньше 23-хъ или 24 лѣтняго возраста; наилучше образованные атторнеи проходятъ также университетскій курсъ. Поэтому если бы юридическіе факультеты или школы въ нашихъ университетахъ были улучшены, то лучшіе люди въ обѣихъ сторонахъ юридической практики могли бы получать образованіе совмѣстно. Но при этомъ нельзя упускать изъ виду, что атторнеи большею частью люди недостаточные, обязанные добывать себѣ возможно скорѣе средства жизни, тогда какъ беристеры почти всегда дѣти достаточныхъ родителей, дающихъ имъ содержаніе до болѣе поздняго возраста.

По моему убѣжденію, право должно быть изучаемо въ университетахъ и не слѣдуетъ домогаться сліянія двухъ юридическихъ профессій, чуждыхъ другъ другу.

Государство исполнитъ свою обязанность, если позаботится объ учрежденіи юридическихъ школъ въ университетахъ, также о томъ чтобъ въ Inns of court были приняты надлежащія мѣры къ обученію студентовъ и чтобы въ обѣ отрасли юридической практики допускались лица подготовленныя.

Королевскій солиситоръ. По моему убѣжденію, правительство не можетъ принять сдѣланнаго предложенія объ юридической школѣ, по причинѣ его неопредѣленности. Мнѣ кажется, что ни палата, ни публика не знакомы съ дѣйствительнымъ положеніемъ Inns. Линколнскій Inn пріобрѣлъ свою собственность покупкою. По подпискѣ его членовъ, 8 февраля 1580 года было куплено зданіе за 520 фунтовъ; 10 мая 1584 года купленъ садъ за 20 марокъ или около 13 гиней, такъ что цѣнность всего имущества линколнскаго инна составляетъ 534 фунта. Въ настоящее время цѣну его можно опредѣлить въ 300 или 400 тысячъ фунтовъ. Но несправедливо мнѣніе, будто свою собственность линколнскій иннъ пріобрѣлъ платою со студентовъ. Напротивъ студенты приносятъ ему убытокъ. Въ 1871 году съ 450 студентовъ получено 1.928 фунтовъ, а за одни обѣды, не включая вина, заплачено 1.688 фунтовъ. Корпорація получаетъ съ каждаго студента при его пріемѣ по 8 фунтовъ 11½ шиллинговъ; въ то же время правительство взыскиваетъ съ него 25 фунт. 2½ шил. Далѣе въ теченіи трехъ лѣтъ студентъ платитъ по 15 гиней, за что получаетъ право на 72 даровыхъ обѣда и на мѣсто въ церкви. При выходѣ онъ взноситъ въ пользу общества 11 фун. 7½ шил. и 20 фунтовъ на библіотеку, а правительство за допущеніе къ судебной практикѣ взыскиваетъ 50 фунт. 2½ шил. пошлинъ. Затѣмъ бывшій студентъ обязанъ платить только 1 фунтъ ежегодно или 14 единовременно. Конечно желательно, чтобы собственность инновъ получила приращеніе и была обращена на развитіе ученія; но относительно этого существуетъ только несовершенная обязанность со стороны инновъ. По изслѣдованію комиссіи 1854 года оказалось, что въ Inner Temple ежегодный остатокъ достигаетъ 5.224 фунтовъ,

въ Middle Temple 1 фунтъ, въ Lincoln's Inn 3,897, а въ Gray Inn существуетъ дефицитъ въ 374 фунта. Но всѣ указанные остатки суть воображаемые; они должны быть поглощены необходимыми постройками, такъ какъ зданія инновъ пришли въ ветхость.

Опровергнувъ мнимое богатство инновъ, скажу о томъ, что ими сдѣлано.

Въ 1851 году четыре инна учредили пять профессуръ, названныхъ чтеніями. Лекціи читались по различнымъ отраслямъ права—по общему праву, канцлерскому, римскому, по юриспруденціи и по законамъ о поземельной собственности. Впослѣдствіи присоединена шестая профессура—индійскаго и мугамеданскаго права. Число слушателей доходило до 300. Это число было бы еще значительнѣе, если бы существовали обязательные экзамены, которые приняты четырьмя иннами только въ прошломъ году. Положено избирать совѣтъ изъ пяти членовъ отъ каждаго инна и этому совѣту предоставить право назначать экзаминаторовъ. Сверхъ того необходимо было увеличить фондъ для вознагражденія профессоровъ; тому же совѣту предоставлено было пригласить новыхъ преподавателей за высшую плату или увеличить плату лучшимъ изъ преподающихъ профессоровъ. Нельзя ставить въ вину иннамъ, если они и затѣмъ въ цѣлой странѣ не найдутъ способныхъ ученыхъ. Предложеніе ученаго члена отъ Ричмонда подвинуло еще болѣе инны на пути улучшенія преподаванія и обязательности экзаменовъ.

Было высказано желаніе, чтобы не только студенты инновъ, но также молодые люди, не предназначающіе себя къ судебному поприщу и даже члены парламента, получили возможность изучать науку права. Я вполнѣ присоединяюсь къ этому желанію и думаю, что оно легко можетъ осуществиться. Пусть министръ финансовъ не взыскиваетъ пошлинъ съ тѣхъ студентовъ, которые объявятъ, что не намѣрены идти въ судьи или адвокаты; тогда каждый за 8 фунтовъ 11 шил. получитъ возможность поступить въ студенты инна и слушать превосходныя лекціи.

Рѣчь шла объ атторнеяхъ и солиситорахъ. Если бы ничего не было сдѣлано для ихъ образованія, то я былъ бы согласенъ въ необходимости принять безотлагательныя мѣры къ его улучшенію. Но въ дѣйствительности сдѣлано многое и весьма успѣшно. Юридическое общество на свой счетъ содержитъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ значительное число профессоровъ и экзаминаторовъ для обученія клерковъ,—и я невижу никакой необходимости торопиться учрежденіемъ новой школы, какъ бы она хороша ни была, и связать себя принятіемъ неопредѣленнаго и нея̀снаго предложенія о ней. Мысль достопочтеннаго члена отъ Ричмонда подвергается различнымъ толкованіямъ; уже одно это доказываетъ, что она еще не выяснилась вполнѣ.

Теперь скажу о результатахъ произведенныхъ слѣдствій по занимающему насъ вопросу. Въ 1846 году палата назначила комиссію для изысканія мѣръ къ расширенію юридическаго образованія въ Англіи и Ирландіи. Комиссія предложила иннамъ то, что ими въ настоящее время исполнено. За тѣмъ королевская комиссія 1854 года имѣла цѣлью изслѣдовать не устройство судебныхъ инновъ, а мѣры обезпеченія систематическаго обученія студентовъ-юристовъ; заключеніе этой комиссіи были тѣ же, что и прежней. Съ тѣхъ поръ не было офиціальныхъ изслѣдованій, и я спрашиваю, возможно ли безъ новой спеціальной комиссіи, только на основаніи отвлеченныхъ началъ, принять рѣшеніе, несогласное съ прежнимъ. Прежнія комиссіи высказались въ пользу установленія иннами лекцій и экзаменовъ,—и на то и на другое инны согласны. Теперь же предложеніе о главной юридической школѣ возлагаетъ все на правительство. Въ такомъ случаѣ правительству необходимо знать напередъ, въ чемъ состоитъ желаніе палаты. Нельзя ограничиться простымъ выраженіемъ, что палата желаетъ установленія чего-то, на столько неопредѣленнаго, что потребовалось цѣлый часъ для объясненія смысла сдѣланнаго предложенія. Поэтому, соглашаясь съ основною цѣлью—принятія лучшей системы обученія во всѣхъ

отрасляхъ права,—я къ сожалѣнію не могу поддерживать проекта.

Гледстонъ. Я желалъ бы поставить поднятый вопросъ на настоящую почву. Предложеніе почтеннаго члена по существу своему требуетъ постановки предварительнаго вопроса. Поэтому тѣ, кто подастъ голосъ противъ предложенія, тѣмъ самымъ выскажутъ мнѣніе, что они не считаютъ удобнымъ немедленно принять его; такое рѣшеніе не касается достоинствъ или недостатковъ самого предложенія. Простое заявленіе мнѣнія палаты не связываетъ правительство, но оно не поведетъ ни къ чему. Комитетъ и комиссія рѣшили, что реформа въ обученіи праву должна исходить отъ судебныхъ инновъ и отъ юридическаго общества и что она должна быть совершена этими корпораціями. Правительство намѣрено дѣйствовать на основаніи этаго рѣшенія. Пусть названныя корпораціи представятъ свой планъ улучшенія юридическаго образованія и обратятся за содѣйствіемъ къ правительству. Но повторяю, подача голосовъ по предварительному вопросу, каковъ бы ни былъ его исходъ, нисколько не уменьшаетъ значенія сдѣланнаго ученымъ членомъ предложенія; повторяю также, что существуютъ границы, въ которыхъ правительство можетъ оказать содѣйствіе практическому движенію дѣла и которыхъ оно не переступитъ безъ несомнѣнно заявленнаго требованія общественнаго мнѣнія.

Исходъ преній и факты, приведенные защитниками и противниками предложенія о высшей юридической школѣ, указываютъ на печальное положеніе научнаго образованія англійскихъ беристеровъ и атторнеевъ. Планъ реформы академическаго ученія предоставленъ практикамъ; при обсужденіи вопроса обращалось также исключительное вниманіе только на приготовленіе беристеровъ, на изученіе „ненаучнаго“ англійскаго права и на сокращеніе экзаминаціонныхъ требованій до крайняго предѣла. Никто не обратилъ вниманія на то, что школа должна воспитывать юриста, а не знатока судеб-

ныхъ рѣшеній или старообычнаго права и что слѣдовательно предметы преподаванія должны опредѣляться наукою права, а не будущею практическою дѣятельностью студента.

Повидимому, значительное вліяніе на исходъ преній имѣлъ монопольный характеръ предложенной Палмеромъ школы. Дѣйствительно, передать всѣ экзамены въ руки центральнаго учрежденія значило бы уничтожить конкуренцію между юридическити факультетами и искусственно поддерживать одинъ изъ нихъ. Конечно, государство должно удостовѣряться въ томъ, что судебною практикою занимаются люди, вполнѣ къ ней приготовленные, оно можетъ установлять тѣ или другія требованія отъ экзаминующихся. Но гораздо лучше или поставить испытанія на степени совершенно внѣ университетовъ, какъ это принято въ Германіи, или передать право экзаменовъ одинаково всѣмъ факультетамъ, какъ напр. во Франціи и у насъ; иначе школы были бы поставлены въ ненормальное положеніе. Опытъ показываетъ, что привилегированныя юридическія училища скоро понижаютъ уровень своихъ требованій и въ научномъ отношеніи становятся крайне неудовлетворительными.

Несомнѣнно, что отдѣленіе служебныхъ экзаменовъ отъ школы имѣетъ огромныя преимущества. При такомъ отдѣленіи школа можетъ сосредоточиться исключительно на научныхъ требованіяхъ, не заботиться о тѣхъ практическихъ свѣдѣніяхъ, которыя пригодны для юриста въ его будущей разнообразной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, служебная карьера окончившихъ курсъ студентовъ далеко не одинакова; задаваясь практическими задачами, школа должна чрезмѣрно расширить кругъ своего преподаванія и ввести въ него свѣдѣнія, находящіяся въ самой далекой связи съ правомъ: судебную медицину для судей и слѣдователей, сельское хозяйство, технологію, бухгалтерію, геологію и пр. для финансовъ, французскій языкъ для посвящающихъ себя дипломатическому поприщу и т. д. Стремясь къ достиженію такихъ „практическихъ“ цѣлей, школа по не-

обходимости потеряетъ свой научный характеръ и едва ли въ состояніи будетъ приготовить серіозныхъ практическихъ дѣятелей. Вмѣсто юридическаго училища нужно бы въ такомъ случаѣ устроить школы административныя, финансовыя и тому подобныя.

Опыты такого дробленія юридической школы на основаніи не научномъ, а въ виду будущей карьеры молодыхъ людей, были дѣлаемы не разъ. Печальный примѣръ ихъ представляютъ такъ-называемые камеральные факультеты. Въ самой Германіи существуетъ такой факультетъ въ Тюбингенѣ для приготовленія чиновниковъ по министерству финансовъ; у насъ также нѣкоторые университеты устроили „административныя“ отдѣленія юридическихъ факультетовъ (къ счастью, весьма малочисленныя). Разъ вступивши на почву приготовленія практиковъ, юридическая школа, чтобы быть послѣдовательною, должна идти далѣе: кромѣ камералистовъ и администраторовъ, она должна готовить чиновниковъ по каждому министерству особо и для каждаго имѣть свое отдѣленіе или факультетъ. Для собственно-юридической школы останется приготовленіе чиновниковъ министерства юстиціи, да и здѣсь можно отдѣлить цивилистовъ отъ криминалистовъ, какъ въ Англіи отдѣляются такъ называемые юристы староанглійскаго права, канцлерскаго права, римскаго и каноническаго правъ. Однимъ словомъ, при такомъ порядкѣ вещей серіозное юридическое образованіе немыслимо, отъ него нужно отказаться заранѣе, ибо только цѣльное знаніе права, а не его практическихъ развѣтленій образуетъ юриста.

Служебные экзамены, если таковые признаны необходимыми, должны бы производиться отдѣльно отъ экзаменовъ въ школѣ. У насъ напр. такіе экзамены существуютъ для поступающихъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ; при этомъ, за исключеніемъ предметовъ, преподаваемыхъ въ юридическихъ факультетахъ, требуется знаніе французскаго языка и исторіи русскихъ трактатовъ. На основаніи судебныхъ уставовъ, въ принципѣ принято, чтобы мѣста по судебному вѣдомству могли получать только лица, прошедшія курсъ юридиче-

скихъ наукъ, хотя напрактикѣ дѣлается отступленіеотъ этого правила и юридическое образованіе замѣняется юридическою практикою. Въ другихъ отрасляхъ государственной службы принимаются безразлично молодые люди, окончившіе университетскій и гимназическій курсъ и только по учебному вѣдомству введены спеціальныя испытанія, на званіе учителей разныхъ степеней.

Несомнѣнно, такіе спеціальные экзамены условливаются необходимостью тѣхъ или другихъ свѣдѣній особо для каждой отрасли служебной дѣятельности. Но для того, чтобъ эти экзамены достигали цѣли, необходимо допускать къ нимъ—какъ это принято въ Германіи—только лица, прошедшія факультетскій курсъ, подобно тому какъ въ факультетахъ экзаминуются только молодые люди, окончившіе курсъ гимназическій.

Этого мало. Лица, состоящія на службѣ, подвергаются новымъ испытаніямъ, поддерживающимъ ихъ энергію.

Въ Германіи гдѣ система служебныхъ экзаменовъ вообще получила широкое развитіе, ни въ одной отрасли службы нѣтъ такого количества испытаній, новиціатовъ и искусовъ, какъ по судебному вѣдомству. Можетъ-быть они были бы полезны и въ другихъ вѣдомствахъ. Едва ли можно одобрить тотъ порядокъ вещей, при которомъ только-что окончившій курсъ ученія молодой человѣкъ получаетъ одно изъ высшихъ мѣстъ въ управленіи или въ судѣ; независимо отъ служебной постепенности, поступающій на практическую дѣятельность долженъ пріобрѣсти извѣстный навыкъ и особаго рода знанія. Пусть служба продолжаетъ дѣло школы; но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ освободить юридическую школу отъ практическихъ пріемовъ и задачъ, дать ей возможность сосредоточиться на научныхъ требованіяхъ. Въ нашихъ 15-ти томахъ Свода Законовъ заключается весьма много техническихъ свѣдѣній; въ практикѣ каждый администраторъ и юристъ имѣетъ нужду въ многообразныхъ свѣдѣніяхъ медицинскихъ, сельско-хозяйственныхъ, строительныхъ, въ счетоводствѣ и т. д. Но никто не станетъ требовать, чтобы всѣ эти свѣдѣнія входили въ со-

ставъ факультетскаго преподаванія и экзаменовъ; они или восполняются на практикѣ экспертами, или же легко пріобрѣтаются внѣ юридической школы. Нельзя пріобрѣсти помимо этой школы только основательнаго знанія права, нельзя внѣ ея усвоить юридическія понятія и развить способность юридическаго анализа и синтеза.

Обращаясь къ англійскому проекту, нельзя не видѣть всѣхъ его недостатковъ. Предполагавшееся училище должно было имѣть въ одно время характеръ экзаминаціонной комиссіи и школы; въ ней должны бы подвергаться испытанію какъ ея собственные воспитанники, такъ и приходящіе изъ другихъ школъ; эти испытанія касались бы не науки права, а знанія той или другой отрасли положительнаго законодательства Англіи. Однимъ словомъ, это была бы не юридическая школа въ истинномъ ея смыслѣ, а учрежденіе для поверхностной подготовки адвокатовъ, изъ которыхъ большинство получаютъ только званіе, но сами чувствуютъ себя неспособными къ юридической дѣятельности.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ въ юридической школѣ 1) преподавать право во всемъ его объемѣ, а не въ отдѣльныхъ частяхъ; 2) имѣть въ виду научное образованіе, а не практическое приготовленіе чиновниковъ; 3) поставить предварительное успѣшное окончаніе курса юридическихъ наукъ необходимымъ условіемъ для служебныхъ экзаменовъ, которые могутъ получать болѣе или менѣе широкое развитіе, но приготовленіе къ которымъ невозможно возлагать непосредственно на школу.

ИСТОРІЯ ПРАВА.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго лицея. Директоръ М. Капустинъ.

ИСТОРІЯ ПРАВА.

МИХАИЛА КАПУСТИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Въ типографіи Губернской Земской Управы.
1879.

При всемъ важномъ значеніи исторіи отечественнаго права, нельзя не согласиться, что изученіемъ его не исчерпываются задачи юридической школы. Только изъ общей картины движенія права у различныхъ народовъ выясняются его основные элементы и прогрессивный характеръ.

Но характеръ и объемъ академическаго преподаванія всеобщей исторіи права не опредѣлился еще точно. Она излагается въ бо́льшей части случаевъ лишь въ связи съ юридическою догматикою (энциклопедіею) и ограничивается краткими очерками; такой характеръ имѣетъ исторія права въ нѣмецкихъ руководствахъ Аренса, Варнкёнига, Гасснера, Пюттера, а также во французской энциклопедіи Эшбаха. Цѣль изложенія исторіи ограничивается при этомъ указаніемъ на постоянно-присущее человѣчеству сознаніе о правѣ, на общій принципъ, лежащій въ его основѣ; но движеніе отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ оставляется въ сторонѣ.

Недостаточность такого способа изложенія восполняется тѣмъ, что въ каждой юридической наукѣ догматическому изученію института предпосылается его историческій очеркъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что многія стороны догмы права могутъ быть объяснены только его исторіею; но отдѣльные, не связанные другъ съ

другомъ очерки не даютъ полной картины постепеннаго развитія права, какъ единаго цѣлаго.

Научная задача исторіи права достигается лишь представленіемъ постепенныхъ видоизмѣненій юридическихъ институтовъ даннаго народа или данной эпохи въ ихъ связи между собою. Обширность и многосложность такой задачи служитъ причиною тому, что бо́льшая часть попытокъ начертать полную исторію права оказывалась безуспѣшною. Но это объясняется не существомъ предмета, а тѣмъ увлеченіемъ, которому отдавались писатели, обращавшіеся къ исторіи права: одни изъ нихъ смѣшивали ее съ исторіею цивилизаціи, какъ напр. сдѣлалъ Лоранъ въ своихъ этюдахъ; другіе—Шарль Контъ, Филанджьери—сосредоточивали свое вниманіе на изслѣдованіи тѣхъ условій, которыя прямо или косвенно имѣютъ вліяніе на образованіе права. Въ обоихъ случаяхъ авторы отвлекались отъ своего главнаго предмета, безъ нужды расширяли свою задачу, дѣлали ее невыполнимою и принуждены были останавливаться на обработкѣ лишь небольшой части задуманныхъ ими трудовъ.

Мнѣ кажется возможнымъ—особенно послѣ новыхъ изслѣдованій въ области исторіи права—избѣжать указанныхъ крайностей: не ограничиваясь общими выводами, представить послѣдовательное видоизмѣненіе юридическихъ институтовъ, указать ихъ особенныя типическія черты и характеристическія подробности въ положительномъ правѣ различныхъ народовъ.

Въ настоящемъ трудѣ своемъ я дѣлаю опытъ такого изложенія. Я ограничиваюсь обозрѣніемъ *юридическихъ* памятниковъ и институтовъ, не касаясь всѣхъ сторонъ народной жизни и указывая на нихъ лишь

въ той мѣрѣ, въ какой онѣ необходимы для пониманія права. Разъ выдѣлившись изъ жизни, юридическія нормы получаютъ свое самостоятельное бытіе, составляютъ особую цѣнность, которая становится предметомъ всемірнаго оборота; въ области права происходитъ заимствованіе, передача по наслѣдству, вымираніе,—вообще всѣ явленія органической жизни. При этомъ возможно, что у народовъ, живущихъ подъ самыми разнообразными условіями и вліяніями, мы замѣчаемъ одинаковое право, и наоборотъ: у евреевъ и римлянъ, несходныхъ ни по религіи, ни по народному характеру, встрѣчаются почти тождественные юридическіе институты.

Раздѣливши всю исторію права на опредѣленныя группы, я излагаю совмѣстно институты, образовавшіеся подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій и имѣющіе одинъ общій типъ. Въ древнемъ мірѣ такихъ группъ оказывается болѣе, чѣмъ въ новомъ, такъ какъ древняя исторія представляетъ постепенную преемственность правъ, а не совмѣстное ихъ бытіе. Конечно, въ исторіи права высшей группы можно найти всегда характеристическія черты группъ предшествовавшихъ; но чтобы не раздроблять исторіи права даннаго народа по отдѣльнымъ моментамъ его развитія, я считалъ болѣе удобнымъ принять въ основаніе послѣднее проявленіе юридическаго творчества народа.

Наконецъ всеобщая исторія права не имѣетъ задачею своею изложеніе юридическихъ институтовъ *всѣхъ* народовъ; она ограничивается только наиболѣе знаменательными явленіями права. При этомъ хотя между политическими судьбами народа и его правомъ существуетъ извѣстная связь, однако для юриста твор-

чество въ области права важнѣе вліянія того или другого племени на общій ходъ исторіи. Такъ напр. еврейское право представляетъ болѣе интереса, чѣмъ бѣдная юридическимъ содержаніемъ жизнь народовъ-завоевателей, опредѣлявшихъ судьбы цивилизаціи. Для той цѣли, которую имѣетъ исторія права, достаточно указать на типическія формы институтовъ, послѣдовательно смѣнявшія одна другую, независимо отъ того, у какого народа эти формы получили свое выраженіе.

Ярославль, Лицей.
апрѣль 1872.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Право,—какъ руководящая сила дѣятельности, опредѣляющая постоянныя формы отношеній между лицами и охраняющая ихъ справедливо или равномѣрно для всѣхъ,—находится въ тѣсной связи съ тѣми явленіями жизни, для которыхъ оно служитъ нормою. Каждый юридическій институтъ существуетъ въ возможности, какъ фактъ, прежде чѣмъ получитъ свое выраженіе въ обычаѣ или законѣ: «законодательство каждаго народа, говоритъ Шарль Контъ, если только оно не имѣетъ характера произвола, должно существовать прежде своего начертанія». Право не создаетъ отношеній между людьми, а только охраняетъ своими запрещеніями и предписаніями ту форму, въ какой эти отношенія имѣютъ творческій характеръ, т. е. ведутъ къ увеличенію матеріальныхъ и нравственныхъ силъ человѣка.

Это общее понятіе о правѣ вызываетъ, по необходимости, его исторію. Право могло бы существовать неизмѣнно только подъ условіемъ неподвижности жизни. Съ теченіемъ времени возникаютъ новыя отношенія, новыя формы гражданскаго оборота, выясняется понятіе о творческомъ значеніи этихъ формъ. Право не можетъ оставаться внѣ этого движенія экономическаго развитія, идей, вѣрованій; оно по существу своему консервативно, но лишь въ томъ смыслѣ, что его опредѣленія не должны закрѣплять еще неустановившихся мнѣній, еще невыяснившихся началъ. Безъ такой сдержанности право потеряло бы свое великое значеніе: оно отражало бы на себѣ всю измѣнчивость воззрѣній и увлеченій минуты, преждевременно задержало бы раскрытіе истиннаго смысла даннаго явленія,

зачинающейся, нерѣдко мнимой, силы. Вооруженное принудительностью право должно выступать съ своими нормами лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость юридическаго опредѣленія становится несомнѣнною: измѣненія закона могутъ быть оправданы лишь дѣйствительною потребностью, когда новое запрещеніе или предписаніе удовлетворяетъ разумному требованію заявившихъ себя общественныхъ силъ.

Не измѣняя своему консервативному характеру, право движется или измѣняется постоянно. Но рядомъ съ нимъ дѣйствуютъ и другія культурныя силы народа: религія, нравственность, воспитаніе такъ же и даже въ болѣе значительной мѣрѣ служатъ руководствомъ и даютъ направленіе человѣческой дѣятельности. Весьма многія отношенія между лицами и требованія жизни остаются внѣ юридической области; а потому нельзя сказать, чтобы на правѣ непосредственно отражались всѣ явленія народной жизни. Право не тождественно съ культурою; оно выполняетъ свою особенную задачу, за предѣлы которой не можетъ выступать; оно не смѣшивается, по крайней мѣрѣ не должно смѣшиваться, съ религіею и нравами: равноправность политическая и гражданская составляетъ идеалъ развитія права.

Съ другой стороны право само оказываетъ вліяніе на жизнь. Если въ моментъ своего возникновенія право является результатомъ разнообразныхъ условій и требованій жизни, то въ свою очередь оно становится знаменательнымъ дѣятелемъ народнаго бытія и его культуры. Право поддерживаетъ или ослабляетъ нравственность, укрѣпляя или понижая чувство личной отвѣтственности, чести и самопомощи. Оно не остается безъ воздѣйствія на экономическій бытъ общества, по скольку выступаетъ съ своими опредѣленіями въ пользу извѣстныхъ формъ гражданскаго оборота. Оно содѣйствуетъ развитію науки, съ одной стороны открывая собою новую великую область человѣческаго вѣдѣнія, съ другой—обезпечивая просторъ и свободу изслѣдованіямъ. Наконецъ вліяніе права отражается и на нравахъ: силою своего дисциплинирующаго влія-

нія оно укрѣпляетъ тѣ правила общежитія и приличія (boni mores), безъ которыхъ немыслима совмѣстная жизнь людей.

Такимъ образомъ право имѣетъ свое отдѣльное бытіе, въ силу котораго движеніе права не подчиняется безусловно движенію культуры, а нерѣдко само подчиняетъ себѣ послѣднюю: заимствованіе чужого права имѣло всегда вліяніе на различныя стороны народной жизни. Поэтому возможна также *исторія права,* какъ самостоятельная наука, не тождественная съ исторіею культуры и не входящая въ составъ ея.

Содержаніемъ исторіи права служитъ постоянное прогрессивное видоизмѣненіе юридическихъ институтовъ и тѣхъ актовъ законодательной дѣятельности (въ обширномъ смыслѣ), въ которыхъ эти институты получили свое окончательное выраженіе.

См. мою *Юридическую догматику* и большинство *Энциклопедій.* Вопросъ о самостоятельности права и о происхожденіи его. Отношеніе права къ его составнымъ элементамъ.

§ 2. На основаніи содержанія исторіи права различаютъ внѣшнюю и внутреннюю исторію его, при чемъ подъ первою обыкновенно разумѣютъ прогрессивную перемѣну права въ его основныхъ моментахъ возникновенія, жизни и прекращенія, а подъ внутреннею—движеніе отдѣльныхъ институтовъ (Puchta, Inst. I. 90). Но такъ какъ моменты бытія права получаютъ свое выраженіе главнымъ образомъ въ законодательной дѣятельности народа, то внѣшняя исторія права отождествляется съ исторіею юридическихъ памятниковъ. Въ кодексахъ, въ обычномъ правѣ, въ толкованіяхъ и мнѣніяхъ юристовъ всецѣло отражаются общій характеръ права, господствующій взглядъ на него и особенности юридическаго творчества каждаго народа.

Обѣ эти стороны историческаго выраженія права равно существенны и необходимы. Безъ изученія юридическихъ памятниковъ невозможно сознательное отношеніе къ институтамъ, ихъ критическое пониманіе; не ознакомившись съ источниками, юристъ бу-

детъ лишь пассивно относиться къ положеніямъ права и легко впадетъ въ односторонность. Наоборотъ, не имѣя яснаго представленія о движеніи институтовъ, нельзя вѣрно оцѣнить значеніе источниковъ, отличить въ нихъ существенное отъ случайнаго, сдѣлать надлежащіе выводы изъ богатаго, но не всякому доступнаго матеріала.

Historia juris, antiquitates juris.

Отличіе исторіи права отъ юридическихъ древностей.

§ 3. Внутренняя и внѣшняя исторія права составляетъ предметъ изученія, въ высшей степени важный для правильнаго пониманія юридическихъ институтовъ не только въ теоретическомъ смыслѣ, но и въ практическомъ.

Исторія права указываетъ на необходимость прогрессивнаго движенія его. Она снимаетъ съ права характеръ произвольнаго или случайнаго явленія, укрѣпляетъ связь между прошедшимъ и настоящимъ юридической жизни народа и предостерегаетъ законодателя отъ увлеченій отвлеченными началами и отъ разрыва съ тѣмъ, что̀ создано долгою исторіею и что̀ потому не можетъ быть уничтожено мгновенно безъ тяжелыхъ потрясеній въ общественномъ организмѣ.

Не менѣе важно значеніе исторіи права и для науки. Она служитъ нерѣдко единственнымъ средствомъ объяснить догматическое значеніе институтовъ; она представляетъ изслѣдователю разнообразіе формъ юридическаго творчества, возбуждаетъ энергію мысли. Богатство, накопленное въ теченіи многихъ вѣковъ силою практической жизни и мышленія, становится неисчерпаемымъ источникомъ новыхъ стремленій къ отысканію истины. Юридическій институтъ переживаетъ тѣхъ, кто трудился надъ его созданіемъ; институтъ отжившій остается навсегда живымъ свидѣтелемъ никогда непрекращающагося творчества въ области права. «Прошедшее—говоритъ Гансъ (Erbr. I. XIII) — конечно, умерло для настоящаго; но не умираетъ то, что̀ составляетъ сущность прошедшаго и настоящаго, т. е. божественный разумъ».

Вотъ почему историческое изученіе права всегда

служило твердою опорою и могучимъ двигателемъ народнаго самосознанія. Дѣятельность предковъ, строителей порядка въ родной землѣ, возвышаетъ энергію духа и ободряетъ современное поколѣніе на новый трудъ. Не придавая прошедшему безусловной принудительной силы, каждый чтитъ въ немъ *свое*, воспитываетъ въ себѣ нравственное чувство уваженія и находитъ родство и связь съ своимъ народомъ. Еще Цицеронъ (de Rep., II) съ особенною силою указывалъ своимъ согражданамъ на величіе римскаго государственнаго устройства, какъ созданнаго не однимъ лицомъ, а многими, при содѣйствіи нѣсколькихъ поколѣній и вѣковъ. Въ концѣ XVIII-го столѣтія Бёркъ (Burke) въ Англіи выставлялъ исторію права оплотомъ противъ разрушительныхъ революціонныхъ стремленій. Только уваженіе къ прошедшему можетъ обезпечить постепенность движенія права, которая отличаетъ всегда народы крѣпкіе самосознаніемъ и пользующіеся уваженіемъ.

§ 4. Можно сказать съ увѣренностью, что научная разработка права получила широкое развитіе лишь съ того времени, когда ученые обратились къ исторіи юридическихъ памятниковъ и институтовъ.

Прежде другихъ Куяцій (Cujas, 1522—1590) указалъ на историческія основы римскаго и феодальнаго права. Посредствомъ анализа дѣйствовавшихъ кодексовъ онъ разложилъ ихъ на составныя части и возстановилъ первоначальныя формы каждой. Этимъ опредѣленъ былъ путь дальнѣйшаго изслѣдованія, открытъ богатый и разнообразный матеріалъ, соединенный въ одно цѣлое при Юстиніанѣ, дана возможность представить послѣдовательныя перемѣны, испытанныя каждымъ институтомъ.

Научный пріемъ, приложенный Куяціемъ, скоро былъ усвоенъ повсюду. Въ 16-мъ вѣкѣ такъ называемые номиналисты (въ противуположность реалистамъ) старались объяснить право посредствомъ всесторонняго историко-критическаго изслѣдованія его памятниковъ. Комментаріи римскаго права, составленныя Годофредомъ, Бейнкерсгукомъ, Потье, изслѣдованія французскихъ кутюмовъ Дюмулена, англійскаго

обычнаго права Бекона, нѣмецкаго права Конринга и Гейнекція были плодомъ новаго направленія. Подъ именемъ исторіи права, historia juris, излагались юридическіе памятники въ ихъ составныхъ частяхъ, а также указывались общія характеристическія черты права извѣстнаго народа. Что же касается отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ, то они излагались въ формѣ юридическихъ древностей, antiquitates juris, при чемъ каждый институтъ представлялся не въ своемъ постепенномъ движеніи, а въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ опредѣленную эпоху.

Но никогда историческое изученіе права не достигало такой силы, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, преимущественно въ Германіи. Здѣсь еще въ 18-мъ вѣкѣ Мозеръ выступилъ противъ отвлеченныхъ теорій права, а Ю. Мёзеръ и Іоганнъ Шлоссеръ отстаивали великое значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ. Погромъ, слѣдовавшій за французскою революціею, вызвалъ съ особенною силой національное чувство, которое находило себѣ опору въ преданіяхъ прошедшаго. Оживленная реформами Штейна, сплотившаяся въ одно цѣлое освобожденіемъ крестьянъ Пруссія стала во главѣ новаго научнаго движенія. «Исторія нѣмецкаго права» Айхгорна (1808 г.) и «Древности германскаго права» Я. Гримма (1828) были знаменіемъ времени; Гуго и Савиньи своимъ университетскимъ преподаваніемъ положили твердое основаніе исторической школѣ. Вслѣдъ за Пруссіею, во всѣхъ странахъ ученые обратились къ изученію памятниковъ своего народнаго права, стали дорожить каждымъ выраженіемъ юридической жизни предковъ, съ любовью останавливаться на изученіи народныхъ юридическихъ институтовъ. Преобладаніе историческаго направленія сказалось ясно повсюду въ собираніи обычаевъ, въ изданіи актовъ, въ критической ученой ихъ разработкѣ. Но первенство въ этомъ дѣлѣ осталось за Германіею: кромѣ своего національнаго права, нѣмецкіе ученые объяснили исторію классическаго права, англо-саксонскаго (Филипсъ), французскаго (Варнкёнигъ), русска-

го (Рейцъ); они положили основаніе богатой историко-юридической литературѣ и утвердили надолго научный пріемъ, оказавшійся въ высшей степени плодотворнымъ.

§ 5. Но при всемъ важномъ значеніи исторіи національнаго права, наука не можетъ остановиться на ней. Она стремится открыть общую связь между юридическими институтами разныхъ временъ и народовъ, указать на преемство между ними и на ихъ взаимнодѣйствіе. Только при такомъ сопоставленіи можетъ быть объяснено существо каждаго института и тѣ видоизмѣненія, которыя онъ испытывалъ подъ вліяніемъ многообразныхъ условій. Только при изученіи права въ его всемірноисторическомъ развитіи возможно пониманіе права, какъ постоянной нормы человѣческой дѣятельности, объясненіе различныхъ моментовъ его бытія и тѣхъ причинъ, которыми опредѣляется образованіе и судьба юридическихъ институтовъ.

Поэтому необходима всеобщая исторія права. Ея задача заключается въ томъ, чтобы представить общіе законы развитія права, которые повторяются у каждаго народа, и объяснить особенныя формы этого развитія (Arnold, I. 97).

Не смотря на трудность такой задачи, нельзя однако согласиться съ мнѣніемъ Савиньи (Ztschr. für gesch. Rechtswis. III), будто всеобщая исторія права невозможна. Савиньи полагаетъ необходимымъ ограничиться исторіею римскаго, германскаго и каноническаго права, на томъ основаніи, что научный интересъ представляетъ только юридическая жизнь «народовъ-виртуозовъ»; съ другой стороны указаніе на одни только общія явленія, безъ изложенія подробностей, не можетъ имѣть никакой цѣны для науки.

Оба возраженія Савиньи опровергаются легко.

Конечно, всеобщая исторія права не можетъ воспроизвести всѣ дробныя явленія, которыя входятъ въ составъ исторіи права отдѣльныхъ народовъ; но въ ней должны найти себѣ мѣсто тѣ подробности, которыя характеризуютъ извѣстный институтъ. Точно

также нельзя сказать, чтобы право народа, недостигшаго высшей ступени юридическаго развитія, не представляло собою научнаго интереса. Нѣтъ ни одного народа, нѣтъ ни одной ступени права, которая не имѣла бы въ себѣ много поучительнаго. Наука не оставляетъ безъ вниманія самаго несовершеннаго явленія. Каждая жизнь начинается съ едва замѣтнаго зародыша, но въ немъ зрѣетъ будущій человѣкъ; въ дѣтскомъ лепетѣ слышится слово мужа. Справедливо замѣчаетъ Гансъ (I. XXXI), что ни одинъ народъ не можетъ имѣть притязанія на исключительное значеніе, но что каждому изъ нихъ принадлежитъ подобающее мѣсто въ извѣстной ступени развитія юридическаго понятія. Можетъ быть исторія права у народовъ первобытныхъ не имѣетъ большого значенія въ вопросѣ о кодификаціи, но она представляетъ чрезвычайный интересъ въ изслѣдованіи вопроса о происхожденіи юридическихъ институтовъ. Конечно, не всѣ народы оставили въ наслѣдство одинаковое богатство юридической матеріи, не всѣмъ имъ предоставлено было довести до высшей ступени развитія юридическіе институты: нѣкоторые остановились только на ихъ первыхъ зачаткахъ. Поэтому количественно не каждое право можетъ имѣть притязаніе на равное съ другими мѣсто въ исторіи; ни одно изъ нихъ не можетъ выдержать сравненія съ величавымъ римскимъ правомъ, развившимся съ поражающею силою въ ширину и глубину, получившимъ характеръ всемірнаго не только географически, но безъ ограниченія пространства и времени. Тѣмъ не менѣе ни одно право не прошло совершенно безслѣдно: оно непремѣнно служило звеномъ въ общемъ историческомъ движеніи. Какому бы народу и времени ни принадлежали типическія черты права, онѣ составляютъ *наше* прошедшее; мы пережили его въ нихъ и чрезъ посредство ихъ.

Такимъ образомъ, едвали не справедливѣе сказать, что только всеобщая исторія права имѣетъ научный интересъ, ибо только она даетъ твердое основаніе для научныхъ выводовъ, указываетъ на

непреложность извѣстнаго института, существовавшаго при самой разнообразной обстановкѣ. Исторія національныхъ правъ получаетъ значеніе въ наукѣ именно въ той мѣрѣ, въ какой они имѣютъ всеобщій характеръ.

Всемірный характеръ римскаго права. Значеніе первичныхъ формъ права и ненормальныхъ явленій въ исторіи.

§ 6. Всеобщая исторія права прежде всего указываетъ на разнообразіе правъ и потому служитъ оправданіемъ каждому національному праву. Дѣйствительно нѣтъ, и не можетъ быть, одного общаго права, какъ невозможно всемірное государство. Право лишь на столько сохраняетъ свой нравственный характеръ, на сколько оно соотвѣтствуетъ убѣжденіямъ и условіямъ жизни даннаго общества, а не представляетъ собою только внѣшней силы. Поэтому вообще нѣтъ ни абсолютно-лучшаго права, ни абсолютно-лучшаго государства. «Всѣ ступени хозяйства, права и государства—говоритъ Арнольдъ (I. 86)—равно хороши сами-по-себѣ, и тѣ суть лучшія, которыя, удовлетворяя вполнѣ нравственнымъ требованіямъ, въ то же время наиболѣе соотвѣтствуютъ естественнымъ условіямъ народа». Слѣд. по отношенію къ исторіи національнаго права всеобщая исторія необходима; она не только не колеблетъ значенія отдѣльныхъ формъ юридической жизни народа, но придаетъ имъ новую силу. Подобно тому какъ народъ не теряетъ своей индивидуальности, а приходитъ къ сознанію о ней, вступая въ общеніе съ другими народами, исторія національнаго права получаетъ высшій смыслъ въ связи съ исторіею всеобщею; ея научный и практическій интересъ увеличивается, ея особенности выступаютъ болѣе рельефно, облегчается самый путь къ пониманію этихъ особенностей.

§ 7. Научныя требованія отъ исторіи права не ограничиваются одною картиною постепенныхъ измѣненій въ юридическихъ институтахъ: они простираются на опредѣленіе законовъ, по которымъ эти измѣненія совершались.

Но законы движенія права лежатъ не внѣ его, а въ немъ самомъ; они выражаются въ необходимой связи между причинами и послѣдствіями, въ необходимомъ воздѣйствіи даннаго явленія на весь юридическій строй народа или эпохи. Наука должна объяснить, вслѣдствіе какихъ причинъ право получило извѣстную опредѣленную форму, чѣмъ условливалось его дальнѣйшее движеніе, что̀ останавливало его развитіе. Такъ напримѣръ рабство, феодализмъ, власть папы имѣли огромное вліяніе на всѣ юридическіе институты; но само появленіе этихъ силъ, положившихъ свою печать на право, не подлежитъ никакому закону. Мы можемъ сказать только, что, еслибъ онѣ не существовали, право получило бы иную форму,—точно такъ же, какъ мы можемъ объяснить видоизмѣненія институтовъ заимствованіемъ чужого права, завоеваніями и проч., отказываясь опредѣлить непреложность или законность этихъ фактовъ.

Такимъ образомъ можно говорить о законахъ движенія права лишь въ томъ смыслѣ, что извѣстное историческое явленіе должно было выразиться въ данной формѣ юридическихъ институтовъ, и что видоизмѣненіе одного основного института должно отразиться на всѣхъ другихъ. Законы въ приложеніи къ исторіи права получаютъ характеръ общихъ явленій, повторяющихся повсемѣстно, объясняющихъ значеніе отдѣльныхъ многообразныхъ и дробныхъ формъ, въ которыхъ выразилась юридическая дѣятельность народовъ. Въ частностяхъ, касающихся опредѣленія собственности, договоровъ, семейства, можно прослѣдить тѣ общіе типы, которыми обозначаются основныя эпохи указанныхъ институтовъ; между собственностью и политическою властью можно найти необходимое соотвѣтствіе, равно какъ между различными ступенями развитія одного и того же института. Но опредѣлить непреложные законы этого развитія невозможно, ибо оно является результатомъ непредвидѣнныхъ условій и фактовъ, законность или незаконность которыхъ не подлежитъ изслѣдованію.

Такъ-называемое органическое развитіе народа

и его исторіи въ дѣйствительности не существуетъ. Нельзя говорить о необходимости войнъ, появленія реформаторовъ, завоевателей, паденія государствъ и т. п. Это суть совершившіеся факты, безспорно имѣвшіе вліяніе на ходъ исторіи, измѣнявшіе „органическій ростъ“ народа; но ихъ появленіе нельзя объяснить никакимъ закономъ.

§ 8. Всѣ попытки отыскать законы, которымъ подчиняется исторія права и которые управляютъ судьбами народовъ, не имѣютъ строго-научнаго основанія.

При господствѣ богословскихъ воззрѣній, въ исторіи права видѣли уклоненіе отъ божественныхъ предначертаній и указывали на необходимость подчиненія волѣ божіей, сила которой непреложна. Это направленіе высказывается у многихъ средневѣковыхъ писателей и въ сочиненіи Вико—Scienza nuova (1725).

Раздѣливши исторію права на три періода—теократическій, героическій и человѣческій—Вико проводитъ эту троичность чрезъ всѣ явленія общественной жизни: такъ, онъ принимаетъ между прочимъ три вида обычаевъ, три системы права, три формы правленія, тройкое выраженіе юридической науки. Божественное или откровенное право является прежде другихъ; оно установлено непосредственно Божествомъ и охраняется имъ. Затѣмъ слѣдуетъ право героевъ или государственныхъ людей—civilis acquitas. Наконецъ является право народное, aequm bonum. По этому общему плану Вико излагаетъ отдѣльныя выраженія юридической жизни, проводя паралель между законодательствами еврейскимъ, греческимъ и римскимъ. Въ массѣ фактовъ, изложенныхъ безъ строгой системы, встрѣчается много вѣрныхъ указаній на общія явленія въ исторіи права (напр. о семействѣ, какъ первомъ выраженіи общества), хотя они затемняются постояннымъ переходомъ автора въ область философіи и богословіи. Конечная цѣль сочиненія Вико состоитъ въ указаніи на высшее духовное единство человѣчества въ божественной религіи и на невозможность достигнуть

мудрости безъ благочестія—se non siesi pio.— О средневѣковыхъ писателяхъ см. Чичерина, «Исторія политическихъ ученій», I.

То же стремленіе къ отысканію законовъ движенія права внѣ его повторялось въ такъ-называемой школѣ естественнаго права, признававшей историческіе факты лишь на столько, на сколько они отвѣчали отвлеченнымъ построеніямъ общества.

Въ новое время высказывается попытка установить законы развитія человѣческой жизни по аналогіи съ жизнью природы. Преимущественно съ тѣхъ поръ, какъ въ изученіи права введенъ былъ опытный методъ, впервые усвоенный естествознаніемъ, стали также прилагать къ общественнымъ отношеніямъ тѣ выводы, которые въ области естествознанія считаются безспорными; признается возможнымъ опредѣлить законы человѣческаго общежитія на основаніи наблюденій и опытовъ надъ жизнью животныхъ.

Ошибочность такого воззрѣнія очевидна. Природа подчиняется непреложнымъ законамъ, въ созданіи и видоизмѣненіи которыхъ она не участвуетъ; право же является всегда выраженіемъ человѣческаго творчества. Достаточно указать на появленіе великихъ историческихъ дѣятелей, чтобы убѣдиться въ томъ, какія перемѣны способна произвести человѣческая воля: провозвѣстники религій, законодатели, изобрѣтатели отмѣчаютъ свои имена въ судьбахъ многихъ поколѣній. Духовная сторона человѣка, нравственная сила, побуждающая каждаго проявить лучшія свойства свои, могучее чувство вѣры, способность умственнаго общенія и взаимнаго восполненія—вотъ тѣ великіе двигатели, которые принадлежатъ исключительно людямъ. Отыскивать истину и ошибаться въ этомъ исканіи дано только человѣку; только онъ можетъ достигать постоянно высшаго подъема своихъ духовныхъ силъ, сознательно относиться къ своей дѣятельности и направлять дѣятельность другихъ, не останавливаясь на непосредственныхъ инстинктахъ.

Исторія права есть исторія такого сознанія. Наблюденіе фактовъ прошедшаго указываетъ на посте-

пенный нравственный ростъ человѣчества, такъ что все добытое въ данный моментъ движенія входитъ, какъ составной элементъ, въ моментъ послѣдующій: сознаніе о правѣ не остается отвлеченнымъ, а видоизмѣняетъ жизнь. Поэтому право развивается своею собственною силою, а не слѣдуетъ какимъ-либо извнѣ начертаннымъ законамъ; оно подчиняетъ себѣ природу, господствуетъ надъ нею, а не движется по ея указаніямъ.

Изслѣдуя юридическіе институты въ ихъ постепенномъ видоизмѣненіи, можно объяснить общія основанія и причины такихъ перемѣнъ; но отсюда нельзя заключать о неизмѣнныхъ законахъ, которымъ будто бы слѣдуетъ исторія права. Наука, въ сознаніи своей дѣйствительной силы, не должна переходить предѣловъ достижимаго и съ несвойственною ей самоувѣренностью начертывать какіе-либо законы для будущаго. Шарль Контъ (I. 21) справедливо называетъ всѣ безусловныя обобщенія исторіи плодомъ больного воображенія. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ ученыхъ (Лоранъ), по завершеніи своего многотомнаго труда объ исторіи человѣчества, пришелъ къ тому выводу, что законы жизни народовъ остаются неизвѣстными, и что въ ней слѣдуетъ видѣть только выраженіе божественнаго промысла.

Такимъ образомъ, строго держась почвы положительныхъ явленій, юристъ долженъ наперед отказаться отъ вывода законовъ, по которымъ совершается исторія права, остерегаться безотраднаго и безплоднаго подчиненія юридической жизни народовъ отвлеченнымъ построеніямъ.

§ 9. Исторія права, подобно исторіи человѣчества, начинается съ факта раздѣленія народовъ. Поэтому общаго для всѣхъ народовъ права никогда не существовало.

Но, изучая первичные институты каждаго племени, мы замѣчаемъ поразительное сходство между ними. Болѣе или менѣе ясное сознаніе о такомъ сходствѣ существовало постоянно и выражалось въ различныхъ представленіяхъ о такъ-называемомъ естественномъ состояніи.

Въ Греціи стоики полагали, что физическая и нравственная природа человѣка извращена игрою случая, но что этому факту предшествовало состояніе гармоніи и мира. Римляне, чуждые фантастическимъ представленіямъ, признавали однако естественно-образовавшіяся юридическія нормы. Причины этого были практическаго свойства. Наплывъ иностранцевъ, можетъ-быть нежеланіе дать имъ права римскаго гражданства заставили римлянъ обратить вниманіе на тѣ общія положенія, которыя встрѣчались въ юридическихъ обычаяхъ и законахъ иноземцевъ,—на jus omnium gentium commune. Въ виду одинаковаго у всѣхъ права, римляне дѣлали предположеніе, что когда-то, въ незапамятное время, существовалъ одинъ общій кодексъ, который утратился въ цѣломъ своемъ составѣ, но отрызки котораго сохранялись въ правахъ отдѣльныхъ народовъ, именно въ тождественныхъ институтахъ. Ср. Maine, Anc. law. 47.

Въ 17-омъ и 18-омъ вѣкѣ явился иной взглядъ на естественное право и естественное состояніе. Это состояніе понималось не исторически, а посредствомъ отрицанія того, что существовало въ дѣйствительности: отвлеченно создавалось фантастическое положеніе лицъ внѣ общества и права.

Наконецъ въ новое время, послѣ глубокаго изученія быта различныхъ народовъ, открыли въ ихъ исторіи довольно значительный періодъ времени, который весьма характеристически называется донаціональнымъ (prenational state).

Дѣйствительно, въ этомъ періодѣ права на немъ не замѣчаемъ никакихъ національныхъ особенностей: одно и то же явленіе повторяется у грековъ, у негровъ, у самоѣдовъ; первичному быту соотвѣтствуетъ одинаковое первичное право: внѣшнія обрядовыя формы его мѣняются, но существо одно и то же повсюду.

Таково первое общее явленіе или первый законъ въ исторіи права. Племена, живущія на далекомъ пространствѣ, незнающія о существованіи другъ друга, опредѣляютъ одинаково свои юридическія отношенія; ихъ институты получаютъ тождественное выраженіе.

§ 10. Причина такого явленія заключается въ тождественности тѣхъ требованій, которымъ удовлетворяетъ право и во имя которыхъ оно образуется. Безспорно, первое сознаніе о правѣ имѣетъ субъективный характеръ; прежде всего чувствуется зависимость отъ природы, потребность въ средствахъ существованія и въ орудіяхъ для добыванія этихъ средствъ. Поэтому сила самосохраненія заставляетъ каждаго стремиться къ тому, чтобъ оградить отъ чужого захвата землю, орудія производства, въ томъ числѣ и рабовъ. Немногосложные предметы обладанія, постоянное фактическое воздѣйствіе на нихъ и слѣд. защита собственною силою упрощаютъ юридическое опредѣленіе собственности. Право совпадаетъ съ самообороной, съ возможностью приложить свою личную силу. Эта сила находитъ для себя предѣлъ только въ чужой силѣ, въ столкновеніи съ нею. Единичная самооборона и нападеніе становятся недостаточными; оказывается необходимою совмѣстная дѣятельность, взаимная поддержка и помощь въ случаѣ опасности. При этомъ то лицо, которое высказываетъ болѣе искусства, энергіи и ловкости, получаетъ господство, основанное на чувствѣ страха и смиренія передъ нимъ. Уважается тотъ, кто способенъ уничтожать: ему отдается первенство во всѣхъ предпріятіяхъ, требующихъ совмѣстнаго нападенія или защиты, при чемъ власть такого главы прилагается непрерывно.

Наконецъ рядомъ съ этимъ подчиненіемъ является другое. Способность производить, таинственный актъ рожденія служитъ основаніемъ власти матери, а затѣмъ и отца надъ дѣтьми. Малолѣтніе подчиняются старѣйшимъ вслѣдствіе тѣхъ силъ, которыхъ не чувствуютъ въ себѣ, и до того времени, пока сами не сдѣлаются способными къ тому, что̀ служитъ для нихъ предметомъ страха.

Таковы первые зачатки собственности, господства и семьи. По всему вѣроятію, прошло много времени прежде чѣмъ появилось объективное право или опредѣленіе юридическихъ отношеній. Это соверши-

лось подъ вліяніемъ культурныхъ силъ, во главѣ которыхъ стоитъ религія.

Разрушительныя и творческія силы природы послужили, безспорно, первою основою религіозныхъ вѣрованій: производящая сила земли и человѣка получала значеніе сверхъестественное, поражавшее и подчинявшее себѣ отдѣльную волю. На религіи сосредоточивалось все, что̀ стояло внѣ мощи отдѣльныхъ лицъ, все, что̀ оставалось недоступнымъ пониманію и непосредственному воздѣйствію.

Но религія сначала имѣетъ чисто-субъективный характеръ: каждый вѣритъ въ то, чего онъ наиболѣе страшится или отъ чего ожидаетъ помощи; общей религіи не существуетъ. Только вслѣдствіе долгаго общежитія является племенная религія, боготвореніе умершихъ предковъ или лицъ, ознаменовавшихъ себя необычайными подвигами. Люди, говорящіе однимъ языкомъ и понимающіе другъ друга, приписываютъ существующую между ними связь тому, кто научилъ ихъ этому языку и кто продолжаетъ поддерживать общеніе племени. *Языкъ* становится видимымъ признакомъ, раздѣляющимъ и соединяющимъ людей. По языку каждый отличаетъ своего отъ чужого, друга отъ врага; въ языкѣ заключается все умственное богатство нѣсколькихъ поколѣній и орудіе обмѣна мыслей между живущими. Безъ него была бы немыслима культура; въ немъ запечатлѣвается чувство общенія, такъ что языкъ и племя становятся синонимами. Первобытный человѣкъ не способенъ къ усвоенію понятія объ одинаковости всѣхъ людей; звуки чужого языка наводятъ на него страхъ или вызываютъ съ его стороны насиліе. Подобно тому какъ на ребенка дѣйствуетъ знакомый голосъ матери,—успокоительно и примиряюще дѣйствуютъ на полудикаго человѣка звуки родного языка. Понятно поэтому, какое чувство благоговѣнія и покорности долженъ былъ возбуждать тотъ, кто первый создалъ языкъ. Творчество такой благодѣтельной силы приписывалось праотцу племени, давшему впервые имена всѣмъ вещамъ и животнымъ. Духъ этого праотца какъ бы чуялся въ каждомъ звукѣ языка; отъ него

же предполагались исходящими всѣ приказанія, имѣющія цѣлью благо племени; къ нему обращался каждый въ минуты радости и несчастія, ожидая отвѣта, поученія и помощи.

Общая племенная религія давала опору *власти*, которая перестаетъ быть въ зависимости отъ измѣняющихся силъ того или другого лица, а является выраженіемъ единства племени. Власть семейная и родовая получаетъ характеръ безграничный, по скольку въ ней отражается безграничность силы божественной. Успѣхъ военныхъ подвиговъ, удачи и невзгоды племени приписываются не личнымъ качествамъ предводителя, а милости или гнѣву божества.

Точно также въ религіи находила свое объективное основаніе *собственность*, которая ставилась подъ ея охрану. Божество награждаетъ за трудъ, посылаетъ удачный уловъ, охоту, жатву, добычу; отнять эти блага—значитъ противиться волѣ верховнаго владыки, дѣйствовать наперекоръ его распоряженіямъ.

Таковы повсюду первые институты, имѣющіе культурное значеніе, по скольку въ нихъ воспитывается человѣческая воля, самоограниченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувство безопасности и личной отдѣльности. Въ этой суровой и долгой школѣ зрѣетъ сознаніе о правѣ, которое такимъ образомъ предшествуетъ сознанію о государствѣ. Но донаціональный или догосударственный бытъ народовъ не стоитъ внѣ культуры или внѣ права: онъ представляетъ уже опредѣленныя формы отношеній, которыя охраняются строго и незыблемо, противъ которыхъ не высказывается протестъ, уваженіе къ которымъ поддерживается преданіемъ и переходитъ изъ рода въ родъ. Общая религія сдерживаетъ произволъ и грубую силу, утверждаетъ прочныя основы общежитія, дѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее развитіе племени.

§ 11. Продолжительность донаціональнаго періода права зависитъ отъ различныхъ условій и вліяній, содѣйствовавшихъ развитію культуры или замедлявшихъ ея ходъ.

Къ такимъ вліяніямъ должно отнести появленіе

лицъ, отличавшихся особенною энергіею духа, а также свойства той земли, на которой жило племя.

Невозможно съ точностью опредѣлить значеніе каждаго лица, воздѣйствовавшаго на развитіе племени въ донаціональный періодъ его исторіи. Но существованіе такихъ лицъ несомнѣнно: имена многихъ изъ нихъ сохранились въ преданіяхъ; имъ приписывается обученіе племени тому или другому искусству, помощь въ борьбѣ съ природою, изложеніе религіи и проч. Увеличивая и улучшая орудія культуры, энергическія лица по необходимости имѣли вліяніе и на юридическіе институты, такъ-какъ этими послѣдними охранялись вновь сдѣланныя пріобрѣтенія матеріальныя и духовныя. Деспотическая власть, сдерживавшая произволъ и установлявшая порядокъ, была необходимымъ явленіемъ при отсутствіи нравственныхъ мотивовъ; въ этомъ смыслѣ она служила также орудіемъ культуры (Waitz, Anthrop. I. 442). Она побуждала къ труду, не давала развиваться животнымъ инстинктамъ и охраняла собственность отъ захватовъ. Появленіе такихъ дѣятелей въ различныхъ сторонахъ народной культуры, конечно, было неодновременно, а потому мы видимъ нѣкоторое разнообразіе въ правѣ донаціональнаго періода и разновременный переходъ его къ высшей ступени.

Болѣе постоянною причиною такого разнообразія служила внѣшняя природа, подъ вліяніемъ которой совершалась культура племени.

Такъ, прежде всего, *климатъ* оказывалъ воздѣйствіе на энергію труда человѣческаго. Несомнѣнно, что въ жаркомъ климатѣ физическое развитіе человѣка совершается особенно быстро, а потому здѣсь почти не существуетъ возрастъ дѣтства, продолжительность котораго даетъ возможность сосредоточиться на духовномъ развитіи. Въ жаркихъ странахъ мужчина и въ особенности женщина весьма рано вступаютъ въ бракъ, а потому не въ состояніи дать воспитаніе своимъ дѣтямъ. Съ другой стороны, богатая тропическая природа избавляетъ отъ необходимости труда и заботъ о средствахъ жизни, а потому ослаб-

ляетъ чувство собственности. Тогда какъ на человѣка образованнаго величавыя картины природы производятъ художественное впечатлѣніе, отражающее его духовное богатство,—первобытный человѣкъ остается чуждымъ этому вліянію: онъ смотритъ на природу только со стороны ея производительности.

Еще болѣе значенія для общественной культуры имѣетъ природа, по скольку она опредѣляетъ *родъ занятій*. Въ бо́льшей части случаевъ выборъ занятій зависитъ отъ условій мѣстности, въ которой живетъ народъ. Жители ровныхъ мѣстностей преимущественно занимаются земледѣліемъ; въ нихъ воспитывается привычка къ постоянному труду, вращающемуся въ опредѣленномъ кругѣ, тогда какъ звѣроловство и охота развиваютъ личное мужество, отвагу и самонадѣянность. Такимъ различіемъ занятій опредѣляются существенныя формы общественнаго быта племени и его права. Такъ, несомнѣнно, что хозяйство отражается на собственности и на договорахъ; занятія служатъ основаніемъ сословнаго раздѣленія, образованія земледѣльческой общины или дружины военной; наконецъ слѣдствіемъ хозяйственныхъ потребностей являются войны и рабство. Изслѣдованія первичнаго быта племенъ доказываютъ несомнѣнно, что происходило постоянное завоеваніе народовъ земледѣльческихъ народами-звѣроловами, которые для своего промысла нуждаются въ значительномъ пространствѣ земли. Рабство было результатомъ такого завоеванія; осѣдлые туземцы прикрѣплялись къ землѣ, пашельники образовывали аристократическій классъ воиновъ.

Всѣми указанными культурными силами и условіями ихъ приложенія опредѣляется моментъ окончанія догосударственнаго состоянія племени,—моментъ, не наступившій еще до сихъ поръ для нѣкоторыхъ племенъ. Но, хотя и неодновременно, юридическіе институты каждаго племени проходятъ опредѣленныя ступени: та форма ихъ, которую мы можемъ наблюдать у современныхъ намъ полудикихъ народовъ, была пережита всѣми племенами; повидимому баснословныя преданія, сообщаемыя греческими историка-

ми, находятъ себѣ оправданіе въ дѣйствительности. Господство женщинъ, общеніе женъ, couvade и другія явленія повторялись повсюду, и можно ожидать, что изслѣдованія первыхъ зачатковъ общежитія еще болѣе объяснятъ эти какъ-бы неизбѣжныя ступени движенія права.

§ 12. Подъ вліяніемъ культурныхъ силъ племенной бытъ и право переходятъ въ новую форму— государственную или національную. Племя становится политическимъ обществомъ, civitas, является новая сила развитія—сила цивилизаціи; право получаетъ опредѣленное бытіе, дѣлается могучимъ двигателемъ народной жизни Мы не можемъ себѣ представить ни одного племени безъ культуры, т. е. безъ религіозныхъ вѣрованій, безъ хозяйства, безъ извѣстнаго, хотя и весьма ограниченнаго, круга свѣдѣній. Но цивилизація народа начинается лишь съ тѣхъ поръ, какъ онъ получаетъ государственныя формы, сознаетъ себя гражданиномъ, civis.

Термины „культура“ и „цивилизація“ не всегда употребляются въ опредѣленномъ смыслѣ. Сочиненія объ исторіи цивилизаціи и культуры имѣютъ одинаковое содержаніе. Культурными или историческими народами (Cultur-Völker) обыкновенно называются тѣ, которые участвовали въ общемъ развитіи человѣчества.

Подобно культурѣ, цивилизація способна къ постоянному развитію; на ней отражается постепенный ходъ культуры, т. е. тѣ успѣхи, которые дѣлаетъ народъ на пути достиженія нравственныхъ и матеріальныхъ благъ. Для насъ высшимъ выраженіемъ цивилизаціи служитъ европейско-христіанская, въ которой выразилась вся предшествующая исторія народовъ: духовное богатство классическаго міра, ученіе Христа, религіозная поэзія евреевъ,—однимъ словомъ, все лучшее достояніе человѣчества. Способностью усвоить себѣ плоды всемірной цивилизаціи, примкнуть къ общему движенію исторіи, не теряя своей особенности, мы измѣряемъ развитіе народа, произносимъ приговоръ о томъ, имѣетъ ли

народъ будущность, или онъ долженъ уступить мѣсто другимъ.

По великому значенію христіанства, охватившему всѣ стороны жизни, въ исторіи цивилизаціи можно различить два періода—языческій и христіанскій, хотя первый въ свою очередь представляетъ два особые типа цивилизаціи-восточный и классическій.

Тѣ же явленія, которыя мы замѣчаемъ въ исторіи цивилизаціи вообще, повторяются въ правѣ каждаго народа въ отдѣльности. Степень его юридической зрѣлости опредѣляется способностью примирить личную свободу съ уваженіемъ къ государству, субъективное право съ объективнымъ. Чувство законности, подчиненіе личныхъ интересовъ общественнымъ, живое участіе въ общихъ дѣлахъ служатъ въ этомъ смыслѣ признаками человѣка цивилизованнаго. Самостоятельность убѣжденій при уваженіи къ чужимъ мнѣніямъ, религіозность при вѣротерпимости, чувство народности безъ высокомѣрнаго презрѣнія къ иностранному, соблюденіе приличій—всѣ эти и подобныя свойства, въ которыхъ высказывается отдѣльность и зависимость лица, воспитываются и укрѣпляются цивилизаціею. Единство въ разнообразіи, международное общество съ самостоятельными государствами, нравственный семейный союзъ съ его живыми членами, государство съ общественными кругами, общія начала права съ мѣстными или національными особенностями—вотъ тѣ юридическія формы, которыя выработаны европейскою цивилизаціею. Исторія права должна прослѣдить образованіе этихъ формъ и тотъ долгій путь, который могъ привести къ нимъ. Въ дохристіанскомъ мірѣ господствуетъ исключительно національное развитіе права, въ христіанскомъ—рядомъ съ этимъ развитіемъ выступаетъ и юридическое общеніе народовъ.

§ 13. Разнообразіе права въ его національномъ періодѣ прежде всего опредѣляется различіемъ религіозныхъ вѣрованій. У всѣхъ народовъ сохранилось преданіе о раздѣленіи племенъ, о разсѣяніи языковъ вслѣдствіе несогласій въ религіозныхъ

воззрѣніяхъ, точно такъ же какъ преданія о началѣ государствъ совпадаютъ съ преданіями о началѣ религіи.

И въ дальнѣйшемъ ходѣ цивилизаціи религія сохраняетъ преобладающее вліяніе. Она находится въ постоянной неразрывной связи съ правомъ. Практическая сторона ея выражается въ трехъ основныхъ предписаніяхъ: не посягать на чужую жизнь и имущество, уважать родителей и повиноваться власти; къ этому присоединяется глубокая вѣра въ то, что божественный промыселъ заботится о своемъ избранномъ народѣ, исторія и политическія формы котораго существуютъ и измѣняются божьею милостью. Утверждая объективное основаніе права, религія служитъ также источникомъ силъ личной нравственности— труда и любви. Возвышая каждаго человѣка до непосредственнаго отношенія къ божеству, она тѣмъ самымъ признаетъ его высокое значеніе и указываетъ на него какъ на центръ всѣхъ юридическихъ институтовъ, внѣ котораго эти институты остаются только формою безъ содержанія: освящая собственность, семейство и власть, религія совершаетъ это во имя человѣка. Призывая всѣхъ и каждаго къ нравственной борьбѣ и обѣщая побѣду, она возбуждаетъ энергію духа и воспитываетъ волю, а слѣд. сознаніе о правѣ.

Такое значеніе принадлежитъ не только всечеловѣческой христіанской религіи, но также національнымъ религіямъ древняго міра, которыя легли въ основу цивилизаціи многихъ историческихъ народовъ, содѣйствовавшихъ развитію права и культуры.

§ 14. Условія, при которыхъ живетъ племя въ донаціональный періодъ права, продолжаютъ оказывать свое вліяніе и на цивилизацію. Внѣшняя природа, правда, теряетъ свое значеніе, но опредѣлившееся подъ ея вліяніемъ хозяйство отражается на юридическихъ институтахъ. Общественное устройство, какъ показываетъ опытъ, не находится болѣе въ связи съ климатомъ; народы, исповѣдующіе одну религію, получаютъ одинаковыя формы государственныя, независимо отъ географическаго положенія.

Значеніе климата для цивилизаціи было указано особенно рельефно Монтескьё въ его *Духъ законовъ* (Esprit des lois, 1748). Авторъ начинаетъ съ того положенія, что разнообразіе права не есть результатъ произвола: законы суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ существа вещей— qui dérivent de la nature des choses. Изслѣдуя причины разнообразія законовъ, Монтескьё останавливается прежде всего на формахъ правленія и этому вопросу посвящаетъ почти половину своего сочиненія. Слѣдуя указанію Макіавелли, авторъ подробно разсматриваетъ три основныя государственныя формы и ихъ связь съ воспитаніемъ, съ положеніемъ женщины, съ образомъ жизни, съ войскомъ. Затѣмъ Монтескьё обращается къ вопросу о вліяніи климата и свойства земли на законодательство, причемъ объясняетъ исключительно климатическими условіями рабство, различныя формы брака, разводъ и проч. Далѣе авторъ переходитъ къ указанію связи, существующей между законами и народными обычаями, занятіями, количествомъ народонаселенія и религіею. Послѣдная (четвертая) книга посвящена очерку главнѣйшихъ явленій въ исторіи французскаго права.—Сочиненіе Монтескьё имѣетъ скорѣе характеръ философскаго разсужденія, чѣмъ историческаго изслѣдованія. Но оно открыло ту новую сторону права, которая должна была возбудить вниманіе и освѣжить умъ, утомленный отвлеченными представленіями. Хотя авторъ воспользовался въ значительной степени трудами Вико, однако онъ придалъ выраженнымъ въ нихъ мыслямъ изящную и общедоступную форму. Сочиненіе Монтескьё было привѣтствовано всѣми и имѣло большое вліяніе. Онъ первый указалъ ясно на бытовое значеніе права, но онъ же первый высказалъ фаталистическое воззрѣніе на его исторію. Народы, живующіе въ жаркомъ климатѣ, осуждены на рабство и деспотизмъ; только сѣверные народы способны къ свободѣ. Односторонность Монтескьё въ этомъ вопросѣ была указана Ш. Контомъ, который опровергъ всѣ положенія

Монтескьё. Не смотря однако на очевидность ошибки Монтескьё, эту ошибку повторилъ въ недавнее время его послѣдователь Баклъ.

Тѣмъ не менѣе опредѣлившійся, вслѣдствіе первоначальнаго вліянія климатическихъ условій, экономическій бытъ народа продолжаетъ оказывать воздѣйствіе на право и цивилизацію; въ формахъ договоровъ, въ предметахъ собственности выражается различіе натуральнаго и денежнаго хозяйства, бо́льшая или меньшая быстрота обмѣна произведеній труда, преобладаніе движимаго или недвижимаго имущества. Къ особенностямъ экономическаго строя слѣдуетъ также отнести существованіе рабства и особыхъ рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга сословій. Государственное или политическое значеніе этихъ сословій отпечатлѣвается на землевладѣніи. Собственность у евреевъ или у египтянъ опредѣлялась привилегіями жрецовъ и воиновъ. На всемъ правѣ лежитъ печать сословная, печать неравенства и исключительности.

Далѣе въ ряду дѣятелей цивилизаціи занимаютъ извѣстное мѣсто наука и искусство. Прямую и непосредственную связь ихъ съ правомъ опредѣлить трудно; но несомнѣнно, что развитіе художественнаго чувства въ народѣ выражается въ улучшеніи нравовъ и что распространеніе знаній содѣйствуетъ матеріальному благосостоянію массъ. Но первоначально наука и искусство служатъ достояніемъ немногихъ и примыкаютъ къ религіи.

Наконецъ войны, появленіе реформаторовъ религіи и общественнаго быта даютъ рѣшительное направленіе цивилизаціи и праву, утверждаютъ ихъ строго-національный характеръ. Побѣды и пораженія, борьба за обладаніе сплачиваютъ народъ связью общаго торжества и общей невзгоды, возбуждаютъ чувство патріотизма и мщенія, собираютъ всѣхъ подъ одно знамя, враждебное другому знамени, пока наконецъ судьба не рѣшитъ окончательно, кому изъ враговъ принадлежитъ полное господство.

Многія изъ исчисленныхъ условій имѣютъ неблагопріятное вліяніе на цивилизацію. Попреимуще-

ству рабство ослабляетъ энергію труда въ самихъ рабахъ и въ ихъ собственникахъ; оно пріучаетъ къ безотвѣтственности, къ произволу и къ униженію. Частыя войны также ослабляютъ чувство личной обезпеченности, собственности, подвергаютъ случайности все, что́ пріобрѣтено трудомъ, и развиваютъ чувство презрѣнія къ жизни какъ своей, такъ и чужой. Всѣ эти причины ведутъ къ упадку нравственности, и для поддержанія ея оказывается необходимымъ обновленіе религіозныхъ ученій, въ которыхъ человѣкъ могъ бы находить источникъ духовнаго возбужденія.

Таковы общія вліянія, при которыхъ движется народная цивилизація. Должно замѣтить, впрочемъ, что эти вліянія не имѣютъ непреложнаго рокового характера; по крайней мѣрѣ нельзя сказать, чтобы дѣйствіе той или другой причины имѣло непремѣнно опредѣленный результатъ. Не только климатъ, но также хозяйство народа иногда не находится въ связи ст правомъ: при одинаковой формѣ хозяйства могутъ существовать различныя выраженія права. Цивилизація есть плодъ совокупности многообразныхъ причинъ, и опредѣлить вліяніе каждой въ отдѣльности невозможно.

Въ послѣднее время нѣкоторые писатели считаютъ возможнымъ опредѣлить все движеніе цивилизаціи одною какою-либо силою. Такъ, напримѣръ, Баклъ въ своей *Исторіи цивилизаціи въ Англіи* (Buckle, History of civilization in England, 1858 и 1861) полагаетъ, что только сила мысли служитъ орудіемъ историческаго движенія обществъ, а потому обновленіе цивилизаціи возможно лишь чрезъ посредство литературы и науки. Баклъ старается доказать, что нравственность не имѣетъ прогрессивнаго характера, и что ученіе ея не производитъ никакого вліянія на общество въ цѣломъ составѣ; религія, по его мнѣнію, есть слѣдствіе улучшенія людей, а не причина; успѣхи законодательства заключаются лишь въ отмѣнѣ законовъ (I. 235, 253). Съ другой стороны авторъ, отвергая вліяніе нравственныхъ силъ, за исключеніемъ науки, при-

даетъ слишкомъ большое значеніе физическимъ законамъ. По его мнѣнію, свойствомъ климата и почвы земли условливается неодинаковость производства и распредѣленія цѣнностей, а также степень энергіи умственной силы народа. Поэтому неравенство классовъ и самое рабство становятся выраженіемъ непреложнаго и неизмѣннаго физическаго закона. Всѣ эти положенія, отличающіяся крайнею односторонностью, Баклъ пытается доказать примѣрами, но его доказательства не имѣютъ серіознаго характера: такъ, взявши случайный примѣръ единичнаго финансоваго закона, онъ дѣлаетъ по нимъ общій выводъ о всемъ законодательствѣ. Указавши на почти-одинаковое число ежегодно повторяющихся преступленій, онъ заключаетъ, будто нравственность вообще не подвигается впередъ. —Односторонность и ошибки, въ которыя впалъ Баклъ, были доведены до крайности американскимъ химикомъ Дреперомъ въ его *Исторіи умственнаго развитія Европы* (History of the intellectual development of Europe, 1864). Авторъ представляетъ картину пяти послѣдовательныхъ періодовъ въ исторіи европейской мысли и думаетъ, что ими объясняется не только прошедшее, но и будущее цивилизаціи.

§ 15. Обращаясь исключительно къ праву въ національный періодъ его исторіи, мы замѣчаемъ прежде всего преобладающее значеніе религіи, которая вполнѣ подчиняетъ себѣ право. И общественное устройство, и юридическіе институты получаютъ теократическій характеръ.

Это явленіе повторяется повсюду. Право признается изреченіемъ божества, такъ что основатели религій суть вмѣстѣ и законодатели. У Гомера находимъ указаніе на первоначальное право въ формѣ themistes, т. е. изреченій Ѳемиды; у римлянъ слова jus и Zeus одного корня, и все право первоначально имѣетъ сакраментальный характеръ; у восточныхъ народовъ совпаденіе религіи и права выражается даже во внѣшней формѣ.

Такое теократическое право по существу своему

непзмѣнно. Оно установлено съ незапамятныхъ временъ и существуетъ силою своей древности. Разъ выраженное безличнымъ или личнымъ божествомъ, великими мудрецами или боговдохновенными пророками, оно должно оставаться въ той формѣ, въ какой получило свое бытіе; творчество жизни не можетъ касаться его, новыя отношенія не создаютъ юридическихъ нормъ; вѣковое откровенное право недоступно никакимъ вліяніямъ и сдѣлкамъ съ настоящимъ, оно сохраняетъ постоянно характеръ непреложности.

При такомъ характерѣ права всѣ юридическіе институты получаютъ также значеніе религіозное. Сознаніе личной отдѣльности не существуетъ, человѣкъ исчезаетъ въ семействѣ или въ государствѣ, и различіе власти опредѣляется бо̀льшею или меньшею близостью къ божеству. Впереди всѣхъ выступаетъ классъ жрецовъ, хранителей и истолкователей закона, выдѣляющійся изъ остального народонаселенія; жрецы ограничиваютъ власть царя, какъ представителя народа, оставляютъ за нимъ только предводительство войскомъ или придаютъ ему чисто-формальное значеніе. Невидимое божество признается единственнымъ всемогущимъ субъектомъ всѣхъ правъ; собственность, семейство и верховенство становятся выраженіями божественнаго уполномочія, предметомъ пользованія.

§ 16. Хотя общія черты теократіи повсюду одинаковы, однако, смотря по тому, какой изъ трехъ юридическихъ институтовъ получаетъ попреимуществу религіозный характеръ, можно различить три вида теократіи: семейно-родовую, имущественную и военную.

Дѣйствительно, въ первомъ выраженіи права замѣчается всегда явленіе или законъ обобщенія: всѣ институты получаютъ одинъ общій типъ, пріурочиваются къ одному главному. Тамъ, гдѣ преобладаетъ семейство или родъ, всѣ отношенія, какъ политическія, такъ и гражданскія, носятъ на себѣ характеръ семейно-родовой; государство получаетъ типъ семей-

ства и наоборотъ. Тоже самое повторяется и относительно преобладанія другихъ институтовъ: собственность служитъ основаніемъ политической власти, военная служба опредѣляетъ государственное и гражданское положеніе лица и проч.

§ 17. Основанные на теократіи юридическіе институты выступаютъ въ послѣдствіи самостоятельно, и съ ними вмѣстѣ является новое право, отдѣльное отъ религіи, несмѣшивающееся съ нею. Аристократія родовая, имущественная или военная становится представительницею права; жрецы отступаютъ на второй планъ въ юридическомъ творчествѣ народа, — они сохраняютъ свое прежнее значеніе лишь въ области нравственности.

Это новое народное или исключительно-національное право имѣетъ своимъ источникомъ спачала стародавніе обычаи, поддерживаемые представителями родовъ, а затѣмъ постановленія тѣхъ же представителей, согласныя съ новыми требованіями жизни и господствующими убѣжденіями.

Рядомъ съ этимъ измѣнившимся характеромъ права совершается другое явленіе: выступаетъ значеніе народнаго государства, подчиняющаго себѣ всѣ проявленія жизни и воплощающаго въ себѣ всѣ предшествовавшіе институты, служившіе типомъ общественной жизни. Все положеніе лица, всѣ культурныя силы, даже религія получаютъ значеніе политическое. Въ государствѣ олицетворяется общій человѣческій разумъ; на него переносится и изъ него заимствуется лучшая сторона человѣка; повиновеніе ему ставится выше всего, признается непреложнымъ закономъ природы. Лицо получаетъ значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно считается членомъ государства, призваннымъ къ поддержанію великаго цѣлаго. Собственность принадлежитъ тѣмъ, кто способенъ охранять государство; семейство получаетъ значеніе средства умноженія числа представителей неумирающаго политическаго организма; на гражданахъ лежитъ обязанность вести государство къ побѣдамъ. Но семейство, собственность и военная власть теряютъ

прежній теократическій характеръ; эти институты заимствуютъ свою силу отъ государства и признаются только въ немъ, ибо внѣ его нѣтъ ни юридическихъ отношеній, ни правоспособныхъ лицъ.

Такимъ образомъ цивилизація народа получаетъ свою твердую опредѣленную форму, исключающую все неподходящее подъ нее. Все, что выработывается въ послѣдствіи культурными силами народа—его религіею, наукою, экономическимъ развитіемъ—получаетъ готовое охраненіе въ правѣ. Не смѣшиваясь съ культурою, представляя собою отдѣльную сторону жизни, право становится способнымъ отозваться на всѣ виды творчества, равномѣрно отнестись ко всѣмъ сторонамъ жизни, содѣйствовать въ каждой изъ нихъ народному развитію. Нравственность, хозяйство, наука находятъ поддержку въ правѣ, но не подчиняютъ его себѣ безусловно; право становится самостоятельнымъ дѣятелемъ цивилизаціи.

§ 18. Но на исключительно-національной ступени не останавливаются ни цивилизація, ни право. Всемірная культурная сила христіянства внесла въ жизнь новыя основы. Она указала на безусловное значеніе лица, помимо его опредѣленій племенныхъ, политическихъ и религіозныхъ; христіянская проповѣдь о любви и братствѣ открыла новый міръ отношеній. Человѣческая личность получила свое признаніе, институты частнаго и публичнаго права отдѣлились другъ отъ друга, и каждому изъ нихъ указана особая область. Начало общенія и взаимности стало проникать всюду; всѣ народы призваны къ цивилизаціи и къ культурѣ, и, наоборотъ, всякая цивилизація признается частью общечеловѣческой: европейцы-христіяне усвоили себѣ богатства языческой древности и нашли въ нихъ источники для своей культуры; все, что совершается въ области права одного государства, служитъ къ разрѣшенію вопросовъ, возникающихъ въ другомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ свободы, признанный отчасти въ правѣ національномъ, получилъ болѣе широкое значеніе въ новомъ періодѣ. Онъ вызвалъ по-

стоянную усиленную борьбу, постоянный трудъ, безъ котораго невозможно движеніе впередъ. Обезпечивая каждому личную неприкосновенность, право даетъ каждому просторъ нравственной жизни и тѣмъ разрѣшаетъ всѣ встрѣчающіяся столкновенія интересовъ и воззрѣній. Цивилизація, распространившаяся на всю массу народонаселенія, сопровождается нерѣдко явленіями, исходъ которыхъ неизвѣстенъ и которыя обозначаются въ настоящемъ недочетами и потерями; но каковы бы ни были затрудненія, вызванныя свободою, изъ нихъ можно выйти только путемъ свободы. Національное право ограничивалось свободою сравнительно немногихъ полноправныхъ гражданъ; новое право утвердило свободу каждаго не только члена государства, но также иностранца; въ ней нашла себѣ примиреніе нравственная сила, которую ничѣмъ нельзя заглушить въ человѣкѣ.

Подобно общенію цивилизаціи, происходитъ также совмѣстная жизнь общаго права и особеннаго національнаго. Это послѣднее вноситъ свою долю въ юридическую жизнь образованныхъ народовъ и черпаетъ изъ нея силы для своего развитія. Видимымъ образомъ въ области гражданскаго права элементъ всеобщаго получилъ свое выраженіе въ римскомъ правѣ, которое, въ свою очередь, оказалось способнымъ принять въ себя особенности національныхъ правъ и выработать стройную систему Jus Gentium. Безъ заимствованія, исключительно изъ однѣхъ національныхъ основъ не можетъ развиваться юридическая жизнь народовъ; точно также однимъ заимствованнымъ правомъ не можетъ удовлетвориться народная жизнь. Только при обмѣнѣ всѣхъ плодовъ культуры и цивилизаціи, при распространеніи ихъ на самыя далекія страны, сохраняется равновѣсіе національнаго съ общечеловѣческимъ, увеличивается богатство обѣихъ сторонъ народной жизни и совершается всеобщій прогрессъ права.

§ 19. Таковы общія явленія, которыя могутъ послужить основными моментами исторіи права. Эти моменты обозначаются съ бо̀льшею или меньшею

опредѣленностью въ постепенномъ развитіи каждаго національнаго права, а потому могутъ быть указаны при изложеніи этого послѣдняго. Но всеобщая исторія права представляетъ ихъ особенно ясно, потому что даетъ болѣе живую картину многообразныхъ формъ, въ которыя облекалось содержаніе права.

При ея изложеніи можно слѣдовать двоякому порядку. Во-первыхъ, можно излагать постепенное видоизмѣненіе юридическихъ институтовъ, собирая однородныя черты въ правѣ различныхъ народовъ и эпохъ; во-вторыхъ, возможно принять въ основаніе, кромѣ общихъ переходовъ отъ одной формы права къ другой, также цѣльное представленіе о правѣ извѣстнаго народа.

Послѣдній способъ изложенія имѣетъ преимущество: онъ даетъ возможность составить болѣе ясное понятіе о правѣ, какъ органическомъ цѣломъ, о взаимной связи между всѣми юридическими институтами и о воздѣйствіи ихъ другъ на друга. Право развивалось въ формѣ народной, которая сохранилась также въ послѣдній періодъ его исторіи и не можетъ исчезнуть никогда; поэтому необходимо, чтобъ этотъ характеръ права не терялся при изложеніи.

Такимъ образомъ, принимая въ основаніе, съ одной стороны, общія типическія черты развитія права, а съ другой—его національный характеръ, слѣдуетъ признать наиболѣе удобнымъ слѣдующее раздѣленіе исторіи права.

Донаціональный періодъ съ особенною ясностью представляется въ правѣ тѣхъ племенъ, которыя еще не образовали государства и сохранили формы первичнаго быта. Мы можемъ составить себѣ понятіе о правѣ въ этомъ періодѣ не только по историческимъ преданіямъ, но также изъ наблюденія надъ современною жизнью туземцевъ Африки и Америки.

Національный періодъ представляется въ двухъ отдѣлахъ—права теократическаго и человѣческаго. Къ первому относятся народы древняго и новаго востока, у которыхъ теократія является въ троякой формѣ: семейной, имущественной и военной. Право

народное получило свое полное выраженіе у грековъ и римлянъ, хотя послѣдніе возвысились до созданія всеобщаго права.

Періодъ *національно-общій* обнимаетъ собою право народовъ европейской цивилизаціи. Римское, феодальное и церковное право легли въ основаніе ихъ юридическихъ институтовъ, видоизмѣненныхъ подъ вліяніемъ національныхъ условій. Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ народы романскаго, германскаго и славянскаго племени продолжали общую юридическую жизнь: наука права, торговля, международныя связи вызывали постоянно одинаковыя формы институтовъ и одинаковыя воззрѣнія на ихъ существо.

Указанными характеристическими чертами опредѣляются юридическія группы народовъ, такъ что въ каждую группу входятъ народы, сходные по общимъ чертамъ своего права. При этомъ не всѣ институты извѣстной группы получили тождественную форму и развивались одновременно; нельзя провести рѣзкую грань между группами во всѣхъ отношеніяхъ: иногда какой-либо институтъ группы предшествовавшей опережалъ другіе. Тѣмъ не менѣе общія черты права остаются тѣ же. Такъ, напримѣръ, семейное право у евреевъ стоитъ на высшей ступени, чѣмъ у римлянъ, однако еврейское право относится къ теократической группѣ; политическія воззрѣнія грековъ имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ римскія, однако въ конструкціи чисто-гражданскихъ институтовъ ни одинъ народъ не могъ сравниться съ римлянами.

Понятіе о высшемъ и низшемъ не прилагается къ народной жизни, ибо безъ ступени предшествовавшей невозможна послѣдующая. Каждое право было выраженіемъ своего времени и приготовленіемъ къ дальнѣйшему развитію. Многіе изъ народовъ, право которыхъ мы изучаемъ, перестали существовать въ смыслѣ историческихъ дѣятелей; но ихъ наслѣдство осталось, оно сдѣлалось достояніемъ науки, которая сохраняетъ прошедшее отъ забвенія и смерти и видитъ въ немъ никогда не замиравшую жизнь че-

ловѣческаго духа. Нѣтъ ничего болѣе величаваго, какъ вѣковое зданіе права, надъ созданіемъ котораго трудился и къ которому съ любовью и надеждою обращался длинный рядъ поколѣній, смѣнявшихъ другъ друга въ исторіи человѣчества.

§ 20. Важное значеніе исторіи права вызывало не разъ попытки къ его литературной обработкѣ. Одни писатели ставили себѣ задачею обнять всю исторію права въ его послѣдовательномъ движеніи, другіе ограничивались изображеніемъ развитія отдѣльныхъ институтовъ.

Къ сочиненіямъ, имѣющимъ предметомъ своимъ исторію права въ ея цѣломъ составѣ, относится прежде всего *Трактатъ о законодательствѣ*, Шарля Конта (Ch. Comte, Traité de législation, 1827). Авторъ имѣлъ въ виду не историческое изложеніе институтовъ, а приложеніе индуктивнаго метода въ наукѣ права; тѣмъ не менѣе онъ указалъ на нѣкоторые общіе законы въ развитіи юридической жизни и успѣлъ коснуться общаго вліянія и значенія рабства.

Контъ начинаетъ съ отрицанія всякаго произвольнаго построенія юридическихъ началъ и произвольнаго изданія законовъ; въ явленіяхъ права онъ видитъ непреложную связь причинъ и послѣдствій. «Изученіе законовъ, которыми управляется народъ,—говоритъ онъ (I. 293)—есть не что иное какъ изученіе тѣхъ силъ, которыми опредѣляется существованіе, сохраненіе и продолженіе народа». Право есть только *описаніе явленій*, возникающихъ изъ взаимодѣйствія между людьми и природой. Авторъ приступаетъ затѣмъ къ изложенію основныхъ сторонъ человѣка, проявленіе которыхъ совершается по извѣстнымъ законамъ. Второй и третій томы его сочиненія посвящены изслѣдованію той связи, которая существуетъ между общественнымъ бытомъ народа и средствомъ его существованія. Контъ не признаетъ безусловно вліянія климата и доказываетъ, что цивилизація постоянно зачиналась въ жаркихъ странахъ и что степень развитія народа вообще зависитъ отъ способовъ добывать средства жизни или отъ рода занятій (II. 177, 268). На-

родъ тѣмъ быстрѣе развивается, чѣмъ болѣе природа помогаетъ врожденному для человѣка стремленію къ благосостоянію: для массы никакое развитіе немыслимо прежде удовлетворенія насущныхъ физическихъ потребностей (III. 198, 203). Въ ряду условій природы, способствовавшихъ цивилизаціи, Контъ ставитъ на первомъ мѣстѣ водныя сообщенія, преимущественно рѣки. Менѣе цивилизованные завоеватели сходили постоянно съ горныхъ вершинъ въ долины, сдѣлавшіяся достояніемъ болѣе развитыхъ племенъ; съ другой стороны болѣе грубыя племена, занимавшіяся охотою, покоряли земледѣльцевъ, обрекали ихъ на трудъ, прикрѣпляя къ землѣ и господствовали надъ ними, образуя аристократію.

Впрочемъ Контъ не придаетъ безусловнаго характера вліянію природы (III. 304) и останавливается на всеобщемъ фактѣ завоеванія, положившемъ основаніе всеобщему институту рабства. Самое рабство является въ двухъ видахъ: политическое рабство въ смыслѣ господства одного племени надъ другимъ и частное (domestique), выражающееся въ правѣ собственности отдѣльныхъ лицъ надъ рабами. Это послѣднее проходитъ три ступени: сначала собственники и рабы принадлежатъ къ одному и тому же племени, затѣмъ слѣдуетъ прикрѣпленіе извѣстной части народонаселенія къ землѣ, наконецъ является рабство опредѣленной расы (въ колоніяхъ).

Вопросу о рабствѣ посвященъ весь 4-ый и послѣдній томъ сочиненія Конта. Авторъ изслѣдуетъ подробно то вліяніе, которое оказывало повсюду рабство въ его различныхъ формахъ на всѣ стороны народной жизни: на положеніе общественныхъ классовъ, на экономическій бытъ, на обычаи и нравы, на характеръ правительствъ, на безопасность народа, на нравственную его сторону, наконецъ на религію. Контъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе указаніемъ на общеніе имуществъ, какъ на одно изъ выраженій рабства.

Такимъ образомъ Контъ въ своемъ неоконченномъ трудѣ успѣлъ разсмотрѣть значеніе только одного

всемірно-историческаго института рабства; но этотъ вопросъ разработанъ имъ вполнѣ, причемъ наглядно указано значеніе историческихъ формъ права.

Почти въ одно время съ сочиненіемъ Конта появилась *Исторія законодательства*, Пасторе. (Pastoret, Histoire de la législation, 1817—1837). Въ одиннадцати вышедшихъ томахъ авторъ собралъ много матеріаловъ для исторіи права у древнихъ народовъ (кромѣ римлянъ), но постоянно смѣшиваетъ юридическое съ неюридическимъ. Трудъ Пасторе представляетъ собою скорѣе древности, чѣмъ исторію. Авторъ безъ всякой критики вноситъ въ свое сочиненіе разнообразныя указанія на нравы и упускаетъ часто существенныя стороны юридическихъ институтовъ. Чрезъ весь трудъ проходитъ, сверхъ того, субъективный взглядъ автора: онъ произноситъ свой благопріятный или неблагопріятный приговоръ надъ народами, смотря по тому, на сколько они отличались консервативнымъ или либеральнымъ направленіемъ.

Опытъ всеобщей исторіи права, Пуаэра (Pouhaër, Essai sur l'histoire générale du droit, 1849) есть краткое указаніе на нѣкоторые политическіе и гражданскіе институты, не отличающееся ни мѣткостью очертаній, ни глубиною взгляда; авторъ указываетъ съ слишкомъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ на видоизмѣненіе институтовъ, останавливаясь въ большей части случаевъ на несущественныхъ признакахъ.

Обширный трудъ Лорана—*Исторія права народовъ и международныхъ отношеній* (Laurent, Histoire du droit des gens et des relations internationales, 1850—1870) представляетъ собою одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ вкладовъ въ историко-юридическую литературу. Авторъ останавливается на главныхъ явленіяхъ религіозной, умственной и политической жизни народовъ, отыскивая въ нихъ начала сближенія и взаимнаго вліянія, изъ котораго слагается цивилизація. Но, не смотря на объемъ сочиненія (18 томовъ), авторъ далеко не исчерпалъ своей задачи; матеріалъ его распредѣленъ далеко неравномѣрно. Начавши съ

исторіи международныхъ отношеній, авторъ увлекся потомъ въ область религіозныхъ и догматическихъ вопросовъ, а послѣдній томъ посвятилъ исключительно религіи будущаго (la réligion de l'avenir). Это увлеченіе лишило Лорана возможности выполнить и безъ того обширную задачу; авторъ косвенно отказался отъ нея, присоединивъ, начиная съ 4-го тома своего сочиненія, новое заглавіе—Etudes sur l'histoire de l'humanité. Но эти этюды не связаны ничѣмъ между собою, и о правѣ говорится въ нихъ наименѣе.

Единственный вопросъ, котораго Лоранъ не упускаетъ изъ виду и къ которому обращается постоянно, есть вопросъ о войнѣ. Разсматривая исторію войнъ, авторъ видитъ въ нихъ орудіе цивилизаціи и выраженіе божественнаго промысла. О выраженіи того же промысла заключаетъ Лоранъ по всему ходу исторіи: всѣ великія событія совершаются по пути, указанному провидѣніемъ, и чѣмъ болѣе совершенствуется человѣчество, тѣмъ способнѣе становится оно понять эти пути (X. 124).

Замѣчательная ученость гентскаго профессора, необычайная его начитанность и богатство собраннаго имъ матеріала дѣлаютъ его трудъ, не смотря на отсутствіе въ немъ системы и полноты, весьма важнымъ пособіемъ. Но для плодотворнаго пользованія этимъ трудомъ необходимо предварительное знакомство съ предметомъ. Самъ авторъ намѣренъ былъ, по окончаніи своего сочиненія, переработать его совершенно, привести въ систему собранный въ немъ матеріалъ, пополнить пробѣлы и придать своему изслѣдованію характеръ исторіи права, а не цивилизаціи.

Подъ заглавіемъ *Древнее право*, серъ Генри Мэнъ (H. Sumner Maine, Ancient law, 1861) разсматриваетъ первоначальныя формы основныхъ юридическихъ институтовъ, указываетъ на постепенное видоизмѣненіе и объясняетъ исторически ихъ настоящее положеніе. Авторъ ограничивается только наиболѣе выдающимися чертами каждаго института; но представленная имъ картина отличается особенною жи-

восью, такъ что основныя положенія новаго права поставлены въ связи съ древними институтами и вытекаютъ изъ нихъ совершенно ясно. Мэнъ останавливается особенно на римскомъ правѣ и затѣмъ указываетъ на видоизмѣненія, произведенныя въ юридическихъ институтахъ и воззрѣніяхъ феодализмомъ и церковью Авторъ весьма удачно сопоставляетъ древнее и новое право, такъ что послѣднее является результатомъ перваго и объясняется вліяніемъ весьма немногихъ историческихъ фактовъ.

Сочиненіе Арнольда: *Развитіе культуры и права* (Arnold, Cultur und Rechtsleben, 1865—1868) составляетъ введеніе автора къ задуманной имъ исторіи германскаго права. Въ первомъ томѣ Арнольдъ указалъ вообще на связь права съ культурою народа, во второмъ онъ сдѣлалъ приложеніе своихъ выводовъ къ исторіи римскаго права сравнительно съ германскимъ.

Слѣдуя философскимъ воззрѣніямъ Лотце, Арнольдъ признаетъ языкъ, искусство, науку, нравы, хозяйство; право и государство тѣми областями, въ которыхъ проявляется духовная жизнь народа. Изъ нихъ три послѣднія особенно тѣсно связаны другъ съ другомъ: «онѣ суть только три различныя стороны одной и той же области, т. е. внѣшней практической жизни, которую мы можемъ назвать гражданскимъ порядкомъ въ обширномъ смыслѣ или обществомъ; это суть три угла треугольника, только вмѣстѣ образующіе цѣльную фигуру (I. 89)». Что касается связи права съ культурою вообще, то хотя Арнольдъ и признаетъ существованіе ея, однако замѣчаетъ, что при настоящемъ состояніи науки опредѣлить ее невозможно. Даже совпаденіе права съ хозяйствомъ и государствомъ не есть что-либо непреложное: хозяйство двухъ народовъ можетъ быть совершенно одинаковое, а выраженіе права иное (I. 106). Во всякомъ случаѣ право есть главный двигатель культуры: высшимъ орудіемъ послѣдней служитъ справедливость, ибо высшая цѣль человѣчества заключается въ нравственномъ бытіи.

Опредѣливши такимъ образомъ мѣсто, занимаемое правомъ въ общемъ движеніи культуры, авторъ объясняетъ гражданскіе институты римлянъ экономическими условіями ихъ жизни. Проводя постоянно параллель между римскими и германскими институтами, Арнольдъ видитъ въ первыхъ весьма раннее преобладаніе торговли, тогда какъ послѣдніе объясняются очень долго сохранившимся земледѣльческимъ бытомъ народа и натуральнымъ хозяйствомъ.

Сочиненіе Арнольда отличается строго-научнымъ характеромъ; авторъ не преувеличиваетъ вліянія хозяйства на право, но весьма вѣрно объясняетъ имъ особенности институтовъ собственности, договоровъ и наслѣдства у двухъ народовъ, право которыхъ онъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія.

Неволинъ во 2-омъ томѣ своей *Энциклопедіи Законовѣдѣнія* (1839) изложилъ исторію положительныхъ законодательствъ. Трудъ его замѣчателенъ по времени появленія, хотя и далеко не исчерпываетъ предмета, такъ какъ авторъ нерѣдко ограничивался внѣшнею исторіею права.

Сочиненіе А. Горянинова: *Міръ древній и новый, человѣкъ и государство* (1871) представляетъ собою попытку отыскать законы развитія права; но оно лишено научнаго достоинства по отсутствію системы, отрывочности и бѣдности юридическаго матеріала; построенія автора не отличаются ясностью и основаны нерѣдко на случайныхъ фактахъ.

§ 21. Къ литературѣ всеобщей исторіи права должно отнести также сочиненія, имѣющія предметомъ своимъ изложеніе постепеннаго развитія отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сочиненіе Ганса: *Исторія наслѣдственнаго права во всемірно-историческомъ развитіи* (Gans, Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwickelung, 1824—1835). Первые два тома этого труда посвящены древности, вторые два среднимъ вѣкамъ. Центромъ изслѣдованія Гансъ принимаетъ римское наслѣдственное право; предшествовавшее ему «доримское» онъ разсматриваетъ въ

формѣ введенія; затѣмъ «послѣримское» наслѣдство ограничивается постановленіями каноническаго права и народныхъ правдъ. Особенно глубоко изучилъ Гансъ юридическіе памятники среднихъ вѣковъ. Вопреки высказанному имъ въ началѣ взгляду, что всеобщая исторія права не останавливается на подробностяхъ, но идетъ къ философскимъ выводамъ, Гансъ придалъ важное ученое значеніе своему труду именно заключающимися въ немъ подробностями. Хотя предметомъ изслѣдованія служитъ наслѣдственное право, однако, по тѣсной связи этого послѣдняго съ семейными и имущественными отношеніями, авторъ касается въ значительной степени институтовъ семейства и собственности. Сверхъ того, въ началѣ 3-го тома представлена картина средневѣкового права и его источниковъ.

Унгеръ въ своемъ сочиненіи *Бракъ въ его всемірноисторическомъ развитіи* (Unger, Die Ehe in ihrer weltgeschictlichen Entwicklung, 1850) дѣлаетъ общій обзоръ существа брака у древнихъ и новыхъ народовъ. Основываясь на источникахъ, онъ указываетъ на характеристическія черты брака въ его двухъ основныхъ формахъ: моногаміи и полигаміи. Затѣмъ авторъ заключаетъ свой трудъ практическимъ выводомъ: необходимостью допустить разводъ и проводить начало имущественнаго общенія между супругами.

Неизвѣстный авторъ сочиненія The progress of nations (1861) представляетъ главныя видоизмѣненія общественныхъ формъ. Онъ начинаетъ съ указанія невозможности прилагать къ явленіямъ общественной жизни исключительно методъ наблюденія и необходимости признать божественные законы въ управленіи вселенною. Обращаясь къ формамъ общества, авторъ видитъ появленіе національнаго общества въ занятіи земледѣліемъ; народъ состоитъ изъ аггрегата независимыхъ родовъ, избирающихъ одного общаго представителя племени. Затѣмъ, вслѣдствіе завоеванія, одно племя получаетъ преобладаніе и образуетъ аристократію, избирающую короля изъ среды своей. За этими элементами выступаетъ имущественный (плутократія), сначала существующій отдѣльно, а потомъ

сливающійся съ аристократіею. Это сліяніе ведетъ къ упадку національнаго чувства и вызываетъ деспотизмъ (431). Авторъ переходитъ затѣмъ къ теократіи и къ демократіи. Сочиненіе его не лишено значенія и представляетъ оригинальные взгляды на движеніе соціальной жизни.

Спарано въ своемъ трудѣ *Происхожденіе и развитіе народовъ* (Sparano, L' origine ed il progresso delle nazioni, 1869) излагаетъ общія формы общественнаго быта, слѣдуя тѣмъ періодамъ, которые указаны были Вико. Авторъ принимаетъ слѣдующія явленія или эпохи общественнаго развитія: божественную, героическую, теократическую, муниципальную, феодальную и соціальную. Всѣ эти построенія не имѣютъ научнаго характера и завершаются картиною будущаго (possibile avvenire).

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о сочиненіяхъ, имѣющихъ предметомъ своимъ исторію юридическихъ понятій. Сюда относится *Введеніе въ исторію юриспруденціи*, Герона (Heron, An introduction to the history of jurisprudence, 1860), въ которой авторъ дѣлаетъ обозрѣніе всей юридической литературы. Чичеринъ въ вышедшей 1-ой части *Исторіи политическихъ ученій* (1869) излагаетъ ученія о государствѣ въ древности и въ средніе вѣка.

Монографіи, обнимающія право извѣстной эпохи или одного народа, указываются въ своемъ мѣстѣ.

ИСТОРІЯ ПРАВА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ДОНАЦІОНАЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ.

§ 22. Донаціональный періодъ обнимаетъ собою тѣ первичныя формы права, на которыхъ не успѣли еще отпечатлѣться особенныя черты того или другого народа, какъ историческаго или политическаго дѣятеля. Нѣтъ сомнѣнія, что такой періодъ существовалъ въ исторіи каждаго права: на него указываютъ сохранившіяся преданія, множество обычаевъ и обрядовъ, хотя и потерявшихъ свое юридическое значеніе, наконецъ народная поэзія, нерѣдко изображающая то, что когда-то было въ дѣйствительности.

По этимъ отрывочнымъ указаніямъ можно возсоздать съ бо̀льшею или меньшею опредѣленностью исчезнувшій общественный бытъ племени. Исторія и филологія путемъ сближеній и истолкованій народнаго эпоса отчасти достигаютъ тѣхъ задачъ, рѣшеніе которыхъ должно послужить богатымъ матеріаломъ для права. Въ области подобныхъ изслѣдованій первичнаго быта сдѣлано уже весьма многое: вопросъ о зачаткахъ цивилизаціи обратилъ на себя вниманіе ученыхъ, которые съ любовью посвящали свои труды изслѣдованію первоначальныхъ бытовыхъ формъ. Они дорожили и дорожатъ этими формами, какъ первыми проявленіями національной жизни, пытаясь отдѣлить изъ нихъ все, что̀ явилось результатомъ заимствованій и чужихъ вліяній.

Но существуетъ другой путь изученія первоначальныхъ юридическихъ формъ. Ихъ можно наблюдать въ настоящемъ, по скольку онѣ сохранились въ общественномъ быту племенъ, еще недостигшихъ государственности и стоящихъ на

первыхъ ступеняхъ культуры. Значительныя пространства земного шара населены подобными племенами, медленно подвигающимися на пути развитія, хотя и сохранившими преданія о долгой исторіи и о неоднократныхъ переселеніяхъ. Обыкновенно этимъ племенамъ придается названіе естественныхъ (Naturvölker) или первобытныхъ, въ томъ смыслѣ, что ихъ общественныя отношенія принадлежатъ къ самому раннему періоду, доступному для наблюденія.

§ 23. Вся предшествовавшая исторія юридическихъ институтовъ остается до сихъ поръ внѣ области науки и можетъ быть предметомъ только болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Такъ, геологическія изслѣдованія указываютъ на великій переворотъ, измѣнившій поверхность земли и ея климатъ: напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы находятъ подъ землею скелеты человѣка и остатки особыхъ породъ животныхъ, теперь исчезнувшихъ и названныхъ *допотопными,* на томъ основаніи, что переворотъ на поверхности земли приписывается потопу, о которомъ повѣствуетъ библія. Такъ, далѣе, существуетъ предположеніе, что первоначально люди жили въ пещерахъ, а потомъ на озерахъ; объ этомъ заключаютъ по найденнымъ въ Кавказскихъ горахъ углубленіяхъ на значительной высотѣ и по открытымъ въ Швейцаріи свайнымъ постройкамъ на озерахъ. Наконецъ полагаютъ, что первоначально цвѣтъ всей человѣческой расы былъ черный и что онъ измѣнился потомъ подъ вліяніемъ климатическихъ условій.

Всѣ эти и подобныя предположенія сводятся лишь къ одному безспорному факту, а именно къ несомнѣнному существованію весьма долгой борьбы человѣка съ природою. Конечно, продолжительность этой борьбы не можетъ быть опредѣлена годами; предположеніе о каменномъ вѣкѣ, продолжавшемся отъ 5-ти до 7-ми тысячъ лѣтъ, и о слѣдовавшемъ за нимъ бронзовомъ вѣкѣ въ три или четыре тысячи лѣтъ не опирается ни на какихъ научныхъ данныхъ. Но несомнѣнно, что, прежде чѣмъ люди научились обрабатывать землю, они должны были довольствоваться тѣмъ, что земля производила собственною силою, а потому перемѣняли мѣсто жительства, какъ скоро эта сила истощалась. Несомнѣнно также, что охота составляла первый источникъ пропитанія; изслѣдованіе зубовъ, находимыхъ въ черепахъ

„допотопныхъ“ людей, доказываетъ, что эти люди употребляли исключительно мясную пищу (ср. рефератъ Mummery въ лондонскомъ медицинскомъ обществѣ, 1870); краснокожіе индійцы приписываютъ вымираніе своей расы отнятію у нихъ сѣвероамериканцами лѣсовъ и слѣд. мѣстъ охоты.

Въ силу такой зависимости отъ природы, роды и племена двигались съ одного мѣста на другое иногда періодически, подобно нынѣшнимъ киргизамъ, т. е. перекочевывали лѣтомъ на сѣверъ и зимою на югъ, или же навсегда оставляли мѣсто своего прежняго жительства, искали болѣе привольныхъ степей и лѣсовъ. Слѣды такого постояннаго переселенія племенъ замѣчаются повсюду. Вайтцъ находитъ преданія о немъ у народовъ Америки и Полинезіи; повсюду народная память сохранила легенду о пришествіи въ обѣтованную землю и о борьбѣ за ея обладаніе.

Въ этихъ переселеніяхъ и въ борьбѣ гибли цѣлыя племена и сохранились только тѣ изъ нихъ, которыя были достаточно крѣпки физически, чтобы перенести всѣ невзгоды кочевой жизни и нападенія враговъ.

Нѣтъ никакой возможности прослѣдить всѣ тѣ пути, по которымъ происходило движеніе племенъ,—тѣмъ болѣе, что поверхность земли измѣнялась неразъ; такъ, напр., пространство между Каспійскимъ и Аральскими морями было покрыто водою, Венгрія представляла собою озеро, Египетъ и степи на сѣверъ отъ Чернаго моря находились подъ водою и проч. Полагаютъ, что главнымъ путемъ въ Европу былъ Кавказъ; на вершинахъ его горъ встрѣчаются слѣды первыхъ жилищъ человѣческихъ; у горы Арарата, по библейскому преданію, остановился Ноевъ ковчегъ; всѣ завоеватели избирали кавказскую дорогу. Можно предположить также, что раньше другихъ пришли въ движеніе племена туранской или монгольской расы, за ними двинулись арійцы и наконецъ семиты.

Впрочемъ вопросъ о человѣческихъ породахъ или расахъ не разрѣшенъ еще окончательно. Куно въ своемъ изслѣдованіи о скиѳахъ (Berl., 1871) въ Европѣ принимаетъ три основныхъ племени: славяно-греческое, кельто-итальянское и германское; Максъ Мюллеръ приписываетъ туранскому племени арійское происхожденіе и пр. Движеніе арійцевъ предпола-

гается слѣдующее: отъ Инда и изъ Ирана они подвинулись къ Каспійскому и Черному морямъ, гдѣ остановились по невозможности идти далѣе; на этихъ мѣстахъ они получили названіе Скиѳовъ. Затѣмъ арійцы обогнули съ юга Черное море и заняли Грецію, откуда распространились по Европѣ и Америкѣ. Монгольское племя еще раньше разлилось по всей Азіи отъ Каспійскаго моря до Восточнаго океана, и было потѣснено на западѣ арійцами. Наконецъ семиты потѣснили арійцевъ-скиѳовъ въ Египтѣ и Сиріи.—Ср. сводъ этихъ догадокъ у Горяинова, стр. 114 и слѣд.

§ 24. Переселеніе и соединенныя съ нимъ войны послужили первою причиною того различія, которое замѣчается между племенами, но которое лежитъ не въ существѣ той или другой расы, а въ особыхъ дѣйствовавшихъ на нее вліяніяхъ. Наблюденіе показываетъ, что всѣ племена способны къ усвоенію началъ цивилизаціи и что наука должна отрѣшиться отъ предразсудка, въ силу котораго будто бы извѣстныя племена осуждены на постоянный застой. Духовныя силы и способности людей нисколько не зависятъ отъ наружнаго вида, отъ цвѣта, отъ устройства черепа и другихъ внѣшнихъ признаковъ расы: европейцы способны одичать въ обществѣ полудикомъ и, наоборотъ, негры при благопріятныхъ условіяхъ способны къ высокому умственному развитію.

Вайтцъ убѣдительно доказалъ единство всѣхъ людей и привелъ нѣсколько примѣровъ способности негровъ къ цивилизаціи: Лилле-Жоффруа былъ замѣчательный математикъ и сдѣлался членомъ французской академіи; Самуилъ Краусперъ (Crowther) написалъ грамматику своего языка; одинъ кузнецъ въ Алабамѣ безъ посторонней помощи изучилъ греческій, латинскій и еврейскій языки; Айра-Ольриджъ, Хуаресъ и другіе доказали способность негровъ къ искусству и къ государственному управленію. Поэтому нельзя согласиться съ Блунчли, который утверждаетъ, будто эѳіопская или черная раса неспособна къ цивилизаціи (Bluntschli, Altasiat. Weltideen, 15).—

По свидѣтельству Агассиза, европейская раса въ верховьяхъ Амазонской рѣки совершенно слилась съ туземною; въ Новой Зеландіи европейцы превращались въ каннибаловъ (Agassiz, A journey in Brazil, 1868).

Различіе племенъ утвердилось враждою между ними и поддерживалось множествомъ условій и вліяній, но оно не имѣетъ въ себѣ ничего непреложнаго, и первобытные народы всѣхъ расъ ничѣмъ не отличались другъ отъ друга. Дикость или полудикость есть состояніе, чрезъ которое проходили всѣ племена, и не составляетъ исключительной принадлежности какой-либо породы людей. Если нѣкоторыя племена остаются весьма долго на первой ступени культуры и даже вымираютъ, не переходя на высшую ступень, то это явленіе объясняется причинами внѣшними. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію фактъ вымиранія краснокожихъ въ Америкѣ: при открытіи этой части свѣта ихъ считалось до 5-ти милліоновъ, въ настоящее время едва осталось 300 тысячъ. Но сѣвероамериканскіе граждане дѣлали и дѣлаютъ все для истребленія краснокожихъ, убивая ихъ, отнимая у нихъ собственность и спаивая водкой. „До сихъ поръ—говоритъ Герландъ (Gerland, Aussterben, 144)—развитіе человѣчества слѣдовало чисто-естественному закону. Совершалась борьба за существованіе, въ которой побѣдителемъ становился сильнѣйшій. Окрѣпшіе народы распространялись насиліемъ; они съ злорадствомъ и безъ всякой нужды готовы были на разрушеніе съ цѣлью подчинить себѣ слабѣйшаго, вмѣсто того, чтобы возвысить его до высоты, на которой стоятъ сами“. Точно также нельзя удивляться незначительности народонаселенія Африки: стоитъ только вспомнить страшную торговлю неграми, въ теченіи двухъ вѣковъ опустошавшую страны, населенныя черною расою; стоитъ только вспомнить всѣ возмутительныя средства, къ которымъ прибѣгали европейцы во имя религіи и корысти. Было бы удивительно, еслибы туземцы Америки и Африки могли противустоять вліянію всѣхъ разрушительныхъ силъ, противъ нихъ направленныхъ.

Но, независимо отъ столкновенія съ европейцами, существуютъ въ условіяхъ культуры первобытныхъ народовъ причины, дѣйствующія на нихъ гибельно. Сюда должно отнести: неумѣнье лѣчить болѣзни, дѣтоубійство, человѣческія жертвы, постоянныя войны и проч.

Такимъ образомъ было бы несправедливо думать, что первобытные народы осуждены оставаться вѣчно въ своемъ теперешнемъ положеніи; они представляютъ собою только необходимую ступень въ развитіи человѣчества, какъ члены единаго цѣлаго.

Въ этомъ смыслѣ тѣ немногія черты права, которыя мы встрѣчаемъ у первобытныхъ народовъ, имѣютъ глубокій интересъ. Это періодъ дѣтства, прожитый всѣми, а потому дорогой для всѣхъ. Не съ пренебреженіемъ, а съ серіознымъ вниманіемъ должна относиться наука къ первымъ проблескамъ гражданственности и права; съ любовью, съ состраданіемъ и съ готовностью помочь слѣдуетъ смотрѣть на невѣжественныя массы, лишенныя нравственнаго руководства и ободренія. Въ ихъ печальной жизни отражается наше прошедшее; въ этихъ всходахъ жизни зрѣетъ ея крѣпкое дерево; въ этихъ ясляхъ родилось человѣчество.

§ 25. Интересъ въ изученіи культуры первобытныхъ народовъ вызвалъ довольно-обширную литературу по этому предмету. Первое мѣсто въ ученой обработкѣ первичнаго быта занимаетъ сочиненіе Вайтца—*Антропологія первобытныхъ народовъ* (Waitz, Antropologie der Naturvölker, Leipz. 1860—1870). Авторъ не окончилъ своего труда, но въ вышедшихъ пяти томахъ собранъ имъ богатѣйшій матеріалъ и сведены всѣ извѣстія путешественниковъ о религіи, нравахъ и обычаяхъ первобытныхъ народовъ.

Далѣе слѣдуютъ сочиненія Герланда—*О вымираніи первобытныхъ племенъ* (Gerland, Ueber das Aussterben der Naturvölker, Leipz. 1868) и Вайнгольда, *Первобытные и цивилизованные народы* (Weinhold, Naturvölker und Kulturvölker, Dresd. 1868).

Въ Англіи по вопросу о зачаткахъ культуры замѣчательны труды: Мегаффи, *О первичной цивилизаціи и объ ея физическихъ условіяхъ* (Magaffy, Lektures on primitive civilizations and their physical conditions, Lond. 1869); сочиненіе сэръ-Джона Лаббока, *Начало цивилизаціи* (Sir John Lubbock, The origin of civilization and the primitive condition of men, Lond. 1870); наконецъ Тайлора—*Первобытная культура* (Tylor, The primitive culture, Lond. 1871), сочиненіе, посвященное исключительно вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ,

Сюда же слѣдуетъ отнести нѣсколько сочиненій, касающихся вообще первичныхъ формъ гражданственности. Таковы у насъ труды Аѳанасьева, Терещенки, гг. Буслаева, Костомарова и другихъ изслѣдователей, касающіеся древнѣйшихъ русскихъ обычаевъ, статьи о бытѣ инородцевъ въ *Вѣстникѣ Географическаго Общества* (особенно за 1866 годъ) и проч. Далѣе можно назвать два сочиненія Бахофена: Das Mutterrecht, Leipz. 1860, и Die Sage von Tanaquil, eine Untersuchung über den Orientalismus im Rom, Heidelb. 1870.—Существуютъ еще цитируемыя Лаббокомъ сочиненія Моргана и Макъ-Ленана о первобытномъ бракѣ (Mc Lenan, On primitive marriage).

Наконецъ указанія на нѣкоторыя первичныя формы права находятся въ *Юридической символикѣ* Шассана (Chassan, Symbolique de droit, 1846) и въ указанномъ выше классическомъ трудѣ Якова Гримма (Jacob Grimm, Deutche Rechtsalterthümer, 2-teAusg., Götting. 1854). Во введеніи Гриммъ указываетъ на формальную сторону древненѣмецкаго права, причемъ значительная часть изслѣдованія посвящена описанію юридическихъ символовъ (109—207). Далѣе въ первой книгѣ говорится о сословіяхъ, во второй о семействѣ (Haushalt), въ 3-ей о собственности, въ 4-ой о договорахъ (Gedinge), въ 5-ой о преступленіяхъ и въ 6-ой о судѣ. Хотя филологическія и историческія изысканія Гримма ограничиваются германскимъ правомъ, однако они могутъ служить для сближеній съ аналогическими формами и другихъ народовъ.

§ 26. Изслѣдованія о томъ, къ какой именно расѣ принадлежатъ племена, сохранившія до настоящаго времени первичныя формы быта, не имѣютъ строгой опредѣленности; историческія преданія и саги не даютъ ясныхъ указаній на предшествовавшія судьбы этихъ племенъ. Остается поэтому только одна культурная сила религіи, на основаніи которой можно подвести первобытные народы подъ опредѣленныя группы: ступени религіознаго развитія первобытныхъ племенъ указываютъ также на ступени ихъ общественной жизни.

Хотя первобытная религія имѣетъ одинаковыя общія черты, однако на основаніи различнаго ея культа можно принять слѣдующія градаціи религіозныхъ вѣрованій: атеизмъ,

фетишизмъ, тотемизмъ, шаманизмъ и идолопоклонство (Lubbock, 292). Сила разрушенія и творчества, которую человѣкъ видитъ вокругъ себя, олицетворяется для него въ извѣстномъ предметѣ, возбуждающемъ въ немъ страхъ и надежду. На каждой новой ступени религіозныхъ вѣрованій это олицетвореніе получаетъ характеръ бо́льшей опредѣленности и постоянства, такъ что идолопоклонство въ этомъ смыслѣ служитъ высшимъ моментомъ въ ряду послѣдовательныхъ религіозныхъ представленій.

Характеристика этихъ представленій и ихъ градаціи взяты мною у Лаббока; Вайтцъ излагаетъ подробно религіозныя вѣрованія каждаго отдѣльнаго племени; у Тайлора можно найти философское изслѣдованіе первобытной религіи. Для исторіи права достаточно общихъ указаній по этому вопросу.

§ 27. Первую ступень религіознаго культа представляетъ собою отсутствіе опредѣленнаго понятія о божествѣ или атеизмъ (Lubbock, 136).

На этой ступени стоятъ нѣкоторыя малайскія племена, населяющія Малакку, Суматру, Яву, Селебесъ, Борнео, Цейлонъ и Микронезію (острова Маріанскіе, Каролинскіе, Жильберовы и проч.), отчасти также племена каффрскія (Bachapins, Koussa) и готтентотскія (Корана, Рамаква, Гриква). Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ вымираютъ, а туземцы Маріанскихъ острововъ, открытыхъ Магелланомъ, исчезли совершенно. Въ началѣ 18-го столѣтія, видя безуспѣшность своего сопротивленія испанцамъ, маріанцы рѣшились убивать себя и не имѣть дѣтей. Роковой обѣтъ былъ исполненъ: въ 1695 году считалось 15,000 маріанцевъ, въ 1716 только 1,500, а въ 1810 ихъ осталось только двое.

Названныя племена не лишены вовсе историческихъ преданій; такъ, малайцы сохранили память о своемъ переселеніи изъ Индіи въ Малакку подъ предводительствомъ одного изъ царей, потомковъ Александра Македонскаго; преданія каффрскія повѣствуютъ о двухъ древнихъ царствахъ, славившихся богатствомъ и порядкомъ. Но въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ культуры, о которой говоритъ преданіе. Каффры отличаются грубостью и жестокостью; готтентоты хотя кротки, но крайне лѣнивы и ту-

поумны; они не способны научиться считать далѣе 5-ти и даже отъ голода стараются избавиться сномъ.

Религіозныя представленія малайцевъ ограничиваются почти исключительно чувствомъ инстинктивнаго страха передъ какимъ-то призракомъ, являющимся въ темнотѣ или во снѣ; понятіе о добрѣ и злѣ прилагается только къ физическимъ ощущеніямъ и не переходитъ въ область нравственности; не существуетъ вопроса ни о сотвореніи міра, ни о божествѣ, а потому нѣтъ ни молитвъ, ни религіозныхъ формъ. Малаецъ вѣритъ только, что есть на свѣтѣ злобное и опасное существо, которое въ темнотѣ имѣетъ способность вредить, а потому внушаетъ страхъ.

У каффровъ встрѣчается уже болѣе опредѣленное понятіе о существахъ, имѣющихъ бытіе внѣ человѣка. Такъ, они приносятъ жертвы безвреднымъ змѣямъ, полагая, что въ формѣ послѣднихъ являются умершіе. Солнце и луна представляются живыми существами: солнце преслѣдуетъ луну, уменьшаетъ ея объемъ, но луна хитро избѣгаетъ преслѣдованія и снова является въ прежнемъ видѣ. У каффровъ существуютъ даже волхвы, низшую ступень которыхъ занимаютъ знахари, а высшую лица, будто бы умѣющія низводить дождь на землю.

Вайтцъ находитъ у нѣкоторыхъ племенъ каффровъ и готтентотовъ слѣды вѣрованія въ верховное существо (Unkulunkulu), которое сотворило всѣхъ людей; Лаббокъ (242) отвергаетъ такое предположеніе.

§ 28. На второй ступени религіознаго культа стоятъ поклонники ф е т и ш е й.

Фетишизмъ основывается на томъ вѣрованіи, что человѣкъ можетъ подчинить себѣ божество и заставить его служить себѣ, выражая свою власть надъ его олицетвореніемъ. (Это вѣрованіе выражалось очень долго между прочимъ въ волхвованіяхъ и въ дѣйствіяхъ надъ портретами отсутствующихъ лицъ и надъ ихъ восковыми фигурами. Lubbock, 243).

Фетишизмъ, въ смыслѣ религіозной системы, не исключаетъ понятія о верховномъ существѣ; но это существо, общее всѣмъ людямъ, приходитъ на помощь и вступаетъ въ ближайшее отношеніе съ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ при посредствѣ извѣстна-

го предмета. Такимъ образомъ, кромѣ солнца, луны, озеръ, рощь, деревьевъ и прочихъ предметовъ, которые избираетъ своимъ мѣстопребываніемъ верховное существо, эта невидимая сила можетъ явиться на помощь отдѣльному лицу во всякой видимой вещи. Такимъ образомъ, фетишъ есть мѣстопребываніе божества; имъ служитъ иногда животное, иногда камень, иногда стебель маиса, чаще всего какое-либо изображеніе изъ глины или дерева, преимущественно имѣющее форму человѣка (внутри Африки ему придается европейскій типъ). Во всякомъ случаѣ фетишъ имѣетъ силу только относительно отдѣльнаго лица, т. е. помогаетъ только ему; поэтому, напр., негръ возитъ постоянно съ собою своего фетиша, совѣтуется съ нимъ, заботится о немъ. Наоборотъ, если избранный фетишъ оказывается безполезнымъ, т. е. перестаетъ помогать, то негръ или запираетъ его, въ видахъ исправленія, или же выбрасываетъ, какъ ненужную вещь.

Одинъ негръ объяснялъ поклоненіе фетишамъ въ слѣдующихъ словахъ: „Если мы рѣшаемся на что-либо важное, то прежде всего ищемъ бога, который помогъ бы нашему предпріятію. Выйдя съ этою мыслью изъ дома, мы останавливаемся на первомъ предметѣ, попадающемся намъ на глаза,— будетъ ли то собака, кошка, какое-нибудь низшее животное, или просто камень, кусокъ дерева и т. п. Избравши себѣ бога, мы даемъ ему обѣщаніе, что, въ случаѣ удачи въ нашихъ дѣлахъ, станемъ уважать его. Если дѣйствительно послѣдуетъ успѣхъ, то мы дѣлаемъ богу ежедневные подарки; если же постигнетъ насъ неудача, то мы выбрасываемъ его, какъ вещь безполезную. Мы мѣняемъ своихъ боговъ ежедневно“. Отысканіе фетишей въ нѣсколько иной формѣ имѣетъ иногда мѣсто у краснокожихъ Америки: мальчикъ, достигши 14-ти или 15-ти лѣтъ отъ роду, отправляется въ степь и старается не спать въ продолженіи 3-хъ, 4-хъ, даже 5-ти дней; затѣмъ первый предметъ, который онъ увидитъ во снѣ, становится его фетишемъ. Низшій классъ на-

рода въ Китаѣ удержалъ также за идолами характеръ фетишей; если послѣ долгихъ молитвъ желаніе поклонниковъ фетиша не исполняется, то они начинаютъ упрекать своего бога: „собачій ты духъ! мы тебѣ даемъ помѣщеніе, украшаемъ тебя, кормимъ и кадимъ тебѣ, а ты послѣ всего этого на столько низокъ, что не хочешь сдѣлать того, о чемъ тебя просятъ“.

Легенды негровъ указываютъ на то, что въ прежнее время ихъ понятіе о верховномъ существѣ представлялось болѣе яснымъ; въ нихъ говорится, что въ древности небо было ближе къ землѣ, но что потомъ Богъ отдалъ міръ въ управленіе низшимъ богамъ; у нѣкоторыхъ племенъ сохранилась даже молитва: „Богъ на небесахъ, сохрани меня отъ болѣзни и смерти, даруй мнѣ счастіе и мудрость“. Но въ настоящее время фетишизмъ вытѣснилъ первоначальное вѣрованіе, и негры не возвышаются далѣе понятія о семейныхъ или племенныхъ фетишахъ. Большею частью всеобщимъ фетишемъ служитъ луна; полнолуніе празднуется танцами и пѣснями, а въ Дагомэ сопровождается человѣческими жертвами. При общихъ фетишахъ состоятъ иногда жрецы, которые поощряютъ приношеніе жертвъ, состоящихъ преимущественно въ водкѣ.

Поклонники фетишей не чужды понятія о происхожденіи человѣка. По легендамъ негровъ, всѣ люди произошли изъ деревьевъ; человѣкъ стоитъ не выше и не ниже животныхъ,—онъ уступаетъ въ достоинствѣ однимъ и имѣетъ преимущество передъ другими. Душа человѣка по смерти его переселяется въ какое-либо высшее животное—льва, тигра, гіену или змѣю (на этомъ основано между прочимъ уваженіе негровъ къ змѣямъ).

Главными представителями фетишизма служатъ негры и малгаши. Негры, подраздѣляющіеся на нѣсколько племенъ (главные: Мандинго, Іолофы, Кру, Ашанти, Дагомейцы, Дарфурцы, Борну) повидомому населяли первоначально внутреннюю Африку. Въ древнѣйшія времена они вывозились въ Египетъ, съ 16-го столѣтія сдѣлались предметомъ торговли европейскихъ колонистовъ въ Америкѣ. На нихъ смотрѣли очень долго какъ на племя рабское и объясняли ихъ роковую судьбу проклятіемъ, положеннымъ на Хама,

будто бы родоначальника негровъ. Въ сущности, ничто не оправдываетъ мнѣнія о низкомъ уровнѣ способностей негровъ: у нихъ много поэтическихъ легендъ, развиты любовь къ музыкѣ, воображеніе и память; въ смѣшеніи съ другими племенами (арабами, коптами, берберами) негры придаютъ ими новыя духовныя силы; государства свободныхъ негровъ—Либерія (съ 1826 года), свободныя колоніи на мысѣ Пальмовомъ и въ Сіерра-Леоне—усвоили себѣ всѣ формы европейской гражданственности. Невысокій уровень негровъ въ европейскихъ колоніяхъ объясняется ихъ рабствомъ.

Что касается до малгашей, населяющихъ островъ Мадагаскаръ, то они произошли отъ смѣшенія каффровъ, малайцевъ и китайцевъ, которые издавна вели торговлю на Мадагаскарѣ; такъ, племя Сакалава представляютъ смѣсь малайцевъ съ африканцами, племя Гова малайско-китайскаго происхожденія.

§ 29. Тотемизмъ есть высшая ступень фетишизма въ томъ смыслѣ, что божество, разъ признаное, не можетъ мѣняться по произволу; оно не находится во власти отдѣльныхъ лицъ, а стоитъ выше ихъ и есть божество цѣлаго племени. Въ этомъ обобщеніи заключается главнымъ образомъ внѣшнее отличіе тотемизма отъ фетишизма: негръ, избирающій своимъ богомъ стебель маиса, не боготворитъ однако маиса вообще; напротивъ, краснокожій индѣецъ, имѣющій тотемомъ волка, находится въ таинственной связи со всѣми волками.

Представителями тотемизма служатъ туземцы Америки или такъ-называемые краснокожіе индійцы.

Вопросъ о происхожденіи ихъ не рѣшенъ окончательно. По физическому типу и по языку они имѣютъ наибольшее сродство съ туранскимъ и финско-татарскимъ племенемъ; поэтому полагаютъ, что въ незапамятное время одна изъ отраслей туранцевъ перешла въ Америку. Европейцы назвали общимъ именемъ индійцевъ нѣсколько племенъ, между которыми главныя суть: Апаши, Чироки, Натчецъ, Сіуксы, Айроки (Jrokois), Павни, Оседжи и пр.

Сохранившіеся памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что туземцы Америки первоначально не были прибрежными жителями, а населяли внутренность страны. Существующіе здѣсь памятники состоятъ изъ гигантскихъ барельефовъ,

представляющихъ чаще всего медвѣдей, иногда ящерицъ, птицъ и людей. Въ долинѣ рѣки Миссисипи встрѣчается много кургановъ, весьма похожихъ на курганы новороссійскихъ степей (Waitz, III. 67); остались также насыпи для обороны отъ враговъ,—вообще памятники, указывающіе на высшую степень цивилизаціи чѣмъ та, на которой застали краснокожихъ европейцы. Хотя эти послѣдніе проникали въ Америку изъ Исландіи гораздо раньше Колумба, однако краснокожіе сдѣлались извѣстны лишь съ 17-го вѣка, когда основана англійская колонія Нью-Ингландъ. Въ 1621 году начальники туземныхъ племенъ признали надъ собою власть Англіи, выговоривъ при этомъ неприкосновенность своихъ обычаевъ. Къ сожалѣнію, не было насилія, котораго не позволяли бы себѣ англичане, потомъ испанцы и сѣвероамериканцы относительно туземцевъ. Слѣдствіемъ этого была непримиримая ненависть краснокожихъ къ нашельникамъ; туземцы были увѣрены, что имъ предстоитъ окончательно погибнуть въ борьбѣ и слабо пытались продлить свою агонію. Краснокожихъ тѣснили въ глубь лѣсовъ; у нихъ отнимали земли или покупали по баснословно дешевой цѣнѣ, которая уплачивалась не деньгати, а виномъ и водкою. Въ 1834-омъ году Сѣвероамериканскіе Штаты признали независимость туземцевъ, въ 1868 году подтвердили ее новымъ договоромъ; но это не оградило нисколько краснокожихъ отъ захвата ихъ земель и отъ произвола.

За 60,000 англійскихъ квадр. миль заплачено было краснокожимъ 4,000 долларовъ; двѣсти милліоновъ акровъ куплено за два милліона долларовъ.

Къ послѣдователямъ тотемизма принадлежатъ также нѣкоторые туземцы Австраліи изъ племени Папуа, представляющаго смѣсь негровъ съ малайцами. У нихъ слово тотемъ замѣняется словомъ *кобонгъ*.

Основаніемъ религіи краснокожихъ служитъ вѣра въ Великаго Духа, который далъ жизнь всему. По свидѣтельству миссіонеровъ, проповѣдь христіянства находила въ американскихъ туземцахъ какъ-бы готовую почву для воспринятія истинныхъ понятій о Богѣ. Иногда Великій Духъ представляется первымъ человѣкомъ и олицетворяется въ человѣческомъ образѣ; это великій родоначальникъ, „который

все видитъ и слышитъ". По другимъ представленіямъ, Великій Духъ сотворилъ землю и небесныя свѣтила; олицетвореніемъ его служитъ громадная птица, которая освободила своими крыльями землю отъ воды; движеніе этихъ крыльевъ производитъ громъ (Waitz, III. 183). Но чаще всего Великій Духъ представляется въ формѣ солнца и огня. Краснокожіе поддерживаютъ священный огонь, поклоненіе которому развито особенно у племени Натчецъ.

По преданію, у Натчецъ существовалъ большой храмъ безъ оконъ. Ни одна женщина не могла входить въ него; въ храмѣ находились кости родоначальниковъ, на куполѣ поставлены были три деревянныя птицы; посреди храма на олтарѣ постоянно поддерживался огонь безъ пламени. Поклоненіе огню совершалось ежедневно жрецами, одѣтыми въ бѣлыя одежды. Огонь нельзя было гасить водою даже на кухнѣ; куреніе табаку имѣло религіозный характеръ кажденія небу, землѣ и вѣтрамъ; передать другому трубку или закурить у другого служитъ до сихъ поръ символомъ мира и дружбы.

Въ противоположность Великому Духу, по вѣрованію краснокожихъ, существуетъ злой духъ, который представляется въ образѣ змѣи и живетъ въ водѣ.

Но оба божества не стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ человѣку. Они суть отвлеченныя представленія, которыя получаютъ дѣйствительное бытіе въ опредѣленныхъ животныхъ, особыхъ для каждаго племени и считающихся прародителями племени. Такъ, напр., Оседжи полагаютъ, что они происходятъ отъ бобра, другіе народы ведутъ свое происхожденіе отъ медвѣдя, волка, черепахи, сокола и проч. Тотемъ становится такимъ образомъ и божествомъ, и названіемъ племени; въ немъ высказывается боготвореніе родоначальника, его символъ. Обычай называть сначала отдѣльныя лица, а потомъ цѣлыя семейства именемъ животныхъ существуетъ не у однихъ краснокожихъ, а также въ Гвинеѣ, у готтентотовъ, въ Конго; это еще болѣе подтверждаетъ значеніе тотема-прародителя (Lubbock, 183).

Потребность духовной жизни на столько развита у краснокожихъ, что между ними существуютъ тайныя религіозныя общества, къ которымъ принадлежатъ лица разныхъ

племенъ (Waitz, III. 215). Культъ тотемизма состоитъ въ молитвахъ, жертвахъ, пѣніи и пляскѣ; танцы, сопровождающіе религіозное торжество, имѣютъ характеръ пантомимъ, причемъ участвующіе представляютъ собою различныхъ звѣрей. Жрецы встрѣчаются очень рѣдко, какъ исключеніе; они не участвуютъ въ войнахъ, потому что обязаны воздерживаться отъ пролитія человѣческой крови.

§ 30. Слѣдующую за тотемизмомъ ступень религіознаго вѣрованія и культа составляетъ шаманизмъ.

Вообще въ шаманизмѣ высказывается то убѣжденіе, что божество объявляетъ свою волю чрезъ посредство извѣстныхъ лицъ, приходящихъ съ нимъ въ общеніе. Эти лица называются шаманами или ангекоками (angekok въ Гренландіи). Душа человѣческая, послѣ нѣсколькихъ переселеній, входитъ въ шамана, по смерти котораго она возвращается къ божеству; шаманъ получаетъ даръ общенія съ добрыми и злыми духами,—противъ послѣднихъ онъ имѣетъ силу заклинанія и можетъ умилостивить ихъ. Добрые духи (тенгерины) представляютъ собою олицетвореніе силъ природы, злые (читкуры)—имѣютъ назначеніемъ своимъ вредить людямъ. Шаманъ, какъ делегатъ божественной силы, въ состояніи обуздать читкуровъ; онъ же имѣетъ власть надъ онгонами, т. е. душами умершихъ, которыя продолжаютъ дѣйствовать враждебно противъ людей. (Ср. Нилъ, „Буддизмъ“, 229).

Шаманизмъ или черная вѣра въ настоящее время имѣетъ еще весьма много послѣдователей между низшимъ классомъ Китая; на той же ступени религіознаго міросозерцанія стоитъ преимущественно эскимосское племя. Полагаютъ, что это племя вышло изъ Канады въ Гренландію, а затѣмъ отсюда и изъ Лабрадора разселилось до пролива Коцебу. По всему вѣроятію, эскимосы принадлежатъ къ монгольской расѣ. Сюда относятся: коньяги на островѣ Кадьякѣ, пришедшіе съ Аляски; чугачи, чукчи, алеуты, коряки, колоши. Далѣе шаманизмъ распространенъ между монголами, остяками, тунгузами, черемисами, киргизами и проч. Наконецъ слѣды шаманства находимъ у племени Галла (Galla), живущаго на югѣ отъ Абиссиніи, сохранившаго преданіе о переходѣ черезъ море, но, по всему вѣроятію, принадлежащаго къ эѳіопской расѣ.

Галла вѣруютъ въ высшее существо, Wak, которое сотворило человѣка изъ глины; они вѣруютъ также въ другихъ боговъ обоего пола. Шаманы не представляютъ особой касты: каждый можетъ сдѣлаться шаманомъ, достигнуть совершенства посредствомъ отрицанія чувственности. Обыкновенно шаманъ и ангекокъ начинаютъ пляску, отъ которой приходятъ въ изнеможеніе и возвышаются до ясновидѣнія; этому состоянію кликушества предшествуютъ конвульсіи, слезы, обмороки,—поэтому въ шаманы поступаютъ люди, одержимые нервными припадками.

§ 31. Послѣднее выраженіе, котораго достигаетъ религія первобытныхъ народовъ, есть идолопоклонство.

По всему вѣроятію, первая мысль, которою руководились идолопоклонники, состояла въ сохраненіи памяти объ умершихъ предкахъ. Таинственная сила смерти поражала людей; на умершаго они смотрѣли какъ на спящаго и считали смерть лишь продолжительнымъ сномъ. Это вѣрованіе высказывается въ обычаяхъ многихъ народовъ: у остяковъ жены хранятъ сдѣланныя изъ дерева изображенія своихъ умершихъ мужей, спятъ съ ними, одѣваютъ ихъ, предлагаютъ пищу и затѣмъ выбрасываютъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ тотемизмѣ и въ шаманскихъ онгонахъ выражается тоже боготвореніе умершихъ; въ идолопоклонствѣ оно проявляется съ бо́льшею опредѣленностью.

Соломонъ въ Книгѣ Премудрости (XIV. 15) такъ объясняетъ происхожденіе идоловъ; „Горькимъ плачемъ сѣтуя, отецъ скоровосхищеннаго чада образъ сотворивъ, его же тогда человѣка мертва яко Бога почте. Потомъ временемъ возмогшій нечестивый обычай аки законъ хранимъ бысть“.

Такимъ образомъ, идолы были первоначально не эмблеммами, а живыми лицами: идолопоклонство есть поклоненіе человѣку. Недаромъ многіе полудикіе боготворятъ впервые встрѣчаемыхъ ими европейцевъ, поражающихъ ихъ своимъ наружнымъ видомъ и силою: капитанъ Кукъ, г-жа Томсонъ принимались за боговъ. „Если ты умрешь прежде меня—говорилъ г-ну Ганту (Hunt) начальникъ одного племени (Somosomo),—то я сдѣлаю тебя моимъ богомъ (Lubbock, 297)“. Несомнѣнно также, что безпредѣленная власть

нѣкоторыхъ государей поддерживала вѣру въ человѣческое всемогущество; обладатель народа казался безсмертнымъ: онъ могъ только заснуть, но не умереть.

Спящій имѣетъ нужду въ пищѣ и помѣщеніи; этимъ объясняется первое происхожденіе жертвъ и храмовъ идоламъ. Пищею идолу служитъ кровь, т. е. собственно духовная часть жертвы, которая заключается въ ея крови; поэтому въ жертву приносятся высшія животныя, въ особенности люди и между ними лучшею жертвою служатъ дѣвушки. До какихъ громадныхъ размѣровъ доходило иногда питаніе идоловъ, можно видѣть изъ того, что въ древней Мексикѣ обыкновенно убивалось по 2,500 человѣкъ, а одинъ годъ умерщвлено 100,000.

Первыми храмами идоловъ были гробницы и, по всему вѣроятію, домъ, въ которомъ жилъ умершій. Курганы, встрѣчающіеся очень часто, были насыпями на такихъ домахъ; отдѣльные храмы явились позднѣе.

Представители идолопоклонства менѣе многочисленны между первобытными народами, потому что самое идолопоклонство представляетъ болѣе высокую ступень религіознаго развитія. Въ Америкѣ, до открытія ея, поклоненіе идоламъ существовало въ двухъ большихъ царствахъ мексиканскомъ и перуанскомъ. Обитатели перваго были толтеки или тултеки (жители Тулы), второе основано племенемъ Квечуа. Тѣ и другіе имѣютъ свою исторію; при Мортецумѣ II Мексика могла выставить до 3,000,000 войска; страна простиралась на нынѣшніе Никарагуа, Гондурасъ и всю среднюю Америку; въ ней было много городовъ съ великолѣпными зданіями, съ памятниками искусства и храмами.

Главный храмъ, посвященный богу Тлокви, былъ украшенъ мозаикою и серебромъ. Идолъ этого бога, равно какъ идолы въ перуанскомъ царствѣ Инковъ, представлялъ изображеніе человѣка; ему приносились жертвы и совершалось торжественное богослуженіе. При взглядѣ на идоловъ, какъ на родоначальниковъ, не могло быть и рѣчи о религіозномъ прозелитизмѣ; идолы покоренныхъ народовъ перуанцы ставили въ храмъ вмѣстѣ со своими. Наконецъ число идоловъ должно было постоянно увеличиваться, потому что всѣ замѣчательные почему-либо люди вносились въ систему боговъ, пока эта система не завершится окончательно.

Какъ бы то ни было, въ поклоненіи идоламъ религіозное вѣрованіе получаетъ бо́льшую опредѣленность: идолъ удовлетворяетъ потребности олицетворить и придать внѣшнюю форму представленію о существѣ, стоящемъ внѣ человѣка; разнообразіе легендъ, преданій, суевѣрій группируется около извѣстныхъ боговъ и приводится къ единству. Нѣтъ нужды, что изображенія идоловъ не отличаются изяществомъ и не могутъ сравниться съ образомъ живого человѣка: смерть искажаетъ этотъ образъ, и первобытные народы видѣли въ немъ олицетвореніе родоначальника, неперестающаго управлять, высказывать свою волю и наблюдать за дѣйствіями своихъ потомковъ. Волшебство уже безсильно надъ нимъ; необходимо покориться грозному повелителю и стараться умилостивить его, такъ какъ онъ можетъ воскреснуть.

§ 31. Таковы основныя формы религіозныхъ вѣрованій первичныхъ народовъ. Въ нихъ зараждается и воспитывается чувство нравственности и права.

Конечно, связь религіи, какъ основной культурной силы, съ нравственнымъ развитіемъ человѣка не представляется со всею опредѣленностью: въ первичной религіи недостаетъ существеннаго элемента, дающаго ей нравственную силу, именно вѣрованія въ загробную жизнь; если иногда и существуетъ понятіе объ этой жизни, то лишь въ смыслѣ продолженія земного бытія: рабъ остается въ рабствѣ и за гробомъ. Божество не награждаетъ и не наказываетъ человѣка послѣ его смерти; оно становится въ то или другое отношеніе только съ живыми людьми.

Тѣмъ не менѣе и за первичною религіею нельзя не признать вліянія на нравственность, по скольку она воспитываетъ подчиненіе авторитету. Правда, это подчиненіе есть чисто внѣшнее, оно основывается на инстинктивномъ чувствѣ страха и поддерживается суевѣріемъ; но первобытный человѣкъ не въ состояніи еще сознавать авторитетъ въ иной формѣ и выходящій изъ иного источника.

Наблюденіе показываетъ, что первичный бытъ представляетъ собою много свѣтлыхъ сторонъ. Краснокожіе жители Chiloe не знаютъ убійства, воровства, пьянства; они никогда не запираютъ своихъ дверей, полное довѣріе господствуетъ между ними. Такими же красками описываютъ

путешественники бытъ многихъ островитянъ (напр. въ Южномъ океанѣ о-ва Pitcairn); на островѣ Явѣ сохранилось сорокъ деревень древнихъ индійцевъ, между которыми преступленія неизвѣстны и нѣтъ бо́льшаго наказанія, какъ пристыженіе (Waitz, I. 481).

Основываясь на этихъ данныхъ, можно бы прійти къ заключенію, что въ первичномъ быту осуществляется идеалъ нравственности. Но такое заключеніе было бы ошибочно. Нравственность первичнаго человѣка не коренится въ его сознаніи; ему невѣдомы тѣ пороки, которыми сопровождается долгій переходъ отъ полуварварства къ цивилизаціи, но ему невѣдома также та внутренняя борьба, которая укрѣпляетъ нравственную силу человѣка образованнаго, заставляетъ его искать опоры въ себѣ самомъ, страдать и подвергаться лишеніямъ во имя долга. Довольство и счастіе, которымъ наслаждается первобытный человѣкъ, немыслимо для людей образованныхъ: съ нравственнымъ существованіемъ неразлучны сомнѣнія, страданія и жертвы.

Первичные народы нравственны лишь въ той мѣрѣ, въ какой они не имѣютъ нужды совершать что-либо безнравственное; они не нарушаютъ чужой собственности, потому что ихъ первыя потребности удовлетворяются легко, а о потребностяхъ высшихъ нѣтъ и понятія; они боятся далѣе потерять то, чѣмъ владѣютъ, и руководствуются инстинктомъ пользы: не убиваютъ женщинъ и военноплѣнныхъ, потому что находятъ выгоднѣе обращать ихъ въ рабство, оказываютъ дружбу, потому что надѣются получить за это награду. Къ этому присоединяется отчасти суевѣрный страхъ наказанія: арабы, напримѣръ, вѣрятъ, что всякаго, кто не сдержалъ даннаго слова, постигнетъ несчастіе на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ совершенъ былъ обманъ.

Область нравственной жизни первобытнаго человѣка очень не обширна: она вытѣснялась заботою объ удовлетвореніи матеріальныхъ нуждъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда настояла надобность въ нравственномъ руководствѣ, когда требовалось исполненіе долга, помимо страха или выгоды, такимъ руководствомъ служилъ безспорно а в т о р и т е т ъ лицъ, которыя боготворились племенемъ. По выраженію Вайтца (I. 450), во всякое время и у всѣхъ племенъ были геніальные люди, которые давали основы нравствен-

ной жизни. Авторитетъ такихъ лицъ опирался на силу, храбрость, ловкость, можетъ быть на богатство; они считались стоящими между людьми и божествомъ, одаренными особою мудростью и призванными поучать и повелѣвать.

Въ легендахъ почти всѣхъ племенъ такимъ лицамъ, получившимъ нравственный авторитетъ, приписывается сверхъестественное рожденіе. Въ Китаѣ о происхожденіи Фо разсказывается слѣдующее: три нимфы купались въ рѣкѣ; одна изъ нихъ, увидавъ въ водѣ лотусъ, попробовала листьевъ этого растенія, сдѣлалась отъ этого беременна и родила великаго основателя религіи и законодателя. Въ Сіамѣ рожденіе Кодома (Codom) объясняется такъ: одна дѣвушка, подъ вліяніемъ религіознаго возбужденія, оставила общество и удалилась въ дремучій лѣсъ, ожидая пришествія бога; она предавалась молитвѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней и сдѣлалась беременна отъ солнечнаго луча; на берегу моря, между Сіамомъ и Камбоджею, она родила сына, котораго положила на листья лотуса, раскрывшагося передъ нею; мальчикъ былъ найденъ и воспитанъ пустынникомъ и сдѣлался великимъ мудрецомъ. По легендѣ племени Апаши, ихъ властитель зародился отъ дождя, и проч.

Авторитетъ такихъ лицъ служитъ единственнымъ источникомъ нравственности или, правильнѣе, отсутствія нѣкоторыхъ пороковъ у первичныхъ народовъ. Понятіе о добрѣ и злѣ имѣло случайный характеръ; рядомъ съ свѣтлыми чертами нравовъ нерѣдко встрѣчаются въ первобытныхъ племенахъ самыя мрачныя явленія, возмущающія нравственное чувство. Такъ, напр., въ Новой Гренадѣ (у племени Хибхи) во время празднествъ совершается общее половое совокупленіе; на непорочную жену свою мужъ смотритъ неблагосклонно, видя въ этомъ доказательство ея неспособности возбудить любовь къ себѣ (Waitz, IV. 367). Чувственность, развратъ, лѣность, мстительность, грубая жестокость составляютъ болѣе или менѣе общія черты всѣхъ первичныхъ народовъ. Въ ихъ языкѣ не существуетъ словъ для выраженія нравственныхъ понятій. О справедливости и воздаяніи не можетъ быть и рѣчи: жители острова Суматры вѣрятъ,

что только для богатыхъ существуетъ загробная жизнь. Вообще съ большою достовѣрностью можно прійти къ заключенію о невысокомъ уровнѣ нравственности первичныхъ народовъ; грубые инстинкты могутъ быть сдерживаемы внѣшнею властью, страхъ и преклоненіе предъ авторитетомъ могутъ приготовить людей къ воспринятію нравственности, но нельзя назвать нравственными тѣ дѣйствія, которыя вызываются исключительно страхомъ. Притомъ уваженіе къ авторитету является только на высшихъ ступеняхъ первобытной религіи; авторитетъ призрака или фетиша почти не существуетъ вовсе, а потому не въ силахъ приготовить даже почвы для нравственности.

§ 32. Гораздо бо́льшее значеніе имѣлъ внѣшній авторитетъ относительно соціальной жизни и права.

Возведенная на степень непреложности силою религіи, власть отдѣльныхъ лицъ служила безспорно первою основою цивилизаціи, общественнаго порядка и права. При отсутствіи другихъ сдерживающихъ и руководящихъ силъ, деспотизмъ является необходимою формою жизни, и чѣмъ болѣе одареннымъ оказывалось племя, тѣмъ скорѣе вырабатывало оно эту форму. Въ этомъ смыслѣ, по выраженію Вайтца (I. 443), деспотизмъ былъ великимъ счастіемъ для человѣчества. Онъ ставилъ по крайней мѣрѣ произволъ одного лица вмѣсто произвола всѣхъ и каждаго. Безъ суровой и непреклонной власти, смиряющей грубость человѣческихъ инстинктовъ, была бы невозможна совмѣстная жизнь людей; безъ вѣры въ сверхъестественное могущество представителя этой власти невозможны повиновеніе, дисциплина и привычка къ самообладанію. Первобытному человѣку необходимо понятіе о томъ, что приказанія исходятъ отъ лица, которое стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ земныхъ существъ, посылаетъ дождь и даетъ вёдро, знаетъ настоящее и будущее. Только такой безусловный авторитетъ способенъ пріучить къ самообладанію, собрать разрозненныя силы въ одно цѣлое, воспитать и поддержать мысль объ общеніи, побудить къ труду и охранить его.

Нельзя прилагать къ первичному быту нравственную мѣрку позднѣйшей цивилизаціи. Англичанинъ Брукъ въ нынѣшнемъ столѣтіи (1838 г.) для цивилизаціи Малайскихъ острововъ принужденъ былъ

обратиться къ самымъ крутымъ мѣрамъ. Англійское правительство дѣйствуетъ въ Индіи далеко не такъ, какъ въ Великобританіи или въ Канадѣ; туземцы полуострова способны повиноваться только грозному и даже жестокому проявленію власти.

При такомъ значеніи *власти*, понятіе о правѣ и неправѣ пріурочивается исключительно къ понятію о дозволенномъ и запрещенномъ. Право остается на степени объективной и сосредоточивается въ лицѣ того, отъ кого исходитъ приказаніе. На островѣ Явѣ воровство называется нарушеніемъ собственности государя, увѣчье—ранами, нанесенными государю, и проч. По свидѣтельству путешественниковъ, многіе жители центральной Африки предаются полной анархіи послѣ смерти государя и до назначенія ему преемника: начинаются грабежи, насилія, убійства, такъ что нерѣдко городъ, достигшій извѣстной степени благосостоянія, превращается въ груду развалинъ (Lubbock, 302). Только сильная рука, казнящая безъ пощады, удерживаетъ полудикаго человѣка въ извѣстныхъ предѣлахъ и сохраняетъ порядокъ.

Кромѣ деспотизма личнаго, существуетъ другой деспотизмъ, также поддерживающій порядокъ и право. Это деспотизмъ *обычая*, опредѣляющаго всѣ мельчайшія проявленія обыденной жизни. Первобытный человѣкъ встрѣчается на каждомъ шагу съ запрещеніями: не все дозволено употреблять въ пищу; запрещается вынимать ножомъ или вилкою мясо изъ горшка, въ которомъ оно варится; мужчины и женщины обязаны готовить пищу на особомъ огнѣ и проч.

Чтобы имѣть понятіе о дробности и формализмѣ первоначальныхъ обычаевъ, достаточно указать на церемоніи и обряды при встрѣчѣ и при прощаніи. Формы привѣтствія состоятъ въ колѣнопреклоненіяхъ, щелканіи пальцами, паденіи на землю въ различныхъ позахъ, смотря по тому лицу, къ кому привѣтствіе относится. Негрское племя въ западной Африкѣ, по имени Эгба, не смотря на относительную бѣдность своего языка, имѣетъ особыя слова для привѣтствія тѣхъ, кто работаетъ, кто путешествуетъ, сидитъ, стоитъ, идетъ на встрѣчу, тѣхъ, кого постигло горе, кто усталъ и проч. (Lubbock. 348). Въ Боготѣ первая треть каждаго мѣ-

сяца посвящается воздержанію и молитвѣ, вторая работѣ, третья увеселеніямъ. На островѣ Фиджи общественныя дѣла и празднества совершаются съ невыносимыми формальностями.

Обычай, служащій внѣшнимъ выраженіемъ права, является чѣмъ-то непреложнымъ; онъ имѣетъ характеръ роковой необходимости, относительно которой немыслимы протестъ и сомнѣніе. Сознанія, почему слѣдуетъ поступать такъ, а не иначе, не существуетъ, но каждый инстинктивно чувствуетъ, что за сохраненіе обычая стоитъ цѣлое племя, а внѣ племени невозможна индивидуальная жизнь. Вотъ почему между прочимъ у первобытныхъ народовъ преступленія очень рѣдки: идти противъ обычая значитъ выдѣлять себя изъ племени. Каждый готовъ пожертвовать своею жизнью ради сохраненія укоренившагося обычая. На архипелагѣ Фиджи почти нѣтъ людей старѣе 40 лѣтъ отъ роду: дѣти убиваютъ родителей, достигшихъ этого возраста, и послѣдніе не только не противятся этому, но съ радостью встрѣчаютъ смерть, которая сопровождается пѣснями и пляскою (Lubbock, 284).

§ 33. Такимъ образомъ безусловнымъ авторитетомъ правителей и стародавняго обычая установляется объективное право, о нравственномъ смыслѣ котораго не возникаетъ вопросъ. Это право сталкивается съ инстинктами самосохраненія, самообороны и насилія, и указываетъ имъ границы: не каждый можетъ мстить, а только родственники убитаго, нельзя безнаказанно отнимать чужую собственность и проч. Первичное чувство ограничивается, выраженіе его находитъ предѣлы, которыми опредѣляется право въ субъективномъ смыслѣ.

Процессъ такого опредѣленія совершается весьма медленно. Примиреніе между личною самодѣятельностью и общественнымъ порядкомъ составляетъ весьма трудную задачу человѣческаго развитія; первичному человѣку доступно лишь одно изъ двухъ положеній: или полный, ничѣмъ несдерживаемый просторъ страсти, или же молчаливое рабское повиновеніе. Первые зачатки субъективнаго права отличаются угловатостью и безграничностью; покорный рабъ деспота-властителя становится самъ деспотомъ въ своемъ семействѣ и вообще во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ его

грубая сила не сдерживается внѣшнею властью или привычкою; дикій разгулъ легко примиряется съ рабствомъ и составляетъ его необходимую принадлежность.

Слѣдствія такой неспособности къ самообладанію и самодѣятельности умѣряются на фактѣ весьма рѣдкимъ проявленіемъ личной воли и дѣятельности. Субъектами юридическихъ отношеній выступаютъ племя, семейство, опредѣленный общественный классъ, а не отдѣльныя лица. Въ каждомъ изъ этихъ союзовъ, въ силу ихъ противоположности и борьбы, закрѣпляется внутренняя связь, единство, чувство взаимности; каждый изъ нихъ въ состояніи дать отпоръ насилію и чрезъ то обуздать чужой произволъ.

Такъ, безграничная власть племенноначальника встрѣчалась съ другою такою же властью; она поэтому должна была щадить силы своего племени, необходимыя для борьбы. Война въ этомъ смыслѣ безспорно содѣйствовала развитію права и цивилизаціи, возбуждая энергію въ дѣлѣ общей защиты и полагая предѣлъ самоуправству. Раздѣленіе племени по занятіямъ, кромѣ экономической стороны своей, имѣло значеніе нравственное. Въ томъ классѣ общества, который освобождался отъ заботъ о матеріальныхъ средствахъ жизни, впервые могли возникнуть духовныя потребности, и добытыя имъ блага цивилизаціи распространялись потомъ на народную массу. Установившееся неравенство фактическое отражалось и на правѣ; разнообразіе интересовъ находило для себя примиреніе въ сдѣлкахъ между ихъ представителями и въ томъ неодинаковомъ юридическомъ положеніи, которое имъ обезпечивалось. Во всякомъ случаѣ юридическія лица получаютъ права́ прежде физическихъ; соціальнымъ положеніемъ лица опредѣляется его правоспособность во всемъ объемѣ.

Таковы общіе законы или общія явленія въ исторіи права, разсматриваемаго въ его цѣломъ составѣ. Эти законы повторяются въ каждомъ отдѣльномъ институтѣ права и въ каждомъ юридическомъ отношеніи.

§ 34. При отсутствіи нравственныхъ началъ, семейныя отношенія у первичныхъ народовъ основывались исключительно на животномъ инстинктѣ; у многихъ изъ нихъ нѣтъ даже слова для выраженія любви и не сохранилось пѣсенъ, въ которыхъ изображалось бы это чувство.

Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально брак ъ былъ *коммунистическій:* всѣ мужчины и женщины извѣстной общины считались въ супружествѣ между собою. На эту форму брака указываютъ весьма многія явленія позднѣйшаго времени. Въ Вавилонѣ, въ Карѳагенѣ, въ Кипрѣ, въ Арменіи каждая женщина отправлялась въ храмъ Венеры (Милитты), гдѣ отдавала свое дѣвство первому пришедшему; по словамъ Діодора Сицилійскаго, на Балеарскихъ островахъ новобрачная принадлежала въ первую ночь всѣмъ присутствовавшимъ и затѣмъ уже составляла исключительную собственность мужа. Въ настоящее время сохранились также слѣды коммунальнаго брака въ обычаяхъ нѣкоторыхъ племенъ. Такъ, въ южной Индіи у реддіевъ молодая женщина выходитъ замужъ за ребенка лѣтъ 5-ти или 6-ти отъ роду и живетъ съ отцомъ своего мужа или съ другими родственниками; она становится старухою къ тому времени, когда мужъ ея достигаетъ совершенныхъ лѣтъ, и слѣд. съ нимъ лично никогда не имѣетъ сожительства. У племени наировъ существуетъ тотъ же обычай; бракъ имѣетъ чисто-формальное значеніе: онъ указываетъ только моментъ, съ котораго дѣвушка можетъ отдаваться каждому.

Такимъ образомъ первоначально женщины служили достояніемъ цѣлаго племени или рода, чѣмъ объясняется между прочимъ уваженіе къ куртизанамъ въ Греціи и ихъ священный характеръ въ Индіи (Lubbock, 101).

Когда феодальный господинъ замѣнилъ собою власть племенную, то къ нему перешло jus primae noctis; это былъ не фактическій обычай, а опредѣленное право. Въ древнѣйшихъ пѣсняхъ повѣствуется о встрѣчѣ и борьбѣ отца съ сыномъ, незнающихъ другъ друга. Гетеры и куртизаны пользовались особенною защитою, въ смыслѣ коммунальнаго или родового имущества, уже при существованіи отдѣльныхъ женъ; „публичныя“ или общественныя женщины считались священными.

Переходомъ отъ родового къ индивидуальному браку служитъ *обще-семейный* бракъ. Онъ сохранился въ Тибетѣ, у авановъ (въ южной Америкѣ), у американскихъ туземцевъ, въ Новой Зеландіи, на рѣкѣ Ориноко, на Цейлонѣ и проч.: одна жена принадлежитъ нѣсколькимъ братьямъ

такимъ образомъ, что женою старшаго брата пользуются всѣ младшіе и наоборотъ. У самоѣдовъ, юраковъ и киргизовъ эта форма получила характеръ перехода жены одного брата, по смерти его, къ слѣдующему брату и т. д. (Костенко, 35); у арауканов (въ южной Америкѣ) по наслѣдству переходитъ, сверхъ того, къ сыну жена отца, а у маріанцевъ левиратъ существуетъ для обоихъ половъ (Waitz, V. 106).

Въ Описаніи Тибета (стр. 157) говорится о тибетскомъ обычаѣ слѣдующее: „Это не только не ставится въ зазоръ, но еще всѣ сосѣди хвалятъ, что одна женщина можетъ угодить тремъ или четыремъ братьямъ. Когда слѣдующіе братья женятся, то старшій братъ такимъ же образомъ имѣетъ право пользоваться ихъ женами, и никогда не оказывается за сіе ни ревности, ни неудовольствія". Многіе объясняютъ семейное общеніе женъ у тибетанъ между прочимъ тѣмъ, что женщины въ Тибетѣ физически сильнѣе мужчинъ; онѣ ведутъ торговлю и отправляютъ всѣ общественныя повинности. Вайтцъ (I. 356) объясняетъ общеніе женъ между братьями дороговизною содержанія отдѣльныхъ женъ для каждаго; но едвали только этимъ обстоятельствомъ вызывается общесемейный бракъ. Очевидно, еврейскій левиратъ находится съ нимъ въ тѣсной связи.

Наконецъ является *индивидуальный* бракъ въ двухъ видахъ—полигаміи и поліандріи. По всему вѣроятію, этотъ бракъ существовалъ одновременно съ коммунальнымъ (Lubbock, 82); каждому предоставлялось, не довольствуясь общими женами, искать себѣ отдѣльную жену подъ однимъ лишь условіемъ, чтобъ она принадлежала къ другому племени, т. е. стояла внѣ общей собственности. Въ западной Африкѣ, въ Индіи и у самоѣдовъ это условіе соблюдалось постоянно.

Средствомъ для добыванія отдѣльныхъ женъ служили умычка и взятіе въ плѣнъ; нѣкоторыя племена, напр. карибы (въ южной Америкѣ), вели постоянныя войны съ цѣлью пріобрѣтенія себѣ женъ. Увозъ невѣстъ повсюду сохранялся весьма долго въ значеніи символическаго обряда. У арауканов до сихъ поръ женихъ непремѣнно долженъ похи-

тить невѣсту, хотя на это соглашаются родители послѣдней; черезъ три дня затѣмъ онъ является къ матери своей жены и примиряется съ нею подарками. Тоже самое соблюдается въ Кореѣ, на Малакскомъ полуостровѣ и въ Монголіи.

На Малаккѣ обрядъ брака совершается въ слѣдующей формѣ: старшина племени составляетъ изъ нѣсколькихъ лицъ кругъ, въ который вводитъ жениха и невѣсту; послѣдняя убѣгаетъ, и женихъ получаетъ на нее права мужа послѣ того, какъ поймаетъ. Иногда невѣсту пускаютъ въ лѣсъ, откуда женихъ долженъ вывести ее (Lubbock, 88). У монголовъ невѣста прячется, и женихъ отыскиваетъ ее; затѣмъ, послѣ слабаго сопротивленія со стороны подругъ, онъ уводитъ свою будущую жену, придавая этому видъ похищенія.

Съ замиреніемъ племенъ мѣсто увоза заняла покупка, причемъ отъ матеріальныхъ средствъ мужчины и женщины зависитъ многоженство или многомужство. Такъ, богатыя женщины покупаютъ и содержатъ нѣсколько мужей; королева въ Конго мѣняетъ своихъ мужей по произволу и одновременно владѣетъ значительнымъ числомъ ихъ, точно такъ же какъ король ашантскій содержитъ множество женъ.

Поліандрія въ принципѣ есть такая же первичная форма, какъ и полигамія, но фактически послѣдняя преобладаетъ повсюду. Причина такого преобладанія заключается отчасти въ климатическихъ условіяхъ и въ заботахъ о дѣтяхъ. Такъ, въ жаркомъ климатѣ женщины увядаютъ очень рано (25-ти лѣтъ отъ роду онѣ становятся старухами), а потому каждый мужчина старается запастись возможно-большимъ количествомъ женъ для удовлетворенія своей чувственности. Далѣе, при недостаткѣ скотоводства, единственною пищею дѣтей служитъ молоко матери, которымъ они питаются до 3-хъ или 4-хлѣтняго возраста. Въ теченіи этого времени мужъ не живетъ съ матерью ребенка, а потому беретъ себѣ другую или третью жену. На о-вѣ Фиджи считается въ высшей степени позорнымъ и оскорбительнымъ для родныхъ, если у женщины родится второй ребенокъ раньше 4-хъ лѣтъ послѣ перваго; родственники мстятъ за это. Наконецъ, большое количество женъ льститъ

тщеславію мужа: король ашантскій изъ 3,333 женъ довольствуется шестью, прочихъ же содержитъ для приданія себѣ большаго значенія.

§ 35. Многоженство составляетъ общее явленіе у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Если краснокожіе американцы имѣютъ въ большей части случаевъ только одну жену, то это зависитъ лишь отъ скудости ихъ матеріальныхъ средствъ: начальники племенъ имѣютъ по нѣсколько женъ и мѣняютъ ихъ повременамъ.

Хотя многоженство, по существу своему, предполагаетъ равенство всѣхъ женъ, однако у нѣкоторыхъ племенъ первой женѣ дается предпочтеніе, а всѣ послѣдующія считаются ея рабынями. По всему вѣроятію, такое неравенство явилось слѣдствіемъ вліянія религіозныхъ воззрѣній иного порядка и составляетъ переходъ къ единоженству. Такъ, у монголовъ наложницы берутся изъ бѣдныхъ семействъ и изъ рабынь; у бирмановъ также наложницы (мика) считаются рабынями. Напротивъ, у аннамитовъ и въ Джунгаріи не существуетъ различія между старшими и младшими женами (у джунгаровъ онѣ называются акча. Опис. Джунг. 230).

У монголовъ наложницы, дѣти которыхъ усыновлены, становятся женами (Зап. о Монг. I. 184). У аннамитовъ признается первенство старшей жены одного только императора. Старшія жены киргизовъ юридически ничѣмъ не отличаются отъ младшихъ.

Во всякомъ случаѣ многоженство, равно какъ и многомужство представляютъ собою индивидуальный бракъ, хотя личность проявляется здѣсь только со стороны одного изъ супруговъ. Мужъ исключительно владѣетъ своими женами, какъ отдѣльною собственностью, недопуская постороннихъ лицъ, даже родственниковъ, къ пользованію ими. Продолжительность брака зависитъ также отъ собственника: жена служитъ удовлетворенію чувственности мужа, пока она способна къ этому.

Особый видъ брака существуетъ у гассанійскихъ арабовъ. Это такъ-называемый бракъ „на три четверти“, по которому жена считается въ законномъ супружествѣ каждые три дня и потомъ освобождается на четвертый день отъ своихъ обязанностей.

§ 36. Въ связи съ общими видами брака находятся формы его заключенія и прекращенія.

У нѣкоторыхъ племенъ, напр. у южныхъ американцевъ, у абиссинцевъ и у мандинго, не существуетъ вовсе брачныхъ обрядовъ: мужчина и женщина живутъ вмѣстѣ, неопредѣляя своихъ отношеній, впредь до рожденія дѣтей. Преобладающею же формою совершенія брака служитъ покупка или мѣна. Предварительныя условія о цѣнѣ заключаются родителями (у краснокожихъ индійцевъ матерями); иногда въ этомъ принимаютъ участіе родственники невѣсты. Такъ, у киргизовъ отецъ невѣсты, по совѣщаніи съ родными, объявляетъ жениху цѣну за свою дочь (калымъ) и срокъ ея уплаты; пока продолжается сватовство, жениху дозволяется прокрадываться въ кибитку невѣсты, за что братъ невѣсты можетъ безнаказанно воровать у жениха скотъ. Каффры также пріобрѣтаютъ женъ покупкою, уплачивая за нихъ отъ 10 до 70 штукъ скота. Тоже существуетъ у негровъ. Иногда плата замѣняется работою: мужъ обязанъ прослужить извѣстный срокъ родителямъ своей жены; у самоѣдовъ покупка замѣняется часто отдачею невѣсты изъ рода жениха вмѣсто поступающей въ этотъ родъ; наконецъ бываютъ случаи найма женъ на срокъ (Ch. Comte, II. 299).

Покупка составляетъ основное условіе заключенія брака; участіе жрецовъ, болѣе или менѣе торжественный привозъ невѣсты въ домъ жениха и другіе обряды не имѣютъ существеннаго значенія. Плата за невѣстъ идетъ въ пользу родителей, которые стараются возможно-скорѣе избавиться отъ обязанности содержать своихъ дочерей и для того продать ихъ въ замужство.

Разводъ въ тѣсномъ смыслѣ не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ всѣ права принадлежатъ только одной сторонѣ; но такъ какъ произволъ мужа ограничивается отчасти местью родственниковъ жены, то существуютъ нѣкоторыя общія основанія развода. Сюда принадлежитъ главнымъ образомъ безплодіе: отецъ обязанъ взять обратно и содержать свою дочь, неспособную къ рожденію дѣтей. У монголовъ разводъ совершается по волѣ обѣихъ сторонъ; если жена покидаетъ мужа, то ей не дозволяется ничего брать съ собою; если же мужъ прогоняетъ жену, то имущество и даже дѣти дѣлятся поровну.

На о-вѣ Суматрѣ различными именами обозначаются разные виды брачной купли; iugur означаетъ покупку мужемъ женъ, ambel-anak прилагается къ покупкѣ мужа женою; semando есть взаимная покупка обоихъ супруговъ, ведущая къ общенію имущества.

§ 37. Цѣлью брака, кромѣ удовлетворенія чувственности, служитъ рожденіе дѣтей. Поэтому нерѣдко на дѣтяхъ сосредоточивается вся нѣжность и сила чувства, къ которымъ способны первобытные народы; потеря дѣтей составляетъ неутѣшное горе. Въ Австраліи и на Маріанскихъ островахъ тотчасъ по рожденіи сына, объ этомъ радостномъ событіи извѣщаются всѣ родственники, которые даютъ имя новорожденному, означающее извѣстное качество (напр. безстрашный, искусный рыболовъ и пр.). Имя старшаго сына передается отцу—онъ называется, напр., отцомъ безстрашнаго; въ Австраліи и на Суматрѣ принятіе матерью имени сына считается выраженіемъ высшаго почета. У киргизовъ имя дается дѣтямъ ихъ матерью, которая руководствуется впечатлѣніемъ перваго предмета, попавшагося на глаза; поэтому нерѣдко встрѣчаются наименованія „собачьей ноги“ и т. п.

При существованіи одной главной жены, только дѣти, рожденныя отъ нея, считаются законными; въ Монголіи дозволяется усыновить ребенка, рожденнаго отъ наложницы, только въ томъ случаѣ, если отъ первой жены нѣтъ дѣтей (Зап. о Монг. I. 185). Впрочемъ опредѣленіе законности принадлежитъ исключительно отцу и совершается въ формѣ слѣдующаго символическаго акта: отецъ ложится въ постель и остается въ ней нѣсколько дней; за нимъ ухаживаютъ какъ за больнымъ и приносятъ ему поздравленія. Этотъ обычай распространенъ почти повсемѣстно; онъ существуетъ въ южной Америкѣ, въ Гвіанѣ, сохранился въ Гренландіи, на Борнео и даже въ Европѣ, въ Испаніи и южной Франціи, гдѣ извѣстенъ подъ именемъ couvade; faire la couvade означаетъ то, что отецъ, послѣ рожденія сына, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не занимается работами и лежитъ подобно родильницѣ.

По объясненію Макса Миллера, la couvade вошла въ обычай вслѣдствіе желанія отцовъ из-

бавиться отъ докучливыхъ посѣщеній родственниковъ жены; по мнѣнію другихъ, этотъ обычай объясняется суевѣрнымъ страхомъ, чтобы ребенокъ не получилъ дурныхъ свойствъ тѣхъ животныхъ, съ которыми отецъ обращался бы во время работъ. Но кажется справедливѣе видѣть въ couvade особую форму признанія дѣтей ихъ отцомъ.

Не только рожденіе, но также различный возрастъ дѣтей служитъ у первобытныхъ народовъ поводомъ къ извѣстнымъ празднествамъ. Безплодіе женъ считается большимъ порокомъ, напр. у негровъ, хотя на рожденіе двойней они смотрятъ также какъ на позоръ; „мы не собаки, чтобы рожать въ одинъ разъ цѣлыя кучи дѣтей“, говорятъ негритянки. Вообще излишнее количество дѣтей считается тягостью, а потому обычай ограничивалъ число рожденій. На Маріанскихъ островахъ женщина изъ низшаго класса не можетъ имѣть болѣе трехъ дѣтей,—остальныя умерщвляются тотчасъ при рожденіи. Большею частью въ жертву приносились дочери. По преданію, въ древней Аравіи женщины обыкновенно разрѣшались отъ бремени около нарочно-приготовленнаго для этого рва; если рождался мальчикъ, то отецъ подымалъ его, дѣвочку же зарывали во рву. На существованіе такого же обычая въ древней Германіи указываетъ выраженіе „поднять сына съ земли“, т. е. сохранить ему жизнь, признать своимъ. Впослѣдствіи, при развитіи индивидуальнаго брака, дочерей стали беречь для продажи, такъ какъ издержки на ихъ содержаніе вознаграждались женихомъ; поэтому la couvade прилагалась безразлично къ дѣтямъ обоего пола.

§ 38. Извѣстная форма брака и признаніе дѣтей служили основаніемъ семейныхъ властей.

Несомнѣнно, что первоначально, при коммунистическомъ бракѣ, не существовало вовсе *естественной* связи между дѣтьми и отцомъ; послѣдній всегда оставался неизвѣстнымъ. При индивидуальномъ полигамическомъ бракѣ также дѣти стояли въ болѣе тѣсномъ отношеніи къ матери, чѣмъ къ отцу. Такъ, мать имѣла возможность сосредоточить свое чувство на ограниченномъ самою природою количествѣ дѣтей; она проводила постоянно время съ дѣтьми у себя дома, тогда какъ отецъ находился на войнѣ или на охотѣ.

Поэтому, естественно, родство вездѣ опредѣляется первоначально по матери. Индійцы Гудсонова залива объясняютъ причину этого тѣмъ, что дѣти обязаны отцу своею душою, слѣд. невидимою стороною своего существа, отъ матери же они получаютъ тѣлесную или видимую сторону (Lubbock, 123). Кровная связь исключительно по матери сохранилась до сихъ поръ въ Гаити, на архипелагѣ Тонга; слѣды ея замѣтны въ древнѣйшей исторіи евреевъ и грековъ; члены династіи инковъ (въ Перу) могли жениться только на своихъ сестрахъ, но непремѣнно родившихся отъ разныхъ матерей.

По библейскому сказанію, дѣти Давида Тамаръ и Амнонъ могли вступить въ бракъ на томъ основаніи, что происходили отъ разныхъ матерей и слѣд. не считались въ родствѣ. Солонъ дозволялъ жениться на сестрахъ по отцу, на сестрахъ же по матери запрещалъ; тоже существовало у лидійцевъ, у локрянъ и проч.

Впослѣдствіи происходитъ явленіе обратное: естественная кровная связь признается только между дѣтьми и отцомъ. Орестъ, убивши свою мать Клитемнестру, доказывалъ, что между имъ и ею не существовало никакого родства. Такой поворотъ—die wichtigste Wendepunkt in der Geschichte des Geschlechtsverhältnisse, по выраженію Бахофена, (Bachofen, Muterr. 32)—находится въ связи съ перемѣною въ положеніи женщины вообще и съ утвержденіемъ политическаго характера семьи.

Дѣйствительно, пока бракъ не былъ индивидуальнымъ, на женщину не могла распространяться личная власть мужчины; удовлетворяя страсти и возбуждая ее, женщина не только не стояла ниже мужчины, но имѣла надъ нимъ преобладаніе. По изслѣдованіямъ Бахофена, въ исторіи всѣхъ первобытныхъ народовъ существовалъ весьма долгій періодъ господства женщинъ (Mutterrecht). Слѣды его сохранились до сихъ поръ у новозеландцевъ и у другихъ островитянъ: женщины участвуютъ въ народныхъ собраніяхъ, владѣютъ недвижимымъ имуществомъ и проч. Только гораздо позднѣе женщина становится въ униженное положеніе въ качествѣ предмета продажи или военной добычи. Семейство получаетъ характеръ общества, въ которомъ власть принадлежитъ то-

му, кто способенъ защищать его членовъ и заботиться о средствахъ ихъ пропитанія.

Соотвѣтственно этому двоякому выраженію кровной связи, семейная власть принадлежитъ сначала отцу и матери одинаково: у монголовъ, въ случаѣ развода, отецъ беретъ съ собою сыновей, на долю матери остаются дочери; отдача въ замужство у всѣхъ первичныхъ племенъ зависитъ отъ матери, и переговоры объ этомъ ведутся съ нею. Затѣмъ власть матери отодвигается на второй планъ, и во всей силѣ выступаетъ власть отца, какъ представителя и главы семьи.

§ 39. Прежде всего эта власть распространяется на дѣтей.

Если содержаніе дѣтей падаетъ на отца, то ему же предоставляется право уменьшать ихъ число до размѣра средствъ существованія. Дѣтоубійство есть явленіе общее всѣмъ первичнымъ народамъ, объясняемое ихъ бѣдностью. Особенно-часто убиваются дѣвочки, такъ какъ мальчики представляютъ собою рабочую силу. Мугамедъ считалъ нужнымъ запретить современнымъ ему арабамъ зарытіе живыхъ дочерей въ землю. Какое бы утѣшеніе ни представляли собою дѣти, однако бѣдность оправдывала ихъ убійство; какъ бы мягка ни была отеческая власть (напр. у малгашей), однако право жизни и смерти признается за отцомъ.

Впослѣдствіи это право смягчается и переходитъ въ право продавать дѣтей и закладывать ихъ. Въ этой формѣ отеческая власть сохранилась повсюду у народовъ первобытныхъ: въ Аннамѣ, у малгашей (у которыхъ на продажу назначаются только дочери), у негровъ и т. д. Продажею однихъ дѣтей пріобрѣтается возможность содержать всѣхъ прочихъ; отецъ распоряжается ими какъ своею собственностью, потому что отъ него зависѣло оставить дѣтямъ жизнь при ихъ рожденіи или бросить ихъ, т. е. обречь на смерть. Это право отца семейства находится въ соотвѣтствіи съ тягостями, соединенными съ его положеніемъ: туземцы Америки рѣдко женятся ранѣе 25-лѣтняго возраста, а островитяне ранѣе 35-ти лѣтъ отъ роду (австралійцы еще позже, большинство же осуждаетъ себя на безбрачіе), такъ какъ необходимо прежде вступленія въ бракъ пріобрѣсти извѣстнаго размѣра добычу и обезпечить существованіе семьи.

§ 40. Объемъ власти надъ женою находится въ зависимости отъ племени жены. Тамъ, гдѣ жена находится подъ защитою своего рода, она пользуется обезпеченнымъ положеніемъ. Въ Австраліи, въ случаѣ прелюбодѣянія мужа, всѣ живущія пососѣдству женщины нападаютъ на него и грабятъ его имущество; въ случаѣ дурного обращенія жена уходитъ къ своимъ роднымъ, которые раззоряютъ все имущество мужа (Waitz, V. II. 107). Особенно тяжело положеніе мужа, если не онъ, а жена доставляетъ средства содержанія семьи: онъ обязанъ служить своей богатой женѣ и подвергается наказанію за проступки, совершенные ею.

Содержаніемъ жены и дѣтей не ограничиваются обязанности мужа: онъ долженъ заботиться и объ ея родственникахъ. Такъ, у малгашей мужъ беретъ къ себѣ въ домъ на свое попеченіе всѣхъ младшихъ сестеръ жены.

Въ иномъ положеніи находятся жены, похищенныя изъ чужого племени или купленныя. Такъ, у монголовъ мужъ, уплативши калымъ, можетъ передать жену свою постороннему лицу (Нилъ, 235). У негровъ положеніе женъ ничѣмъ не отличается отъ положенія рабочихъ животныхъ. Иногда ихъ берутъ, въ видѣ опыта, навремя, отдаютъ въ наймы и въ обмѣнъ; мужъ принимаетъ всѣ фактическія мѣры къ обезпеченію себѣ исключительнаго пользованія женою, что́ вызывается между прочимъ крайнимъ развратомъ женщинъ; самое участіе жрецовъ при заключеніи брака имѣетъ цѣлью обезпечить такое пользованіе: жрецы грозятъ гнѣвомъ боговъ за нарушеніе цѣломудрія и для доказательства невинности даютъ пить священный напитокъ; виновной отрѣзываютъ носъ и уши. Тоже замѣчаемъ у караибовъ и у другихъ племенъ. Обычай, предписывающій замужнимъ женщинамъ ходить всегда подъ покрываломъ, для избѣжанія соблазна, обычай чернить зубы, вырывать волосы у замужнихъ и проч., указываетъ на охраненіе правъ мужа.

§ 41. Семейство представляетъ собою опредѣленную организацію, скрѣплявшуюся единою властью; оно имѣетъ характеръ отдѣльнаго юридическаго лица, со всѣми атрибутами политическихъ властей. Домъ, кибитка есть неприкосновенное мѣсто, въ которомъ не допускается ничье постороннее вмѣшательство; дѣти и рабы, домочадцы суть подданные главы семейства; иностранецъ, пока онъ находится

въ домѣ, пользуется покровительствомъ: онъ усыновляется навремя. Это первичное усыновленіе выражается наглядным образомъ въ томъ, что хозяинъ дома предлагаетъ иностранцу свою жену или дочь, вступаетъ съ нимъ въ кровное родство. Такой обычай сохранился у многихъ народовъ. У кочевыхъ племенъ домъ или семья передвигается съ мѣста на мѣсто, находя вездѣ готовую территорію.

Костенко („Средняя Азія", 38) такъ описываетъ кочевку киргизовъ: мужчины и женщины надѣваютъ лучшія одежды; наряжаютъ даже ребятишекъ, которые до 13-ти лѣтъ ходятъ голыми. Хозяйственныя заботы по перекочевкѣ лежатъ на женщинахъ; старшая жена ѣдетъ впереди на лошади, остальныя жены и женщины слѣдуютъ сзади на верблюдахъ, вытягивающихся въ одну нитку; мужской персоналъ слѣдуетъ стороною и охотится. Между крайними пунктами передвиженій иногда болѣе 1,000 вёрстъ; въ день проходятъ до 40 верстъ.

Въ этомъ государствѣ-домѣ управленіе, судъ, наказанія и награды исходятъ отъ одного лица, которымъ всѣ прочія обязаны безусловнымъ повиновеніемъ. Глава семейства въ свою очередь подлежитъ отвѣтственности за всѣ дѣйствія его членовъ, совершаетъ религіозные обряды, защищаетъ семью отъ нападенія, стоя на ея стражѣ съ оружіемъ въ рукахъ.

Семейство, по существу своему, ограничено въ своемъ объемѣ, но типъ семейный ложится на всѣ отношенія, въ которыхъ высказывается власть. У племени маньцзы старшина партіи промышленниковъ получаетъ такое же право на членовъ этой партіи, какое имѣетъ отецъ на дѣтей: онъ можетъ наказывать ихъ, зарывать живыми въ землю, спускать въ прорубь и проч. Политическія власти также установляются по типу семейному,—однимъ словомъ, патріархальныя отношенія съ ихъ суровостью, неопредѣленностью и безграничностью господствуютъ весьма долго повсюду; внѣ семьи немыслима обезпеченная жизнь лица.

§ 42. Съ другой стороны немыслимо также единичное бытіе семейства. Каждая семья примыкаетъ къ болѣе широкимъ союзамъ—къ роду и племени.

Связью семейства съ родомъ служитъ родство, которое основывается на происхожденіи сначала отъ одной ма-

тери, а потомъ отъ одного отца. Ближайшіе родственники входятъ въ составъ семьи: они носятъ названіе братьевъ и сестеръ, наравнѣ съ членами семейства. Такъ, у американскихъ туземцевъ сестра и братъ матери называются матерью и отцомъ, дѣти тетки—братьями и сестрами. Въ Джунгаріи, гдѣ родство считается по отцу, отецъ и дядя называются старшими братьями, племянники, зятья и родные—братьями младшими.

У Ироки для женщины дѣти брата ея мужа, равно какъ дѣти собственной сестры, суть „дѣти“; но дѣти сестры мужа и собственнаго брата считаются племянниками.

Родство, какъ естественное кровное начало, не ограничено тою или другою степенью, но оно получаетъ юридическую опредѣленность и объемъ по различнымъ основаніямъ. Такъ, прежде всего размѣръ рода съуживается относительно брака: сохраненіе правила о томъ, что невѣсту можно брать только изъ чужого рода, потребовало ограниченія рода только ближайшими степенями. Напр., у монголовъ дозволяется вступать въ бракъ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ, точно такъ же какъ два родные брата могутъ жениться на родныхъ сестрахъ; у другихъ племенъ, въ видахъ облегченія супружествъ, происходитъ тоже явленіе.

Впрочемъ тотемъ американскихъ туземцевъ довольно обширенъ; онъ заключаетъ въ себѣ отъ 3-хъ до 14-ти семействъ.

Далѣе, размѣръ рода зависитъ отъ внѣшнихъ условій, требующихъ болѣе тѣснаго союза семействъ. Сюда относится прежде всего война: семейства, живущія въ совершенной отдѣльности, смыкаются въ одинъ родъ въ случаяхъ нападенія и защиты. Наконецъ, чаще всего родъ превращается въ общину, когда воздѣлываніе земли требуетъ общихъ усилій.

Такія родовыя общины встрѣчаются повсюду. У каффровъ сыновья пристраиваютъ свои хижины къ этцовской подъ одну крышу; къ нимъ примыкаютъ бѣдные безсемейные люди, становящіеся въ положеніе дѣтей; общее хозяйство, выгоны, луга и проч. заставляютъ поселенцевъ держаться стараго жилья и сознавать взаимное родство. Въ Индіи существуетъ тоже самое: индійскія деревни большею частью состоятъ изъ родственниковъ, всѣ дома имѣютъ одну

общую крышу и составляютъ какъ бы пристройки къ одному дому.

§ 43. Наконецъ совокупность родовъ образуетъ племя, основанное на болѣе или менѣе ясномъ сознаніи о происхожденіи отъ одного лица. Это сознаніе поддерживается преемственнымъ представительствомъ старшаго или древнѣйшаго рода и единствомъ религіи. Какъ вообще религіозный культъ сосредоточивается на прародителѣ, такъ и въ прямомъ потомкѣ этого прародителя олицетворяется единство всѣхъ послѣдователей даннаго культа. Въ Австраліи каждый островъ имѣетъ своего магалаги (magalahi, отъ meggai—много и lahi—человѣкъ), у каффровъ inkosi и проч., причемъ племенное представительство переходитъ на мужчинъ и женщинъ безразлично.

Кромѣ религіи, единство племени поддерживалось также постоянными войнами, слѣды которыхъ сохранились въ общественномъ устройствѣ многихъ народовъ. Почти вездѣ существуетъ различіе классовъ или сословій, основанное на завоеваніи одного племени другимъ и получившее затѣмъ религіозное освященіе.

Яснѣе всего это можно было видѣть на Маріанскихъ островахъ. Здѣсь существовали три сословія: благородныхъ (matuas), полублагородныхъ (atchaots) и простолюдиновъ (mangatchangs). Хотя послѣдніе не были рабами въ тѣсномъ смыслѣ, однако имъ запрещались многія занятія, составлявшія исключительное достояніе matuas, какъ напр. рыболовство и судоходство; бракъ между членами разныхъ сословій не дозволялся, и матуа, женившійся вопреки такому запрещенію, предавался смерти, потому что позорилъ свое племя. Высшій классъ запрещалъ европейскимъ миссіонерамъ проповѣдь евангелія среди простого народа: „если крещеніе ведетъ къ Богу—говорили матуа—то простому народу невозможно и не должно открывать этого пути, потому что у него нѣтъ души“ (Waitz, V. 112). Въ Микронезіи также различаются два класса народа, никогда несмѣшивающіеся между собою: одинъ классъ находится въ связи съ богами и имѣетъ власть надъ другимъ, который лишенъ души и безсмертія. Въ древней Мексикѣ во главѣ всѣхъ стояли 30 большихъ владѣльцевъ, изъ которыхъ каждому подчинялось до 3,000 „благородныхъ“ и 100,000 крѣ-

постныхъ (Comte, II. 338). У эскимосовъ, живущихъ по р. Орегону, существуетъ аристократія, владѣющая и торгующая рабами; тоже у колошей; у киргизовъ признаются лица „бѣлой кости“, стоящія выше „черной кости“ или каракиргизовъ.

Однимъ словомъ, весьма рѣдко племя достигаетъ развитія общественнаго быта въ своемъ первичномъ несмѣшанномъ составѣ. Народъ образуется изъ наслоенія нѣсколькихъ племенъ, которыя сохраняютъ весьма долго свою исключительность въ формѣ сословій; религія закрѣпляетъ такую исключительность и не допускаетъ сліянія отдѣльныхъ классовъ въ одно цѣлое, но различіе коренится первоначально въ завоеваніи.

§ 44. Семейство, родъ и племя являются субъектами всѣхъ правъ и послѣдовательно вытѣсняютъ другъ друга въ отдѣльныхъ гражданскихъ и политическихъ институтахъ.

Прежде всего такимъ видоизмѣненіямъ подвергается собственность. Смотря по тому предмету, къ которому относится право собственности, ея формы и переходъ отъ одной къ другой не одинаковы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что первая юридически-опредѣленная собственность прилагается къ имуществамъ движимымъ и выражается во владѣніи людьми, животными и военною добычею: отецъ семейства получаетъ право на жену, на дѣтей и на все то, что̀ добыто на охотѣ и на войнѣ. Члены рода или общины дѣлили поровну все, что̀ пріобрѣтали набѣгами или промыслами. Слѣды такихъ промысловыхъ предпріятій сохранились до сихъ поръ у племени маньцзы (въ Уссурійскомъ краѣ); партія промышленниковъ отправляется искатьзолото или лѣкарственный корень жинь-шень; вся добыча отдается старшинѣ (даѣ), который дѣлитъ ее между участниками предпріятія, причемъ больные и тѣ, кому не посчастливилось на промыслахъ, содержатся на общій счетъ (Арх. Палладій, въ „Изв. Русск. Геогр. Общ.“ 1871, № 8).

Съ развитіемъ земледѣлія, нѣкоторыя домашнія животныя становятся предметомъ собственности и особой любви и заботъ. У патагонцевъ такою любовью пользуются лошади, считающіяся самымъ чистымъ животнымъ, единственно достойнымъ служить жертвою богамъ, наравнѣ съ людьми. Животное, которое служитъ первобытному человѣку въ хозяй-

ствѣ и на войнѣ, дорого ему, сосредоточиваетъ на себѣ его чувство, а потому становится принадлежностью семьи; рабы представляютъ собою такое же семейное имущество, добытое личною храбростью и отвагою. Только въ рѣдкихъ случаяхъ рабы, какъ и вся военная добыча, не дѣлятся между семьями, а составляютъ собственность всего племени. Такой обычай существовалъ, напр., у туземцевъ Бразиліи (Fallati, Keime des Völkerrechts. Ztschr. für Staatswis. VI. 194).

У римлянъ понятіе о res mancipi пріурочивается также къ первичному хозяйству отдѣльныхъ семействъ.

§ 45. Движимыя имущества, пріобрѣтенныя личнымъ трудомъ, защищались также отъ чужого нападенія самимъ владѣльцемъ и находились постоянно подъ его непосредственнымъ воздѣйствіемъ. Инымъ характеромъ отличалось имущество недвижимое, попреимуществу земля.

Первоначально земля, служившая пастбищемъ, лѣсъ, въ которомъ производилась охота, рѣки, въ которыхъ ловилась рыба, составляли собственность всего *племени*. Эта первичная форма сохранилась до сихъ поръ у многихъ народовъ. Негрское племя Кру не знаетъ иной собственности на землю: кто ее застроитъ, тотъ получаетъ на нее право (слѣд. solum superficii cedit). Сохраненію племенной собственности содѣйствуетъ существовавшее весьма долго общее обработываніе земли. Племя Гуарана и другія племена южной Америки, открытыя европейцами, представляютъ примѣръ такого обработыванія: по окончаніи жатвы, весь хлѣбъ собирался въ общія житницы и хранился въ нихъ, какъ достояніе цѣлаго племени (Comte, II. 187). У киргизовъ также земля признаётся общею собственностью. Наконецъ, туземцы Америки считаютъ землю принадлежащею цѣлому племени: по словамъ осседжей, она принадлежитъ не только имъ, но и ихъ потомкахъ.

Племенная собственность есть явленіе, повторяющееся у всѣхъ народовъ. Она не находится въ непосредственной зависимости отъ занятій земледѣліемъ и весьма долго сохраняется у народовъ земледѣльческихъ; изъ описаній Цезаря и Тацита видно, что она существовала у древнихъ германцевъ. Начальникъ племени ежегодно раздавалъ участки земли на время отъ одной жатвы до другой въ пользованіе

родамъ и семьямъ—gentibus cognationibusque hominum qui una coierunt. По свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, племенная собственность на землю признавалась у земледѣльческихъ цельтеберіанъ; у славянъ также весьма долго происходилъ передѣлъ полей между семьями или тяглами.

Переходъ собственности отъ племенной къ *родовой* и семейной условливался свойствомъ почвы. Тамъ, гдѣ природа безъ особыхъ усилій со стороны человѣка давала плоды, такой переходъ совершался легко: съ увеличеніемъ народонаселенія, каждое семейство получало въ свое исключительное владѣніе извѣстную часть земли, которая могла истощаться отъ общаго пользованія. Въ Австраліи, при недостаткѣ прѣсной воды, рѣки находятся въ обладаніи отдѣльныхъ семействъ, равно какъ между ними дѣлятся участки земли для охоты; въ сѣверной части никобарскаго берега встрѣчаются межевые знаки, тогда какъ на югѣ ихъ нѣтъ; на Таити каждый участокъ земли имѣетъ своего собственника; нерѣдко деревья на одномъ и томъ же полѣ принадлежатъ различнымъ семействамъ; бываютъ также случаи, что дерево принадлежитъ одному, а земля, на которой ростетъ дерево, другому собственнику.

Напротивъ тамъ, гдѣ пользованіе землею требуетъ особыхъ усилій и работъ, какъ, напр., осушенія болотъ, уничтоженія лѣсовъ и пр., собственность весьма долго удерживаетъ родовой характеръ, потому что работы могутъ быть произведены только цѣлымъ родомъ. Такова собственность въ Виргиніи, въ Парагуаѣ, на Новой Зеландіи; отдѣльныя семейства получаютъ только право пользованія землею, которая передѣляется ежегодно.

Особый видъ пользованія землею на началѣ феодальномъ, то-есть подъ условіемъ службы, существуетъ въ Абиссиніи; онъ имѣетъ позднѣйшее происхожденіе.

§ 46. Семейная собственность есть та высшая форма имущественной отдѣльности, которая выработана была первичными народами. Хотя отцу семейства принадлежитъ право распоряженія, какъ политическому главѣ семьи, однако собственниками считаются всѣ члены послѣдней.

Это значеніе собственности ясно высказывается въ различныхъ обычаяхъ, преимущественно же въ правѣ наслѣдованія.

Такъ, прежде всего отецъ семейства можетъ произвольно располагать своимъ имуществомъ на случай смерти лишь тогда, когда у него нѣтъ дѣтей. Бездѣтный призываетъ обыкновенно передъ смертью своихъ родственниковъ и передаетъ имъ свою волю, исполненіе которой считается священною обязанностью (Lubbock, 355). Но если умирающій оставляетъ дѣтей, то право этихъ послѣднихъ не можетъ быть имъ нарушено. У многихъ племенъ это право осуществляется еще при жизни отца.

Такъ, въ Австраліи каждый сынъ, по достиженіи 14-ти или 15-лѣтняго возраста, вступаетъ во владѣніе тою частью, которая ему должна достаться по наслѣдству; если нѣтъ сыновей, или въ случаѣ ихъ смерти, принадлежащая имъ часть передается сыновьямъ дочери главы семейства. У каффровъ такой выдѣлъ сыновей имѣетъ мѣсто тотчасъ послѣ ихъ обрѣзанія. Несомнѣнно, что этимъ исконнымъ обычаемъ объясняется сохранившееся до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ странахъ право минората: младшій сынъ получаетъ въ наслѣдство отцовскій домъ, потому что старшимъ выдѣлялась ихъ часть при жизни отца.

На островѣ Таити право сыновей высказывается еще съ бо́льшею силою: съ рожденіемъ ихъ, отецъ теряетъ право собственности и становится только управляющимъ или повѣреннымъ своихъ дѣтей; король отказывается отъ престола тотчасъ послѣ того, какъ у него родится сынъ.

Особенною привилегіею пользуется *старшій сынъ*. Онъ становится въ отца мѣсто не только по смерти этого послѣдняго, но и при его жизни, если только отецъ оказывается неспособнымъ носить оружіе и слѣд. защищать семью. Этотъ обычай соблюдается у племени Галла, у базутовъ и проч. (Lubbock, 458). Старшій получаетъ власть надъ младшими братьями и надъ всѣмъ домомъ; иногда онъ убиваетъ младшихъ или изгоняетъ ихъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правами старшаго сына пользуется *племянникъ*. На островахъ Фиджи существуетъ обычай, извѣстный подъ именемъ Vasu (племянникъ и племянница) и состоящій въ томъ, что каждый совершеннолѣтній имѣетъ право взять все, что̀ ему нравится изъ имущества дяди. Государь Фиджи, при безграничной своей власти, безусловно подчиняется только племяннику.

Что касается до порядка наслѣдованія въ тѣхъ случаяхъ, когда не было выдѣла при жизни отца, то этотъ порядокъ опредѣляется по тѣмъ же основаніямъ, какъ и родство.

Такъ, у многихъ племенъ—въ Гвинеѣ, въ Нубіи, на о. Суматрѣ—наслѣдство переходитъ къ сыну сестры умершаго. Тоже существуетъ въ Боготѣ относительно престолонаслѣдія; у негровъ наслѣдникомъ престола становится мужъ дочери, у австралійцевъ—братъ, родившійся отъ той же матери, или же сынъ ближайшей по родству женщины.

У другихъ племенъ, съ утвержденіемъ родства по отцу, наслѣдникомъ является сынъ. Такъ, у каффровъ власть инкози переходитъ къ старшему сыну его любимой жены, который обыкновенно умерщвляетъ ближайшихъ своихъ родственниковъ. У киргизовъ дѣти каждой жены получаютъ часть изъ имущества своей матери; имущество же отца все переходитъ къ его старшему сыну.

Наконецъ, въ Гренландіи наслѣдуютъ одни взрослыя дѣти; если по смерти умершаго остались только вдова съ малолѣтними дѣтьми, то каждый беретъ изъ его имущества все, что́ пожелаетъ. Это указываетъ, между прочимъ, на сохранившуюся тамъ родовую собственность; члены общины берутъ по смерти лица то имущество, которое передано было ему на правѣ пожизненнаго владѣнія.

§ 47. Семейный характеръ собственности опредѣляетъ также значеніе и формы договоровъ. Свободный и частый обмѣнъ имуществъ невозможенъ при отсутствіи индивидуальной собственности; договоры заключаются между семействами и имѣютъ характеръ международный; они отличаются крайнею формальностью не только при передачѣ земли, но и при обмѣнѣ движимыхъ. Такъ, на о-вахъ Фиджи продажа китоваго уса и другихъ произведеній совершается въ присутствіи всего племени. Собравшаяся толпа ударяетъ въ ладоши, потомъ выкрикиваетъ условныя слова, наконецъ снова бьетъ въ ладоши. Такимъ образомъ все племя призывается въ свидѣтели торжественнаго акта и запечатлѣваетъ его въ своей памяти.

Кромѣ отсутствія индивидуальной собственности, существуетъ еще другая причина, по которой договоры у первичныхъ народовъ не могутъ получить широкаго развитія.

Это—опредѣленіе цѣны вещей обычаемъ, помимо добровольнаго соглашенія. У народовъ со слабою гражданственностью всегда замѣтно стремленіе сохранить разъ-установившуюся цѣну: съ увеличеніемъ издержекъ производства, равновѣсіе ихъ съ рыночною цѣною достигается худшимъ качествомъ издѣлій, но возвышеніе цѣны встрѣчаетъ общій протестъ. Наконецъ, весьма многія услуги и работы, вызывающія впослѣдствіи договорныя отношенія, выполнялись первоначально рабами, такъ что не было надобности вступать въ договоры.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда семейства одного и того же племени вступали въ соглашенія, заключенныя ими условія выполнялись весьма строго. У негровъ лицо неуплатившее долга лишалось погребенія, и желавшій похоронить своего родственника обязанъ былъ удовлетворить прежде всѣхъ его кредиторовъ. Займы совершались не болѣе какъ на годъ, причемъ, напр. на Суматрѣ, установлены даже нормальные проценты (сначала 150, а потомъ 50 въ годъ). Но если внутри племени договоры и обѣщанія выполнялись строго, то въ сношеніяхъ между разными племенами обманъ считался дозволеннымъ. Американскіе туземцы ставятъ себѣ въ заслугу неисполненіе обѣщанія, даннаго европейцу. Тоже самое существовало и въ сношеніяхъ первобытныхъ народовъ съ чужеземцами. Первичная торговля не отличалась честностью. Обыкновенно обмѣнъ производился на границѣ двухъ племенъ; приходившіе для обмѣна клали оружіе на своей землѣ и объявляли рынокъ нейтральнымъ мѣстомъ, на который привозились военноплѣнные, женщины, дѣти и произведенія почвы. Абиссинцы до сихъ поръ производятъ торговлю только на границѣ, причемъ совершается или мѣна, или же продажа. Послѣдняя появляется очень рано, и главные предметы мѣны—рабы и рабочій скотъ—служатъ также монетною единицею.

Названіе рынка и границы (Markt) имѣетъ одинъ корень; Меркурій былъ богъ границъ, торговли и покровитель воровъ и обманщиковъ; правило caveat emptor, конечно, имѣетъ связь съ первоначальными торговыми сдѣлками

Въ торговлѣ и на рынкѣ впервые выступаютъ противуположные интересы; здѣсь каждый думаетъ только о

своей личной выгодѣ, за которую вступаетъ въ мирную борьбу съ иноплеменникомъ. Напротивъ въ договорахъ съ лицами одного племени или рода индивидуальная воля стѣснена обычаемъ и сдѣлки совершаются по заранѣе-установленнымъ основаніямъ; онѣ опредѣлены не только въ своей формѣ, но и въ подробностяхъ своего содержанія.

§ 48. Естественно-образовавшіеся союзы—семейный, родовой и племенной—будучи субъектами частныхъ правъ, сохраняютъ свое значеніе и въ политической жизни первичныхъ народовъ.

Весьма немногіе народы остановились на семействѣ, какъ на единственной формѣ общественнаго устройства. Исключительно семейный бытъ представляютъ собою жители о-ва Танна (близь Новой Каледоніи), у которыхъ отдѣльныя деревни совершенно независимы другъ отъ друга (Comte, II. 435). Тоже замѣчается у эскимосовъ и у карибовъ; послѣдніе только на случай войны избираютъ общаго начальника (Waitz, III, 383). Наконецъ, у племени Кру (негрскаго) сохранились независимые начальники семейства или патріархи. Каждый изъ нихъ посылаетъ членовъ семьи на заработки, отдаетъ ихъ въ наймы на европейскіе корабли, получаетъ за то деньги и дѣлитъ добычу по своему усмотрѣнію, удерживая часть ея на награды. Начальники семействъ собираются иногда на общій совѣтъ и, по взаимному согласію, принимаютъ мѣры для общей защиты.

Власть родоначальниковъ составляетъ наиболѣе распространенное явленіе у первичныхъ народовъ. Роды управляются отдѣльно и образуютъ изъ себя федерацію. Подобное устройство сохранилось у Ироки, у осседжей, у гуроновъ и пр. Родоначальники, числомъ 50, совѣщаются о дѣлахъ и объявляютъ свое рѣшеніе народу; каждый начальникъ рода—званіе котораго по наслѣдству можетъ переходить къ женщинѣ—имѣетъ право наказывать членовъ своего рода; въ федеральномъ собраніи они пользуются одинаковымъ правомъ голоса, но при этомъ первое мѣсто принадлежитъ представителю рода Онондага, а начальство надъ войскомъ роду Могаукъ. Подобное же устройство существовало въ XIII вѣкѣ, по свидѣтельству Плано-Карпини, у арабовъ, шейхи которыхъ составляли общій союзъ; кавказскіе горцы до послѣдняго времени также собирались родами на совѣтъ (медж-

лисъ), хотя каждый родъ пользовался полною независимостью; по свидѣтельству Плинія, въ Діоскурось сходилось до 300 родовъ, жившихъ въ горахъ.

У другихъ племенъ роды не способны къ федераціи, а находятся нерѣдко во взаимной враждѣ. Такъ, патагонцы живутъ исключительно подъ властью родоначальниковъ, которые отличаются отъ остального народа тѣмъ, что имѣютъ нѣсколько женъ; эти наслѣдственные начальники родовъ управляютъ при помощи людей, пользующихся уваженіемъ и призываемыхъ на совѣтъ. У бурятъ тайши суть также родоначальники, иногда наслѣдственные, иногда выборные. Кара-киргизскіе манапы имѣютъ тоже значеніе.

Манапъ было собственное имя одного изъ родоначальниковъ, который отличался жестокостью; впослѣдствіи этимъ словомъ назывались всѣ старшины: это—предводители разбойничьихъ шаекъ, отправляющіеся на промыселъ. Роды соединяются въ отдѣленія и затѣмъ образуютъ орду. Орда теперь дѣлится на уѣзды, уѣзды на волости (отъ 1,000 до 2,000 кибитокъ), волости на аулы (100—200 кибитокъ). Избраніе манаповъ встрѣтило сопротивленіе со стороны прежнихъ людей „бѣлой кости“ и вызвало безпорядки въ оренбургскомъ краѣ въ 1869 году.—У бурятъ кромѣ тайшей избираются ихъ помощники —зайсаны и шуленги. Въ 1822 году изданъ уставъ о бурятскомъ управленіи.

Всѣ члены родового союза обязаны взаимною защитою, они должны мстить за оскорбленіе или убійство, платить пеню другъ за друга; наказаніемъ для нихъ служитъ исключеніе изъ рода (изгойство).

Тамъ, гдѣ не успѣла организоваться федерація родовъ (какъ, напр., у Ироки) *междуродовыя отношенія* имѣютъ враждебный характеръ. Примѣромъ этому могутъ служить киргизы. У нихъ происходятъ постоянные споры изъ-за пастбищъ; манапы заключаютъ на время миръ, но считающіе себя обиженными угоняютъ чужой скотъ (баранта). Единство родовъ высказывается только въ случаяхъ общаго грабежа. Тоже самое замѣчаемъ у туркменовъ, которые промышляютъ плѣнными не только русскими и персіянами, но и туркменами, принадлежащими къ другому

роду. Чужеродецъ считается неимѣющимъ никакихъ правъ, противъ него все дозволено, можно захватить его скотъ и его самого.

Эта вражда родовъ затрудняетъ введеніе правильной администраціи между киргизами, начатое въ 1868 году.

§ 49. Исходъ вражды между семействами и родами неодинаковъ: иногда одинъ родъ получалъ перевѣсъ надъ прочими, и его представитель становился начальникомъ цѣлаго племени, иногда же утверждалась власть одного лица, доказавшаго свою храбрость и силу на войнѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ тотъ, кто овладѣвалъ высшею властью, выдѣлялся изъ остального народа и получалъ божественное значеніе.

Если власть утверждалась по происхожденію, то повелителемъ племени становился прямой потомокъ того, кто считался богомъ племени, а потому такому повелителю воздавались божескія почести. У каффровъ начальникъ племени носитъ названіе incosi; на него смотрятъ какъ на отца всего народа; онъ „грудь, которою страна кормится и поится“; онъ заботится о жизни и здоровьи каждаго и служитъ источникомъ всѣхъ благъ; онъ утверждаетъ родоначальниковъ (induna), которые подчиняются его власти. Въ Микронезіи точно также повелѣнія племеннонаначальника считаются повелѣніями бога, которымъ слѣдуетъ подчиняться безъ ропота и которыя приводятся въ исполненіе родоначальниками.

Значеніе такихъ старшихъ во всемъ племени лицъ должно было увеличиваться съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, потому что увеличивалась древность ихъ происхожденія; наконецъ они стали считаться не только происходящими отъ боговъ, но отождествлялись съ божествомъ: это были „братья солнца“ (у натчецовъ), сыновья неба и проч.

Съ другой стороны война выдвигала на первый планъ людей, способныхъ вести племя къ побѣдѣ и въ силу того становившихся на мѣсто родоначальниковъ: въ трудное время искусство и молодость были важнѣе чѣмъ происхожденіе и возрастъ, и потому начальники племени избирались на основаніи оказанныхъ заслугъ. Эти выборныя лица, получивъ безусловную власть на время войны, сохранили ее и

по заключеніи мира или пріобрѣтали господство надъ побѣжденнымъ народомъ. Въ Мексикѣ, при ея открытіи европейцами, сохранилось преданіе о завоеваніи страны пришельцами, которые захватили всю власть въ свои руки. Въ Перу издавна существовала особая династія инковъ. Въ новое время самое значительное каффрское государство называется Хака по имени одного изъ начальниковъ племени Цулу, который подчинилъ себѣ нѣсколько племенъ, принялъ титулъ „создателя вселенной“ и утвердилъ свою безусловную власть. Тоже совершено на Мадагаскарѣ начальникомъ племени Гава Радамою (1810—1828); онъ подчинилъ себѣ всѣхъ малгашей, живущихъ на островѣ, и передалъ престолъ сыну своему Радамѣ II (убитому въ 1863 г.).

Наконецъ бываютъ случаи, что двѣ власти—одна основанная на старшинствѣ происхожденія и другая на военномъ верховенствѣ—существуютъ совмѣстно. Первая получаетъ характеръ духовный, вторая свѣтскій. Такое двоевластіе, несомнѣнно имѣвшее мѣсто въ древнѣйшій періодъ Греціи и Рима, замѣчается у нѣкоторыхъ первичныхъ народовъ. Такъ, напр., на Каролинскихъ островахъ, также у австралійцевъ, кромѣ свѣтскаго или военнаго государя, признается власть духовнаго владыки, tamol (damori). Въ Африкѣ—въ Бамбаррѣ, Дарфурѣ, Понгосѣ и проч.—остатки духовной власти сохранились въ томъ участіи, которое принимаютъ жрецы или наслѣдственная аристократія въ управленіи страною: они ограничиваютъ власть государя и служатъ представителями племенного начала. Несомнѣнно, что съ возвышеніемъ какого-либо родоначальника или храбраго и искуснаго воина фактически верховная власть переходила къ нему, а прежній государь пользовался только почетомъ, какъ представитель бога-прародителя.

Какимъ бы путемъ ни возникла первоначально государственная власть, она получаетъ безусловный характеръ. Государи стоятъ неизмѣримо выше остального народа не только юридически, но и по своимъ естественнымъ свойствамъ.

У австралійцевъ государи отличаются даже наружнымъ видомъ отъ прочихъ людей: они носятъ бороду, вокругъ шеи и всего тѣла надѣваютъ пальмовые вѣнки и татуируются съ особымъ тщаніемъ. Для принятія просьбъ, тамоль становится на высокіе подмостки, весь народъ припадаетъ къ зем-

лѣ, а проситель приближается, опустивъ голову къ колѣнямъ. Малгаши приписываютъ своему государю сверхчеловѣческую силу: отъ него зависитъ плодородіе земли; абиссинцы вѣрили, что ихъ король Теодоръ можетъ одинъ уничтожить всѣхъ англичанъ. У негровъ религіозное значеніе королей выражается въ странныхъ церемоніяхъ: подданные цѣлуютъ пыль отъ ихъ ногъ, при видѣ ихъ посыпаютъ голову пепломъ, чихаютъ когда чихаетъ король, и проч. Въ Боготѣ народъ становится спиною къ государю—ему въ лицо могутъ смотрѣть только преступники; его носятъ на носилкахъ; окружающіе его знатные люди ловятъ его слюну въ бѣлые платки (Waitz, IV. 359).

Такое воззрѣніе на представителей верховной власти поддерживается религіей. Народъ вѣритъ, что эти представители сотворены иначе, чѣмъ прочіе люди, что однимъ предопредѣлено господствовать, другіе же осуждены на всякаго рода лишенія; послѣдніе должны довольствоваться дурными жилищами и пищею, подвергаться вліянію непогоды, жить безъ женъ, исполнять самыя тяжелыя работы и никогда не сообщаться съ богами, потому что низшіе по природѣ не имѣютъ души.

§ 50. При такой неизмѣримой отдаленности государей, управленіе страною и судъ остаются въ рукахъ родоначальниковъ и старѣйшихъ; на этотъ судъ можно апеллировать государю (у австралійцевъ тамолю), но случаи такой апелляціи очень рѣдки и затруднительны.

На Мадагаскарѣ король Радама раздѣлилъ всю страну на 22 провинціи, которыя отдалъ въ управленіе вассаламъ; онъ получалъ десятую часть произведеній земли и десятую часть цѣны при ея продажѣ. Въ Абиссиніи сохранились также слѣды феодальнаго устройства; но, вѣроятно, это явленіе позднѣйшаго времени.

У негрскаго племени Мандинго сохранилась до сихъ поръ форма первоначальнаго самосуда. Каждый, чье право собственности нарушено, захватываетъ первую попавшуюся ему вещь; владѣлецъ этой вещи производитъ такой же захватъ у другого, и это продолжется до тѣхъ поръ, пока анархія не достигнетъ значительныхъ размѣровъ; тогда весь народъ собирается и возстановляетъ порядокъ. Тоже право захвата прилагается къ купленнымъ женамъ: въ случаѣ

Обстоятельства, вынудившія меня приступить къ изданію болѣе важныхъ памятниковъ исторіи русскаго права, понятны безъ сомнѣнія всякому, преподающему исторію рус. права и изучающему ее.

Студентъ, прослушавшій полный юридическій курсъ, и никогда невидѣвшій многихъ важнѣйшихъ памятниковъ отечественнаго законодательства есть явленіе довольно нерѣдкое въ нашихъ университетахъ

Нечего распространяяться, что при такомъ пассивномъ слушаніи курса юридическое образованіе лишается самыхъ прочныхъ основъ своихъ

Между тѣмъ это печальное явленіе объясняется весьма просто: учащійся не въ состояніи пріобрѣсть всѣ важнѣйшіе памятники нашего законодательства, разбросанные въ разныхъ изданіяхъ, иногда дорогихъ и многотомныхъ. За исключеніемъ образцоваго изданія Русской Правды, сдѣланнаго Н. В Калачевымъ и до сихъ поръ обращающагося въ продажѣ, и за исключеніемъ Псковской Суд. Грам., недавно опять изданной г. Мурзакевичемъ, всѣ остальные памятники нужно искать частію въ изд. Археогр. Коммиссіи, частію въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Большинство студентовъ не только не въ состояніи купить эти изданія, но не можетъ и пользоваться ими въ университетскихъ библіотекахъ надлежащимъ обр., потому что названныя изданія имѣются въ библіотекахъ не въ такомъ числѣ экземпляровъ, чтобы каждый учащійся могъ держать ихъ при себѣ во все продолженіе курса ист. рус. права.

Нѣм. ученая литература давно уже поспѣшила удовлетворить такой же потребности студентовъ нѣм. университетовъ изданіемъ многихъ сборниковъ, въ родѣ Corpus Juris germanici antiqui *Вальтера. Въ нашей русской литературѣ, если не считать устарѣвшаго сборника Максимовича и разныхъ изданій Тобина, преслѣдовавшихъ другую цѣль, существуетъ только одинъ подобный сборникъ: „Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права“ изд. гг Утинымъ и Лазаревскимъ съ большою тщательностію и довольно вѣрнымъ выборомъ матеріала.*

Но это „Собраніе,“ вышедшее въ 1859 г., уже не находится въ продажѣ: обстоятельство, указывающее на крайнюю потребность въ подобныхъ сборникахъ. Впрочемъ въ „Собраніи“ гг. Утина и Лазаревскаго заключены только памятники времени до Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Памятники же новой исторіи рус. права, имѣющіе самый живой и практическій интересъ для изучающаго, остаются малодоступными для него. Не всѣ и древніе памятники включены въ это „Собраніе“: въ немъ нѣтъ ни Псков., ни Новгород. Судныхъ грамотъ, нѣтъ Уставной Книги Разб. Приказа, которая кромѣ своего прямаго значенія для исторіи уголовнаго права, представляетъ живѣйшій интересъ для изученія законодательныхъ работъ въ древности, даетъ возможность наблюдать самый процессъ зарожденія законовъ. Наоборотъ въ „Собраніе“ включены такіе памятники, которые не имѣютъ большаго интереса; такъ въ немъ напечатаны всѣ дополнительныя статьи къ Судебнику (т. е. правильнѣе Указныя Книги разныхъ приказовъ), изданныя Арх Комиссіею, и между ними вся Указная Книга Земскаго Приказа; а въ ней наряду съ важнѣйшими постановленіями гражданскаго и уголовнаго права, заключается большой рядъ незначительныхъ постановленій полицейскихъ, касающихся гор. Москвы.

Мы нимало не имѣемъ въ виду умалять заслугу почтеннаго „Собранія“; напротивъ, еслибы оно было еще въ продажѣ или появилось бы вторымъ изданіемъ, то мы не

сочли бы нужнымъ предпринять изданіе Христоматіи.

Въ настоящемъ изданіи мы имѣли цѣлію представить нетолько Христоматію памятниковъ, но и повозможности Христоматію историко-юридической литературы, относящейся къ памятникамъ. И въ этомъ случаѣ мы руководились тѣми же соображеніями: именно трудностью для изучающаго собрать всю массу книгъ и брошюръ, посвященныхъ объясненія памятниковъ. Вотъ цѣль, для которой помѣщены примѣчанія подъ текстомъ. Мы не обольщаемъ себя нимало увѣренностію, что въ этихъ примѣчаніяхъ исчерпана важнѣйшая сторона историко—юридической литературы, что вездѣ представлены объясненія, наиболѣе заслуживающія довѣрія. Выборъ между различными толкованіями памятниковъ есть дѣло преподавателя; изучающій будетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, предъ глазами нѣкоторыя изъ нихъ.

Во многихъ мѣстахъ мы вовсе не дѣлаемъ самаго выбора, а сопоставляемъ только нѣсколько толкованій.

Нѣкоторымъ памятникамъ особенно посчастливилось въ нашей историко—юридической литературѣ: такъ Псковская Судная грамота нашла себѣ объяснителя, который почти ничего не оставилъ для дальнѣйшей разработки содержанія этого памятника Мы говоримъ о классическомъ сочиненіи г. Энгельмана: „Гражданскіе законы Псковской Судной грамоты“. Напротивъ другіе, какъ Русская Правда, подвергавшаяся такимъ многообразнымъ и неисчислимымъ толкованіямъ, до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ остаются загадкою. Понятно, что отношеніе нашихъ примѣчаній къ памятникамъ не могло быть одинаково. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (впрочемъ не многихъ) намъ приходилось самимъ пополнять пробѣлы нашей историко-юридической литературы.

Система принятая нами-хронологическая; но она соблюдается только въ тѣхъ случаяхъ, когда хронологическое мѣсто памятника несомнѣнно или можетъ быть опредѣлено съ приблизительною вѣрностью. На этомъ основаніи

церковные уставы Ярослава и Владиміра помѣщены въ концѣ 1-го выпуска. Впрочемъ такъ какъ явленія земскаго періода уходятъ въ государствахъ Новгородскомъ и Псковскомъ далеко въ глубь XV. в , а предвѣстія будущаго государства Московскаго появляются уже съ XIII в., то духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей помѣщены у насъ послѣ судныхъ грамотъ Новгородской и Псковской, именно во 2-мъ выпускѣ.

Всѣхъ выпусковъ предполагается три: 1-й обнимаетъ собою законодательство земскаго періода (до 2-й половины XV в.)

2-й—Законодательство государства Московскаго, въ связи съ законодательствомъ западно—русскимъ (со второй половины XV до конца XVII в).

3-й—Законодательство періода имперіи (вѣкъ XVIII).

Само собою разумѣется, что важнѣйшіе памятники двухъ послѣднихъ періодовъ не могутъ быть изданы всѣ въ цѣломъ составѣ своемъ.

Такъ какъ Христоматія по исторіи права не можетъ ограничиться одними памятниками законодательства, и такъ какъ самый законъ вырабатывается при помощи частныхъ сдѣлокъ, то мы присоединяемъ образцы и юридическихъ актовъ (договоровъ и завѣщаній).

МИРНАЯ ГРАМОТА НОВГОРОДЦЕВЪ СЪ НѢМЦАМИ 1195 (1).

1. Се азъ князь, Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ съ посадникомь с Мирошкою и с тысятцкимь Яковомь и съ всѣми Новгородьци, потвердихомъ мира старого с посломъ Арбудомъ и съ всѣми нѣмьцкыми сыны и съ Готы и съ всѣмь латиньскымъ языкомь (2). Послалъ есмь посла своего Григу (3) на сеи правдѣ: 1-е: ходити Новгородцю послу и всякому Новгородцю въ миръ въ Нѣмечьску землю и на Гѣцкъ берегъ (4); тако же ходити Нѣмьчьмь и

---

(1) Впрочемъ, касательно времени заключенія этого договора не всѣ согласны между собою: И. Д. Бѣляевъ относитъ его къ 1188 (въ Новг. Лѣт. подъ 1188 г. читаемъ: «Въ тоже лѣто рубоша Новгородцѣ Варязи, на Гътѣхъ Нѣмцѣ, въ Хоружьку и въ Новотържьцѣ; а на весну не пустиша изъ Новгорода своихъ ни одного мужь за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я безъ мира» П. С. Р. Л. III. 20; подъ 1195 г. упоминается посадникъ Мирошка. Ярославъ Влад. княжилъ въ Новгородѣ 1181—1184 и опять 1187—1199); Соловьевъ и Костомаровъ—къ 1195.

(2) Съ жителями острова Готланда, или, точнѣе, съ жител. города Висби, стоявшаго на этомъ о-вѣ,—города, который въ XII в. былъ важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ на всемъ Балтійскомъ морѣ; далѣе-съ Нѣмцами, которые въ XII в. начали поселяться на Готландѣ и соперничать съ туземцами (скандинавскаго происхожденія) въ торговой дѣятельности. Обѣ эти соперничающія націи названы общимъ именемъ: «Латинскій языкъ», какъ исповѣдующія одну католическую вѣру.

(3) Для ратификаціи договора, составленнаго въ Новгородѣ.

(4) Готландъ.

Гтяномъ въ Новъгородъ безъ пакости не обидимъ никымъ же.

Аче будеть судъ князю новгородцкъму Новѣгородѣ или нѣмецкъму въ нѣмчыихъ, а въ томь миру пти гостю домовь бесъ пакости ([5]); а кого Богъ поставить князя, а съ тѣмъ мира потвердить, любо ли земля безъ миру станеть ([6]).

2. А оже убьють Новгородца посла за моремъ или нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривенъ серебра ([7]).

([5]) Если умретъ князь новгородскій или нѣмецкій (т. е. тѣ, которые заключили этотъ договоръ), то отъ этого мирный трактатъ не теряетъ силы: купцы могутъ возвращаться домой безъ притѣсненій (безъ задержки).

([6]) Съ тѣмъ княземъ, котораго поставитъ Богъ (на мѣсто умершаго) слѣдуетъ подтвердить этотъ трактатъ.—При младенческомъ состояніи общественнаго права, международные договоры считались обязательными только для тѣхъ именно правителей, которые ихъ заключили между собою, а не для государствъ. Поэтому при перемѣнѣ правителей договоры возобновлялись постоянно. Тоже самое и въ области частнаго права: обязательство падаетъ на лица, заключившія его, а не на имущество, которое, по современнымъ понятіямъ, должно отвѣчать, какъ бы ни перемѣнялись его владѣльцы. Но русское право весьма рано возвысилось до истиннаго представленія о силѣ обязательствъ. Сличи Рус. Пр. Кар. 115 и прим. къ ней и Догов. Смол. 1229.

([7]) 20 грив. серебра=80 грив. кунъ (1 грив. сер.=4 гр. старымъ т. е. гривнамъ кунъ: «а за гривну серебра по 4 гр. кунами». Догов. 1230 ст. 1.)

Какъ въ Р. Правдѣ, такъ и здѣсь двойная вира полагается за лицъ привилегированныхъ: здѣсь за посла, заложника и попа (см. ст. 15) т. е. лицъ наиболѣе важныхъ въ значеніи международномъ; сословныя же различія здѣсь не приняты во вниманіе, такъ какъ постоянными посѣтителями чужой страны были только послы и купцы. Плата въ 80 грив., и послѣдующія по преступленіямъ противъ лица, есть уголовный штрафъ и частное вознагражденіе (т. е. 80 грив. платится родственникамъ убитаго и

3. А оже убьють купчину Новгородца или Нѣмчина купчину Новѣгородѣ, то за ту голову 10 грив. сер. ([8])

4. А оже мужа свяжуть безъ вины, то 12 грив. за соромъ старыхъ кунъ ([9]).

5. Оже ударять мужа оружеемь, любо коломъ,—то 6 грив. за рану старые ([10]).

6. Оже упьхньть, любо мятель раздрьть, то 3 гр. старые ([11]).

7. Оже пошибають мужеску жену, любо дчьрь,—то князю 40 грив. ветхыми кунами, а женѣ или мужьское дчерп 40 грив. ветхыми купами ([12]).

8. Оже съгренеть чужее женѣ повоп съ головы или дщьрп ([13]), явится простоволоса,—6 грив. старые за соромъ.

9. Оже тяжа родится безъ кровп, снпдутся послуси, п Русь п Нѣмцп,—то вергуть жеребее, кому ся вынмть, ротѣ шьдъ свою правду взъмуть ([14]).

столько же общественной власти. См. ст. 7). Это можетъ служить доказательствомъ, что и въ древнѣйшей Р. Правдѣ постановленія о вирахъ имѣютъ такое же значеніе.

([8]) Т. е. 40 грив. кунами-простая вира

([9]) За самоуправный и неправильный арестъ—12 грив., см. Кар. 90 и 135.

([10]) По Р. Правдѣ (см. Ак. ст. 2—8, Кар. 19—25) за побои и раны полагалось различное возмездіе 12—3 гр.; здѣсь не различаются частные виды преступленій этого рода, и въ возмездіи взята средняя цифра-6 грив. старыхъ.

([11]) См. тоже самое Р. Пр. Ак. 9, Кар. 26. (мятель-одежда).

([12]) Кто прибьетъ замужнюю женщину, или дѣвицу, платитъ 40 гр. князю и 40 грив. ей. Въ Рус. Правдѣ оскорбленіе, нанесенное женщинѣ, не выдѣлялось изъ общаго понятія объ оскорбленіи. См. слѣд. статью. Можетъ б. поэтому и возмездіе за этотъ родъ преступленія опредѣлено здѣсь точнѣе. См. прим. къ ст. 3.

([13]) Сорветъ съ головы повязку.

([14]) И. Д. Бѣляевъ переводитъ: въ дѣлахъ неуголовныхъ на

10. Оже емати скотъ Варягу на Русинѣ, или Русину на Варязѣ, а ся его заприть; то 12 мужь послухы, идеть ротѣ, взъметъ свое ([15]).

11. Оже родится тяжа въ Нѣмцехъ Новгородцю, любо Нѣмчину Новѣгородѣ; то рубежа не творити, на другое лѣто жаловати: оже не правять, то, князю явя и людемъ, взяти свое у гости, оже тяжа родится въ Новѣгородѣ ([16]); оже тяжа родить къ іное земли въ рускыхъ

судѣ какъ отъ нѣмцевъ, такъ и отъ новгородцевъ требуются свидѣтели, *или* бросается жребій, кому цѣловать крестъ, и кто поцѣлуетъ крестъ, тотъ возметъ то, на чемъ цѣловалъ крестъ.—Вѣрнѣе переводъ С. М. Соловьева: «Если будетъ тяжба безъ крови, сойдутся свидѣтели, Русь и Нѣмцы, то бросать жребій: кому вынется, *тѣ* идутъ къ присягѣ и свою правду возмутъ». Договоръ 1270-го года объясняетъ намъ въ какомъ именно случаѣ свидѣтельскія показанія переходятъ въ присягу свидѣтелей: по проэкту этого договора въ каждой тяжбѣ гостя съ русскимъ свидѣтелями должны быть два гостя и двое Русскихъ; если въ свидѣтельствѣ произойдутъ разнорѣчія (si ruthenus et hospes discordaverint in testimonio), то должно прибѣгнуть къ жребію. Но жребій рѣшаетъ не сущность тяжбы, а то—кому предоставить присягу, которая и считается высшимъ средствомъ доказательства въ дѣлахъ гражданскихъ (см. Андреевскаго: о договорѣ Повгорода съ Нѣм. городами и Готландомъ 1270 г., с. 32. Слич. разъясненіе этой ст. у Костомарова: Сѣверно—Рус. Народоправства. II. 187.).

([15]) Если Варягъ (общее названіе всѣхъ западныхъ народовъ, въ настоящемъ случаѣ общее для нѣмцевъ и скандинавовъ. См. прим. къ ст. 1.) будетъ взыскивать долгъ съ Русина, или Русинъ съ Варяга, а должникъ начнетъ запираться, то истецъ долженъ представить 12 человѣкъ послуховъ, которые и присягаютъ; тогда получаетъ свое. Сл. Рус. Пр. Ак. 14, Кар. 44.—Присягаютъ опятъ свидѣтели («ти поидуть на роту» Кар. 44.)

([16]) Эта статья изъясняется XVI-ю договора 1270 (Андреевскаго, стр. 30), гдѣ сказано, что гости должны покончить свои тяжбы предъ тысяцкимъ, старшинами и новгородцами и потомъ могутъ безпрепятственно ѣхать своею дорогою. Т. е. тяжбы не могутъ служить препятствіемъ къ выѣзду гостей; если тяжба

городѣхъ, то у тѣхъ свое тяже прашати, искати Новугороду не надобе. А тяжа на городы, а Нѣмчинъ свободь и Новогородци ([17]).

12. Оже придеть въ своеи лодьи въ нѣмецкои домовь ([18]), аче самъ не ([19]) поидьть въ неи опять мужь, дастъ кърмьнику ([20]).

13. Нѣмчина не сожати въ погребъ Новѣгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмчьхъ; нъ емати свое у виновата ([21]).

не могла быть окончена, то оканчивается на другой годъ. Если же и на другой годъ искъ не будетъ удовлетворенъ, то истецъ можетъ арестовать имущество отвѣтчика (за свой долгъ), объявивъ князю и людямъ. Въ дог. 1270 г. (ст. XVII) постановлено слѣдующее правило на такой случай: «Если возникнетъ споръ изъ за ареста имущества (pandinge—обезпеченіе имуществомъ иска), то въ первый годъ должно *объявить* объ этомъ, но товары не должны быть арестованы, такъ же и на второй годъ; но если споръ не рѣшится и на 3-й годъ, то должно взять товаръ и подвергнуть аресту»—

([17]) Предыдущее относится только къ тяжбамъ нѣмцевъ съ новгородцами; если нѣмецъ будетъ имѣть тяжбу съ русскимъ изъ другихъ земель, другихъ городовъ, то онъ долженъ просить суда у общественной власти тѣхъ земель, а не у Новгорода.

([18]) Т. е. къ Новгороду.

([19]) *Не* вставлено здѣсь можетъ быть по ошибкѣ вмѣсто: *ли*.

([20]) Эту испорченную переписчикомъ статью и С. М. Соловьевъ и И. Д. Бѣляевъ оставляютъ безъ перевода. Но, по сличенію съ договоромъ 1270 г., смыслъ ея ясенъ: за проводъ ладьи какъ въ Новгородъ, такъ и обратно, гость долженъ платить лоцману (котораго гости, идущіе въ Новгородъ, обязаны были требовать по приходѣ къ устью Невы. По договору 1270 г. лоцманъ за проѣздъ по Невѣ внизъ и опять вверхъ получаетъ на харчь 5 марокъ купъ или окороковъ, за проѣздъ отъ Новгорода до Альдагена и обратно 3 марки кунъ, или полъокорока, ст. VI.). Величина платы кормчему здѣсь не опредѣлена; вѣроятно разумѣлась плата, утвердившаяся обычаемъ.

([21]) За долгъ, т. е. по всякому не уголовному дѣлу (ст. X договор. 1270) нельзя сажать иноземнаго купца въ тюрьму; арестъ

14. Оже кто робу повержьть наспльемь, а не соромить, то за обиду гривна, пакы ли соромить, себѣ свободна ([22]).

15. Оже убьють таль (*заложника*) или попъ новгородцкое или нѣмецкъе Новѣгородѣ, то 20 грив. сер. за голову ([23]).

въ такомъ случаѣ простирается не на лицо, а на имущество. Сл. ст. 11. По догов. 1270 нельзя въ такомъ случаѣ ни посылать къ отвѣтчику бирича, ни брать за одежду; позволялось только требовать пристава у тысячскаго. Мѣры обезпеченія, примѣняемыя къ уголовному процессу, не могутъ имѣть мѣста въ процессѣ гражданскомъ.

([22]) Рабы, по Рус. Правдѣ, не считались правоспособными объектами преступленій (см. Кар. 102); здѣсь юридическій взглядъ на рабовъ становится гуманнѣе (сл. о правоспособности гражданской догов. 1229 ст. 2. и 12.). Покушеніе на насиліе наказывается одною гривною («за обиду»—уголовный штрафъ см. Рус. Пр. Кар. 29); за насиліе же рабѣ дѣлается такое же возмездіе, какъ и свободной. См. догов. 1229 ст. 18.

([23]) См. прим. къ ст. 2.

ДОГОВОРЪ СМОЛЕНСКАГО КНЯЗЯ МСТИСЛАВА ДАВИДОВИЧА СЪ РИГОЮ, ГОТЛАНДОМЪ И НѢМЕЦКИМИ ГОРОДАМИ 1229 ([1]).

Что ся дѣетѣ по вѣремьнемь, то отпде то по вѣрьмьнемь; приказано боудѣте добрымъ людѣмъ, а любо грамотою оутвердять, како то боудѣте всемъ вѣдомъ, или кто посль живыи останѣться ([2]). Того лѣта, коли Алъбрахтъ, влдка Рпзкии ([3]) оумьрлъ, оуздоумалъ Кпязѣ Смольнескыи Мьстиславъ, Двдвъ сынъ, прислалъ въ Ригоу своего лоучьшего попа Ерьмея ([4]) и съ нимъ оумьна моужа Пантелья пс своего города Смольнеска:

([1]) Есть другая редакція тогоже договора, которую обыкновенно принимаютъ за самостоятельный договоръ 1230 г. Мы воспользуемся въ примѣчаніяхъ тѣми особенностями ея, которыя представляютъ юридическій интересъ.

([2]) Обычная форма вступленія въ дипломатическіе и юридическіе акты среднихъ вѣковъ. Въ ней отражается сознаніе важности письменной формы для укрѣпленія актовъ. Люди, заключившіе договоръ, могутъ умереть; актъ остается непзмѣппымъ. См. прим. къ ст. 1 Догов. 1195. Отсюдаже видно значеніе добрыхъ людей (послуховъ, свидѣтелей сдѣлки), какъ средства замѣняющаго письменные акты. Сл. Рус. Прав. Ак. 14.—Граматическій смыслъ вступленія слѣд.: что дѣлается во времени, то и исчезаетъ во времени; но если «приказано» будетъ добрымъ людямъ или утверждено грамотою, то будетъ всѣмъ вѣдомо и тѣмъ, кто послѣ (насъ) въ живыхъ останется.

([3]) Знаменитый Альбертъ-епископъ рижскій и основатель гор. Риги и ордена Меченосцевъ.

([4]) Священники, въ тѣ времена единственный образованный классъ, были обыкновенно послами; вотъ почему въ догов. 1195 г. (см. ст. 15) и въ этомъ (см. ст. 6) посолъ и попъ упоминаются вмѣстѣ и ограждены одинаковыми гарантіями.

та два была послѣмъ оу Рнзѣ, нз Рнгы, ехалн а Гочкын берьго, тамо твердити мнръ ([5]). Оутвердили мнръ, что былъ немирно промьжю Смольньска и Рнгы, и Готскымь берьгомь всемъ коупчемъ. Пре сеи мнръ троудилися дъбрни людне: Ролфо нс Кашеля, Божи дворянинъ ([6]), Тоумаше Смолнянинъ ([7]), ажбы мнро былъ и дъ вѣка; оурядили пакъ мнръ, како было любо Роуси и всѣмоу Латинескомоу языкоу, кто то оу Роусе гостит. На томь мнроу, ажбы мнръ твьрдъ былъ, тако былъ князю любо и Рижанъмъ всемъ и всемоу Латинескомоу яѣыкоу и всемь темь, кто то на Оустоко моря ходить, ажбы нальзлъ правдоу то напсатн, како то держати Роуси съ Латинескымь языкомѣ, и Латинескомоу языкоу съ Роуспю то дѣржати аж быхмъ что тако оучнинли; того Богъ не дап, ажбы промьжю нами боп былъ, а любо члвка оубпють до смрти, како члвѣка то отплатити, ажбы мнръ не ръздроушенъ былъ: такъ платити, како то бы обоимъ любо былы ([8]).

Здѣ почннается правда: 1. Аже боудѣть свободѣ-

([5]) Миръ заключенъ съ Ливоніею (гор. Ригою и орденомъ Меченосцевъ), съ Готландомъ и нѣсколькими нѣм. городами (см. ниже подписи).

([6]) Раульфъ изъ Касселя, рыцарь духовнаго ордена.

([7]) По возвращенін пословъ (Еремѣя и Пантелѣя) прибылъ въ Смоленскъ посолъ нѣмецкій, который вмѣстѣ съ Тумашемъ Смольняниномъ редактировалъ въ Смоленскѣ этотъ трактатъ. Для ратификаціи онъ былъ отосланъ въ Ригу и Готландъ.

([8]) Чтобы этотъ миръ былъ твердъ, чтобы было хорошо князю, рижанамъ, всему народу латинскому и всѣмъ посѣщающимъ Балтійское море (Ostsee), рѣшились написать «Правду» (законъ), которой обязаны держаться русскіе относительно латинянъ, и латиняне относительно русскихъ, въ случаѣ какого либо правонарушенія; напр. если (чего не дай Богъ) случится между нами драка и убьютъ человѣка, то отплатить за того человѣка, чтобы міръ не былъ нарушенъ, чтобы выкупъ удовлетворялъ обѣ стороны.

ныи чловъкъ оубитъ, 10 гривенъ серебра за голъвоу (9).

2. Аже боудѣте холъпъ оубитъ, 1 гривна серьбра заплатити: оу Смольнѣскь, тако платити и оу Ризе и на Готскомь берьзѣ (10).

3. Око, роука, нъга, или инъ что любо, по пяти гривьнъ серьбра отъ всякаго платити: за окъ 5 серьбра, за рурокоу 5 серьбра, за нъгоу 5 серьбра, и за всякыи соуставъ пять гривьнъ серебра; за зоубъ 3 гривнъ серебра: и Смольньскь и оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ (11).

4. Кто биеть дроуга дѣревъмь, а боудѣте спинь, любо кровавъ, полоуторы гривны серебра платити емоу (12).

5. По оуху оударите, 3 четвѣрти серебра (13).

6. Послоу и попу что оучинять, за двое того оузяти, два платежя (14).

7. Аже кого оурянять, полоуторы гривны серебра, аже боудѣте безвѣка: тако платити оу Смолѣнеске и оу Ризѣ и на Гочкомь берьзѣ (15).

---

(9) См. Дог. 1195 ст. 3.

(10) За холопа 1 грив. серебра. См. тамъже ст. 14.

(11) Отнятіе руки, ноги и глаза есть *изувѣченіе,* которое и по Русской Правдѣ (Кар. 22) и по этому договору считается полу-убійствомъ и наказывается полувирьемъ (5 гр. сер.=20 гривнамъ кунъ, см. прим. къ ст. 2 догов. 1195).—Выбитіе зуба и по Рус. Пр. (Кар. 79) и здѣсь карается высшею продажею (3 грив. сер.=12 гривнамъ кунъ).

(12) За удары—побои здѣсь, согласно съ догов. 1195, полагается штрафъ вдвое большій, чѣмъ въ Рус. Правдѣ (Кар. 24), именно 6 грив. кунъ ($1^1/_2$ грив. сер.) вмѣсто 3-хъ.

(13) Ударъ рукою по лицу Русская Прзвда признавала психическимъ оскорбленіемъ и взыскивала высшую продажу—12 гр. (Ак. 3); теперьже превозмогаетъ понятіе о матеріальномъ физическомъ вредѣ и назначается только 3 гр. кунъ ($^3/_4$ гр. сер.).

(14) См. прим. ко 2-й ст. догов. 1199 г. и прим. 4-е ко вступленію въ договоръ 1229.

(15) За раны штрафъ возвышенъ вдвое сравнительно съ

8. Аже извинится Роусинъ оу Ризе, или на Гочкъмь березе, оу дыбоу его не сажати.

9. Аже извинится Латининъ оу Смольнѣскѣ, не мьтати его оу погрѣбъ, аже не боудѣтѣ пороукы, то оу жельза оусадить ([16]).

10. Аже латининъ дасть Роусиноу товаръ свои оу дълго оу Смольнске, заплатити Нѣмциноу пьрвѣе, хотя бы инъмоу комоу виноватъ былъ Роусиноу. Тако оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Готскомь березѣ ([17]).

11. Аже розгнѣвается князѣ на своего человѣка, а боудѣте винъватъ Немчицю Роусинъ, а отимьть князѣ все, женоу и дѣти оу холъпство, пѣрвое платити емоу Латинину, а потомь князю какъ любо съ своимъ члвкмъ. Такую правдоу възяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкъмь березѣ ([18]).

Рус. Пр. (Кар. 25): вм. 3 гр.—6, но съ прибавкою: если послѣдствіемъ раны будеть искалѣченіе.

([16]) Здѣсь имѣется въ виду арестъ по дѣламъ уголовнымъ (см. прим. къ ст. 13 договор. 1195). Дыба, употребляемая у нѣмцевъ, и погребъ (подземная тюрьма) русскихъ, считаются одинаково тяжелыми и позорными: вмѣсто нихъ, въ отношеніи къ иностранцамъ, примѣняется «желѣзо» (цѣпи), если за преступника не будетъ поруки. Здѣсь мы видимъ всѣ средства, употреблявшіяся въ древнѣйшее время, для пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ суда и находимъ, что между ними порука была главнымъ и конечно наиболѣе примѣняемымъ.

([17]) См. Рус. Прав. Кар. 69.

([18]) Если князь обратитъ кого—либо въ рабство за преступленіе (это одинъ изъ видовъ «потока». См. Кар. 5, 31, 97) и конфискуетъ имущество вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, то изъ этого имущества прежде всего слѣдуетъ удовлетворить по обязательству обращаемаго въ холопство латинянину; а потомъ уже князь пусть поступаетъ съ холопомъ какъ хочетъ. Тоже имѣетъ силу въ Ригѣ и на Готландѣ.—Нѣтъ сомнѣнія, что тоже правило дѣйствовало и внутри Руси, т. е. обязательства, не только возникающія изъ преступленія, но и изъ договоровъ, получали

12. Аже Латининъ дасть княжю хълопоу въ заемъ, или инъму доброу члвкоу, а оумрете не заплативъ, а кто емлть его остатъкъ, томоу платити Немчиноу. Такова правда оузяте Роусину оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ (18).

13. Роусиноу не оупирати Латинина однемь послу-

удовлетвореніе при конфискаціи имущества преступника и обращеніи его въ рабство.

(18) Эта важная ст. о переходѣ обязательствъ на наслѣдника имѣетъ сходство съ постановленіемъ Саксонскаго зерцала: Wer nun das Erbe nimmt, der solle die Schuld zahlen, also fern, als ihm im fahrender Habe wird; однако перваго нельзя считать заимствованіемъ изъ этого послѣдняго уже по той простой причинѣ, что Саксонское Зерцало составлено около 1230 г. Правда, составитель его собралъ въ немъ постановленія обычнаго права и отдѣльные уставы разныхъ законодательныхъ властей, давно уже дѣйствовавшіе на практикѣ; но все содержаніе Правды 1229-го года доказываетъ въ ней совершенное преобладаніе русскаго права (напр. въ уголовныхъ возмездіяхъ). Далѣе нѣмецкое право обращаетъ взысканіе только на наслѣдника движимостей; настоящаго же наслѣдника (наслѣдника твердой собственности) не привлекаетъ къ отвѣтственности; тогда какъ русское право разумѣетъ наслѣдника въ юридическомъ смыслѣ (слово «остатокъ»—въ значеніи наслѣдства, въ спискѣ договора 1230 г. замѣнено словомъ «задница»). Уже Рус. Правда по поводу частнаго случая постановила тоже общее правило. См. Кар. 115. и прим. къ ней.—Эта статья предоставляетъ княжему холопу гражданскую правоспособность наравнѣ съ «добрымъ человѣкомъ»: право собственноти, право входить въ обязательства и право наслѣдованія. Это совершенно противорѣчитъ, повидимому, какъ Рус. Правдѣ (Кар. 127, 128, 130), такъ вообще духу древняго права. Но это противорѣчіе изъясняется тѣмъ, что здѣсь рѣчь идетъ о *княжемъ* холопѣ: исторія показываетъ, что этотъ родъ холоповъ съ теченіемъ времени пріобрѣталъ не только равную съ свободными людьми правоспособность, но и высшую, составивъ зерно привилегированнаго, дворянскаго класса. Правда, чрезъ то холопъ переставалъ быть холопомъ въ юридическомъ смыслѣ, но долго не утрачивалъ этого имени.

хомъ, аже не боудѣтѣ двою послохоу, одиного Немчича, а дроугого Роусина, добрыхъ людии. Тако Латинину не пьрьпрети Роусина, аже не боудѣть послоуха Роусина, а дроугого Немчина оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ ([20]).

14. Роусиноу не вѣсти Латинина ко желѣзоу горячемоу, аже самъ въсхочетѣ. А Латининоу тако Роусина не вести, аже самъ въсхочете ([21]).

15. Роусиноу не звати Латина на полѣ биться оу Роускои земли; а Латининоу не звати Роусина на полѣ битося оу Ризѣ и на Готскомь березѣ ([22]).

16. Аже Латинескии гость бпеться мьжю събою оу Роускои земли любо мьчемь, а любо дѣревьмь, князю то не надобе, мьжю събою соудити. Тако, аже Роускии гость бпеться оу Ризѣ или на Гочкомъ березе, Латине то не надъбѣ, а те промьжю събою оурядятеся ([23]).

([20]) Одностороннее свидѣтельство не принимается за окончательное судебное доказательство. См. догов. 1195, ст. 9 и прим. къ ней.

([21]) Это—особенность, возникшая изъ международныхъ отношеній; по Рус. Правдѣ можно было вести къ желѣзу «изневоли». Слѣд. процессъ между русскими и нѣмцами заканчивался ротою. Это послѣднее упоминаніе объ ордаліяхъ у насъ (см. о нихъ Рус. Пр. Кар. 17 и 100).

([22]) Тоже значеніе (привилегій иноземцамъ) имѣетъ и эта статья: никто не можетъ вызвать на поединокъ иноземца на землѣ чужой для него. Отсюда можно вывести, что въ отечествѣ вызываемаго поединокъ могъ состояться (т. е. если русинъ вызвалъ бы нѣмца въ нѣмецкой землѣ, или нѣмецъ русина въ русской землѣ). Это первое упоминаніе о суд. поединкахъ въ нашихъ юридическихъ памятникахъ; но о существованіи ихъ у насъ съ древнѣйшихъ временъ есть стороннее свидѣтельство: арабскихъ писателей: Мукаддези (11-го в., см. у Погод. «Изслѣдов., зам. и лек». III. 384), Ибнъ—Дастъ (нач. X. в. въ журн. М. Н. Пр. 1868. Дек.).

([23]) Суд. поединки нѣмцевъ между собою могутъ совершаться безъ вмѣшательства русскаго князя (т. е. онъ не полу-

17. Аже застанете Роусинъ Латинескаго человѣка своєю женъю, за то платити гривьнъ 10 серебра. Тако оучинити Роусиноу оу Рнзѣ и на Гочкомь берьзѣ платити (24).

18. Аже Латинескын человѣкъ оучинит насилье свободнь жене, а боудѣть пьреже на нен не былъ сорома, за то платити гривенъ 5 серебра. (25). Тая правда оузяти Роусиноу оу Рнзѣ и на Готескомь березе. Аже боудѣте пьрвѣе на нѣн съръмъ былъ, взяти ен гривна серьбра за насилие (26).

19. Аже насилоуеть робѣ, а боудоутъ на него послоуси, дати емоу гривна серебра (26). Такова правда

чаетъ съ нихъ пошлинъ).—Вообще тяжбы иноземцевъ между собою на чужой сторонѣ рѣшаются не общественною властію той земли, а самими иноземцами (ихъ старшинами торговыхъ каравановъ).

(24) Большая часть древнихъ законодательствъ (и римское въ томъ числѣ) отличаются чрезвычайною строгостію къ преступленію прелюбодѣянія, дозволяя оскорбленному личную расправу на мѣстѣ преступленія. Русское право снисходительнѣе: оно не позволяетъ кровавой расправы, хотя денежный штрафъ за прелюбодѣяніе (10 гр. сер.=40 гр. кунъ) равняется штрафу за убійство свободнаго человѣка (см. выше ст. 1).

Какъ объ этомъ такъ и другихъ видахъ т. н. *плотскихъ преступленій* Рус. Правда не упоминаетъ вовсе; это можетъ служитъ доказательствомъ: а) того, что церковные уставы, по которымъ преступленія этого рода отданы суду церкви, дѣйствительно выражали дѣйствовавшее тогда право; б) того, что сборники Русской Правды составились для практическаго употребленія въ судахъ, и потому обходили все то, что къ свѣтскимъ судамъ было непримѣнимо.

(25) Здѣсь разумѣется не простое насиліе, а обезчещеніе и, конечно, растлѣніе. Штрафъ въ 20 грив. кунъ (5 гр. сер.) равняется полувирью, которое по Рус. Правдѣ платилось за убійство женщины (см Кар. 101).

(26) См. Догов. 1195 ст 14. Здѣсь опять насиліе свободной женщинѣ и рабѣ карается одинаково.

оузяти Роусиноу оу Рнзѣ и на Гочкомь березѣ.

20. Аже мьжю Роусиномъ и Латинескъмъ свяжеть дроугъ дроуга без вины, за то платити 3 гривны сербра ([27]).

21. Аже боудѣте Роусиноу платити Латинескомоу, а невъсхъчеть платити, то ть Латнескомоу проспти дѣтскаго оу тиоуна. Аже дасть наемъ дѣтьскомоу, а не исправить за 8 днн товара оу Роусина, то ть дати емоу на събѣ пороука ([28]).

22. Аже Смолняне не дадоуть емоу въль, Смолнянъмь платити самымъ дългъ платити. Тая правда оузяти Роусиноу оу Рнзѣ и на Гочкомь березе.

23. Аще тиоунъ оуслышить —Латинескын гость пришелъ, послати ему люди съ колы ([29]) пьревѣсти товаръ, а не оудѣржати емоу; аже оудѣржить, оу томь ся можете оучинити погоуба ([30]).

([27]) См. Дог. 1195 ст. 4 (3 гр. сер.=12 гр. кунъ).

([28]) См. прим. къ ст. 13 Догов. 1195 г. Постановленія договора 1270 г.. о порядкѣ взысканія долга дополняются здѣсь тѣмъ что дѣтскій (приставъ) тіуна (въ Новгородѣ тысяцкаго) долженъ взыскать въ продолженіи 8 дней; если въ этотъ срокъ долгъ не будетъ взысканъ, и тогда къ должнику неприменяются мѣры, употребляемыя противъ преступниковъ (погребъ, дыба желѣза, биричъ. См. выше ст. 8—9) а только поручительство.

([29]) Съ телѣгами (коло—колесо).

([30]) Редакція 1230 г. поясняетъ это такъ: волоцкій тіунъ, услышавъ о прибытіи на волокъ нѣмецкихъ гостей или смольнянъ, долженъ послать немедля своего человѣка къ волочанамъ (съ приказаніемъ), чтобы они (волочане) перевезли нѣмцевъ или смольнянъ съ товаромъ ихъ и охраняли ихъ отъ опасности, потому что смольняне и нѣмцы терпятъ (на волокѣ) большой вредъ отъ «погани» (разумѣются мож. б. язычники Литовцы, или шайки разбойниковъ). Здѣсь разумѣется волокъ между З. Двиною и Днѣпромъ, или точнѣе—притоками той и другой рѣки. Это охраненіе торговли, особенно въ мѣстахъ перегрузкн или выгрузки было первоначальнымъ основаніемъ для введенія *мыта*

24. Которыи Вълъчанинъ възмьть Латиньскыи товаръ чересъ Вълькъ вѣсти, а что погыпеть отъ того товара, что емоу приказано, то платити всемъ Вълъчанъмъ. Тая правда Роуси оузяти оу Рнзѣ и аа Гочкомь березѣ ([31]).

25. Аже Латинескии придѣть къ городу, свободно емоу продавати, а противоу того не молвити никому же. Тако дѣлати Роуси оу Рнзѣ и на Гочкомь березе ([32]).

26. Аже Латинескии оусхочетъ ехати и Смольнеска своимь товаромъ въ иноу стороноу, про то его князю не дѣржати, ни иномоу никомоу же. Тако Роусиноу ехати изъ Гочкого бѣрѣга дъ Травны ([33]).

27. Аже Роусинъ коупить оу Латинеского члвка товаръ, а възмьть собѣ, то ть Латинескомоу не взяти товара наоуспять, Роусиноу томоу платити. Тако Роусиноу не оузяти оу Латинеского товара своего опять, платити емоу ([34]).

28. Роусиноу не звати Латинеского на иного Князя соудъ, лише предъ Смольнеского князя, аже самъ въсхочете, тъ ть идѣте. Тако Латинескомоу не звати Роусина на

(сл. ниже ст. 34), который, слѣд., возникъ не изъ финансовыхъ цѣлей, а цѣлей благоустройства.

([31]) Всѣ волочане составляютъ ассоціацію, которая отвѣчаетъ за всякую потерю товара при перевозкѣ: наглядное объясненіе необходимости круговой поруки въ тѣ времена не только въ сферѣ экономической, но и относительно дѣлъ уголовныхъ.

([32]) Городомъ (безъ прибавленія собств. имени) называется правящій городъ, здѣсь—Смоленскъ (какъ прямо и сказано въ редакціи 1230 г.): доказательство того, что городская организація есть основаніе общественаго быта русскихъ того времени

([33]) «Въ ину сторону»—въ другія русскія земли, подобно тому какъ изъ Готланда въ Траве (по ред. 1230 г.: въ Любекъ —въ нѣмецкую землю). Очевидно были случаи, когда пріѣхавшихъ гостей заставляли силою и съ меньшею для нихъ выгодою продавать товары, не позволяя везти ихъ дальше.

([34]) Ред. 1230 г. признакомъ окончанія сдѣлки считаетъ то,

иныи соудъ ([35]), лише оу Ригоу и на Гочкыи берего ([36]).

29. Роусиноу не ставити на Латинеского дѣтьского не явивъше старость Латинескомоу: аже не слоушаетъ старосты, то ть можеть на него дѣт(с)кого приставити. Тако Латинескомоу на Роусина не ставити бирица оу Ризѣ, ни на Гочькомь бѣрезѣ ([37]).

30. Латинескомоу есть вълно оу Смольнеске, которыи товаръ хъчьть коупити, бес пакости. Тако дѣлаити Роусь оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ ([38]).

31. Латинескомоу не ехати на вьиноу съ княземь, ни съ Роусию, аже самъ хъчьть, тотъ ѣдеть. Тако Роусиноу не ехати съ Латинескымь на вьиноу, ни оу Ризѣ, ни на Гочкомь березѣ; аже хочеть самъ, тъ ть ѣдѣть ([39]).

32. Которыи Роусинъ, или Латинескыи имьть татя, надъ тѣмь емоу своя вля, камь его хочеть, тамъ дѣжеть ([40]).

что товаръ «понесенъ изъ двора»; такой товаръ не ворочается. Договоръ купли—продажи, совершаемый неформальнымъ порядкомъ, считается состоявшимся если вещь передана во владѣніе покупщика; на этого послѣдняго падаетъ уже обязательство уплаты (а не возвращенія вещи).

([35]) По ред. 1230 г.: «на обчии соудъ». См. прим. къ 1-й ст. Догов. Игоря.

([36]) Подъ «иными князьями» разумѣются князья пригородовъ Смоленской земли. Это доказательство судебной власти князей; князья—судьи по преимуществу, но не единственные и не исключительные. См. ст. 33.

([37]) См. прим. къ ст. 13 догов. 1195, и 21 ст. этого договора.

([38]) Дополненіе къ ст. 25.

([39]) Итакъ даже и въ XIII в. были попытки смотрѣть на пріѣзжихъ гостей, какъ на временныхъ гражданъ и заставлять ихъ участовать въ военныхъ походахъ. Эта статья объясняетъ ст. 10 догов. Олега съ Греками, гдѣ, слѣд., рѣчь идетъ не о плѣнникахъ, а гостяхъ русскихъ въ Византіи.

([40]) Буквальный смыслъ этой ст.—предоставленіе хозяину

33 Ни одиномоу же Роуспноу не дати пересоуда оу Ризѣ ни на Гочкомь березѣ; тако Латинескомоу оу Роускои зѣмли не дати пересоуда никомоуже. Которое ороудие докопечано боудѣть оу Смолнескь мьжю Роусию и мьжю Латинескимь языкомь, пьредъ соудиями и пьредъ добрыми людми; боль того не починати оу Ризѣ и на Гочькомь березѣ; а что боудѣть дъкончано оу Ризѣ и на Гочкомъ берьзе, перьдъ соудпями и пьрьдъ добрыми людми, того оу Смольнскѣ не починати ([41]).

34. Всякомоу Латинескомоу члвкоу свободѣнъ путе из Гочкого берега до Смолнеска без мыта. Тая правда есть Роуси изъ Смолнеска до Гочкого берега ([42]),

35. Како тако боудѣте, како придоуть Латинескии гость оу городъ с Волока, дати имъ княгини поставъ частины, тиоуноу на Вълъцѣ дати роукавицѣ, ажбы товаръ пьревьзлъ без дѣржания.

вещи полнаго произвола надъ воромъ пойманнымъ на мѣстѣ преступленія: убить, обратить въ рабство или, простивъ, освободить отъ уголовнаго взысканія, рѣшительно противорѣчитъ постановленіямъ договора Олега (ст. 6.), Русской Правды (Ак. 38, Кар. 37), и вообще духу древняго русскаго права. Очевидно здѣсь нужно подразумѣвать такія же ограничительныя условія, какія указаны въ догов. Олега и Рус. Правдѣ.

([41]) Дѣло, оконченное въ одной странѣ, не можетъ быть начато въ другой. Добрые люди на судѣ князя имѣютъ значеніе а), свидѣтелей суда, т. е. замѣняютъ собою грамоту судебнаго приговора, б), живаго кодекса законовъ, т. е. выразителей и знатоковъ обычнаго права, и наконецъ в), судей, участвующихъ въ самомъ приговорѣ. Впослѣдствіи они называются судными мужами, наконецъ цѣловальниками. Это зародышъ суда присяжныхъ. Сл. Новгор. Суд. Грамоту. По ред. 1230 г. «или оу князя, ими оу тивоуна, или орядили боудоуть добрии мужи.»

([42]) Т. е. мытъ не платился въ дорогѣ, а только въ крайнихъ предѣлахъ пути—Смоленскѣ и Готландѣ. Сл. прим. къ ст. 23 и ст. 35-ю.

36. Латинескомоу дати отъ двою капию въску вѣсцю коуна смольнеская ([43]).

37. Коупить Латинескын гривноу золъта, даст вѣсити, дати емоу вѣсцѣ ногата смольнеская. Аже продасть, не дати ничего же.

38. Аже Латинскін коупить соуды ([44]) серебреные, дати емоу вѣсцю отъ гривны серебра по ногатѣ смольнеской. Аже продасть, не дати ничего же.

39. Аже Латинескин коупить гривноу серебра, дати емоу вьсцю двѣ векши. Аже продасть, не дати ничего же.

40. Аже Латинескин дасть серебро пожигати, дати емоу отъ гривны серебра коуна смольнеская.

41. Аже капь, чимь то весятѣ, излъмльна ([45]) боудъте, а любо льгче боудѣть, то ть споускати обѣ в— ъдино мьсто, что лѣжить оу св. Богородице на горе, а дроугая оу Латинескои цркви, обѣ ровнати ([46]).

([43]) *Въсчее* и *помърное* вмѣстѣ съ мытомъ составляютъ древнѣйшіе роды косвенныхъ налоговъ. Ихъ первоначальная цѣль не финансовая: пошлина идетъ въ пользу вѣсца за трудъ, именно съ покупщика, а не продавца, такъ какъ взвѣшиваніе и измѣреніе производится въ интересахъ покупателя, который хочетъ знать точно цѣнность покупаемой вещи. «Капь»-по ред. 1230 г. «вощный пудъ« (единица вѣса воску).

([44]) Сосуды.

([45]) Изломлена.

([46]) Въ каждомъ городѣ въ центральной церкви хранились образцовыя единицы вѣса и мѣры. (Вѣсъ и мѣра, считаясь дѣломъ совѣсти, отданы были подъ вѣдѣніе церкви уставами Владиміра и Ярослава, но впослѣдствіи перешли въ завѣдованіе гражданской власти). Въ городахъ, гдѣ были иностранные торговые дворы, другой экземпляръ образцовой единицы вѣса хранился къ католической церкви. Съ этими образцами сличались рыночные пуды въ случаѣ порчи; по ред. 1230 г.: «аще ся вощный пудъ исказить, лежить капь въ стое Бце на горѣ, а другая въ немецьскои Бци, то темь пудъ извѣряче право оучинити.»

42. Аже Латинескыи гость Смолняны пріедѣть на Вълъкъ, то ть мытати жеребѣи, како напьрьдъ вѣсти ко Смольньскоу. Аже боудоуть людие из—ыное земль, тьхъ посль вѣсти. Тая правда оузяти Роуси оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ (47).

43. Пискоупъ ризскии, Мастьръ божихъ дворянъ, и вси земледѣржци, ти дають Двиноу свободноу, от вьрхоу и до низоу въ мъре и по въдѣ и по бѣрегоу всемоу Латинескомоу языкоу и Роуси, кто правыи коупьчь есть, от моря даемо свободно, кто хочете по Двине ехати оу вьрхъ или оу низъ (48).

44. Оу кого ся избиеть оучанъ, а любо челнъ, Б(ог)ъ того не дан, или оу Роусина, или оу Латинескаго, оу тѣхъ вълъсти, кто сю свободоу далъ, товаръ его свобонъ, на водѣ и на березѣ бес пакости всякому; товаръ иж то потоплъ, брати оу мьсто своею дроужиною из воды на берего. Аже падобѣ емоу болше помъчи, то ть напмоуи при послоусѣхъ, кто былъ тоу, то боудѣте послоухъ, что имъ посоулишь, то дан, а болѣ не дан (49).

Тая правда Латинескомоу възяти оу Роускои земли оу вълъсти князя смольнеского и оу полотьского князя

---

(47) Если нѣмцы пріѣдутъ на Волокъ вмѣстѣ со смольнянами, то броснть жребій—кого напередъ вести въ Смоленскъ (нѣмцевъ, или смольнянъ). Но если на Волокѣ съѣдутся (съ нѣмцами) гости изъ другихъ русскихъ земель, то тѣхъ послѣ вести.

(48) Рижскій епископъ, магистръ ордена меченосцевъ и всѣ владѣльцы (земель по Двинѣ) дозволяютъ безпрепятственный проходъ по Двинѣ отъ верху до устья какъ нѣмцамъ, такъ и русскимъ, но только тѣмъ, которые дѣйствительно занимаются торговлею, (а не прикрываютъ видомъ торговли военныя или пиратскія намѣренія).

(49) Статья, опять напоминающая договоръ Олега съ Греками (ст. 8). И теперь, въ XIII в., еще считаютъ нужнымъ гарантировать потерпѣвшихъ кораблекрушеніе отъ хищничества прибрежныхъ жителей, а можетъ быть и отъ конфискаціи въ пользу

вълъсти и оу витьбескаго князя вълъсти ([50]).

Коли ся грамота писана, ишлъ былъ от Ржтва Гня до сего лѣта 1000 лѣто и 200 лѣто и 8 лѣто и 20, подъ пискоупомь ризкимь ([51]), Провстъ Яганъ ([52]), Мастьръ Вълкьенъ ([53]), Бжии дворянинъ, и подъ горожаны ризѣскими, прѣдъ всеми Латинескими коупци. Ся грамота оутвьржена всехо коупьче пьчатию. Се ороуде исправили ([54]) оумии коупчи: Регньбодѣ, Дѣтяртъ, Адамъ, то бы-

---

прибрежнаго владѣльца. Затонувшій товаръ хозяинъ вытаскиваетъ на берегъ при помощи своей «дружины»; еслиже потребуется сторонняя помощь, то хозяинъ пусть нанимаетъ людей при свидѣтеляхъ изъ тѣхъ, которые присутствовали при этомъ. (Это для того, чтобы послѣ не было притѣсненій человѣку потерпѣвшему несчастье, а съ другой стороны, чтобы онъ самъ не отрекся послѣ, посуливъ во время бѣдствія большую цѣну). Договоръ личнаго найма для исполненія извѣстнаго дѣла заключался обыкновенно не формальнымъ порядкомъ (см. Пск. Суд. Гр. ст. 38).

([50]) Эти послѣднія строки должны считаться отдѣльною заключительною статьею; онѣ относятся не къ одной статьѣ о крушеніи судовъ, а къ цѣлой Правдѣ. Въ такомъ смыслѣ онѣ очень важны, показывая, что постановленія договора 1229 года, совершенно сходныя съ постановленіями Русской Правды, имѣли силу во всей Сѣверо—Западной Руси. По сличенію же съ договоромъ Новгородскимъ 1195 г. оказывается, что въ XII и XIII вв. вовсей Руси господствовало одно и тоже обычное право, именно то, которое выражено въ Рус. Правдѣ.—Какимъ образомъ Витебская и Полоцкая земли привлечены къ договору, участвовали ли при заключеніи его ихъ послы, или Смоленскій Князь былъ уполномоченъ договариваться за нихъ особымъ договоромъ,—рѣшить трудно.

([51]) При Николаѣ—по ред. 1230 г.

([52]) При попѣ Іоаннѣ—по редак. 1230 г.

([53]) При магистрѣ ордена Фолкоунѣ, по ред. 1230 г.

([54]) По ред. 1230 г. лица, перечисляемыя дальше, суть послухи сдѣлки: «а се же соуть послоуси томоу речемъ...» Всѣ имена въ обѣихъ редакціяхъ однѣ и тѣже, но измѣненныя въ правописаніи. Это можетъ служить доказательствомъ, что редак-

ли горожане на Гочкомь березе; Мьмьбернь, Вредрикъ, Доумбѣ, ти были из Любка; Гиндрикъ Готь, Илдигьрь, та два была исъ Жата; Конратъ Шхель, одѣ Ягантъ Кинть, та два была изъ Мюнсьтьря; Бернярь, одѣ Вълкерь, та два была изъ Грюнигь; Ермьбрьхть, одѣ Албрахтъ, та два была изъ Дортмьня; Гиндрикъ Цижикъ из Бремьнь, Албрахтъ Слоукь, Бернятъ, одѣ Валтьрь, одѣ Албрахтъ Фоготь, то были горожане оу Ризѣ. и инехъ много оумныхъ добрыхъ людиѣ. Которыи Роусинъ, или Латинескыи противоу сею правды мълвить, того почьстн за лихли моужь. Ся грамота есть выдана на Гочкомь берьзѣ пьрьдъ Роускимь посломь и пьрьдъ всеми Латинескими коупци ([55]).

ція 1230 г. не есть отдѣльный договоръ. Подписавшіяся здѣсь лица имѣютъ значеніе не только послуховъ: нужно думать, что онѣ были представителями ганзейскаго союза, что рижскій епископъ и магистръ ордена заключали договоръ по такому же уполномоченію отъ цѣлой Ганзы, какъ Смоленскій князь отъ всей Сѣверо-западной Руси. На это именно наводитъ то обстоятельство, что подписали договоръ купцы изъ различныхъ городовъ ганзейскаго союза: 3 отъ Готланда, 3-изъ Любека 2-изъ Жата (по ред. 1230—изъ Жюта Жата), 2-изъ Мюнстера 2-изъ Грюнинга (по ред. 1230 изъ «Граули»), 2-изъ Дортмина (по ред. 1230—«Дротмипы»), 1-отъ Бремена, 4 или 5 отъ Риги.

([55]) Проэктъ договора, составленный въ Смоленскѣ, былъ утвержденъ въ Готландѣ и выдана русскимъ посламъ эта копія его съ нѣм. стороны. За тѣмъ конечно въ Смоленскѣ выдава нѣмецкимъ посламъ другая копія его съ русской стороны, съ подписями русскихъ властей и послуховъ конечно на нѣмецкомъ языкѣ. Но этой копіи мы не имѣемъ.

Литература: Договоръ 1195: Извѣстія Академіи наукъ Т. VI 155—166.

Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами № 2.

Договоръ 1229: Собраніе государств. грамотъ и договоровъ. Т. II. №. 1. (съ ркп. Рижскаго городскаго Архива).

Редакція его 1230: Истор. Госуд. Росс. Карамзина Т. III. прим. 248. (съ пушкинскаго списка).

Русскія Достопамятности Ч. II. стр. 245—273.

Объ редакціи: Tobien, Sammlung kritisch—bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russichen Rechtes. B. II. 49—72.

Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго-русскаго права (Утина и Лазаревскаго) стр.17—34 (съ Тобиновскаго синоптическаго изданія).

Христоматія по русской исторіи Н. Я. Аристова с. 751—759. (здѣсь напечатанъ договоръ 1195 и редакція 1229 Смоленскаго договора,—послѣдняя съ синоптическаго изданія Тобина, причемъ измѣненный для синопсиса съ ред. 1230 г. порядокъ статей сохраненъ почему-то и въ изданіи Н. Я. Аристова).

Договоръ Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ 1270 (приводимый у насъ въ примѣчаніяхъ) напечатанъ

1. Лаппенбергомъ въ сочиненіи Сарторіуса: Urkundliche Geshichte des Ursprunges der Deutschen Hanse. 2 Band. № XXXII.

2, Въ Codex juris diplomaticus Lubecensis. №. 317.

3, Тобиномъ въ упомянутомъ соч. с. 85—94.

4, Бунге: Liv-Esth-und Kurländisches Urkundenbuch 1 B. Reval 1853 №№. CDXIII, CDXIV.

5, Вполнѣ научное изданіе его представилъ И. Е. Андреевскій въ сочин.: О договорѣ Новгорода съ нѣм. городами и Готландомъ Спб. 1855.

ДУХОВНАЯ НОВГОРОДЦА КЛИМЕНТА.

XIII в.

Роукописанье.

Въ имя Отца и Сына и стго Духа. Се азъ рабъ божии Климянтъ даю стмоу Гергью и игоуменоу Варламоу (1) и всеи братьѣ, что възялъ есмь 20 гривнъ серебра на свои роукы стго Гергья, было ж бы ми чимъ заплатити (2). Даю за все за то два села съ обильемь и съ лошадьми и съ боръ тью и съ малыми селищи, и пьнь и колода одерьнь (3) стмоу Гергью, а заводникъ (4) сусѣдъ мои Опаль. А Калистоу (5) есмь далъ Микшинь-

---

(1) Имя игумена Варлаама (равно какъ и почеркъ рукописи по словамъ издателя ея И. И. Срезневскаго) опредѣляютъ время написанья этого завѣщанія: Варлаамъ игуменъ Юрьевскаго Новгородскаго монастыря скончался 1270 г.

(2) Т. е. даю Св. Юрію, чтобы заплатить этимъ за тѣ 20 гривенъ, которыя я занялъ у св. Юрія. Изъ этого можно было бы заключить, что въ духовной содержится не назначеніе наслѣдника, а простое распоряженіе о расплатѣ долговъ. Но изъ дальнѣйшаго оказывается, что а) монастырь назначается наслѣдникомъ потому только, что у завѣщателя не было «ни брата ни сына»; б) отказанное монастырю имущество далеко превышаетъ долгъ ему завѣщателя. Очевидно завѣщатель свободно избралъ себѣ *главнаго наслѣдника* въ лицѣ монастыря; так. обр. духовная, при неимѣніи наслѣдниковъ по закону, сближается, по своему значенію, съ тестаментомъ.

(3) Въ полную собственность.

(4) Заводникъ-указатель границъ (И. И. Срезневскій).

(5) Эти лица (Каликстъ, Андрей, Володиславъ Даниловичъ

ское село съ огородомъ и съ борътью; а Воиновоу ([5]) сынови Андъдрѣю даю Самуиловьское село и пынь и колодоу и съ борътью. Тоже есмь не даромъ далъ,—платилъ за мене Данило и Воинъ искоупъ Литовьскыи. Володиславоу Данииловичю ([5]) даю сивыи жеребець, а Василю братоу даю щитъ Въиновьскыи ([6]), оже Вельяминовьскыи жеребечь. А свою женоу приказываю игуменоу Варламоу и всеи братьи. А изъ свиней из монхъ Самоуилѣ дайте боровъ лоутьшии; а въ скотѣ—въ овцяхъ и въ свиньяхъ розделить съ женою моею на полы ([7]), а жена моя пострижеться въ чернице, есть еи чимъ ся пострици, и дворъ городьскыи еи же даю, а проче клапяюся игуменоу и всеи братье, а жена моя пострижеться въ чернице, то вы дайте еи четверть ([7]), оть не боудеть голодна, или того не въслоушаеть, а нѣчто мѣншее дадите еи. Хотя подо мною что останѣться или лошакъ или ороужье, то все даю сѣму Гергью ([8]). А про куны,

---

и Василій) суть наслѣдники не главные, привходящіе: они получаютъ части имущества, а не дѣлаются представителями всей имущественной личности наслѣдодателя, какъ наслѣдникъ главный. См. прим. 7 и 8.

([6]) Т. е. щитъ, доставшійся отъ Воина завѣщаю брату его Василію.

([7]) Жена послѣ мужа не наслѣдуетъ: ей назначается часть на прожитокъ, именно изъ движимыхъ вещей (скота) половина, изъ недвижимости четверть. Этотъ выдѣлъ женѣ и право уменьшать его предоставляется главному наслѣднику—монастырю (за исключеніемъ части, выдѣленной самимъ мужемъ т. е. двора городского). Постричься въ черницы представляется какъ бы обязанностью вдовы.

([8]) Т. е. всякое имущество, прямо не поименованное въ завѣщаніи, тѣмъ самымъ ниспадаетъ на главнаго наслѣдника.

Здѣсь оканчивается первая часть духовной, посвященная опредѣленію вещныхъ правъ завѣщателя. Далѣе во второй части ея заключается, какъ обыкновенно во всѣхъ духовныхъ, изображеніе правъ его по обязательствамъ (активъ и пассивъ)

чимъ то ми ся было вамъ платити,—въ купѣцьскомъ сътѣ ([9]) оу Фомы 8 гривнъ възмите, а оу Борькы 4 гривне, оу Фомы оу Моръшня особьнеи 2 гривне безъ 2-ю ногатоу, а на поральскоэ серебро наклада ([10]) възяти Климяте на Борьке 13 ногате и гривна, а оу Савиниця съимати Климяте съ Боркою пять гривнъ, а въ томъ Борьке третина, а оу Козѣ - вътъши 2 гривне Климяте възяти, а оу Микифорця 40 резанъ, а Жихневе дан.... оу Хотьвита взяти Климяте гривна солоныхъ коупъ, оу...ъчьня полъ гривны, у Къзя...а полъ гривны, на Дуранѣ 7 гривнъ, оу Михальця полъ гривне, у Еремея безъ 10 резанъ 2 гривне, у Гюрьгя 13 ногате, у Климяте гривна, у...тьше гривна. И ли кто почнеть ся запирати того, тъ станеть со мною передъ Богомь; а ты, Варламе, исрпави ([11]).

Того дѣля написахъ, за нъ да ([12]) не было оу мене брата, ни сыноу; аже кто въступить на сю грамоту,

---

([9]) *Сто* – торговая ассоціація Новгородскихъ купцевъ.

([10]) Процентовъ.

([11]) Права по обязательствамъ завѣщателя переходятъ къ одному главному наслѣднику и переходятъ не потому, что переданы ему въ завѣщаніи особымъ распоряженіемъ, а потому, что онъ—главный наслѣдникъ. Перечень ихъ въ завѣщаніи дѣлается съ тою же цѣлію, съ какою подробно исчисляются въ немъ и вещи, оставляемыя завѣщателемъ, т. е. съ цѣлію дать наслѣднику ясное понятіе о границахъ правъ и обязанностей, въ которыя онъ вступаетъ. Духовная есть инвентарь имущества, но не только инвентарь.

([12]) Потому написалъ я это, что («за не да») не было у меня ни брата, ни сына. Это не слѣдуетъ понимать такъ, что завѣщатель не оставилъ бы рукописанія, еслибы у него былъ сынъ, или братъ; такою оговоркою завѣщатель хочетъ сказать, что не завѣщалъ бы стороннимъ лицамъ своего имущества, если бы у него были ближайшіе родственники. До насъ дошло много рукописаній, написанныхъ въ пользу ближайшихъ родственниковъ—наслѣдниковъ по закону.

да не со мною съ однымъ станеть прѣ Богомь, съ всимь моимъ племенемь ([13]).

(Свѣдѣнія и зам. о малоизвѣстныхъ и неизвѣст. памяти. Срезневскаго. Спб. 1867. II 38—42).

([13]) Со всѣмъ родомъ, послѣднимъ представителемъ котораго былъ завѣщатель. Ни какихъ свидѣтелей и ни какихъ слѣдовъ явки на этомъ рукописаньи нѣтъ.

УСТАВНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ДИМИТРІЕВИЧА, ДАННАЯ ЖИТЕЛЯМЪ ДВИНСКОЙ ЗЕМЛИ ВЪ 1397 ГОДУ. (а)

Се язъ Князь Велики Василей Дмитріевичь всея Руси, пожаловалъ есмь бояръ своихъ Двинскихъ, также сотского, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли (1). Коли кого пожалую своихъ бояръ, пошлю намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого пожалую намѣстничествомъ изъ Двинскихъ бояръ, и мои намѣстници ходятъ по сей по моей грамотѣ Великого Князя (2).

(а) Въ 1397 г. Василій Дмитріевичъ в. к. московскій, завоевалъ у Новгорода Торжокъ, Волокъ—Ламскій, Вологду и Сѣверныя Двинскія земли; но потерялъ свои завоеванія въ томъ же году; къ этому короткому промежутку времени относится изданіе этой грамоты (по мнѣнію Арх. Коммиссіи грамота относится къ 1398).

(1) Очевидно *сотскій* управляетъ одними черными людьми и одинъ на всю двинскую землю. Въ другихъ земляхъ сотскіе были въ мѣлкихъ подраздѣленіяхъ провинцій. Должность сотскаго выборная. При намѣстникахъ ему принадлежало все дѣйствительное управленіе и участіе въ судопроизводствѣ. О древнѣйшемъ происхожденіи сотни и слѣд. этой должности см. 134 Кар. сп. Рус. Пр. (уставъ о мостовыхъ). Сл. Пск. Суд. Гр. ст. 19.

(2) О *намѣстникахъ* см. *И. Е. Андреевскаго:* О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. Спб. 1864. *Н. В. Калачова:* Разборъ сочиненія г. Андреевскаго «о намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ». Спб. 1867. *И. Д. Бѣлаева:* О судѣ намѣстничьемъ на Руси въ старину. Юридич. Журналъ 1861. №№. 7, 8 и 9.—Должность намѣстниковъ (система кормленія) отличается какъ отъ прежней посадничьей, такъ и отъ послѣдующей—воеводской: она соотвѣтствуетъ вотчинному періоду государства; намѣстникъ получаетъ провинцію въ награду, какъ пожа-

1. Оже учинится ([3]) вира, гдѣ кого утепутъ, и нѣ душегубца изыщутъ: а не найдутъ душегубца, и нѣ дадутъ намѣстникомъ десять рублевъ ([4]), а за кровавую рану тридцать бѣлъ, а за синюю рану пятнадцать бѣлъ, а вина противу того ([5]).

2. А кто кого излаетъ боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ, и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безщестіе; такожъ и слузѣ ([6]).

3. А учинится бой въ пиру, а возмутъ прощеніе не выйдя изъ пиру, и намѣстникомъ и дворяномъ не взя-

---

лованіе, производитъ судъ чрезъ своихъ холоповъ: тіуновъ, праветчиковъ и доводчиковъ. Но система кормленія ограничена: краткосрочностію намѣстничьяго управленія, точнымъ опредѣленіемъ корма и неполнотою судебной власти большей части намѣстниковъ («безъ суда боярскаго»).

([3]) Тобинъ вставляетъ: «душегубство, то» вира... Но едвали это нужно.

([4]) Здѣсь опредѣляется только общинная вира (дикая см. Рус, пр. Кар. 4); но нѣтъ сомнѣнія, что такая же вира полагается на преступника, находящагося на лицо; смертная казнь едвали примѣнялась тогда къ преступленію смертоубійства. Сл. Пск. Суд. Гр. ст. 7 и 95. Рубль Новгородскій=1 гривнѣ сер., а 1 гр. сер.= 4 гривнамъ кунъ. См. догов. съ Нѣмцами 1195, прим. къ ст. 2-й; сл. Прозоровскаго: Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII ст. (въ запискахъ И. Археогр. общ Т. XII стр. 500 и слѣд). Слѣдоват. 10 рублей=40 гривенной вирѣ Рус. Правды.

([5]) Бѣла или бѣлка—шкурка и вмѣстѣ монетная единица; въ старомъ рублѣ ихъ считалась до 200, въ новомъ около 108. Наказаніе сравнительно меньшее, чѣмъ въ Рус. Пр. и въ договорѣ 1195 за тѣже преступленія. Вина (древняя продажа) равняется частному удовлетворенію.

([6]) Здѣсь а.) въ первый разъ выдѣляется преступленіе—*оскорбленіе словомъ*; ни Рус. Правда, ни договоры не знаютъ его; б.) личное оскорбленіе боярина и слуги выдѣляестя отъ такого же преступленія относительно простыхъ людей, чего также не было въ прежнихъ памятникахъ законодательства. *Слугами*

ти ничего ([7]); а вышедъ изъ пиру возмутъ прощеніе, и нѣ намѣстникомъ дадутъ по куницѣ шерьстью.

4. А другъ у друга межу переоретъ, или перекоситъ на одиномъ полѣ, вины боранъ, а межы селъ межа тридцать бѣлъ, а княжа межа три сороки бѣлъ, а вязбы въ томъ нѣтъ ([8]).

5. А кто у кого что познаетъ татебное, и онъ съ себя сведетъ до десяти изводовъ; нолны до чеклого ([9]) татя, и отъ того намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего, а татя впервые продати противу поличного ([10]); а въдругіе уличатъ, продадутъ его не жалуя ([11]); а уличатъ вътретьие, ино повѣсити; а татя всякого пятнити ([12]).

называется второй классъ служилыхъ людей, стоящій ниже бояръ. Слуги различались: 1, вольные, имѣвшіе право перехода отъ одного князя къ другому, 2, слуги подъ дворскимъ—полусвободные и несвободные. Впослѣдствіи они послужили прототипомъ и зерномъ дворянства.

([7]) Сл. Пс. Суд. Гр. 79. *Дворянами* называются здѣсь дворовые слуги намѣстника, исправлявшіе судебныя дѣйствія.

([8]) Рѣзкое различіе межъ: а) полевыхъ участковъ одного и тогоже села, б.) двухъ селъ между собою и в.) княжескихъ земель, по ихъ прочности и неприкосновенности, показываетъ неравную прочность и самой собственности ими обозначаемой. Село составляетъ общину, которая отдаетъ участки полевые лишь во временное пользованіе отдѣльнымъ семействамъ; совокупность селъ, волость, также составляетъ общину, но въ ея непосредственномъ распоряженіи—однѣ пастбища; княжеская частная собственность стоитъ внѣ всякой общины.

([9]) Т. е. искомаго вора.

([10]) Взыскать уголовный штрафъ пропорціональне цѣнности украденнаго (т. е. частнаго вознагражденія). Сл. Рус. Пр. Ак. 25—27, Кар. 38—42.—См. ниже ст. 7.

([11]) Т. е. конфискуютъ все имѣніе.

([12]) Здѣсь въ первый разъ въ законодат. памятникахъ является *смертная казнь* и *тѣлесныя наказанія*. Хотя изъ по-

6. А самосуда четыре рубли: а самосудъ то: кто, изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ, а собѣ посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опрочь того самосуда нѣтъ ([13]).

тока (баннитства) Рус. Пр. могла естественно возникнуть смертная казнь, но конечно не такъ скоро. Здѣсь нужно видѣть дѣйствіе византійскихъ кодексовъ (Эклоги и Прохирона). Духовенство уже при Владимірѣ Св. стремилось ввести смертную казнь за «разбой», хотя и преждевремено. Мож. б. къ этому присоединилось и бытовое вліяніе татаръ на русскихъ. Всѣ случаи, приводимые въ доказательство существованія смертной казни въ XII—XIII вв. и ранѣе, не имѣютъ юридическаго характера наказанія.—Здѣсь же въ первый разъ является еще понятіе о *повтореніи преступленій*.

([13]) Ясное доказательство общественнаго значенія уголовныхъ дѣяній. Сдѣлка между потерпѣвшимъ отъ преступленія и воромъ сама становится особымъ родомъ преступленія—*самосудъ*, за который берется весьма высокій уголовный штрафъ (4 р.=16 старымъ гривнамъ). Нельзя думать, что наше право обязано этимъ успѣхомъ однимъ фискальнымъ стремленіямъ князей и системѣ кормленія намѣстниковъ. См. Р. Пр. Кар. 3 и 4 и прим. къ нимъ.—*Мировыя* между преступниками и потерпѣвшими отъ преступленія, напечатанныя въ А. Юр. 270—277, не доказываютъ, что частный взглядъ на преступленія господствовалъ и признаваемъ былъ самимъ правительствомъ до самого 18 в. (1-й актъ относится къ 1560, послѣдній—къ 1697 г.); никто не сомнѣвается, что при Петрѣ В. преступленія карались всегда общественною властію; уголовное право Уложенія Ц. А. М. исключаетъ всякую возможность предполагать въ концѣ XVII в. взглядъ на преступленіе съ точки зрѣнія частнаго права. Между тѣмъ упомянутыя мировыя суть оффиціальныя сдѣлки; нѣкоторыя изъ нихъ заключены уже послѣ того, какъ о преступленіи доведено до свѣдѣнія судебной власти (№. 275) и преступникъ уже вызванъ былъ въ судъ. Очевидно такія сдѣлки не были тайнымъ укрывательствомъ преступленій и предъявлялись для исполненія начальству. Эта кажущаяся странность объясняется тѣмъ, что освобожденіе посредствомъ мировой отъ уголовнаго взысканія совершается не безъ вѣдома и согласія общины (мировая совершается предъ

7. А кого утяжуть въ рублѣ, и намѣстникомъ вины полтина; а того болѣ или менши, ино по томужъ ([14]).

8. А на Орлецѣ дворяномъ хоженого бѣлка; а ѣзды и позовы ([15]) отъ Орлеца до Матигоръ двѣ бѣлки, ѣзду до Колмогоръ двѣ бѣлки, до Куръострова двѣ бѣлки, до Чюхчелема двѣ бѣлки, до Ухтъострова двѣ бѣлки, до Кургіи двѣ бѣлки, до Княжа острова четыре бѣлки, до Лисича острова семъ бѣлъ, а до Конечныхъ дворовъ десять бѣлъ, до Нопаксы двадцать бѣлъ, до Уны тридцать бѣлъ; а съ Орлеца вверхъ по Двинѣ до Кривого бѣлка, до Ракулы двѣ бѣлки, до Наволока три бѣлки, до Челмахты четыре бѣлки, до Емци пять бѣлъ, до Калеи десять бѣлъ, до Кріегоръ семнадцать бѣлъ, до Тоймы до Нижніе тридцать бѣлъ; а на правду вдвое. А желѣзного четыре бѣлки, толко человѣка скуютъ, а не будеть по немъ поруки, а болѣ того дворянину не взяти ничего; а черезъ поруку не ковати; а посула въ же-

---

«послухами»); а община еще современъ Рус. Правды (см. Кар. 4 и пр.) могла освобождать преступника отъ уголовнаго взысканія, если она не видѣла въ немъ рѣшительно вреднаго члена (Сл. выше ст. 1). Къ такому разряду извинительныхъ преступленій не принадлежитъ воровство съ поличнымъ.—Такія соображенія подтверждаются и словами: «а намѣстники довѣдаются по заповѣди». *Заповѣдь* (см. Рус. Пр. Кар. 27; Пск. Суд. Гр. 33) есть объявленіе общинѣ о покражѣ; довѣдаться по заповѣди значитъ получить удостовѣреніе отъ общины, что человѣкъ, не покровительствуемый ею, освобожденъ отъ взысканія частнымъ истцомъ.

([14]) По ст. 1 при преступленіяхъ взыскивается «*вины*» (уголов. штрафа) столькоже, сколько приходится заинтересованной сторонѣ частнаго вознагражденія; въ этой же ст. разумѣется или пошлина при рѣшеніи гражданскихъ тяжбъ и исковъ, или *вина* при остальныхъ родахъ преступленій (за исключеніемъ обозначенныхъ въ ст. 1 и 5).

([15]) *Хожепая* плата чиновникамъ за вызовъ къ суду человѣка, живущаго въ городѣ—мѣстопребываніи намѣстника; *пъздъ* таже плата, когда вызываемый живетъ внѣ города, въ уѣздѣ.

лѣзѣхъ не просити; а что въ желѣзѣхъ посулъ, то не въ посулъ ([16]).

9. А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того намѣстници дадутъ грамоту правую безсудную; а кто будетъ нетутошней человѣкъ, и нѣ его дадутъ на поруцѣ ([17]).

10. А отъ печати намѣстникомъ по три бѣлки; а дьякомъ отъ писма отъ судные грамоты двѣ бѣлки ([18]); а сотскому и подвойскому пошлинка съ лодьи по пузу ржы у гостя ([19]).

11. А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, и случится смерть, въ томъ намѣстници

([16]) Ѣздъ (или хожденіе) *на правду* есть посылка чиновниковъ на мѣсто преступленія, или къ спорному имуществу, по требованію стороны (для обмежеванія, произведенія повальнаго обыска, для вынутія поличнаго и т. д.). Личный арестъ *желъза* допускается только при неимѣніи поручителей. Человѣкъ арестованный не можетъ давать обязательства чиновнику, т. е. обѣщанія выплатить ему что либо *(посулъ)*. (См. Кистяковскаго: О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, с. 12. 13 и 14).

([17]) Когда, по чьей-либо жалобѣ, дворяне и подвойскіе позовутъ кого-либо къ суду и онъ (къ сроку) не явится, то намѣстники выдаютъ истцу *грамоту правую безсудную* (судебный приговоръ безъ процесса; неявка обвиняемого или отвѣтчика равняется его собственному сознанію въ неправотѣ; а собственное сознаніе считалось тогда высшимъ и непреложнымъ судебнымъ доказательствомъ). Вызываютъ къ суду «дворяне» отъ княжескаго намѣстника и «подвойскіе» отъ земства. Лица «нетутошніе» слѣд. *не подсудные* Двинскимъ властямъ только отдаются на поруки (до отсылки ихъ къ компетентному судьѣ).

([18]) *Судебныя пошлины* въ пользу намѣстника (кромѣ «вины») были: а., отъ печати б., отъ поля (судеб. поединка). *Дьякъ* получаетъ пошлины отъ подписи вездѣ, гдѣ намѣстникъ отъ печати, также и отъ поля.

([19]) Это, вовсе не относится къ судебнымъ пошлинамъ—

не судятъ, ни вины не емлютъ ([20]).

12. А приставомъ моимъ Великого Князя въ Двинскую землю не въѣздити, всему управу чинятъ мои намѣстници ([21]).

13. А надъ кѣмъ учинятъ продажу силно, а ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ Князю Великому велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ; а не станетъ, ино на того грамота безсудная и приставъ мой доправитъ ([22]).

14. А гостю Двинскому гостити въ лодьяхъ, или на возѣхъ: съ лодіи на Устюзѣ намѣстникомъ два пуза соли, а съ воза двѣ бѣлки, а того болѣ намѣстники не емлютъ у нихъ, ни пошлинники ничего; а на Вологдѣ дадутъ съ лодіи два пуза соли, а съ воза по бѣлкѣ, а того болѣ не емлютъ у нихъ ничего; а въ лодіяхъ, или на возѣхъ коли поѣдуть, и намѣстници Устюжскіе и Вологодскіе ихъ не унимаютъ ([23]).

это—средство постояннаго содержанія соцкаго и подвойскаго пошлинами съ приходящихъ въ Орлецъ судовъ.

([20]) См. Рус. Пр. Кар. 102. Убіеніе холопа сторонним лицомъ есть преступленіе, убіеніе его хозяиномъ—не преступленіе, однако дѣяніе «грѣшное».

([21]) Этимъ жители освобождаются отъ необходимости являться на судъ въ отдаленную Москву. Такая привиллегія часто давалась новоприсоединеннымъ областямъ; полноправіе власти намѣстниковъ хотя и вело къ опасности подвергнуться ихъ произволу, но за то спасало отъ другаго зла—централизаціи судебной власти и происходящихъ отъ того издержекъ и медленности суда (волокиты); впослѣдствіи, когда земли превращались въ провинціи, сростались съ государствомъ, власть намѣстника ограничивалась болѣе и болѣе центральною властію и сами жители нерѣдко просили себѣ привиллегіи судиться въ Москвѣ.

([22]) Величина кормленія опредѣлена закономъ и потому если намѣстникъ беретъ судебныхъ пошлинъ (продажи) болѣе назначеннаго этою грамотою, то подвергается отвѣтственности.

([23]) Здѣсь въ разграниченіи статей мы слѣдуемъ Тобину;

15. А на Устюзѣ, и на Вологдѣ, и на Костромѣ ихъ не судятъ, ни на поруки ихъ не даютъ ни въ чемъ: а учинится татба отъ Двинскихъ людей съ поличнымъ, и нѣ поставятъ ихъ съ поличнымъ передо мною передъ Великимъ Княземъ, и язъ самъ тому учиню исправу; а чего кто имѣтъ искати на нихъ, и нѣ учинятъ имъ срокъ передъ моихъ намѣстниковъ передъ Двинскихъ, и нѣ учинятъ исправу имъ на Двинѣ.

16. А куды поѣдутъ Двиняне торговати, ино имъ не надобѣ во всей моей отчинѣ въ Великомъ Княженіи [24] тамга [25], ни мытъ, ни кост-

---

въ ст. 14 опредѣляются таможенныя пошлины, платимыя двинскими купцами намѣстникамъ Устюга и Вологды; въ ст. 15 опредѣляются отношенія этихъ пріѣзжихъ двинскихъ купцовъ къ судебной власти тѣхъ земель, чрезъ которыя они проѣзжаютъ обыкновенно, въ случаѣ совершенія ими преступленія въ этихъ земляхъ, или обращенія на нихъ гражданскаго иска; именно: дѣла о преступленіяхъ, основанныя на поличномъ (здѣсь упоминается одна татьба, но нужно разумѣть и душегубство) судитъ самъ в. князь-въ Москвѣ; дѣла о преступленіяхъ не основанныя на поличномъ (поклепъ), равно какъ и гражданскіе иски на двинскихъ купцовъ (со стороны жителей Устюга, Вологды или Костромы) рѣшаются намѣстниками двинскими—на Двинѣ; ср. ст. 9.

[24] Великое княженіе—это собственно земля Суздальская; Устюгъ, Вологда и Кострома не причисляются къ великому княженію; въ нихъ берется мытъ съ двинскихъ купцовъ. См. ст. 14.

[25] *Тамга* есть введенная татарами внутренняя таможенная пошлина; она отличается отъ мыта (см. догов. Смоленска съ нѣм. 1229 ст. 34) древнѣйшей европейской пошлины (нѣм. Maut), платимой на границахъ земель. Тамга въ своей основѣ имѣла не потребности госуд. благоустройства, а возникла прямо изъ фискальныхъ цѣлей; она была столькоже непривычна и ненавистна русскому народу, какъ и «число» (подушная подать): впослѣдствіи смѣшалась съ мытомъ. Тамгою по преимуществу называлась пошлина съ продажи рогатаго скота—этого единственнаго рода торговли, знакомаго кочевымъ варварамъ.

ки([26]) ни гостиное ([27]), ни явка ([28]), ни иные никоторые пошлины. А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или кто не имѣтъ ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ мене отъ Великого Князя въ казни.—

([26]) «Качеповскій, объясняя это, измѣняетъ въ гостки т. е. гостиную пошлину; но мы можемъ *костки* произвести отъ Герм. costa, означающаго морской берегъ, такъже судебное кормленіе, коштъ, принимая так. обр. костка за береговую пошлину». Морошкинъ въ переводѣ Рейца стр. 407. Толкованіе сомнительное.

([27]) *Гостиное*-пошлина «за помѣщеніе товаровъ въ гостиномъ дворѣ». Гр. Толстой: Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи. Спб. 1848. См. тамъже объясненіе и всѣхъ другихъ родовъ какъ косвенныхъ, такъ и прямыхъ налоговъ.

([28]) *Явка*—пошлина, платимая при предъявленіи товаровъ начальствующимъ лицамъ, т. е. при привозѣ ихъ или продажѣ.

Изданія Двинской уставной грамоты:

1. Въ Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина Т. V., прим. 244.

2. Въ Актахъ. Археограф. Экспедиціи Т. I. 13.

3. Die ältesten Gerichts-Ordnungen Russlands v. Tobien (Dorp. 1846) S 32—36 (отпечатаны оба предыдущія изданія; на стр. 24—31—историческія и археологич. замѣчанія о Двин. Уст. Грамотѣ).

4. Въ Собраніи важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи Русскаго права (Утина и Лазаревскаго), с. 145—148 (по тексту Археограф. Ком.).

5. Въ Христоматіи по Русской Исторіи Н. Я. Аристова с. 719—721 (тоже по тексту Арх. Комм.).

ПСКОВСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА.

(1397—1467)

Ся грамота выписана изъ великаго князя Александровы ([1]) грамоты, j изъ княжь Костянтиновы ([2]) грамоты, j изо всѣхъ приписковъ Псковъскихъ пошлинъ ([3]), по блв҃нію о҃цъ своихъ поповъ всѣхъ 5 съборовъ ([4]), и с҃щенноиноковъ, j діяконовъ, j с҃щенниковъ и всего бж҃ія сщньства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто 6905 ([5]).

1. Се судъ княжей. Ожъ клѣть покрадутъ за зомкомъ, или сани подъ полстью, или возъ подъ титягою ([6]), или лодью подъ полубы, или въ яме ([7]), или скота оукрадаютъ, или сѣно сверху стога, имать то все судъ

([1]) Александра Невскаго, по мнѣнію Н. В. Калачева и И. Энгельмана; Александра Михайловича Тверскаго, по мнѣнію Мурзакевича, которому не противорѣчитъ Ѳ. Устряловъ.

([2]) Константина Дмитріевича (брата в. к. Московскаго Василія Дмитріевича), правившаго во Псковѣ въ 1407 г., по мнѣнію Мурзакевича, Энгельмана и Ѳ Устрялова; съ этимъ не соглашается Н. В. Калачевъ.

([3]) Старыхъ обычаевъ. Слово: «приписки» показываетъ, что это не первая редакція грамоты.

([4]) Пятый соборъ установленъ во Псковѣ въ 1462 г.

([5]) Т. е. 1397; но это несогласно съ указаніемъ на пять уже существовавшихъ соборовъ (см. придыд. прим.). Обыкновенно предполагаютъ, что слѣдуетъ читать 6975 (1467).

([6]) Изъ сарая по Ѳ. Устрялову. По Энгельману же титяга должно быть тоже, что покрышка; производство отъ *тянуть стягивать* указывало бы на веревку съ палкой, посредствомъ которой извощики скручиваютъ поклажу.

([7]) Разумѣется—хлѣбъ.

княжой, а продажи 9 денегъ; а разбой, находъ, грабежъ 9 гривенъ ([8]), а княжая продажа 19 денегъ, да 4 денги князю и посаднику ([9]).

2. И владычню намѣстнику судъ, и на суду не судить князю, ни судіямъ; ни намѣстнику княжа суда не судите ([10]).

3. А которому посаднику сѣсти на посадничество, ино тому посаднику крестъ цѣловати на томъ, что ему судитъ право, по крестному целованію, а городскими кунами не корыстоватися, а судомъ не мстится ни на когожъ, а судомъ не отчитись ([11]), а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати; а безъ исправы человѣка не погубити, ни на суду, на вѣчи.

4. А князь и посадникъ на вѣчи суду не судють ([12]); судити имъ оу князя на сѣнехъ ([13]), взираа въ правду ([14]), по крестному цѣлованью; а не въсудятъ въ правду, іно Богъ буди имъ ([15]) судіа, на второмъ пришествіи Христовѣ; а тайныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику.

([8]) Устряловъ читаетъ 70, Энгельманъ—9.

([9]) Перев. послѣднихъ словъ Устрялова: «въ княжескую казну пошлины 19 денегъ и 4 деньги князю и посаднику». Напротивъ Энгельманъ: «Князю 19 денегъ, посаднику 4 деньги.»

([10]) Перев. Энгельмана: «Намѣстникъ владыки (архіепископа Новгородскаго) имѣетъ свой судъ; ни судіямъ, ни князю не судить дѣлъ, подлежащихъ суду намѣстника новгородскаго владыки; равно намѣстнику не судить дѣлъ, подлежащихъ суду княжескому.»

([11]) «Не родниться, не принимать въ судѣ въ уваженіе родственныхъ связей,» примѣч Энгельмана.

([12]) Этимъ обозначается не отстраненіе князя и посадника отъ вѣчеваго суда, а полное уничтоженіе вѣчеваго суда.

([13]) Во дворцѣ.

([14]) Справляясь съ закономъ.

([15]) Если не будутъ судить по закону.

5. А которому княжому человѣку ѣхать на пригородъ намѣстникомъ, ино целовати ему на томъ крестъ, что ему хотѣти Пскову добра, а судить ([17]) прямо, по крестному цѣлованью ([18]). А коли ему ѣахти на которое....

6. А которой посадникъ слѣзетъ степени своей, орудіа и судове самому оуправливати; а ипому, насѣдъ, его судове не пересужати ([19]).

7. А кримскому татю ([20]) и коневому, и перевѣтнику ([21]), и зажигалнику, тѣмъ живота не дати.

8. Что бы и на посадѣ покрадется, ино двожды е

([17]) Судить.

([18]) До 1467 г. князь могъ имѣть своихъ намѣстниковъ не во всѣхъ 12 пригородахъ Пскова въ 5 изъ нихъ ему не дозволялось; но въ 1467 князь получилъ право назначать своихъ намѣстниковъ во всѣ пригороды Пскова. Лѣт. Пск. I. подъ 1467.

([19]) Перев. Устрялова: «Если посадникъ оставитъ свою должность, то окончить ему самому свои (?) дѣла и судъ, и преемнику суда его не пересужать »

«Степень-возвышенное мѣсто, на которое садились князья и посадники на вѣчѣ, здѣсь употребляется для означенія самой ихъ должности.» Энгельманъ.

([20]) Устряловъ переводитъ: «комнатному вору». Пр. Соловьевъ читаетъ: «Кромскому» и говоритъ: «здѣсь татьба на посадѣ противополагается татьбѣ на Крому, въ кромномъ городкѣ; но почему такое различіе? Не употреблено ли здѣсь слово: *Кромский* въ значеніи *торговаго*, если торгъ находится въ Крому?» И. Р. IV. 226 и прим. 614. Такогоже своевопроизводства держится и Энгельманъ, но подъ кромскою татьбою разумѣетъ кражу вещей, хранившихся на крому, т. е. казенныхъ.

На полѣ рукописи другою рукою приписано: «храмскому». По этому Мурзакевичъ переводитъ: храмской-церковный воръ, отъ слова храмина-сокровищница церковная. Это подтверждается и параллельнымъ мѣстомъ перваго Судебника.

([21]) «Тайному передатчику вѣстей» Устр. Государственному измѣннику. См. Лѣт. Новг. I. 60.

пожаловати, а изличивъ казнити по его винѣ; и въ третій рядъ изличивъ, живота ему не дати, крам кромъскому татю ([22]).

9. А коли будетъ съ кѣмъ судъ о земли ополней ([23]), или о водѣ, а будетъ на той земли дворъ, или ниви розстрадни ([24]), а стражетъ и владѣетъ тою землею, или водою, лѣтъ 4 или 5, іно тому псцю ([25]) сослатся на сосѣдъ, человѣкъ на 4 или на 5; а сусѣди ставъ на коихъ шлются, да скажутъ какъ правъ ([26]) предъ Богомъ, что чистъ ([27]), и той человѣкъ, которой послался, стражетъ и владѣетъ тою землею, іли водою, лѣтъ 4 или 5; а супротивенъ ([28]) въ тѣ лѣта ни его судили ([29]), ни на землю наступался, или на воду, іно земля его чиста, или вода, и цѣлованіа ему нѣтъ ([30]); а тако не допскался кто не судилъ, ни наступался въ ты лѣта ([31]).

([22]) За кражу, совершенную на посадѣ, дважды помиловать (не лишать жизни), а только, разслѣдовавъ надлежащимъ обр., наказать сообразно со степенью вины (именно денежными пенями); за кражу въ 3-й разъ-казнить смертію; правило это не относится къ кромскому татю (чит. *кром.* вм. *крам).*

([23]) Энгельманъ читаетъ: о полней (отдѣляя *о,* какъ предлогъ). Мурзакевичъ переводитъ: «Ополная», полная земля; наемная, договоренная («полный хозяинъ.»).—Устряловъ: «пахотная земля.»

([24]) Обработанныя (отъ страда—полевая работа).

([25]) Отвѣтчику.

([26]) Право.

([27]) «Т. е. что онъ дѣйствительно владѣлъ этимъ имуществомъ, какъ своею собственностію» Энгельманъ.

([28]) Истецъ.

([29]) Судился съ отвѣтчикомъ.

([30]) Показанія сосѣдей нужны только для доказательства факта владѣнія.

([31]) Земская давность по этой статьѣ слагается изъ слѣд. признаковъ: а) извѣстнаго количества времени владѣнія; б) без-

10. О лѣшей ([32]) земли будетъ судъ. Аположатъ грамоты, и ([33]) двои, на одну землю а зайдутъ грамоты за грамоты ([34]), а исца оба ([35]) возмутъ межниковъ, да оба изведутца по своимъ грамотамъ ([36]), да предъ господою ([37]) ставши, межникомъ межничество съимутъ ([38]), ино имъ присужати поле ([39]).

11. А которой своего исца переможетъ..... ([40])

12. А которой истецъ ([41])..... тами, ино того человѣка повинити, и грамоты его посудить ([42]); а правому

спорности и непрерывности владѣнія; в) дѣйствительнаго воздѣйствія воли владѣльца на вещь. Изъ этихъ признаковъ наименѣе важный есть срокъ владѣнія и потому онъ остался не вполнѣ опредѣленнымъ.

([32]) О лѣсной землѣ. «Однако нѣтъ никакой причины ограничить это правило случаемъ спора о лѣсныхъ участкахъ. Лѣсная земля приводится здѣсь только въ примѣръ.» Энгельманъ.

([33]) Союзъ *и* лишній, по мнѣнію Энгельмана.

([34]) «Если грамоты противорѣчатъ одна другой; пространство описанное въ одной, заключаетъ въ себѣ часть земли, означенной въ другой» Энгельманъ.

([35]) Истецъ и отвѣтчикъ.

([36]) «Т. е. отведутъ свою часть по своимъ грамотамъ» Энгельманъ.

([37]) Предъ коллегіальною судебною властію; См. ниже. Устряловъ переводитъ: «предъ вѣчевою властію»; но выше сказано, что на вѣчѣ суда не судить.

([38]) Энгельм. читаетъ: «межниковъ» и переводитъ: примутъ планъ, составленный межниками.

([39]) Для уясненія этой статьи см. А. Ю. №. 2.

([40]) Энгельманъ реставрируетъ: «а которой своего исца переможетъ на поли, ино тому присужати землю по его грамотѣ».

([41]) Энгельманъ реставрируетъ: «а которой истецъ а будетъ побитъ съ своими грамотами» и т. д.

([42]) Устряловъ переводитъ: «по грамотамъ его производить судебное разбирательство.» Но если одинъ изъ тяжущихся обвиненъ уже, то какое же возможно судебное разбирательство? «Посудить грамоты» значитъ не принять ихъ въ уваженіе.

человѣку на ту землю и судница ([43]) дати; а подсудничье ([44]) князю и посадникомъ и съ сотскими всѣми взяти 10 денегъ.

13. А кто оу кого иметь землю отимати выкупкомъ, а старые грамоты оу того человѣка, оу кого землю отимаютъ, ино воля того человѣка, оу кого старые грамоты: хочетъ на поле лѣзетъ, или своего псца къ правдѣ ведетъ на его выкупке, покуду отнимаетъ ([45]).

14. А кто положитъ доску на мрътваго о зблюденъи, а иметь искати на приказникохъ того соблюденіа, сребра, или платіа, или круты, или иного чего животнаго, а тотъ оумрѣшей съ порядпею, и рукописаніе оу него написано и въ ларь положоно; ино на

([43]) Письменный приговоръ суда.

([44]) Пошлины за производство суда.

([45])« Въ древнѣйшія времена у насъ договоръ купли-продажи, какъ нынѣ его понимаютъ, т. е. окончательный переходъ права собственности на вещь вмѣстѣ съ самою вещью отъ одного лица къ другому, не существовалъ. При совершеніи купли—продажи всегда само собою подразумѣвалось, что продавецъ сохраняетъ право *выкупа* и не онъ только одинъ, но и его законные наслѣдники.» Но «во Пск. С. Гр. выкупъ признается уже правомъ, обусловленнымъ въ формахъ своихъ временемъ» (старые грамоты). «Покуду отнимаетъ» т. е. по какое время. Вѣроятно во Псковѣ существовалъ извѣстный срокъ для выкупа земель. Если желающій выкупить извѣстное имущество не имѣлъ письменныхъ доказательствъ на свое право, то настоящій владѣлецъ имѣнія могъ требовать, чтобы онъ подтвердилъ полемъ или присягою то обстоятельство, что *не истекъ еще срокъ выкупа.*» Энгельманъ.—Устряловъ переводитъ: «Если кто, имѣя запись на выкупъ проданной или заложенной земли («выкупокъ»—запись на выкупъ, выкупная запись см. А. Ю. стр. 157), станетъ отнимать эту землю у лица, имѣющаго на нее старинныя грамоты, то это лицо можетъ, по желанію, или итти съ нимъ на судебный поединокъ, или вести своего истца къ присягѣ *о неподложности записи*, во время предъявленія его притязаній.»

тыхъ приказникохъ не искати чрезъ рукописаніе, ни зсудіа безъ заклада и безъ записи, и на приказникохъ не искати ничего; а толко будетъ закладъ, или запись, ино волно искати по записи. І и кто животомъ владѣетъ по записи, или по закладу, а оу приказниковъ умрѣшаго, а не будетъ заклада, ни записи оумрѣшаго на кого, ино имъ не искати ничегожъ, ни съсудіа, ни торговли, ни зблюденіа, ничегожъ (46).

15. А оу котораго оумрѣшаго, а будетъ отецъ, или мать, іли сынъ, или братъ, или сестра, или кто ближняго племени, а а животомъ владѣетъ, а толко не сторонніи людие, ино имъ волно искати безъ заклада, и безъ записи оумрѣшаго, а на нихъ волножъ искати (47).

---

(46) Если кто либо предъявитъ на умершаго *доску* (неформальный актъ, какъ видно изъ послѣдующаго) о поклажѣ и станетъ искать на наслѣдникахъ этой поклажи: серебра, платья, украшеній или другаго какого либо движимаго имущества, и если умершій распорядился на случай смерти: оставилъ письменное завѣщаніе, внесенное въ ларь св. Троицы, то такой искъ не наслѣдниковъ (ни относительно поклажи), ни относительно ссуды, предъявленный въ противность завѣщанію, не имѣетъ значенія *безъ заклада* и *безъ записи*. Но если у истца есть закладъ или запись, то искать можно.

Равно и обратно наслѣдники умершаго могутъ искать имущества его на другихъ, если у нихъ есть закладъ или запись; а если заклада или записи у умершаго не было, то наслѣдники его не могутъ искать ничего ни ссуды, ни *торговли* (см. ниже) ни поклажи.—Правило, изложенное въ этой ст., относится къ случаю наслѣдства по завѣщанію.

(47) «Если кто, умирая, оставитъ послѣ себя наслѣдниками отца, или мать, или брата, или сестру, или другаго близкаго родственника, а кто ни-будь чужой владѣетъ движимымъ имуществомъ умершаго, и наслѣдники, какъ сказано, суть родственники, его, а не постороннія лица, то имъ дозволяется отыскивать судомъ упомянутое движимое имущество изъ чужаго владѣнія, хотя бы у нихъ не было ни заклада, ни записи. Равн. обр.

16. А о зблюденіи кому ([48])... въ пожару, или по грѣхомъ на кого родъ ополчится, а оу того времяни што кому дастъ на зблюденіе, а имѣтъ проситъ своего, и тотъ человѣкъ запрется оу него вземъ; ино кому искать явити ему.....

17. *А кто* ([49]) съ чюжой земли пріѣхавъ, или подъ пожаръ за недѣлю, или по грабежу, и тотъ имѣтъ запирается, ино тотъ судъ судити на того волю ([50]),..... хочетъ самъ поцелуетъ, или на поле лѣзеть, или оу креста положитъ своему иску ([51]).

18. А кто по волости ходитъ закупенъ ([52]), или скотникъ, а имѣтъ искати также соблюденіа, или верши ([53]),

---

на томъ же основаніи допускается искъ и на нихъ.» Энгельманъ. Правило, изложенное въ этой статьѣ относится къ случаю наслѣдства по закону.

([48]) Энгельманъ реставрируетъ: «а о зблюденіи кому искать, а онъ изъ чюжой земли пріѣхавъ, или съ пожару» и т. д. Не вѣрнѣе ли вмѣсто словъ: «искать, а онъ» вставить слово: «дастъ»?

([49]) Вставка Мурзакевича. Энгельманъ, сливая обѣ статьи вмѣстѣ вставляетъ здѣсь слѣд.: » явити ему *господь, что далъ на зблюденіе изъ* чюжой земли пріѣхавъ...»

([50]) Энгельманъ вставляетъ: «на комъ сочатъ.»

([51]) Смыслъ этого мѣста слѣд.: Если кто, или по пріѣздѣ изъ чужой земли, или во время пожара, или при возстаніи народа, отдастъ кому либо свое имущество на сохраненіе и потомъ потребуетъ его назадъ, а взявшій начнетъ запираться, то истецъ долженъ заявить объ этомъ не позже одной недѣли послѣ пріѣзда, пожара или грабежа. Такой судъ судить по волѣ отвѣтчика: хочетъ самъ присягаетъ или идетъ на поединокъ, или пусть положитъ спорную вещь у креста. См. Зак. Град. Грань 18, ст. 1—2.

([52]) «Закупъ» Рус. Правды. Энгельманъ (напрасно) допускаетъ другое объясненіе этого слова: закупщикъ (торговецъ. А. Э. IV. №. 13). Скотникъ-нанимающійся въ пастухи. Устряловъ перев.: «заимодавецъ.»

([53]) Вершь (вьршь. Нов. I. 5)—жито, хлѣбъ. Слов. Ак.

ино господѣ обыскать ([54]) правда, также присужаетъ на комъ сочатъ: хочетъ самъ поцѣлуетъ, или на полѣ съ нимъ лѣзетъ, а хочетъ ему оу креста положитъ ([55]).

19. А кто иметь искати зблюденіа по доскамъ, безимено, старинѣ, ино тотъ не доискался ([56]).

20. А кто на кого иметь сачитъ бою, или грабежу по позовничи, и князь и посадникомъ и сотцкимъ обыскати, какъ послухъ, гдѣ будетъ обѣдалъ, і и гдѣ начавалъ, и послухъ изведется ([57]) иночаемъ ([58]) его, или гдѣ обѣдалъ; также и битого опросити: гдѣ есть били і грабили? явили кому? и на тѣхъ ему слатся; а на кото сошлются, а тотъ ставъ, скажетъ какъ право предъ Богомъ, што битый являлъ бой свой и грабежь, а послухъ на судѣ ставъ, а послухуетъ въ тыеже рѣчи, ино тотъ судъ судитъ на того волю, на комъ сочатъ: хочетъ съ послухомъ на поле лѣзетъ, или послухъ ([59]) оу креста положитъ, чего искалъ ([60]).

([54]) Энгельманъ читаетъ: «обыскать, правда также присужаетъ» Намъ кажется это искуственнымъ. Присужаетъ господа а не правда.

([55]) Если закупень или скотникъ, ходящій по волости также станетъ искать поклажи или хлѣба, то судебная власть должна изслѣдовать правду и присудить тому, на комъ ищутъ: пусть онъ, по желанію, или присягаетъ самъ, или идетъ на поле, или у креста положитъ.

([56]) Кто станетъ искать поклажи а) по доскамъ (т. е. не по записи; сл. ст. 14.). б) безъ означенія поименно вещей, отданныхъ на сохраненіе (сл. ст. 44.) и в) пропустивъ срокъ, тотъ теряетъ искъ. Энгельманъ допускаетъ (неосновательно) совершеніе договора поклажи по доскамъ.

([57]) «Окажется.» Энгельманъ.

([58]) «Иночай, или лучше «инночай», «единоночай», «соночай»-соночлежникъ (товарищъ по ночлегу). Энгельм.

([59]) Энгельм. читаетъ: «послуху».

([60]) Если кто будетъ искать на другомъ побоевъ или грабежа

21. А противъ послуха *станетъ* ([61]) старъ, или младъ, или чѣмъ безвѣченъ, или попъ, или чернецъ, іно противъ послуха нанять волно наймить, а послуху наймита нѣтъ ([62]).

22. А на которого послуха истецъ послется, и послухъ не станетъ, или ставъ на судѣ не договоритъ въ тыжъ рѣчи, или переговоритъ, іно тотъ послухъ не въ послухъ, а тотъ не доискался ([63]).

23. Или который истецъ пошлется *въ бою* ([64]) на послуха, а на которомъ сочатъ *станетъ слаться на своего послуха* ([65]) а ркучи: тотъ мене самъ билъ съ

порядкомъ исковымъ, то князь, посадники и сотскіе должны обыскать (распросить послуха): какъ онъ сталъ послухомъ: обѣдалъ ли гдѣ (вмѣстѣ съ истцомъ, во время драки), или ночевалъ (вмѣстѣ въ то время); и если послухъ окажется соночлежникомъ истца, или соучастникомъ обѣда, то и битаго спросить: гдѣ его били и грабили? кому объявленъ (бой и грабежъ)? На этихъ людей (кому явлено) и можетъ сослаться истецъ. Если тотъ, на кого сошлется истецъ, ставъ на судѣ, скажетъ по правдѣ, какъ предъ Богомъ, что битый объявлялъ свой бой и грабежъ, и если послухъ, ставъ на судѣ, свидѣтельствуетъ совершенно согласно (съ показаніями истца), то дѣло рѣшается по желанію того, на комъ ищутъ: или пусть онъ выходитъ на поединокъ съ послухомъ, или пусть положитъ послуху у креста то, чего истецъ искалъ.

([61]) Вставка Мурзакевича. Энгельм. вставляетъ: «истецъ будетъ.

([62]) Если противъ послуха станетъ (на полѣ) отвѣтчикъ старый, или малолѣтній, или увѣчный, или попъ, или монахъ; то отвѣтчикъ можетъ нанять противъ послуха наймита, послухъ же (ни въ какомъ случаѣ) не можетъ замѣнить себя наймитомъ.

([63]) Если послухъ, на котораго пошлется истецъ, не явится (въ судъ къ назначенному сроку), или, явившись въ судъ, скажетъ что-нибудь больше или меньше (того, что говоритъ истецъ), такой послухъ не признается послухомъ и истецъ теряетъ искъ.

([64]) Вставка Мурзакевича. Энгельм. вставляетъ: «въ чемъ».

([65]) Вставка Мурзакевича, принятая Энгельманомъ, по сооб-

тымъ своимъ послухомъ, а конеча на невожъ шлется; ино тотъ послухъ въ послухъ, котораго на судѣ напмянуютъ (66).

24. Или пакы тойжъ истецъ, на комъ *сочатъ* розбоя, не почнетъ слатся на послуха, іно штобъ не слался одинъ истецъ, іно господѣ послать съ суду своихъ людей;—а которой не слался, ино его въ томъ не повинити, что не слался. А то господѣ отъ Пскова безъ дива (67).

25. А которой позовникъ (68) пойдетъ иска звати

раженію съ по-слѣдующею статьею: «не почнетъ слаться на послуха».

(66) Если истецъ пошлется на послуха, а отвѣтчикъ (въ свою очередь) сошлется на своего послуха, говоря: тотъ (истецъ) меня самъ билъ съ тѣмъ своимъ послухомъ, а теперь на него же ссылается,—то тотъ считается послухомъ, котораго признаетъ (въ этомъ качествѣ) судъ. (Здѣсь речь идетъ о встрѣчномъ искѣ).

(67) Если же отвѣтчикъ по иску въ разбоѣ не можетъ представить своего послуха; то, чтобы не ссылался (только) одинъ изъ тяжущихся, господа должна послать отъ суда своихъ людей (для обыска на мѣсто происшествія); того, кто не могъ сослаться (на послуха), не обвинять тѣмъ самымъ, что онъ не сослался; псковская судебная власть не должна принимать этого во вниманіе. На основаніи этихъ статей (20—24) Н. Л. Дювернуа установляетъ слѣд. признаки *послушества*: а) послухъ только тотъ, на кого *ссылаются* стороны, б) кто самъ *хочетъ* стоять за извѣстное дѣло, в) кто стоитъ за цѣлое дѣло (а не подтверждаетъ частные факты, относящіеся къ дѣлу, какъ свидѣтель). Но нужно помнить, что это только одинъ изъ видовъ послушества въ эпоху Псков. суд. грамоты, именно тотъ видъ, который уцѣлѣлъ до самаго Уложенія въ *ссылкѣ изъ виноватыхъ*. Онъ, конечно, есть поздній остатокъ древнѣйшей формы свидѣтелей—*очистниковъ*, *пособниковъ*. (Сл. Р. Пр. Кар. прим. 20 и 25). Этотъ видъ свидѣтельства, имѣющій безусловную *рѣшающую* силу, относится теперь только къ бою и грабежу.

(68) «Слово: позовникъ можетъ означать какъ пристава, такъ и истца; здѣсь оно дѣйствительно и то и другое. Въ концѣ

на судъ, и той позваный не пойдетъ на погостъ къ церкви позывницы чести ([69]), или стулится ([70]) отъ позывницы, ино позывница прочести на погосте предъ попомъ; или паки топжъ позваный позывницею, не емля оброку ([71]), да не станетъ на судъ предъ господою, ино господѣ дать на него грамота, на виноватаго на 5 день ([72]) позовникомъ.

26. А кто возметъ грамоту на своего псца, і *оному* ограмочому ([73]) попмавъ по грамотѣ, не мучитъ, ни бити, поставити предъ господою; а ограмочному ([73]) противъ своего псца ни битися, ни колотися; а толко имѣтъ сѣчися, или колотися, да оучинитъ головшину, ино быти ему самому въ головшинѣ ([74]).

27. А гдѣ оучинится бой оу торгу, или на оулицы, во Псковѣ, или на пригородѣ, или въ селѣ на волости, въ пиру, а грабежу не будетъ, а тотъ бой многы люди видели въ торгу, или на оулицы, или въ пиру,

---

же статьи означаетъ исключительно истца». Энгельм.

([69]) Читать грамоту о вызовѣ въ судъ (грамоту, которая выдавалась истцу или приставу отъ суда и въ которой излагалась причина вызова «и срокъ для явки», говоритъ Энгельманъ; но срокъ не назначался въ грамотѣ, если отвѣтчикъ жилъ не въ самомъ городѣ, а въ волости; срокъ опредѣлялся въ такомъ случаѣ приставомъ на мѣстѣ).

([70]) Скроется, спрячется.

([71]) Не принимая назначеннаго ему срока для явки въ судъ.

([72]) По прошествіи пяти дней послѣ срока, назначеннаго отвѣтчику для явки въ судъ, господа выдаетъ истцу «безсудную грамоту» обвинительный приговоръ противъ отвѣтчика, состоявшійся безъ производства суда, вслѣдствіе одной неявки отвѣтчика).

([73]) «Огромочой»-истецъ, получившій грамоту на отвѣтчика. «Ограмочной» тотъ, на кого грамота дана.—Энгельм.

([74]) Истецъ, получивши грамоту на своего отвѣтчика и схвативъ его по силѣ (данной ему) грамоты, не можетъ мучить, или бить его, а обязанъ поставить его предъ господою. Равно и

а ставши передъ нами человѣки 4 или 5, а ркучи слово: того бихъ ([75]); ино кто бился, того человѣка ихъ ([76]) душа выдати..... битому человѣку; а княжая продажа. Той же битъ оучнетъ клепать грабежомъ, ино ему ходитъ ([77]) псца послухомъ однымъ человѣкомъ того дѣля, занежъ и поле присужати ([78]).

28. А кто на комъ имѣтъ сочити съсуднаго серебра по доскамъ, а сверхъ того и закладъ положитъ; ино воля того человѣка, кто имѣтъ серебра сочити по закладу; хочетъ самъ поцелуетъ, да свое серебро возметъ; а хочетъ, закдадъ ему оу креста положитъ, і онъ поцѣловавъ да свой закладъ возметъ; а поле черезъ закладъ не присужати, а закладныхъ доскъ не посужати ([79]).

ответчикъ не долженъ биться или рубиться съ истцомъ; если же тотъ или другой станетъ рубиться или колоться и совершитъ убійство, то подвергнется ответственности, какъ убійца (Устряловъ переводитъ: «то предать его смерти»; но Псков. Судн. Грамота за убійство не назначаетъ смертной казни. См. ст. 7 и 95.)

([75]) Энгельм. читаетъ: «а ставши человѣка 4, или 5, а ркучи слово: передъ нами того билъ.»

([76]) Энгельм. вставляетъ: «*на* ихъ душа выдати *въ рубли*», на основаніи сличенія съ ст. 100-ю, по которой за бой обиженному платится рубль.

([77]) Ходить въ судъ съ жалобою на истца (здѣсь ответчика), обвинять его, уличать свидѣтельствомъ послуха. Энгельм.

([78]) Если произойдетъ драка: во Псковѣ или на пригородѣ-на торгу или на улицѣ; въ селѣ, на волости-на пиру, но при этомъ грабежа не произойдетъ, и если эту драку видѣли многіе люди—на торгу, или на улицѣ, или на пиру, а потомъ человѣка 4 или 5 станутъ предъ нами (судьями), говоря: былъ битъ такой-то; то причинившаго побои выдать, на ихъ совѣсть, битому человѣку въ рублѣ и взыскать княжескую продажу. Если же битый начнетъ обвинять оскорбителя еще и въ грабежѣ, то долженъ вести искъ при содѣйствіи послуха, (который долженъ быть одинъ, а не нѣсколько); это потому, что тогда слѣдуетъ присуждать поле.

([79]) Если кто будетъ искать на другомъ долга по *доскамъ*

29. А которой человѣкъ кому закладъ положитъ въ чемъ, грамоты, или иное што въ серебри, да изымаетъ своего псца изъ невести, или передъ господою изгодитъ своего псца; а оу того псца, оу кого закладъ положенъ, не будетъ доски на закладъ, ино его въ томъ не повинити, нять вѣра ему, кто выложитъ закладъ въ чемъ скажетъ, да судомъ судитъ на того волю, кто закладъ выложитъ: хочитъ самъ поцелуетъ на своемъ серебри, или оу креста ему положитъ, и поцеловавъ, до свой закладъ возметъ ([80]).

30. А кто имеетъ давать серебро въ заимъ, ино дати до рубля безъ зяклада и безъ записи, а болши рубли не давати безъ заклада и безъ записи. А кто

и сверхъ того представитъ закладъ (полученный имъ при выдачѣ ссуды), то ищущій по закладу пусть или самъ присягаетъ и получаетъ свой долгъ, или пусть положитъ у креста закладъ и въ такомъ случаѣ присягаетъ отвѣтчикъ, который (если присягнетъ) получаетъ назадъ свой закладъ. А поединка при закладѣ не присуждать и закладныя доски признавать доказательствомъ безспорнымъ. (Энгельманъ, понимая эту статью, какъ законъ на случай непризнанія должникомъ долга, находитъ затрудненіе въ словахъ: «онъ, поцѣловавъ, да свой закладъ возметъ» и старается рѣшить это затрудненіе тѣмъ предположеніемъ, что здѣсь присягою рѣшается вопросъ: какимъ образомъ вещь должника попала въ руки кредитора, если она (какъ утверждаетъ должникъ) не дана ему въ видѣ заклада. Но очевидно, что Энгельманъ самъ созданъ для себя это затрудненіе и совершенно напрасно дѣлаетъ свое остроумное предположеніе. Въ изложенной статьѣ предвидится случай *отрицанія кредиторомъ уплаты долга, которая, по увѣренію должника, уже произведена,* и именно тогда, когда договоръ займа совершенъ не по формѣ,—кредиторъ имѣетъ въ рукахъ только «доску,» а не «закладную доску.» См. слѣд. статью).

([80]) Кто дастъ другому въ обезпеченіе займа закладъ: грамоты или что—нибудь иное, а потомъ захватитъ своего кредитора въ расплохъ, или предъ судомъ поймаетъ его (улучивъ

иметь *сочи* ти съ суда серебра по доскамъ, безъ закла-да, болѣ рубля, ино того доска повинити, а того права на комъ сочатъ ([81]).

31. Хто на комъ иметь *сочити* ссуднаго серебра, по доскамъ, а сверхъ того и закладъ положитъ на него платной, или доспѣхъ, или конь, или іное што назрячее ([82]) и животное, а тотъ закладъ того серебра не судитъ, чего ищетъ, отопрется своего закладу, а молвитъ такъ: оу тебе есми того не закладалъ, а оу тебѣ есми не взималъ ничегожъ; іно кто ищетъ, тому человѣку тѣмъ закладомъ владѣти; а тотъ правъ на комъ сочатъ ([83]).

время, пристанетъ къ нему) и если у кредитора, получившаго закладъ, не будетъ доски на закладъ, то его (кредитора) не обвинять тѣмъ самымъ, но вѣрить тому, что скажетъ представившій закладъ и на судѣ предоставить на его волю: если хочетъ, пусть самъ присягаетъ въ томъ, что дѣйствительно далъ деньги свои въ долгъ или пусть положитъ у креста закладъ и присягаетъ должникъ и (если присягнетъ) пусть беретъ свой закладъ. (Здѣсь предусмотрѣнъ другой случай: именно, *если должникъ отрицаетъ самый договоръ займа,* пользуясь тѣмъ временемъ, когда кредиторъ не успѣлъ еще получить «закладной доски.» Здѣсь имѣетъ мѣсто предположеніе Энгельмана, высказанное по поводу предыдущей статьи, т. е. должникъ, отрицающій договоръ займа, *признаетъ однако вещь,* находящуюся въ рукахъ кредитора, *своею).*

([81]) Давать въ ссуду деньги безъ заклада и безъ записи можно только до рубля; свыше же рубля безъ заклада и безъ записи не давать. Тотъ, кто станетъ искать денегъ по суду по однимъ «доскамъ» безъ заклада, и искъ будетъ превышать рубль, того доски не принимать во вниманіе; дѣло рѣшается въ пользу того, на кого предъявленъ искъ.

([82]) «То, что можно зрѣть, вообще вещь.» Энгельманъ.

([83]) Если кто будетъ искать на другомъ долга по доскамъ и кромѣ доски представитъ закладъ: платье, доспѣхи, коня или иную вещь или движимое имущество, и если эта заложенная вещь стоитъ меньше цѣны иска, а отвѣтчикъ отопрется отъ сво-

32. А которой человѣкъ поручится за друга въ серебрѣ, а имѣтъ тотъ человѣкъ сочитъ на поручникѣ своего серебра, и тотъ истецъ, по комъ рука дана, выметъ противъ своего исца рядницу, а молвитъ такъ: азъ, брате, тобѣ заплатилъ то серебро, за тою рукою, а оу мене и рядница, што ему не сочити истьцу на исцѣ того серебра, ни на поручники; іно тая порядня повинити, аже въ лары не будетъ въ тыжъ рѣчи, а исцу знати поручника въ своемъ серебрѣ, кто по комъ руку далъ (84).

33. А поруку быть до рубля, а болши не быти рубля. (85).

34. А у которого псковитина, оу какова, оучинится татба въ Псковѣ, или на пригороди, или въ сели на волости, іно явити старостамъ или околнымъ сусѣдомъ, или инымъ стороннымъ людемъ; а въ пиру, іно къ пировому старосте, или пивцамъ явити (86), а государю пирово-

---

его заклада и скажетъ: я не закладывалъ у тебя этого и не бралъ у тебя ничего; то истцу владѣть закладомъ, а отвѣтчикъ освобождается отъ взысканія. (Опять случай отрицанія со стороны должника договора займа, совершеннаго безъ закладныхъ досокъ; но здѣсь отвѣтчикъ вмѣстѣ съ тѣмъ *не признаетъ вещи*, находящейся въ рукахъ кредитора, *своею*. Эта статья можетъ служить объясненіемъ статьи 28-й).

(84) Если кто поручится за другаго въ уплатѣ долга и заимодавецъ потребуетъ съ поручителя своихъ денегъ и если отвѣтчикъ, по комъ дано поручительство, представитъ противъ истца «*рядницу*» (платежную росписку) и скажетъ такъ: «я, братъ, уплатилъ тебѣ эти деньги, въ которыхъ дана порука, а вотъ у меня и рядница въ томъ, что заимодавцу не требовать уже этихъ денегъ ни съ должника ни съ поручителя,»—то такой порядне не придавать значенія, если въ Ларѣ (св. Троицы) не будетъ копіи ея, и истецъ вѣдается съ поручникомъ въ своихъ деньгахъ.

(85) Поручительству же быть до рубля, но не выше.

(86) Это—«заповѣдь» Русской Правды; она имѣетъ цѣлію

му..... нѣтъ; а псковитину ([87])..... волости, во Псковѣ на волную роту не взяти; весть ему къ ротѣ, на кого ему нелюбовь ([88]).

35. Кто изъ церкви, гдѣ татба оучинилась, такожъ и пригорожанѣ, или селянинъ псковитинъ на пригородѣ, или на торгу не звати, вести ему къ ротѣ псковитину, гдѣ татба оучинилася ([89]).

36. А на которомъ человѣкѣ имуть сочити долгу по доскамъ или жонка, или детина, или стара, или немощна,, или чѣмъ безвѣченъ, или черисцъ, или черница, ино имъ наймита волно наняти, а исцомъ цѣловати; а наймитомъ битись, а противу наймита исцу своего наймита волно, или самъ лѣзетъ ([90]).

констатировать совершившійся фактъ, чтобы впослѣдствіи не было спора о томъ, что дѣйствительно кража произошла. Безъ такой «явки» потерпѣвшій отъ преступленія лишался права обвинять кого бы то ни было.

([87]) Энгельманъ реставрируетъ: «*целованья* нѣтъ; а Псковитину *всѣхъ сусѣдовъ изъ села на волости.*» Но эта вставка едвали можетъ быть принята (въ рук. на первомъ мѣстѣ пробѣлъ въ два слова, на второмъ въ одно слово).

([88]) Энгельманъ въ объясненіе послѣднихъ словъ этой статьи говоритъ: «При этомъ не должно было приводить къ присягѣ всѣхъ жителей какого нибудь села, а только тѣхъ, на которыхъ истецъ именно объявитъ подозрѣніе.»

([89]) По объясненію Энгельмана: «лицо, не звавшее на помощь во время совершенія покражи, хотя и Псковитянинъ, приводится къ присягѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ татьба учинилась. (Впрочемъ представить удовлетворительное объясненіе этой, по всей вѣроятности испорченой статьи, нѣтъ возможности).

([90]) Если будутъ взыскивать долгъ по доскамъ: или женщина, или дитя, или старый человѣкъ (кажется такъ слѣдуетъ читать) или больной, или увѣчный, или монахъ, или монахиня; то такіе люди могутъ нанять за себя «наймита»; тяжущіеся должны (лично) цѣловать крестъ, а наймиты биться; отвѣтчикъ имѣетъ право противъ наймита выставитъ своего наймита, или (лично) вытти (на поединокъ съ наймитомъ истца). (Это—въ

37. А которому человѣку поле будетъ съ суда, а, ставъ на полѣ, истецъ поможетъ своего исца, нно ему взять, чего сачилъ на исцы, а на трупоу кунъ не имати, толка ему доспѣхъ снятн ([91]), или нное што, въ чемъ на полѣ лѣзетъ; а виноватому платити и княжа продажа и приставное двѣма приставомъ ([92]), толка побьются, по 6 денегъ; а толко прощеніе возмутъ, нно приставомъ по 3 денги; а князю продажи нѣтъ, ожъ истецъ чего не возможетъ ([93]).

38. А кто иметь на комъ сочитъ торговыхъ денегъ, по доскамъ, тотъ человѣкъ противуположитъ рядницу а въ рядницы будетъ написано о торговли же, а противу той рядницы не будетъ во святѣй (церкви) Троицы въ лари въ тѣже рѣчи другой, нно тая рядница повинити ([94]).

случаѣ взысканія долга безъ заклада и безъ записи. Сл. ст. 27-ю).

([91]) «Если одинъ изъ поединщиковъ будетъ убитъ, то противникъ не можетъ требовать удовлетворенія своихъ требованій, а долженъ удовольствоваться одними доспѣхами убитаго.» Энгельманъ. Но съ такимъ толкованіемъ едвали можно согласиться; см. пр. 93

([92]) «Княжескому и городскому.» Энгельм. Сл. ст. 80-ю.

([93]) Если судъ приговоритъ кому—либо поле и истецъ, ставши на полѣ, побѣдитъ своего противника, то получаетъ то, чего искалъ на отвѣтчикѣ; за выкупъ же трупа (съ родственниковъ убитаго) денегъ не брать, побѣдившій имѣетъ право снять только доспѣхъ (съ убитаго) и прочую одежду, въ которой противникъ его выходилъ на поединокъ. Виноватый (побѣжденный) долженъ уплатить и княжую продажу и приставное—двумъ приставамъ, по 6 денегъ каждому; но это только въ такомъ случаѣ, если поединокъ состоится; а если тяжущіеся помирятся (на полѣ до битвы), то приставамъ—каждому по 3 деньги. Если же не истецъ (а отвѣтчикъ) выиграетъ дѣло (побѣдитъ), то княжая продажа не взыскивается.

([94]) Если кто будетъ искать на другомъ по доскамъ денегъ,

39. А которой мастеръ плотникъ, или наймитъ отстоитъ свой оурокъ, и плотникъ или наймитъ..... свое дѣло отдѣлаетъ ([95])..... на государехъ и въ закличь сочитъ своего найма ([96]).

40. А которой наймитъ дворной пойдетъ прочь отъ государя, не достоявъ своего оурока, іно ему найму взяти по счету, а сочитъ ему найма своего за годъ, чтобы 5 годовъ, или 10 годъ стоявши, и всѣхъ тыхъ ему годъ (стоявши) найма сочити, какъ отыде за годъ

данныхъ (этому послѣднему) для торговыхъ оборотовъ, а отвѣтчикъ противопоставитъ платежную росписку, и въ роспискѣ будетъ написано, что деньги, данныя именно для торговли, уплачены, но въ Ларѣ Св. Троицы не будетъ копіи этой росписки, то такая росписка не имѣетъ силы, (т. е. отвѣтчикъ удовлетворялъ вновь истца по его требованію). Здѣсь законъ поддерживаетъ требованіе истца, взыскивающаго деньги по однимъ доскамъ, безъ заклада и безъ записи, но именно только въ томъ случаѣ, если деньги даны для торговыхъ оборотовъ. Еще Русская Правда облегчала обращеніе денегъ въ торговлѣ; см. Кар. 45.

([95]) «Ино имъ пайму взяти потомужъ»—вставляетъ Энгельманъ. Но, кажется, ближе къ смыслу статьи вставить: «*ино имъ вольно.*»

([96]) Если мастеръ-плотникъ, или наймитъ отживетъ свой срокъ или покончитъ работу, для которой былъ нанятъ, то можетъ искать на нанимателѣ своей заработной платы и «въ закличь» (закличь-объявленіе на торгу служитъ началомъ иска о кражѣ. См. Рус. Правду Кар. 27, 29, 123. и Иск. С. Гр. ст. 33). При искѣ посредствомъ «закличи» не требуется представленіе документовъ, какъ при искѣ вещномъ, а не возникающемъ изъ договора. Договоръ личнаго найма, болѣе всѣхъ другихъ родовъ договора, стремится избѣжать заключенія формальной сдѣлки и потому здѣсь законъ дѣлаетъ уступку,—смягчаетъ строгость договорнаго права и приравниваетъ взысканіе по личному найму къ искамъ вещнымъ. Онъ позволяетъ нанимателю и наемщику совершать словесную сдѣлку, безъ «записи.» Сл. ст. 101 и др.

сочити, толко будетъ найма не ималъ оу государя; а толко пойдетъ болши года, ино имъ не сочити на государехъ ([97]).

41. А которой наймитъ плотникъ, а почнетъ сочити найма своего на государи, а дѣла его не отдѣлаетъ, а пойдетъ прочь, а ркучи такъ государю: оу тебе есми отдѣлалъ дѣло свое все; и государь молвитъ: не отдѣлалъ еси всего дѣла своего; ино государю оу креста положыти чего сочить, или государь самъ поцелуетъ, аже оу нихъ записи не будетъ ([98]).

42. А которой государь захочеть отрокъ дати своему изорнику, или огороднику, или кочетнику ([99]),

---

([97]) Если дворовый работникъ отойдетъ отъ хозяина, не достоявши условленнаго срока, то получаетъ заработную плату по расчету (времени), но только за одинъ (послѣдній) годъ, хотя бы онъ (работникъ) стоялъ 5 или 10 годовъ; изъ заработаной платы всѣхъ этихъ годовъ ему позволяется искать, если онъ прежде не бралъ платы у хозяина, только за одинъ (послѣдній) годъ; если же пройдетъ больше года, то работникамъ не искать на хозяевахъ. (Кажется, что въ этой статьѣ полученье платы лишь за одинъ послѣдній годъ не стоитъ ни въ какой связи съ тѣмъ, что работникъ не достоялъ своего срока, а есть требованіе общее какъ для тѣхъ, которые отходятъ въ срокъ, такъ и для тѣхъ, которые не достояли срока. Оно обусловлено, думаемъ мы, стремленіемъ законодательства облегчить для суда разборъ исковъ, не основанныхъ на письменныхъ актахъ, заставивши хозяевъ и рабочихъ расчитываться каждогодно).

([98]) Если наймитъ-плотникъ пойдетъ прочь не додѣлавши дѣла и станетъ искать заработной платы на своемъ нанимателѣ, говоря такъ хозяину: я у тебя отдѣлалъ свое дѣло все, а хозяинъ скажетъ: не отдѣлалъ ты всего своего дѣла, то, если у нихъ не будетъ «записи,» пусть хозяинъ или положитъ у креста, чего ищетъ работникъ, или пусть самъ присягаетъ.

([99]) Кочетникъ=четникъ—рыболовъ, по словарю Мурзакевича; человѣкъ, взявшій въ наемъ исадъ (см. ниже), по объясненію Энгельмана; господскій староста въ деревняхъ, по толкованію Устрялова. Вѣроятнѣе первое. Въ Сербіи до сихъ поръ вознагражденіе зерномъ за ссуду воловъ называется *изоръ*.

ино отрокъ быти о Филипове заговенье; такожь захочетъ изорникъ отречися съ села, или огороднику, или четникъ, ино томужъ отроку быти, а иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника; а запрется изорникъ, или огородникъ, или котечникъ отрока государева, ино ему правда дать, а государь не допскался четверти, или огородной части, или съ ысады рыбной части ([100]).

43. А которой котечникъ заложитъ весну ([101]), или исполовникъ ([102]) оу государя, ино ему заплатити

([100]) Если хозяинъ хочетъ отказать своему изорнику или огороднику, или рыбаку, то быть отказу на филиппово заговенье; равно если изорникъ хочетъ отказаться отъ поля, или огородникъ, или рыбакъ, то срокъ отказа тотъ же; производить отказъ въ другое время не дозволяется ни хозяину, ни изорнику, ни рыбаку, ни огороднику. Если же изорникъ, или огородникъ, или рыбакъ докажетъ, что хозяинъ отказалъ ему не въ срокъ, то оправдать истца (наемника), а хозяинъ теряетъ свою-четвертую часть (полевыхъ произведеній), или свою часть огородныхъ овощей, или свою часть рыбы съ исада. (Энгельманъ понимаетъ послѣднія слова не такъ: «въ слѣдствіе присяги содержатель (наемникъ) остается въ имѣніи, на прежнихъ условіяхъ, до новаго отказа,» «договоръ считается возобновленнымъ.» Но буквальный смыслъ статьи не даетъ никакихъ основаній для такого предположенія; если отказъ послѣдовалъ со стороны хозяина не въ срокъ, то договоръ расторгается, только при этомъ хозяинъ лишается своей добавочной четверти дохода, которую онъ получилъ бы за послѣдній годъ, при расторженіи договора, еслибы отказъ совершился законно. Сл. ст. 62. «*Исадъ* тоже самое, что учугъ, т. е. перегородка черезъ рѣку съ ловушками рыбъ» Энгельманъ.

([101]) Поселянинъ—веснякъ. Слов. Памвы Берынды. «Веснякъ-житель веси, имѣетъ сродство и съ словомъ весна, употребляющемся въ Пск. грам. въ смыслѣ веси, поля, работы на полѣ.» Ѳ. И. Буслаевъ (Архивъ И.—Ю. Свѣдѣній. Кн. 1. Отд. IV. 14—15).

([102]) Исполовникъ—огородникъ, потому что изорникъ платилъ хозяину только $^1/_4$ дохода, а не половину.

весна своему государю, какъ оу другой чатѣ доставалося на томъже исадѣ ([103]).

44. А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и въ закличь своей покруты ([104]) и сочити серебра, и всякой вершн по имени, или пшеница ярой, или озимой, и по отроку государеву, или самъ отречется ([105]).

45. А кто иметъ сочитъ торговли, или поруки, или зблюденіа, или съсудиа, или выморшини безимянно, ино той не доискался ([106]).

46. А которой человѣкъ оу человѣка знаетъ свое што изгибшее, а тому молвитъ то слово: купилъ есми на торгу, а тогожъ есми незнаю оу кого купилъ; ино ему правда дать на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ, а съ татемъ не подѣлился; а непоставитъ его, а самъ не оукралъ, ни пословицы не было-будетъ, ино тотъ не доискался ([107]).

([103]) Если кочетникъ или исполовникъ заложитъ своему хозяину свою часть весенняго урожая или улова, то платитъ хозяину всю другую часть весенняго дохода, которая досталась бы ему съ исада (или огорода).

([104]) Ссуды, полученной (деньгами или хлѣбомъ) отъ хозяина сельскимъ рабочимъ при заключеніи найма.

([105]) Хозяинъ можетъ искать на изорникѣ, огородникѣ, или кочетникѣ своей ссуды и въ „закличъ“, въ чемъ бы она ни состояла-въ деньгахъ, въ извѣстномъ количествѣ хлѣба, пшеницы ярой или озимой, когда наемщикъ отойдетъ, получивъ отказъ отъ хозяина или самъ отказавшись (объ искѣ въ закличъ см. ст. 39 и прим. къ ней).

([106]) Кто станетъ искать своихъ денегъ данныхъ въ ссуду для торговли, или взыскивать долгъ съ поручителя, или требовать вещей, отданныхъ на сохраненіе, или долга, или имущества послѣ умершихъ родственниковъ, но не опредѣлитъ цѣны иска, тотъ теряетъ искъ.

([107]) Если кто опознаетъ свою пропавшую вещь у другаго, а этотъ послѣдній скажетъ: я купилъ на торгу, но у кого—не-

47. А кто што купилъ на чюжей земли, или на городѣ, или найдеть гдѣ, а кто поймается толко, іно тотъ судить какъ въ торгу ([108]).

48. А кто почнетъ на волостеляхъ посула сачить, да и портище сойметъ, или конь сведеть; а молвить такъ: въ посулѣ есми снялъ, или конь свелъ, іно быти ему въ грабежи, хто въ посули снялъ, или коня свелъ ([109]).

49. А княжимъ людемъ, или подвоскимъ ѣздить дворитъ, а ѣздъ имати на 10 верстъ денга; а што бы-двое или трое ѣхали, а ѣздъ имъ взять одинъ. А княжой чловѣкъ не пойдетъ псъ тово, или подвоской, іно псковитину послать псъ того волно, псъ тѣхже ѣздовъ ([110]).

знаю, то привести (отвѣтчика) къ присягѣ въ томъ, что онъ дѣйствительно купилъ на торгу и съ воромъ не подѣлился; хотя бы онъ и не представилъ въ судъ человѣка, у котораго купилъ, но самъ не укралъ и въ обществѣ не будетъ на него подозрѣнія, истецъ теряетъ искъ (т. е. не спорную вещь, которая конечно поступаетъ отъ владѣльца къ собственнику, а вознагражденіе убытковъ. Сл. Рус. Пр. Кар. 29, 33).

([108]) Если кто купилъ вещь въ чужой землѣ, или въ городѣ, или нашелъ ее гдѣ-нибудь, а другой признаетъ ее своею, то дѣло рѣшается такъже, какъ и при покупкѣ на торгу. См. ст. 45 и 55.

([109]) Если кто станетъ отыскивать на волостелѣ взятки и при этомъ сниметъ съ него (волостеля) одежду, или сведетъ коня, говоря: за взятку я снялъ одежду или свелъ коня, то тому, кто снялъ за взятку, или свелъ коня, отвѣчать какъ за грабежъ.

([110]) Княжескимъ людямъ, или подвойскимъ ѣздить (на слѣдствіе и проч.) двоимъ; прогоны имъ на 10 верстъ-одна деньга; если поѣдутъ двое, или трое, во всякомъ случаѣ прогоны одни. Если же за эти прогоны княжескій человѣкъ, или подвойскій не согласится ѣхать, то псковитянинъ можетъ послать кого угодно за тѣже прогоны. (Чит. вм. «дворитъ»—двоимъ; всегда ѣздили: одинъ княжій человѣкъ и одинъ отъ Пскова подвойскій, или

50. А княжей писецъ възмстъ по силѣ истъцово отъ позовницы, или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной, а захочетъ не по силѣ, ино волно пндѣ написати, а князю запечатать; а не запечатаетъ князь, ино оу святѣй Троицы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ (111).

51. А коли изорникъ иметь запирается оу государя покрутын, а молвитъ такъ: оу тебе есми на селѣ живалъ, а тебе есми не виноватъ, іно на то государю тому поставити люди сторонніе, человѣки 4 і 5, а тымъ людемъ сказати какъ прямо предъ Богомъ, какъ чисто на селѣ сѣдѣлъ; ино государю правда давши взять свое, или изорнику вѣритъ, то воля государева. А толко государь не поставитъ людей на то, что изорникъ на селѣ седѣлъ; ино тотъ человѣкъ покруты своея не доискался (112).

соцкій. Сл. ст. 77. 80. Неизвѣстно въ какихъ особо важныхъ случаяхъ могъ быть присоединенъ третій).

(111) Княжескій писецъ долженъ брать съ истца за написаніе позовницы (см. ст. 25), безсудной грамоты (см. ст. 26), или приставной, смотря потому сколько тотъ можетъ дать; если же потребуетъ сверхъ возможности, то истецъ имѣетъ право написать грамоту гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и князь въ такомъ случаѣ обязанъ ее запечатать; если же князь не запечатаетъ, то запечатать у св. Троицы и это не есть оскорбленіе княжеской власти. (Архивъ-Ларь центральнаго святилища псковской земли былъ мѣстомъ храненія какъ списковъ закона, такъ и копій всякихъ имущественыхъ и договорныхъ актовъ. При немъ былъ особый ларникъ. См. Псков. Лѣт. I. 233. Сл. ст. 38).

(112) Если изорникъ станетъ отвергать, что онъ бралъ у хозяина покруту (см. ст. 43) и скажетъ такъ: я жилъ въ твоемъ имѣніи, но не долженъ тебѣ, то хозяинъ долженъ поставитъ сторонних людей, человѣка 4 или 5, а эти люди должны сказать по совѣсти, какъ передъ Богомъ, что онъ дѣйствительно занималъ поле. Тогда предоставить хозяину: или пусть присягаетъ самъ и (присягнувши) получаетъ покруту, или пусть предоставляетъ присягать изорнику. Но если хозяинъ не поставитъ

52. А на тати и на разбойники же, чего истецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти ([113]).

53. Аже сынъ отца, или матерь не скормитъ до смерти, а пойдетъ изъ дому, части ему не взять ([114]).

54. А штобы и по суду, или оу креста поставить своего иска, оу кого купилъ, ино судъ съ тѣмъ чело-

---

свидѣтелей того, что дѣйствительно изорникъ занималъ поле, то хозяинъ лишается своей покруты. (Очевидно, что можно было *жить* въ имѣніи, но не занимать поля, можно было занимать поле, не получивши покруты. На судѣ первое рѣшается собственнымъ показаніемъ отвѣтчика; второе—свидѣтельскими показаніями сторонних*ъ* людей; третье—присягою истца или отвѣтчика).

([113]) На ворѣ и на разбойникѣ чего не возметъ истецъ, того не брать и князю въ видѣ продажи. (Энгельманъ объясняетъ: «отвѣтчикъ освобождается отъ штрафа въ пользу князя только тогда, когда и истецъ съ своей стороны отказывается отъ всякаго вознагражденія», т. е. истецъ можетъ посредствомъ мировой отстранить всѣ послѣдствія суда, «хотя бы основаніемъ дѣла было и преступленіе». Но изъ ст. 96 видно, что послѣдствія уголовнаго суда не зависѣли отъ воли истца; частныя сдѣлки потерпѣвшаго отъ преступленія съ преступникемъ по псковскому законодательству запрещены были уже въ эпоху Псков. С. Грам. Смыслъ статьи тотъ, что княжая продажа соразмѣряется съ требованіемъ частнаго обвинителя, доказаннымъ на судѣ; она берется не со всего иска, а только съ той части его, которая доказана. Положимъ, что истецъ обвиняетъ другаго въ кражѣ «клѣти подъ замкомъ» и въ тоже время «воза подъ титягою». Если бы обѣ части иска были доказаны, то князю слѣдовала бы двойная продажа 9 + 9=18 денегъ. Но воръ обвиненъ въ татьбѣ изъ клѣти и оправданъ по обвиненію въ татьбѣ съ воза. Князю слѣдуетъ только 9 денегъ).

([114]) Сынъ, отдѣленый при жизни отца или матери, не получаетъ наслѣдства. (Другой смыслъ въ переводѣ Устрялова: «Кто не прокормитъ отца или мать до ихъ смерти и оставитъ домъ свой, тотъ лишается части, приходящейся ему по наслѣдству»).

вѣкомъ, кто искалъ, кто снялъ, а тотъ прорука кто изводъ поставилъ ([115]).

55. А оу кого поимаются за отморшину отца его, или приказной, а и сусѣдомъ будетъ вѣдомо, или сторонымъ людемъ, а ставъ человѣкъ 4 или 5, а молвятъ какъ право предъ Богомъ, что чисто оу него отморшина отца его, ли приказное, ино оу кого поимался, и цѣлованьа ему нѣтъ; а тотъ не доискался; а толко ([116]) будетъ человѣкъ 4 или 5, скажутъ какъ право предъ Богомъ, ино ему правда дать, какъ чисто отморшина ([117]).

56. А также кто купилъ на торгу, а оу кого купилъ не знаетъ его, а людемъ будетъ добрымъ вѣдомо, а оу него имаются человѣкъ 4 или 5, скажутъ како

([115]) Если человѣкъ (у котораго собственникъ опозналъ свою пропавшую вещь) поставивъ къ суду или къ присягѣ того, у кого онъ купилъ эту вещь, то истцемъ является (уже не онъ а) тотъ, кто искалъ (своей пропавшей вещи) и кто снялъ (ее, т. е. арестовалъ); тотъ же (у кого захвачена вещь и) кто отвелъ отъ себя искъ, является поручителемъ (въ явкѣ отвѣтчика къ суду, а не въ томъ смыслѣ, «въ какомъ отвѣтствуетъ поручитель по несостоятельномъ должникѣ», какъ думаетъ Энгельманъ).

([116]) «Смыслъ здѣсь настоятельно требуетъ частицы *не*.» Энгельманъ.

([117]) Если кто заявитъ притязаніе, на вещь, доставшуюся кому-либо по наслѣдству отъ отца, или по завѣщанію, и если сосѣдамъ и стороннимъ людямъ будетъ извѣстно (что вещь дѣйствительно перешла отъ отца) и человѣка 4 или 5 (изъ нихъ), ставши (предъ судомъ), скажутъ по истинѣ, какъ передъ Богомъ, что эта вещь дѣйствительно получена имъ по наслѣдству или по завѣщанію, то отвѣтчику и присягать не нужно и истцу отказать. Но если не будетъ 4 или 5 человѣкъ, которые бы сказали по истинѣ какъ передъ Богомъ, то отвѣтчика привести къ присягѣ въ томъ, что спорная вещь есть его отцовское наслѣдство.

право предъ Богомъ: предъ нами въ торгу купилъ, нно той правъ, оу кого имаются, и целованья ему нѣтъ; а не будетъ оу коего свидѣтелей, нно ему правда дати, а той не доискался ([118]).

57. А кто возметъ пристава оу князя, или оу посадника, обыскивати татбы, іно князю и посаднику приставы отпустити люди добрые, непзмѣнны; а тымъ приставомъ, гдѣ будетъ татба обыскивати; а толко тѣ приставе рекутъ то слово: пріѣхали есмы на дворъ татбы обыскивати, и тотъ человѣкъ намъ не далъ обыскивати и въ хоромы насъ не пустили, и зъ двора согнали; и тотъ человѣкъ, кого было обыскивати, а молвитъ то слово: оу мене, господо, тѣи приставы не бывали: или тойжъ человѣкъ возмолвитъ то слово: были той—есть оу мене тѣ пристави, а язъ есми имъ хоромы отворялъ и они мене не обыскиваючи, да сами зъ двора збѣжали, а тымъ мене згоненіемъ облыгаютъ; нно князю и посаднику опросити приставовъ: есть ли оу васъ исправа ([119]) какова на томъ, предъ кимъ васъ тотъ человѣкъ зъ двора согналъ? нно приставомъ на се поставитъ люди человѣка 2 или 3, а ты люди, ставъ на судѣ, рекутъ какъ право предъ Богомъ: предъ нами тотъ человѣкъ тѣхъ приставовъ съ двора согналъ, а обыскивати имъ не далъ; нно тымъ приставомъ правда дати ([120]), а

([118]) Если кто купилъ вещь на торгу, но у кого купилъ, не знаетъ, а добрымъ людямъ будетъ извѣстно (что онъ дѣйствительно купилъ на торгу) и если на эту вещь изъявитъ кто нибудь притязаніе, то если человѣка 4 или 5 скажутъ по истинѣ, какъ передъ Богомъ: «онъ при насъ на торгу купилъ», отвѣтчикъ правъ и присяги ему нѣтъ. Если же свидѣтелей у него не будетъ, то привести его къ присягѣ и (если присягнетъ) истцу отказать. (Сл. ст. 45-ю).

([119]) Есть ли у васъ свидѣтели?

([120]) Приставовъ оправдать.

тотъ человѣкъ въ татбѣ ([121]); или пакы тыи пристави ([122]), іно тіи пристави не въ пристави, а тотъ татбы своей недопскалъся, чіи таковіи пристави ([123]).

58. А на соудъ помочью ([124]) не ходити, лѣсти въ судебницу ([125]) двѣма сутяжникома ([126]), а пособниковъ бы не было ни съ одноі стороны, опричь жонки, или за детину, или за черньца, иди за черницу, или которой человѣкъ старъ велми, или глухъ, іно за тѣхъ пособнику быти. А хто опрочь, не ([127]) имѣтъ помогать, или силою въ судебню полѣзетъ, или подверника оударитъ, іно всадити его въ дыбу ([128]), да взять на немъ князю рубль, а подвернікомъ 10 денегъ.

59. А тымъ подверникомъ быти отъ князя человѣку, а отъ Пскова человѣку же, а целовать имъ на томъ крестъ, што праваго не погубити, а виноватаго не опра-

---

([121]) Человѣкъ, выгнавшій приставовъ, eo ipso обвиняется какъ воръ.

([122]) Окажутся виноными въ оклеветаніи (если окажется, что они дѣйствительно или совсѣмъ не были на обыскѣ, или сами со двора сбѣжали).

([123]) То тѣхъ приставовъ не считать за приставовъ и тотъ, который послалъ такихъ приставовъ, теряетъ искъ. (Итакъ избиралъ приставовъ частный обвинитель, получивъ отъ князя или посадника приставную грамоту).

([124]) Съ пособниками.

([125]) Входить въ комнату присутствія суда.

([126]) Истцу и ответчику.

([127]) Энгельманъ читаетъ: «опрочней имѣтъ»—сторонній станетъ помогать. Въ такой поправкѣ нѣтъ надобности; смыслъ этого мѣста (при такой разстановкѣ знаковъ, какую мы сдѣлали въ текстѣ) слѣд.: если же истцомъ или ответчикомъ будетъ кто либо *кромѣ лицъ исчисленныхъ выше,* то пособниковъ имѣть не можетъ.

([128]) Колодку, которую составляли двѣ плахи, имѣвшія по срединѣ выемку, а по концамъ петли и замки. (Слов. Ц. Сл. и Рус. Языкъ. I. 381, 382). Устряловъ.

вити ([129]); а со всякого суда имать имъ денга одна обѣма, на виноватомъ человѣки.

60. А татю вѣры не нятъ; а на кого возклеплетъ, ино домъ его ([130]) обыскать, и знайдуть въ дому его что полишное ([131]), и онъ тотже тать ([132]); а не найдутъ въ дому его, и онъ свободенъ.

61. А князю и посадницку грамотъ правыхъ не посужати, а лживыхъ грамотъ и доски, обыскавши правда, судомъ посудити ([133]).

62. А кто на комъ иметь чего искать по доскамъ, или по закладомъ, а смолве ([134]) оу своего истца возметъ отъ много мало по суду, и чтобы оу креста; ино въ

([129]) Эти слова повидимому противорѣчатъ смыслу должности подверника, ясно обозначенному какъ самымъ названіемъ ея, такъ и содержаніемъ предыдущей статьи и Н. В. Калачовъ полагаетъ, что подверникъ былъ скорѣе судья, чѣмъ сторожъ. Энгельманъ старается объяснить это противорѣчіе предположеніемъ, что вѣроятно подверникъ долженъ былъ брать и держать обвиненныхъ подъ стражею, причемъ легко могъ злоупотреблять своею властію. Но подверникъ, будучи только охранителемъ порядка въ судѣ, имѣлъ много случаевъ злоупотреблять своими правами.

([130]) Того, кого оговоритъ воръ.

([131]) Поличное—вещь украденную.

([132]) Признается воромъ.

([133]) «Правая грамота»—судебный приговоръ. Устряловъ и Энгельманъ думаютъ, что здѣсь «правыя грамоты» нужно разумѣть не въ этомъ техническомъ смыслѣ, а въ смыслѣ справедливыхъ, неподложныхъ грамотъ, на томъ основаніи, что далѣе имъ противопоставляются «лживыя» грамоты. Но, кажется, смыслъ статьи таковъ: дѣлъ, по которымъ уже разъ состоялся судебный приговоръ, не пересуживать; развѣ если будетъ подозрѣніе въ подложности правой грамоты или акта, тогда, изслѣдовавши дѣло, рѣшить дѣло судомъ. Иначе какой юридическій смыслъ въ выраженіи: «грамотъ справедливыхъ не отвергать»?

([134]) Энгельманъ читаетъ: «а съ молве»—по условію съ отвѣтчикомъ.

томъ пени нѣтъ, чтобы и даромъ отпустилъ своего истца безъ целованья ([135]).

63. А который изорникъ отречется оу государя села, или государь его отрьчетъ, и государю взять оу него все половину своего изорника, а изорникъ половину ([136]).

64. А которіе пристави, княжей человѣкъ, или подвоской, или псковитинъ, а поѣдетъ человѣка позвати на судъ, или росковати, или сковати, а ѣздъ имать на 10 верстъ денга.

65. А которой приставъ поѣдетъ на татбу ([137]), ино ему ѣздъ имати вдвое; платить татю виноватому ([138]); а только не выметъ татбы, ([139]), ино приставное и дверское ([140]) платити тому, кто пристава взялъ ([141]).

66. А который приставъ, или дворянинъ, а возметъ своему оузду ([142]) конь, или иное что оу него возметъ, ино ему дать на руку стороннему человѣку; а не воз-

---

([135]) Если кто будетъ искать на другомъ по доскамъ, или по закладу, но по условію съ отвѣтчикомъ, состоявшемуся на самомъ судѣ или даже у присяги, согласится уменьшить искъ, то за это нѣтъ наказанія; истецъ можетъ и совершенно освободить отвѣтчика отъ взысканія, не подвергая его присягѣ.

([136]) Не половину собственнаго (движимаго) имущества изорника, а половину урожая за послѣдній годъ съ того поля, которое обрабатывалъ изорникъ. Сл. ст. 42.

([137]) Сл. ст. 57-ю.

([138]) Платить тому, кто будетъ признанъ воромъ.

([139]) Поличнаго.

([140]) Плата подверникамъ. См. ст. 59.

([141]) Т. е. истцу.

([142]) Энгельманъ читаетъ вм. «узду»—*истцу*. Тоже Н. В. Калачовъ и Устряловъ. Но, кажется, нѣтъ нужды отступать отъ буквы подлинника; это выраженіе, очевидно техническое того времени, означаетъ: «взять коня на свое сохраненіе

метъ на руку, ино ему собою свести; а взять ѣзды на томъ, кто его не оутяжетъ ([143]).

67, А истецъ, приѣхавъ съ пристwoмъ а возметъ что за свой долгъ силою, не оутяжетъ своего иска ино быти ему оу грабежу; а грабежъ судити рублемъ, и приставное платитъ виноватому ([144]).

68. А посаднику всякому за друга ему не тягатся, опрочь своего орудіа, или гдѣ церковное старощеніе дръжитъ, ино имъ волно тягатся ([145]).

и отвѣтственность» (чит. на свою узду).—Арестъ вещи производится не для немедленнаго удовлетворенія истца, а для обезпеченія иска.

([143]) Если приставъ или дворянинъ возметъ (арестуетъ) коня или другое что нибудь у того, (на кого предъявленъ искъ), то долженъ отдать (взятую вещь) на сохраненіе стороннему человѣку. Если же никто не возметъ ея на сохраненіе, то-приставъ или дворянинъ долженъ взять ее съ собою; вознагражденіе приставу за поѣздку для производства ареста полагается съ того, кто по суду не выиграетъ иска.

([144]) Если истецъ, пріѣхавши съ приставомъ, возметъ у отвѣтчика что нибудь насильно за свой долгъ, но по суду отвѣтчикъ будетъ оправданъ, то истецъ судится (за самовольное взысканіе долга) какъ за грабежъ; за грабежъ же назначается штрафу рубль,—равно и приставное платитъ онъ—оказавшійся неправымъ. (Между предыдущею и этою статьею нѣтъ противорѣчія: въ первой говорится о полученіи съ отвѣтчика обезпеченія иска, почему взятая у него вещь поступаетъ не истцу, а отдается или стороннему человѣку, или остается у пристава; ясное доказательство, что слѣдуетъ читать не *истцу*, а *узду*; во второй говорится о самовольномъ взысканіи долга со стороны истца, который взятую вещь обращаетъ въ свое пользованіе)

([145]) Никакой посадникъ не можетъ быть повѣренымъ въ тяжбахъ другаго. Онъ можетъ вести только свои собственныя дѣла и дѣла по церковному имуществу, если состоитъ церковнымъ старостою. Это постановленіе, возникшее изъ цѣлей гарантировать безпристрастіе въ судѣ, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что органы юридическаго лица (въ настоящемъ случаѣ

69. И всякому властелю ([146]) за друга не тягатись, опрочь своего орудіа.

70. А за церьковною землю и на судъ помочью сусѣди не ходятъ; итти на судъ старостамъ за церковную землю.

71. А одному пособнику, одного дни, за 2 орудиа не тягатся ([147]).

72. А которому человѣку будетъ кормля написанна въ рукописаніи, и да грамотами владѣть землеными учнетъ, или исадскимъ, а продастъ тую землю, или исадъ, или иное что, а доличатъ того человѣка, ино ему земля та, или исадъ, или иное выкупити, а свою кормълю покралъ ([148]).

---

pia causa—церковь) еще не ясно отличаются отъ обыкновенныхъ повѣренныхъ въ судѣ.

([146]) Здѣсь волостель не спеціальное названіе (одного рода чиновниковъ), а общее для всѣхъ лицъ, облеченныхъ властію.

([147]) Одинъ и тотъ же повѣренный не можетъ вести двухъ дѣлъ въ одинъ и тотъ же день. (Цѣль этого закона Энгельманъ объясняетъ такъ: «это запрещеніе постановлено съ тою цѣлію, чтобы устранить сильное нравственное вліяніе, какое могло имѣть на судей то обстоятельство, что извѣстный человѣкъ уже выигралъ при нихъ одно дѣло—вліяніе, которое могло ихъ располагать въ его пользу при рѣшеніи другаго спорнаго дѣла»)

([148]) Если кто получитъ по завѣщанію имущество въ *пользованіе* и если у него же въ рукахъ будутъ грамоты (крѣпостные акты) на это имущество: землю или исадъ, и пользователь продастъ эту землю, или исадъ, или что нибудь другое, то, когда уличатъ его (въ такой незаконной продажѣ), онъ обязанъ выкупить проданное имущество и сверхъ того лишается пользованія имъ. *Покралъ*: т. е лишеніе пользованія есть штрафъ за его противозаконный поступокъ, какъ за кражу чужаго). Очевидно, что продажа могла быть совершаема не иначе, какъ чрезъ передачу крѣпостныхъ актовъ.

73. А которому человѣку на комъ будетъ имаиіе ([149]) по записи, да и гостинецъ ([150]) будетъ писанъ на записи, а пріидетъ зарокъ ([151]), ино ему явитъ господѣ о своемъ гостинцѣ, ино по зароки ему взять свой гостинецъ; а толко не явитъ зарока господѣ, гостинца ино ему не взять по зарокѣ ([152]).

74. А кто почнетъ имать своего иска ([153]) въ своемъ сребрѣ до зарока, ино ему гостинца не взять. А на коемъ сребро имати, и тотъ человѣкъ до зароку оучнетъ сребро отдавать кому виноватъ, ино гостинца дать, по счету ему взять.

75. А которой изорникъ на государя положитъ въ чемъ доску, ино та доска посудитъ ([154]). А старому изорнику вози вести на государя ([155]).

([149]) Требованіе, долговое обязательство.

([150]) Процентъ.

([151]) Срокъ уплаты.

([152]) Если кредиторъ заявитъ въ срокъ свое требованіе предъ судомъ, въ такомъ только случаѣ получаетъ и проценты; если же предъявленіе сдѣлано послѣ срока уплаты, процентовъ нѣтъ.

([153]) Кто потребуетъ уплаты долга отъ отвѣтчика до истеченія срока займа,—процентовъ не получаетъ. Если же должникъ пожелаетъ возвратить долгъ до истеченія срока, то платитъ проценты по разсчету времени.

([154]) Если изорникъ представитъ на своего хозяина доску въ чемъ либо, то доски не принимать во вниманіе (какъ актъ не формальный; см. ст. 14).

([155]) Намъ кажется, что эту вторую половину нужно принимать за отдѣльную статью, хотя не только издатель не отдѣляетъ ее новою строкою, но и Энгельманъ и Устряловъ объясняютъ ее въ совокупности съ первою. Однако объясненія при такомъ чтеніи далеко не удовлетворительны. Устряловъ читаетъ вм. *возы вести*—«возвести» (якобы отъ слав. »изводъ», «сводъ») и переводитъ: «при этомъ необходима очная ставка» (!!) Энгельманъ объясняетъ: изорникъ, ведущій искъ противъ хозяина, обязанъ, несмотря на то, исправ-

76. А которой изорникъ съ села збѣжитъ за рубежъ ([156]), или индѣ гдѣ, а изорничь животъ ([157]) на сели останется, государю покрута имать на изорники ([158]); ино государю оу князя и оу посадника взять пристава, да и старость губьскихъ ([159]) позвати, и сторонних людей, да тотъ животъ изорничь, предъ приставы и предъ сторонными людми, государю попродати ([160]), да и поимати за свою покруту; а чего не достанетъ, а по томъ времени явится изорникъ, ино государю добровольно искать остатка своего покруты; а государю пени нѣтъ ([161]); а изорнику на государи живота не сочитъ, а сочити псковскимъ.

лять всѣ должныя работы. Въ такихъ объясненіяхъ не придается никакого значенія словамъ: «*а старому* изорнику». Принимая же эту статью за отдѣльную, мы входимъ, на основаніи слова: старый, въ кругъ юридическихъ явленій, достовѣрно извѣстныхъ изъ другихъ памятниковъ: старый, не похожій, человѣкъ вступалъ въ обязательныя отношенія къ хозяину болѣе строгія, чѣмъ крестьянинъ вновь перешедшій къ землевладѣльцу. (См. Пам. Кіев. Ком. I. 2. с. 2—3 и др.). Изъ предыдущихъ статей (42, 43, 44) мы видѣли, что изорникъ обязанъ былъ землевладѣльцу только арендною платою ежегоднаго дохода и единовременною уплатою покруты (если получилъ ее); но старый изорникъ обязывается еще подводною повинностію. Усиленіе строгости обязятельствъ наемщика земли, въ силу одной давности, есть явленіе высокаго интереса въ юридическомъ и историческомъ отношеніяхъ.

([156]) За границу псковскаго государства.

([157]) Движимое имущество.

([158]) И если хозяину слѣдуетъ получить покруту съ изорника.

([159]) Костомаровъ: «во псковской землѣ кромѣ волостей существовали губы, на оконечностяхъ всей области (Пецкая губа, Наровская губа).

([160]) Оцѣнить.

([161]) Хозяинъ не штрафуется за то, что забралъ имущество изорника и изорникъ не можетъ искать этого (взятаго за

77. И судьямъ псковскимъ ([162]), и посадникомъ погородскимъ, ([163]), и старостамъ пригородцкимъ ([164]) потомужъ крестъ целовать на томъ, што имъ судити право по крестному целованью, а не судѣть право, ино суди имъ Богъ въ страшный день втораго пришествіа Христова.

78. А которому княжому человѣку ѣздити на межу ([165]) съ сотьскими, ино ему такоже цѣловати крестъ.

покруту) имущества съ своего хозяина. (Послѣднія слова: «а сочити псковскимъ» намъ кажутся не болѣе какъ ошибкою переписчика: именно—первое повтореніемъ предыдущаго, второе—повтореніемъ послѣдующаго, т. е. начальныхъ словъ другой ст: «и судьямъ псковскимъ». Буквальное чтеніе принимается большею частію изслѣдователей (Энгельманомъ, И. Д. Бѣляевымъ; см. его «Крестьяне на Руси» 28—29) и дополняется ими такъ: а сочити псковскимъ *судьямъ*; за трудненіе, возникающее изъ такого добавленія рѣшается ими различно: Энгельманъ объясняетъ: «если имущество (изорника, проданное съ публичнаго торга) превышаетъ взысканіе, то изорникъ не имѣетъ права на полученіе остатка, который обращается въ пользу города Пскова». И. Д. Бѣляевъ: «ежелибы господинъ, при продажѣ крестьянскаго имѣнія, не соблюлъ узаконеннаго порядка, то за сомовольную продажу подвергался иску. Но искать могъ не самъ крестьянинъ, а псковскіе судьи».

([162]) Разумѣется ли здѣсь: намѣстникъ, посадникъ (см. ст. 3), или особые судьи рѣшить трудно. Если первое, то къ чему повторяется еще разъ, уже высказаное однажды? Сл. ст. 108.

([163]) Энгельманъ читаетъ: пригородскимъ, тогда какъ у Мурзакевича напечатано прямо—погородскимъ, хотя смыслъ обоихъ словъ тотъ же. Въ каждомъ изъ 12 пригородовъ своихъ Псковъ держалъ своихъ посадниковъ (рядомъ съ княжескими намѣстниками).

([164]) Слѣд. читать: «подгородскимъ». «Подгородные посады управлялись старостами (см. лѣтъ Нов. I. 44) и Костомарова: Сѣв. Рус. Нар. II. 52 Сверхъ того «во Псковѣ купцы дѣлились по рядамъ и каждый рядъ имѣлъ своего старосту. Во псковскихъ пригородахъ, селахъ и волостяхъ вездѣ были старосты». jb. стр. 53.

([165]) На изслѣдованіе границъ спорнаго имѣнія.

79. А коли имуть тягатся о земли, или о водѣ, а положать двои грамоты, ино одны грамоты чести дьяку княжому, а другіе грамоты чести дьяку городскому. А коли пріидетъ грамота съ пригорода, а ты грамоты и чести дьяку городскому (166).

80. А кто съ кимъ побьется во Псковѣ, или на пригородѣ, или на волости на пиру, или гдѣ индѣ, а толко приставомъ не позовутся (167), а промежъ себѣ прощенье возмутъ, ино ту князю продажи нѣтъ.

81. А на приставное, и на ссылку, княжимъ людемъ ѣздить со псковскими подвоскими по половинамъ (168).

82. А княжой писецъ иметь писати судницу (169) о земли, ино ему отъ судницы взять 5 денегъ, а отъ позовницы денга, а отъ печати денга, а отъ безсудной и отъ приставной, все то имъ имати по денги. А толко княжой писецъ захочетъ не по силѣ, ино индѣ волно написати, а князю запечатать, а не запечтаетъ князь, ино оу святѣй Троицы запечатать, а въ томъ измѣны нѣтъ (170).

---

(166) Грамоты съ пригородовъ, въ управленіи которыхъ прежде князь не принималъ участія, предоставляется читать дьяку городскому.

(167) Энгельманъ, сличая эту статью со ст. 27, думаетъ, что дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ, совершенныхъ во многолюдномъ мѣстѣ, вчиналнсь слѣдственнымъ порядкомъ, хотябы ни одна изъ сторонъ не жаловалась. Но это прямо противорѣчитъ настоящей статьѣ, которая говоритъ, что только послѣ *жалобы* примиреніе невозможно безъ взысканія уголовнаго штрафа.

(168) Псковскіе подвойскіе и княжіе люди должны ѣздить въ качествѣ приставовъ (см. ст. 64-ю) или для вызова свидѣтелей пополамъ (т. е. вдвоемъ и дѣлить прогоны по поламъ).

(169) Судебное рѣшеніе.

(170) См. выше ст. 50 ю

83. А которому псковитину імать грамота оу князя и оу по ([171])... о своемъ дѣле за рубежъ ([172]); и отъ той грамотѣ княжому писцу взять денга; а печатная денга

84. А которой изорникъ пооумреть оу государя на сели, а не будетъ оу него ([173]) ни жены, ни детей, ни брата, ни племени, ино государю такожъ животъ изорничь съ приставами і и сторонними людми попродавать, да за свою покруту поимати, а потому ([174]) племени изорничи, ни брату, не сочитъ живота ізорнича ([175]).

85. А оу которого человѣка, оу государя, изорникъ помреть въ записи, въ покрути, а жена оу него останется и дѣти не въ записи, ино изорничи женѣ и дѣтемъ откличи нѣтъ о государевѣ покрутѣ, а та имъ покрута платитъ по той записи; а будетъ не въ записи

([171]) Посадника.

([172]) Заграничный паспортъ ѣдущимъ по собственной надобности. Энгельманъ иначе: «Дѣло за рубежъ, значитъ, вѣроятно, спорное дѣло псковитина, которое производилось за границею княжества псковскаго. Слѣд. грамоты о дѣлѣ за рубежъ были, кажется, грамоты, документы, выдаваемые псковскимъ правительствомъ по такимъ дѣламъ».

([173]) Изорника. Если при смерти изорника въ томъ же имѣніи не будетъ на лицо его наслѣдниковъ.

([174]) Послѣ этого родственники не имѣютъ права искать на хозяинѣ имущества, проданнаго въ удовлетвореніе хозяина за покруту. См. ст. 76.

([176]) Но если у какого-либо хозяина умретъ изорникъ, на котораго у хозяина останется «запись» (см. ст. 14, 15) опокрутѣ, и если у умершаго изорника останется жена и дѣти, которые не поименованы въ записи (не были привлечены къ договору займа), то жена и дѣти не могутъ отказываться отъ возвращенія покруты хозяину; они должны уплатить ее по силѣ записи. Если же обязательство умершаго изорника было совершено не черезъ запись (а словесно, или въ другихъ формахъ договора), то тяжба рѣшается судомъ по прежнимъ псковскимъ обычаямъ (а Энгельманъ; «по тѣмъ статьямъ» «Псковской пошлины,» ко

былъ изорникъ, ино ихъ судити судомъ псковской пошлинѣ ([175]).

86. А будетъ оу изорника братъ, или иное племя, и за животъ поимаются, ино государю на нихъ и покруты искать ([176]). Изорничи брату, и изорничи племяни государа не татбитъ ни лукошки, ни кадки. А толко будетъ конь, или корова, іно волно искати оу государя ([177]).

87. А изорникъ поимается за жывотъ оу государя, и государь изведется ([178]) тѣмъ, за что изорникъ поимался за свой жывотъ оу государя, а стороннымъ

торыя опредѣляютъ порядокъ разбора споровъ по обязательствамъ.» Здѣсь онъ очевидно разумѣетъ письменную Псковскую Судную грамоту).

([176]) Яркій признакъ здраваго взгляда на *права наслѣдства*: принятіе наслѣдства есть вмѣстѣ принятіе обязательствъ наслѣдодателя, съ ограниченіями, указанными въ ст. 85.

([177]) Если же у изорника останутся наслѣдники боковые (а не исходящіе) и потребуютъ наслѣдства, то хозяинъ на нихъ обращаетъ и свое взысканіе покруты. Боковымъ родственникамъ (умершаго изорника) не скрывать отъ хозяина ни лукошка, ни кадки (вообще домашняго скарба принадлежащаго умершему). Но если отъ умершаго останется конь, или корова, то наслѣдники (боковые родствен.) могутъ требовать ихъ отъ хозяина (значитъ хозяинъ былъ непремѣннымъ наслѣдникомъ домашняго скарба умершаго изорника, если послѣдній не оставитъ наслѣдниковъ нисходящихъ; потому что если это условіе поставить въ связи съ постановленіями о взысканіи покруты, то выходила бы нелѣпость: въ обезпеченіе иска о покрутѣ поступали бы однѣ кадки и лукошки и освобождалось бы такое цѣнное имущество какъ лошади и коровы. Домашній скарбъ естественно оставался у нисходящихъ наслѣдниковъ, которые могли продолжать жить въ томъ же домѣ и у которыхъ онъ былъ общесемейнымъ имуществомъ.

([178]) Представитъ на изводъ—докажетъ свидѣтельствомъ сторонихъ людей, что вещь, на которую изорникъ заявилъ притязаніе, есть собственность хозяина.

людемъ вѣдомо будетъ и околнымъ сусѣдомъ, што государево; ино изорникъ не доискался, а государь правъ.

88. А оу которого человѣка помреть жена безъ рукописаніа, а оу ней останется отчина ([179]), ино мужу ея владѣти тою отчиною до своего живота, толко не оженится ([180]); а оженится, ино кормли ему нѣтъ.

89. А оу которой жены мужь помретъ, безъ рукописаніа, и останется отчина, или животъ ([181]), ино женѣ его кормится до своего живота, толко не пойдетъ за мужъ; а пойдетъ за мужь, ино ей нѣтъ.

90. А оу которого человѣка помретъ жена, а мужъ ея оженится, і женя мать, или сестра, или іное племя ([182]), а имутъ искать платья; іно мужъ ея, право по души, платья отдасть, а на останки мужеви о женни платьи и целованья нѣтъ ([183]). Такожъ коли мужъ помреть, а имутъ моужня платья на женѣ его отець его, или братья, иное и отдасть платья право по души, что оу него останется; а на останки женѣ въ мужни платьи целованіа нѣтъ.

91. А оу кого помретъ сынъ, а невѣстка останется да оучнетъ на свекри, или на дѣвери скруты своеа искати, или платья своего; ино свекру, или дѣверю отдать платье, или крута ([184]); а чѣмъ невѣстъка клеп

([179]) Родовое имущество (недвижимое)

([180]) Если только не вступитъ во второй бракъ.

([181]) Недвижимое или движимое имущество.

([182]) Боковые родственники.

([183]) Мужъ долженъ по совѣсти отдать женнино платье, но онъ не долженъ быть принуждаемъ къ присягѣ въ томъ, что отдалъ все платье.

([184]) «Скрута»=крута-украшенія, преимущественно женскія, въ переносномъ значеніи-приданое (какъ до сихъ поръ въ живомъ

летъ ([185]), іно свекру или дѣверю воля, чимъ хочетъ: хочетъ самъ поцѣлуетъ крестъ, или оу креста невѣстка положитъ, чимъ оучнетъ клепати.

92. А кто на комъ оучнетъ искать сябренаго серебра ([186]), или иного чего, опрочь купетскаго дѣла и гостебного, да и доску положитъ на то, ино то судитъ на того волю, на комъ ищуть: хочетъ самъ поцелуетъ, или своему иску оу креста положитъ, іли съ нимъ на поле лѣзетъ ([187]).

93. А оу кого стулится должникъ въ записи а на зарóкъ не станетъ, или изорникъ въ записи будетъ, а

областномъ говорѣ напр. Вологодскомъ). Но приданымъ могли быть не только болѣе цѣнныя движимости, но и недвижимыя имѣнія, которыя оставались (по ст. 88-й) въ пожизненномъ пользованіи мужа. Здѣсь же идетъ рѣчь лишь о вещахъ, служащихъ для одежды и украшенія, которыя тоже могли быть получены въ приданое, но не составляли всего приданаго.

([185]) Но если невѣстка требуетъ того, что, по заявленію свекра или деверя, не припадлежитъ ей, то этимъ послѣднимъ предоставить: или пусть сами примутъ присягу, или пусть предоставятъ присягать невѣсткѣ.

([186]) «Доля изъ общей прибыли, приходящаяся на каждаго изъ сябровъ (товарищей) въ отдѣльности.» Энгельманъ. Имѣются ли здѣсь въ виду общества съ промышленною цѣлію, составившіяся по договору, или только совладѣльцы одной земли случайно пришедшей въ общее владѣніе (см. ст. 106.)? Думаютъ, что въ эпоху Псков. суд. грамоты нельзя предполагать свободныхъ промысловыхъ и торговыхъ товариществъ, и что здѣсь нужно разумѣть послѣднее. Содержаніе настоящей статьи, посредствомъ сопостановленія сябренаго серебра къ купетскимъ дѣломъ, наводитъ, кажется, на иной отвѣтъ См. слѣд. прим.

([187]) Эта статья повидимому находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ ст. 101; почему Энгельманъ думаетъ, что исключеніе, сдѣланное здѣсь для займа между купцами, впослѣдствіи уничтожено Это значило бы, что во Псковѣ прежде и займы между купцами должны были совершаться посредствомъ записи. Однако мы видѣли, что ст. 38-я позволяетъ такіе займы по доскамъ и что даже Рус. Правда понимала необходимость

оучнетъ тулится ([188]), а что оучинится проторы, или приставное, или заповѣдь ([189]), ино все платить виноватому, кто стулится, и желѣзное ([190]).

94. И которой вятшій братъ съ меншимъ братомъ жиоучи въ одномъ хлѣбе (съ вятшимъ братомъ) а скажутъ долгу отцово, а на отца записи не будетъ, ино вяшьчему брату правда дать, да заплатитъ опчимъ животомъ, да остаткомъ дѣлится ([191]).

95. А которой меньшій братъ, или братань ([192]), жиоучи въ одномъ хлѣбе съ вятшимъ братомъ или зъ братомъ ([193]), а искорыстуются ([194]) сребромъ оу брата

облегчить заключеніе сдѣлокъ между лицами торговаго званія. Поэтому не лучше ли въ настоящей ст. разумѣть не *договоръ займа* между лицами торговаго званія («торговлю»), а *договоръ торговаго товарищества*, кооторое требовало непремѣнно (въ противоположность другимъ родамъ товариществъ) формальнаго заключенія посредствомъ записи.

([188]) Если человѣкъ, должный по записи, спрячется отъ кредитора и не явится въ срокъ (для уплаты), или если спрячется изорникъ, на которомъ была запись.

([189]) «Пеня за нарушеніе запрещенія» Ак. Слов. Это совершенно согласно съ «заповѣдью» Рус. Правды, которая означала объявленіе на торгу о пропавшей вещи, чѣмъ налагалось запрещеніе на вещь (обязанность представитъ ее на сводъ).

([190]) Пошлина, платимая приставу за взятіе подъ стражу и содержаніе подъ стражею (здѣсь разум. несостоятельнаго должника). Предварительному личному аресту во Псковѣ и Новгородѣ подвергались сверхъ того обвиняемые въ преступленіи.

([191]) Когда старшій братъ владѣетъ вмѣстѣ съ младшимъ общею собственностію и кто либо предъявитъ искъ за долгъ отца ихъ, но *записи* на отцѣ не будетъ, тогда старшій братъ долженъ присягнуть (что долгъ сдѣланъ не имъ, а отцомъ) и долгъ уплачивается изъ общаго имущества (а не изъ одной доли старшаго брата).

([192]) Племянникъ.

([193]) Братомъ отца—т. е. дядею.

([194]) Тайно присвоитъ что либо изъ общей собственности.

своего, или оу брата, и оучнетъ запиратися, ино ему правда дать какъ за нимъ не будетъ ([195]), а животомъ дѣлится.

96. А гдѣ оучинится головшина ([196]), а доличатъ коего головника ([197]), ино князю на головникохъ взять рубль продажи.

97. А штобы сынъ отца оубилъ, или братъ брата, ино князю продажа ([198]).

98. А которой человѣкъ съ приставомъ пріѣдетъ на дворъ татя имать, и татбы искать, или долъжника имать ([199]), а жонка въ то время детя вывержетъ, да пристава оучнетъ головшинной окладати ([200]), или исца; ино въ томъ головшины нѣтъ ([201]).

99. А которой истецъ на судней ротѣ не станетъ, ино ему заплатитъ безъ целованья, а цѣна ему, что искали на немъ ([202]).

([195]) Привести къ присягѣ, что онъ не сдѣлалъ этого.

([196]) Убійство. Здѣсь *продажа* вмѣсто *виры*. См. Рус. Пр. Ак. 19 и др. и Уст. Дв. Грам.

([197]) Уличатъ кого въ убійствѣ.

([198]) Хотябы и сынъ отца убилъ Цѣль закона та, чтобы и тѣ преступленія, которыя совершаются внутри семейства, не укрывались отъ уголовной кары, «хотя бы родственники убитаго и не обвиняли убійцы» Энгельманъ. Доказательство того, что во Псков. Суд. Гр. за преступленіями признанъ вполнѣ общественный характеръ и въ судопроизводствѣ уголовномъ появляются начала слѣдственнаго процесса. Сл. ст. 52.

([199]) Сл. ст 57, 64—67.

([200]) Обвинять въ убійствѣ.

([201]) Очевидно это не что иное, какъ юридическій казусъ, возведенный въ законъ. Если женщина выкинетъ ребенка отъ испуга при появленіи пристава, то здѣсь нѣтъ преступленія убійства; между дѣйствіемъ и слѣдствіемъ нѣтъ причинной связи.

([202]) Если отвѣтчикъ не явится къ судебной присягѣ, то онъ долженъ уплатить истцу по полной цѣнѣ иска.

100. А которой человѣкъ при своемъ животѣ, или предъ смертію, а что дасть своею рукою племяннику [203] своему платно [204], или іное что животное [205], или отчину, да и грамоты [206] дастъ предъ попомъ, іли предъ сторонными людьми, іно тому тѣмъ даньемъ владѣть, чтобы и рукописаніа не было [207].

101. О торговли [208] и о порукѣ. А кто иметь на комъ торговли искать, или порукы или іменнаго чего [209], іно того судити на того волю, на комъ сочатъ: хочетъ на поле лѣзеть, или оу креста положитъ.

102. А которой мастеръ иметь сочитъ на оученики оучебнага, а оученикъ запрется, іно воля государева: хочетъ самъ поцѣлуетъ на своемъ оучебномъ [210], или оученику вѣрить.

Присяга не сливалась съ судоговореніемъ она составляла актъ отличающійся отъ суда, какъ по юридическому значенію такъ и по времени. Судъ есть собственно споръ сторонъ между собою.

[203] Родственнику

[204] Платье

[205] Движимое имущество.

[206] Энгельманъ понимаетъ подъ словомъ граметы-крѣпостые акты на землю, которые здѣсь перечисляются въ ряду возможныхъ предметовъ даренія. Но очевидно грамоты не составляютъ спеціальнаго предмета даренія, а лишь средство, укѣрпляющее даръ.

[207] Хотя объ этомъ дарѣ и не было упомянуто въ завѣщаніи.

[208] Сл. выше ст. 92 и примѣчаніе къ ней.

[209] Энгельманъ читаетъ: «инаго чего». О порукѣ сл выше ст. 32 и 33. Сопоставленіе (поруки которая исключала необходимость присяги и потому допускалась только до рубля) съ торговлею доказываетъ, что и договоръ займа между торговыми людьми допускался безъ совершенія записи и потому иски по этимъ договорамъ рѣшались присягою. Сл. ст. 38.

[210] Плата за обученіе. И здѣсь слѣд. допускался не формальный договоръ.

103. А подсусѣдникъ ([211]) на государи ссудьи или иного чего волно искати. А которому съ кимъ суплетка ([212]) была записью или закладомъ, і потомъ тотъ человѣкъ, которой въ записи былъ, іли закладъ закладывалъ кому, да оучнетъ на томже чего іскать ([213]), ссудья, или зблюденья, іли иного чего, по доскамъ, или по торговли, нио судити судомъ по псковской пошлинѣ. ([214])

104. А которыи исцы вымоутъ на оумершаго, закладъ; грамоты двои, іли трои, или пятеры на одну землю, или на воду, или на одинъ дворъ или и на одну клѣть, а оу тѣхъ исцовъ ([215]), оу кого закладныя грамоты, сверхъ того и записи, і на того оумершаго и на его закладъ, и оу иныхъ истьцовь не будеть записи, толко закладъ грамотъ, нио имъ правда давши, да дѣлятъ по деломъ, і по серебру, колко серебра, нио и доля ему по тому числу ([216]); ожъ ближнее племя вос-

---

([211]) Нанимающій домъ или часть усадьбы, квартирантъ, «сосѣдъ»—малорос. Такъ какъ наемъ собственности оплачивался обыкновенно работою, то подсусѣдникъ обыкновенно состоитъ въ отношеніяхъ обязательства къ хозяину.

([212]) Обязательство.

([213]) Если отвѣтчикъ по записи или по закладу сдѣлается самъ истцомъ по встрѣчному иску) по доскамъ или торговому долговому обязательству, то послѣдній искъ не отвергается. (Энгельманъ разумѣетъ не встрѣчные иски по двумъ разнороднымъ неодинаковой силы актамъ, а право *прежняго* отвѣтчика (по иску уже рѣшеному) сдѣлаться послѣ истцомъ въ отношеніи къ бывшему своему требователю Но какое законодательство могло сомнѣваться въ этомъ правѣ?)

([214]) См. выше ст. 101-ю

([215]) У однихъ изъ истцовъ будутъ кромѣ заклада и закладныя записи, у другихъ же только закладъ грамотъ (крѣпостныхъ грамотъ на имущество), а записей нѣтъ.

([216]) Рѣшивши судебнымъ порядкомъ, раздѣлить каждому пропорціонально количеству требованія каждаго.

хощетъ закладъ выкупить ([217]), а оу коего иска закладъ і записи на оумершаго, ино ему целованья нѣтъ на его дѣло ([218]).

105. А которой чужѣземецъ на чюжей земли ([219]) иметь искать бою и грабежу, ино воля того на комъ ищуть: хочетъ самъ поцѣлуетъ, какъ будетъ его ни билъ, ни грабили, іли ему оу креста положитъ чего на немъ ищуть.

106. А кто съ кимъ ростяжутся о земли, или о борти, да положатъ грамоты старые и купленую свою грамоту, и его грамоты зайдутъ многыхъ бо сябровъ земли, и борти, и сябры вси станутъ на суду въ одномъ мѣсте отвечаючи; ктожъ за свою землю, или за борть, да и грамоты предъ господою покладутъ, да и межни

([217]) Если родственники захотятъ, могутъ выкупить закладъ.

([218]) При судебномъ рѣшеніи такого дѣла тотъ изъ истцовъ, кто имѣетъ и закладъ и записи, не подвергается присягѣ (имѣющіе же одинъ закладъ. слѣд., приводятся къ присягѣ). Очевидно, что заложенное недвижимое имущество не переходимо во владѣніе кредиторовъ, вопреки мнѣнію Мейера, который вообще не упоминаемъ о Иск. Суд. Гр. въ своей статьѣ: «Древнее Русское право залога.» Впрочемъ залогъ все еще имѣетъ отчасти форму заклада. (Начало статьи должно быть пунктировано такъ: А которыи исцы выймутъ на умершаго закладъ—грамоты двои, или трои и т. д.)

([219]) Энгельм. читаетъ: «на чужейземцѣ». Но у Мурзакевича слово это не раставрировано, а взято изъ рукописи. Не отступая отъ чтенія подлинника, можно объяснить статью такъ если чужеземецъ будетъ искать на комъ-нибудь изъ жителей земли *для него* чужой (т. е. на Псковитянинѣ). Иски объ обидахъ между чужеземцами едвали были подсудны псковскимъ судамъ.— Въ объясняемой статьѣ дѣлается исключеніе изъ общаго правила о судопроизводствѣ по дѣламъ о личныхъ обидахъ,-представленіе послуха, требуемое статьями 20, 22 и 23, здѣсь не требуется. Такое облегченіе именно умѣстно въ отношеніи къ чужеземцу, за

ковъ возмутъ и тои отведутъ оу стариковъ по своей купной грамотѣ свою часть, ино ему правда дати на своей части; а целованью быть одному, а поцѣлуетъ во всѣхъ сябровъ, іно ему и судница дать на часть на которой поцелуетъ ([220]).

107. А кто коли закладъ положитъ въ пѣнезехъ что любо, а потомъ времяне иметъ пѣнязи отдавати, а своего заклада просить, і онъ запрется его закладу, а

котораго на чужой сторонѣ могло и ненайтись желающихъ послушествовать. См. Рус. Пр. ак. сп. 9.

([220]) Если при тяжбахъ о землѣ, или борти будутъ представлены старыя грамоты (на спорную землю со стороны отвѣтчика) и купчая со стороны истца и если эта послѣдняя будетъ касаться многихъ совладѣльцевъ отвѣтчика, которые всѣ явятся къ суду вмѣстѣ, отвѣчая каждый за свою землю или за борть и представятъ суду свои (старыя) грамоты и потомъ возмутъ межниковъ и земли свои отведутъ посредствомъ показанія старожиловъ въ тѣхъ границахъ, которыя обозначены въ ихъ общей грамотѣ; то истецъ приноситъ присягу въ томъ, что спорная часть земли принадлежитъ ему. Равн. обр. (если истецъ предоставитъ присягу отвѣтчикамъ) присягаетъ одинъ за все товарищество, и (если присягнетъ) выдать ему судебное опредѣленіе на ту часть земли, на которой присягаетъ. Эта статья противорѣчитъ, повидимому, ст. 10-й, гдѣ подобный процессъ рѣшается полемъ. По этому Энгельманъ считаетъ настоящую статью позднѣйшею, отмѣняющею прежній законъ. Но въ ст. 10-й указывается случай тяжбы между двумя лицами, а здѣсь между лицомъ и товариществомъ. Этимъ объясняется какъ самое появленіе этой статьи, такъ и ея отличія. Поединокъ между лицомъ и товариществомъ не возможенъ. Если предоставить товариществу избирать изъ своей среды поединщика, то этимъ существенно нарушится характеръ суда Божія, по которому выборъ бойцовъ опредѣляется самымъ *случаемъ*, который привелъ въ коллизію ихъ права. Всѣ законодательства были крайне разборчивы въ условіяхъ, по которымъ можно было предоставить тяжущемуся право замѣнить себя на поединкѣ наемникомъ. Сл. ст. 21-ю.

молвитъ такъ: тебѣ есми пѣнязи не даваль, а оу тебе есми заклада не взялъ; іно той судъ какъ зблюденію, на три воли ([221]) тому человѣку на комъ сочатъ: захочетъ самъ поцѣлуетъ, какъ за нимъ заклада не будетъ, или ему закладную цѣну цѣною положить оу креста, іли съ нимъ на поле лѣзетъ.

108. А которой строкѣ ([222]) пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова, на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамоте не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамотъ.

109. А попы, и діаконы, и проскурница, и черньца и черница судить намѣстнику владычьню. Аже попъ, или діаконъ, или противу ([223]) черньца, или черницыжъ, а будетъ обаи не простые люди церковные, ино не судить князю, ни посаднику, ни судіамъ не судить, занежъ судъ владычня намѣстника; а будетъ одинъ чело-

---

([221]) Когда кредиторъ, желая присвоить себѣ закладъ, будетъ отвергать существованіе договора займа и потому откажется принять отъ должника уплату, то ему (кредитору) предоставляется на произволъ три способа доказать свое право: а) собственная его присяга; б) предоставленіе истцу присяги (при чемъ у креста полагается конечно не самый закладъ, а денежная цѣна заклада); в) судебный поединокъ. Энгельманъ считаетъ и эту статью позднѣйшею во 1-хъ, на томъ основаніи, что предыдущія статьи о рѣшеніи споровъ по долговымъ обязательствамъ предоставляли выборъ способовъ доказательства истцу, а эта-отвѣтчику, во 2-хъ, прежде, при неразвитости денежнаго хозяйства, предусматривалась возможность, что должникъ откажется отъ своего заклада; теперь же, съ успѣхами экономическаго развитія, предусматривается обратный случай.

([222]) Какой статьи въ этомъ Сборникѣ старинныхъ обычаевъ нѣтъ.....

([223]) Если попъ противъ попа и т. д., когда оба тяжущіеся-люди церковные.

вѣкъ простый истецъ мирянинъ, аже ([224]) церковный человѣкъ съ церковнымъ, то судити князю и посаднику съ владычнимъ намѣстникомъ вопчи ([225]), такожъ и судіамъ.

110. Оу которого человѣка имутся за конь или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тотъ молвитъ: то оу мене свое рощеное, іно ему правда дати, какъ ([226]) чисто рощеное.

111. А кто предъ господою ([227]) оударитъ на судѣ своего истьца, ино его въ рубли ([228]) выдать тому человѣку, а князю продажа.

112. А борана присужать 6 денегъ, а за овцу 10 денегъ государю ([229]), а судьи 3 денги, старая правда ([230]). А за гусака и за гусыню присужати по 2 денги государю, (а) а судье 3 денги; а за оутицу, и за селезня, и за куръ ([231]), за кокощь ([232]), присужать по 2 денги. ([233]).

113. А братьщина судить, какъ судьи ([234]).

([224]) Энгельманъ читаетъ: *а не*....

([225]) Вмѣстѣ.

([226]) Что дѣйствительно доморощенное. Сл. ст. 35-ю.

([227]) На судѣ.

([228]) Онъ долженъ заплатить обиженному рубль и если не въ состояніи заплатить, то выдается обиженному головою.

([229]) Хозяину, собственнику.

([230]) По старинному обычаю, закону.

([231]) За пѣтуха.

([232]) За курицу.

([233]) Было высказано предположеніе (Сѣв. Обозр. 1850, февр.), что «здѣсь говорится о замѣненіи домашнихъ животныхъ, употреблявшихся первоначально въ сношеніяхъ вмѣсто денегъ, новымъ представителемъ общей цѣнности вещей, звонкою монетою». Но здѣсь ясно рѣчъ идетъ о вознагражденіи собственниковъ за кражу или злонамѣренное истребленіе животныхъ, а равно и о вознагражденіи судьи за производство суда по такимъ дѣламъ. Сл. Рус. Пр. Кар. 42.

([234]) Братчина-общество пирующихъ въ складчину. См. о

114. А кто съ кимъ на пьяни ([235]) менится чимъ, или что купитъ, а потомъ проспятся, и одному исцу не любо будетъ, іно имъ размѣнитися; а въ томъ целованіа нѣтъ, ни присужати ([236]).

115. А княжимъ людемъ ([237]) по дворамъ корчмы не держать ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду не продавати.

116. А кто зажоги на комъ оучнетъ сочитъ, а доличи никаковы не будетъ, іно на волною роту позвать вольно ([238]).

117. А кто оу кого бороду вырветъ, а послоухъ опослушествуетъ, іно ему ([239]) крестъ целовати и битися на поли, а послухъ изможетъ, ино за бороду присудити два рубля, и за бой ([240]), а послуху быти одному.

братчинахъ статью А. Н. Попова: пиры и братчины (Архивъ ист. юр. свѣдѣній кн. 2. пол 2. отд. VI. стр. 19.) Судебная власть братчины, вѣроятно, ограничивалась дѣлами о личныхъ обидахъ. Болѣе тяжкія преступленія едвали принадлежали вѣдомству ея суда: сл. ст. 34-ю

([235]) Въ пьяномъ видѣ.

([236]) Предметомъ спора могла быть какъ дѣйствительность самаго нетрезваго состоянія сторонъ обоихъ или одной какой-нибудь, во время совершенія мѣны, такъ и дѣйствительность промѣна вещей въ этомъ состояніи, ихъ тождество, качество и пр. Энгельманъ.

([237]) Лица, принадлежащія къ княжескому двору и незаписимыя отъ городскаго управленія, не могутъ (въ ущербъ доходамъ города) торговать напитками ни оптомъ, ни въ раздробъ.

([238]) Кто будетъ обвинять другаго въ зажигательствѣ, а улики никакой не будетъ, то обвиняемый можетъ очистить себя вольною присягою. Сл. ст. 34. Ср. Рус. Пр. Кар. 17.

([239]) Послуху.

([240]) «Кромѣ того съ обидчика взыскивается княжая продажа за бой» Энгельманъ. Но можетъ быть кромѣ платы 2-хъ рублей за самую бороду (за причиненіе долговременныхъ слѣ-

118. А корову купить за слюблено ([241]), а по торговли телятъ не сочить ([242]); а толка корова кровью помачивается иметь, іно тая корова назадъ воротити; чтобы і денги заплачены были.

119. А жонки зъ жонкою ([243]) присужать поле, а наймиту отъ жонки не быти, ни съ одну сторону. ([244]).

120. А кто оучнетъ на комъ сочити бою пять человѣкъ, іли десять, іли сколько ни буди, на 5, или на одномъ, боевъ своихъ, да оутяжутъ; іно имъ присужать всимъ, за вси боеви, одинъ рубль, и княжая продажа одна ([245]).

довъ безчестія) взыскивается обыкновенный штрафъ за побои. Изъ всѣхъ личныхъ обидъ вырваніе бороды считается несравненно тягчайшимъ: даже за нанесеніе удара въ присутствіи суда (см. ст. 111-ю) взыскивается съ обидчика только 1 р., между тѣмъ по всѣмъ законодательствамъ такой поступокъ считается тягчайшимъ преступленіемъ.

([241]) «За полюбовную цѣну» Энгельманъ.

([242]) Послѣ продажи стельной коровы не требовать отъ покупщика возвращенія телятъ, родившихся отъ нея послѣ продажи.

([243]) Женщинѣ съ женщиной.

([244]) Т. е. если и истецъ и отвѣтчикъ женщины; но если мущина тягается съ женщиною, то послѣдняя можетъ нанять наймита.

([245]) При общей дракѣ штрафъ за личныя обиды въ пользу обиженнаго и княжеская продажа уплачивается не по числу обвиненныхъ отвѣтчиковъ или истцовъ, выигравшихъ процессъ, а всѣ обиженные со всѣхъ обидчиковъ вмѣстѣ получаютъ одинъ рубль.

Изданія Псковской судной грамоты: 1. Карамзина: Ист. Г. Р. Т. V. пр. 404. (Здѣсь напечатанъ отрывокъ-отъ ст. 109-й, начинающійся: «Судить владычню намѣстнику...» и т. д. до конца Грамоты Ст. 112-я пропущена. Можетъ быть не безъ причины эта часть Грамоты сохранилась въ отдѣльномъ спискѣ: ст. 108-я, какъ показываетъ ея содержаніе была, прежде заключительною и ею оканчивалась Грамота; все же остальное: 109-120 приписано послѣ).

2. Митроп. Евгенія: Исторія Княжества Псковскаго. Кіевъ 1831. Ч. 1. с. 44—45. (Здѣсь напечатанъ переводъ Карамзинскаго отрывка).

3. Акты Археограф. Экспек. Т. I. № 103. (Здѣсь напечатанъ тотъ же Карамзинскій отрывокъ съ нѣкоторыми измѣненіями).

4. Псковская Судная Грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467. Издана по списку, хранящемуся въ библіотекѣ князя М. С. Воронцова, профес. Ришельевскаго Лицея Мурзакевичемъ. Одесса 1847 (въ настоящемъ полномъ ея видѣ).

5. Тоже изд. 2-е подъ заглавіемъ: Псковская Судная Грамота (1397-1467). Одесса. 1868.

6. Тогда же изданъ г. Мурзакевичемъ снимокъ съ рки кн. Воронцова, содержащей Грамоту.

7 Христоматія Н. Я Аристова с 722-734. (неполное-изданіе).

См. также въ изслѣдованіяхъ №№ 3 и 4.

Изслѣдованія о ней: 1. Москвитянинъ 1848-то года кн. 1. стр. 170 и д. (статья *Н. В. Калачева*).

2. О Псковской Судной Грамотѣ *К. М—аго*. Въ Сѣверномъ Обозрѣніи 1850. №№ 2-3.

3. Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты 1467 г. *Ѳ. Устрялова*. Спб. 1855. (Здѣсь же переводъ Псковской Судной Грамоты въ приложеніяхъ).

4. Гражданскіе законы Псковской Судной Грамоты, соч. *Ивана Энгельмана*. Спб. 1855. (Здѣсь же и изданіе Грамоты въ систематическомъ порядкѣ статей).

Изъ сочиненій, не исключительно посвященныхъ Псков. Судной Грамотѣ, слѣдуетъ отмѣтить:

5. *Неволина*. Исторія Росс. Гражд. Законовъ.

6. *Бѣляева*. Разсказы изъ Русской исторіи. Кн. III. (Исторія Пскова). М. 1867.

7. *Дювернуа*. Источники права и судъ въ древней Россіи. М. 1869 с. 279-281, 289-308 и въ другихъ мѣстахъ.

8. *Михайлова*. Исторія Русскаго Права. Спб. 1871. Вып. 2, стр. 189-221.

НОВГОРОДСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА. (1471 Г.) (1)

Доложа господы Великихъ Князей, Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его, Великого Князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на архіепископство Великаго Новагорода и Пъскова священноинока Ѳеофила, се покончаша посадникы Ноугородцкіе, и тысяцкіе Ноугородцкіе, и бояря, и житьи люди, (2) и купци, и черные люди, вся пять

---

(1) «Новгородская Суд. Грамота. . составлена въ 1440, а въ 1471 г., *дополнена*. Первоначальный составъ этой грамоты былъ сдѣланъ на Новгород. вѣчѣ въ то время, когда Новгородцы были въ войнѣ съ великимъ кн. Москов. Василіемъ Василіевичемъ». М. М. Михайловъ: «Ист. Рус. Права» стр. 221. Напротивъ Ив. Д. Бѣляевъ: «судную докончательную грамоту, которую Новгородцы написали на вѣчѣ и утвердили крестнымъ цѣлованьемъ вскорѣ послѣ Яжелбицкаго мира (1456)..., по Коростынскому договору (1471) в. кн. Ив. Васильевичъ велѣлъ переписать на свое имя.» Разсказы II. 571. («А что грамота докончалная въ Новгородѣ промежъ собя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати Великихъ Князей». Дог. Грам. Новагорода съ Вел. Кн. Іоанномъ Вас. 1471. А. А. Э. I. №. 91.).

(2) Сергѣевичъ, «Вѣче и Князь» стр. 38: «Житьи люди есть общій терминъ, служащій для обозначенія всѣхъ слоевъ городскаго населенія за исключеніемъ однихъ моложшихъ людей... При подробномъ перечисленіи разныхъ слоевъ, названіе житьихъ удерживается иногда, какъ спеціальное для обозначенія тѣхъ среднихъ людей, которые не могутъ претендовать ни на какой другой болѣе характеристическій признакъ, кромѣ своего жительства въ Новгородѣ, или во Псковѣ. Они занимаютъ при этомъ мѣсто между боярами и черными людьми-то выше, то ниже купцовъ, съ которыми они одного достоинства». Сл. Н. И. Костомарова: «Сѣвер. Рус. Народ.» II. 28-29. См. ст. 1.

концовъ, ([3]) весь Государь Великіи Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ Дворѣ:

1. Нареченному на архіепископство Великого Новагорода и Пскова священному иноку Ѳеофилу судити судъ свой, судъ святительски по Святыхъ Отецъ правилу, по Манакануну; а судити ему всѣхъ ровно, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодчего человѣка ([4]).

2. А посаднику судити судъ свой съ намѣстники Великого Князя по старинѣ; а безъ намѣстниковъ Великого Князя посаднику суда не кончати ([5]).

3. А намѣстникомъ Великого Князя и тіуномъ пересудъ свой вѣдати по старинѣ ([6])

([3]) Концы (Славенскій, Плотницкій, Неревскій, Людинъ или Гончарскій и Загородскій) составляли бытовые административные и судебные округи (см. Герберштейна: «Зап. о Московіи» въ пер. Анонимова стр. 112). Концы не имѣли сословнаго характера: сословное дѣленіе вообще поглощалось территоріальнымъ въ государственномъ строѣ древне-русскомъ.

([4]) О границахъ святительскаго суда см. Пск. Суд. Гр. ст. 109, Цер. Уст. Влад. г Ярослава; сл. Неволина: «О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра В.» (П. С. С. Т. VI). Объ устройствѣ святительскаго суда въ Новгородѣ см. И. Д. Бѣляева: «Разсказы» II. 124.

([5]) См. о подсудности суду посадника ниже ст. 28-ю, изъ которой несомнѣнно слѣдуетъ, что суду посадника подлежали дѣла о поземельной собственности. Отношенія суда посадника къ суду княжескаго намѣстника опредѣляются этою и слѣдующею статьею тѣмъ, что посадникъ безъ намѣстника не можетъ *оканчивать* суда, т. е. засуженныя дѣла отсылаетъ къ докладу.

([6]) Намѣстнику и тіуну, кромѣ доклада, принадлежитъ *пересудъ*, т. е. рѣшеніе по аппелляціи. Судъ тіуна не есть судъ параллельный суду намѣстника (какъ у Н. Л. Дювернуа: «Ист. Права» стр. 359); напротивъ судебная власть намѣстника осуществляется чрезъ спеціальный органъ ея тіуна. О судѣ тіуна см. ниже ст. 25.

4. А тысецкому судить свой судъ ([7]). А судить имъ право, по крестному цѣлованью.

5. А сажати въ суду по два человѣка ([8]). А кто кого въ суду посадитъ, ино тотъ съ тѣмъ и вѣдается. А посадника и тысецкого и владычня намѣстника и ихъ судей съ суда не сбивати.

6. А истцю на истца наводки не наводить ([9]), ни на посадника, ни на тысесского, ни на владычня намѣстника, ни на иныхъ судей, ни на докладщиковъ. А кто наведетъ наводку на посадника, или на тысетцкого, или на владычня намѣстника, или на иныхъ судей, или на

([7]) О предметахъ вѣдомства суда тысяцкаго см. Уст. Гр. новгор. князя Всеволода Мстиславича церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ (1134-1135 г.) въ Дополн. къ Ак. Ист. I. 3: «И азъ Князь Великіи Всеволодъ поставилъ есми св. Ивану три старосты отъ житьихъ людей и *отъ черныхъ тысяцкого*, а отъ купцовъ два старосты, управливати имъ всякая дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и *судъ торговый*, а... посаднику въ то не вступатца, ни бояромъ Новгороцкымъ». См. такъ же Договоръ Новг. съ нѣмцами 1270, по которому дѣла между нѣмцами и новгородцами рѣшаются или тысяцкимъ, старшинами и Новгородцами во дворѣ св. Іоанна, или посадникомъ, тысяцкимъ и купцами. Объ отношеніи суда тысяц. къ княж. см. догов. Новг. съ Казим. ст. 6.

([8]) Никон. Лѣт. Ч. IV, стр. 146 (подъ 1385 г.): «А посаднику и тысяцкому судити свои суды, по Русскому обычаю, по цѣлованію крестному, а на судъ поимати двѣма истцомъ по два боярина и по два мужа житейска отъ каждыя страны», слѣд. 8 засѣдателей, избранныхъ сторонами. По мнѣнію Чеглокова это мѣсто лѣтописи противорѣчитъ Новг. Суд. Гр. По И. Д. Бѣляеву: «по докончательной Грамотѣ въ тяжебныхъ дѣлахъ *первую степень* суда составляли два судьи, выбранные самими тяжущимися по одному судьѣ съ каждой стороны». Разсказы, стр. 573. Но это не низшая инстанція суда, а третейская форма *всякаго* суда въ Новгородѣ; см. ниже ст. 25, 26.

([9]) Т. е. не возбуждать народныхъ массъ къ нападенію на судъ, или противную сторону.

докладшиковъ, или истець на истца у суда, или у доклада, или у поля ([10]), нно взять Великимъ Княземъ и Великому Иоугороду на виноватомъ: на боярине 50 рублевъ, а на житьемъ дватцять рублевъ, а на молодшемъ десять руб. за наводку; а истцю убытки подойметъ.

7. А кому будетъ о землѣ дѣло, о селѣ, или о дву, или болши, или менши: нно ему до суда на землю не наѣзщать, ни людей своихъ не насылать, а о землѣ позвати къ суду. А утяжетъ въ землѣ, нно взяти ему грамота у судьи въ землѣ и въ убыткѣ на истцѣ ([11]); а отъ земли судьѣ кунъ не взять ([12]).

8. А отъ судного рубля взять владыкѣ, и его намѣстнику, и ключнику отъ печати гривна, а отъ безсуднаго рубля отъ грамоты взять владыкѣ и его намѣстнику и ключнику три денги. А посаднику и тысесскому, и ихъ судьямъ, и нпымъ судьямъ имати отъ суднаго рубля по семи денегъ, а отъ безсуднаго рубля по три денги ([13]).

9. А орудье судить посаднику, и тысецкому, и владычню посаднику, и ихъ судьямъ, и нпымъ судьямъ мѣсяць; а далѣ того имъ орудья не волочить ([14]).

([10]) Здѣсь ясно отличаются докладъ отъ суда (равно и поле). Сл. ниже ст. 26.

([11]) *Владѣніе* защищается закономъ; оно можетъ быть нарушено только тогда, когда *судъ* признаетъ право собственности за сторонпимъ лицомъ. Сл ст. 10.

([12]) Здѣсь, конечно, слѣдуетъ разумѣть пошлины съ цѣны иска (рублевыя); печатныя же пошлины и отъ подписи, безъ сомнѣнія взимались. Въ этомъ обнаруживается замѣчательное понятіе о различіи исковъ вещныхъ и личныхъ.

([13]) Въ искахъ личныхъ (вытекающихъ изъ обязательствъ, основанныхъ на договорѣ, а не на преступленіи: сл. ст. 33-ю) взимаются пошлины съ цѣны иска, но далеко не одинаково смотря пототу, было ли дѣло рѣшено по неявкѣ отвѣтчика, или послѣ обычнаго судоговоренія.

([14]) Владычній *посадникъ*, конечно, тоже, что намѣстникъ

10. А кто на комъ попщетъ наѣзда, или грабежа въ земномъ дѣлѣ: ино судити напередъ наѣздъ и грабежъ; а о земли послѣ судъ. А кого утяжутъ въ наѣздѣ и въ грабежѣ, ино взять Великимъ Княземъ и Великому Ноугороду на виноватомъ: на бояринѣ пятдесятъ рублевъ, а на житьемъ двадцать рублевъ, а на молодчемъ десять рублевъ; а истцю убытки подойметъ; а о землѣ судъ ([15]); а не будетъ суда въ Новѣгородѣ, а о наѣздѣ и грабежѣ судъ ([16]).

11. А кои истець похочетъ искать наѣзда или грабежа и земли вдругъ: ино другому истцю ему отвѣчать; а утяжетъ въ землѣ и въ наѣздѣ и въ грабежи, и судьѣ дать на него грамота въ землѣ и въ наѣздѣ и въ грабежи.

12. А кто кого утяжетъ въ землѣ и судную грамоту возметъ, ино ему ѣхать на свою землю по судной

(см. ст. 6-ю). Каждый изъ сановниковъ могъ назначить для исправленія ихъ судебной обязанности судей отъ себя. Что касается до *иныхъ* судей, то здѣсь разумѣются низшіе городскіе и провинціальные судьи: «а сотскимъ и рядовичемъ безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника, не судити нигдѣ.» Догов. Новг. съ в. к. Іоанномъ Вас. 1471. А. А. Э. I 91. Срокъ для веденія дѣлъ въ судахъ великокняж. намѣстника и тіуна не положенъ. Мѣсячный срокъ положенъ для *судныхъ* дѣлъ (орудья), тогда какъ дѣла о поземельной собственности могутъ быть разсматриваемы два мѣсяца, см. ст. 28-ю.

([15]) Наѣздомъ и грабежемъ здѣсь называется самоуправное нарушеніе владѣнія; хотя бы право собственности на отнятую землю было впослѣдствіи признано судомъ за наѣздчикомъ, этотъ послѣдній подвергается огромному уголовному штрафу, который дѣлится между Новгородомъ и в. княземъ на основаніи особой статьи въ Дог. Грамотѣ 1471.

([16]) Это мѣсто можетъ быть имѣетъ слѣдующій смыслъ: если дѣло о землѣ не можетъ почему-либо быть рѣшаемо тотчасъ же (за отсутствіемъ компетентныхъ судей изъ Новгорода), то дѣло о грабежѣ и наѣздѣ ни въ какомъ случаѣ не откладывается.

грамотѣ, да и володѣть ему тою землею; а въ томъ пени нѣтъ ([17]).

13. А въ которомъ дѣлѣ позоветъ истецъ истца ([18]), а поищетъ своего дѣла, а будетъ тому истцю до своего истца дѣло: нно ему позвать своего истца, а поискать ему одного жъ дѣла; а иныхъ позвовъ на него не класти въ иномъ дѣлѣ, ни новгородцевъ не научивати безъ хитрости по крестному цѣлованью, доколѣ тѣ суды кончаютъ ([19]).

14. А кто на комъ какова дѣла поищетъ, а креста не цѣловалъ на сей грамотѣ: нно крестъ поцѣловавъ одинова, да искать; а кому будетъ отвѣчивать, а креста не цѣловавъ на сей грамотѣ, нно ему крестъ поцѣловавъ да отвѣчать; а не поцѣловавъ креста, тымъ его и обвинить ([20]).

([17]) «А въ томъ пени нѣтъ»-эти слова могутъ означать то, что завладѣніе уже присужденною землею, хотя бы оно произведено было силою, не навлекаетъ пени на завладѣвшаго.

([18]) Наименованіе *обѣихъ* сторонъ *истцами* указываетъ на совершенно равное положеніе сторонъ въ процессѣ.

([19]) Если кто позоветъ другаго къ суду, то этотъ послѣдній (т. е. отвѣтчикъ), можетъ предъявить искъ къ своему истцу (т. е. *встрѣчный*), но только искъ объ одномъ дѣлѣ; пока *тѣ суды* кончаютъ надлежащіе судьи, онъ не долженъ научивать Новгородцевъ (т. е. возбуждать ихъ на своего истца). Новгор. Суд. Грамота здѣсь и въ другихъ ст. (см. 6) старается истребить пагубный обычай *провокаціи къ незаконнымъ вѣчамъ*, при чемъ каждая толпа, собранная неправымъ отвѣтчикомъ, считала себя въ правѣ разогнать судъ или принудить его къ рѣшенію въ интересахъ наводчика.

([20]) Т. е. истецъ или отвѣтчикъ, являющіеся на судъ въ первой разъ по изданіи Судной Грамоты и еще не присягавшіе исполнять этотъ новый законъ, должны поцѣловать крестъ. Если же кто уже прежде присягалъ, при другомъ случаѣ явки въ судъ, то уже въ другой разъ въ жизни не присягаетъ. Отказъ въ такой присягѣ есть отказъ въ повиновеніи законодательной власти. По этому такое цѣлованіе креста вовсе не относится къ актамъ

15. А отъ коего истца отвѣтчикъ ([21]) станетъ на судъ, а истецъ тотъ будетъ креста не цѣловавъ на сей грамотѣ; ино тому истцю крестъ цѣловать одинова, а отвѣтчику въ его мѣсто отвѣчивать; а не поцѣлуетъ креста, ино тѣмъ его и обвинить.

16. А кому будетъ какое дѣло до старѣйшей жены, или до житьей, кои вдовы, а у коей есть сынъ, ино сыну ее цѣловать крестъ на сей грамотѣ за собя и за матерь одинова; а не поцѣлуетъ креста сынъ за матерь, ино цѣловать крестъ матери одинова у собя въ дому передъ истцомъ и передъ приставы Новугородскими ([22]).

17. А цѣловать боярину и житьему, и купцю, какъ за свою землю, такъ и за женню.

18. А позовутъ боярина и житьего и купца въ его землѣ, или въ женнѣ, ино ему отвѣчать, или отвѣтчика ([23]) послать въ свое мѣсто и въ женне, по тому крестному цѣлованью.

19. А отвѣтчику съ послухомъ на учанѣ крестъ цѣловать ([24]).

процесса; оно есть только одно изъ условій пріобрѣтенія права иска. (И. Д. Бѣляевъ считаетъ это цѣлованіе чѣмъ-то въ родѣ jusjurandum promissorium: «тяжущіеся цѣловали крестъ въ томъ, что.... *ищутъ и отвѣчаютъ справедливо* и покоряются рѣшенію суда» Разсказы. II. 572). «Отвѣчать» въ этой ст. значитъ отвѣчать въ нашемъ современномъ смыслѣ слова; сл. слѣд. ст.

([21]) Отвѣтчикъ-повѣренный. То обстоятельство, что присяга повѣреннаго (см. ст. 19) не освобождала отъ присяги истца доказываетъ мысль изложенную въ прим. 20.

([22]) Впрочемъ *естественные* повѣренные (сынъ) *могутъ* присягать за довѣрителей; а *необходимые* представители (мужъ, см. ст. 17 и 18) *должны* присягать.

([23]) См. прим. 21.

([24]) Такое сопоставленіе «отвѣтчика» (повѣреннаго) съ послухомъ показываетъ, что для истца, которому принадлежало право и обязанность выставлять послуха (сл. ст. 23 и Иск. Суд. Гр. ст. 20-23), послухъ замѣнялъ повѣреннаго. Отсюда и

20. А при которыхъ докладчикѣхъ судъ раскажетъ, ино тѣмъ докладчикомъ тотъ судъ кончать ([25]).

21. А судьямъ какъ росказщики укажутъ, ино кому ни есть судьѣ велѣти своему дьяку тое дѣло записать; а росказщикомъ къ тѣмъ спискомъ свои печати приложить ([26]).

22. А послуху на послуха не быть ([27]). А Пъсковитину ([28]) не послуховать, ни одерноватому холопу ([29]). А холопъ на холопа послухъ.

23. А кто съ кѣмъ ([30]) пошлется на послуха, ино взять закладъ шестнику на сто верстъ по старинѣ, а

названіе повѣренныхъ отвѣтчиками; сл. ст. 18. Цѣлованіе креста повѣреннымъ и послухомъ м. б. имѣетъ тоже значеніе, какъ въ ст. 14 и 15.

([25]) Дѣло рѣшается тѣмъ самымъ составомъ докладчиковъ, при которомъ оно поступило къ докладу. См. ст. 26. Изъ этого можно заключить, что докладчики избирались на опредѣленный срокъ, но какой именно-грамота не указываетъ.

([26]) По Н. И. Костомарову (Сѣверно-Р. Народ. II. 87) это тѣ самыя лица, которыя избирались сторонами въ засѣдатели суда; см ст. 5 и пр. 8. Но можетъ быть здѣсь разумѣются стороны и ихъ повѣренные, потому что имъ только принадлежитъ право излагать дѣло предъ судомъ.

([27]) Нельзя выставлять послуха противъ послуха; ясное доказательство различія послуховъ отъ остальныхъ свидѣтелей (см. мысль Н. Л. Дювернуа, и ограниченіе ея въ прим. 67 къ Пск. Суд. Грам.). По Псков. Суд. Грам., впрочемъ, дозволялось отстранять послуха истца и замѣнять его послухомъ отвѣтчика по волѣ суда. Сл ст. 23.

([28]) Какъ иноземцу. Конечно здѣсь разумѣются и жители прочихъ русскихъ и не-русскихъ государствъ.

([29]) Могли ли не граждане и холопы быть простыми свидѣтелями-грамота не говоритъ.

([30]) Изъ этого (кто съ кѣмъ) можно бы заключить, что послухъ всегда былъ «общею ссылкою» «общею правдою» для обѣихъ сторонъ, но изъ дальнѣйшихъ словъ той же ст. видно, что послухъ могъ быть и односторонею ссылкою.

подвойскимъ и софьяномъ, и бирячемъ, и извѣтникомъ на сто верстъ четыре гривны. А кой истець скажетъ послуха далѣ ста верстъ, а похочетъ и другой истець слаться на того послуха: ино слаться на него; а не всхочетъ другой истець слаться далѣ ста верстъ, ино поставить ему своего послуха у суда; а срокъ ему взять на послуха на сто верстъ по три недѣли; а закладъ дать виноватому истцю на сто верстъ шестнику ([31]).

24. А кто съ кѣмъ ростяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы, или на шабъры ([32]) ино ему дать одинъ срокъ на сто верстъ три недѣли; а далѣ и ближе, и то по числу; а ему сказать шабра своего на имя, за кѣмъ управы лежатъ по крестному цѣлованью; да и по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ; а посаднику приложить къ срочной грамотѣ своя печать, а иному сроку не быть; а отъ сроку взять гривна. Также и инымъ судьямъ давать срокъ по томужъ. А кой истець не возметъ срочной за печатью, ино тѣмъ его и обинить тому судьѣ, передъ кимъ судъ былъ; а сроку не ждать. А о иныхъ дѣлахъ срокъ по старинѣ.

25. А въ тіунѣ одринѣ быти по приставу съ сторо-

([31]) Общая ссылка на послуха допускается далѣе ста верстъ; односторонняя не допускается; въ послѣднемъ случаѣ отвѣтчикъ обязанъ выставить своего послуха, который опять можетъ быть и односторонпею и общею ссылкою. Уплата за вызовъ послуха падаетъ на того, кто будетъ обвиненъ; но онъ берется впередъ («закладъ») съ того, кто вызываетъ послуха.

([32]) Т. е. на истребованіе документовъ, или на вызовъ совладѣльцевъ земли. Отсрочка можетъ быть взята по договору съ другою стороною («по руцѣ ему ударити») и съ согласія суда, который выдаетъ грамоту за печатью; не исполнившій этого теряетъ право ссылаться на отсутствующія доказательства и теряетъ дѣло. Срокъ на 100 верстъ-3 недѣли установленъ судною грамотою для дѣлъ о землѣ только.

ну людемъ добрымъ, да судити имъ правду, крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ ([33]).

26. А докладу быти во владычнѣ комнатѣ, а у доkладу быть изъ Конца по боярину да по житьему, да кои люди въ судѣ сидѣли, да и приставомъ; а иному никомуже у доклада не быть ([34]). А докладчикомъ садиться на недѣлю по трижды: въ понедѣльникъ, въ середу и въ пятокъ. А кой докладчикъ не сядетъ на тотъ день, ино взять на боярине два рубли, а на житьемъ рубль. А докладникомъ отъ доклада посула не взять, а у доклада не дружить никоею хитростію по крестному цѣлованью. А кому сѣсти на докладѣ, ино ему крестъ цѣловать на сей на крестной грамотѣ однова.

([33]) Здѣсь очевидно разумѣется спеціальный *судъ тіуна* великокняжескаго; третейскій характеръ состава этого суда, таковъ же, какъ на судѣ посадника и тысяцкаго; см. ст. 5. Но о компетенціи его можно сдѣлать лишь гадательное предположеніе: можетъ быть онъ былъ преимущественно судомъ уголовнымъ. Куницынъ (Истор. Изобр. древняго судопроизв въ россіи, стр. 33 и сл.), сливая эту статью съ слѣдующею, смѣшиваетъ *судъ княжескаго тіуна* съ *докладомъ*. Первый происходитъ въ тіуновой одринѣ, т. е. камерѣ, комнатѣ, второй-въ комнатѣ новгор. Архіепископа, что, по Куницыну, одно и тоже. Но Н. Л. Дювернуа не видимъ основанія присоединять къ 12 человѣкамъ предсѣдателя, княжескаго тіуна (стр. 309) при чемъ конечно, полагаетъ, что въ ст. 25 и 26 говорится о совершенно различныхъ формахъ суда: судѣ тіуна и докладѣ. Соглашаясь вполнѣ съ послѣднею половиною мысли, мы не можемъ думать, чтобы докладъ обходился совершенно безъ участія княжескихъ чиновниковъ: по ст. 2 и 3 *окончаніе* суда и *пересудъ* считаются судебными прерогативами княжескихъ чиновниковъ. И такъ остается предположить, что тіунъ, кромѣ своего спеціальнаго суда въ своей одринѣ, былъ предсѣдателемъ коллегіи докладчиковъ см. слѣд. ст.

([34]) *Докладъ* есть переносъ дѣла въ высшую инстанцію самимъ судьею (не по жалобѣ сторонъ), или по неимѣнію и неясности закона, или по трудности факта. Поэтому весьма трудно

27. А посаднику и тысяцкому, и владычню намѣстнику, и ихъ судьямъ, и инымъ судьямъ всимъ крестъ цѣловать, да судить имъ въ правду.

28. А земное орудье судити два мѣсяца; а болши дву мѣсяць не волочити ([35]). А какъ межникъ пріѣдетъ съ межи, ино той судъ кончати посаднику въ другіе два мѣсяца томужъ посаднику, а далѣ не волочить. А кой посадникъ межника давъ, а поѣдетъ прочь изъ города не

отличить судебный докладъ отъ законодательнаго. Учрежденіе особой коллегіи для судебнаго доклада указывало бы намъ на весьма здравое отдѣленіе законодательной власти отъ судебной въ В. Новгородѣ (см. ниже ст. 28). Между тѣмъ Н. Л. Дювернуа видитъ въ этомъ фактѣ совершенно обратный смыслъ и говоритъ: «Повидимому въ Новгородѣ законодательство не выработалось такъ полно, какъ во Псковѣ... На это указываетъ докладъ, составляющій здѣсь обыкновенную статью *процесса*. Докладъ происходитъ постоянно, каждые три дня въ недѣлю, въ понедѣльникъ, середу и пятницу. Составъ суда докладчиковъ ставитъ его въ ближайшее отношеніе къ власти законодательной, ибо у доклада сидятъ по боярину и по житьему ото всѣхъ пяти концовъ Великаго Новгорода. Здѣсь какъ бы весь Новгородъ въ лицѣ немногихъ представителей. Но въ этомъ составѣ нѣтъ еще одного элемента..., свободнаго выбора себѣ судей, ибо не для всякого дѣла вновь избирались сторонами докладчики; они составляютъ учрежденіе постоянное. Этотъ элементъ восполняется тѣмъ, что у доклада должны быть приставы съ каждый стороны. Итакъ всѣ вмѣстѣ, 10 докладчиковъ и 2 пристава, образуютъ такой forum, который во всякомъ случаѣ могъ *указать судъ*, какъ бы ни было мало извѣстно право.» Источ. Права, стр. 308-309. Но въ грамотѣ къ выбраннымъ отъ Концовъ и приставамъ при, соединяются еще тѣ, «кои... въ судѣ сидѣли.» Несомнѣнно, что дѣло приносилъ къ докладу судья, разбиравшій его. Онъ-ли-судья, или засѣдатели при которыхъ происходилъ судъ въ низшей инстанціи, называются здѣсь тѣми людьми, кои въ судѣ сидѣли, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ коллегія, при которой происходилъ докладъ, по числу членовъ далеко превышала знаменитое число 12!

([35]) См. ст. 9.

кончавъ того суда, нно Великимъ Княземъ и Великому Новугороду на томъ посадникѣ пятдесятъ рублевь, а истцю убытки подойметъ; или тысетцкой поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ суда, или владычень намѣстникъ, нно взять Великимъ Княземъ и Великому Новугороду пятдесятъ рублевъ; а истцю убытки подойметъ ([36]).

29. А не кончаетъ судья земного орудья въ два мѣсяця, нно истцю взять на него приставы у Великого Новагорода, нно ему тотъ судъ кончати передъ тыми приставы. А не укажутъ судъ и докладшики въ тую два мѣсяця, нно итти судьѣ съ истцомъ къ Великому Новугороду, да взяти приставы на докладшиковъ: а докладшикомъ указати судъ и тое дѣло передъ тыми приставы; а судьѣ кончати истцю тое дѣло передъ тѣмижъ приставы ([37]).

([36]) «Ѣхать прочь изъ города» можетъ означать самовольную отлучку изъ города по своимъ дѣламъ. Требованіе, чтобы тотъ же судья доканчивалъ дѣло, который началъ судить его, встрѣчающееся и во Псков. Суд. Грамотѣ (ст 6), указываетъ на то состояніе судебной власти, когда ея отправленія тѣсно были связаны съ *личностью судьи*, когда, при отсутствіи письменныхъ формъ дѣлопрезводства, новый судья не имѣлъ предъ собою никакихъ слѣдовъ начавшагося дѣлопроизводства, когда нерѣдко даже состоявшійся уже приговоръ не былъ обязателенъ для новаго судьи. Но Новгород. Суд. Грамота дозволяетъ уже продолжать процессъ при новомъ судьѣ, если еще самый «судъ» не начался, а взятъ только срокъ для явки (см. ст. 30).

([37]) Это обращеніе къ вѣчу съ жалобою *не есть апелляція къ вѣчу*; вѣче само не судитъ; оно чрезъ своихъ приставовъ только понуждаетъ судей и докладчиковъ къ скорѣйшему производству дѣла. Мы не видимъ основанія сказать, что «рѣшеніе... суда... измѣнялось рѣшеніемъ вѣча» (И. Д. Бѣляевъ. Разсказы. II. 574), не видимъ въ такомъ обращеніи къ вѣчу черты, отличающей Новгородскіе порядки отъ Псковскихъ (какъ Н. Л. Дювернуа, стр. 310). Обращеніе къ вѣчу есть обращеніе къ *верховной власти*, а не къ высшей инстанціи. Вообще вмѣшательство народнаго собранія въ производство обыкновеннаго суда есть

30. А буде ли истци у коего судьи возмутъ срокъ и срочныя за печатми, а той судья перемѣнится, а кто будетъ судья на его мѣсто, ино тымъ истцомъ стать передъ тыми судьями, да и срочныя свои положити на той срокъ: а тому судьѣ судити той судъ, да и кончати ([38]).

31. А одинъ истець станетъ на тотъ срокъ передъ судьею, да и срочную свою грамоту положитъ, а другой не станетъ, ино тому судьѣ дати на него грамота ([39]); да и срочная грамота къ той же ему грамотѣ припечатать, а отсылки ему не отсылати.

уже явленіе незаконное и достаточно сильно отстраняется самою Судною Грамотою (см. ст. 5, 6, 13) Сергѣевичъ признаетъ за вѣчемъ лишь право суда чрезвычайнаго и политическаго (Вѣче и Князь, стр. 84-85). На докладчиковъ съ жалобою къ вѣчу идетъ самъ судья вмѣстѣ съ истцомъ. «Указати *судъ и* тое дѣло» слѣдуетъ читать по нашему мнѣнію: указати *судьѣ* тое дѣло; (Н. Л. Дювернуа вставляетъ: и *кончати* тое дѣло; но кончаетъ дѣло послѣ доклада судья, какъ и сказано прямо въ слѣд. строкахъ).

([38]) Сл. прим. 36. Словъ: *А буде л* въ спискѣ Арх. Коммиссіи недостаетъ; онѣ взяты нами изъ Карамзинскаго изданія.

([39]) Т. е. выдать *безсудную* грамоту на того, кто не явился къ суду въ срокъ имъ самимъ назначенный по договору съ противною стороною (см. предыд. ст.). *Договорное отношеніе сторонъ* въ процессѣ, уцѣлѣвшее до Петра В., требовало рѣзкаго разграниченія двухъ случаевъ неявки въ судъ: 1) когда одна изъ нихъ не являлась въ срокъ, назначенный по договору между самими сторонами, то судъ не посылаетъ «отсылки» и немедленно обвиняетъ не явившагося; 2) когда срокъ назначенъ самимъ судомъ (см. статью 39), то неявка не влечетъ за собою немедленнаго обвиненія: неявившійся приглашается троекратно. (Сл. въ Улож. Ц. А. М. вызовъ чрезъ приставную память и зазывныя грамоты). Это общее свойство древняго процесса какъ въ В. Новгородѣ, такъ и въ московскомъ государствѣ, И. Д. Бѣляевъ считаетъ печальною особенностію Новгорода: «по докончальной Судной Грамотѣ, говоритъ онъ судъ, былъ поставленъ въ самое ложъ-

32. А во чье будетъ мѣсто отвѣтчикъ срокъ взялъ, а до тово сроку сведется отвѣтчику смерть: ино на той срокъ стать самому истцю, или иного отвѣтчика поставить въ свое мѣсто; а не станетъ самъ, или иного отвѣтчика не поставитъ, ино тымъ его и обинить ([40]).

33. А кто кого утяжетъ въ татбѣ съ поличнымъ, или въ розбоѣ, или въ грабежи, или въ поголовщинѣ, или въ холопствѣ, или о полевой грамотѣ ([41]): ино взять судьямъ отъ судной грамоты четыре гривны, а отъ безсудной двѣ гривны.

34. А кто на кого возметъ грамоту судную, а будетъ ему дѣло до судьи, или до истца; ино ему переговариваться ([42]) съ нимъ мѣсяць; а не почнетъ переговариватьця въ тотъ мѣсяць, ино взять на него приставы съ вѣча, да имать его въ городѣ и въ селѣ съ тыми приставы; а почнетъ хорониться отъ приставовъ, ино его казнить всимъ Великимъ Новымгородомъ.

ное положеніе къ обществу.. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на формы вызова въ судъ, узаконенныя докончательною судною грамотою.....» (Разсказы II. 574).

([40]) Этимъ значеніе повѣренныхъ на судѣ опредѣлено гораздо правильнѣе, чѣмъ въ московскомъ законодательствѣ

([41]) См. выше ст. 7-ю. Тяжебныя дѣла о холопствѣ и землѣ соединяются съ уголовными въ одну группу даже въ періодъ Уложенія, по формамъ процесса, примѣняемымъ къ нимъ. Сл. прим. 44.

([42]) Т. е. обвиненный долженъ въ мѣсячный срокъ договориться (разсчитаться) съ судьею (въ уплатѣ судебныхъ пошлинъ) и съ своимъ противникомъ (въ удовлетвореніи его по иску) Здѣсь способъ *исполненія судебныхъ рѣшеній* (въ первый разъ встрѣчающійся въ нашихъ памятникахъ) отличается еще формами глубокой старины и имѣетъ поразительное сходство съ формами записанными въ Rad práwa zemského Чешскаго,-по которому выигравшій искъ, долженъ взять у суда чиновника (коморника) для *напоминанія* отвѣтчику (проигравшему дѣло), чтобы этотъ послѣдній уговорился съ истцомъ въ 6 недѣльный срокъ. Если

35. А кого опослушествуетъ послухъ, нно съ нимъ увѣдается въ двѣ недѣли; а въ тѣ двѣ недѣли не дастъся послухъ позвати, нно позвати истця; а послухъ истець хоронится, нно то послушство не въ послушство; а другого истця тымъ и оправить. А кто не почнетъ позывать въ тѣ двѣ недѣли послуха, или истца, нно дать на него грамота судная по тому послушству ([43]).

разсчета не послѣдовало, то тоже напоминаніе въ тѣхъ же формахъ повторяется до трехъ разъ. (Итакъ наибольшій срокъ для исполненія суд. рѣшеній 6 недѣль). Послѣ этого если уговоръ не состоялся, истецъ и судебная власть вступаютъ во владѣніе всѣмъ имуществомъ обвиненнаго (рѣчь идетъ по дѣлу объ убійствѣ), раздѣляя его между собою пополамъ. Кромѣ того обвиненный, не договорившійся съ истцомъ, лишается покровительства законовъ: истецъ гдѣ поймаетъ его, тамъ можетъ схватить и убить, и, привязавъ трупъ его къ конскому хвосту, привлечь подъ пражскую шибеницу, гдѣ чиновники свидѣтельствуютъ, что убіеніе совершено законно и не подлежитъ мести.-Новгор. Суд. Грамота привлекаетъ весь В. Новгородъ къ участію въ исполненіи суд. рѣшеній («казнить всимъ В. Новымгородомъ» именно значитъ лишить покровительства законовъ). Допущеніе договора между сторонами и судьею послѣ рѣшенія указываетъ, что по уголовнымъ дѣламъ въ судебномъ рѣшеніи не опредѣлялось количество ни частнаго возмездія, ни судебныхъ штрафовъ (Новг. Судн. Грамот. нигдѣ не опредѣляетъ уголовныхъ пеней).

([43]) «Опослушествованіе» (т. е. показаніе послуха противъ извѣстной стороны), закапчиваетъ *судъ* во всякомъ случаѣ; судья не властенъ рѣшить дѣло противъ показаній послуха. Уже отъ самаго опослушествованнаго зависитъ повести процессъ въ слѣд. стадію—къ *полю*. Между судомъ и *полемъ* стоитъ двухнедѣльный срокъ, въ продолженіе котораго оговоренный послухомъ можетъ позвать этого послѣдняго на судъ Божій; если послухъ «схоронится»-не принимаетъ вызова, то оговоренный обращается къ «истцу» (къ сторонѣ, въ пользу которой говорилъ послухъ); если и послухъ *и* истецъ (мы думаемъ, что такъ слѣдуетъ читать) не принимаютъ вызова, то послушество теряетъ всякую силу, такъ какъ бы противная сторона уже побѣждена была на полѣ. За то, если въ двухнедѣльный срокъ оговоренный не вызываетъ, то послушество eo ipso обращается въ суд. приговоръ.

36. А кому будетъ дѣло до владычня человѣка, или до боярьского, или до житейского, или до купетцкого, или до манастырьского, или до кончанского, или до улитцкого, въ волости о татьбѣ, и о розбоѣ, и о грабежи, и о пожозѣ, и о головщинѣ, и о холопствѣ, а кто будетъ крестъ цѣловалъ на сеи грамотѣ, ино ему речи правое слово, а рука дать по крестному цѣлованью, что той человѣкъ тать и разбойникъ, или грабезщикъ, или пожещикъ, или душегубецъ, или холопъ. Ино въ коей волости будетъ отъ владыки волостель, или поселникъ, ино имъ поставить того человѣка у суда; а боярину и житьему, и купцу, и манастырьскому заказщику, и поселнику, и кончанскому, и улитцьскому также своихъ людей ставить у суда; а срокъ взять на сто верстъ три недѣли, а ближе и далѣ по числу; а до суда надъ нимъ силы не дѣять; а кто силу доспѣетъ, ино тымъ его и обинить ([44]).

([44]) Начала *слѣдственнаго* процесса (уже выступающіе навидъ въ ст. 34 относительно исполненія суд. рѣшеній), теперь являются съ особою силою относительно привлеченія обвиняемыхъ къ суду. Общественная власть содѣйствуетъ частному обвинителю въ поимкѣ обвиняемыхъ при слѣд. условіяхъ: 1) если дѣло уголовное (дѣяніями уголовными считаются: татьба, разбой, грабежъ, поджогъ, смертоубійство), или обвиненіе въ холопствѣ (оно и по Московскимъ памятникамъ рѣшается слѣдственнымъ порядкомъ); что же касается другихъ дѣлъ, то «знать истцу истца», ст. 37; 2) если обвинитель поцѣловалъ крестъ на этой грамотѣ; если же не поцѣловалъ, то онъ «самъ увѣдается съ своимъ истцомъ» (см. ст. 38); наконецъ 3) если обвинитель успѣлъ внушить судебной власти нѣкоторое довѣріе къ своему обвиненію раньше процесса; для этого онъ долженъ «руку дать» (по мнѣнію К. Н. Бестужева—Рюмина—«подписаться») въ томъ, что обвиняемый дѣйствительно преступникъ. При этихъ только условіяхъ всякая административная власть, которой подчиненъ обвиняемый, обязана *поставить его у суда* (здѣсь разумѣются какъ общественныя власти, каковы кончанскій и улицанскій ста-

37. А кого утяжутъ ([45]), а дался въ грамоту, ино ему у того осподаря въ волости не жить; а имѣтъ жить у того осподаря въ волости, а доличать, ино той государь тѣ убытки подойметъ. А бѣжитъ въ иную во чью волость, ино тому государю выдать его тому истцю; а въ иную ему волость не отсылати по крестному цѣлованью, ни его людемъ; а о иныхъ дѣлѣхъ, ино знать истцю истца. А не скажетъ кто того человѣка у собя по крестному цѣлованью, да и руку дастъ, что тамъ ему не быть, а уличатъ, что у него въ волости, ино той государь ему истцю убытки подойметъ. А къ коему господарю въ иную волость прибѣжитъ, ино тому господарю поставить его у суда по крестному цѣлованью: а кто не поставитъ, ино взять на томъ закладъ по Новгородской грамотѣ.

38. А кто на кого взговоритъ на владычня человѣка, или на боярского, или на житьего, или на купетцкого, или на монастырьского, или на кончанского, или на

росты, такъ и частные владѣльцы,-см. ст. 38). Властямъ назначается даже срокъ для доставки обвиняемаго къ суду. Но духъ частной свободы, проникающій Новгородское право, спѣшитъ обезпечить личность обвиняемаго и-что особенно замѣчательно-не отъ произвола государственныхъ чиновниковъ, а отъ насилій частнаго обвинителя, угрожая этому послѣднему за насиліе потерею иска.

([45]) Нѣтъ сомнѣнія, что словомъ «утяжутъ» указывается не на тѣхъ, кто уже обвиненъ судомъ, а на тѣхъ кого только еще желаетъ подвергнуть суду частный обвинитель. Кажется, что вся эта статья, по неискусству редакціи, наполнена повтореніями; сущность содержанія ея слѣд.: если обвиняемый записался къ кому-либо въ холопы, то господинъ не долженъ скрывать его у себя, ни отсылать въ другую волость. Равно и въ другой волости не должны принимать его. Въ томъ и другомъ случаѣ власти обязаны выдать его *истцу*. Власти, нарушающія это постановленіе, обязаны уплатить истцу убытки и *закладъ* (штрафъ) въ казну. Сл. ст. 10. Величина заклада по той Новгородской

улитцкого, а будетъ самъ креста не цѣловалъ на сей грамотѣ, и онъ самъ увѣдается съ своимъ истцомъ по своей исправѣ опричь осподаря ([46]).

39. А кто обѣчается къ суду къ коему дни, ино опослѣ обѣта отсылки къ нему не слать; а не сядетъ судья того дни, ино коли судья сядетъ, и тогда къ нему отсылка; а не видитъ отсылки, и почнетъ хорониться ино слать къ нему отсылка въ дворъ трижды, да и бричемъ кликать; а не станетъ къ суду, ино дать на него грамота обѣтная: а обѣту болши трехъ денегъ не быти ([47]).

40. А примутъ позовника въ селѣ, а почнутъ надъ нимъ силу дѣять, ино дать въ позовниково мѣсто грамота бузсудная, племеннику его или другу ([48]).

41. А кто кого позоветъ въ селѣ позовкою, или дворяниномъ ([49]), ино дать срокъ на сто верстъ двѣ недѣли, а далѣ и ближе,-а то по числу.

судной грамотѣ, которую мы теперь имѣемъ, не обозначена: ясный знакъ, что редакція грамоты 1471 г. не вполнѣ исчерпывала постановленія прежней Докончательной Грамоты.

([46]) См. примѣч. 44-е.

([47]) См. прим. 39 е. «Послѣ обѣта отсылки не слать» не означаетъ особаго снисхожденія къ отвѣтчику (какъ думаютъ г. Куницынъ и И. Д. Бѣляевъ); напротивъ: обѣщавшійся явиться (по договору съ истцомъ) и неявившійся обвиняется безъ суда. См. ст. 30-ю и 31-ю: «ино тымъ его и обинить». Неявившійся къ сроку, назначенному судомъ (а не имъ самимъ) получаетъ три вызова. Но что потомъ? Проигрываетъ ли онъ дѣло, или отдѣлывается только уплатою трехъ денегъ по «обѣтной» грамотѣ? Мы думаемъ, что и теряетъ по иску и уплачиваетъ штрафу 3 деньги.

([48]) Здѣсь позовникомъ очевидно называется истецъ, котораго отвѣтчикъ задерживаетъ у себя силою, чтобы лишить его возможности вести свой искъ (практика того времени указываетъ такіе случаи). Тогда, за отсутствіемъ истца, вступаетъ въ его процессуальныя права его родственникъ или другъ. Этому послѣднему судъ выдаетъ безсудную грамоту, рѣшивъ дѣло безъ суда.

([49]) Дворяне-это лица, вызывавшія къ суду отъ имени кня-

42. Отъ конца или отъ улици, и ото ста, и отъ ряду итти ятцомъ ([50]) двѣма человѣкомъ; а инымъ на пособье не итти къ суду, ни къ розсказу. А будетъ наводка-отъ конца, или отъ улици, или ото ста, или отъ ряду: ино Великимъ Княземъ и Великому Ноугороду на тыхъ дву человѣкѣхъ по Ноугородской грам.....

зя (а не В. Новгорода). Договоръ Новгорода съ Казиміромъ 1471 г. предоставляетъ королю право вызывать чрезъ *дворянъ* и *извѣтниковъ* (м. б. публичныхъ обвинителей), но «*приставовъ* не позволяетъ королю посылать въ волости новгородскія. Можетъ быть послѣднимъ предоставлялось право арестовать подсудимыхъ, или налагать запрещеніе на имущество.

[50]) И г. Куницынъ и И. Д. Бѣляевъ считаютъ *ятцовъ* понятыми, при помощи которыхъ истецъ захватываетъ отвѣтчичика и ведетъ къ суду. Но далѣе говорится, что на этихъ двухъ человѣкахъ (ятцахъ) налагается штрафъ за «наводку» (см. ст. 6). Конечно не въ ихъ интересахъ было поднимать гражданъ на отвѣтчика. Не вѣрнѣе ли разумѣть подъ ятцами приставовъ, избранныхъ сторонами изъ общины, которой принадлежатъ истецъ и отвѣтчикъ (конца, улицы, ста, ряду! См. ст. 5. Въ такомъ случаѣ смыслъ узаконенія будетъ тотъ, что къ суду и «разсказу» допускаются только два пристава отъ сторонъ; наплывъ толпы пособниковъ (такъ часто случавшійся въ старое время) воспрещается. Г. Пановъ считаетъ ятцовъ *поручителями*, «которые были обязаны въ назначенный срокъ представлять взятыхъ ими на поруки подсудимыхъ къ суду». Но о судебномъ поручительствѣ нигдѣ не говоритъ Новг. Суд. Грамота.

Кромѣ изданія Арх. Коммиссіи (А. А. Э. Т. I. № 92), съ котораго Новгородская Судная Грамота перепечатывается здѣсь, она напечатана Н. М. Карамзинымъ (И. Г. Р. т. V. прим. 404) по списку, взятому изъ пушкинскаго собранія Двинскихъ грамотъ. Различія того и другаго изд. весьма не существенны.

Изслѣдованія о Новгородской Судной Грамотѣ и вообще о Новгородскомъ судопроизводствѣ:

О. П. Панова: Изслѣдованіе о Новгородской Судной Грамотѣ (въ Сборникѣ изд. студентами Петер. Университета, вып. 1-й 1857).

Александра Куницына: Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. Спб. 1843.

И. Д. Бѣляева: Разсказы изъ Русской ист. II. стр. 571—575.

Н. И. Костомарова: Сѣверно-русскія народоправства. Т. II. стр. 87—104.

Н. Л. Дювернуа: Источники права и судъ въ древней Россіи. стр. 308—311, 358—363 и др.

М. М. Михайлова. Истор. Русскаго Права Вып. 1. стр. 221—230.

ДОГОВОРЪ НОВГОРОДА СЪ ПОЛЬСКИМЪ КОРОЛЕМЪ КАЗИМІРОМЪ IV. 1470 ИЛИ 1471-ГО ГОДА (1)

Се язъ честны король полскій и князь велики литовьскій докончалъ есми миръ съ нареченнымъ на владычьство съ Ѳеофиломъ, и съ посадники новгородцкими, и съ тысяцкими, и съ бояры, и съ житьими, и съ купци, и со всѣмъ Великимъ Новымгородомъ. А пріѣхаша ко мнѣ послове отъ нареченаго на владычьство Ѳеофила, и отъ посадника степеннаго, и отъ тысяцкого степенного Василья Максимовича, и отъ всего великаго Новагорода мужей волныхъ, посадникъ новогородцкій Ѳѳонасъ Остафьевичъ, посадникъ Дмитрей Исаковичь и Иванъ Кузминъ сынъ посадничь, а отъ житьихъ Панфилей Селифонтовичь, Кирпло Ивановичь, Якимъ Яковличь, Яковъ Зиновьевичь, Степанъ Григорьевичь. Докончалъ есми съ ними миръ и со всѣмъ Великимъ Новымгородомъ, съ мужи волными.

1) А держати ти честны король, Велики Новгородъ на сей на крестной грамотѣ. А держати тобѣ, честному королю, своего намѣстника на Городищѣ отъ нашей вѣры отъ греческой, отъ православнаго хрестьянства; а намѣстнику твоему безъ посадника Новогородцкаго суда

---

(1) Этотъ договоръ (равно какъ и всѣ другіе договоры Новгорода съ своими князьями: см. ниже) есть столько же памятникъ международнаго права, какъ и государственнаго, для изученія котораго эти договоры составляютъ единственный законодательный источникъ. Кромѣ того договоры изъясняютъ и дополняютъ нѣкоторыя постановленія новгородской Судной Грамоты.

не судити, (2) а отъ мѣста кунъ не имати; (3) а Великому Новугороду у твоего намѣстника суда не отъимати, опричь ратной вѣсти и городоставленіа (4); а судити твоему намѣстнику по Новогородцкой старинѣ. (5)

2 А дворецкому твоему жити на Городищѣ на дворцѣ, по Новогороцкой пошлинѣ; а дворецкому твоему пошлины продавати съ посадникомъ Новогородцкимъ по старинѣ, съ Петрова дни. (6)

3) А тіуну твоему судити въ одринѣ съ Новогородцкими приставы. (7)

4) А намѣстнику твоему и дворецкому и тіуну быти на Городищѣ въ пятидесятъ человѣкъ.

5) А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодшего, такъ и селянина; а судити ему въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно; а пересудъ ему имати, по Новогородцкой грамотѣ по крестной, противу посадника, а опричь пересуда посула ему не взяти.

---

(2) Въ др. договорахъ обстоятельнѣе: «А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни грамотъ давати, ни волостей раздавати; а безъ вины ти, княже, мужа волости не лишити.» Так. обр. ограничивалась не одна судебная власть князя, но административная и законодательная. Почему опущено это въ договорѣ съ Казиміромъ?

(3) Мож. быть здѣсь воспрещается брать деньги отъ кандидатовъ на должности.

(4) Такая прибавка находится не во всѣхъ договорахъ.

(5) Т. е. по обычному праву и закодательству новгородскому. Сл. ст. 5 и 24.

(6) О *дворецкомъ* говоритъ только этотъ договоръ; но нѣтъ сомнѣнія, что должность эта была постоянно и была, какъ видно изъ этой статьи, финансовою. Продавать пошлины-отдавать ихъ на откупъ (по мнѣнію Куницына именно пошлины съ суда проѣзжаго).

(7) Сл. Новг. Суд. Грам. ст. 25-ю.

6) А во владычень судъ и въ тысяцкого ([8]) а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ манастырскіе суды, по старинѣ.

7) А поидетъ князь великіи московскій на Великіи Новъгородъ, или его сынъ или его братъ, или которую землю подъиметъ на Великіи Новгородъ, ино тебѣ нашему господину честному королю всѣсти на конь за Великіи Новгородъ, и со всею своею радою литовскою, противъ великого князя, и боронити Великіи Новгородъ; а коли, господине честны король, не умиривъ Великаго Новагорода съ великимъ княземъ, а поѣдешь въ Лятцкую землю или въ Нѣмецкую, а безъ тебе, господине, поидетъ князь великіи, или его сынъ, или его братъ, или кою землю подойметъ на Великіи Новгородъ, ино твоей радѣ литовской всѣсти на конь за Великіи Новгородъ, по твоему крестному цѣлованію, и боронити Новгородъ.

8. А что Ржова, и Великіа Луки и Холмовскіи погостъ, четыре перевары, а то земли Новгородцкія ([9]), а въ то ся тебѣ, честному королю, не вступати, а знать тебѣ своя черна куна, а тѣ земли къ Великому Новугороду. А Ржевѣ, и Лукамъ, и Холмовьскому погосту, и инымъ землямъ Новгородцкимъ и водамъ отъ Литовской земли рубежь по старинѣ.

([8]) Судъ тысяцкаго этою независимостью существенно отличается отъ суда посадника; см. Новг. Суд. Гр. ст. 2 и 4.

([9]) Всѣ эти пограничныя съ Литвою провинціи подлежали въ одно и тоже время власти двухъ государствъ, а со времени преобладанія Москвы надъ В. Новгородомъ—трехъ государствъ (см. Акты Западной Россіи Т. I. № 71); государственныя функціи подѣлены были между различными государствами, какъ различныя права пользованія разныхъ владѣльцевъ въ частномъ имуществѣ. Впрочемъ въ настоящемъ договорѣ Новгородцы настаиваютъ на государственной принадлежности этихъ земель Новугороду; Литвѣ же уступаютъ лишь одинъ родъ дани («черна куна»). Такое стеченіе правъ нѣсколькихъ государствъ на погра-

9. А сведется Новгородцу судъ въ Литвѣ, ино его судити своимъ судомъ, а блюсти Новгородца какъ и своего брата Литвина, по крестному цѣлованью; а сведется судъ Литвину въ Великомъ Новѣгородѣ, ино его судити своимъ судомъ Новгородцкимъ, а блюсти его какъ и своего брата Новгородця, по крестному цѣлованью, тако жъ.

10. А сведется поле Новгородцу съ Новгородцомъ, ино намѣстнику твоему взяти отъ поля гривна, а двѣма приставомъ двѣ денги, а учнутъ ходити за срѣчкою на поле ([10]), ино взяти твоимъ приставомъ двѣ денги.

11. А въ Русѣ ти имати за проѣзжей судъ ([11]), черезъ годъ, сорокъ рублевъ; а держати десять варницъ въ Русѣ; а въ Водцкой землѣ имати за проѣзжей судъ, черезъ годъ, тридцять рублевъ; а въ Ладогѣ ти пятнадцять рублевъ; а съ Ижеры два рубля; а съ Лопци рубль, за проѣзжей судъ, черезъ годъ; а по инымъ волостемъ по новогородцкимъ имати тобѣ пошлины по старинѣ; а Новугороду пошлинъ не тапти по крестному цѣлованью.

12. А вывода ти, честны король, изъ Новогородцкой отчины не чинити, а челядп не закупати, пп даромъ не примать.

ничныя провинціи, замѣчаемое не въ одномъ этомъ случаѣ, есть весьма характерная черта состоянія государственнаго и международнаго права того времени. Сл. ст. 14.

([10]) Это, вѣроятно, тоже, что въ Судебникѣ: «у поля ставъ помирятся» (Суд. ст. 10).

([11]) «*Судъ проѣзжій* Sendgericht отправляли дворяне, посылаемые ежегодно отъ князя въ области новгородскія, какъ для разсмотрѣнія тяжебъ между жителями, такъ и для собранія даровъ и пошлинъ въ княжескую казну» ....«Въ (другихъ) договорахъ съ В. князьями Новгородцы поставляли о проѣзжихъ судьяхъ слѣд. условія: 1) ихъ надлежало избирать изъ Новогородцевъ, не допуская къ сей должности княжескихъ подданныхъ; 2) объѣзды ихъ должны были начинаться съ 29 іюня, но не раньше; 3) имъ надлежало ѣхать въ назначенные округи изъ Новагорода, но не

13. А подводъ по новогородцкой отчинѣ не имати, ни твоимъ посломъ, ни твоему намѣстнику, ни иному никому жъ въ твоей державѣ.

14. А черна куна имати по старымъ грамотамъ и по сеи крестной грамотѣ: а на Молвотицяхъ взяти ти два рубля, а тіуну рубль за петровщину; а на Кунскѣ взяти ти рубль; а на Стержи тридцать куниць да шестьдесятъ бѣлъ; а съ Моревы сорокъ куницъ да восмьдесятъ бѣлъ, а петровщины рубль, а въ осенинѣ полрубля; а въ Жавинѣ двадцать куниць да восмьдесятъ бѣлъ, а петровщины рубль, а медъ и пиво съ перевары по сплѣ; а на Лопастицяхъ и на Буйцяхъ у чернокупцевъ по двѣ куницы и двѣ бѣли, а слугамъ бѣла; а на Лукахъ нашъ тіунъ, а твой другой, а судъ имъ наполы; а Торопецкому тіуну по Новгородцкой волости не судити; а въ Лубоковѣ и въ Заклиньѣ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а петровщины сорокъ бѣлъ; а во Ржевѣ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а съ перевары медъ и пиво по сплѣ; а въ новогородцкихъ волостѣхъ, ни на Демонѣ, ни на Цснѣ, ни на Полоновѣ, не надобѣ иное Литвѣ ничтожъ, ни черны куны не брати ([12]), а иныхъ пошлинъ тобѣ, честны король, на новогородцкія волости не вкладывать черезъ сію крестную грамоту.

изъ княжескихъ наслѣдственныхъ областей, и возвратиться опять на Новгородъ, а не прямо къ князю; 4) въ Заволочье они должны были отправляться на двухъ извѣстной мѣры рѣчныхъ судахъ, но не болѣе...» Куницынъ: Истор. Изобр. древн. судопр. стр. 66. Проѣзжій судъ отдавался на откупъ или продавался навсегда нѣкоторымъ землямъ, именно исчисленнымъ въ этой ст.

([12]) Эти пошлины уступаются Новгородомъ Казиміру, не какъ князю Новгородскому, а какъ В. князю Литовскому; см. выше прим. 9. Въ другихъ грамотахъ: «А новгородьцемъ волости и оброковъ княжихъ не таити». «А коли, княже, поедешъ въ Новгородъ, тогда тобѣ даръ емати по постояниямъ; а коли поѣдешь изъ Новагорода, тогда даръ не надобѣ». Ср. ст 15, 26.

15. А сведется вира, убьютъ сотцкого ([13]) въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина, а не сотцкого, ино четыре гривны, а намъ виръ не таити въ Новѣгородѣ, а о убиствѣ виръ нѣтъ ([14]).

16. А что волости, честны король, новгородцкія, ино тебѣ не держати своими мужи, а держать мужми новогородцкими ([15]); а что пошлина въ Торжку и на Волоцѣ тивунъ свой держать на своей части, а Новугороду на своей части посадника держати. А се волости Новогородцкія: Волокъ со всѣми волостми, Торжекъ, Бѣжица, Городець, Палець, Шипино, Мелеця, Егна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда съ волостми.

17. А пожни, честный король, твои и твоихъ мужь, а то твои, а что пожни новогородцкія, а то къ Новугороду, какъ пошло ([16]).

([13]) Здѣсь, кажется, разумѣется сотскій, какъ должностное лицо, а не какъ лицо, состоящее въ сотнѣ, тяглое. Подъ вирой здѣсь разумѣется лишь дикая вира.

([14]) Т. е. если доказано, что смертный случай есть убійство и преступникъ отысканъ, то община ничего не платитъ.

([15]) Т. е. назначать провинціальныхъ правителей изъ гражданъ новгородскихъ. Сл. прим. 2. Только въ Волокѣ и Торжкѣ—провинціяхъ пограничныхъ съ Тверскимъ и Московскимъ княжествами утвердилось обычаемъ назначать по два правителя: одного отъ князя—тіуна, другаго отъ Новгорода—посадника (сл. Иск. Суд. Гр. ст. 5 и прим. къ ней). «На своей части» не значитъ—на особой части территоріи; и тіунъ и посадникъ управляли вмѣстѣ всею провинціею: см. ст. 24. Здѣсь перечисляются *волости* (провинціи), но не *пригороды*, управленіе которыхъ (болѣе самостоятельное) совершенно отличалось отъ управленія провинціями.

([16]) Государственныя имущества В. Новгорода были двухъ родовъ: а) собственно-государственныя; б) приписанныя къ двору княжескому на содержаніе его (ранговыя, какъ говорилось въ Малороссіи). Эти послѣднія не составляютъ собственности какого-либо князя; право распоряженія ими правящаго князя ограничены (Сл. ст. 19).

18. А дворяномъ съ Городища и извѣтникомъ позывать по старинѣ ([17]).

19. А на Новгородцкой землѣ тебѣ, честны король, селъ не ставити, ни закупать, ни даромъ не примать, ни твоей королевой, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ княземъ, ни твоимъ паномъ, ни твоимъ слугамъ ([18]).

20. А холопъ, или роба, или смердъ ([19]), почнетъ на осподу вадити, а тому ти, честны король, вѣры не нять.

21. А купець пойдетъ во свое сто, а смердъ ([20]) потянетъ въ свой потугъ къ Новугороду, какъ пошло.

22. А приставовъ тебѣ, честны король, не всылати во всѣ волости новогородцкія ([21]).

23. А у насъ тебѣ, честны король, вѣры гречьскіе православные нашей не отъимати; а гдѣ будетъ намъ Великому Новугороду любо въ своемъ православномъ хрестьянствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей воли;

([17]) Сл. ст. 22.

([18]) Частныхъ недвижимыхъ имуществъ не могли имѣть въ предѣлахъ Новгородскаго государства ни князь, ни его слуги.

([19]) Здѣсь очевидно подъ смердомъ разумѣется старинный крестьянинъ, уже прикрѣпленный къ землѣ. Договоръ предупреждаетъ принятіе политическихъ доносовъ отъ рабовъ на своихъ господъ; въ дѣлахъ обыкновенныхъ холопы, уже по Р. Правдѣ, не могли быть послухами.

([20]) Здѣсь подъ смердомъ разумѣется сельскій житель свободнаго состоянія. Содержаніе статьи, повторяемое почти во всѣхъ договорахъ Новгорода съ князьями, можетъ быть истолковано такъ: городское и сельское населеніе относительно податей и повинностей тянетъ къ В. Новгороду (а не князю) и не можетъ быть освобождаемо отъ нихъ ни чрезъ привилегіи княжескія, ни чрезъ переходъ въ частную зависимость отъ князя.

([21]) По ст. 18 дворяне и извѣтники съ Городища могутъ вызывать къ суду мож. б. только жителей города Новгорода. Въ волостяхъ же княжескіе приставы (главное назначеніе которыхъ тоже вызывать къ суду) дѣйствовать не могутъ.

а римскихъ церквей тебѣ, честны король, въ Великомъ Новѣгородѣ не ставити, ни по пригородамъ новогородцкимъ, ни по всей земли новогородцкой.

24. А тіуну твоему въ Торжку судити судъ съ новогородцкимъ посадникомъ, такожъ и на Волоцѣ ([22]), по новогородцкой пошлинѣ, новогородцкимъ судомъ, и виры и полевое по новогородцкому суду.

25. А что во Псковѣ судъ и печять и земли Великого Новагорода, а то къ Великому Новугороду по старинѣ.

26. А умиришь, господине честны король, Велики Новъгородъ съ великимъ княземъ, ино тебѣ взяти честному королю черны боръ по новогородцкимъ волостемъ по старинѣ одинова, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы черны боръ не надобѣ ([23]).

([22]) См. выше прим. 15.

([23]) Ср. данную на черный боръ в к. Василію Васильевичу ок. 1437 г. (А. А. Э. I. № 32): «. .ла вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ се дахомъ черный боръ в. к. Василію Васильевичу всея Руси; а послалъ князь велики на черный боръ Семена Яковлича въ Торжокъ; а брати князя великого черноборцемъ на новоторжьскихъ волостѣхъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ по новой, а писцу княжу мортка съ сохи; а въ соху два коня да третьее припряжь, да тшанъ кожевничской—за соху, неводъ—за соху, лавка—за соху, плугъ—за двѣ сохи, кузнець—за соху, четыре пѣшци—за соху, ладья—за двѣ сохи, црѣнъ—за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи; а гдѣ будетъ ноугородець заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуетъ, или староста, на томъ не взяти; а кто будетъ одерноватый емлетъ мѣсячину, на томъ не взяти; а кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ боярьскій дворъ, или кто имѣлъ соху тапти, а изобличатъ, на томъ взяти вины вдвое за соху. А кормъ съ десяти сохъ князя великого черноборцемъ взяти тридцать хлѣбцовъ, баранъ, а либо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкарь соли; а коневаго корму пять коробей овса въ

27. А нѣмецкаго двора тебѣ не затворяти, ни приставъ своихъ не приставливати; а гостю твоему торговати съ нѣмци нашею братьею.

28. А посломъ и гостемъ на обѣ половины путь имъ чистъ, по Литовской землѣ и по Новогородцкой.

29. А держать тебѣ, честны король, Велики Новгородъ въ воли мужей волныхъ, по нашей старинѣ и по сей крестной грамотѣ.

А на томъ на всемъ, честны король, крестъ цѣлуй ко всему Великому Новугороду за все свое княжество и за всю раду Литовскую въ правду, безо всякого извѣта. А новогородцкіе послове цѣловаша крестъ новогородцкою душею къ честному королю и за весь Велики Новгородъ, въ правду, безъ всякого извѣта.

старую коробью, три возы сѣна съ десяти сохъ какъ пошло; по двѣ подводы отъ стану до стану. А брати имъ, куды и переже сего черноборци брали по старинѣ.»

С. М. Соловьевъ: «подъ именемъ черныхъ кунъ, или чернаго бора разумѣлась въ Новгородѣ общая дань, которая съ нѣкоторыхъ волостей шла въ городскую казну, а съ другихъ въ казну княжескую.» Но это едвали такъ: черные куны въ договорѣ съ Казиміромъ ясно отличаются отъ чернаго бора; первыя суть нормальная постоянная подать; второй-единовременный и экстроординарный налогъ. Весьма вѣроятно, что черный боръ возникъ изъ татарской дани (Лѣт. Новг. I. стр. 57).

Изданія Договора Новгорода съ Казиміромъ.

1. Акты Археографической Экспидиціи. Т. I. №. 87.

2. Tobien: Sammlung kritisch-bearbeileten Quellen der Geschichte des Russischen Rechts. B. II. S. 111—119.

3. Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права (Утина и Лазаревскаго), стр. 131-144.

Другія договорныя грамоты В. Новгорода съ князьями.

1264-65 г. двѣ договор. грамоты съ кн. Ярославомъ Ярославичемъ (Собр. Гос. Гр. и Дог. №№ 1 и 2).

1270 г. съ тѣмъ же княземъ (тамъ же № 3).

1301—2 г. съ Михаиломъ Ярославичемъ (тамъ же №. 4 и 5) Ок. 1307 г. шесть договорныхъ грамотъ съ тѣмъ же княземъ (тамъ же №. 6, 7, 8, 9, 10 и 11).

1317 г. двѣ догов. грамоты съ тѣмъ же княземъ (тамъ же №. 12 и 13).

1318 г. съ тѣмъ же княземъ (тамъ же №. 14).

1327 г. съ в. к. Александромъ Михайловичемъ (тамъ же № 15).

1372 г. съ в. к. Димитріемъ Ивановичемъ и княземъ Владиміромъ Андреевичемъ (Акты, собран. Археогр. Экспедиц. Т. I. № 8).

1434 г. съ в. к. Василіемъ Васильевичемъ (Акты истор. Т. I. №. 258).

Ок. 1437 г. Данная в. к. Василію Васильевичу на черной боръ по новоторжскимъ волостямъ (Акты Арх. Эксп. Т. I. № 32).

1456 г. двѣ догор. грамоты съ в. к. Василіемъ Васильевичемъ и Иваномъ Васильевичемъ (тамъ же № 57 и 58).

1471 г. двѣ договорн. грамоты съ в. к. Иваномъ Васильевичемъ и съ сыномъ его в. к. Иваномъ Ивановичемъ (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. №. 20).

1471 г. двѣ договор. грам. съ тѣми же (Ак. Арх. Эк. Т. I. №. 91).

См. о договорахъ въ соч. С. М. Соловьева: «объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» (Чтенія въ И. Об. Ист. и Др. Росс. 1846. № I). Здѣсь представленъ сводный текстъ всѣхъ изданныхъ договоровъ.

УСТАВЪ ВЛАДИМІРА СВЯТАГО О ЦЕРКОВНЫХЪ СУДАХЪ ([1]).

«Се язъ князь Володимеръ поставихъ церковь святыя Богородица въ Кіевѣ и дахъ церкви той десятину по всей Русской земли во всѣхъ градѣхъ ([2]). И по семъ ([3]) сгадалъ есмь съ своею княгинею съ Анною и съ своими дѣтьми, оже сихъ судовъ не подобно судити князю, ни

([1]) Здѣсь перепечатывается одна краткая редакція Устава (изъ «Описанія Кіевософійскаго Собора и Кіевской Іерархіи, митроп. Евгенія. Кіевъ 1825, см. приб. стр. 8) на томъ основаніи, что только эта редакція можетъ быть *почти* несомнѣнно приписана Св. Владиміру, между тѣмъ какъ пространная редакція безъ *всякаго* сомнѣнія не принадлежитъ ему. См. ниже прим. 19. Вотъ начало ея (по списку, напечатанному въ Дополн. къ актамъ историч. Т. I. № 1.):

Оуставъ святаго князя Володимира, крестившаго роуськоую землю, о церковныхъ судѣхъ. Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се язъ, князь Василии, нарицаемы Володіміръ, сынъ Святославль, вноукъ Игоревъ, блаженыя княгини Олгы, воспріялъ есмь святое крещение отъ грецьскаго царя и отъ Фотия патріарха царегородьского (*Фотій умеръ за 90 лѣтъ до Владиміра*) взяхъ пьрваго митрополита Леона Кневу (*въ спискѣ, изд. Лепехинымъ и др. правильнѣе:* «узяхъ перваго митрополита Михаила») иже крьсти всю землю роуськоую святымь крещеньемь. Потомь же лѣтомъ многымъ міноувшемъ создахъ церковь.....» и т. д.

([2]) По простр. ред.: «отъ всего княжа соуда десятоую вѣкшю, а ис торгоу десятоую недѣлю, а из домовъ на всяко лѣто, отъ всякого стада и отъ всякого жита (?) чюдномоу Спасу и чюднѣи его Матери...»

([3]) «Разверзъше грецьскый номаканонъ и обрѣтохомъ в немь...» (прибавлено въ простран. ред.).

бояромъ, ни судіамъ ихъ, и дахъ тѣ суды церквамъ, всѣмъ епископіямъ по Русской земли; а по семъ не вступатися ни дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до вѣка ни въ люди церковныя, ни въ суды ихъ, то все далъ есмь по всѣмъ градомъ и по погостомъ и по свободамъ, гдѣ Христіане суть (4): роспусть, смильное, заставанье, пошибенье промежу мужемъ и женою о животѣ, въ племени или въ сватовствѣ поймутся, вѣдьство, зелійничьство, уреканье три: бляднею и зельи и еретичествомъ, зубояжа (5), отца или матерь бьетъ сынъ или дчи, братни ли дѣти тяжются о задници (6), церковная татьба, мертвецы волочать (7), крестъ посѣкуть (8), или на стѣнахъ рѣжутъ (9), скоты или псы и поткы (10) безъ велики нужи введетъ, или что непо-

---

(4) Это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что краткая редакція современна Владиміру св., при которомъ Христіанство далеко не вездѣ еще распространилось.

(5) Т. е. разводъ, брачныя дѣла, прелюбодѣяніе, драка между мужемъ и женою изъ за имущества, браки въ близкихъ степеняхъ родства или свойства, волшебство, зелейничество (т. е. употребленіе зелій-травъ на вредъ другимъ), попрекъ въ трехъ преступленіяхъ, укушеніе.

(6) Если братья или дѣти тягаются о наслѣдствѣ. Это постановленіе выставляется Карамзинымъ какъ доказательство неподлинности Устава; ибо по Русской Правдѣ (Карамзин. сп. ст. 117) судъ о спорномъ наслѣдствѣ предоставляется князю. М. Евгеній и Неволинъ считаютъ постановленіе Рус. Правды отмѣною прежняго закона.

(7) Если снимутъ съ мертвыхъ одежду.

(8) Если срубятъ крестъ на могилѣ (и можетъ быть при дорогѣ).

(9) Неволинъ разумѣетъ здѣсь «изрѣзаніе стѣнъ въ церквахъ». Герберштейнъ (въ перев. Анонимова, стр. 71): «тѣхъ, которые для чародѣйства отрываютъ частицу отъ изображеній святыхъ, или отъ креста».

(10) Герберштейнъ (стр. 72): «тѣхъ, которые ввели въ церковь собаку, *птицу* или какое нибудь другое нечистое животное».

добно въ церкви подѣетъ ([11]). Тѣ вся суды церкви даны суть. Князю и бояромъ и судьямъ въ тѣ суды не лзѣ вступатися. То вся далъ есмь по первыхъ царевъ уряженью и по вселенскыхъ святыхъ отецъ семи съборовъ великихъ святитель ([12]). Аще кто преобидитъ нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона Божія и огнь себѣ наслѣдуютъ ([13]). Иже искони уставлено есть и поручено святымъ епископіамъ городскыя и торговыи всячьская мѣрила и спуды и свѣсы и ставила ([14]); отъ Бога тако искони уставлено епископу блюсти безъ пакости, ни умалити ни умножити; за все то дати ему слово въ день суда великаго, яко и о душахъ человѣчьскыхъ. А се церковные люди: игуменъ, попъ, діаконъ, и кто въ клиросѣ, черньцъ, черница, попадія, проскурница, поповичь, лѣчецъ ([15]), прощенникъ ([16]), задушный человѣкъ ([17]), монастыреве, больници, гостиници, странно-

---

Такъ дѣйствительно въ др. сп. (См. пр. Макарія: Истор. церкви Т. I. стр. 271).

([11]) Простр. ред. прибавляетъ: «или два дроуга имѣтася бити единаго жена имѣтъ за лоно дроугаго и раздавить, или кого застанoуть съ четверопожиною, или кто молиться подъ овиномь или во рощеньи, или оу воды, или дѣвка дѣтя повьржеть».

([12]) Но такъ какъ, по узаконеніямъ византійскимъ, далеко не такъ были опредѣлены границы церковнаго суда, то, по мнѣнію Неволина, эти слова «должны быть понимаемы, какъ общее, неопредѣленное указаніе того источника, откуда заимствованы начала, изложенныя въ уставѣ».

([13]) Простр. ред. прибавляетъ: «А своимъ тиоуномъ приказываю соуда церковнаго не обидѣти и съ соуда давати 9 частии князю, а 10-я святѣи церкви». За тѣмъ слѣдуютъ велерѣчивыя угрозы страшнымъ судомъ на обидчиковъ церковнаго суда.

([14]) См. выше Догов. Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою, ст. 41 и прим. 46.

([15]) Лекарь.

([16]) Человѣкъ, получившій чудесное исцѣленіе.

([17]) Вольноотпущенный по духовной.

пріимници ([18]): то люди церковныи, богадѣльные, митрополитъ или епископъ вѣдаетъ межю ими судъ или обиду, или котора, или задница. Аже будетъ иному человѣку съ тѣмъ рѣчь, то обчій судъ.

([18]) Это считается новымъ доказательствомъ противъ подлинности Устава, потому что при св. Владимірѣ, конечно, не было еще всѣхъ этихъ учрежденій (больницъ и пр.). Но греческіе епископы, внушившіе этотъ Уставъ Владиміру, конечно имѣли въ виду будущее. Впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ уже существовали при самомъ началѣ христіанства, какъ видно изъ житія Ѳеодосія.

([19]) Представленный здѣсь образецъ краткой ред взять М. Евгеніемъ изъ рукоп. кормчей, находящейся въ Новгородской Софійской библіотекѣ. Неволинъ дѣлитъ всѣ списки Устава на двѣ ред.: краткую и пространную; напротивъ Пр. Макарій на три: краткую, среднюю и пространную, считая прототипомъ Устава не краткую, а пространную, потому что она сохранилась въ болѣе древнихъ спискахъ и потому «что особенности, отличающія обширную ред. отъ средней и краткой... совершенно сообразны со временемъ происхожденія Устава Владиміра» (Т. I., стр. 127). Впрочемъ пр. Макарій относитъ къ средней ред. тѣ списки, которые Неволинъ относитъ къ краткой; а представителями краткой считаетъ тѣ неудачныя сокращенія, которыя дѣлались въ позднѣйшее время изъ обширнѣйшихъ списковъ (каковъ напр. сп. въ Лѣтоп. Переясл. Суздальск, изд. кн. Оболенскимъ, и списокъ изд. Лепехинымъ). Это тоже, что въ спискахъ Русской правды — списокъ кн. Оболенскаго. Мы предпочитаемъ согласиться съ Неволинымъ, — считать болѣе близкими къ подлиннику списки краткой (или, какъ называетъ пр. Макарій, средней) ред., и именно тѣ, въ которыхъ нѣтъ предисловія и велерѣчивыхъ вставокъ позднѣйшихъ книжниковъ.

Изданія устава св. Владиміра: 1. Дневныя записки путешествія Ивана Лепехина. Ч. III. Спб. 1780. стр. 351—352. Тоже въ «Полн. Собр. ученыхъ путешествій по Россіи.» Т. V. стр. 336—337. Спб. 1822. Тоже въ Исторіи Русской церкви. Пр. Макарія. Т. I. стр. 267—268.

2. Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд 2. Ч. 6 М. 1788. стр. 1—9.

3. Продолженіе Древней Росс. Вивліоѳики. Ч. III. Спб. 1788. стр. 1—8.

4. «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина. Т I., прим. 506. (Тоже въ Опис. Кіевософ. Соб. М. Евгенія. Прибав. № 2. с. 5. см. выше прим. 1).

5. Дополненія къ Актамъ историческимъ I. № 1.

6. Н. В. Калачева: О значеніи кормчей. Моск. 1850. Въ прилож. стр. 21—22; другой сп. тамъ же стр. 25—27 (оба изъ списка «статей о святительскихъ судахъ»).

7. Пр. Макарія: «Ист. Рус. церкви» Т. I. Спб. 1857. стр. 268 (прим. 237) и по др. списку стр. 270 (прим. 240).

См. въ Указ изданій Рус. Правды №№ 19 и 20.

Изслѣдованія объ Уставѣ Владиміра см. ниже.

УСТАВЪ ЯРОСЛАВА ВЛАДИМІРОВИЧА О ЦЕРКОВНЫХЪ СУДАХЪ (1).

«Се язъ Князь Великій Ярославъ, сынъ Володимерь, по данью отца своего сгадалъ есми съ Митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми со Греческимъ Номоканономъ, аже не подобаеть спхъ тяжь судити князю и бояромъ. Далъ есмь митрополитомъ и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣ, по всѣмъ городомъ и по всей области, гдѣ крестьянство есть.

1. Аже кто умчить дѣвку или насилить, аже боярская дчи, за сорокъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ гривна золота, а епископу гривна золота. Добрыхъ людей за соромъ 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ по гривнѣ серебра епископу, а князь казнитъ (2).

---

(1) Пр. Макарій раздѣляетъ списки и этого устава на три редакціи; считая образцомъ 1-ой списокъ, напечатанный Карамзинымъ и Евгеніемъ (и перепечатываемый нами),—средней—списокъ, имъ напечатанный (статьи его, недостающія въ краткой ред., мы приводимъ въ примѣчаніяхъ),—пространной—списокъ, напечатанный въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго. Кромѣ того существуетъ западно-русская ред., самая далекая отъ предполагаемаго подлинника.

(2) Прибавка: «а князь казнитъ» или: «да казнятъ его волостельскою казнію» (см. ст. 29) здѣсь и въ другихъ статьяхъ указываетъ на то, что дѣянія, караемыя княземъ (насильственное похищеніе дѣвицы, оскорбленіе дѣломъ женщины, самовольный разводъ «безъ вины», квалифицированное насиліе надъ дѣвицею, прелюбодѣяніе и именно со стороны мужа, поджогъ, кровосмѣшеніе со сестрою, оскорбленіе словомъ женъ великихъ

2. Аже кто пошибаеть боярскую дщерь или боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а меншихъ бояръ гривна золота, а епископу гривна золота; а нарочитыхъ людей 3 рубли ([3]), а епископу 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а епископу 15 гривены, а князь казнитъ.

3. Аже пустить боярин великъ жену безъ вины, за сорокъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а нарочитыхъ людей 3 рубли, а епископу 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а епископу 15 гривенъ, а князь казнитъ.

4. Аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти до-

бояръ, остриженіе головы и бороды (?), побои, наносимые сыномъ отцу или матери) считаются не только грѣхомъ, но и преступленіемъ предъ обществомъ. Церковной власти по такимъ дѣламъ принадлежатъ денежные штрафы.—Гражданской власти право уголовной кары. (Въ чемъ состоитъ эта «казнь волостельская» съ рѣшительностью сказать нельзя, такъ какъ неизвѣстно къ какому времени относятся дошедшія до нихъ редакціи Устава Ярослава; но съ вѣроятностью можно предположить, что тѣлесныя наказанія болѣзненныя и членовредительныя прежде всего были примѣнены къ преступленіямъ, подлежащимъ суду церковному на основаніи Прохирона (гр. XXXIX, ст. 40, 43, 44, 45, 60, 61, 62, 63—70, 73—75) и Эклоги (зач. XVI ст. 10 и дал.).—Пр. Макарій полагаетъ, что этотъ рядъ преступленій подлежалъ собственно суду церковному, преступникъ послѣ суда для наказанія отсылался къ свѣтской власти. Затѣмъ есть другой рядъ преступленій, судимыхъ общимъ судомъ государства и церкви; это—обыкновенныя преступленія противъ жизни и собственности, совершаемыя внутри семейства, между членами его (см. ст. 24, 25, 26; см. прим. 6-е); церковныя власти взыскиваютъ за эти преступленія денежныя штрафы «съ княземъ на полы».

[3]) Счетъ на рубли и такая классификація общественныхъ состояній (сл. ст. 22) указываютъ на позднее происхожденіе редакцій, дошедшихъ до насъ.

будетъ, обличивъ ю, поняти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупить (4).

5. Аже дѣвку умолвить кто къ себѣ и дасть въ толоку, на умольницѣ епископу 3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ 3 гривны серебра, а на толочныхъ по рублю, а князь казнитъ.

6. Аже мужъ отъ жены блядеть, епископу въ винѣ, а князь казнитъ.

7. Аже мужъ оженится иною женою, со старою не распустився, мужъ епископу въ винѣ, а молодую въ домъ церковный, а съ старою жити (5).

8. Аже женѣ лихій недугъ болить, или слѣпота, или долгая болѣзнь, про то ее не пустити; такоже и женѣ не лзѣ пуститѣ мужа (6).

---

(4) Это выраженіе («родъ окупить») приводилось неразъ въ доказательство родоваго быта, какъ основной формы общества, у нашихъ предковъ. Но слово: родъ какъ указалъ еще Тюринъ, имѣетъ весьма различныя значенія. Притомъ слѣдовало обратить вниманіе, что самый Уставъ Ярослава всего лучше доказываетъ, что въ этомъ *памятникѣ семейнаго права* рѣчь идетъ о семействѣ въ точномъ смыслѣ: объ отцѣ, матери и ихъ дѣтяхъ (ст. 29), мужѣ и женѣ. Ни о дальнѣйшихъ восходящихъ и нисходящихъ, ни о боковыхъ нѣтъ рѣчи (см. ст. 21); только разъ упоминаются свекоръ и сноха (см. 17).

(5) См. ст. 13. Трудно рѣшить-почему явились здѣсь повторенія статей о двоеженствѣ.

(6) Въ спискѣ, напечатанномъ у пр. Макарія за тѣмъ слѣдуетъ:

Аще жена у мужа крадеть, а обличить ю: митрополиту 3 гривны, а мужъ казнить; прото неразлучити. Аще клѣть покрадетъ, такоже творятъ надъ нею.

Аще дѣвка засядеть: великихъ бояръ-митрополиту 5 гривенъ золота; а меншихъ бояръ-митрополиту гривна золота; а нарочитыхъ людій—12 гривенъ серебра, а митрополиту 12 гривенъ; а простой чяди гривна серебра, а митрополиту гривна серебра.

Аще попдеть жона отъ своего мужа за иный мужь; тую жону поняти въ домъ церковный, а новоженя митрополиту у продажи.

9. Аже кумъ съ кумою створить блудъ, епископу гривна золота, и въ епитимьи.

10. Аже кто зажжетъ дворъ, или гумно, или что иное, епископу 100 гривенъ, а князь казнитъ.

11. Аже кто съ сестрою согрѣшить, епископу 100 гривень, а въ епитимьи и въ казни по закону.

12. Аже ближній родъ поймется, епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитимью да примуть.

13. Аже двѣ жены кто водитъ, епископу 40 гривенъ, а которая подлегла, та поняти въ домъ церковный, а первую держати по закону; а имѣть лихо водити ю (7), казнью казнить его.

14. Аже мужъ съ женою по своей воли распуститься, епископу 12 гривенъ; а буде не вѣнчался, епископу 6 гривенъ (8).

15. Аже кто сблудить съ черницею, епископу сто гривенъ.

16. А съ животною (9) 12 гривенъ, а въ епитимью вложить.

17. Аже свекоръ съ снохою сблудить, епископу 100 гривенъ, а епитимья по закону.

18. Аже кто съ двѣмя сестрами падется, епископу 30 гривенъ.

19. Аже кто съ мачихою сблудитъ, епископу 40 гривенъ.

20. Аже два брата будуть со единою женою, епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный.

21. Аже дѣвка не всхощеть за-мужъ, а отецъ и мати силою дадуть, а что створить надъ собою, отецъ

---

(7) Сдѣлаетъ какое-либо зло надъ первою женою.

(8) Въ спискѣ, напечат. у пр. Макарія затѣмъ слѣдуетъ:

Аще жидовинъ, или бесерменинъ с русскою будеть иноязычници: митрополиту 8 гривенъ, а руска поняти в домъ церковный.

(9) Съ животиною, какъ въ др. спискахъ.

и мати епископу въ винѣ, а исторъ имъ платити, тако же и отрокъ ([10]).

22. Аже кто зоветь чюжу жену блядью великихъ бояръ, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а князь казнитъ. А будеть меньшихъ бояръ, за соромъ ей 3 гривны золота, а епископу 3 гривны золота. А будеть городскихъ людей, за соромъ 3 гривны серебра, а епископу 3 гривны серебра. А сельскихъ людей за соромъ гривна серебра, а епископу гривна серебра.

23. Аже пострижеть голову или бороду, епископу 12 гривенъ а князь казнитъ.

24. Аже мужъ иметь красти коноплю или ленъ и всякое жито, епископу въ винѣ со княземъ на-полы; такоже и женка, иже имѣть красти ([11]).

25. Аже мужъ крадетъ бѣлые порты, или полотна, портищи и понѣвы, такоже и женка, епископу въ винѣ со княземъ на-полы.

26. Свадебное и сгоровное ([12]) бои, убійство и ду-

([10]) Это узаконеніе о злоупотребленіи родительской власти достаточно для опроверженія мнѣнія, по которому даже право надъ жизнію дѣтей принадлежало будто бы родителямъ въ древнія времена нашей исторіи.

([11]) Мужъ, который крадетъ ленъ и коноплю, крадетъ вещи, пріобрѣтаемыя собственнымъ трудомъ жены: доказательство раздѣльности имущества мужа и жены, не только пріобрѣтеннаго тѣмъ и другою до брака, но и во время брачнаго состоянія. Жена отвѣчаетъ за кражу вещей, мужемъ пріобрѣтенныхъ (конечно не льна и конопли, бѣлья, полотенъ, поневъ; см. ст. 5). По спискамъ пространной ред. (см. прим. 6) жена за кражу у мужа, подлежитъ, кромѣ церковного взысканія, отвѣтственности предъ мужемъ, а не предъ общественною властію.

([12]) Въ спискѣ, напечат. у пр. Макарія читаемъ:

Аще иметь красти свадебное и *огородное*.... и т. д. Такое чтеніе этой ст. лишаетъ всякой возможности истолковать ея

шегубство, аже что чинится, платять вину князю на-полы со владыкою ([13]).

27. Аже мужа два бьеться, одинъ другаго укусить или одереть, епископу 3 гривны.

28. Аже мужъ бьетъ чужю жену, за соромъ ей по закону, а епископу 6 гривенъ.

29. Аже сынъ бьетъ отца или матерь, да казнятъ его волостельскою казнію, а епископу въ винѣ ([14]).

30. Аже чернець, или черница, или попъ, или попадья, или проскурница впадуть въ блудъ, тѣхъ судити епископу опрснь мірянъ, и во что ихъ осудить воленъ.

31. Аже попъ или чернецъ упьются безъ времени, епископу въ винѣ.

32. Аже чернецъ или черница разстрижется, епископу въ винѣ, во что ихъ обрядить.

33. А что дѣется въ домовныхъ людехъ и въ церковныхъ и въ монастырехъ, а не вступаються княжи волостели въ то, а то вѣдаютъ епископли волостели и безатщина ([15]) ихъ епископу идетъ—([16]).

смыслъ. Чтеніе Карамзинскаго списка даетъ, кромѣ того, ключь къ изъясненію того, какимъ обр. «бой, убійство и душегубство» могли принадлежать, хотя и на половину уголовной юрисдикціи церкви: здѣсь, очевидно разумѣются преступленія, совершенныя при *сговорѣ* и свадьбѣ.

([13]) Затѣмъ въ спискѣ у пр. Макарія:

Аще про дѣвку сыръ будетъ краань: за сыръ гривна; а что стеря *(етеря?)* заплатять, а митрополиту 6 гривень, а князь казнитъ.

([14]) Далѣе въ спискѣ, напечатан. у пр. Макарія:

Аще дѣвка восхощетъ за мужъ, а отець и мати не дадуть, а что сътворить; митрополиту у винѣ отець и мати; такожь и отрокъ

([15]) Выморочное имущество. Перечисленіе людей церковныхъ см. въ уставѣ Владиміра.

([16]) Далѣе въ спискѣ, напечатанномъ у пр. Макарія:

А кто уставленіе мое порушить или сынове мои, или внуцы мои, или правнуцы мои, или отъ рода моего кто или отъ бояръ, а порушить рядъ мой и вступится въ суды митрополичи, что есми далъ митрополиту и епископомъ по всѣмъ городомъ, по правилом святыхъ Отецъ, судивше казнити по закону; а кто иметься въ тѣ суды церковные вступати, крестьянско имя не наречеться на томъ, а отъ святыхъ да будетъ проклятъ.

Аще двѣ женѣ бьетеся: митрополиту 6 рѣзань на виноватой.—Аще безъ вины свекорь біеть сноху или деверь ятровъ: то платити ей по закону, а митрополиту 6 гривень.—Аще что кто поганое ясть у своей воли, или медвѣдину, или иное что поганое митрополиту у винѣ и в казни —Аще попъ дитя крестить у чюжемъ уѣздѣ, или иное что священническое, развѣ и нужа и болѣзни: митрополиту у винѣ. Съ некрещеннымъ, а иноязычникомъ отъ нашего языка, съ некрещенными ни пити, ни ѣсти; доколѣ же крестяться, аще кто вѣдая ясть и піеть, да будеть митрополиту у винѣ. Аще кто съ отлученымъ ясть и піеть, самъ отлученъ будеть.—Аще кто съ бесерменкою или съ жидовкою блудъ сътворить, а не лишится: отъ церкви да отлучится и отъ христіанъ, а митрополиту 12 гривень —А тѣми винами разлучитъ мужа съ женою: 1 вина. Аще услышить жона отъ иныхъ людей, что думають на царя или князя, а она мужу своему не скажеть, а опослѣ объяснится: разлучити. 2 вина, Аще застанеть мужь свою жону съ прелюбодѣемъ, или како учинить на нее исправу съ добрыми послухы: разлучити. Аще думаеть жона на своего мужа или зеліемъ, или иными людми, или пакъ иметь вѣдать, что хотятъ мужа ея убити, а она мужу своему не скажеть, а послѣ объяснится: разлучить. 3 вина. Аще жена безъ своего мужа иметь ходити, или пити или ясти, а опрочь своего дому иметь спати, а потомъ объясниться: разлучити. 4 вина. Аще иметь жона ходити по игрищомъ или во дни, или в пощи, а мужъ иметь усчювати, а она не послушаеть: разлучити. 5. Аще ведеть жона мужа своего покрасти клѣть, или товарь, или сама покрадетъ, да инымъ подасть, или иметь вѣдати, што хотять церковь покрасти, а она мужу своему не скажеть: разлучити.»

(Обычнаго заключенія въ спискѣ пр. Макарія нѣтъ.).

Изданія устава Ярослава:

1. Дневныя записки путешествія Ив. Лепехина. Ч. 3 Спб. 1780.

2. Архангелогородскій лѣтописецъ. М. 1781 (тоже: Описаніе Кіево-софійскаго Собора. М. Евгенія, приб. стр. 13; самая краткая редакція, или, правильнѣе, выписка вступленія и заключенія изъ Устава).

3. Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики. Ч. 3. Спб 1788.

4. Указатель Россійскихъ Законовъ, Максимовича. Ч. I. М. 1803.

5. Исторія Государства Росс Н. М. Карамзина, Т. II. прим. 108 (тоже у М. Евгенія, приб. стр. 10—16).

6. Исторія Русской церкви, пр. Макарія, Т. II., прим. 455 (Спб. 1857).

7. Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, изд. Арх. Комм. Т. I. №. 166 (Западно Русская редакція).

См. въ ук. изд. Рус. Правды №№ 19 и 20.

Изслѣдованія объ Уставахъ Владиміра и Ярослава:

1. *Карамзина:* И. Г. Р. Т. I. по изд. Эйнерлинга с. 145 и пр. 506. Т. II. стр. 38 и пр. 108-е.

2. *Рейца:* Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Законовъ, въ пер. Морошкина—стр. 40—46 (§ 7).

3. *М Евгенія:* Описаніе Кіевософійскаго Собора, приб. стр. 1—44.

4. *М. П. Погодина:* Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Т. I. стр. 263—272.

5. *Неволина:* О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго (Полн. Собр Сочин. Т. VI, стр. 268—312, 315 и дал.).

6. *Пр. Макарія:* Исторія Русской церкви. Спб. 1857. Т. I. стр. 118—138; Т. II. стр. 215—221.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

Договоръ Русскихъ съ Греками при кн. Олегѣ—911 г. 3.
Договоръ Русскихъ съ Греками при кн Игорѣ 945 г. 14.
Сравнительная таблица статей договоровъ Олега и Игоря 24.
Литература договоровъ Олега и Игоря съ Греками . . 25.
Правда Роская (списокъ академическій) . . . . . 27.
Оуставъ великого князя Ярослава Владимерича о Судѣхъ. Судъ о душегоубьствѣ, Правда Роуская (списокъ карамзинскій) . . . . . 41.
Дополнительныя статьи Русской Правды изъ другихъ списковъ. . . . . 93.
Систематическій указатель статей Русской Правды по двумъ спискамъ 94
Литература Русской Правды. . . . . 96.
Мирная Грамота Новгородцевъ съ нѣмцами 1195 года. 101.
Договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 года . . 107.
Литература Договоровъ съ нѣмцами . . . . . 122.
Духовная Новгородца Климента XIII в. . . . . 123.
Уставная Грамота великаго князя Василія Димитріевича, данная жителямъ Двинской земли въ 1397 г. . . . . 127.
Псковская Судная Грамота . . . . . 136.
Литература Псковской Судной Грамоты . . . . . 186.
Новгородская Судная Грамота . . . . . 187.
Договоръ Новгорода съ Казиміромъ IV . . . . . 207.
Уставъ Владиміра св. о церковныхъ судахъ, . . . 217.
Уставъ Ярослава Владиміровича о церковныхъ судахъ. 222.

Замѣченныя опечатки

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
3	8 снизу	дглавнымъ	главнымъ
—	3	млаенцомъ	младенцомъ
5	1	еимнно	именно
7	6	ще	еще
—	5	тѣмъ о	тѣмъ
8	5	неотдаетъ	не отдаетъ
9	3	изъяснеиія	изъясненія
11	5	Соловеьва	Соловьева
12	3	Consevuto	Consuetudo
15	1 сверху	Руэскаго	Рускаго
—	2	Вуееастъ	Вуефастъ
—	3	Иторевъ	Игоревъ
20	17	ещс	еще
—	14	съ,	съ
—	1	рузскаго	русскаго
21	5	гроковъ	грековъ
22	28	кто	что
23	5	на несеніе	нанесеніе
26	7	Verzuch	Versuch
—	—	Chrolnologie	Chronologie
—	6	Rücksicbt	Rücksicht
27	9	Hallsschmuck	Halsschmuck,
28	22	Пзгой	Изгой
30	10	физичекаго	физическаго
31	29	104	105
32	17	Корамз.	Карамз.
36	20	Аксп.	Ак. сп.
37	5	дворѣ	дверѣ
48	10 сверху	пословарю по	по Словарю
50	2 снизу	104	105
51	24	43	44

59	10	сверху	37	38
66	24	снизу	очсвидно	очевидно
69	4		зз	за
73	22		ся	ея
74	20		Діевъ.	Діевъ).
80	19		до-дочерей	дочерей
97	2		переводомъ.	переводомъ).
98	6	сверху	Gandschriften	Handschriften
100	1	снизу	Сшанислявскаго	Станиславскаго
104	16		Повгорода	Новгорода
108	2		міръ	миръ
116	3		Гроками	Греками
127	14		19	20
128	15		95	96
148	20		95	96
—	16		100-ю	111-ю
153	14		80-ю	81-ю
154	9		33	34
—	1		101	102
156	8		62	63
—	21		хозаинъ	хозяинъ
158	13		45 и 55	46 и 56
159	7		43	44
162	4		привести	привести
—	3		45	46

ла народовластія, которая высказывается въ значеніи общинъ и въ постоянномъ вліяніи путемъ выбора. Это вліяніе совершенно измѣняетъ характеръ тѣхъ постановленій, которыя на первый разъ кажутся несообразными съ разъ принятыми началами. Такъ мы видимъ, что исполнительная власть ввѣряется лицу, выбранному или народомъ, или законодательнымъ собраніемъ. Послѣдній способъ происхожденія можетъ показаться несогласнымъ съ различіемъ въ дѣятельности каждой власти и, слѣдовательно, съ ея отдѣленіемъ отъ другихъ; но онъ есть только видоизмѣненіе, ослабленіе перваго способа, потому что законодательная власть—происхожденія народнаго и представляетъ собою какъ бы народную власть. А при томъ отношеніи, въ какомъ находятся законодательныя палаты къ народу, напр. къ его вліянію на нихъ, это ослабленіе начала становится мало чувствительнымъ. Точно тоже можно сказать и о происхожденіи судебной власти: будетъ ли она избираться народомъ, или здѣсь будетъ предоставлено непосредственное участіе законодательному собранію, или будетъ назначаться она губернаторомъ, во всякомъ случаѣ она будетъ приводиться къ одному источнику—народной власти. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, это начало подвергнется значительному смягченію; но если вспомнить, что губернаторъ въ штатахъ не то, что глава исполнительной власти въ европейскихъ государствахъ, что онъ сильное орудіе народной власти, то нельзя не согласиться, что смягченіе это не до такой степени значительно, какъ можно принять съ перваго раза. Такимъ образомъ, вслѣдствіе господства народной власти, преобладающей надо всѣмъ въ Америкѣ, отыскивать тамъ точнаго примѣненія начала раздѣленія властей было бы и невозможно.—Другое обстоятельство, также измѣняющее въ Америкѣ принципъ раздѣленія властей, заключается въ самомъ ихъ характерѣ и значеніи, на что указано уже выше. Законодательная власть въ штатахъ хотя, можетъ быть, въ этомъ отношеніи и похожа на таковую же въ демократическихъ государствахъ Европы, но сила ея дѣйствуетъ въ нихъ неотразимѣе, вслѣдствіе полнѣйшей связи съ народомъ. Поэтому первенствующее положеніе ея между другими властями не можетъ быть и оспориваемо, и ей не можетъ предстоять здѣсь какой либо опасности отъ централизаціонныхъ стремленій правительства, какъ въ европейскихъ государствахъ, гдѣ власть послѣдняго представляет-

ся иногда силой какъ бы враждебной первой. Напротивъ здѣсь, вслѣдствіе положенія законодательной власти, централизаціонныя стремленія овладѣваютъ ею. Законодатель—такъ выражается Токвилль о штатахъ Новой Англіи—вторгается въ область самой администраціи; законъ доходитъ до мельчайшихъ подробностей; онъ предписываетъ въ одно и тоже время и начала и способъ ихъ примѣненія; онъ ограничиваетъ второстепенныя административныя власти множествомъ обязанностей, тѣсно и строго опредѣленныхъ. Случается, что исполненіе своихъ мѣръ законодатель вручаетъ не исполнительной власти, а самъ назначаетъ особенныхъ агентовъ *). Серьёзнаго сопротивленія такому дѣйствію законодательной власти администрація не можетъ представить: не говоря уже о зависимости ея отъ первой, самая дѣятельность ея подрывается въ центральномъ органѣ—губернаторѣ—весьма ограниченнымъ правомъ санкціи, краткосрочнымъ отправленіемъ должности, невозможностью сосредоточенія дѣйствій путемъ іерархическаго вліянія на низшіе органы. Дѣятельность же низшихъ органовъ ослабляется зависимостью отъ народа, какъ уже говорено, дробностью функцій и малой связью между дѣятелями. Съ другой стороны, административная власть значительно ослабляется и своими отношеніями къ судебной. Послѣдняя, въ лицѣ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, поддерживаетъ административную власть въ нѣкоторыхъ ея дѣйствіяхъ или придаетъ ей силу, наказывая за неисполненіе ея распоряженій и разные административные проступки; съ другой стороны она сдерживаетъ административныхъ чиновниковъ, представляя возможность частнымъ лицамъ искать вознагражденія за ущербъ, наносимый ихъ дѣйствіями. Администрація пользуется судебными формами, судъ же въ предѣлахъ общины дѣйствуетъ не столько въ силу своихъ административныхъ обязанностей, сколько въ силу своей судебной власти. И не только мировая юстиція, которая часто принимаетъ на себя административныя обязанности и въ другихъ государствахъ, но во многихъ штатахъ и обыкновенные суды поддерживаютъ своей силой авторитетъ исполнительной власти. Ко всему этому почти лишнее прибавлять, что вѣдѣнію суда подлежатъ и противузаконныя дѣйствія администра-

*) La démocr. en Amér. 1, 103.

тивныхъ чиновниковъ. *) Такая дѣятельность судебной власти прямо вытекаетъ изъ того положенія, которое она должна занять, какъ посредникъ между центральной властью и выборными чиновниками. Сила ея увеличивается еще болѣе вслѣдствіе ея политическаго значенія. Конституціи штатовъ прямо указываютъ на это, предоставляя законодательнымъ палатамъ, губернатору и совѣту право обращаться къ судьямъ верховнаго суда за ихъ мнѣніями какъ въ трудныхъ юридическихъ вопросахъ, такъ и въ важныхъ случаяхъ **). Такое значеніе суда, возвышая его авторитетъ, дѣлаетъ изъ него въ тоже время силу, стоящую противъ могущества законодательной власти. Не только въ случаяхъ обращенія къ нему, но и въ другихъ, американскій судья всегда можетъ объявить законъ неконституціоннымъ; и тогда онъ дѣйствуетъ не только какъ судебная власть, но и какъ политическая: онъ говоритъ, опираясь не на толкованіе закона, а на конституцію ***). Еще болѣе возвышается его авторитетъ вообще и по отношенію къ законодательной власти въ частности той ролью, какую играетъ онъ въ дѣлахъ impeachment: его значеніе, какъ суда, не подрывается здѣсь политическимъ судомъ. Извѣстно, что политическій судъ въ американскихъ штатахъ, сенатъ, разсмотрѣвъ обвиненіе нижней палаты, имѣетъ право только удалить виновнаго чиновника, слѣдовательно, дѣйствуя, какъ политическая власть, и пользуясь юридическими основаніями и судебными формами, прибѣгаетъ только къ административной мѣрѣ; суду же, и одному суду, предоставляется судить преступленіе и подвергать виновнаго наказанію. Такимъ образомъ право суда остается неприкосновеннымъ По отношенію къ нему, государственное устройство американскихъ штатовъ приближается болѣе, чѣмъ въ Европѣ, къ началу дѣленія властей. Но повторяю болѣе, а точнаго проведенія этого начала и здѣсь не видимъ: опредѣленіе содержанія судей законодательными собраніями, иногда ихъ выборы, иногда вмѣшательство законодательной власти въ ихъ дѣятельность ставитъ ихъ въ зависимость отъ послѣдней ****).

---

*) Tocqueville I, 185 и сл.
**) Напр. конституціи Нью-Гампшира, Мена, Массачузетса и др.
***) Tocqueville I, 120.
****) Torqueville I, 185.

Если обратимся къ союзной конституціи, то увидимъ, что и здѣсь начало дѣленія властей не должно быть понимаемо такъ, какъ въ Европѣ, что и здѣсь значеніе ихъ совершенно другое *). Очевидно, что союзныя власти должны по своему характеру отличаться отъ властей въ каждомъ штатѣ: послѣднія представляютъ силу штата, господство народной воли въ каждомъ отдѣльно государствѣ; первыя представляютъ народную власть въ цѣломъ союзѣ, служатъ выраженіемъ единства всей территоріи союза. Такимъ образомъ здѣсь имѣемъ дѣло съ распространенностью власти, съ требованіемъ нѣкоторой централизаціи. Но, безъ сомнѣнія, эта централизація не та, которую мы привыкли видѣть въ Европѣ: она имѣетъ дѣло не только съ самостоятельностью мѣстныхъ центровъ, общинъ, но и цѣлыхъ государствъ. Власти приходится стать здѣсь въ двоякое отношеніе: къ народу цѣлаго союза **) и къ народу ***) каждаго штата отдѣльно ****). Извѣстно, какой искусной комбинаціей выражено это двоякое отношеніе въ происхожденіи и устройствѣ союзныхъ властей: пала-

---

*) Многіе писатели говорятъ, что нигдѣ начало раздѣленія властей не принято съ такой точностью, какъ въ Сѣверо-Американскомъ союзѣ. Такъ Блюнчли (въ обстоятельной статьѣ Nordamerikanische Freistaaten въ его Staatswörterbuch'ѣ) утверждаетъ, что нигдѣ это начало не проведено послѣдовательнѣе, какъ здѣсь. Безъ сомнѣнія, различныя функціи власти отличаются не только по роду и характеру, но и по лицамъ, которымъ онѣ ввѣрены; однако, какъ видно изъ нашего изложенія, нельзя принять безусловнаго проведенія этого начала. Такого неполнаго проведенія не отвергаетъ и самъ Блюнчли, напр. въ отношеніяхъ правительственной власти къ законодательной.

**) Это единство государственнаго союза указано и во вступленіи въ конституціонную грамату: мы, народъ Соединенныхъ штатовъ и пр.

***) Это выраженіе употребляютъ и конституціи штатовъ, напримѣръ, въ конституціи Нью-Гампшира говорится: народъ (the people) населяющій территорію;—Мена: мы, народъ Мена (We the people of Maine).

****) Нельзя вполнѣ согласиться съ слѣдующими словами Токвилля: „въ Американскомъ союзѣ управляемые—не государства, а простые граждане. Когда союзъ хочетъ взимать подать, онъ обращается не къ правительству Массачузетса, а къ каждому его жителю. Прежнее союзное правительство имѣло передъ собой народы, теперешнее—отдѣльныя лица. Оно не заимствуетъ извнѣ своей силы, но почерпаетъ ее въ себѣ самомъ. Оно имѣетъ своихъ администраторовъ, свои суды, своихъ судебныхъ чиновниковъ и свою армію". (I, 188). Вторая половина этого замѣчанія несомнѣнно вѣрна, но она не вытекаетъ прямо изъ первой. Безусловно сказать, что союзъ имѣетъ управляемыми только гражданъ, а не штаты, нельзя: есть случаи, въ которыхъ союзъ обращается и къ штатамъ и вѣдается съ ними, какъ это можно видѣть изъ дальнѣйшаго изложенія американской конституціи и изъ замѣчанія самого Токвилля, приведеннаго ниже, о союзномъ судѣ по отношенію къ штатамъ.

та представителей, выбираемая населеніемъ союза, и сенатъ, состоящій изъ депутатовъ отъ каждаго штата, президентъ—представитель исполнительной власти всего союза, выбираемый народнымъ голосомъ каждаго штата, не безъ участія конгресса, и стоящій подъ косвеннымъ вліяніемъ народа, какъ и сенатъ; судебная власть, назначаемая президентомъ съ согласія сената и находящаяся, такимъ образомъ, подъ сложнымъ вліяніемъ, въ которомъ участвуетъ и народная власть. Изъ этого мы можемъ видѣть, что въ происхожденіи каждой власти участвуетъ, въ большей или меньшей степени, сила всего народа и сила народа каждаго штата. Конечно, такой комбинаціи недостаточно для удовлетворительнаго разрѣшенія задачи: всякая власть, каково бы ни было ея происхожденіе, можетъ, захвативъ въ свое вѣдѣніе большее количество предметовъ, дѣйствовать такимъ образомъ, что другимъ не оставитъ ничего и приведетъ ихъ въ ничтожество. Слѣдовательно является необходимость въ другой комбинаціи, которою бы опредѣлялись объемъ дѣятельности каждой власти и ихъ взаимное отношеніе. Такимъ образомъ здѣсь представляется вопросъ о раздѣленіи властей.

Уже изъ происхожденія ихъ мы видимъ, что между ними не можетъ быть, какъ и въ конституціи штатовъ, такой грани, какая должна быть проведена при строгомъ соблюденіи начала ихъ отдѣльности. Это замѣтно и изъ круга дѣятельности каждой власти. Такъ напр. сенатъ участвуетъ въ назначеніи министровъ, посланниковъ, консуловъ, союзныхъ судей, давая свое согласіе на представленія президента; президентъ пользуется правомъ отлагающаго veto; судъ является толкователемъ согласія закона съ конституціей и его рѣшенія, какъ прецеденты, часто пользуются силою закона.—Но значеніе судебной власти въ Американскомъ союзѣ таково, что, благодаря ему, начало дѣленія выдерживается здѣсь строже, чѣмъ въ европейскихъ государствахъ. Несмѣняемый судья есть политическая сила въ союзѣ: онъ не ограничивается однимъ приложеніемъ закона къ данному случаю, но стоитъ между конституціей и законодательствомъ *); онъ дѣйствуетъ какъ сила самостоятельная, могущая сдерживать дру-

*) По выраженію Лабуле, III, 477.

гія власти, слѣдовательно достигать цѣли, лежащей въ основаніи начала раздѣленія. Самостоятельное положеніе союзнаго суда условливается не однимъ отношеніемъ къ закону, а еще болѣе отношеніемъ къ судебной власти штатовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ выдѣляется централизующее значеніе суда, которое составляетъ существенное его отличіе отъ судебной власти въ Европѣ. Конституціонность законовъ союза и распоряженій президента, охраненіе законовъ конгресса противъ законовъ отдѣльныхъ штатовъ, разбирательство споровъ между союзомъ и штатами, между штатами, между гражданами разныхъ штатовъ, толкованіе договоровъ, юрисдикція морская и. т. п. — таково вѣдомство федеральнаго суда *). (Const. art. III, sect. 2). — Сущность федераціи должна была выразиться централизаціоннымъ началомъ, положеннымъ и въ устройство другихъ союзныхъ властей. Конгрессъ долженъ предпринимать мѣры, одинаково для всѣхъ штатовъ, необходимыя для общаго благосостоянія, финансовыя, торговыя, мѣры, касающіяся сношеній съ иностранными державами и между штатами, касающіяся путей сообщенія, образованія, общественной внутренней и внѣшней безопасности и т. п. (Const. art. I, sect. 8.). Централизація, наконецъ, во всей рѣзкости выражается въ исполнительной власти, начальствующей всѣми силами союза, назначающей чиновниковъ, предлагающей конгрессу необходимыя мѣры и т. т. (art. II, sect. 2.).—И штатъ, каждый отдѣльно, въ своихъ дѣйствіяхъ не долженъ нарушать это начало: онъ не можетъ установлять, безъ согласія конгресса, ввозной или вывозной пошлины, не можетъ, далѣе, налагать пошлины на

*) Нельзя не привести словъ Токвилля, весьма наглядно выставляющихъ значеніе союзнаго суда: можно сказать, что верховный судъ Соединенныхъ штатовъ призываетъ на свою скамью государей. Когда приставъ, приближаясь къ ступенямъ судилища, произноситъ слѣдующую краткую рѣчь: „штатъ Нью-Іоркъ противъ штата Огіо,“ то чувствуется тогда, что находишься не въ стѣнахъ обыкновеннаго суда. И когда вообразишь себѣ, что одна изъ этихъ сторонъ представляетъ милліонъ человѣкъ, а другая—два милліона, то удивишься отвѣтственности, лежащей на семи судьяхъ (I, 180.) Впрочемъ, по справедливому замѣчанію Блюнчли, (Nordamericanische Freistaaten) судебное рѣшеніе, въ случаѣ спора между штатами и союзомъ, не есть безусловно окончательное. Новая исторія союза показываетъ ясно, что какъ скоро спорные вопросы имѣютъ большое политическое значеніе, то они не заключаются въ тѣсной формѣ судебнаго процесса, а рѣшеніе ихъ вопроса берутъ на себя другія народныя и государственныя силы. Гражданская война между союзомъ и южными штатами не могла быть остановлена приговоромъ верховнаго суда, точно также, какъ и позднѣйшій споръ между президентомъ и конгрессомъ о переустройствѣ Юга.

грузъ, содержать войско во время мира, входить въ договоры или согласіе съ другимъ штатомъ или государствомъ, или вступать въ войну, исключая случаевъ обороны или такой опасности, которая не можетъ терпѣть отлагательства; ни одинъ штатъ не можетъ выдавать каперскихъ свидѣтельствъ, бить монеты и т. п. (art. I, sect. 10).

Но это одна сторона дѣятельности союзныхъ властей—охраненіе началъ, связующихъ отдѣльныя части союза въ одно цѣлое, сторона, которою онѣ сходятся съ централизаціоннымъ движеніемъ властей въ континентальныхъ государствахъ и которая, при настоятельной необходимости, оказывается нисколько не слабѣе того движенія, какъ доказала недавняя междуусобная война. Другая сторона ихъ дѣятельности заслуживаетъ едва ли не большаго вниманія: поддержаніе самостоятельности каждаго штата. Такъ конгрессъ, заботясь о вооруженіи военныхъ силъ, предоставляетъ штатамъ назначеніе офицеровъ и обученіе войскъ, согласно съ правилами, предписанными имъ самимъ (т. е. конгрессомъ); товаръ, вывозимый изъ штата, не можетъ быть обложенъ никакой пошлиной; въ отношеніи торговли или пошлинъ никакое преимущество не должно быть предоставлено гаванямъ одного штата передъ другими (art. 1, sect. 8, 9). Союзъ, далѣе, обезпечиваетъ за каждымъ штатомъ республиканскую форму правленія и долженъ охранять штатъ какъ отъ внѣшнихъ нападеній, такъ и отъ внутреннихъ насилій, по требованію законодательной или исполнительной власти; въ союзную конституцію не должно быть введено ничего вреднаго какъ для цѣлаго союза, такъ и для каждаго штата отдѣльно. За конгрессомъ остается право признанія или, иначе, введенія въ союзъ новыхъ штатовъ; но это образованіе новаго государства не должно быть на счетъ существованія прежнихъ, такъ что оно можетъ составиться въ предѣлахъ уже существовавшаго или изъ соединенія нѣсколькихъ штатовъ только съ согласія ихъ законодательной власти и конгресса. Права, не предоставленныя союзу и не отнятыя у штатовъ, остаются за послѣдними или народомъ (art. IY, sect. 3, 4; amend. art. X). Судебная власть, становясь посредницею въ спорахъ между двумя штатами, охраняетъ этимъ самостоятельность одного штата относительно другаго; предоставляя вѣдать преступленія, совершенныя въ предѣлахъ одного штата, его суду, конгрессъ оставляетъ за собою назначе-

ніе суда только въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено внѣ какого либо штата (art. III, s. 2; amend. art. IX). До сихъ поръ эта самостоятельность штатовъ какъ по отношенію къ цѣлому союзу, такъ и другъ къ другу, охранялась до того ревниво, что предписывалась выдача лица, обязаннаго работой и бѣжавшаго изъ одного штата въ другой; что въ каждомъ штатѣ до сихъ поръ существуютъ различныя условія пріобрѣтенія правъ гражданства. Наконецъ штаты имѣютъ вліяніе и на законодательство цѣлаго союза: законодательныя собранія двухъ третей штатовъ могутъ предлагать измѣненія въ конституціи (art. IV, s. 2; art. V).—Въ заключеніе нужно замѣтить, что американская конституція не довольствуется только разрѣшеніемъ вопроса о свободѣ отдѣльныхъ штатовъ и самостоятельности цѣлаго союза; она беретъ подъ охрану личность каждаго гражданина, какъ отъ распоряженій штата, предоставляя гражданину одного штата пользоваться всѣми правами гражданства въ другихъ, такъ и отъ мѣръ конгресса, обезпечивая его личныя права (art. IV, s. 2; amend. 1—8).

Изъ всего этого ясно, какъ сложенъ характеръ властей С. Американскаго союза, какое глубокое различіе между ними и властями европейскихъ государствъ и каковы должны быть ихъ взаимныя отношенія. Законодательная власть, какъ находящаяся въ непосредственной связи съ народною и подъ прямымъ ея вліяніемъ, представляетъ самую большую силу, которая своимъ непомѣрнымъ развитіемъ можетъ грозить опасностью другимъ властямъ. Исполнительная власть не составляетъ существеннаго элемента въ законодательствѣ, участіе ея въ составленіи законовъ не такое необходимое, какъ въ Европѣ, гдѣ она стоитъ рядомъ съ законодательными собраніями и грозитъ часто поглотить какъ ихъ, такъ и еще болѣе судебную власть, зависящую нерѣдко отъ нея: президентъ не имѣетъ законодательной инициативы, не можетъ помѣшать образованію закона, не можетъ отказаться отъ исполненія закона, прошедшаго противъ его желанія. Наконецъ и въ кругѣ исполнительной дѣятельности, если, съ одной стороны, она представляетъ значительное сосредоточіе силы, такъ какъ не ослабляется своимъ раздѣленіемъ между членами коллегіи, то, съ другой, она ослабляется постояннымъ контролемъ со стороны народа, находящаго сильное орудіе въ выборномъ ея происхожденіи и

прямой отвѣтственности. При подобномъ положеніи властей, здѣсь невозможны такіе пріемы въ приложеніи начала ихъ раздѣленія, какъ въ Европѣ. Такого равенства ихъ, какого желалъ Монтескье, мы не видимъ и здѣсь, особенно оно немыслимо по отношенію къ исполнительной власти. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы видимъ возможное приближеніе къ этому началу; таково напр. положеніе судебной власти, стоящей на степени значительной независимости.

Разбирая конституцію Сѣверо-Американскихъ штатовъ по отношенію къ теоріи раздѣленія властей, мы не думали, какъ уже говорено было выше, видѣть въ ней плоды вліянія Монтескье или Франціи; напротивъ, какъ уже замѣчено, слѣдуетъ принять противное. По признанію самихъ французовъ, ученіе о раздѣленіи властей было принято въ Америкѣ всѣми, не будучи заимствовано у Монтескье; сами французы находятъ, что политическое credo американцевъ, стоящее въ началѣ объявленія независимости и большей части конституцій, совершенно сходно съ французскими декларацiями правъ и съ знаменитыми принципами 1789 г., потому что и тѣ и другіе заимствованы изъ Америки *). Иначе и не могло быть по политическому развитію Америки, начавшемуся весьма рано **).

Подпадая подъ такія вліянія, Франція этимъ самымъ ослабляла дѣйствіе теоріи раздѣленія и авторитета Монтескье на ея государственное устройство. Революціонная эпоха открывалась здѣсь различными ученіями о свободѣ, о народной власти и объ отношеніи этой власти къ правительству. Одни писатели обращали вниманіе только на личную свободу, другіе на политическую, смѣшивая съ нею и первую. Одни выставляли народную свободу такимъ началомъ, которое не только обусловливало развитіе государственной жизни, но поглощало всѣ другія начала и власти,

---

*) Слова Лабуле въ Etats-Unis III, 289 и II, 11.

**) По словамъ Токвилля (I, 2) если внимательно изучать законы, обнародованные въ первый возрастъ американскихъ республикъ, то нельзя не удивляться развитымъ теоретическимъ соображеніямъ и правительственнымъ взглядамъ законодателей (I, 2). Это политическое развитіе было таково, что между первыми и позднѣйшими декларацiями правъ и хартіями вольностей мы видимъ полнѣйшее сходство. Сравни декларацiи конгрессовъ 1765 и 1774 г., приведенныя у Лабуле (II, 109, 241), съ ранними, на которыя уже указано.

уничтожая ихъ; другіе, выставляя эту свободу, какъ политическій принципъ, старались согласить съ нею дѣйствіе и другихъ началъ; третьи, наконецъ, или не признавали этого начала, или ставили его въ такія узкія рамки, что это равно было его отрицанію. При этой смѣси разнообразныхъ воззрѣній не было недостатка и въ такихъ, которыя отражали на себѣ мнѣнія Монтескье. Приверженцевъ его было въ это время во Франціи еще значительное число. Къ нимъ принадлежалъ Неккеръ, стоявшій тогда нѣкоторое время во главѣ управленія; часть ихъ была и въ комитетѣ конституціи, составленномъ 7 іюля 1789 г.; но имъ пришлось встрѣтить столько сопротивленія, что всѣ усилія ихъ провести свой планъ оказались слабыми. Они должны были опираться для бо́льшей силы своихъ предложеній и на желанія сословій, высказанныя въ ихъ cahiers *). Но многія изъ этихъ желаній были формулированы такимъ образомъ, что конституція по образцу англійской, какая представлялась глазамъ Монтескье и его послѣдователей, не могла удовлетворить ихъ никоимъ образомъ: cahiers Парижа, содержа въ себѣ сокращенную декларацію правъ, установляя всеобщее равенство въ правахъ, въ доступѣ къ должностямъ и пр., возводили вмѣстѣ съ тѣмъ всякую власть къ единому источнику—народу, а законъ къ общей волѣ **). Даже и дворянство въ своихъ cahiers, указывая на англійскую конституцію, нѣкоторые вопросы разрѣшило гораздо шире, чѣмъ предлагалось это въ планѣ конституціи, хотя въ большинствѣ ихъ оставалось крѣпкимъ своимъ привилегіямъ: такъ напримѣръ оно желало точной декларацiи правъ, принадлежащихъ каждому человѣку; сохраняя монархическое устройство и за королемъ законодательную, исполнительную и судебную власти, оно въ то́же время предоставляло генеральнымъ чинамъ согласіе на всякій денежный сборъ и не только финансовый контроль, а и право опредѣлять расходы каждаго департамента. Въ разграниченіи властей оно не держалось

*) Клермонъ-Тоннеръ въ засѣданіи 27 іюля подвергъ точному разбору cahiers, представивъ какъ тѣ вопросы, на которые онѣ высказались всѣ въ одномъ смыслѣ, такъ и тѣ, которые были рѣшены ими не всѣми одинаково (Histoire de l'assemblée constituante par Buchez, ed. 2, II, 390 стр.). Послѣ этого въ засѣданіи 19 авг. Лалли-Толендаль предложилъ планъ конституціи по образцу англійской.

**) L. Blanc, Hist. de la révol. I, 342.

началъ, высказанныхъ у Монтескье: законодательная власть должна принадлежать, по его мнѣнію, генеральнымъ чинамъ и королю, но законъ долженъ быть внесенъ въ реестръ судебными мѣстами, обязанными охранять его исполненіе; судебная власть должна находиться въ зависимости отъ генеральныхъ чиновъ: съ ихъ согласія судьи назначаются и смѣняются, передъ ними они и отвѣтственны; а исполнительная власть, ввѣренная королю, нѣсколько стѣснена генеральными чинами, особенно въ военныхъ дѣлахъ *). Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ желаніяхъ горожанъ, приводилось все къ единству, къ тому, чего не доставало въ теоріи Монтескье.

Отношеніе самого національнаго собранія къ теоріи раздѣленія властей было самое разнообразное вслѣдствіе того разнообразія воззрѣній, какое существовало въ то время. Одни заявляли этотъ принципъ какъ бы теоретически, поставляя его необходимымъ условіемъ демократическаго государства. Такъ Лафайетъ, полагая начало всякой власти въ народѣ, а единственной цѣлью всякаго правительства общее благо, связывалъ съ этимъ принципъ раздѣленія. Эта цѣль, говоритъ онъ, требуетъ, чтобы власти законодательная, исполнительная и судебная были различены и опредѣлены и чтобы ихъ организація обезпечивала свободное представительство гражданъ, отвѣтственность чиновниковъ и безпристрастіе судей **). Указывая на это начало въ общихъ чертахъ и связывая съ нимъ народную власть, многіе старались согласить послѣднюю съ королевской. Такъ Руссье говорилъ: „Франція есть государство монархическое, въ которомъ народъ составляетъ законы, а король обязанъ предписывать ихъ исполненіе. Это различіе и раздѣленіе властей законодательной и исполнительной составляетъ сущность французской монархіи.“ Другіе высказывались еще короче, прибѣгая къ своеобразному опредѣленію; Вимпфенъ, напримѣръ, говорилъ, что французское правительство есть королевская демократія ***).—На раздѣленіи же властей былъ о-

*) Tocqueville, L'ancien régime, 4 ed., 412 и сл.

**) Проектъ его декларації правъ, представленный въ засѣданіи 11 іюля, Buchez, II, 391.

***) Buchez, II, 416, 406.

снованъ проектъ конституціоннаго комитета, представленный Мерсье въ засѣданіи 28 августа, хотя въ немъ не проводилось съ такой ясностью ученіе о народной власти, которую онъ стремился согласить съ королевской. Французское правительство, говоритъ проектъ, есть монархическое. Нѣтъ во Франціи власти выше закона; король управляетъ только его силой, и какъ скоро онъ повелѣваетъ не во имя его, не можетъ требовать повиновенія. Никакой законодательный актъ не можетъ считаться закономъ, если онъ не составленъ народными депутатами и не утвержденъ монархомъ. Прямая исполнительная власть принадлежитъ исключительно королю. Судебная власть никогда не должна быть отправляема королемъ. Далѣе установляется безсмѣнность судей, наслѣдственность монархической власти, ея безотвѣтственность, отвѣтственность министровъ *). Въ этомъ проектѣ уже предлагается конституціонная монархія, и начало раздѣленія властей, выраженное въ общихъ чертахъ, принимается какъ принципъ, безъ точнѣйшаго проведенія, подобно тому какъ оно принималось впослѣдствіи въ конституціонныхъ государствахъ.

Но были попытки и практическаго, осторожнаго проведенія этого начала, проведенія, опиравшагося на примѣръ другаго государства. Такъ Лалли-Толендаль, выставляя его, въ тоже время старается избѣжать его недостатковъ: на сколько необходимо раздѣленіе властей, на столько, по его мнѣнію, необходимо ихъ соединеніе. Тиранія, говоритъ онъ, есть слѣдствіе какъ безусловнаго раздѣленія ихъ, такъ и полнаго единенія, потому что, при полномъ раздѣленіи, законодательство незамѣтнымъ образомъ будетъ присвоивать себѣ права исполнительной власти. Средство предотвратить такую тиранію состоитъ въ раздѣленіи законодательной власти и въ соединеніи исполнительной: свободы не можетъ существовать тамъ, гдѣ первая предоставлена въ однѣ руки, а вторая раздѣлена между многими. Поэтому законодательная власть принадлежитъ народнымъ представителямъ—главному ея органу—и королю—существенному элементу ея; но такъ какъ исполни-

*) Buchez, II, 14. Эти статьи были извлечены изъ проекта бордосскаго архіепископа, а комитетъ расположилъ ихъ только въ порядкѣ.

тельная власть нераздѣльна, то часть законодательной власти, приходящейся на ея долю, принадлежитъ ей въ цѣломъ. Эта часть состоитъ въ правѣ принимать или отвергать законы, въ правѣ препятствовать злу, а не совершать его, такъ какъ инициатива принадлежитъ только собранію *). Отказывая, по примѣру Монтескье, королю въ инициативѣ, онъ точно также, какъ и тотъ, принимаетъ систему двухъ палатъ (сенатъ долженъ быть облеченъ высшими судебными обязанностями), выставляя, впрочемъ, нѣсколько иныя основанія и тѣсно связывая ее съ отношеніемъ исполнительной власти къ законодательной. Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, оставлять эти двѣ силы подъ постоянными взаимными ударами; а необходимо раздѣлить законодательную власть, но не на двѣ, а на три части. Единичная власть, одна палата, кончитъ тѣмъ, что неизбѣжно поглотитъ все; двѣ будутъ въ борьбѣ между собой до тѣхъ поръ, пока одна не уничтожитъ другой; а три будутъ находиться въ полнѣйшемъ равновѣсіи, если только будутъ связаны такимъ образомъ, что когда двѣ будутъ бороться, то третья, заинтересованная въ поддержкѣ той и другой, соединится съ притѣсненной противъ притѣсняющей. Дальнѣйшіе доводы въ пользу системы двухъ палатъ основаны на легкомысліи одной, единственной палаты, на возможности съ ея стороны увлеченія краснорѣчіемъ и т. п. Такимъ образомъ эта система явилась у Толендаля, какъ необходимое дополненіе теоріи раздѣленія, необходимое для равновѣсія властей. Слѣдуя въ этомъ случаѣ Монтескье, онъ только не сливалъ этихъ двухъ теорій такъ, какъ послѣдній. Иные, какъ Лафайетъ, поддерживали систему двухъ палатъ, потому что она существуетъ въ Америкѣ.—Но эти основанія мало убѣждали кого. Люди противоположныхъ направленій сходились въ отрицаніи двухъ палатъ, нападая на верхнюю именно въ томъ ея значеніи, какое придавалъ ей Монтескье,—какъ средство удержать всѣ аристократическія различія. Допуская систему двухъ палатъ и въ Англіи только какъ сдѣлку между различными интересами, считая ее во Франціи же невозможною, такъ какъ французы отказались отъ всѣхъ частныхъ интересовъ, ораторы не признавали нужнымъ и говорить о раздѣленіи законода-

*) Buchez II, 408.

тельной власти, такъ какъ всѣ другія власти, судебная, военная и пр.—производныя, вытекающія изъ первоначальной и единственной, верховной, принадлежащей народу *). Между противниками верхней палаты былъ и такой вліятельный ораторъ, какъ Мирабо, который говорилъ, что національное собраніе, разъ рѣшивъ, что оно будетъ постояннымъ, тѣмъ самымъ рѣшило, что не будетъ двухъ палатъ. Такимъ образомъ проектъ комитета, предлагавшаго эту систему палатъ, былъ отвергнутъ 499 голосами противъ 89 **).

Изо всего этого ясно, что начало раздѣленія властей хоть и принималось многими членами національнаго собранія, но оно понималось своеобразно каждой партіей. За безусловное проведеніе этого начала трудно было и стоять, тѣмъ болѣе, что между противниками этой безусловности былъ и такой вліятельнѣйшій депутатъ, какъ Мирабо. Пусть разъяснятъ намъ, говорилъ онъ въ собраніи 16-го іюля, горячіе защитники трехъ властей, какъ понимаютъ они судебную власть, отличенную отъ исполнительной, или даже законодательную безъ всякаго участія исполнительной. На связь между законодательной и исполнительной властью онъ указывалъ и впослѣдствіи, при обсужденіи вопроса объ объявленіи войны и заключеніи мира ***). Невозможность, по мнѣнію его, какъ и по мнѣнію многихъ другихъ членовъ, проведенія этого начала заключалась въ принципѣ народовластія. „Вы забываете, говорилъ онъ въ томъ же засѣданіи 16-го іюля, что этотъ народъ, которому вы полагаете границы трехъ властей, есть ихъ источникъ и что онъ только одинъ можетъ предоставлять ихъ кому-либо“ ****). Три власти, если смотрѣть на нихъ какъ на границы, въ которыя вставляется народная власть, не уничтожаютъ ея и не могутъ уничтожить: какъ происходящія въ своемъ существѣ отъ народа, онѣ всегда будутъ подчинены его власти. Кромѣ того, начало раздѣленія принимается здѣсь не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Монтескье: тотъ полагалъ, что оно должно вести къ тому, чтобы одна власть сдерживала дру-

*) Рѣчь Рабо-Сентъ-Этьена; Buchez, II, 410.
*) Mirabeau peint par lui même, ed. 1791, I, 268; Buchez, II, 419.
***) Mirabeau peint... III, 97 и сл.
****) Mirabeau peint etc. I, 136; Buchez I, 410.

гую, а не къ тому, чтобы онѣ сдерживали народную власть. Впослѣдствіи, защищая королевское вето, Мирабо указывалъ съ нѣкоторою настойчивостью на это происхожденіе властей: государя онъ считалъ представителемъ народа, какъ и депутатовъ, только перваго постояннымъ, а вторыхъ—временными, избираемыми въ извѣстныя эпохи; право, основаніе ихъ одинаково—польза лицъ, избравшихъ ихъ *). Если эти власти народнаго происхожденія, то могутъ ли онѣ сдерживать народную? Конечно, слѣдуетъ принять наоборотъ. Кромѣ того, такъ какъ власть постоянная имѣетъ большую возможность дѣйствовать и большій авторитетъ, чѣмъ власть временная, происходящая изъ того же источника, какъ и первая, то за первой и слѣдуетъ признать большую силу. Такимъ образомъ нужно принять преобладаніе королевской власти. Что и дѣлаетъ Мирабо въ той же рѣчи о королевской санкціи, на которую уже указано и въ которой онъ держится и начала раздѣленія властей. Онъ, впрочемъ, принимаетъ только двѣ власти: законодательную и исполнительную, но зато послѣдней придаетъ такое значеніе, какого трудно ожидать отъ человѣка, выставляющаго на своемъ знамени народную власть. „Двѣ власти говоритъ онъ, необходимы для существованія и отправленія функцій политическаго тѣла: власть желать и власть дѣйствовать. Посредствомъ первой общество установляетъ правила, которыя должны вести его къ цѣли, предположенной имъ, къ общему благу; вторая осуществляетъ эти правила, чѣмъ и доставляетъ обществу побѣду надъ препятствіями, которыя могло бы встрѣтить исполненіе со стороны отдѣльныхъ лицъ. Въ великой націи одинъ и тотъ же органъ не можетъ соединять въ себѣ эти двѣ власти; отсюда необходимость народныхъ представителей для первой—законодательной власти и необходимость представителей другаго рода для второй—исполнительной. Чѣмъ нація значительнѣе, тѣмъ большей силой пользуется послѣдняя власть; поэтому необходимъ единственный, верховный глава, необходимо монархическое правительство въ большомъ государствѣ, которое могло бы соединять всѣ его части и направлять ихъ дѣятельность къ общему центру. И та и другая власть одинаково необходимы, одинаково дороги наро-

*) Рѣчь 1-го сентября 1789 г. Mirabeau peint etc. I, 272; Buchez II, 413.

ду. Но вотъ что замѣчательно: то, что исполнительная власть, безпрестанно дѣйствующая на народъ, находится въ отношеніи болѣе непосредственномъ къ нему; что облеченная заботой поддерживать равновѣсіе, подавлять частныя цѣли, привилегіи, къ которымъ меньшинство стремится ко вреду большинства, она, въ интересахъ самого народа, должна пользоваться надежнымъ средствомъ для того, чтобы поддерживать его. Это средство заключается въ правѣ главы исполнительной власти разсматривать законодательные акты и утверждать ихъ или отвергать.

Исполнитель закона и покровитель народа, монархъ могъ бы быть принужденъ направить общественную силу противъ народа (?), еслибы его вмѣшательство не требовалось для дополненія законодательныхъ актовъ, для объявленія ихъ согласными съ общей волей. Эта прерогатива монарха особенно необходима въ томъ государствѣ, гдѣ народъ не можетъ непосредственно самъ пользоваться законодательною властью, а ввѣряетъ ее представителямъ: такъ какъ представители выбираются не по достоинству, а по положенію, богатству и другимъ обстоятельствамъ, то представительство создаетъ родъ аристократіи, враждебной и монарху, съ которымъ она желаетъ сравняться, и народу, который она желаетъ держать въ униженіи. Такимъ образомъ между государемъ и народомъ существуетъ естественная и необходимая связь противъ всякаго рода аристократіи; они должны имѣть одну и ту же цѣль, а слѣдовательно одну и ту же волю. Между ними такая связь, что если, съ одной стороны, величіе государя зависитъ отъ благоденствія народа, то, съ другой, народное благо покоится главнѣйшимъ образомъ на охранительной власти (la puissance tutélaire, выражаясь точнѣе, опекунской власти государя). Слѣдовательно государь вмѣшивается въ законодательство не для своей личной выгоды, а для выгоды самого народа, такъ что въ этомъ случаѣ не только можно, но и должно утверждать, что королевская санкція не есть прерогатива монарха, а собственность націи. Въ этихъ словахъ Мирабо объ отношеніи властей между собою и къ народу нѣтъ и тѣни безпристрастія; мало того, въ нихъ высказанъ и ложный взглядъ. Безспорно, что безусловнаго проведенія принципа раздѣленія властей не можетъ быть въ политическихъ учрежденіяхъ, что между законодательной и исполнительной властью существуетъ связь постоян-

ная и необходимая, что глава исполнительной власти, по конституціонному ученію, долженъ участвовать въ законодательствѣ. Но отношенія законодательства къ главѣ исполнительной власти, какъ къ его органу, представлены у Мирабо односторонне. Конечно, въ видахъ большей осторожности, осмотрительности, большаго безпристрастія въ законахъ, необходимо участіе государя въ законодательной дѣятельности; но не однѣ эти цѣли достигаются такимъ отношеніемъ властей: каждая власть, помимо всѣхъ этихъ цѣлей, имѣетъ въ виду и самое себя, сохраненіе своего значенія и достоинства. Послѣдняя цѣль составляетъ немаловажную причину участія главы исполнительной власти въ законодательствѣ. Это участіе, слѣдовательно, не есть одно выраженіе связи интересовъ монарха съ народными. Если же допустить объясненіе такого участія только этой связью, то нужно придти къ заключенію, что власть монарха совершенно сливается съ властью народа. И примѣръ такого слитія у всѣхъ на глазахъ—Наполеонъ III. Между тѣмъ та власть, которая находится подъ болѣе дѣйствительнымъ вліяніемъ народа, чѣмъ король,—представительство,—по мнѣнію Мирабо, есть сила, совершенно чуждая народу, мало того—враждебная, такъ что между ею и имъ гораздо менѣе связи, чѣмъ между нимъ и королемъ, даже никакой. Если такъ, то что же заставляетъ народъ прибѣгать къ этому органу, совершенно излишнему для него? Желаніе имѣть на своей сторонѣ власть короля?... Что выражаетъ собою въ такомъ случаѣ представительство, называемое народнымъ? Интересы отдѣльныхъ лицъ, мелкихъ кружковъ, и притомъ интересы не постоянные, а кратковременные, создаваемые только самимъ представительствомъ? Такое представительство въ своемъ достоинствѣ уступаетъ и средневѣковому: въ послѣднемъ выражались, по крайней мѣрѣ, интересы болѣе живучіе, сильные—корпоративные. Отношеніе представителей къ народу можетъ быть неправильнымъ, т. е. они могутъ не всегда выражать народную волю; но это не есть доказательство вообще враждебности ихъ отношенія къ народу.—Какъ невѣрно представляетъ себѣ Мирабо отношеніе представителей къ народу, такъ невѣрно изображаетъ и отношеніе къ нему короля. У послѣднихъ, и у того и у другаго, онъ видитъ одну и туже цѣль, одну и туже волю; связь между ними—естественная и необходимая. Но эта связь, какъ слѣдуетъ изъ словъ Мирабо, создаетъ-

ся силою обстоятельствъ, такъ что мы въ правѣ назвать ее связью временною, а не естественною и необходимою. По мнѣнію Мирабо, эта связь становится сильною тогда, когда учреждается правительство съ участіемъ монарха въ законодательной дѣятельности; если же не дается ему такого участія, то онъ является врагомъ народа, онъ можетъ быть принужденъ направить общественную силу противъ народа, ввѣряющаго ему эту самую силу, и это для того, чтобы истолковать волю того же народа. Такое враждебное отношеніе короля къ народу возможно только тогда, когда его власть стоитъ совершенно независимо отъ послѣдняго. Далѣе: какую общественную силу направляетъ король противъ народа? Если эта сила общественная, то какъ она можетъ быть противъ народа, такъ какъ она находится въ неразрывной связи съ народомъ? Здѣсь мы видимъ, что она противополагается народной силѣ подобно тому, какъ у Руссо общая воля волѣ народа.—Нужно прибавить еще, что отношенія короля къ народу и исполнительной власти къ законодательной, представленныя у Мирабо, несогласны и съ историческими данными. Если мы видимъ, что королевская власть соединялась съ народомъ или нижней палатой противъ аристократической части общества или законодательнаго органа, то не рѣже, если не гораздо чаще, мы видимъ обратное. Что касается до того, что королевская санкція не есть прерогатива монарха, а собственность націи, то это вѣрно въ общемъ смыслѣ, то-есть въ томъ, что у народа всегда остается возможность, если не право, отвергаемое иными конституціями, распоряжаться своимъ государственнымъ устройствомъ; но какъ скоро королю предоставляется законодательная санкція, то онъ смотритъ на нее, какъ на свое право, которымъ пользуется по своей волѣ.

Въ противоположность этому воззрѣнію Мирабо можно указать на мнѣніе Сійеса о господствѣ народной власти, приведенное уже выше, при разборѣ теорій, принимавшихъ большее, чѣмъ Монтескье, число властей. Это сопоставленіе тѣмъ болѣе интересно, что судьба обоихъ этихъ дѣятелей представляетъ намъ одинаковую шаткость и въ принципахъ и въ дѣйствіяхъ.

Изъ описаннаго нами отношенія національнаго собранія къ теоріи раздѣленія не слѣдуетъ, чтобы авторитетъ Монтескье не имѣлъ на его членовъ никакого вліянія. Тотъ же Мирабо ссылался на него при обсужденіи вопроса о томъ: должны ли судьи,

избранные народомъ, утверждаться королемъ? Рёдереръ, ссылаясь на дѣленіе властей, принятое у Монтескье, говорилъ: „все потеряно, какъ скоро государь самъ даетъ судъ“ *).

Но если авторитетъ Монтескье и имѣлъ какое вліяніе на членовъ національнаго собранія, то онъ вносилъ свой вкладъ въ общую сумму вліяній на нихъ—и литературныхъ и политическихъ; но въ этой общей суммѣ оно должно было измѣниться, даже уступить мѣсто другимъ авторитетамъ. Ходъ же событій французской революціи на столько затмевалъ ученіе Монтескье, что конституція 1791 г. представляетъ собою въ большей степени отраженіе идей Руссо и вообще республиканскаго направленія. Это видно въ признаніи народной власти единою, нераздѣльною, неотчуждаемою и неподлежащею дѣйствію никакого срока, въ объясненіи дѣйствія другихъ властей порученіемъ народа, въ признаніи за народомъ права измѣнять конституцію. Народный суверенитетъ установлялъ такимъ образомъ то единство, которое было такъ слабо въ теоріи Монтескье. Къ такому же единству вело и право законодательной власти учреждать должности и уничтожать ихъ, установлять правила и способъ дѣйствія административной власти, опредѣлять составъ, число и округъ судовъ, опредѣлять количество офицеровъ каждаго чина, производить раскладку налоговъ, не только что установлять ихъ. Съ другой стороны: невмѣшательство административныхъ чиновниковъ и судей какъ въ дѣйствія другъ друга, такъ и въ законодательную область, запрещеніе министрамъ принадлежать къ числу членовъ законодательнаго собранія не можетъ не быть признано приложеніемъ началъ, высказанныхъ въ Esprit des lois. Тѣмъ же вліяніемъ, а также и—вообще революціонныхъ началъ можно объяснить право королевской власти только обращать вниманіе палаты на тѣ или другіе вопросы, но не право законодательной инціативы, условную королевскую санкцію и выборное происхожденіе судебной власти. Что касается до раздѣленія властей, то многіе (Клюберъ, Штейнъ и др.) утверждаютъ, что этой конституціей были приняты четыре власти: законодательная, исполнительная, судебная и административная. Законодательная власть ввѣрялась

*) Buchez, III, 459, 462.

національному собранію, состоявшему изъ одной палаты; высшая исполнительная власть предоставлялась въ руки наслѣдственнаго короля; судебная власть, которая ни въ какомъ случаѣ не могла быть отправляема ни законодательнымъ собраніемъ, ни королемъ, ввѣрялась судьямъ, выбраннымъ народомъ и утвержденнымъ королевской граматой (въ которой никогда не могло быть отказано). Но трудно согласиться, чтобы административная власть представляла по этой конституціи особенную. Министры были органами исполнительной власти, ввѣренной королю. Правда, что въ каждомъ департаментѣ высшая администрація и въ каждомъ округѣ подчиненная составлялись изъ выбранныхъ народомъ агентовъ, подобно судьямъ, что относительно ихъ, какъ бы относительно отдѣльной власти, была статья въ конституціи, говорившая, что онѣ не могутъ вмѣшиваться въ отправленіе ни законодательной, ни судебной властей, ни въ военное распоряженіе; правда, что департаментскіе администраторы могли не только уничтожать распоряженія подчиненныхъ администраторовъ, противныя ихнимъ, а и лишать ихъ должности, но только съ обязанностью увѣдомлять объ этомъ короля, который могъ и не утвердить ихъ мѣры. Уже изъ этого видно, что административная власть зависѣла отъ короля: зависимость очевидна еще потому, что онъ считался верховнымъ главой всей администраціи въ государствѣ; онъ, далѣе, могъ уничтожить всѣ распоряженія администраторовъ, противныя законамъ или его предписаніямъ, могъ отрѣшить ихъ отъ должности въ случаѣ упорнаго неповиновенія и пр. Но въ тоже время они зависѣли и отъ законодательнаго собранія: король долженъ былъ увѣдомлять его объ удаленіи имъ администраторовъ отъ должности, и оно или уничтожало его распоряженіе, или подтверждало, или распускало виновную администрацію, или предавало виновныхъ суду, или вносило противъ нихъ обвинительный декретъ. Кромѣ того законодательная власть опредѣляла правила и вообще все, относившееся до ихъ дѣятельности. Существенный предметъ ихъ дѣятельности заключался въ раскладкѣ прямыхъ податей и въ надзорѣ за денежными сборами и доходами въ ихъ департаментѣ. Такимъ образомъ эта власть хоть и была народною по происхожденію, но мѣстная и находилась подъ двойной зависимостью: отъ законодательнаго собранія и отъ короля; въ ней

лежали задатки самоуправленія (Titre III, 1—5; ch. I, 1; ch. II, sect. I, s. IV, ch. III, s. I, 1—5, ch. IV, 1, 3, 4, s. II ch. V, 1—3, 8; t. VII, 1).

Съ дальнѣйшими конституціями, измѣненія, которымъ подверглись начала, высказанныя Монтескье, все дѣлались значительнѣе и значительнѣе *). Они связывались съ тѣмъ порывистымъ стремленіемъ къ переворотамъ, которое овладѣло тогда людьми, стоявшими во главѣ революціоннаго движенія. Какъ скоро усиливалось стремленіе къ абсолютному господству массы или лица, такъ подрывалось и раздѣленіе властей и усиливалась одна которая-либо власть. Конституція 24 іюня 1793 г. дала всѣмъ властямъ народное происхожденіе и притомъ, на сколько возможно было, подчинила ихъ постоянному вліянію народа. Законодательное собраніе—единое, нераздѣльное и постоянное, составляющееся на одинъ годъ; исполнительный совѣтъ изъ 24 человѣкъ, которыхъ выбираетъ законодательное собраніе изъ кандидатовъ, представленныхъ по одному изъ каждаго департаментскаго избирательнаго собранія; муниципальныя и административныя собранія общинъ, округовъ, департаментовъ, выбираемыя ихъ избирательными собраніями (ихъ обязанности, правила ихъ подчиненія и наказанія, которымъ они подвергаются, опредѣлены законодательнымъ собраніемъ); судебныя учрежденія всѣхъ инстанцій, составленныя изъ лицъ, выбранныхъ тѣми же избирательными собраніями;—таковы существенныя черты этой конституціи. Господство народной власти обезпечено и отсутствіемъ единства между членами исполнительнаго совѣта: онъ назначаетъ изъ своей среды главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей управленія республики, число и обязанности которыхъ опредѣляются законодательнымъ собраніемъ; но эти начальники не составляютъ изъ себя какого либо совѣта, а дѣйствуютъ отдѣльно, безо всякихъ сношеній между собою, не имѣютъ никакого авторитета и исполняютъ только законы и декреты законодательнаго собранія (39, 40, 62, 63, 78—84, 88, 97, 200, 65—68). Повидимому, эта конституція сдѣлала все, что можно было, для того, чтобы дѣйствію народной власти не было никакого препятствія, совершенно отказав-

*) По словамъ Лабуле (Etats-Unis, III, 9), Руссо могъ сказать о конституціяхъ съ 1790 по 1795 г.: вотъ осуществленіе моего Contrat social.

шись и отъ начала раздѣленія властей; но, какъ извѣстно, конвентъ облекъ свои комитеты всею полнотою власти, такъ что ихъ распоряженія имѣли силу законодательныхъ актовъ. Такъ мало значила одна буква конституціонной хартіи.

Конституція 5 фруктидора III года снова обратилась къ началу раздѣленія: законодательное собраніе не можетъ ни само, ни посредствомъ своихъ уполномоченныхъ отправлять ни исполнительной, ни судебной власти; члены законодательнаго собранія не могутъ занимать никакой другой общественной должности, кромѣ архиваріуса республики. Законодательная власть принадлежитъ совѣту 500 и совѣту старѣйшинъ (изъ 250 человѣкъ): первый обсуждаетъ законодательныя предложенія, которыя, по принятіи имъ, подъ названіемъ рѣшеній (résolutions), поступаютъ во второй, и если онъ не отвергаетъ ихъ, то они становятся закономъ; исполнительная власть ввѣрена директоріи изъ 5 членовъ, которые выбираются совѣтомъ старѣйшинъ посредствомъ тайной подачи голосовъ изъ лицъ, избранныхъ посредствомъ такой же подачи совѣтомъ 500; судебная власть не можетъ быть отправляема ни законодательнымъ собраніемъ, ни исполнительной властью и, въ свою очередь, не можетъ вмѣшиваться въ ихъ отправленіе. Эти власти народнаго происхожденія; но на всѣхъ ихъ народное вліяніе значительно ослаблено противъ прежнихъ конституцій: директорія выбирается не прямо народомъ; остальныя выбираются или первичными избирательными собраніями (мировые судьи съ ихъ засѣдателями, президентъ муниципальной администраціи кантона и нѣкоторые другіе муниципальные чиновники), или вторичными (члены законодательнаго собранія, кассаціоннаго суда, присяжные верховнаго суда, департаментскіе администраторы, президенты, публичный обвинитель, уголовные судьи, судьи гражданскаго суда), разница между которыми та, что первыя должны быть въ каждомъ кантонѣ (или по меньшей мѣрѣ должны считать въ себѣ 450 гражданъ и самое большее 900) и состоять изъ гражданъ, прожившихъ въ немъ годъ, а вторыя состоятъ изъ избирателей, выбранныхъ на годъ, первичными собраніями по одному на каждые 200—300 человѣкъ.—Рядомъ съ ослабленіемъ народной власти идетъ усиленіе исполнительной: директорія назначаетъ многихъ должностныхъ лицъ, между прочимъ и своихъ министровъ, не составляющихъ впрочемъ совѣта, коммиссаровъ при

мѣстныхъ администраціяхъ и судебныхъ мѣстахъ; мѣстныя администраціи подчинены министрамъ въ іерархической степени (т. е. муниципальныя подчинены департаментскимъ, а эти министрамъ), а затѣмъ и директоріи, которая утверждаетъ распоряженія министровъ объ уничтоженіи актовъ администраторовъ или ихъ удаленіи и сама можетъ приступить къ такого рода дѣйствіямъ; директорія наблюдаетъ за денежными сборами и доходами, предлагаетъ начатіе войны, ведетъ внѣшнія сношенія, и хотя трактаты получаютъ силу только по своемъ утвержденіи законодательнымъ собраніемъ, однако тайныя условія могутъ быть приведены въ исполненіе предварительно, съ минуты постановленія ихъ директоріей. Прямаго участія въ законодательствѣ директорія не имѣетъ, такъ что дѣло ея здѣсь ограничивается только приложеніемъ печати и обнародованіемъ законовъ; но отношеніе къ судебной власти таково, что имъ не соблюдается раздѣленія властей: какъ уже сказано, при каждомъ судебномъ мѣстѣ есть коммиссаръ отъ нея, который при уголовномъ трибунатѣ слѣдитъ за правильностью формъ слѣдствія, за приложеніемъ закона до рѣшенія и заботится объ исполненіи самыхъ судебныхъ приговоровъ; а чрезъ коммиссара при кассаціонномъ судѣ директорія доводитъ до свѣдѣнія суда, не нарушая этимъ права заинтересованныхъ сторонъ, о тѣхъ актахъ, въ которыхъ судьи преступили свою власть (17, 27, 33, 34, 46—48, 73, 79, 82, 86, 92, 104, 128, 132, 133, 146, 148, 151, 152, 191—198, 202, 203, 212, 216, 234, 241, 245, 249, 261, 262, 307, 313, 326, 329, 333).

Консульская конституція прибавила къ тремъ властямъ четвертую—охранительную; но этимъ она не только не содѣйствовала поддержанію начала раздѣленія, а еще болѣе уничтожала его. Смѣшеніе властей выражалось въ самомъ составѣ сената: онъ состоялъ изъ 80 несмѣняемыхъ и пожизненныхъ членовъ, которые вступали въ него по выбору, сдѣланному имъ самимъ, изъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одного представлялъ законодательный корпусъ, другаго—трибунатъ, третьяго—первый консулъ. Какъ охранительное учрежденіе, онъ представлялъ такую же смѣсь и въ своей дѣятельности: онъ составлялъ изъ департаментскихъ избирательныхъ списковъ національный и по немъ выбиралъ членовъ законодательнаго собранія, трибуната, кассаціоннаго суда, консу-

ловъ и счетныхъ коммиссаровъ; онъ же поддерживалъ или уничтожалъ акты, указанные ему трибунатомъ или правительствомъ, какъ неконституціонные. Законодательная власть состояла изъ трибуната и законодательнаго корпуса: первый обсуждалъ проекты законовъ и отправлялъ изъ своей среды троихъ ораторовъ защищать свое мнѣніе во второй, который составлялъ законы, постановляя посредствомъ тайной подачи и безо всякаго обсужденія. Починъ закона принадлежалъ правительству, которое сообщало его проектъ трибунату, а этотъ для постановленія въ законодательное собраніе; но правительство имѣло вліяніе и на дальнѣйшую судьбу закона: для защиты своего проекта передъ законодательнымъ корпусомъ, оно отправляло туда троихъ ораторовъ изъ среды членовъ государственнаго совѣта, который составлялъ и самые проекты. Изъ этого ясно, какъ должно было усилиться правительство по этой конституціи. Для такого усиленія она воспользовалась и тѣми мѣрами, которыя были даны предшествовавшей конституціей: составивъ правительство изъ трехъ консуловъ, она предоставила первому консулу, сверхъ назначеній по той конституціи (коммисаровъ при судахъ и т. п.), право назначать всѣхъ высшихъ чиновниковъ, членовъ мѣстныхъ администрацій и судовъ, за исключеніемъ кассаціоннаго и мировыхъ судей, безъ права, впрочемъ, отставлять ихъ. Такимъ образомъ судъ, обезпеченный отъ вмѣшательства въ его дѣйствія законодательной власти (трибунату конституціей было запрещено такое вмѣшательство), совершенно подпадалъ вліянію правительства. Сила послѣдняго увеличивалась и безотвѣтственностью, между другими, консуловъ и членовъ государственнаго совѣта (16, 20, 21, 25—29, 31, 34, 41, 52, 53, 67). Отъ такого положенія консуловъ, и особенно перваго, былъ весьма нетруденъ и переходъ къ пожизненному консульству, а затѣмъ и къ императорству. Обставленная различными, повидимому, гарантіями—и коллегіальнымъ устройствомъ правительства, и государственнымъ совѣтомъ, и двумя законодательными палатами, и охранительнымъ учрежденіемъ,—консульская конституція привела все-таки къ произволу одного лица. Понятно, что и императорская конституція воспользовалась всѣмъ тѣмъ, что только было въ прежней носившаго въ себѣ задатки личной, безграничной власти. Охранительная власть во французской имперіи получила еще большую связь съ императоромъ: сенатъ состоялъ

изъ французскихъ принцевъ, изъ сановниковъ, изъ 80 лицъ, выбранныхъ изъ кандидатовъ, назначенныхъ императоромъ по избирательнымъ департаментскимъ спискамъ, изъ лицъ, возведенныхъ императоромъ въ санъ сенаторовъ; случаи, въ которыхъ сенатъ могъ объявить декретъ законодательнаго корпуса неконституціоннымъ, были увеличены (напр. за нарушеніе прерогативъ императорскаго сана и сената, за стремленіе возстановить феодальный порядокъ). Законодательная власть осталась такою же, какъ и по прежней конституціи; дѣятельность трибуната была стѣснена тѣмъ, что никакой проектъ закона не могъ быть обсуждаемъ имъ въ общемъ собраніи, а въ отдѣленіяхъ. Судебная власть стала въ еще большую зависимость отъ императора, который назначалъ пожизненно президентовъ судовъ кассаціоннаго, аппелляціоннаго и уголовныхъ; судъ отправлялся отъ его имени. Власть императора охватила такимъ образомъ все; хорошую поддержку она нашла себѣ въ государственномъ совѣтѣ, основываясь на мнѣніяхъ котораго, могла предписать обнародовать законъ и послѣ того, когда состоялось по этому случаю противоположное рѣшеніе сената (1, 57, 70, 75-79 88, 104).

Ошибки и волненія революціи, деспотизмъ имперіи и его безумное исканіе славы, пренебрегавшее и жизнью подданныхъ и государственными средствами, заставили обратиться къ новому государственному устройству, такому, на которое указалъ Монтескье. Хартія 6 апрѣля 1814 г. всего болѣе приближалась къ англійской конституціи. Но желаніе создать наслѣдственную аристократію, окончательно подорванную революціей и не имѣвшую уже связи съ страной, было несвоевременно и легкомыслено. Это было такъ очевидно, что хартія 6 апрѣля продержалась нѣколько дней; однако и хартія 4 іюня того же года, а еще болѣе измѣненія 1815 г., сдѣлавшія палату перовъ наслѣдственною, придерживались тѣхъ же самыхъ началъ. Исполнительная власть принадлежитъ только королю, который, какъ верховный глава государства, управляющій посредствомъ отвѣтственныхъ министровъ, начальствуетъ надъ войскомъ, объявляетъ войну, заключаетъ мирные и другіе договоры и пр. Законодательная власть отправляется королемъ, палатой перовъ и палатой депутатовъ. Первый предлагаетъ законы въ той и другой палатѣ (только законы о налогахъ предлагаются непремѣнно въ нижней); безъ его предложе-

нія или согласія не можетъ быть сдѣлано никакое измѣненіе въ законѣ; онъ утверждаетъ и обнародываетъ законы; онъ созываетъ палаты, распускаетъ ихъ и пр. Палата перовъ состоитъ изъ лицъ, назначенныхъ королемъ, и изъ членовъ королевской семьи и принцевъ крови; палата депутатовъ состоитъ изъ депутатовъ, платящихъ 1,000 фр. прямыхъ податей и выбранныхъ избирателями, платящими такихъ же податей по 300 фр. Палатамъ принадлежитъ судъ въ преступленіяхъ измѣны и покушеніяхъ противъ безопасности государства. Источникъ суда—король, который и назначаетъ всѣхъ несмѣняемыхъ судей (13—17, 22, 24, 27, 30, 33, 38, 40, 46, 50, 55, 57, 58). Эта конституція, хотя, приближаясь къ англійской, и старалась основываться на тѣхъ же началахъ, но исключительная принадлежность права законодательной иниціативы королю наносила подрывъ и тому проведенію начала раздѣленія, какое возможно въ государственномъ устройствѣ. Правда, конституція представляла палатамъ, и той и другой, право, по обсужденіи ими обѣими, просить короля о предложеніи новаго закона (19—21); но тѣмъ не менѣе она заботилась только объ усиленіи королевской власти, которая находила поддержку себѣ въ устарѣвшей аристократіи и въ капиталахъ, вызванныхъ ею на политическое поприще. Тѣхъ же началъ держалась и конституція 1830 г., хотя она распространила право предлагать законы и на обѣ палаты, хотя сдѣлала перію только пожизненною, а право короля возводить въ перы ограничила категоріей чиновныхъ лицъ и капиталистовъ, хотя въ послѣдовавшемъ ея измѣненіи и былъ уменьшенъ избирательный цензъ.

Подобное устройство, къ которому постепенно прибавлялись различныя мѣры, направленныя противъ свободнаго теченія общественной жизни, не могло, конечно, не вызвать реакціи. Революція 1848 г. создала новую конституцію, которая снова выставила народную власть *), покрытую забвеніемъ въ прежнихъ конституціонныхъ хартіяхъ. Но возвышая народную власть, она не отплачивала тою же монетой послѣднимъ хартіямъ: исполнительная

*) Французская республика есть демократическая, единая и нераздѣльная, préamb. II. Верховная власть принадлежитъ совокупности всѣхъ французскихъ гражданъ; art. I.

власть, хотя и потеряла прежнюю свою силу, однако не на столько, чтобы за ней не оставалось и значенія. Эта конституція снова провозгласила раздѣленіе властей, какъ первое условіе свободнаго правительства. Законодательная власть принадлежитъ одной палатѣ. Исполнительную народъ предоставляетъ на 4 года избранному имъ президенту, который наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, располагаетъ военной силой, не имѣя права личнаго начальствованія, вступаетъ въ дипломатическія сношенія и заключаетъ договоры, окончательное утвержденіе которыхъ принадлежитъ національному собранію; онъ заботится о защитѣ государства, но не можетъ предпринять никакой войны безъ согласія законодательнаго собранія; можетъ, выслушавъ мнѣніе государственнаго совѣта, воспользоваться правомъ помилованія; онъ назначаетъ и отзываетъ министровъ, дипломатическихъ агентовъ, начальниковъ военныхъ силъ и пр.; онъ можетъ предлагать проекты законовъ національному собранію чрезъ министровъ; обнародываетъ законы отъ имени народа; представляетъ національному собранію годичные отчеты о состояніи республики. Президентъ, равно какъ министры и другіе агенты общественной власти подлежатъ отвѣтственности по обвиненію національнаго собранія передъ верховнымъ судомъ и могутъ быть помилованы собраніемъ. При президентѣ состоитъ государственный совѣтъ, члены котораго назначаются національнымъ собраніемъ и отзываются имъ же по предложенію президента. Судебная власть отправляется отъ имени народа; судьи, также и лица обвинительной власти назначаются президентомъ (19, 20, 43, 49, 50—56, 64, 68, 71—74, 85, 86, 91.).—Республиканская форма была сохранена и по конституціи 14 января 1852 г., провозгласившей своимъ основаніемъ великіе принципы 1789 г. и ввѣрившей на 10 лѣтъ управленіе Франціей президенту Наполеону Бонапарте. Но на сколько эта конституція была похожа на республиканскую и какъ было сохранено въ ней раздѣленіе властей, указанное въ предшествовавшей, это видно изъ того, что президентъ республики, правда, отвѣтственный передъ народомъ, управлялъ, какъ глава государства, чрезъ министровъ, государственный совѣтъ, сенатъ и законодательный корпусъ, что, пользуясь съ двумя послѣдними собраніями законодательной властью, онъ имѣлъ исключительное право законодательной инціативы, что судъ давался отъ его и-

мени, что министры, члены сената и законодательнаго корпуса и другія должностныя лица приносили клятву въ повиновеніи конституціи и въ вѣрности ему и пр. На случай смерти президента, до истеченія срока его служенія, конституція предоставляла ему право въ тайномъ актѣ рекомендовать себѣ преемника. Эта республика получила и сенатъ, состоявшій изъ сановниковъ и изъ лицъ, возведенныхъ въ званіе сенаторовъ президентомъ; сенаторы пользуются своимъ саномъ пожизненно и, хотя они несутъ свои обязанности безъ вознагражденія, но президентъ можетъ, въ воздаяніе за ихъ услуги и во вниманіе къ ихъ имуществу, жаловать лично денежныя суммы въ опредѣленномъ размѣрѣ. Сенатъ получилъ значеніе хранителя основнаго договора и общественныхъ правъ свободы, подобно прежнему охранительному сенату; поэтому никакой законъ не можетъ быть обнародованъ безъ его согласія (и указаны случаи, въ которыхъ онъ долженъ отказывать въ этомъ согласіи); поэтому онъ поддерживаетъ или уничтожаетъ акты, которые правительство или петиціи гражданъ представляютъ ему неконституціонными; онъ можетъ въ докладѣ на имя президента изложить основанія проекта законовъ, имѣющихъ національный интересъ; можетъ предлагать ему же измѣненія въ конституціи, и если предложеніе будетъ принято исполнительной властью, то объ этомъ постановляется сенатскимъ консультомъ. Рядомъ съ этимъ собраніемъ законодательный корпусъ не имѣетъ никакого значенія: если, при разсмотрѣніи законодательнаго проекта, коммиссія, образованная для этого, предложитъ какое либо измѣненіе, то оно, безъ обсужденія собраніемъ, должно быть отослано въ государственный совѣтъ; въ случаѣ непринятія послѣднимъ этого предложенія, оно не подлежитъ обсужденію законодательнаго корпуса. Законодательный корпусъ созывается и распускается президентомъ, который и отсрочиваетъ его засѣданія (1-8, 14, 16, 20—22, 25—30, 40, 46). Такимъ образомъ президенту этой своеобразной республики недоставало только императорскаго титула, что вскорѣ и случилось. Сенатскій консультъ 7 ноября 1852 г., а за нимъ и другіе внесли въ послѣднюю республиканскую конституцію только тѣ измѣненія, которыя были необходимы въ ней для того, чтобы привести все въ согласіе съ достоинствомъ императора. Только въ послѣднее десятилѣтіе введены были въ нее нѣкоторыя новыя постановленія, какъ напр.

относительно составленія адресовъ въ отвѣтъ на рѣчь императора при открытіи засѣданій палатъ, объ участіи министровъ въ ихъ засѣданіяхъ и пр., болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныя. Къ чему привели Францію такіе быстрые переходы въ государственномъ устройствѣ отъ однихъ началъ къ другимъ и императорское правленіе—извѣстно всякому по недавнимъ событіямъ.

Почти въ одно время съ Франціей, въ прошломъ столѣтіи совершилась перемѣна въ государственномъ устройствѣ и другой страны—Польши. Эта перемѣна произошла отчасти подъ вліяніемъ французскаго революціоннаго движенія, а въ гораздо большей степени подъ вліяніемъ американской борьбы за независимость. Конституціей 3 мая 1791 г. поляки думали, превративъ свою республику въ избирательное королевство, укрѣпить свое государство и сохранить его самостоятельность. Самъ конституціонный актъ сознается въ негодности для этой цѣли прежняго порядка дѣлъ: въ невозможности всѣмъ гражданамъ отправлять законодательную власть и въ необходимости для этого представителей; сознается въ томъ, что, уничтожая навсегда liberum veto и всякаго рода конфедераціи, онъ уничтожаетъ то, что стремилось всегда къ ослабленію всѣхъ правительственныхъ пружинъ и къ народнымъ волненіямъ; сознается, что всѣ бѣдствія, испытанныя Польшей, произошли вслѣдствіе слабости и отсутствія энергіи въ исполнительной власти (VI, VII). Но и эта всенародная исповѣдь въ своихъ несчастіяхъ, долженствовавшая быть чувствительною для національной гордости поляковъ, не была для нихъ исповѣдью возрожденія. Конституція 3-го мая продолжалась недолго, какъ извѣстно. Въ основаніе отношенія властей она принимаетъ ихъ раздѣленіе: для того, чтобы цѣлость владѣній республики, говоритъ она, свобода гражданъ (изъ которыхъ, замѣтимъ, значительная часть оставалась несвободной и по этой конституціи) и гражданское управленіе оставались навсегда въ совершенномъ равновѣсіи, правительство Польши должно заключать въ себѣ по этой конституціи.... три рода различныхъ властей: законодательную, исполнительную и судебную. Законодательная власть принадлежитъ сейму, состоящему изъ палаты нунціевъ и палаты сенаторовъ, предсѣдательствуемой королемъ: первая представляетъ собою образъ и хранилище верховной власти народа, обсуждаетъ различные законодательные проекты и предлагаетъ ихъ во вторую, ко-

торая принимаетъ или отвергаетъ ихъ до обсужденія на слѣдующемъ сеймѣ; и если на послѣднемъ палата нунціевъ представитъ тотъ же законъ, то сенатъ не можетъ уже отказать въ его санкціи. Верховное исполненіе законовъ принадлежитъ королю въ его совѣтѣ, который носитъ названіе наблюдательнаго, поэтому первому обязаны повиновеніемъ всѣ чиновники, и онъ можетъ наказывать тѣхъ изъ нихъ, которые замѣчены въ нерадивомъ исполненіи своихъ обязанностей; ему принадлежитъ право назначать епископовъ, сенаторовъ, министровъ и первыхъ агентовъ своей власти (большинство же чиновниковъ выбирается народомъ); онъ пользуется безотвѣтственностью, но ни права законодательной инціативы, ни даже толкованія законовъ не имѣетъ, а отъ него могутъ исходить предложенія только на сеймикахъ. Судебная власть ввѣряется или судамъ, состоящимъ изъ лицъ, избранныхъ на сеймикахъ, или существовавшимъ прежде; для государственныхъ преступленій сеймъ, при каждомъ своемъ открытіи, избираетъ нѣсколькихъ членовъ, которые и составляютъ судъ сейма (V—VIII). *).

Такимъ образомъ Польша, хотя и приняла дѣленіе Монтескье, но она далеко не подпала исключительному вліянію Франціи. Совсѣмъ не то было со многими другими государствами: событія, совершавшіяся во Франціи съ конца прошлаго столѣтія, вызывали въ нихъ крутыя измѣненія и самаго устройства. При этомъ одни изъ нихъ стали подъ большимъ ея вліяніемъ, другія старались приблизиться къ англійскому устройству.

Прежде всего революціонные перевороты Франціи отразились на Швейцаріи. Здѣсь, въ различныхъ кантонахъ, произошло такое революціонное движеніе, пока вмѣшательство директоріи въ ея дѣла не привело къ тому, что въ 1798 г. она получила, подъ названіемъ Гельветической республики, устройство представительной демократіи. Это устройство, давъ ей централизацію, было копіей съ директоріальнаго. Государемъ былъ провозглашенъ весь швейцарскій народъ. Законодательная власть была ввѣрена сенату, состоявшему изъ выборныхъ отъ кантоновъ и лицъ, быв-

*) Constitutions des principaux états de l'Europe et des Etats-Unis, par La Croix, 1793, t. III.

шихъ директорами, и великому совѣту, состоявшему также изъ депутатовъ отъ каждаго кантона, только въ большемъ числѣ; сенатъ принималъ или отвергалъ заключенія великаго совѣта. Исполнительная власть принадлежала директоріи изъ пяти человѣкъ, которые выбирались одной палатой по списку, составленному другою (которая палата составляетъ списокъ и которая выбираетъ— это рѣшалось жребіемъ); ей подчинены были штатгальтеры въ кантонахъ, унтерштатгальтеры въ округахъ и агенты въ общинахъ; она имѣла вліяніе на образованіе правительственныхъ камеръ при штатгальтерахъ и даже на составъ кантональныхъ судовъ. Но эта конституція просуществовала до паденія директоріи, и, послѣ временной конституціи, Наполеонъ въ 1803 г. издалъ извѣстный актъ посредничества, въ которомъ онъ соглашалъ федеративныя начала устройства съ нѣкоторой централизаціей, примирялъ прежній городской аристократизмъ нѣкоторыхъ кантоновъ съ представительными учрежденіями другихъ и оставлялъ третьимъ ихъ демократическое устройство. Здѣсь не мѣсто, конечно, разбирать устройство каждой изъ этихъ группъ кантоновъ, основывавшееся на весьма сложной системѣ и на сложныхъ выборахъ; довольно замѣтить, что начало раздѣленія властей не было соблюдено въ кантонахъ съ новыми представительными учрежденіями, такъ напр. законодательная власть была ввѣрена великимъ совѣтамъ, а малые совѣты, которые образовывались по выбору первыхъ изъ среды ихъ членовъ, были и исполнительною властью и составляли проекты законовъ; предсѣдатели и тѣхъ и другихъ совѣтовъ— два бургомистра—мѣнялись между собою ими поочередно. Союзный сеймъ возстановленъ былъ почти въ прежнемъ видѣ, только кантоны посылали неодинаковое число депутатовъ; исполнительная власть была нѣсколько усилена и ввѣрялась поочереди правительству шести кантоновъ. Съ паденіемъ Наполеона, пала въ 1813 году и эта конституція, а въ 1815 г. составилась новая, удержавшая почти въ цѣлости прежнюю, дореволюціонную самостоятельность кантоновъ. Революція 1830 г. во Франціи произвела движеніе и въ самой Швейцаріи, поведшее къ перемѣнамъ въ нѣкоторыхъ конституціяхъ, къ провозглашенію господства народной власти и т. п.; но это движеніе вызвало сопротивленіе и борьба, продолжавшаяся долгое время между консервативными и либеральными кантонами и партіями, кончилась новой конституціей 1848 года. Она составилась подъ вліяніемъ, можно сказать,

исключительнымъ, конституціи Сѣверо-Американскихъ штатовъ. И здѣсь, какъ тамъ, народовластіе является въ двухъ государственныхъ формахъ: въ кантонѣ и въ союзѣ, и первый пользуется самостоятельностью на столько, на сколько она не ограничивается союзной конституціей. Но швейцарское союзное устройство отличается отъ американскаго тѣмъ, что оно обращаетъ большее вниманіе на самостоятельность кантоновъ, чѣмъ силу союза: по справедливому замѣчанію Блюнчли *), кантонъ, чтобы имѣть право на верховную дѣятельность, не нуждается ни въ какихъ другихъ основаніяхъ, кромѣ общихъ государственныхъ; между тѣмъ какъ союзная верховная власть должна въ такомъ случаѣ основываться на статьяхъ союзной конституціи. Дѣятельность союза, далѣе, простирается здѣсь на гораздо меньшій кругъ предметовъ, чѣмъ въ Америкѣ, а кантоны увеличиваютъ свою силу, предоставляя себѣ дѣла и общей важности. Союзъ не есть представитель всей силы государствъ: такъ напр. войско принадлежитъ не ему, а составляется изъ контингентовъ кантоновъ, такъ что онъ наблюдаетъ только за его формированіемъ и заботится о его содержаніи. Хотя заключеніе торговыхъ договоровъ предоставлено союзу, но это не исключаетъ значительной самостоятельности въ этомъ дѣлѣ и кантоновъ, тѣмъ болѣе, что не существуетъ общаго торговаго права. Дипломатическія сношенія ведутся союзомъ, однако и кантоны могутъ вступать въ нихъ съ иностранными государствами при посредствѣ союзнаго совѣта; они могутъ вступать въ договоры торговые и по дѣламъ полицейскимъ подъ контролемъ того же совѣта. Дѣло образованія находится въ вѣдѣніи кантоновъ.—Далѣе въ самыхъ кантонахъ вліяніе народа на правительственныя дѣла гораздо чувствительнѣе: не говоря уже о томъ, что народъ имѣетъ право одобрять конституцію, а въ нѣкоторыхъ кантонахъ онъ можетъ требовать ея пересмотра, за нимъ, по нѣкоторымъ конституціямъ, признается право останавливать своимъ несогласіемъ всякій законъ, объявленный представительнымъ собраніемъ (С. Галленъ, Люцернъ, Золотурнъ, Шафгаузенъ и Тургау); по другимъ—законодательное собраніе предлагаетъ законъ на утвержденіе общинамъ (Граубинденъ, Швицъ, Базель);

*) См. Schweiz въ Staatswörterbuch'ѣ.

наконецъ въ совершенно демократическихъ кантонахъ (Ури, оба Унтервальдена, Гларусъ, оба Аппенцеля) общины собираются ежегодно для утвержденія законовъ и выбора всѣхъ чиновниковъ. Отъ этого и въ устройствѣ какъ союзныхъ властей, такъ и кантонныхъ должна быть нѣкоторая разница отъ американскаго.

Подъ вліяніемъ этихъ условій, начало раздѣленія властей проведено здѣсь далеко неодинаково во всѣхъ кантонахъ и вообще слабо. Уже сказано, что законодательная власть въ иныхъ кантонахъ принадлежитъ народному собранію, около котораго находится законодательное въ родѣ великаго совѣта; въ другихъ законодательная власть ввѣрена двумъ собраніямъ: но во всякомъ случаѣ ея вліяніе отражается рѣзко и постоянно, какъ увидимъ, на дѣятельности другихъ властей. Точно такое же значеніе остается и за союзнымъ собраніемъ, которое, по примѣру Сѣверо-Американскаго конгресса, состоитъ изъ національнаго совѣта (члены его, какъ и тамъ, избираются непосредственно народомъ) и совѣта государствъ (въ немъ засѣдаютъ депутаты отъ кантоновъ): ему принадлежитъ отправленіе верховной власти союза. Исполнительная власть ввѣряется какъ въ кантонахъ (малые совѣты), такъ и въ союзѣ (союзный совѣтъ изъ семи членовъ) коллегіямъ, избираемымъ законодательной властью и не на продолжительные сроки; при чемъ случается, что ихъ члены входятъ въ составъ и законодательныхъ собраній и участвуютъ въ нихъ. Судебная власть предоставлена лицамъ, избираемымъ въ верхней инстанціи по большей части великими совѣтами, т. е. законодательнымъ собраніемъ, а въ нижней—въ окружныхъ судахъ—окружными выборщиками; въ тѣхъ же кантонахъ, гдѣ неприняты новыя начала отдѣленія суда отъ управленія, онъ предоставляется или правительственнымъ совѣтамъ или законодательнымъ: такъ въ верхнемъ Унтервальденѣ правительственный совѣтъ есть въ тоже время уголовный и полицейскій судъ, а земскій совѣтъ—законодательная власть—составляетъ ревизіонный судъ для гражданскихъ дѣлъ. Положеніе союзнаго суда еще менѣе независимо и самостоятельно, чѣмъ кантональныхъ. Члены его выбираются союзнымъ собраніемъ; но такъ какъ онъ не есть постоянный органъ, то и обязанность судей соединена съ другими кантональными должностями. Вслѣдствіе такого состава и положенія онъ несвободенъ отъ вліянія партій. И дѣятельность органовъ

судебной и исполнительной власти такова, что они представляются совершенно зависимыми и какъ бы коммиссіями—особенно исполнительная власть—дѣйствующими по порученію законодательной. Ослабляемая въ своемъ дѣйствіи коллегіальнымъ составомъ, исполнительная власть—союзная—должна въ важныхъ случаяхъ испрашивать согласія союзнаго собранія, а въ кантонахъ нерѣдко должна уступать нѣкоторыя свои права великимъ совѣтамъ; имѣя право законодательной иниціативы, она, какъ въ союзѣ, такъ и въ кантонахъ, не пользуется правомъ отвергать или утверждать законы; она не имѣетъ права назначенія должностныхъ лицъ, какъ въ Америкѣ; международное ея положеніе также иное: здѣсь вся сила на сторонѣ союзнаго собранія. Тоже самое представляетъ и судебная власть. Не говоря уже о тѣхъ кантонахъ, гдѣ судъ предоставленъ законодательнымъ собраніямъ и гдѣ, слѣдовательно, при постоянномъ смѣшеніи той и другой дѣятельности, трудно ожидать отъ него самостоятельности, не говоря уже о томъ, что верховный или кассаціонный судъ (для суда присяжныхъ) находится подъ постояннымъ надзоромъ верховныхъ совѣтовъ, которые требуютъ отчетовъ отъ его членовъ и привлекаютъ ихъ къ отвѣтственности,—не говоря обо всемъ этомъ, и союзный судъ, по своему отношенію къ законодательной власти, не пользуется такимъ политическимъ значеніемъ, какъ въ Америкѣ: онъ является политическимъ судомъ въ дѣлахъ нарушенія правъ, обезпеченныхъ союзной конституціей, но по жалобѣ законодательнаго собранія, а также—кассаціоннымъ судомъ въ вопросахъ о примѣненіи союзныхъ законовъ въ кантонахъ.

Вліяніе французскихъ идей и устройства распространялось вмѣстѣ съ войнами и завоеваніями Франціи. Такъ это вліяніе мы видимъ въ романскихъ государствахъ. Изъ нихъ одни начали съ приближенія къ французскимъ республиканскимъ конституціямъ: напр. испанская 1812 г., объявляя себя изданною кортесами, королемъ же или регентствомъ во имя его только провозглашенною, признаетъ за народомъ верховную власть и право установлять основные законы, признаетъ монархію съ дѣленіемъ властей, налагаетъ на короля обязанность утвержденія закона, принятаго кортесами въ трехъ сессіяхъ, принимаетъ законодательное собраніе только съ одной палатой. Другія романскія государства, подчиняясь силѣ оружія, принимали такія учрежденія, которыя

были навязываемы имъ. Такъ Наполеонъ ввелъ устройство, подобное его императорской Франціи, въ тѣхъ государствахъ, которыя образовались въ Италіи вслѣдствіе французскихъ походовъ. Но эти учрежденія продержались недолго, и Италія, раздѣленная, должна была подпасть вліянію Австріи. Революціонныя движенія въ западныхъ государствахъ Европы отражались на Италіи и побуждали ея государства къ попыткамъ дать себѣ конституціонное устройство. Эти попытки оказались успѣшными только въ одномъ Пьемонтѣ, который взялъ за образецъ французскую конституцію 1830 г. Эта конституція, подвергавшаяся нѣкоторымъ измѣненіямъ, сдѣлалась общею и для всей Италіи по ея объединеніи. Отличіе ея составляетъ главнымъ образомъ провинціальное и общинное самоуправленіе, доставляющее народу Италіи значительную долю самостоятельности. Такое же украшеніе составляетъ самоуправленіе и другой романской конституціи— бельгійской. Присоединенная къ Франціи въ эпоху революціи и бывшая въ тѣсной связи съ нею въ теченіи девятнадцати лѣтъ, Бельгія приняла многія французскія идеи, почему, по отпаденіи отъ Нидерландъ, составила конституцію, отличающуюся значительнымъ демократическимъ оттѣнкомъ. Итальянская конституція ограничила права королевской власти; эта—еще болѣе и расширила права законодательнаго собранія, такъ что право короля распускать палаты и отсрочивать ихъ засѣданія ограничено числомъ дней. Отъ короля, впрочемъ, зависитъ администрація, и только провинціальная и общинная заключаютъ въ себѣ въ значительной степени выборное начало. Такимъ положеніемъ королевской власти начало раздѣленія поддерживается здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Соблюденіе его было высказано и бельгійскимъ конгрессомъ, составившимъ конституцію *).

Третьи конституціи романскихъ государствъ соединяли начала, выведенныя изъ политическихъ и особенно республиканскихъ теорій, съ подражаніемъ англійскому образцу; такъ въ Сициліи, въ конституціи 1812 г. было проведено съ большою послѣдовательностью начало раздѣленія властей, такъ что законодатель-

*) Мы не излагаемъ здѣсь подробно основаній этихъ конституцій, такъ какъ онѣ болѣе или менѣе извѣстны.

ная власть принадлежала только парламенту, т. е. двумъ палатамъ, изъ которыхъ палата перовъ преимущественно наслѣдственная, а королю принадлежало право законодательной санкціи; иныя измѣняли начало раздѣленія введеніемъ четвертой власти— средней, умѣряющей, какъ напр. въ Португаліи по конституціи 26 г., замѣнившей недолго дѣйствовавшую 1822 г.; такая власть принадлежала королю для поддержанія равновѣсія и гармоніи другихъ политическихъ властей.

Такое же вліяніе оказали Франція и наполеоновскія войны и на другія государства (напр. въ Голландіи была введена конституція въ 1806 г.), особенно же на устройство германскихъ государствъ, и прежде всего тѣхъ, которыя вступили съ нею въ союзъ; такъ въ Вестфаліи составилась конституція въ 1807 г., въ Баваріи въ 1808 г. Но эти конституціи держались недолго и подъ вліяніемъ позднѣйшихъ событій подверглись измѣненіямъ, такъ напр. Бавaрія получила новую конституцію въ 1818 г. Къ этому послѣднему времени относится и происхожденіе конституцій въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напр. въ Баденѣ 1818 г., Виртембергѣ 1819 г., Гессенѣ 1820 г. Позднѣйшія французскія революціи также не прошли безъ слѣда для нѣмецкихъ государствъ; такъ напр. въ Гессенѣ конституція 1831 г., въ Саксоніи того же года; въ Австріи и Пруссіи измѣненія произошли послѣ 1848 г. Разбирать эти конституціи было бы дѣломъ утомительнымъ; слѣдуетъ замѣтить только, что образовавшіяся между 14 и 30 гг. были подъ вліяніемъ французской конституціи 14 г., а съ 30 до 48 г. подъ вліяніемъ французской же конституціи 30 г.; что, не смотря на это, во всѣхъ нихъ въ большей или меньшей степени удержались прежнія начала государственной жизни; отъ этого и въ ихъ конституціяхъ смѣшиваются права верховной власти (Hoheitsrechte) съ государственными властями; отъ этого и задача представительства опредѣляется какою нибудь одною преобладающей цѣлью, какъ напр. въ баденской конституціи финансовыми дѣлами; слѣдуетъ замѣтить далѣе, что понятіе о народной власти не привилось къ этимъ конституціямъ, а что ихъ цѣль—преобладаніе исполнительной власти и господство монархическаго начала; что составъ палатъ въ большей части государствъ самый сложный и допускающій возможность вліяній и правительства, и корпорацій, и т. п., только

не народа. Поэтому здѣсь не можетъ быть и рѣчи о раздѣленіи властей. Нужно, однако, сказать, что германскія конституціи стали уклоняться отъ этого начала послѣ вѣнскаго конгресса, что до того времени въ нихъ было замѣтно большее или меньшее его проведеніе. Правда, прусская конституція, получившая начало въ 1850 г., говоритъ о раздѣленіи трехъ властей; но право короля распускать палаты, въ случаѣ неутвержденія ими бюджета, и руководствоваться бюджетомъ послѣдняго года, не говоря уже о другихъ случаяхъ, показываетъ, на сколько оно соблюдается здѣсь. Что исключительная сила монархическаго принципа составляетъ задачу германскихъ конституцій—это доказывается 57 ст. вѣнскаго заключительнаго акта 15 мая 1820 г., которая говоритъ: такъ какъ Германскій союзъ состоитъ изъ верховныхъ князей (Fürsten), то, вслѣдствіе даннаго этимъ самымъ основнаго понятія, вся (gesammte) государственная власть должна быть сосредоточена въ рукахъ главы государства и государь можетъ быть связанъ содѣйствіемъ сословнаго представительства только въ отправленіи извѣстныхъ правъ. Такъ какъ, по замѣчанію Цёпфля, вѣнскій актъ не сдѣлалъ обязательнымъ для союза перечисленіе этихъ извѣстныхъ правъ, то, слѣдовательно, о мѣрѣ содѣйствія сословій должно постановлять законодательство отдѣльныхъ государствъ; за союзнымъ же собраніемъ остается обязанность производить измѣненія въ такомъ случаѣ, если конституція или законъ отдѣльныхъ государствъ нарушаетъ монархическій принципъ. Слѣдствіемъ 57 ст. была и 58-я, по которой государи, состоящіе въ Германскомъ союзѣ, не могутъ быть ограничены въ исполненіи своихъ союзныхъ обязанностей никакимъ сословнымъ устройствомъ. Такимъ образомъ, по смыслу вѣнскаго заключительнаго акта и предшествовавшихъ ему вѣнскихъ министерскихъ конференцій (1819 и 20 гг.), монархическій принципъ не долженъ допускать, чтобы въ конституціи не только выражалось, но и подразумѣвалось раздѣленіе властей, въ формѣ ли верховной власти народа, или—палатъ рядомъ съ верховной властью государя. Этотъ принципъ подтверждался неоднократно и позднѣе (напр. такъ называемая VI ст. отъ 28 іюня 1832 г.). Послѣ событій 1848 г. снова обратились къ нему, по предложеніямъ Пруссіи и Австріи и заключеніямъ союза 1851 г.: тогда рѣшено было привести, всѣми законными средствами, въ согласіе съ основными законами

союза тѣ конституціи, которыя отклонились отъ нихъ и держатся постановленій 48-го г. *). Монархическій принципъ не нарушается и прусской конституціей 1850 г., которая, слѣдовательно, не можетъ соблюдать начала раздѣленія. Многіе писатели утверждаютъ, впрочемъ, что въ такомъ принципѣ нѣтъ ничего противоположнаго парламентарному, а ему можно противопоставить только республиканскій **). Но неосновательность такого мнѣнія доказывается хоть напр. вмѣшательствомъ недавно существовавшаго Германскаго союза во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ въ случаяхъ сопротивленія подданныхъ правительству, возстанія, опасныхъ движеній; это доказывается и недавнимъ Сѣверо-Германскимъ союзомъ съ господствомъ Пруссіи или бывшаго прусскаго короля.—

Теорія Монтескье имѣла вліяніе на государственное устройство не только тѣхъ странъ, которыя развились на началахъ феодальнаго порядка, въ жизни и учрежденіяхъ которыхъ было много сходнаго, такъ что и практическіе выводы изъ нея, принятые одной страной, легко могли быть усвоены и другими; но она простерла свое дѣйствіе, хоть непрямое и нерѣшительное, и туда, гдѣ ея воспріятію представлялись серьёзныя препятствія въ условіяхъ быта. Мы говоримъ именно о нашемъ отечествѣ въ царствованіе Екатерины II. Всѣмъ извѣстно, какое умственное возбужденіе производила тогда французская литература у насъ. При такомъ состояніи, естественно, и ученіе Монтескье не могло остаться незамѣченнымъ хотя немногими; и проводникомъ его идей явилась прежде всего, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, сама императрица. Полагая, что „предлогъ самодержавныхъ правленій не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направлять къ полученію самаго большаго отъ всѣхъ добра;“ что „намѣреніе и конецъ самодержавныхъ правленій есть слава гражданъ, государства и государя“ ***), она, конечно, не могла остаться равнодушною къ тому ученію, которое обѣщало народу — блага, государству — силу и славу. Въ начертаніи о приведеніи къ окончанію коммиссіи про-

---

*) Zöpfl, Grundsätze des gem. deutsch. Staatsr., 5 Aufl., II, 199—250.

**) Rönne, Staatsrecht der preussischen Monarchie, I, 107.

***) Наказъ, II гл.

екта новаго уложенія *) говоря о полнотѣ верховной власти,— что „право отъ власти верховныя неотдѣлимо было, есть и будетъ,“ —она указываетъ на три рода власти: законодательную, защитительную и совершительную, и вмѣстѣ на цѣль ихъ— „все сіе заключаетъ въ себѣ охраненіе добраго порядка.“ Эти три власти представляютъ собою тѣ, на которыя указалъ Монтескье, такъ какъ защитительная власть ничто иное какъ судебная, совершительная—власть дѣйствующая, исполняющая. Самый Наказъ ея коммиссіи о сочиненіи уложенія не только навѣянъ идеями Монтескье, но представляетъ часто буквальное повтореніе его словъ **). Однако хаотическое состояніе, въ которомъ находилась тогда русская администрація и при которомъ она не легко поддалась бы теоретическимъ пріемамъ, не позволяло и думать о проведеніи этихъ идей. Нужно было прибѣгать не къ теоретическимъ упражненіямъ, а дѣлать то, на что указывала необходимость. Еще прежде Наказа, со вступленія своего на престолъ, императрица начала вводить измѣненія въ управленіи, которыя продолжались и послѣ и значеніе которыхъ указано какъ въ Наказѣ, такъ и въ приведенномъ выше начертаніи: „но когда по человѣчеству невозможно, чтобы государь самъ вездѣ обращался, ради того учреждаетъ онъ для соблюденія порядка власти среднія, подчиненныя, зависящія отъ верховной и составляющія существо правленія.“ (Начертаніе.) ***) У насъ нужно было разграничить вѣдомства, удерживать каждый органъ въ предѣлахъ обязанностей, ввѣренныхъ ему, чтобы онъ не препятствовалъ

*) 1768 г., П. С. З. 13095.

**) Возьмемъ, хоть напр., понятія Наказа о свободѣ: Въ государствѣ т. е. въ собраніи людей обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ, и чтобы не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно.—Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойствіе духа въ гражданинѣ, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью.“ Сравн. у Монтескье: XI к., 3 и 6 гл. Можно указать на мнѣніе Наказа о необходимости хранилища законовъ въ монархіи и на такое же мнѣніе Монтескье (II, 4); на мнѣніе объ извращеніи государства при крайнемъ развитіи чувства равенства, „когда всякъ хочетъ быть равнымъ тому, который закономъ учрежденъ быть надъ нимъ начальникомъ“, и такое же мнѣніе Монтескье о извращеніи принципа въ демократіи (VIII, 2); на все ученіе Наказа о сходственности законовъ съ естественнымъ положеніемъ государства.

***) И Наказъ повторяетъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ эти слова Монтескье (II, 4) о существѣ монархическаго устройства.

дѣятельности другихъ, и понудить его къ дѣятельности, ввести такимъ образомъ надзоръ.—Дѣленіе сената на шесть департаментовъ въ 1763 г. вводило отдѣленіе суда отъ управленія, хотя строгаго проведенія начала здѣсь не было, какъ это видно изъ распредѣленія дѣлъ по департаментамъ *), хотя и въ этомъ отношеніи приходилось уступать временной необходимости **). Измѣняя или уничтожая старое, правительство иногда принуждено было мириться съ нимъ: такъ уничтожая коллегіи, оно оставило иностранную, военную и адмиралтействъ и учредило даже новую—коллегію экономіи для управленія духовными имѣніями при сенатѣ (съ правомъ даже въ нѣкоторыхъ дѣлахъ поступать своею властью). Правда, что новая коллегія не походила на старыя: въ тѣхъ вся сила была на сторонѣ коллегіальнаго устройства, въ новой она давалась бюрократическому началу. Послѣднее съ особенной ясностью выказалось во власти генералъ-прокурора, вѣдомство котораго, однако, не было разграничено, такъ что его власть простиралась и на судебныя и административныя мѣста. Отсутствіе опредѣленности въ началахъ и правильности и единства въ контролѣ ***) восполнялось личнымъ надзоромъ самой императрицы: ей, напр., сенатъ представлялъ меморіи о рѣшенныхъ дѣлахъ, коллегія экономіи дѣлала представленія въ случаѣ особенныхъ обстоятельствъ и подавала отчеты по дѣламъ, въ которыхъ поступала своею властью; правленіе ассигнаціоннаго банка

---

*) Въ 1-мъ департаментѣ государственныя внутреннія и политическія дѣла, яко то всякія государственныя вѣдомости о числѣ народа, полныя свѣдѣнія о всѣхъ приходахъ и расходахъ, архивъ съ типографіей, дѣла по герольдіи, по синоду съ подчиненными мѣстами, по коллегіи экономіи, иностранныя дѣла, финансовыя, торговыя и пр. Во 2-мъ аппелляціонныя дѣла, по юстицъ и вотчинной коллегіи, по генеральному межеванію, по судному приказу и по розыскнымъ экспедиціямъ, сыщиковы дѣла и всякія слѣдственныя. Въ 3-мъ дѣла по Малороссіи, лифляндской, эстляндской и выборгской губ., по Нарвѣ и пр., дѣла ученыхъ учрежденій, сообщеній водяныхъ и сухопутныхъ, придворнаго вѣдомства и главной и прочихъ полицій. Въ 4-мъ дѣла военнаго вѣдомства. Въ Москвѣ 5-й департаментъ завѣдуетъ всякими государственными текущими дѣлами, а 6-й соотвѣтствуетъ 2-му П. С. З. 11989.

**) Въ 1764 г. напр. повелѣно всѣмъ слѣдственнымъ дѣламъ быть въ тѣхъ петербургскихъ департаментахъ, до которыхъ по существу дѣлъ касается, а не во 2-мъ только, по множеству въ немъ дѣлъ. П. С. З. 12024.

***) При иностранной, военной и адмиралтействъ коллегіяхъ были свои экспедиціи для ревизіи счетовъ, также и при комитетѣ для погашенія долговъ, учрежденномъ въ 1796 г., была своя счетная экспедиція.

подносило отчеты, губернаторы представляли отчеты и важныя дѣла по мѣстному управленію и т. п.

Гораздо съ большимъ успѣхомъ и съ большей послѣдовательностью удалось провести новыя начала въ областномъ управленіи. Отдѣленіе администраціи отъ суда потребовало здѣсь великихъ усилій, тѣмъ болѣе, что его, по обстоятельствамъ времени, приходилось соглашать еще съ сословнымъ началомъ; и эта задача была исполнена на столько удачно, что учрежденія Екатерины, въ своемъ существѣ, сохранялись до новѣйшихъ перемѣнъ. Администрація ввѣрена генералъ-губернатору (государевъ намѣстникъ, а правитель намѣстничества—губернаторъ), губернскому правленію, городничему, исправнику, нижнему земскому суду (въ уѣздѣ—для приведенія въ исполненіе рѣшеній и приговоровъ высшихъ мѣстъ, для охраненія порядка и пр.), казенной палатѣ, приказу общественнаго призрѣнія; судъ предоставленъ: палатамъ гражданскаго и уголовнаго суда, совѣстному суду, верхнему надворному суду (въ столицахъ, для торговыхъ дѣлъ между разночинцами, не имѣющими никакой собственности въ той губерніи), верхнему земскому суду, верхней расправѣ (для однодворцевъ, крестьянъ черносошныхъ, приписанныхъ къ заводамъ, и другихъ государственныхъ крестьянъ), губернскому магистрату, нижнему надворному суду (въ столицѣ), уѣздному суду, нижней расправѣ, городовому магистрату или ратушѣ. Прокурорская власть оставлена; она вручена губернскому прокурору, прокурорамъ, губернскимъ и уѣзднымъ стрянчимъ. Она смотритъ за сохраненіемъ порядка, законами опредѣленнаго, въ производствѣ и въ отправленіи дѣлъ; сохраняетъ цѣлость власти, установленій и интереса императорскаго величества; наблюдаетъ, чтобы запрещенныхъ сборовъ съ народа никто не сбиралъ; обязана истреблять взятки. Но власть ея значительно стѣснена властью генералъ-губернатора, который не есть судья, а оберегатель императорскимъ величествомъ изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ. Для охраненія интересовъ дворянъ и городскаго сословія введены выборныя должности предводителей и головъ еще въ 1766 г., при выборѣ депутатовъ въ коммиссію

сочиненія уложенія *), что было утверждено и соглашено со всѣмъ порядкомъ выборныхъ властей и измѣненіями, произведенными жалованными граматами 1785 г. Такимъ образомъ раздѣлены были здѣсь власти совершительная и охранительная, законодательная же предоставлена была центральнымъ учрежденіямъ. Но если въ западныхъ государствахъ, предупредившихъ Россію въ развитіи своихъ правительственныхъ учрежденій, не могло быть совершеннымъ это раздѣленіе, то еще менѣе могло встрѣтиться такое совершенство у насъ. Начать съ того, что власть губернатора, въ силу своего обширнаго и въ тоже время неяснаго опредѣленія, могла вмѣшиваться всюду: какъ оберегатель узаконеній, общей и государевой пользы, заступникъ утѣсненныхъ и т. п., онъ имѣлъ на это полное право. Учрежденіе о губерніяхъ не остановилось, впрочемъ, на этихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: оно предоставило ему право пресѣкать всякія злоупотребленія, а наипаче роскошь, вступаться за всякаго, кого волочатъ по дѣламъ, и принуждать судебныя мѣста своего намѣстничества рѣшить такое-то дѣло, отнюдь не вмѣшиваясь, впрочемъ, въ самое производство его. Далѣе: если въ судебномъ мѣстѣ опредѣлится что неправильно, то государевъ намѣстникъ можетъ остановить исполненіе и доноситъ сенату, а о времени нетерпящихъ дѣлахъ и императорскому величеству; въ дѣлахъ же о лишеніи жизни или чести исполненія и вовсе не должно быть безъ донесенія генералъ-губернатору. Губернское правленіе не только обнародываетъ законы, смотритъ за исполненіемъ ихъ и подвергаетъ непослушныхъ взысканію или предаетъ суду, но даже производитъ всѣ дѣла, требующія немедленнаго исполненія, о которыхъ спора быть не можетъ, напр. взысканіе по векселямъ. Прокурорская власть наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ закона, за исполненіемъ чиновниками своихъ обязанностей, за спокойствіемъ и повиновеніемъ жителей въ губерніи и т. п., и вмѣстѣ за отправленіемъ правосудія; она есть и истецъ въ уголовныхъ безгласныхъ дѣлахъ, и

*) Предводителю дворяне даютъ за своими руками полномочіе, въ которомъ говорится, что оно дается на два года не только при нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до общаго разсужденія и положенія всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ дворянъ П. С. З. 12801. Таково же полномочіе и головы.

защитникъ казеннаго интереса; наконецъ прокуроръ и толкователь закона: даетъ заключеніе при сомнѣніи въ смыслѣ закона; при полученіи новаго закона правленіе и палаты выслушиваютъ его заключеніе о томъ, съ какими узаконеніями онъ сходенъ, или какимъ противенъ. Прокуроръ, наконецъ, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы одно мѣсто не вступалось въ вѣдомство другаго, и даетъ заключеніе въ спорѣ о подсудности. Верхній земскій судъ кромѣ спорныхъ дѣлъ, по жалобѣ на уѣздный судъ, разбираетъ и полицейскія дѣла, по жалобѣ на нижній земскій судъ. Городовой магистратъ, имѣя судебную власть, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ право, по усмотрѣніи внутри города какихъ либо нуждъ или недостатковъ, представить о томъ губернскому магистрату и губернскому правленію заблаговременно.—Не смотря, однако, на вмѣшательство одного учрежденія въ вѣдомство другаго, этотъ порядокъ, значительно приближаясь къ теоретическому началу, былъ, какъ уже замѣчено, совершенствомъ сравнительно съ прежнимъ.

Этотъ краткій обзоръ вліянія ученія о раздѣленіи властей на положительное законодательство разныхъ странъ приводитъ насъ къ такого рода заключеніямъ. Мы видѣли, что это начало провозглашалось и провозглашается во многихъ конституціяхъ; что конституціи, въ которыхъ выставлялось оно, падали, замѣнялись другими; что въ этихъ послѣднихъ весьма нерѣдко необходимость его соблюденія провозглашалась какъ и въ прежнихъ. Такимъ образомъ оно получало характеръ нѣкотораго постоянства. Но, при этомъ, измѣненіе въ конституціи производило нерѣдко существенное измѣненіе и въ самыхъ правахъ властей, такъ что ихъ раздѣленіе должно было соблюдаться при весьма различныхъ условіяхъ. Еще болѣе различія въ условіяхъ, при которыхъ должно проводиться это начало, мы замѣтимъ, если будемъ сравнивать конституціи разныхъ странъ. Это показываетъ намъ, на сколько растяжимо это начало и какія разнообразныя отношенія могутъ быть связаны съ нимъ. Особенно бросится намъ въ глаза эта рас-

тяжимость, если вспомнимъ, что нѣкоторыя конституціи, принимая его, на столько уклонялись отъ него въ тоже время, что и не проводили его. Такимъ образомъ въ послѣднихъ конституціяхъ не было даже и попытки къ его практическому приложенію и оно оставалось ученымъ мнѣніемъ, доктриной, занесенной въ хартію. Кромѣ того мы видимъ, что многія государства хватались за него въ минуты крайнихъ обстоятельствъ, надѣясь найти въ немъ какъ бы спасеніе. И однако за этой надеждой наступало разочарованіе. Хартіи съ раздѣленіемъ властей дѣйствовали, а обстоятельства не улучшались. Такимъ образомъ этотъ принципъ самъ по себѣ не имѣлъ значенія спасительнаго якоря. Соединеніе же его съ другими началами было самое разнообразное, такъ что нерѣдко онъ какъ бы подавлялся ими.

Такого рода явленія естественно заставляютъ сомнѣваться въ практичности начала раздѣленія властей. Но если это сомнѣніе основательно, то чѣмъ же объяснить его продолжительное вліяніе на законодательство? Разрѣшить это сомнѣніе и указать возможность и способъ практическаго примѣненія начала—это задача литературы настоящаго столѣтія.

V.

УЧЕНІЕ О РАЗДѢЛЕНІИ ВЛАСТЕЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ НАСТОЯЩАГО ВѢКА.

Мы указали въ предшествовавшей главѣ на задачу современной литературы по отношенію къ разбираемому нами вопросу. Но она не обратилась прямо къ разрѣшенію этой задачи, а подвергала обсужденію и самое начало. Это и понятно, потому что обсужденіе такого рода, открытіе въ самомъ началѣ какой нибудь лжи, исключаетъ всякое разсужденіе о возможности и способѣ его примѣненія. XIX-й в. представлялъ для такого обсужденія политической теоріи, развившейся въ XVIII в., гораздо болѣе благопріятныхъ условій, чѣмъ послѣдній: тамъ новизна и юная еще сила идеи производили на людей обаяніе, весьма сильно подогрѣваемое многими тяжелыми обстоятельствами народной жизни, а затѣмъ появилось равнодушіе къ ней вслѣдствіе обаятельности другихъ идей; здѣсь—состязаніе этой идеи со множествомъ другихъ, болѣе критическое, спокойное отношеніе къ ней и къ тѣмъ, господству которыхъ должна была уступать она, вызванное, главнымъ образомъ, болѣе разностороннимъ развитіемъ государственной жизни. Но самое главное—это то, что XVIII в. не извѣдалъ еще возможности примѣненія этой идеи и его послѣдствій, что онъ только вѣрилъ тому образцу государственнаго устройства, на который было указано ему, и бросился изучать его, что практическое приложеніе начала раздѣленія властей относится только къ послѣднему его десятилѣтію, когда производили обаяніе уже другія идеи; между тѣмъ XIX в. имѣетъ на своей сторонѣ опыты осу-

ществленія этой идеи, бывшіе до него, правда кратковременные, но зато, можно сказать, кровавые; онъ имѣетъ и опыты болѣе спокойнаго приложенія въ современныхъ ему конституціяхъ. Такимъ образомъ на сторонѣ XIX в. преимущество заключается въ обиліи, для обсужденія, матеріала, и теоретическаго и практическаго, и въ возможности болѣе разносторонней разработки вопроса.

Уже въ концѣ XVIII в. стало обнаруживаться рѣзкое различіе между государствами нѣмецкими и французскимъ. Въ то время, какъ въ послѣднемъ были уничтожены остатки феодальныхъ учрежденій и отношеній, въ Германіи они существовали еще во всей силѣ и не поддались новымъ учрежденіямъ, которыя вводились въ ней, такъ что слѣды ихъ замѣтны и до половины настоящаго столѣтія. Между тѣмъ во Франціи, въ это время, на столько утверждалась идея народной власти, что, не смотря на всѣ крутые повороты и переходы изъ одной крайности въ другую, изъ анархіи въ деспотизмъ, она возстановлялась неослабленною въ своемъ вліяніи: всеобщая подача голосовъ и отвѣтственность императора передъ народомъ въ послѣднюю имперію хоть и послужили прекраснымъ орудіемъ въ ловкихъ рукахъ, доказываютъ, однако, что и императорскій деспотизмъ не могъ не вступить въ сдѣлки съ этой идеей. Противоположность между той и другой страной выразилась, какъ намъ извѣстно, и въ конституціяхъ: нѣмецкія конституціи, и почти всѣ, особенно послѣ вѣнскаго конгресса, выражаются такъ, что король есть верховный глава государства, что ему принадлежатъ всѣ права государственной власти (баварская 1818 г. и др.). Основываясь на этомъ различіи, нѣмецкіе писатели (Шталь, Штейнъ и мн. др.) нѣмецкое воззрѣніе на государственную власть называютъ монархическимъ, французское республиканскимъ. Но французское воззрѣніе не стоитъ особнякомъ между другими. Тѣже нѣмецкіе писатели (Шталь напр.) противополагаютъ монархическому, нѣмецкому принципу—парламентарный, который называютъ англійскимъ; а послѣдній принципъ, какъ извѣстно, даетъ народу весьма значительную долю вліянія на государственныя дѣла и признаетъ за общественнымъ мнѣніемъ такую силу, какой не найдемъ ни въ одной конституціи, только облекающейся въ республиканскія формы или ограничивающейся однимъ признаніемъ принципа народ-

ной власти. Такимъ образомъ англійскій принципъ имѣетъ весьма много сродства съ французскимъ и весьма мало съ нѣмецкимъ. Затѣмъ почти всѣ другія конституціонныя страны развивали свои учрежденія подъ вліяніемъ французскихъ идей и англійскаго государственнаго устройства; такимъ образомъ и онѣ примыкаютъ къ французскимъ и англійскимъ принципамъ *), но никакъ не къ нѣмецкому.

Это различіе между нѣмецкимъ съ одной стороны и французскимъ, англійскимъ и другими воззрѣніями съ другой, а затѣмъ сходство между послѣдними воззрѣніями заставляютъ насъ разсматривать въ томъ же порядкѣ и литературу разбираемаго нами вопроса, т. е. нѣмецкую, отдѣльно отъ прочихъ.

XIX в. открылся реакціей какъ противъ результатовъ революціи, такъ и противъ ученій этой эпохи. Обстоятельства были весьма благопріятны для такого направленія. Съ одной стороны военный деспотизмъ Наполеона и его завоеванія заставляли видѣть славу націи только въ такомъ, какъ его, могучемъ господствѣ; съ другой—быстрое паденіе государствъ и мгновенныя перемѣны конституцій казались слѣдствіемъ слабости единоличной власти или господства ученія о народныхъ правахъ и свободѣ. Въ ужасахъ революціи обвиняли тѣхъ, которые проповѣдывали новое ученіе, несогласное съ тогдашнимъ общественнымъ строемъ, хотя они умерли задолго до революціи и не предлагали своимъ послѣдователямъ убійствъ. Въ людяхъ того времени отвращеніе къ ужасамъ революціи перешло въ непріязнь ко всѣмъ ея слѣдствіямъ и къ писателямъ ея эпохи. Вслѣдствіе этого появилось стремленіе искать возрождающихъ началъ или въ учрежденіяхъ, носящихъ религіозный характеръ, по недовѣрію къ свѣтскимъ, или въ томъ порядкѣ, который былъ уничтоженъ самой революціей, или въ той власти, которая была подавлена революціей. Вмѣстѣ

*) Безъ сомнѣнія, понятіе о французскомъ принципѣ, какъ республиканскомъ, не указываетъ на то, чтобы онъ исключалъ монархическую власть, а означаетъ отношенія ея къ народной власти.

съ тѣмъ всѣ эти стремленія старались прикрѣпиться къ исторической почвѣ, старались прикрыться щитомъ исторической непрерывности и освященія временемъ.

Во французской литературѣ оказалось весьма вліятельнымъ первое направленіе—богословское. Подобно направленію, обращавшему свои мечты къ порядку, уничтоженному революціей, и это считало государство не происшедшимъ изъ общей воли, а необходимымъ дѣйствіемъ природы, созданной Богомъ: никакое общество, ни семейное, ни церковное, ни гражданское не учреждается договоромъ. Изъ этого естественнаго происхожденія государства вытекаетъ заключеніе, что народъ неспособенъ ни управлять самъ собой, ни учреждать себѣ правительство. Государство устраивается религіей, и противенъ природѣ обратный порядокъ. Поэтому духовная власть выше свѣтской и господствуетъ надъ всѣми: суверенитетъ, верховная власть заключается въ Богѣ, а непосредственно подчиненная ей свѣтская власть (pouvoir) происходитъ отъ Бога. Такъ думалъ Бональдъ (Législation primitive. 2 ed. 1817; Législation primitive, considerée par la raison ch. IX). Религіозное начало проходитъ чрезъ все общественное устройство: всюду видна троичность: отецъ, мать и дѣти въ семьѣ; Богъ, священникъ и вѣрующіе въ церковномъ союзѣ; государь, служители и подданные (pouvoir, ministres, sujets) въ государствѣ. Основной законъ государства: государственная религія, единая власть, постоянныя общественныя различія, т. е. сословныя (religion publique, pouvoir unique, distinctions sociales permanentes. Législ. prim. de la loi générale ch. X; Du ministère public; Législ. prim., consid. par la rais. ch. IX. Также: Essai analytique sur les lois naturelles de l'ordre social; Théorie du pouvoir I.) Общественная власть, какъ и домашняя, должна подчиняться одному Богу и не зависѣть отъ людей; точно также и служители ея не должны зависѣть отъ людей, а только отъ нея одной. Законы, издаваемые общественной властью, какъ бы исходятъ свыше: они должны выражать общую волю, т. е. должны быть слѣдствіемъ болѣе или менѣе отдаленнымъ, но всегда естественнымъ, основныхъ законовъ, которые суть воля верховнаго существа. Общественная власть должна быть единая; правда, въ ней различаются воля и дѣйствіе, но и то и другое исходятъ отъ нея. Воля выражается въ конституціи, въ учредительныхъ законахъ, дѣй-

ствіе проявляется въ администраціи: чѣмъ болѣе согласія между ними, тѣмъ совершеннѣе государство, подобно тому, какъ человѣкъ тѣмъ добродѣтельнѣе, чѣмъ согласнѣе его дѣйствія съ разумомъ. Поэтому ученіе Монтескье о раздѣленіи властей онъ называетъ ошибочнымъ: законъ, который предписываетъ отцу раздѣлять поровну между сыновьями недвижимое имущество, есть законъ управленія пагубнаго для земледѣльцевъ. Изъ этого ясно, что самое совершенное государство—то, которое сходно по устройству съ католическою церковью, гдѣ власть монархическая неограниченная: и въ церкви, и въ государствѣ, и въ домѣ власть всегда находится въ рукахъ одного. Ограниченіе такой власти состоитъ въ томъ, что лицо, обладающее ею, можетъ желать и дѣлать только доброе; въ противномъ случаѣ наступаетъ конецъ правительству. Народная власть есть, слѣдовательно, ничто, отвлеченіе безъ дѣйствительности, система, въ которой нѣтъ Бога, а человѣкъ—все (Législ. De la loi génér. ch. III, X). Противъ этого Раумеръ справедливо замѣчаетъ, что съ началомъ троичности весьма согласно принятіе англійской конституціи съ ея тремя силами—королемъ, верхней и нижней палатой *).

Вліятельнымъ и рѣшительнымъ проповѣдникомъ этого направленія былъ Жозефъ Де-Местръ. Въ своемъ сочиненіи: Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des autres institutions politiques онъ указываетъ на религіозное начало, какъ созидающее и сохраняющее. Конституція есть божественное установленіе; слѣдовательно, въ примѣненіи къ ней немыслима общая воля. Такого же происхожденія, конечно, и основные законы, которые не могутъ быть писанными, такъ какъ и всякое божественное учрежденіе, при своемъ началѣ, не можетъ быть писаннымъ: писанный законъ есть только необходимое зло, вызванное слабостью или злобой человѣка, и онъ ничего не значитъ, если не получилъ санкціи предшествующей и неписанной. Мало того: слабость и непрочность конституціи находятся въ прямомъ отношеніи къ писаннымъ законамъ (Тацитъ говоритъ: pessimae reipublicae plurimae leges). Сообразно съ такими начала-

*) Ueber die geschichtliche Entwickelung der Begriff von Recht., Staat und Politik. 3 Aufl. 1861.

ми въ Considérations sur la France онъ не признаетъ за народомъ и возможности дать себѣ свободу. Источникъ ея есть государь, онъ даетъ и конституцію, отъ него истекаютъ всѣ такъ называемыя права народовъ, какъ уступки съ его стороны. Права же его самого и аристократіи не имѣютъ начала и не связываются ни съ какимъ извѣстнымъ лицомъ (n'ont ni date, ni auteurs connus). Такимъ образомъ власть государя представляется всесильной. Есть только единственное средство сдерживать ее, и притомъ не вредя ея характеру,—это власть папы, который можетъ освобождать подданныхъ отъ присяги ихъ государю. (Du Pape I, 234). Безъ папы не можетъ быть свободы: христіанство водворило свободу, истинное же, совершенствующее христіанство немыслимо безъ папы. Всякая нація, свободная отъ папскаго вліянія, идетъ или къ рабству, или къ возмущенію. Папство есть лучшая, болѣе естественная для человѣка форма правительства (II, 128 и др.). Такимъ образомъ и идеалъ свѣтскаго устройства у Де-Местра—папство и католическая церковь, учрежденія, которыя не могли мириться съ раздѣленіемъ властей. Да и вообще богословское направленіе, по существу своему, не можетъ допустить этого начала, не смотря на его совпаденіе съ троичностью. Одинъ глава государства получаетъ свыше власть, которая освящается самой божественной передачей; онъ не можетъ ее передать, также какъ и дробить, раздѣлять съ другими, потому что, чтобы содержать хоть часть такой власти, на это нужно высшее освященіе. Хотя самъ государь пользуется властью свободно, но онъ не полнѣйшій ея господинъ, а дѣйствуетъ подъ верховнымъ началомъ. Безъ сомнѣнія, такое освященіе предполагается при каждомъ актѣ, а не испрашивается каждый разъ особо; но для такого предположенія необходима власть, которая бы своему происхожденію не знала ни числа, ни виновника, власть, слѣдовательно, освященная историческимъ наслѣдствомъ, легитимная. Ученіе о раздѣленіи властей не можетъ быть допускаемо этимъ направленіемъ и потому, что раздѣленіе ставитъ власть въ предѣлы или даже создаетъ противодѣйствіе. Предѣлы же власти назначены самымъ ея божественнымъ происхожденіемъ, внѣ котораго они и не могутъ быть установлены. Что же касается до противодѣйствія, то оно выставляется силой духовной—папой. Въ такомъ противодѣйствіи, по словамъ Де-Местра, нѣтъ противорѣ-

чія божественному происхожденію свѣтской власти, потому что та и другая власть одинаковаго происхожденія, такъ что мы можемъ допустить, что въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ одна изъ нихъ (свѣтская) подчиняется другой. Если судебная власть, продолжаетъ онъ, лишаетъ напр. отца права воспитывать своихъ дѣтей, то этимъ она сдерживаетъ его власть только въ границахъ, а не оспариваетъ ни ея законности, ни характера, ни объема. Притомъ такое право сопротивленія, перенесенное не на подданныхъ, а на другую власть, не доводитъ до революціи или до какого либо нарушенія суверенитета (Du Pape I, 234). Такъ какъ надъ свѣтской властью стоитъ еще высшая, духовная, то раздѣленіе ея въ видахъ развитія свободы не приводитъ ни къ какимъ результатамъ, потому что она—власть несамостоятельная: нужно прилагать этотъ принципъ и къ высшей, духовной власти, что̀ немыслимо. Слѣдовательно богословское направленіе должно было стать отрицательно къ раздѣленію властей, а особенно къ такому, которое подчиняло исполнительную власть или государя законодательной или представителямъ народа *).

Отрицаніе раздѣленія властей встрѣчается и не въ однихъ реакціонныхъ сочиненіяхъ французской литературы настоящаго столѣтія. И позднѣе, когда уже улеглась реакція, порожденная какъ богословскимъ, такъ и другими направленіями, нѣкоторые писатели возставали противъ этого начала, указывая на его противорѣчіе понятію о власти, какъ единой **). Но число такихъ пи-

*) Противъ такихъ результатовъ богословскаго направленія можно повидимому указать на Ламне. Но это только повидимому, потому что направленіе Ламне не чисто богословское: это богословскій республиканизмъ. Если строго держаться богословскихъ началъ, то придешь къ противоположнымъ выводамъ, чѣмъ Ламне.

**) Къ числу ихъ Моль относитъ Сисмонди (Gesch. und Liter. I, 273), сочиненія котораго: Examen de la constitution française я, къ сожалѣнію, не имѣлъ подъ руками.

сателей во Франціи весьма незначительно сравнительно съ числомъ послѣдователей Монтескье.

Отсутствіе единства между властями въ теоріи Монтескье было, какъ уже извѣстно, достаточно указано его критиками еще въ XVIII в. Большинство ихъ обращало вниманіе на народную власть, какъ на ту связь, которая должна проходить чрезъ всѣ власти и водворять между ними единство. Революція сдѣлала опыты ея осуществленія; но печальныя крайности революціонныхъ увлеченій заставили сомнѣваться въ силѣ и пользѣ народовластія и обратиться къ тому, что было подавлено ими—къ королевской власти. Думать о возстановленіи ея въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до революціи, было несвоевременно: поэтому явились попытки согласить ее съ новыми требованіями жизни, явилось стремленіе облечь ее величіемъ и могуществомъ и въ тоже время поставить ее въ такое положеніе, чтобы она не могла подавлять другія власти. Ясно, что такого рода попытки отправлялись отъ раздѣленія властей, но, при этомъ, королевскую власть онѣ выводили изъ круга тѣхъ отношеній, въ какихъ та была поставлена у Монтескье. Такова была попытка Бенжамена Констана ввести четыре власти, согласивъ ихъ съ теоріей раздѣленія. Къ послѣдней онъ относился весьма сочувственно: онъ заявлялъ, что все, что́ не касается границъ и правъ властей и политическихъ и индивидуальныхъ правъ, все это не можетъ быть введено въ конституцію. Раздѣленіе властей, говорилъ онъ, гарантія свободы, прекрасно, потому что оно приближаетъ, на сколько возможно, интересы правителей къ интересамъ управляемыхъ. Люди, обязанные исполненіемъ законовъ, имѣютъ въ своихъ рукахъ, по самой власти, тысячу средствъ избѣгнуть ихъ же дѣйствія. Слѣдовательно, если имъ будетъ принадлежать право издавать законы, то можно опасаться тогда, что послѣдніе будутъ составляемы людьми, которые не побоятся того, что имъ же придется подчиняться этимъ законамъ. Отдѣляя составленіе законовъ отъ исполненія,

мы достигаемъ того, что составители закона, если они представляютъ главную власть по отношенію къ его началамъ, управляются въ его приложеніи (s'ils sont gouvernants en principe, sont gouvernés en application) и что тѣ, которые исполняютъ его, если они составляютъ главную власть при его приложеніи, подчиняются его началамъ (s'ils sont gouvernants en application, sont gouvernés en principe) *).

Въ своемъ ученіи Констанъ исходитъ изъ состоянія столкновенія властей, а не изъ ихъ постоянной, спокойной дѣятельности; въ виду у него одна сторона ихъ отношенія—ихъ равновѣсіе, которое и должно вести къ правильной дѣятельности. Для того, чтобы власти исполнительная, судебная и законодательная, при столкновеніяхъ, сдерживались и возстановлялись въ своихъ границахъ, необходима особая сила. Такая сила не можетъ заключаться ни въ одной изъ нихъ, иначе она будетъ, доставляя перевѣсъ одной власти, подавлять другія; она должна быть внѣшнею (т. е. стоящею внѣ ихъ, не заключающеюся въ нихъ?), нейтральною, такою, которая дѣйствовала бы вездѣ, гдѣ это необходимо, должна быть властью предохраняющею, возстановляющею, а не враждебною. Такая сила должна выразиться въ особой власти—королевской, какъ называетъ Констанъ, или монархической (каковъ бы ни былъ титулъ государя). Слѣдовательно Констанъ принимаетъ четыре власти: монархическую, законодательную, исполнительную или министерскую (послѣднее названіе онъ считаетъ даже болѣе точнымъ) и судебную (Principes de politique ch. II; Réflexions ch. I) **). Монархическая власть есть и

*) Réflexions sur les constitutions, по изд. Лабулле: Cours de politique constitutionnelle, 1861; t. I, 182.

**) Въ первомъ указанномъ мѣстѣ онъ различаетъ пять властей, существующихъ въ конституціонной монархіи: 1) монархическую, 2) исполнительную, 3) власть представительную продолжительную, наслѣдственную, 4) власть представительную мнѣнія, 5) судебную. Это раздѣленіе не имѣетъ никакой научной точности и представляетъ смѣшеніе разныхъ мѣрокъ: формы и существа властей. Самъ Констанъ, хотя не одинъ разъ упоминаетъ о пяти властяхъ, не держится этого дѣленія: двѣ представительныя власти одинаковы у него по дѣятельности—онѣ составляютъ законы. Во второмъ же сочиненіи онъ принимаетъ только четыре власти, не различая представительныхъ; зато, при этомъ, онъ полагаетъ, что слѣдовало бы смотрѣть на муниципальную власть, какъ на особенную отъ другихъ, и находитъ, что ее неосновательно смѣшиваютъ съ исполнительною (ст. 175, прим. 2).

посредствующая между остальными и въ тоже время высшая; въ ея интересѣ не нарушать ихъ равновѣсія, а всячески поддерживать его (Cours I, 19, 176). Здѣсь имѣется въ виду, слѣдовательно, единство, но не то, о которомъ говорили многіе изъ приведенныхъ уже нами писателей, не соединеніе властей въ одной, а единство только въ ихъ дѣйствіи и по отношенію другъ къ другу: исполнительная, законодательная и судебная власти должны содѣйствовать каждая въ своей области общему движенію, и истинный интересъ главы государства состоитъ въ томъ, чтобы онѣ не подавляли одна другую, а поддерживали бы другъ друга и дѣйствовали бы согласно. Единство, котораго стараются достигнуть передачею всей суммы власти одной изъ дѣйствующихъ властей, по мнѣнію Констана, невозможно; мало того—составляетъ существенный недостатокъ почти всѣхъ конституцій. Если эта сумма власти перенесена на законодательную, то законъ, долженствующій простираться только на опредѣленные предметы, охватитъ все, такъ что, слѣдовательно, произволъ и тиранія будутъ безъ конца; если же ею будетъ облечена исполнительная власть, то настанетъ деспотизмъ (I, 19, 20, 177).

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Констана слышится отголосокъ мнѣній Монтескье, не допускавшаго по такимъ же причинамъ, а иногда даже въ сходныхъ выраженіяхъ, соединенія одной власти съ другою. Но невозможность безусловнаго проведенія начала раздѣленія была обнаружена и политическими событіями и ученіями, такъ что послѣдователямъ Монтескье предстояло согласить его выводы съ заявленіями и теоріи и дѣйствительности. Констанъ и думалъ совершить это соглашеніе, разложивъ исполнительную власть на двѣ: государеву и министерскую. Такая попытка, по мнѣнію Аретина, была совершенно естественной: скоро, послѣ отдѣленія исполнительной власти, говоритъ онъ, оказалось, что не только съ нею тѣсно соединены другія власти, а что въ королевской власти—какъ въ ея идеѣ, такъ и въ реальности—скрывается сила, необъяснимая словами, и что сверхъ того ученіе о безотвѣтственности государя, соединенной съ отвѣтственностью министровъ, само по себѣ уже заявляетъ объ отдѣленіи королевской отъ исполнительной власти министровъ *). Но такой

*) Aretin, Staatsrecht der constitution. Monarchie, 1824—1828, I, 169.

пріемъ былъ, впрочемъ, не новъ. Констанъ самъ признаетъ себя въ этомъ отношеніи послѣдователемъ Клермонъ Тоннера, слова котораго онъ и приводитъ *). Основаніе для такого разложенія онъ видитъ и во французской конституціи **), которая, установляя отвѣтственность министровъ, ясно отличаетъ министерскую власть отъ королевской. Невозможно отрицать, говоритъ онъ, чтобы министры, будучи отвѣтственны, не имѣли власти, собственно принадлежащей имъ до извѣстной степени. Если смотрѣть на нихъ, какъ только на пассивныхъ и слѣпыхъ агентовъ, то ихъ отвѣтственность была бы несправедлива и нелѣпа, или, по крайней мѣрѣ, они подлежали бы ей только передъ государемъ за точное исполненіе его приказаній. Такимъ образомъ различіе между властями отвѣтственною и неприкосновенною есть существенное и основное и служитъ ключомъ ко всякой политической организаціи. При смѣшеніи этихъ двухъ властей, при пониженіи монархической до уровня исполнительной или при возвышеніи исполнительной до степени монархической, два вопроса становятся неразрѣшимыми: объ удаленіи отъ должности органовъ исполнительной власти (т. е. министровъ) и объ ихъ отвѣтственности. Власть министровъ есть активная, дѣйствующая, власть монарха—нейтральная. Глава государства не можетъ дѣйствовать вмѣсто другихъ властей, и этимъ отличается абсолютная монархія отъ конституціонной. Только въ послѣдней, странѣ свободной, и можетъ быть такое нейтральное положеніе короля, столь необходимое для настоящей свободы. Здѣсь король есть существо особенное, стоящее надъ разнообразіемъ всѣхъ мнѣній, не имѣющее другаго интереса кромѣ поддержки порядка и свободы, не могущее стать никогда въ положеніе общее съ другими, недоступное, слѣдовательно, всѣмъ страстямъ, которыя порождаются такимъ положеніемъ. Такое величественное положеніе власти должно водворить въ умѣ и душѣ монарха то спокойствіе, которое не можетъ быть удѣломъ ни одного простаго смертнаго, ни одного человѣка низшаго состоянія.

---

*) Въ монархической власти заключаются двѣ различныя власти: исполнительная, облеченная положительными прерогативами, и королевская (royal), опирающаяся на воспоминанія и религіозныя преданія. Т. I, 176.

**) Сочиненіе Principes de politique, гдѣ онъ говоритъ это, вышло въ маѣ 1815 г.

Монархъ носится, такъ сказать, надъ человѣческими волненіями (I, 18—22, 292 и сл.). Существо его представляется, такимъ образомъ, нечеловѣческимъ (81): ему недоступны людскія страсти, волненія, онъ стоитъ выше житейскихъ отношеній и потребностей. Его положеніе напоминаетъ собою тѣхъ законодателей, которыхъ представляли себѣ нѣкоторые писатели, какъ существъ божественнаго происхожденія.

Чтобы занимать это нейтральное положеніе, государь долженъ пользоваться такою властью, вслѣдствіе которой онъ не принималъ бы никакого дѣятельнаго, положительнаго участія въ ходѣ дѣлъ, а смотрѣлъ бы только за тѣмъ, чтобы одна власть не вторгалась въ область другихъ. Дѣятельность, такимъ образомъ, отрицательная, пассивная, не имѣющая себѣ оправданія ни въ теоріи, ни въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ можетъ ли власть, признанная высшей, ограничиться такой наблюдательной ролью, удовольствоваться не только спокойнымъ состояніемъ, а и отсутствіемъ всякой дѣятельности? Если ограничится она этимъ, то за ней останется только почетное положеніе—и ничего болѣе. Власть, особенно та, которая въ общемъ сознаніи считается высшею, но не имѣетъ соотвѣтствующей своему положенію дѣятельности, хорошо понимаетъ, что, для поддержанія этого сознанія и уваженія къ себѣ, ей необходимо не пребывать въ спокойномъ состояніи, а проявлять свою силу, и какъ можно чаще, чтобы быть, такъ сказать, у всѣхъ на виду. И чѣмъ менѣе ея права соотвѣтствуютъ ея положенію, тѣмъ сильнѣе въ ней желаніе выдти изъ этого несоотвѣтствія и заявить свою силу. Тѣмъ менѣе, слѣдовательно, можетъ она удовлетвориться своимъ почетнымъ, и спокойнымъ состояніемъ *). Противоположное предположеніе, что она не выкажетъ и желанія выдти изъ круга своей дѣятельности, возможно именно только при

*) Самъ Констанъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о недостаткѣ представительныхъ государствъ—множествѣ законовъ, указываетъ на склонность всякой власти проявлять свою силу въ слѣдующихъ весьма сильныхъ выраженіяхъ: всегда, какъ только дается человѣку какое либо особенное назначеніе, онъ предпочитаетъ дѣлать больше, чѣмъ меньше. Тѣмъ, на кого возложена обязанность ловить по большимъ дорогамъ бродягъ, готовы заводить ссору со всѣми путешественниками. Когда шпіонамъ не о чемъ доносить, они изобрѣтаютъ. Стоитъ только учредить въ странѣ министерство, которое должно открывать заговорщиковъ, какъ постоянно будемъ слышать о заговорахъ... I, 31, 184.

ея безстрастности. Но возможно ли такое безстрастіе, равнодушіе ко всѣмъ мнѣніямъ и волненіямъ людей въ лицѣ, пользующемся властью, какой бы власти оно ни было представителемъ?... Безъ сомнѣнія, страсти находятся въ прямой зависимости отъ внѣшней обстановки и положенія человѣка; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы по мѣрѣ его возвышенія уменьшались и онѣ: многія страсти, при такомъ возвышеніи, ослабляются, исчезаютъ, но вмѣсто ихъ выступаютъ новыя, усиливаются другія, которыя, находясь въ тѣсной связи съ его качествами и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, проявляютъ себя болѣе или менѣе рѣзко. Такъ напр. желаніе пользоваться властью и сохранять ее находится въ прямомъ отношеніи къ положенію человѣка. Мы не можемъ сказать, чтобы въ человѣкѣ, не имѣющемъ власти, было сильно желаніе сохранить ее за собою, и съ увѣренностью можемъ утверждать противное; мы не можемъ сказать, далѣе, чтобы въ человѣкѣ, пользующемся властью, желаніе сохранить и заявить ее было сильнѣе въ то время, когда никто не оспариваетъ ее, чѣмъ въ то время, когда въ другихъ является желаніе отнять ее у него или ограничить. По всему этому монархъ не можетъ являться съ такимъ характеромъ, какой придаетъ ему Констанъ; онъ не можетъ быть безучастенъ ко всѣмъ мнѣніямъ и волненіямъ людей, и прежде всего къ тѣмъ, которыя направлены противъ него. Констанъ и самъ сознаетъ трудность сохранить монарху такое спокойное положеніе и полагаетъ это возможнымъ при наслѣдственности власти. Наслѣдственный государь, по его словамъ, есть существо отдѣльное. стоящее на вершинѣ зданія; его преимущество свойственно ему и составляетъ постоянную принадлежность не только его, но и всего рода, съ его начала и до пресѣченія; оно отдѣляетъ его отъ всѣхъ индивидуумовъ государства. Но тѣмъ не менѣе его положеніе заставитъ и его выходить изъ спокойнаго состоянія. Къ этому же онъ будетъ приведенъ и своимъ отношеніемъ къ другимъ властямъ, которое не можетъ сдерживать его въ предѣлахъ такого состоянія. Онъ будетъ нейтральнымъ къ другимъ властямъ только въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а не въ ихъ отношеніяхъ къ нему. При обыкновенномъ дѣленіи властей, принятомъ по примѣру Монтескье конституціонными писателями, каждая власть смотритъ за тѣмъ, чтобы другая не нарушала ея правъ, и сдерживаетъ ее, что естественно

вытекаетъ изъ того положенія, что власть охраняетъ себя; слѣдовательно, каждая власть поддерживаетъ себя въ равновѣсіи съ другими. По теоріи Констана, въ случаяхъ нарушенія равновѣсія властей, посредникомъ, третейскимъ судьей является власть короля. Такимъ судьей можетъ быть только власть непричастная этому равновѣсію, которая никоимъ образомъ не можетъ нарушить его и, слѣдовательно, стать судьей самой себя. Относительно короля, такимъ образомъ, не должна имѣть мѣста теорія равновѣсія.

Можно ли сказать послѣ этого вмѣстѣ съ Констаномъ, что королевская власть есть нейтральная въ противоположность министерской—дѣйствующей? Если принять это, то направленіе ея дѣятельности вполнѣ охарактеризуется словомъ наблюденіе. Между тѣмъ Констанъ не признаетъ этого: онъ опровергаетъ Шатобріана, который, принявъ его начала, придалъ монарху качество наблюдателя. Шатобріанъ говоритъ: „такъ какъ король не можетъ принудить своего министра, то онъ не можетъ и настаивать, если послѣдній не подчиняется его мнѣнію. Министръ дѣйствуетъ, дѣлаетъ ошибку, падаетъ, и король перемѣняетъ свое министерство.“ Констанъ не признаетъ этихъ словъ за выраженіе своего мнѣнія. Онъ говоритъ, что когда король видитъ своего министра готоваго совершить ошибку, онъ не остается безучастнымъ, не допускаетъ его совершить ее, такъ какъ отъ нея будетъ страдать народъ. Онъ не принуждаетъ своего министра, но отсылаетъ его прежде, чѣмъ будетъ совершена имъ ошибка (I, 297) *). Если ошибся Шатобріанъ, то развѣ только тѣмъ, что онъ въ этомъ случаѣ былъ послѣдовательнѣе Констана, и мнѣніе его прямо вытекало изъ характера, придаваемаго послѣднимъ дѣятельности монарха. Приведенное же опроверженіе Констана еще болѣе доказываетъ невозможность назвать министровъ активной властью, а короля нейтральной,—доказываетъ, что онъ можетъ быть нейтральнымъ только во взаимныхъ отношеніяхъ другихъ властей, а не по отношенію къ каждой изъ нихъ. Право же, предоставленное королю и ограниченія котораго палатскимъ большинствомъ и во-

*) Приведенныя слова Шатобріана находятся въ La monarchie selon la charte, ch. 5.

обще вліяніемъ палатъ Констанъ не допускаетъ, право назначать министровъ совершенно выводитъ короля изъ его нейтральнаго положенія. Если принимать такое положеніе, то только какъ формальное, напримѣръ въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимается извѣстное англійское выраженіе: „король не можетъ ошибаться“. И какъ послѣднее даетъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ, часто несогласнымъ одно съ другимъ, къ такимъ же толкованіямъ поведетъ и принятіе послѣдняго положенія.

Въ дѣйствительности формальное положеніе не соотвѣтствуетъ тѣмъ правамъ, какія принадлежатъ, по мнѣнію Констана, монарху въ конституціонномъ государствѣ (I, 28; Réflexions... ch. II). Ему принадлежатъ: право назначать и смѣнять исполнительную власть, т. е. министровъ; право санкціи; право созывать, распускать законодательное собраніе и отсрочивать его засѣданія; назначать судей, право миловать, рѣшать о мирѣ и войнѣ, раздавать награды,—права, слѣдовательно, входящія въ кругъ не одной отрицательной дѣятельности, а и положительной. Можно ли согласиться послѣ этого со слѣдующей характеристикой королевской власти, которую дѣлаетъ Констанъ: „Когда граждане, раздѣленные между собою интересами, вредятъ другъ другу, нейтральная власть отдѣляетъ ихъ, разрѣшаетъ ихъ притязанія, охраняетъ одного отъ другаго. Это—власть судебная. Точно также, когда государственныя власти раздѣляются и готовы вредить другъ другу, нужна нейтральная власть, которая бы дѣлала относительно ихъ тоже самое, что дѣлаетъ судебная по отношенію къ индивидуумамъ. Это—власть государя въ конституціонной монархіи. Такимъ образомъ его власть есть какъ бы судебная по отношенію къ другимъ властямъ“. Дѣятельность, по этимъ словамъ, слѣдовательно, характера преимущественно отрицательнаго, назначенная къ тому, чтобъ одна власть не нарушала правъ другой и не злоупотребляла бы своей силой (I, 179). Если даже примемъ и то значеніе, которое придаетъ онъ ей въ другомъ мѣстѣ (19), какъ власти предохранительной, возстановляющей, что даетъ ея дѣятельности еще полицейскій характеръ, то и этимъ все таки не разрѣшится противорѣчіе между ея положительными правами и отрицательнымъ значеніемъ. Какъ увидимъ ниже, Констанъ старается разрѣшить это противорѣчіе тѣмъ, что самыя положительныя права сводитъ на степень номинальныхъ,

Но Констанъ не останавливается только на этомъ несоотвѣтствіи формальнаго положенія монархической власти существу ея дѣятельности. Онъ говоритъ, что исполнительная власть истекаетъ изъ королевской; но изъ того, прибавляетъ онъ, что она исходитъ отъ короля, не слѣдуетъ, чтобы она была королемъ, точно также, какъ представительная власть не есть народъ, хотя она выходитъ изъ народа (179). Если и такъ, то народные представители не могутъ быть отдѣлены отъ народа: если въ своей дѣятельности они не стѣсняются какими либо предписаніями и пользуются значительной самостоятельностью, то всегда только подъ страхомъ отвѣтственности передъ народомъ и притомъ отвѣтственности за злоупотребленіе той властью, которая вручена имъ избирателями или народомъ. Слѣдовательно если представители не народъ, то они ни болѣе, ни менѣе, какъ его политическіе органы. Въ понятіяхъ, въ рѣчи, какъ политической, такъ и обыкновенной, отношеніе между представителями и народомъ представляется такимъ, что говорятъ, народное желаніе, народъ желаетъ, понимая подъ этими словами дѣйствія и заявленія представителей. Такимъ образомъ сравненіе, приведенное Констаномъ, говоритъ только въ пользу того, что исполнительная, т. е. министерская власть, по своему характеру, находится въ такомъ отношеніи къ королевской, что трудно отдѣлять ихъ. Мы знаемъ, что судебная власть признается истекающею изъ верховныхъ правъ королевской; но по ея характеру и по независимому положенію судей, между ею и той дѣятельностью, которая составляетъ существеннѣйшую принадлежность монархической власти, можно провести болѣе рѣзкую границу, чѣмъ между послѣднею и министерскою властью.—Но Констанъ идетъ и далѣе такого указанія связи между этими двумя властями: онъ смѣшиваетъ ихъ. Говоря о принадлежности законодательной санкціи королю, онъ исходитъ отъ отдѣленія исполнительной власти, отъ законодательной. Когда, говоритъ онъ, власть, обязанная слѣдить за исполненіемъ законовъ, не имѣетъ права противиться изданію тѣхъ изъ нихъ, которые кажутся ей опасными, тогда раздѣленіе властей вмѣсто того, чтобы быть гарантіей свободы, какъ обыкновенно, становится бичемъ. Не полагая границъ законодательной власти, приходятъ къ тому, что одна часть людей составляетъ законы, нисколько не безпокоясь о злѣ, причиняемомъ

ими, а другая часть исполняетъ ихъ, считая себя невиновною въ этомъ злѣ, такъ какъ не участвовала въ ихъ составленіи. Въ тысячу разъ лучше въ такомъ случаѣ, чтобы власть, которая исполняетъ законы, была призвана и къ участію въ законодательной дѣятельности. По крайней мѣрѣ оцѣнятся затрудненія и огорченія, связанныя съ исполненіемъ.—Другая причина права королевской санкціи заключается въ слѣдующемъ. Когда государь содѣйствуетъ составленію законовъ и когда необходимо его согласіе, ихъ недостатки не могутъ быть такими, какъ въ то время, когда окончательная сила рѣшенія принадлежитъ представительному собранію. Государь и министры поучаются опытомъ. Если они не могутъ быть руководимы сознаніемъ того, что должно быть, то руководятся знаніемъ того, что можетъ быть. Представительная власть никогда не сталкивается съ опытомъ. Невозможности для нея никогда не существуетъ. Ей нужно только желать, другая власть исполняетъ.—Еще причина состоитъ въ томъ, что власть, обязанная оказывать поддержку закону, который она порицаетъ, становится безсильною и теряетъ уваженіе. Безсильною становится потому, что ей не повинуются ея агенты, увѣренные въ томъ, что она не будетъ недовольна ими за то, что они не исполняютъ предписаній неугодныхъ ей; теряетъ уваженіе, потому что прилагаетъ силу къ мѣрамъ, осуждаемымъ ею самой.—Наконецъ еще причина та, что никакая власть не исполняетъ съ усердіемъ закона, который она порицаетъ (I, 182,183). Все это мѣсто, приведенное нами, должно служить доказательствомъ необходимости предоставленія королевской власти права санкціи. Самая необходимость выводится здѣсь изъ взаимнаго отношенія двухъ силъ—исполненія и законодательства: необходимо, потому что король—власть, обязанная слѣдить за исполненіемъ законовъ, поддерживать ихъ и исполнять. Такимъ образомъ королевская власть есть исполнительная: король и министры представляются органами одной и той же власти. Это смѣшеніе или, вѣрнѣе сказать, сліяніе совершенно ясно наконецъ и тамъ, гдѣ онъ говоритъ о необходимости абсолютнаго вето въ видахъ какъ достоинства короля, такъ и самаго исполненія законовъ (184).

Мы видѣли, каковы права и дѣятельность конституціоннаго монарха Въ чемъ же состоитъ дѣятельность исполнительной власти или министровъ? Уже выше сказано, что Констанъ называетъ ее активною въ противоположность нейтральной—королев-

ской; активная—потому что если она не захочетъ дѣйствовать, то послѣдняя не можетъ никоимъ образомъ ни принудить ее къ этому, ни дѣйствовать безъ нея, и ей ничего не остается дѣлать, какъ перемѣнить министровъ. Министерская власть есть на столько единственная пружина исполненія въ свободной конституціи, что монархъ ничего не предлагаетъ иначе, какъ чрезъ ея посредство; онъ ничего не предписываетъ безъ того, чтобы подпись министровъ не представляла націи ручательства въ ихъ отвѣтственности. Въ одномъ только случаѣ монархъ рѣшаетъ одинъ—при назначеніи министровъ: это его неоспоримое право. Но какъ скоро дѣло идетъ о прямомъ дѣйствіи или даже о предложеніи какой нибудь мѣры, министерская власть обязана стоять впереди для того, чтобы обсужденіе или сопротивленіе палатъ не компрометировало главы государства (26, 27, 293, 294).

Послѣ этого естественно представляется для разрѣшенія вопросъ: каково же положеніе министерской власти между другими и отношеніе ея къ нимъ? Представляется ли ея дѣятельность на столько опредѣленною, какъ другихъ, и можетъ ли она быть поставлена какъ отдѣльная власть? По своимъ правамъ исполненія она является не самостоятельною властью, а необходимымъ органомъ королевской, какъ исполнительной. Кромѣ того, министры самостоятельно пользуются правомъ законодательной иниціативы вмѣстѣ съ другими членами законодательнаго собранія и подписываютъ отъ себя лично всѣ акты исполнительной власти. (Réflexions, ch. III.) И то и другое право принадлежитъ имъ ради неприкосновенности королевскаго величія. Вмѣстѣ съ Шатобріаномъ Констанъ принимаетъ невозможность внесенія министрами отъ имени короля законодательныхъ проектовъ. Первый видитъ несообразность такого внесенія въ томъ, что министры какъ бы заставляютъ короля говорить въ первомъ лицѣ, представляютъ его обдумавшаго и обсудившаго ихъ проектъ, что затѣмъ слѣдуютъ измѣненія закона, такъ что необходимъ другой ордонансъ, въ которомъ бы объявлялось божею милостью, что король (т. е. министры) ошибался. Имя короля, поставленное въ заголовкѣ, пли внушитъ палатамъ такое уваженіе, что исчезнетъ въ нихъ всякая свобода и они подпадутъ министерскому деспотизму, или же оно не свяжетъ ихъ, такъ что выразится презрѣніе къ королевской власти. Констанъ также находитъ, что вмѣшивать имя короля въ обсужденіе за-

конодательныхъ проектовъ значитъ выводить его власть изъ своей сферы и призывать ее ко вмѣшательству въ различныя мнѣнія. Иными словами—заставлять короля отвѣчать за министровъ, тогда какъ по конституціи министры должны отвѣчать за короля. И тотъ и другой поэтому находятъ, что имя короля должно прилагаться къ закону, а не къ законодательному проекту; Констанъ прибавляетъ, что король только предлагаетъ, по французской хартіи, составить законъ о такомъ то предметѣ. (Réflexions; note F). И въ исчисленіи правъ королевской власти, говоря о законодательной санкціи, онъ не упоминаетъ о правѣ иниціативы. Это право, принадлежащее министрамъ, дѣлаетъ власть ихъ весьма почтенною и ставитъ ихъ наряду съ представительными собраніями, какъ органами законодательной власти. Правда, Констанъ ослабляетъ это министерское право утвержденіемъ, что правительство почти никогда не воспользуется имъ, такъ какъ оно пойметъ, что его достоинство заключается болѣе въ ожиданіи, чѣмъ въ предупрежденіи, потому что когда оно предлагаетъ проектъ закона, то оно же и подвергается сужденію палатъ; въ противномъ случаѣ, наоборотъ, оно становится судьей палатъ (69). Но фактическая сторона не уничтожаетъ правовой и министерская власть является самостоятельною и можетъ самостоятельно вмѣшиваться въ законодательныя дѣла.—По тѣмъ же причинамъ—чтобы не вмѣшивать имя короля въ пренія, чтобы не подвергать это имя оцѣнкѣ, укорамъ, обсужденіямъ—министры должны подписывать акты, относящіеся до исполненія, лично отъ себя (192, 304). Предположите, говоритъ онъ, что обнародованъ противозаконный ордонансъ, за который министръ подвергается суду; не будетъ ли зломъ, если въ процессѣ, который привлекаетъ на себя вниманіе Франціи и Европы, то, что составляетъ corpus delicti, будетъ подписано королемъ? Не произойдетъ ли неизбѣжно вслѣдствіе этого пагубное смѣшеніе понятій въ умѣ той части народа, которой мало знакомы конституціонныя начала? Не подумаетъ ли она, что обвиняется самъ король?.. Министры пожелаютъ его подписи не для чего иного, какъ для своего извиненія тѣмъ, что они были принуждены контрасигновать. (Réflex n. F.) Здѣсь нужно замѣтить, что контрасигнованіе министровъ должно быть принимаемо въ томъ смыслѣ, что никакой актъ, исходящій отъ государя, не можетъ не быть скрѣпленъ ихъ подписью, а не въ томъ, что

всякій министерскій актъ долженъ быть подписанъ государемъ. Такимъ образомъ множество актовъ, не имѣющихъ важнаго значенія, является за подписью только министровъ. Итакъ, если министры пользуются самостоятельно правомъ внесенія законодательныхъ проектовъ, подобно самостоятельнымъ органамъ другой власти, то они пользуются имъ, какъ и правомъ подписывать исполнительные акты, не въ силу своей власти, а ради сохраненія величія королевскаго имени.

Здѣсь мы наталкиваемся на цѣлый рядъ противорѣчій у Констана. Такъ онъ находитъ совершено послѣдовательнымъ, что по французской хартіи король предлагаетъ составить законы о такомъ-то предметѣ (303). Но такое предложеніе, такое желаніе короля не можетъ быть высказано въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: безъ сомнѣнія, онъ долженъ заявить не только о предметѣ своего желанія, но и о планѣ, содержаніи закона. Такимъ образомъ законодательное движеніе исходитъ въ этомъ случаѣ отъ короля. Далѣе припомнимъ, что Констанъ выводитъ изъ необходимости исполненія право королевской санкціи. Между тѣмъ исполнительная власть предоставляется министрамъ. Поэтому было бы совершенно послѣдовательно имъ предоставить и право законодательной санкціи, такъ какъ король не имѣетъ отношенія къ исполненію. Но главное: какъ это право, такъ и ихъ право контрасигновать акты королевской власти отрицаетъ то основаніе, на которое опирался Констанъ при отдѣленіи ихъ въ самостоятельную власть. Онъ говорилъ, что трудно отвѣчать за то, въ чемъ не имѣешь власти, что если министры отвѣтственны, то они должны пользоваться и властью, собственно имъ принадлежащею. А между тѣмъ въ указанныхъ случаяхъ ихъ отвѣтственность прямо прикрываетъ распоряженія другой власти своими правами. Не менѣе очевидно такое противорѣчіе Констана и въ другихъ случаяхъ. Такъ онъ находитъ, что исполнительная власть, состоящая изъ министровъ, смѣняемыхъ и назначаемыхъ однимъ человѣкомъ, не на столько сильна, не на столько величественна, чтобы принять на себя всю тяжесть страшной отвѣтственности въ столь важномъ вопросѣ, каковъ о войнѣ и о мирѣ. Чтобы достоинство народа, управляемаго монархически, сохранялось неприкосновенно, нужно ввѣрить его охраненіе монарху, имя котораго будетъ связано съ тѣмъ, что происходитъ славнаго или безчестнаго въ его

царствованіе (Réflex. п. Е). И не только въ потомствѣ имя короля будетъ связано съ его дѣйствіями, но и въ современномъ ему обществѣ оно будетъ подвергаться обсужденіямъ. Послѣдствія рѣшенія государя о войнѣ или мирѣ, плодотворныя или вредныя, будутъ обсуждаться нерѣдко и въ парламентѣ: избѣгнуть этого нельзя; слѣдовательно нельзя избѣгнуть и того, чтобы имя короля, а тѣмъ болѣе его дѣйствія оставались неприкосновенными для слова. Самъ же Констанъ ввѣряетъ національному чувству представительныхъ собраній поддержку правительства, когда война справедлива, а также и возможность принудить правительство къ заключенію мира, когда достигнута цѣль обороны и безопасность обезпечена (105, 300). Итакъ вся тяжесть обсужденія должна въ этомъ случаѣ падать на короля, а исполнительная власть, не рѣшающая этихъ вопросовъ, не должна подлежать и отвѣтственности за нихъ. Но Констанъ, однако, говоритъ и здѣсь объ отвѣтственности и тѣхъ же министровъ. Они будутъ отвѣчать, говоритъ онъ, не за объявленіе войны, что̀ не принадлежитъ къ ихъ вѣдѣнію, а за то, что остались на своемъ мѣстѣ, тогда какъ война, по своей причинѣ, была несправедлива и незаконна. Уже не говорю о томъ, что опредѣленіе законности и справедливости войны представляется весьма затруднительнымъ даже въ наукѣ международнаго права, съ чѣмъ согласенъ и Констанъ; для государственныхъ дѣятелей оно представляетъ еще болѣе трудностей, потому что здѣсь значительное вліяніе имѣетъ личный взглядъ, потому что они легко могутъ оскорбляться такими фактами, которые въ глазахъ другихъ представляются въ иномъ свѣтѣ, такъ какъ въ политическія дѣла они вносятъ свое личное участіе и, слѣдовательно, на иные вопросы могутъ смотрѣть съ точки зрѣнія личной чести. Слѣдовательно, министры должны покидать свои мѣста за личную политику другой власти; но это возможно только тогда, когда они сами принимаютъ въ ней участіе, когда они составляютъ необходимое дополненіе этой власти. Констанъ далѣе сравниваетъ отвѣтственность министра за объявленіе войны и заключеніе мира съ отвѣтственностью министра финансовъ, который, согласившись на желаніе короля взимать налоги безъ утвержденія законодательной власти, отвѣчаетъ не за то, что склонился на его желаніе, а за изданіе неконституціоннаго акта. Но послѣднее есть неиз-

бѣжное и неразрывное слѣдствіе перваго и предполагаетъ его; если же бы онъ отказался отъ изданія такого акта, то долженъ бы былъ удалиться съ своего поста. Слѣдовательно и вообще въ дѣлахъ исполнительной власти, и въ вопросѣ о мирѣ и войнѣ министръ подвергается отвѣтственности за то, что предпочелъ извѣстное дѣйствіе своему удаленію. Констанъ боится, что судъ надъ нимъ за перваго рода дѣла поведетъ къ обвиненіямъ въ средѣ народа и короля, если есть на актѣ его подпись. Но развѣ corpus delicti, скрѣпленный однимъ министромъ, не дастъ повода къ подобнымъ толкамъ относительно короля, особенно при растяжимости понятія и при характерѣ министерской отвѣтственности? А наконецъ самый судъ надъ министрами не есть актъ, не имѣющій въ конституціонномъ государствѣ никакого отношенія къ высшему правительственному органу: часто это есть косвенное осужденіе признаннаго опаснымъ для страны направленія, принятаго имъ, и предостереженіе отъ него и на будущее время. Для того, чтобы не было той сбивчивости понятія, которой боится Констанъ, чтобы судъ надъ министрами не считался въ народѣ обвиненіемъ самого короля, недостаточно одной формальности; нужно, чтобы министры дѣйствительно были самостоятельной властью, а не совѣтниками короля и не высшимъ орудіемъ его власти.

Такого положенія министровъ и желаетъ Констанъ, какъ мы знаемъ; почему онъ и прибѣгаетъ къ ихъ отвѣтственности, какъ къ его основанію. Но почему въ одномъ случаѣ отвѣтственность представляется основаніемъ для извѣстныхъ правъ, въ другихъ случаяхъ нѣтъ? И если всѣ дѣйствія министровъ, какъ въ правахъ исполненія, законодательной иниціативы, такъ и въ вопросахъ войны и мира, одинаковы по отношенію къ отвѣтственности *), то почему же одни акты признавать подлежащими утвержденію и подписи только ихъ однихъ, другіе—нѣтъ?.. Слѣдовательно отвѣтственность не можетъ быть основаніемъ или для признанія за ними права законодательной иниціативы и права скрѣплять подписью акты исполненія, или для отдѣленія ихъ власти въ отдѣльную. Правда, въ англійскомъ парламентскомъ язы-

*) Чтобы лучше убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть De la résponsabilité des ministres, ch. VI.

кѣ отвѣтственность принимается и въ смыслѣ компетентности въ какихъ либо дѣлахъ *); но цѣль ея не предоставить министрамъ какія либо права, а сдѣлать безотвѣтственнымъ государя; права же, которыя связаны съ нею, принадлежатъ ей не въ силу ея только. Отвѣтственность распростирается въ конституціонныхъ государствахъ не на однихъ только министровъ, а и на другихъ высшихъ агентовъ власти; однако не всѣ они пользуются одинаковыми правами. Если бы отвѣтственность была основаніемъ правъ, то, и при сужденіи о дѣйствіи лицъ, нарушившихъ ихъ, нужно было бы отправляться отъ нея. Она можетъ сдерживать лицо, подлежащее ей, въ его дѣйствіяхъ, принуждать его къ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, направлять его въ выборѣ ихъ, отвращая отъ тѣхъ, за которыя онъ можетъ подвергнуться наказанію; дѣйствуетъ же оно въ своей сферѣ, основываясь на своемъ правѣ. Въ такомъ смыслѣ Констанъ понимаетъ отвѣтственность по отношенію къ министрамъ, когда говоритъ, разсуждая о правѣ заключенія договоровъ и объявленія войны, что они подвергаются ей за свой выборъ дѣйствія, навлекающаго ее на нихъ.

Что отвѣтственность министровъ не можетъ быть основаніемъ отдѣленія ихъ власти въ особую, это ясно изъ того, что ей подвергаются не они одни, а и тѣ, кто не имѣетъ права скрѣплять своей подписью акты исполнительной власти. Еще болѣе убѣдимся въ этомъ, если обратимъ вниманіе на значеніе и сущность отвѣтственности министровъ. Они подвергаются ей только за тѣ дѣйствія, которыя вытекаютъ изъ ихъ должности, за дурное употребленіе своей власти. Но дать законное опредѣленіе, за какія именно дѣйствія они подвергаются наказанію, по словамъ Констана, невозможно, такъ какъ эти преступленія состоятъ не въ одномъ актѣ или цѣломъ рядѣ положительныхъ актовъ, а въ тѣхъ оттѣнкахъ, которые не могутъ быть уловимы словами, а еще болѣе закономъ (70 и сл., 384, 403 и др.). Поэтому и опредѣленія конституцій не отличаются въ этомъ отношеніи ясностью. Такъ, по французской конституціи, которую разбираетъ Констанъ, они подвергаются отвѣтственности: за злоупотребленія или дурное пользованіе своей законной властью; за противозаконные

*) Gneist, Verwaltungsrecht, 1867, II, 710.

акты, вредные для общаго интереса, безъ прямаго отношенія къ частнымъ лицамъ; за покушеніе на свободу, спокойствіе и собственность отдѣльныхъ лицъ. Конституціонный актъ 14 г. опредѣлялъ эту отвѣтственность въ общихъ выраженіяхъ (измѣна и подкупъ), также какъ и позднѣйшіе акты (15 г.: за оскорбленіе національной чести и нарушеніе безопасности). Таже общность выраженій замѣчается и въ другихъ конституціяхъ (въ Пруссіи за нарушеніе конституціи, подкупъ, измѣну; въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ: за государственную измѣну, важныя преступленія и дурное управленіе, treason, high crimes and misdemeanors; въ Англіи понятіе объ отвѣтственности весьма растяжимо) *), и она можетъ служить указаніемъ того, подвергаются ли отвѣтственности министры за дѣйствія, исходящія отъ нихъ лично. Констанъ говоритъ, что при отвѣтственности обвиненіе падаетъ только на нихъ однихъ; но если они объявляются недостойными общественнаго довѣрія, то этимъ самымъ обвиняется и государь или въ своихъ свѣдѣніяхъ, или въ своихъ намѣреніяхъ, чего не должно быть въ конституціонномъ государствѣ (88,404). Но такое различіе не вполнѣ основательно. Выраженіе недовѣрія вызывается также образомъ дѣйствія министровъ, какъ и обвиненіе въ дурномъ управленіи, только это есть обвиненіе болѣе слабое и еще болѣе неопредѣленное, чѣмъ то; оно имѣетъ цѣлью удаленіе министровъ безъ наказанія и, главнымъ образомъ, измѣненіе политики. Отвѣтственность, дѣйствительно, касается личныхъ дѣйствій, выразившихся преступнымъ образомъ, такъ какъ министры могутъ, пожертвовавъ своимъ званіемъ, отказаться отъ нихъ; но согласіе на преступныя дѣйствія предполагаетъ и подобнаго характера желанія, и если наказанію подвергается только первое, то это не значитъ, чтобы страна одобрительно или, по меньшей мѣрѣ, равнодушно относилась и къ самымъ желаніямъ. Такое отношеніе государя къ отвѣтственности министра Констанъ

*) Въ обвиненіи Денби въ 1678 г. нижняя палата выставляла основнымъ правиломъ, что министры должны быть отвѣтственны не только за законность, но и за честность, справедливость и полезность своихъ мѣръ. Лордъ Брумъ въ 1846 г. говорилъ, что совѣтники короля отвѣчаютъ какъ за политику и благоразуміе, такъ и за законность мѣръ правительства. Gneist, Das engl. Verwaltungsrecht II, 709.

допускаетъ только условно, при предположеніи, если государь, ослѣпленный безпредѣльной любовью къ власти, побуждаетъ министровъ къ преступнымъ мѣрамъ противъ конституціи и свободы (81,423). Если допустимъ только такой случай вліянія государя на министровъ, то при этомъ одномъ нельзя принять отвѣтственность за грань, рѣзко отдѣляющую ту и другую власть и дающую строгую опредѣленность министерской. Соприкосновеніе между ними на столько значительно въ вопросѣ отвѣтственности, что, по словамъ Констана, сдѣлать верховную власть неприкосновенною значитъ дать министрамъ право обсуживать, какимъ повиновеніемъ обязаны они ей (193). Но если мнѣ предоставляется такое право и если я подвергаюсь наказанію за то, что оказалъ повиновеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда долженъ былъ отказать въ немъ, то не ясно ли, что самое наказаніе указываетъ на мое подчиненное отношеніе къ другому лицу и характеръ дѣйствій, предшествовавшихъ моему рѣшенію, указываетъ на то, что эти дѣйствія должны были вызывать съ моей стороны сопротивленіе. Такому отношенію государя къ отвѣтственности министровъ не противорѣчитъ и ея цѣль, принимаемая Констаномъ вмѣстѣ съ другими писателями. Цѣль этой удивительной политической комбинаціи, говоритъ онъ, сохранить за государемъ неприкосновенность, лишивъ его орудій, какъ скоро эта неприкосновенность угрожаетъ правамъ или спокойствію народа. Въ этомъ заключается весь секретъ; ибо, если для освященія королевской неприкосновенности потребовалось бы, чтобы его воля была внѣ возможности ошибаться, то тогда самая неприкосновенность была бы одной химерой. Но, соглашая ее съ отвѣтственностью министровъ, достигаютъ того, что она дѣйствительно уважается, потому что, какъ скоро начнетъ заблуждаться королевская воля, ее не будутъ исполнять (299) *).

---

*) Въ другомъ мѣстѣ (De la résponsabilité, 425) онъ видитъ двоякую цѣль отвѣтственности: отнятіе власти у виновныхъ министровъ и поддержаніе въ народѣ дѣятельностью его представителей, приложенной къ разсмотрѣнію всѣхъ министерскихъ дѣйствій, духа обсужденія, интереса необходимаго къ сохраненію конституціи государства и проч. Несогласно съ приведеннымъ мнѣніемъ Констана его утвержденіе, что неприкосновенность государя предполагаетъ, что онъ не можетъ дѣлать ничего дурнаго. Эту фикцію онъ считаетъ необходимою въ интересѣ порядка и свободы, въ интересѣ сохраненія королевскихъ прерогативъ; отвергать ее значитъ подозрѣвать намѣренія короля, допустить, что онъ можетъ желать зла и, слѣдовательно, совершать его (80,422).

Такимъ образомъ отвѣтственность министровъ не доставляетъ ихъ власти того положенія, какое даетъ ей Констанъ. Отдѣльной власти она не можетъ составить и по своей сущности. Чтобы быть такою, чтобы быть властью болѣе или менѣе самостоятельной, ей необходимо имѣть кругъ дѣйствія опредѣленный, отграниченный отъ другихъ. Этого на самомъ дѣлѣ мы не видимъ. Констанъ отводитъ ей особую сферу—исполненія; но мы помнимъ уже, что право законодательной санкціи короля онъ объясняетъ необходимостью исполненія; такимъ образомъ смѣшиваетъ въ этой области и министерскую власть и государеву. При этомъ, предоставляя королю право санкціи, законодательную инціативу онъ оставляетъ за министрами; но на самомъ дѣлѣ ихъ власть и здѣсь смѣшивается съ государевой: имъ, говоритъ онъ (69), принадлежитъ право заявлять желанія правительства, подобно тому, какъ депутаты высказываютъ желаніе народа. Изъ этого сравненія прямое заключеніе то, что они въ своемъ правѣ инціативы являются не самостоятельными дѣятелями, а представителями правительства, подъ которымъ понимается и королевская власть и къ которому они находятся въ такомъ же отношеніи, въ какомъ депутаты къ народу. Далѣе, намъ извѣстно, какъ неопредѣленно у Констана отношеніе министерской власти къ вопросамъ о договорахъ и о войнѣ, которые онъ предоставляетъ вѣдѣнію государя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ относитъ и эти права къ области исполнительной власти: ей, говоритъ онъ (76), принадлежитъ: право войны и мира, веденіе военныхъ дѣйствій, переговоровъ, заключеніе договоровъ *). Такимъ образомъ и здѣсь министерская власть въ своихъ дѣйствіяхъ сливается съ государевой. Наконецъ въ сферѣ этихъ же правъ и обязанностей министры подвергаются отвѣтственности за введеніе въ администрацію суда опасныхъ и вредныхъ формъ. Слѣдовательно въ своей исполнительной дѣятельности они имѣютъ ближайшее отношеніе и къ судебной власти.

Такимъ образомъ ни отвѣтственность, ни права не даютъ

---

* Въ De la résponsabilité (413,403) онъ говоритъ: только по начатіи войны можно подвергнуть министровъ отвѣтственности за ея законность; только послѣ того, какъ экспедиція удалась или не удалась, можно требовать у нихъ отчета о ней; только по заключеніи договора можно разсматривать его содержаніе,

министерской власти той опредѣленности, какая требуется для того, чтобы изъ нея составилась особая, и какую мы видимъ въ другихъ властяхъ. Судебная власть зависитъ отъ власти государя (по болѣе употребительному выраженію, отъ главы исполнительной власти), вслѣдствіе принадлежащихъ ему верховныхъ судебныхъ правъ (Justizhoheit по нѣмецкому выраженію); но эта зависимость выражается не въ ея дѣйствіяхъ, а въ правѣ, принадлежащемъ государю, назначенія судей; въ отправленіи же своей обязанности судьи подчиняются только закону, обезпеченные отъ производа въ своей независимости несмѣняемостью. Эту независимость не нарушаетъ и право помилованія, принадлежащее государю и вытекающее изъ той же его верховной судебной власти, такъ какъ, пользуясь этимъ правомъ, государь не вмѣшивается въ самое веденіе процесса, а приводитъ его въ дѣйствіе уже по окончаніи дѣла; да къ тому же и самъ судъ смотритъ на это право, какъ на необходимое въ интересѣ не юридической правды, а справедливости. Итакъ судебная власть пользуется опредѣленнымъ положеніемъ по отношенію какъ къ государю, такъ и законодательной власти. Таково же положеніе и послѣдней власти. Государь, какъ одинъ изъ ея органовъ, участвуетъ въ составленіи законовъ, правомъ ли санкціи, своей ли иниціативой; палаты, какъ высшій контролирующій органъ, имѣютъ право обвиненія министровъ, выраженія имъ недовѣрія, право бюджета, прошеній, жалобъ и т. п. *). Права же министерской власти всѣ, какъ мы уже видѣли, сливаются съ правами королевской; дѣятельность ея одинаковой распространенности съ послѣдней и проникаетъ всюду, куда проникаетъ и та.

Такимъ образомъ изъ двухъ властей Констана, королевской и министерской, одна оказывается излишнею. Правда, онъ, чтобы поддержать свое раздѣленіе, лишаетъ монархическую власть права иниціативы и сохраняетъ за нею такія права, которыя большею частію сводятся къ почетнымъ. Онъ считаетъ единственнымъ актомъ, въ которомъ государь дѣйствуетъ одинъ и самостоятельно,

---

*) Здѣсь указывается только на конституціонныя государства, такъ какъ Констанъ говоритъ только о нихъ; и притомъ обсуждается это устройство въ его нормальномъ положеніи, а не измѣненіяхъ, по которымъ палаты являются органами только совѣщательными или только контролирующими и т. п.

назначеніе министровъ; но и это несправедливо, потому что мы знаемъ, что, по началу парламентарнаго устройства, король, желая согласія правительства съ народомъ, составляетъ министерство изъ членовъ парламентскаго большинства. И право рѣшать о войнѣ и мирѣ Констанъ предоставляетъ королю съ нѣкоторымъ ограниченіемъ: изъ него онъ исключаетъ всѣ такіе договоры, въ которые вносятся условія, имѣющія вліяніе на положеніе или права гражданъ. Исключительное предоставленіе этого права королю оказывается даже непослѣдовательнымъ, потому что Констанъ при этомъ указываетъ на примѣръ Англіи, гдѣ договоры разсматриваются въ парламентѣ для того, чтобы обсудить дѣйствія министровъ во время переговоровъ; непослѣдовательнымъ, потому что министры по этимъ вопросамъ подвергаются отвѣтственности (191, 299); непослѣдовательнымъ, потому что въ другомъ мѣстѣ право войны и мира, веденіе военныхъ дѣйствій и переговоровъ и заключеніе договоровъ онъ относитъ къ вѣдѣнію исполнительной власти (76). Наконецъ право помилованія, предоставляемое королю, возбуждаетъ въ самомъ Констанѣ нѣкоторыя сомнѣнія или, точнѣе, вызываетъ замѣчанія невнимательнымъ отношеніемъ къ нему короля (190, 297). Что касается до министерской власти, то она входитъ своимъ правомъ иниціативы въ область законодательства; имѣя это право, она можетъ представлять законодательные проекты, касающіеся до суда, такъ что можетъ имѣть вліяніе и на него. Но тѣ ограниченія, которыя полагаетъ Констанъ королевской власти, происходятъ вслѣдствіе ея тѣснѣйшей связи съ министерской; этой же связью объясняются и права послѣдней. Изъ нихъ первая власть—самостоятельная, въ томъ смыслѣ, какое придается понятію власти, вторая—нѣтъ. Эта послѣдняя является какъ органъ той, подчиненный ей, ея орудіе, слѣдовательно она не можетъ быть поставлена на ряду съ остальными властями, какъ самостоятельная. Такимъ образомъ власть министерская, какъ отдѣльная, является излишнею. Самъ Констанъ, не говоря обо всѣхъ случаяхъ, уже указанныхъ, смѣшенія ея съ государевой и о служебномъ ея значеніи по отношенію къ этой во многихъ правахъ, представляетъ ее какъ орудіе: въ одномъ мѣстѣ, говоря о значеніи ея отвѣтственности, онъ называетъ ее щитомъ монарха во всѣхъ политическихъ волненіяхъ (302).

Отдѣляя власти министерскую и государеву, Констанъ ру-

ководился тѣмъ соображеніемъ, что послѣдняя не есть только исполнительная власть, а что ей принадлежатъ права и законодательства и суда. Но выдѣляя министерскую, какъ исполнительную, онъ тѣмъ не менѣе не лишилъ ея значенія главнаго агента исполнительныхъ правъ королевской власти и не придалъ ей самостоятельности. Этимъ отдѣленіемъ онъ имѣлъ цѣлью поставить королевскую власть внѣ давленія на нее другихъ, внѣ равновѣсія съ ними и въ возможность охранять ихъ равновѣсіе. Будетъ ли неправильнымъ дѣйствіе исполнительной власти, говоритъ Констанъ, т. е. министровъ, король отставляетъ ихъ; будетъ ли пагубнымъ дѣйствіе представительной власти, король распускаетъ представительное собраніе; будетъ ли прискорбнымъ, наконецъ, дѣйствіе судебной власти, по излишней жестокости наказаній, налагаемыхъ ею, король умѣряетъ его своимъ правомъ помилованія (177). Но на самомъ дѣлѣ такой пріемъ не достигаетъ цѣли. Власть государя тѣсно связана съ властью министровъ: желанія одного и дѣйствія другаго составляютъ неразрывное цѣлое. Поэтому весьма понятно, что государь не можетъ сохранить одинаково нейтральное положеніе относительно всѣхъ другихъ властей: къ одной изъ нихъ—исполнительной, которая находится въ такой постоянной связи съ нимъ и отъ него получаетъ свою дѣятельность, онъ долженъ относиться пристрастнѣе и нерѣдко становиться на ея мѣсто. Такимъ образомъ другія власти, особенно судебная, будутъ нести на себѣ двойное давленіе: министерской и королевской власти и оказывать имъ далеко не всегда равносильное противодѣйствіе. Съ другой стороны весьма понятно также, что министерская власть, при такомъ отношеніи къ государю, какъ скоро лишится его поддержки, не будетъ имѣть никакого значенія сравнительно съ другими властями и равновѣсіе нарушится въ ея невыгоду.

Итакъ все приводитъ къ одному заключенію, что отдѣленіе властей министерской отъ королевской оказывается несостоятельнымъ. Въ этомъ отдѣленіи, въ прибавленіи четвертой власти—нейтральной, Аретинъ видитъ самое лучшее отрицаніе раздѣленія властей *). Упрековъ въ механизмѣ устройства, кото-

*) Staatsrecht der konst. Mon. I, 202.

рые дѣлались Монтескье, не можетъ избѣгнуть и Констанъ съ своей теоріей четырехъ властей *). И онъ видитъ въ государствѣ огромную машину, которой различныя силы должны быть тщательно отдѣлены, но въ тоже время такъ, чтобы одна могла дѣйствовать вмѣстѣ съ другой, не мѣшая ей **). Нейтральное положеніе монарха возможно только при механическомъ раздѣленіи: невозмутимость, безстрастность и тому подобныя качества, которыми такъ щедро одѣляетъ онъ государя, понятны въ какой нибудь машинѣ, въ ея части, которая не можетъ выдти изъ разъ даннаго ей положенія, но не въ живомъ существѣ. Какъ на доказательство основательности своей теоріи, онъ указываетъ на Англію: здѣсь никакой законъ не можетъ быть составленъ безъ содѣйствія палатъ, никакой актъ не можетъ быть исполненъ безъ подписи министра, судебное рѣшеніе можетъ быть произнесено только независимымъ судомъ. Власть короля полагаетъ здѣсь конецъ всякой опасной борьбѣ между другими властями и возстановляетъ между ними гармонію, отставляя министровъ, распуская палату, пользуясь своимъ правомъ помилованія и т. п. (20). Но при этомъ онъ забываетъ существенную разницу между своей теоріей и англійской конституціей, ту, что министры не составляютъ отдѣльной власти, что они избираются изъ парламентскаго большинства, забываетъ, далѣе, о томъ значеніи, какимъ пользуется въ Англіи парламентъ.

Практическимъ послѣдствіемъ теоріи Констана, если принимать ее буквально, будетъ ослабленіе королевской власти и усиленіе дѣятельности министровъ, а съ этимъ вмѣстѣ, несомнѣнно, усиленіе дѣятельности подчиненныхъ имъ агентовъ, господство чиновничества. Такая оборотная сторона не можетъ быть, конечно, благопріятна для народа и его интересовъ, а можетъ удовлетворять только буржуазію, классъ людей зажиточныхъ. Что это такъ, доказываетъ и взглядъ Констана на пользованіе политическими правами и составъ палаты представителей. Политическими правами, т. е. избирательными, должна пользоваться только та часть населенія, которая кромѣ патріотизма, общаго всему народу, имѣетъ и досугъ, необходимый для пріобрѣтенія свѣдѣній и

*) Stahl, Geschichte der Rechtsphilosophie. 354.

**) Staatswörterbuch von Bluntschli, art. Constant von Bluntschli.

правильности сужденія. Одна собственность даетъ этотъ досугъ, одна она, слѣдовательно, дѣлаетъ людей способными къ пользованію политическими правами. И притомъ такое значеніе остается главнымъ образомъ за поземельной собственностью. Впрочемъ Констанъ даетъ представительство и промышленности и торговлѣ, но не по принципу, а изъ политическихъ соображеній, потому что ихъ исключеніе поставитъ богатство во враждебное отношеніе ко власти. Однако и здѣсь политическія права должны принадлежать тѣмъ, которые въ тоже время и поземельные собственники. Люди же, не имѣющіе поземельной собственности, а занимающіеся только по необходимости механическимъ трудомъ, должны пользоваться покровительствомъ государства и защитой отъ богатой части населенія, но не должны быть привлекаемы къ новой дѣятельности, къ которой они не призываются своимъ назначеніемъ и въ которой ихъ участіе будетъ безполезно, ихъ страсти будутъ угрожать общему спокойствію, а невѣжество—опасно. Какъ скоро несобственникамъ дадутся политическія права, они воспользуются ими, какъ средствомъ къ достиженію главной своей цѣли—къ обладанію собственностью. Они пойдутъ къ этой цѣли путемъ неправильнымъ, вмѣсто естественнаго—труда. (Princ. de polit. ch. VI, Réflex. ch. VII.) Но заявляя, что представительныя собранія должны состоять изъ собственниковъ, Констанъ въ тоже время считаетъ единственною законною властью общую волю и признаетъ народный суверенитетъ, ограниченный только индивидуальными правами, какъ то: свободой личности, религіи и мнѣнія. (Principes ch I, и др.).

Такимъ образомъ теорія Констана не измѣнила ученія Монтескье: показавъ его слабыя стороны, она сама не избѣжала ихъ, такъ что въ результатѣ вышелъ перевѣсъ на ея сторонѣ только въ цифрѣ властей: вмѣсто трехъ—четыре. То, что ставится ему въ заслугу—указаніе на необходимость единой власти, связывающей всѣ другія, на самомъ дѣлѣ или приводитъ къ поглощенію одной властью остальныхъ, или не приноситъ никакой пользы вслѣдствіе нейтральнаго положенія государя. Кромѣ того оно не можетъ быть поставлено въ заслугу лично ему и потому, что еще до него говорили объ этой необходимости. Заслуга его заключается главнымъ образомъ въ разъясненіи конституціонныхъ началъ

и гарантій свободы, такъ что онъ можетъ считаться представителемъ конституціонной школы.

Теорія четырехъ властей Констана нашла небольшое число послѣдователей между писателями, а въ положительномъ законодательствѣ незначительное приложеніе. Такъ Шатобріанъ (De la monarchie selon la Charte, 1816) принимаетъ четыре главныхъ элемента во французской конституціи: королевскую власть или королевскія прерогативы, министерскую или отвѣтственную исполнительную власть, палаты перовъ и депутатовъ. Ланжюине (Lanjuinais, Constitution de la nation française 1819—1821) принимаетъ королевскую власть какъ посредствующую, умѣряющую, директоріальную, стоящую надъ другими и сдерживающую ихъ въ границахъ *). Къ немногимъ, принявшимъ такія же начала, какъ у Констана, принадлежитъ, напр., Пиньейро-Феррейра, который въ этомъ случаѣ придерживался португальской конституціи. Онъ находитъ необходимымъ раздѣленіе властей для независимости ихъ самихъ, но къ общепринятымъ тремъ прибавляетъ еще двѣ: избирательную и охранительную. Первая назначаетъ правительственныхъ и судебныхъ лицъ, вторая уничтожаетъ неконституціонные акты другихъ властей **). Что касается до послѣдней, то, по справедливому замѣчанію Берріа-Сенъ-При, охранительная власть связана съ той, которой акты она должна уничтожать: объявить законъ неконституціоннымъ въ сущности значитъ издать законъ, которымъ бы уничтожался предшествовавшій, неправильный. Назначеніе же должностныхъ лицъ составляетъ только одинъ актъ отправленія власти, который, по своему временному, непродолжительному дѣйствію, взятый отдѣльно, не можетъ доставить ей значительной дѣятельности: одно оно, безъ другихъ правъ, даетъ ей служебное относительно прочихъ властей значеніе; соединенное же съ правомъ смѣны назначаемыхъ лицъ, оно, напротивъ, ставитъ подъ свой произволъ другія власти. Нѣкоторые писатели, принимая три власти, одну изъ нихъ подраздѣляютъ на двѣ; такъ Фіеве раздѣляетъ исполнительную власть на административную, управленіе

*) Aretin, I, 97, 202.

**) Взято изъ ссылокъ на это мнѣніе у Berriat-Saint—Prix Théorie du droit constitut. français 1851, §§ 704, 720.

(le pouvoir qui administre) и на правительственную (le pouvoir qui gouverne), которой принадлежатъ права: войны и мира, командованія, устройства войска, заключенія договоровъ, непосредственнаго назначенія на высшія должности, управленія интересами различныхъ сословій *).

Примѣненіе этой теоріи было сдѣлано въ Бразиліи въ 1823 и Португаліи въ 26 году. Въ нихъ кромѣ трехъ обычныхъ властей введена была четвертая—королевская съ названіемъ посредствующей или умѣряющей (moderator); но права ея гораздо большія, чѣмъ предоставляетъ ей Констанъ, такъ что сливаютъ ее съ исполнительною властью, а поддержка равновѣсія составляетъ только одно изъ ея назначеній. Примѣръ этихъ государствъ не нашелъ, впрочемъ, подражанія.

Тройственнаго раздѣленія власти, обыкновеннаго во французской политической литературѣ, не принимали, подобно Констану, и другіе писатели, которые при этомъ, впрочемъ, не основывались на идеяхъ, высказанныхъ послѣднимъ. Такъ это видимъ у Шютценбергера въ его сочиненіи les Lois de l'ordre social (1850). Идея суверенитета, т. е. власти, зависящей только отъ одной себя и дѣйствующей по своимъ собственнымъ законамъ, внѣ всякаго вліянія, предполагаетъ, говоритъ онъ, что всѣ акты исходятъ изъ ея личной инціативы. Но эти акты разнообразны и требуютъ для своего выраженія различныхъ органовъ, которые должны отличаться одинъ отъ другого спеціальностью своихъ обязанностей. Такимъ образомъ раздѣленіе политическихъ властей истекаетъ изъ самой природы вещей; и чѣмъ болѣе развитъ государственный организмъ, тѣмъ болѣе формы органовъ общественной власти различаются между собою и тѣмъ болѣе онѣ соотвѣтствуютъ особенной природѣ каждой власти. Раздѣленіе властей, установленное Монтескье, не соотвѣтствуетъ этой спеціализаціи, такъ какъ въ различныхъ властяхъ, названныхъ общимъ именемъ исполнительной, не приняты во вниманіе нѣкоторыя существенныя и естественныя отличительныя черты; а между тѣмъ эти власти отличаются одна отъ другой такъ, какъ исполнительная отъ у-

*) Correspond. inéd, ссылки на него у Шмиттенера: Zwölf Bücher vom Staate III, 293 и у Реннe, i, 140.

чредительной и законодательной. Самое названіе—исполнительная можетъ быть придано этимъ властямъ на столько, на сколько ихъ дѣйствіе можетъ быть опредѣлено закономъ и на сколько онѣ прилагаютъ общія и обязательныя правила, утвержденныя закономъ, въ сферѣ, опредѣленной для нихъ учредительною властью; но если сущность ихъ такова, что ихъ дѣйствіе не можетъ быть опредѣлено закономъ и что оно предпринимается по свободному и личному обсужденію ихъ органовъ, тогда это названіе не выражаетъ ихъ родоваго характера. Такъ, напримѣръ, когда политическая власть заключаетъ мирные, союзные и торговые договоры, она не исполняетъ никакого закона и дѣйствуетъ свободно и лично въ сферѣ своихъ правъ. Такимъ образомъ дѣленіе, соотвѣтствующее различію въ функціяхъ властей, будетъ таково: учредительная власть, опредѣляющая права, формы и взаимныя отношенія общественныхъ властей; ея законы суть обязательныя правила для юридическихъ дѣйствій всѣхъ властей, тогда какъ акты второй власти—законодательной, устройство которой и отношеніе къ другимъ опредѣляются учредительною, установляютъ условія юридическихъ общественныхъ отношеній, общихъ и постоянныхъ, и не должны противорѣчить основнымъ законамъ. Третья власть политическая, къ вѣдѣнію которой принадлежатъ всѣ политическія отношенія государства къ гражданамъ и къ другимъ государствамъ; она простирается, такимъ образомъ, на всѣ интересы, которые не поддаются опредѣленіямъ закона и которые отражаютъ свое дѣйствіе на движеніи общественной жизни. Внутри государства она предпринимаетъ мѣры, необходимыя для общаго и согласнаго дѣйствія властей, разрѣшаетъ пререканія между ними о ихъ вѣдомствѣ, созываетъ войско, распоряжается имъ въ интересахъ общественнаго порядка, безопасности государства и уваженія къ закону; посредствомъ регламентарныхъ и общихъ постановленій обезпечиваетъ однообразное исполненіе тѣхъ законовъ, которые требуютъ для него содѣйствія нѣсколькихъ властей; назначаетъ на всѣ государственныя должности, доставляетъ законодательной власти свѣдѣнія о внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи государства и представляетъ объ общественныхъ нуждахъ; наконецъ ей же принадлежитъ право помилованія и амнистіи. Въ сферѣ законодательства ей принадлежитъ право иниціативы, санкціи, обнародованія законовъ и огражденія ихъ исполненія; она же рас-

пускаетъ законодательное собраніе и созываетъ новое. Къ ея же вѣдѣнію относятся и акты высшей администраціи, имѣющіе характеръ и административный и политическій, контроль надъ всѣми государственными должностями и нѣкоторыя дѣла полиціи, такъ напр. полиціи политической, имѣющей цѣлью предупредить политическія опасности внутри и извнѣ. Далѣе слѣдуетъ административная власть, къ вѣдѣнію которой, между прочимъ, относятся акты высшей администраціи, только болѣе спеціальные, не принадлежащіе, какъ у политической власти, къ условіямъ общаго и согласнаго дѣйствія властей; ей принадлежатъ регламентарныя права и т. п. Власть, завѣдующая публичными работами, занимается разсмотрѣніемъ техническихъ вопросовъ и проектовъ построекъ, но никакая работа не можетъ быть предпринята безъ согласія или почина представителей тѣхъ общинъ, провинцій и т. п., до интересовъ которыхъ она касается. Существованіе отдѣльной власти для этихъ работъ авторъ потому считаетъ необходимымъ, что, въ противномъ случаѣ, разсмотрѣніе технической стороны дѣла будетъ принадлежать той же власти, которой и починъ. Судебная власть составляетъ, разумѣется, отдѣльную, а, наконецъ, и военная и власть, завѣдующая народнымъ образованіемъ. Изъ такой спеціализаціи обязанностей должно вытекать коллективное и согласное дѣйствіе властей, которое никогда не можетъ быть слѣдствіемъ воображаемаго ихъ равновѣсія. Равновѣсіе и уравненіе приведутъ ихъ только въ безсиліе и бездѣйствіе, и если воспрепятствуютъ имъ производить дурное, то помѣшаютъ и хорошему съ ихъ стороны. Полное развитіе общественной власти есть естественный результатъ полнаго развитія всѣхъ ея органовъ: въ порядкѣ вещей, чтобы они оказывали другъ другу взаимную поддержку. Между тѣмъ система уравненія отвращаетъ силы общественной власти отъ ея истинной цѣли. Есть только одно практическое средство согласить самую большую силу властей съ условіями, необходимыми для ихъ единства въ совокупномъ дѣйствіи: это опредѣлить точно ихъ права и дать имъ устройство, сообразное съ природой ихъ обязанностей. Но между ихъ функціями есть множество точекъ соприкосновенія; поэтому самое важное—удерживать ихъ въ кругѣ ихъ дѣйствія, подавлять ихъ отступленія отъ своихъ обязанностей и предупреждать могущія произойти между ними столкновенія. Такая сдерживающая сила должна находиться

внѣ этихъ властей, могущихъ приходить въ столкновенія; и она заключается въ политической власти, которая есть, такимъ образомъ, общій центръ. Изъ этого значенія послѣдней власти авторъ выводитъ уже указанныя выше ея права назначать на всѣ общественныя должности, созывать и распускать законодательныя собранія, разрѣшать пререканія и столкновенія между властями (II, 6, 16—26, 86—117, 199—210, 306—308 и др.)

Въ этомъ выдѣленіи различныхъ обязанностей государственной власти въ особыя власти нѣтъ, какъ мы можемъ видѣть, строгой системы и послѣдовательности, которая бы соотвѣтствовала высказанному самимъ авторомъ взгляду на начало раздѣленія. Такъ его политическая власть вовсе не соотвѣтствуетъ спеціализаціи политическихъ функцій и совпадаетъ то съ законодательной, какъ напр. въ правѣ законодательной инціативы и т. п., то съ административной, и не только съ высшей, а и такою, на которую возлагается собираніе и доставленіе свѣдѣній. Однимъ словомъ его политическая власть, по разнообразію своихъ правъ, немногимъ чѣмъ отличается отъ той, которую другіе называли исполнительной. Положеніе же ея уже тѣмъ невѣрно у него, что, повторяя мысль Констана о необходимости сдерживающей силы, которая бы находилась внѣ властей, могущихъ приходить въ столкновеніе, онъ такое значеніе придаетъ ей, хотя она находится не внѣ круга властей. Отдѣленіе учредительной власти въ особую отъ законодательной представлялось для многихъ, помимо Шютценбергера, необходимымъ; но и та и другая дѣйствуютъ въ одной и той же области—въ установленіи извѣстнаго порядка, только первая, по отношенію ко второй, полагаетъ начало этому порядку; притомъ она не представляется постоянно дѣйствующею, а только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и особенно тамъ, гдѣ господствуетъ принципъ народовластія. Безъ сомнѣнія, полномочіе народнымъ представителямъ въ учредительномъ собраніи дается съ опредѣленной цѣлью; но начало народовластія остается одинаково дѣйствующимъ какъ въ учредительномъ, такъ и въ законодательномъ собраніи. И другія подраздѣленія Шютценбергера не отличаются основательностью, хоть напр: власть, завѣдующая публичными работами, не представляетъ собою никакой политической силы. Вообще его раздѣленіе стоитъ отдаленно отъ французскихъ воззрѣній и подходитъ ко взгляду тѣхъ нѣмецкихъ писателей,

которые дробили власть и каждую группу верховныхъ правъ пріурочивали къ особой власти. И въ этомъ случаѣ Шютценбергеръ заходитъ иногда такъ далеко, что его власти представляютъ собою министерства.

Конституціонная теорія, построенная Констаномъ, послужила основаніемъ позднѣйшихъ объясненій конституціи, а вмѣстѣ она привела къ попыткѣ дать ей такое толкованіе, которое бы положило въ ея основаніе высшія и вмѣстѣ съ тѣмъ общечеловѣческія начала. Таковы попытки доктринёровъ. Въ лицѣ своего лучшаго представителя Гизо, доктринёры обратили вниманіе на раздѣленіе центральной власти между государемъ и палатами и отношеніе ихъ къ избирателямъ—вопросы, свойственные конституціоннымъ государствамъ; вопросъ же о раздѣленіи властей, общихъ всѣмъ государствамъ, но дѣйствующихъ съ большею самостоятельностью только въ представительныхъ, не считался ими за важный. Въ раздѣленіи властей, на сколько Гизо касается его, онъ не вполнѣ согласенъ съ общепринятой теоріей: онъ не допускаетъ равновѣсія между ними, ставя судебную власть въ разрядъ второстепенныхъ, наряду съ муниципальной и другими властями. Судебная власть, вмѣстѣ съ этими другими, можетъ быть, безъ большой опасности, окончательною, потому что всякое злоупотребленіе съ ея, какъ и съ ихъ стороны, легко подавляется законодательною или исполнительною властью. Но, съ другой стороны, это подчиненіе не должно быть безграничное: главныя власти втораго порядка—судебная, муниципальная и пр. должны быть устроены независимо одна отъ другой и своеобразно, такъ, чтобы могли сдерживать центральную власть въ случаѣ, еслибы она стремилась сдѣлаться неограниченною. Но такое устройство второстепенныхъ властей недостаточно для того, чтобы всякая, имѣющая окончательную силу, власть не могла сдѣлаться неограниченной. Для этого нужно признать за гражданами право на-

блюдать за центральной верховной властью, контролировать и сдерживать ее, нужно имѣть присяжныхъ, свободу печати и пр.; далѣе нужно дать центральной власти такую организацію, которая бы создала противодѣйствіе ей внутри ея самой. Это достигается раздѣленіемъ законодательнаго собранія на двѣ палаты. Кромѣ того нельзя предоставить законодательную и исполнительную власти, или верховную въ ея цѣломъ объемѣ, одному человѣку или одному собранію, потому что, по естественному порядку вещей, власть, не имѣющая себѣ равной, сочтетъ себя верховной по праву и скоро сдѣлается неограниченной. Такимъ образомъ искусство политики и тайна свободы состоятъ въ томъ, чтобы поставить наряду съ властью, надъ которой не можетъ быть высшей, другія, равныя. Но равенство невозможно между властями совершенно различными по своей природѣ или по своимъ силамъ и довѣрію, которымъ онѣ пользуются: тогда онѣ будутъ не сдерживать себя, а вести отчаянную междуусобную борьбу. Такъ невозможно законодательную власть предоставить одному собранію, а исполнительную—одному человѣку, или законодательную раздѣлить между однимъ собраніемъ и исполнительною властью: одна ихъ нихъ сдѣлается единственной и неограниченной. Необходимо раздѣленіе центральной власти, и такое, при которомъ бы власти, пройстекающія вслѣдствіе него, взаимно сдерживали, ограничивали и принуждали себя къ общему отысканію разума, справедливости, истины или, иначе говоря, при которомъ бы онѣ зависѣли одна отъ другой. Такое раздѣленіе возможно только тогда, когда власти облечены значительною независимостью и достаточно сильны для того, чтобы поддерживать ее (Histoire des origines du gouvernement réprésentatif, éd. 1856 II, 307—312.) Такое раздѣленіе есть раздѣленіе фактическаго суверенитета; оно необходимо для того, чтобы ни одна власть, не чувствуя своей зависимости отъ другой, не вздумала присвоить правовой суверенитетъ. Правовой же суверенитетъ не можетъ принадлежать ни какому либо человѣку, ни собранію людей; онъ принадлежитъ отвлеченному началу: справедливости, разуму, правдѣ—однимъ словомъ божественному закону. Если допустить противное, т. е. что онъ можетъ принадлежать людямъ, то въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что они всегда знаютъ то, чего требуютъ справедливость и разумъ и желаютъ этого. Раздѣленіе суверенитета есть необходимое слѣдствіе (?) этого нача-

ла правоваго суверенитета. Такимъ образомъ въ представительномъ правленіи являются три власти: королевская, палата перовъ и палата депутатовъ; число ихъ, впрочемъ, и форма не могутъ быть названы неизмѣнно опредѣленными *). Имъ принадлежитъ фактическій суверенитетъ, они же пользуются и правовымъ. Фактическій суверенитетъ можетъ принадлежать и одной изъ нихъ, но она, сама по себѣ, не можетъ сдѣлаться правовою властью — потому что правовой суверенитетъ тогда немыслимъ — и, слѣдовательно, не имѣетъ никакого права быть неограниченной (I, 86—122) Отсюда слѣдуетъ, что правовой суверенитетъ не можетъ принадлежать одной которой-нибудь изъ этихъ властей. Но на самомъ дѣлѣ такъ бываетъ не всегда. Дѣятельность всѣхъ этихъ властей направлена къ отысканію истины, т. е. законовъ справедливости и разума, которые должны управлять обществомъ или, иначе, къ отысканію единства. Но такъ какъ всѣ власти не суть неизмѣнны и опредѣленны, и избирательный принципъ, измѣнчивый по своей природѣ, можетъ измѣнять идею и волю, то и правовой суверенитетъ можетъ постоянно заключаться въ нихъ. Различныя власти могутъ быть несогласны между собою и пребываютъ, вслѣдствіе этого, въ бездѣйствіи. Чтобы выдти изъ такого состоянія, за королевской властью сохраняютъ права вводить новыхъ перовъ и распускать палату депутатовъ. Тогда власти вновь принимаются за отысканіе истиннаго закона, — работа, которую онѣ прекращаютъ только тогда, когда отыскали его (44, 95). Такимъ образомъ королевская власть представляется Гизо возобновляющимъ элементомъ. Въ силу какого же начала: фактическаго суверенитета или правоваго она дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ? Если въ силу фактическаго, то, какъ скоро онъ остается за одною властью, невозможенъ правовой суверенитетъ. Слѣдовательно невозможно возстановленіе права, какъ дѣйствіе, требующее главнымъ образомъ юридическаго, правоваго основанія и только заимствующее поддержку у силы. Если держаться этого предположенія, то слѣдуетъ допустить возможность такого состоянія, въ которомъ не будетъ никакого юридическаго начала и по мнѣнію

*) Въ другомъ мѣстѣ, на ст. 123, онъ насчитываетъ четыре власти, прибавляя къ поименованнымъ избирателей.

Гизо. Принимать, что королевская власть дѣйствуетъ въ силу правоваго суверенитета, также невозможно, потому что онъ не можетъ принадлежать одному лицу. Кромѣ этой трудности согласить фактическій суверенитетъ съ правовымъ и вытекающаго отсюда противорѣчія, непреодолимое затрудненіе господству правоваго суверенитета встрѣчается и въ томъ, что истина, разумъ, справедливость не представляются существующими гдѣ-либо на землѣ во всей полнотѣ и постоянно, а только предполагаются въ большинствѣ способныхъ людей *). Поэтому задача представительнаго правленія заключается въ томъ, чтобы собрать всѣ элементы власти, разума и пр., разсѣянные, и притомъ неравномѣрно, между индивидуумами, составляющими общество, и сосредоточить ихъ въ правительствѣ. (I, 109 и сл.; II, 149 и сл.).

Ученіе Гизо есть ничто иное, какъ попытка создать философію конституціоннаго права, дать конституціи объясненіе въ высшихъ началахъ. Основаніе этого объясненія—существующій конституціонный порядокъ; высшее начало—разумъ, справедливость, истина. Но откуда почерпнуто оно? Изъ этого порядка? Въ такомъ случаѣ въ немъ заключается разрѣшеніе той задачи, которую полагаетъ себѣ человѣчество, ибо разумъ, справедливость, истина должны быть тѣсно связаны и съ его благомъ. Въ такомъ случаѣ только въ этомъ порядкѣ и заключается такое благо. Между тѣмъ начала разума, справедливости и истины—начала свойственныя людямъ не въ одной только конституціонной формѣ общежитія, а и во всякой другой. Гизо не могъ не сознать этого; а потому конституціонный порядокъ, или собственно парламентарный, онъ отличаетъ отъ всякаго другаго тѣмъ, что эти начала должны здѣсь управлять, для чего они должны быть собраны въ одинъ фокусъ, составить какое-то отвлеченное существо, которому и должно быть дано господство. Но какъ собрать всѣ эти начала, какъ уловить эти разсѣянные элементы власти, какіе отличительные внѣшніе признаки способныхъ людей, обладающихъ этими началами,—объ этомъ Гизо не говоритъ. Отвѣтомъ на это, впрочемъ, можетъ служить направленіе его политической и литературной дѣятельности, направленіе, ко-

*) Не слѣдуетъ забывать, что все это говоритъ Гизо о представительномъ правленіи.

торое вызвало ему упреки въ томъ, что онъ хотѣлъ aristocratiser la bourgeoisie (обаристократить, если можно такъ выразиться, буржуазію). Вся внутренняя исторія Франціи, по мнѣнію Гизо, сосредоточивалась на борьбѣ средняго сословія съ высшимъ; революція разрѣшила эту борьбу въ пользу перваго; хартія признала революцію и торжество новой Франціи. Революція же въ своемъ движеніи имѣла цѣлью, предоставивъ господство третьему сословію, водворить справедливость, господство нравственнаго закона въ отношеніяхъ гражданъ между собою и съ правительствомъ. *) Поэтому и представительство, основанное на господствѣ средняго сословія, составляетъ, по мнѣнію доктринёровъ, la vérité des élections.

Въ этой апотеозѣ коституціоннаго порядка и въ господствѣ буржуазіи видна тѣсная связь Гизо съ конституціоналистами, почерпающими свои убѣжденія изъ теоріи Констана. Разница, конечно, въ томъ, что тамъ долженъ быть всему единство—государь, постановленный въ положеніе безстрастное, нечеловѣческое; здѣсь такое единство сохраняется введеніемъ одного высшаго начала, государь же содѣйствуетъ возстановленію господства этого начала. Разницу представляетъ еще взглядъ Гизо на власти: онѣ основаны у него не на различіи ихъ правъ, а на принадлежности ихъ различнымъ субъектамъ. Затѣмъ во всемъ остальномъ мы видимъ полнѣйшее сходство его толкованій съ объясненіями конституціонной теоріи. То, что принадлежитъ собственно Гизо—его общія, неопредѣленныя понятія и выраженія не могли быть достаточнымъ объясненіемъ ни представительнаго правленія, ни раздѣленія властей; желаніе водворить господство отвлеченныхъ идей, не обставленное практическими способами его удовлетворенія, только и могло оставаться однимъ желаніемъ.

Однако, при всей неопредѣленности и общности выраженій Гизо, нельзя не поставить ему въ заслугу того, что онъ не смотритъ на раздѣленіе властей какъ на единственное обезпеченіе свободы; отдавая предпочтеніе другому вопросу: долженъ

*) Такова мысль въ сочиненіи Гизо: Du gouvernement de la France depuis la restauration et du ministére actuel, 1831,—мысль, которой онъ остался вѣренъ и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ.

ли суверенитетъ сосредоточиваться исключительно въ одной государственной власти или распредѣляться и по другимъ силамъ, онъ и этотъ вопросъ разбираетъ не отдѣльно, а въ связи съ цѣлой системой представительнаго правленія. Достойною вниманія слѣдуетъ признать и мысль его, что границы, сдерживающія власть, должны заключаться какъ въ ней самой, такъ и во властяхъ второстепенныхъ; мысль, что эти власти должны имѣть опредѣленную, неприкосновенную сферу дѣятельности, мысль, которая указываетъ, хотя и непрямо, на необходимость самоуправленія.

Не смотря, однако, на подобныя объясненія конституціи и, повидимому, на забвеніе принципа раздѣленія властей, еще провозглашалось напримѣръ, что исключительная принадлежность королю исполнительной власти есть основная догма всякой конституціи. Но въ то же время, рядомъ съ этимъ, указывалось, какъ это видѣли мы и прежде, на невозможность исключительнаго проведенія этого начала, на то, что палаты пользуются исполнительной и судебной властью (напр. въ полиціи ихъ засѣданій, въ поддержкѣ ихъ достоинства, въ сохраненіи ихъ власти и прерогативъ). и т. п. *). Впрочемъ, ученіе о раздѣленіи властей было какъ бы забыто во Франціи на время не вслѣдствіе своей односторонности или приведеннаго толкованія конституціи; оно должно было уступить мѣсто другимъ вопросамъ подъ вліяніемъ историческихъ событій. И французская политика и литература обратили тогда вниманіе на вопросъ о преобладаніи того или другаго сословія. Мы уже видѣли на сколько коснулся его Констанъ, видѣли, что разрѣшенію его посвятилъ всю дѣятельность Гизо; мы знаемъ, что и тотъ и другой высказались въ пользу третьяго сословія. Такого же направленія была и тогдашняя политика французскаго правительства. Хартія 14 г., опредѣлившая, какъ извѣстно, активный и пассивный цензы; дополнительный актъ 15 г., провозглашавшій спеціальное представительство для промышленности и собственности мануфактурной и торговой; нѣкоторое пониженіе ценза въ 31 г. (300 фр. для избирателей

*) Mahul. Tableau de la constitution de la monarchie française selon la charte, 1830; 234 и 235.

и 500 для избираемыхъ)—все это упрочивало преобладаніе третьяго сословія. Усилившееся же развитіе промышленности и торговли раскрыло, какою цѣною достигалось господство этого сословія, и заставило обратить вниманіе на отношеніе рабочихъ къ предпринимателямъ-собственникамъ. На очереди стоялъ вопросъ о четвертомъ сословіи. Защитники интересовъ этого сословія или ограничивались только указаніемъ на равномѣрное отношеніе труда къ выгодамъ его производства, или же отрицали собственность, какъ начало, уничтожающее равенство между людьми. Понятно, что соціалистическая и коммунистическая школы обратили свои нападенія не столько на политическую сферу, сколько на имущественную, экономическую; поэтому и вопросъ о раздѣленіи властей не представлялся въ ихъ глазахъ существеннымъ. Уже Сенъ-Симонъ называлъ представительное правленіе переходнымъ и задачею каждаго друга народа считалъ его преобразованіе въ господство промышленности (tout par l'industrie, tout pour elle). Вопросъ о властяхъ былъ совершенно излишнимъ, когда отрицалась семейная власть или когда требовалось разрушеніе городовъ, какъ средоточій власти и подкуповъ (Бабувизмъ). Если и говорилось о власти, то только такой, которая должна была содѣйствовать общности имущества; такъ еще у Бабёфа чиновники избираются общинами для надзора за работами, ихъ достоинствомъ, ихъ распредѣленіемъ и т. п.; высшая администрація назначаетъ количество продуктовъ для ихъ распредѣленія по общинамъ. Но изъ этого уже ясно, что политическая сфера не могла быть обойдена соціалистами и коммунистами; ясно и по той связи, въ какой находятся съ нею всѣ экономическіе вопросы. Поэтому вопросъ, о матеріальномъ положеніи низшаго сословія переносился самъ собою и въ политическую сферу. Такъ Кабе, провозглашая верховную власть за народомъ, оставлялъ формы представительной демократіи: въ общинахъ должны быть народныя собранія, въ провинціяхъ собранія представителей, для цѣлаго государства національное собраніе изъ представителей, которому и принадлежитъ законодательная власть; но такъ какъ законъ есть общая воля, то народъ долженъ одобрять его; народу принадлежитъ разрѣшеніе и тѣхъ спорныхъ случаевъ, которые касаются всего государства; общинамъ принадлежитъ уголовная власть; исполнительная же власть ввѣряется президенту и министрамъ, из-

бираемымъ и смѣняемымъ. Цѣль всего этого устройства, главнымъ образомъ, организація труда. Когда республика 48-го года обратила вниманіе на этотъ вопросъ (организація труда и правительственный соціализмъ Л. Блана) и провозгласила право на трудъ, то естественно она переносила этимъ самымъ рабочую силу въ правительственную *). Гораздо позднѣе у Прудона мы видимъ болѣе подробныя указанія на политическія формы. Въ сочиненіи: Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution (1863) основаніемъ различія правительственныхъ формъ онъ полагаетъ дѣленіе властей: отличительную черту правительствъ авторитета (монархія или патріархатъ, т. е. господство одного надъ всѣми и панархія или коммунизмъ, т. е. правительство всѣхъ надъ всѣми) составляетъ нераздѣльность власти; отличительную черту правительствъ свободы (демократія, т. е. правительство каждаго надъ всѣми и анархія или самоуправленіе, т. е. господство каждаго надъ каждымъ—форма, въ которой политическія функціи приводятся къ промышленнымъ) составляетъ дѣленіе властей. И въ федераціи, которая приложима ко всѣмъ націямъ и имѣетъ цѣлью мирное существованіе, политику прогресса и реформы въ экономическомъ мірѣ, и въ ней Прудонъ отличаетъ власти, считая, впрочемъ, названіе исполнительной невѣрнымъ, а судебную—не принадлежностью центральной власти, а делегаціей со стороны гражданъ—муниципальной и провинціальной.

И демократическая школа обратила вниманіе на народъ, но главнымъ образомъ въ его политическомъ значеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она предлагала другой путь къ улучшенію его положенія, политическаго и матеріалтнаго: его участіе въ представительствѣ. Она полагала, что народъ, посредствомъ заявленія чрезъ выборныхъ своихъ интересовъ и нуждъ, можетъ вызвать правительство на мѣры, направленныя къ такого рода улучшенію. Обратившись къ государственному устройству, демократическіе писатели смотрѣли на раздѣленіе властей, какъ на вопросъ уже рѣшенный, или разрѣшали его въ смыслѣ верховной власти народа. Послѣднее

---

*) См. Штейна: Socialismus und Communismus u Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich; Reybaud: Etudes sur les réformateurs и др.

разрѣшеніе не походило на то, которое далъ Руссо и его послѣдователи: они смотрѣли на эту верховную власть съ точки зрѣнія древняго міра; демократическіе же писатели понимали ее въ связи со всѣми явленіями и интересами современнаго общества и считали ее не тормазомъ индивидуальнаго бытія, не подавленіемъ личности, а ея возвышеніемъ. Развитіе индивидуальной дѣятельности и личности—конечная цѣль демократической школы.

Такъ относился къ демократіи одинъ изъ лучшихъ ея представителей Токвиль. Изучая сѣверо-американскія учрежденія, онъ замѣтилъ, что въ такомъ свободномъ обществѣ, какъ Америка, каждый сознаетъ себя лучшимъ судьей всего, что касается его личнаго интереса, и подчиняется другимъ въ томъ, что касается взаимныхъ обязанностей гражданъ; что каждый равенъ по своему положенію другимъ: и если подчиняется обществу, то потому только, что ему выгодно соединеніе съ другими. Равенство, которое есть необходимое условіе демократіи, ведетъ къ силѣ общественнаго мнѣнія, ведетъ къ тому, что каждый, смотря на другихъ, какъ равныхъ себѣ, и не довѣряя авторитетамъ, ищетъ въ себѣ источника всѣхъ вѣрованій, направляетъ только къ себѣ всѣ чувства. Равенство, давая людямъ независимость, пріучаетъ ихъ слѣдовать своей волѣ и вселяетъ въ нихъ любовь къ свободѣ. Представляя выгоды демократіи въ Америкѣ, а съ другой стороны опасность отъ крайняго индивидуализма, легкую возможность деспотизма и развитія централизаціи, онъ не считаетъ демократіи достояніемъ только С.-Американскихъ штатовъ, а видитъ въ исторіи человѣческихъ обществъ постепенный ходъ къ ней. Поэтому идти противъ такого историческаго движенія, даже желать воспротивиться ему, по его мнѣнію, все равно что бороться съ самимъ Богомъ.—Къ принципу раздѣленія властей онъ относится, какъ къ установившемуся уже въ государственной теоріи и практикѣ и не вызывающему сомнѣній. Притомъ же и самая роль наблюдателя, принятая имъ на себя, заставляла его касаться не столько вообще теоретическаго развитія политическихъ началъ, сколько ихъ примѣненія. Въ Америкѣ онъ находитъ возможно полное раздѣленіе и равновѣсіе властей; судебная власть пользуется тѣмъ политическимъ значеніемъ, которое даетъ возможность считать ее властью отдѣльною и самостоятельною, такою же, какъ и остальныя. Такое положеніе ея онъ находитъ вполнѣ сообразнымъ

съ развитіемъ индивидуализма: въ Америкѣ, говоритъ онъ, человѣкъ никогда не подчиняется человѣку, но суду и закону. (Démocratie en Amérique I, 2, 73, 85, 114 и др.; II, 115, 376 и др.). Такимъ образомъ въ свободной странѣ права индивидуума сдерживаютъ притязанія государства, и судьѣ принадлежитъ право рѣшать столкновенія между ними *).

Господство народной власти, о которомъ говорили демократическіе писатели, должно было исключить всякую мысль о равномъ положеніи властей. Такъ это мы видимъ, напримѣръ, у Берріа Сенъ-При (Théorie du droit français. Esprit de la constitution de 1848, éd. 1851.) Раздѣленіе властей онъ считаетъ вполнѣ естественнымъ, вытекающимъ изъ самой природы вещей. Какъ въ человѣкѣ различаются воля и дѣйствія, такъ точно и въ собирательномъ существѣ—народѣ. Оно есть гарантія свободы, но не единственная и непогрѣшимая, которая бы мѣшала законодательной власти издавать тиранническіе законы, исполнительной—примѣнять ихъ съ угнетающей строгостью и судебной—нарушать свои обязанности. Но достаточно и того, что оно служитъ помѣхой деспотизму. Что касается до самаго числа властей, то онъ принимаетъ двѣ точки зрѣнія: если раздѣлять ихъ по управленію общими дѣлами, то будутъ только двѣ власти—законодательная и исполнительная; если же брать во вниманіе отношеніе лицъ между собой, то будутъ три власти: законодательная, судебная и исполнительная (§§ 705, 707, 718, 719). Но основаніе этого различія не можетъ быть признано правильнымъ, по крайней мѣрѣ оно не соотвѣтствуетъ порядку, принятому во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ: вездѣ въ нихъ глава исполнительной власти принимаетъ участіе въ законодательствѣ; здѣсь же исполнительная власть принимается въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова и означаетъ дѣятельность только низшихъ ея агентовъ. И это тѣмъ болѣе неосновательно, что самъ Берріа признаетъ, какъ мы увидимъ, невозможность строгаго отдѣленія законодательной отъ исполнительной властей. Если разсматривать эти отношенія лицъ между собой въ сферѣ государственной дѣятельности, то всѣ они будутъ принадлежать къ области у-

*) Laboulaye: Alexis de Tocqueville.

правленія общими дѣлами. Что касается до судебной власти, то, какъ увидимъ, Берріа считаетъ ее необходимой. Самъ онъ не держится этого различія и слѣдуетъ конституціи 48-го года, говоря вообще о трехъ властяхъ.

Законодательная власть признается имъ выше другихъ, потому что объявляетъ народную волю, слѣдовательно она неограниченна. Но она не можетъ измѣнить конституціи, не можетъ предписать дѣйствій неисполнимыхъ, измѣнить природы вещей, не можетъ измѣнить правилъ, относящихся до дѣйствія ея самой, не можетъ связать сама себя, ограничить свою власть, а можетъ измѣнить прежніе законы. Задача законодательной власти двоякая: съ одной стороны—формулировать волю, давать предписанія во имя государства; съ другой—установлять правила, болѣе или менѣе общія, образа дѣйствія, обязательныя для индивидуумовъ и самаго государства въ его отношеніяхъ къ индивидуумамъ. Въ первомъ случаѣ она представляетъ народъ: принимаетъ мѣры высшей администраціи, взимаетъ подати, опредѣляетъ расходы, заемъ, отчужденіе земель, объявляетъ войну и заключаетъ миръ. Во второмъ случаѣ она прилагаетъ разумъ къ человѣческимъ дѣйствіямъ, чтобы изгнать произволъ, обнародываетъ своды гражданскаго и уголовнаго права и пр. Въ первомъ случаѣ она—высшая административная власть, во второмъ—собственно законодательная. (§§ 723—727.) На практикѣ трудно провести черту, отдѣляющую законодательную власть отъ исполнительной, потому что законодатель не можетъ предвидѣть всѣхъ потребностей и предоставляетъ это агентамъ исполнительной власти. Но такое препорученіе части законодательной власти чиновникамъ низшаго порядка есть всегда нѣчто исключительное. Въ такомъ случаѣ, когда законодательное собраніе формулируетъ только принципъ или опредѣляетъ только цѣль, а установленіе потребностей предоставляетъ исполнительной власти, слѣдовательно, когда при приложеніи закона нужно не одно простое исполненіе, а и дѣятельность мысли,—исполнительная власть становится какъ бы въ малыхъ размѣрахъ законодательной. Но при этомъ свои опредѣленія она должна соображать съ общими началами, изложенными въ законахъ. Слѣдовательно, препорученіе ей со стороны законодательной власти части правъ возможно только ограниченное, исключительное (§§ 708—710, 925, 926, 946). Итакъ полное раз-

дѣленіе между этими властями, такое, которое бы дѣлало ихъ независимыми одна отъ другой или ставило бы ихъ на одинаковую степень, невозможно; или, какъ выражается Сенъ-При, невозможно смотрѣть на нихъ, какъ на соперничествующія другъ съ другомъ. Такъ какъ представительное собраніе опредѣляетъ налоги и издержки, утверждаетъ договоры, займы, рѣшаетъ о войнѣ и мирѣ, однимъ словомъ даетъ высшее направленіе дѣламъ, то не можетъ быть понятнымъ желаніе освободить изъ подъ его вліянія власть, обязанную приводить въ исполненіе его волю. По отношенію къ судебней власти, исполнительная, если смотрѣть на нее въ примѣненіи къ гражданскому и уголовному законодательству, занимаетъ низшее положеніе, такъ какъ ея агенты обязываются рѣшеніемъ судьи, исходящимъ изъ толкованія закона (§§ 923, 927, 928). Судебная власть не есть проявленіе воли или дѣйствія государства, какъ законодательство и исполненіе; она беретъ свое начало изъ другой мысли, но тѣмъ не менѣе справедливой. Она вызывается необходимостью безпристрастной власти между спорящими лицами, власти, которая бы признавала право, прилагая законъ къ данному случаю. Рѣшеніе ея не есть еще исполнѣніе закона, потому что оно, чтобы перейти въ такое, нуждается въ употребленіи общественной силы; но оно есть обязательное толкованіе закона, облегчающее его приложеніе въ случаяхъ разнорѣчія. Судебная власть занимаетъ, такимъ образомъ среднее мѣсто между законодательствомъ и исполненіемъ: законодательная власть предписываетъ обязанности; судебная подтверждаетъ, что такія-то обязанности возложены на такія-то лица; исполнительная принуждаетъ эти лица исполнять обязанность, подтвержденную второй и т. п. Чтобы открыть существованіе права и обязанности, судья разбираетъ факты: его рѣшеніе въ этомъ случаѣ не зависитъ отъ высшей воли. Судья вмѣшивается только въ споры, какъ скоро обращаются къ его власти; исполнительная власть управляетъ дѣлами государства, не призванная къ этому никакой просьбой, въ случаѣ же процесса она вмѣшивается, только послѣ рѣшенія судьи. По своимъ обязанностямъ судебная власть менѣе обширна, чѣмъ исполнительная, и это понятно: она чужда веденія государственныхъ дѣлъ. Но тѣмъ не менѣе она составляетъ власть отдѣльную. И по отношенію къ исполнительной власти, Берріа до того защищаетъ положеніе су-

дебной, что не допускаетъ происхожденія ея отъ королевской: допустить это значитъ предоставить судъ главѣ исполнительной власти (§§ 706, 708, 1999—1203). Судъ, какъ и всякая другая власть, истекаетъ изъ народа. Народу принадлежитъ суверенитетъ, онъ свободно распоряжается собой и можетъ ввести у себя даже деспотизмъ, совершивъ, впрочемъ, этимъ крайне неблагоразумный поступокъ. Поэтому народу принадлежитъ учредительная власть, все равно какъ отдѣльному человѣку принадлежитъ право распоряжаться своимъ интересомъ, имуществомъ, принадлежитъ право опредѣлять, какъ онъ воспользуется своей свободой въ границахъ, назначенныхъ закономъ (§§ 5, 1210).

Такимъ образомъ Берріа прибавляетъ здѣсь уже четвертую власть, вполнѣ народную и неограниченную и не вполнѣ сходную съ законодательной, которая въ своихъ дѣйствіяхъ стѣснена нѣкоторой ограниченностью правъ.

И современные демократическіе французскіе писатели слѣдуютъ началу раздѣленія властей: одни изъ нихъ идутъ въ этомъ случаѣ болѣе рѣшительной дорогой, принимаютъ его въ существенномъ значеніи, другіе—какъ только формальное выраженіе. Изъ первыхъ назовемъ Жюль Симона. Общепринятыя три власти онъ приводитъ къ одному источнику—народу. Законодательная власть должна принадлежать ему, потому что законъ, чтобы быть справедливымъ и въ тоже время имѣющимъ силу, долженъ быть выраженіемъ общей воли; поэтому законы составляются представителями. Исполнительная и судебная власти также истекаютъ изъ народа; но такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о составленіи закона, который долженъ слѣдовать въ своемъ развитіи волѣ и интересамъ народа, а о примѣненіи его таковымъ, каковъ онъ есть, со всей единообразной правильностью, то народъ предоставляетъ свои права не представителямъ, а лицамъ повѣреннымъ (délegués). Эти власти учреждаются народомъ для того, чтобы онъ зависѣлъ только отъ одного закона. Законъ облегчаетъ всякій прогрессъ, онъ есть дѣйствительное выраженіе общей воли; между тѣмъ какъ администрація и судъ суть силы, облеченныя обязанностью налагать иго общей воли на частныя. О необходимости отдѣлить законодательную власть отъ исполнительной онъ говоритъ почти тоже, что Монтескье. Что же касается до судебной и исполнительной властей, то между ними онъ видитъ несогласимую противополож-

ность: послѣдней предоставляется управленіе всѣми общественными лицами, первая же ничего не дѣлаетъ иного, какъ только квалифицируетъ (qualifier); исполнительная власть представляетъ прогрессивную силу закона, судебная есть его охранительница; первая должна воодушевляться чувствами націи, вторая должна рѣшать съ безусловнымъ безпристрастіемъ. Изъ всѣхъ человѣческихъ учрежденій судебная власть менѣе всего человѣческая. Она есть безразличная логика, прилагающая законъ таковымъ, каковъ онъ есть, не измѣняя никогда принципа и не взирая на лица. Она касается не только частныхъ лицъ, но когда и государство, какъ лицо, защищаетъ какой либо интересъ, она рѣшаетъ споръ между нимъ и частнымъ лицомъ, защищаетъ послѣднее, когда оно терпитъ отъ государства или его чиновниковъ. Она должна быть независима, что необходимо и для власти, для свободы которая должна быть сильна и уважаема (La liberté, 2 ed. II, 244—258).

Другой современный писатель, Лабуле считаетъ раздѣленіе властей доктриной, простой истиной наблюденія. Это начало имѣетъ, по его мнѣнію, относительное достоинство и приводится къ слѣдующему: нужно, чтобы власти законодательная, судебная и исполнительная не соединялись въ однѣхъ рукахъ; но такое раздѣленіе не должно мѣшать тому, чтобы исполнительная власть имѣла участіе въ законодательной, законодательная имѣла вліяніе на администрацію или чтобы судебная, при нуждѣ, восполняла недостаточность законовъ. Это мнимое смѣшеніе властей такъ необходимо, что тамъ, гдѣ установляется ихъ полнѣйшее раздѣленіе, приходятъ къ результатамъ наиболѣе страннымъ. Полнѣйшее раздѣленіе—это война между властями *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по отношенію къ судебной власти, онъ держится взглядовъ конституціи Сѣверо-Американскихъ штатовъ.

Такимъ образомъ между приведенными писателями демократическаго направленія мы могли замѣтить значительное согласіе какъ относительно невозможности послѣдовательнаго проведенія начала раздѣленія, что̀ исключало бы, какъ уже говорено, и всякую мысль о господствѣ народной власти, такъ и относительно невозможности признанія его единственной охраной народ-

*) Histoire des Etats-Unis, III t., 292, 293, также Alexis de Tocqueville.

ныхъ правъ и свободы. Но такого рода его ограниченія не мѣшаютъ ему, однако, держаться во французской литературѣ съ большой твердостью. Мало того: есть еще довольно такихъ писателей, которыхъ можно назвать послѣдователями Монтескье и которые признаютъ это начало неоспоримымъ и развиваютъ его также аксіоматически, какъ и тотъ. Если исполняющій законы, говорятъ они, въ тоже время предписываетъ ихъ, то въ такомъ случаѣ, пожелая захватить имущество подданныхъ, онъ объявитъ его принадлежащимъ себѣ по закону и, пользуясь исполнительною властью, овладѣетъ имъ. Точно также онъ можетъ отнять у гражданъ ихъ свободу, ихъ жизнь—и все это по конституціи, если только этому не помѣшаютъ уваженіе къ основнымъ законамъ, къ правамъ и благоразумію главы государства; и въ послѣднемъ случаѣ гражданинъ можетъ быть свободенъ фактически, но конституція не обезпечитъ ему свободы. Тоже самое случится, если законодательной власти дана будетъ сила исполнительной, будетъ ли эта власть избрана народомъ, или непосредственно принадлежать ему. Народъ въ цѣлости можетъ угрожать своими законами и своей силой безопасности каждаго—и въ такомъ государствѣ масса могущественна, но никто неспокоенъ, потому что не можетъ быть увѣренъ, что не попадетъ въ число тѣхъ, кому угрожаетъ народная сила *). И доводы Монтескье въ пользу отдѣленія судебной власти отъ другихъ приводятся его послѣдователями.

Вообще принципъ раздѣленія, какъ извѣстно, на столько растяжимъ, что онъ понимается каждымъ писателемъ своеобразно и что онъ принимается не только демократическими писателями, но и другими разныхъ оттѣнковъ, болѣе или менѣе либеральными и консервативными. Не перечисляя всѣхъ ихъ, что было бы и не по силамъ для насъ и утомительно, укажемъ на болѣе замѣчательныхъ. Какъ извѣстно, во французской политической литературѣ весьма богатый отдѣлъ ея составляютъ сочиненія по административному праву. Болѣе замѣчательные авторы ихъ исходятъ изъ того же, какъ и другіе, принципа. Такъ Вивьенъ видитъ въ раздѣленіи властей необходимое условіе свободныхъ правительствъ и естественный результатъ историческаго развитія по-

*) Смотри у Жане II, 387—395.

литическихъ учрежденій. Но на это раздѣленіе онъ не смотритъ, какъ на полное, какъ на такое, которое бы лишало одну власть возможности участвовать въ дѣятельности другой; съ другой стороны на взаимное отношеніе властей онъ не смотритъ съ точки зрѣнія ихъ равновѣсія, какъ на отношеніе равныхъ. Администрація служитъ закону, подчинена ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ она развиваетъ принципы, изложенные въ общихъ чертахъ въ законѣ, говоритъ вмѣсто него въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не все высказалъ. Она составляетъ одну часть дѣятельности исполнительной власти; другую часть представляетъ политика, состоящая въ иниціативѣ, направленіи дѣлъ, дающая администраціи свой духъ, свою мысль, такъ сказать, свое знамя, представляющаяся головою по отношенію къ администраціи—ея рукамъ. Политика въ конституціонномъ государствѣ переходитъ отчасти къ законодательному собранію. Такимъ образомъ исполнительная власть соприкасается съ законодательными органами вдвойнѣ. Судебная власть хотя и подчинена авторитету законодательной и исполняетъ законъ, подобно исполнительной, такъ что ее считаютъ вѣтвью послѣдней, однако она составляетъ власть самостоятельную, отличную отъ той. Она защищаетъ права частныя и индивидуальныя, администрація же охраняетъ интересы общіе и коллективные; она неизмѣнно прилагаетъ законъ,—администрація подчиняется времени и мѣсту. (Etudes administratives, 3 ed. I, 3—30 и др.) Такимъ образомъ здѣсь исполнительной власти придано уже нѣсколько большее значеніе, чѣмъ въ сочиненіяхъ демократической школы.

Изъ начала раздѣленія властей выходитъ и Лаферьеръ въ своемъ Cours de droit public et administratif. Провести это раздѣленіе, пріурочить каждой власти ея права и соблюсти необходимую гармонію между всѣми властями—въ этомъ заключается идеалъ политическаго устройства. Отъ смѣшенія или надлежащаго раздѣленія трехъ властей происходитъ раздѣленіе между абсолютными и свободными правительствами. Раздѣленныя и уравновѣшенныя одна съ другой, онѣ составляютъ свободное государство, которое мы называемъ представительной монархіей, какую мы видимъ въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи, въ Пьемонтѣ, или республикой, какъ въ Соединенныхъ штатахъ (5 éd. I, 82). На раздѣленіи властей административной и судебной основывается учрежденіе ад-

министративной юстиціи: администрація, имѣющая цѣлью обезпечить исполненіе законовъ въ интересахъ общемъ и мѣстномъ, предпринимать полезныя мѣры въ интересахъ земледѣлія, торговли и промышленности, должна пользоваться для этого правомъ устранять препятствія и разрѣшать возраженія, иначе она будетъ зависимой и сдѣлается невозможной. Независимость административной власти есть основаніе порядка, установившагося во Франціи для разрѣшенія прерѣканій о подсудности между этой властью и судебной (II, 511, 567). Обращаясь къ существовавшему недавно порядку во Франціи, онъ видитъ, что законодательная власть отправляется коллективно императоромъ, сенатомъ и законодательнымъ собраніемъ; что императоръ есть глава исполнительной власти, т. е. правительства, управленія и суда (I, 95, 126); но на сколько это устройство соотвѣтствуетъ проведенію начала раздѣленія властей или на сколько различно это проведеніе во Франціи, въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ—онъ умалчиваетъ. Однако это раздѣленіе не ведетъ къ тому, чтобы всѣ законы, которыхъ извѣстныя предписанія должны быть прилагаемы судебной властью, были внѣ области административнаго права. Есть законы, которыхъ приложеніе, по отношенію къ наказуемости и вопросамъ собственности, принадлежитъ судебной власти, но которые въ то же время составляютъ существенную часть административнаго права: таково напр. лѣсное законодательство, законы о косвенныхъ податяхъ, законы объ экспропріаціи для общественной пользы и пр. Эти законы смѣшанной природы: сумма ихъ предписаній, въ отношеніяхъ администраціи къ частнымъ лицамъ, входитъ въ область административнаго права; гражданскія или уголовныя предписанія относятся къ вѣдѣнію гражданскаго или исправительнаго суда. Вопросы о собственности или свободѣ относятся къ вѣдомству суда; вопросы, касающіеся отношенія администраціи къ управляемымъ, принадлежатъ вѣдѣнію административнаго права (I, 335). Такимъ образомъ связь между тою и другою властью постоянная.

Въ естественномъ порядкѣ конституціонныхъ государствъ эти власти подчинены закону и народному контролю и распоряжаются своими дѣйствіями въ области, имъ опредѣленной. Народный суверенитетъ, который пребываетъ какъ принципъ неизмѣнный и неизгладимый, но большей частью бездѣятельный, въ

массѣ всѣхъ гражданъ, одушевляетъ эти власти началомъ препорученія, такъ что онѣ получаютъ въ государствѣ второстепенный суверенитетъ, возложенный на нихъ. Но народный суверенитетъ не есть власть, а онъ отожествляется съ обществомъ; въ организованномъ же обществѣ необходима кромѣ его самого власть, которая имъ управляетъ. Общество, т. е. народный суверенитетъ, выходитъ изъ своего пассивнаго и обычнаго состоянія для того, чтобы назначить главу государства или династіи или органъ своихъ желаній; но власть, сама по себѣ, есть нѣчто высшее самого общества: это идея, исходящая свыше для его блага (I, 10—12). Такимъ образомъ народный суверенитетъ или общество, не имѣющее никакой власти, бездѣятельное и выходящее изъ своего сна только для назначенія династіи, и второстепенный суверенитетъ, пользующійся дѣятельной властью, служили только оправданіемъ императорской конституціи и никакъ не содѣйствовали поддержанію начала народной власти.

Такой же взглядъ на раздѣленіе властей и на отношеніе его къ администраціи видимъ и у другихъ писателей. И Дарестъ (Rodolphe Dareste: La justice administrative en France, 1862) въ административной юстиціи видитъ слѣдствіе раздѣленія властей, такъ какъ администрація сама становится единственнымъ судьей въ своемъ дѣлѣ, не подчиняясь суду. Однако раздѣленіе, по его мнѣнію, не должно быть безусловно: было бы чистой химерой воплощать, если можно такъ выразиться, каждую изъ трехъ властей въ особомъ лицѣ и доводить отвлеченіе до его крайнихъ предѣловъ, не обращая вниманія ни на требованія практики, ни даже на удобство. При этомъ онъ указываетъ на существующія учрежденія. Государь участвуетъ въ законодательной власти посредствомъ санкціи и права издавать регламенты и ордонансы. Палаты представляютъ собою не только законодательное собраніе, но и политическое, и даже прежде всего; онѣ, между прочимъ, держатъ подъ своимъ контролемъ и исполнительную власть чрезъ отвѣтственныхъ министровъ. Судебная власть, не говоря уже о другихъ государствахъ, а во Франціи, въ которой раздѣльность властей проведена болѣе, чѣмъ гдѣ либо, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и политическая, и нельзя отрицать, что кассаціонный судъ участвуетъ до нѣкоторой степени въ законодательной власти. Если французскіе суды не обсуждаютъ, какъ американ-

скіе, конституціонности законовъ, то, по крайней мѣрѣ, обсуждаютъ законность регламентовъ административной власти. Съ другой стороны французскіе суды не пользуются всей судебной властью: администраціи предоставляется право рѣшать споры, возбужденные противъ ея актовъ. Такимъ образомъ принципъ раздѣленія властей, кромѣ невозможности своего исключительнаго проведенія, не вездѣ имѣетъ одинаковое значеніе (166, 20—203).

Также и Батби (Traité théorique et pratique de droit public et administratif, I—VII), повторяя буквально слова Лаферьера о различіи, которое производится принципомъ раздѣленія между свободными и абсолютными правительствами, придаетъ самому принципу не безусловное значеніе. Онъ даетъ объясненіе и теоріи Монтескье, но сообразное съ своимъ взглядомъ. Эта теорія не исключаетъ перевѣса одной изъ властей надъ другими, перевѣса, необходимаго даже въ порядкѣ вещей, иначе все остановится, тогда какъ невозможно осудить на неподвижность человѣческія силы. Это мы видимъ въ исторіи: во Франціи до 48 г. господствовала буржуазія палаты депутатовъ; теперь господствуетъ исполнительная власть. Совершенное равновѣсіе, слѣдовательно, невозможно. Но изъ того, что одна власть перевѣшиваетъ другія, слѣдуетъ ли, что она должна поглощать все около себя и что нужно уничтожить всѣ точки сопротивленія? Человѣческое тѣло есть организмъ, но силы, заключающіяся въ немъ, состоятъ въ равновѣсіи, сдерживаютъ и ограничиваютъ господствующую силу, не уничтожая ея. Монтескье зналъ, что въ Англіи аристократія составляетъ силу, на самомъ дѣлѣ дѣйствующую, что, господствуя въ палатѣ перовъ посредствомъ наслѣдственности старшихъ сыновей своихъ фамилій, вліяя на общины чрезъ выборы младшихъ, могущественная въ графствахъ административною и судебною властью мировыхъ судей, всюду представляемая развитіемъ аристократическаго духа, аристократія имѣетъ почти всю дѣйствительную власть, что она управляетъ, прикрываясь именемъ короля, которому ничего не остается кромѣ почетнаго титула. Эта сила, однако, не безграничная и встрѣчаетъ на своемъ пути власти королевскую и палаты общинъ, изъ которыхъ первая защищаетъ исполнительную власть, а послѣдняя—народные интересы противъ поглощающихъ стремленій аристократіи. Въ правительствѣ съ властями, находящимися въ равновѣсіи (gouvernement équi-

libré), всего болѣе слѣдуетъ опасаться непостоянства, которое дастъ перевѣсъ то одной силѣ, то другой. Изъ такого непостоянства будутъ проистекать: недостатокъ послѣдовательности, вредный для хода дѣлъ, неожиданные перерывы, отсутствіе связи съ благотворнымъ развитіемъ общества. Къ счастію такое положеніе временное: послѣ нѣсколькихъ колебаній перевѣшиваетъ та или другая власть. Но если одна сила становится господствующей, то слѣдуетъ ли, чтобы она поглощала всѣ прочіе элементы и уничтожала всякое препятствіе? Никогда. У властей всегда, даже и тогда, когда онѣ подчинены, остается достаточно энергіи для того, чтобы сдѣлать невозможными злоупотребленія. Какою бы слабою не представляли себѣ законодательную власть, она всегда будетъ серьёзнымъ препятствіемъ для абсолютнаго государя. Итакъ раздѣленіе властей, какое понималъ Монтескье, ничто иное, какъ господство одной изъ властей, соединенной съ другими, сдерживающими ее какъ бы уздою (I, 58—60, III, 367—369 и др.).

Всѣ приведенные сейчасъ писатели, не признавая, подобно демократическимъ, безусловности принципа раздѣленія, давали большій, чѣмъ тѣ, вѣсъ исполнительной власти. Въ числѣ властей они вполнѣ слѣдовали Монтескье.

Французская революція 89 г., сопровождавшаяся различными опытами государственнаго устройства, произвела замѣчательное распаденіе во мнѣніяхъ людей: явилось множество партій, и каждая съ своими идеалами, которыми думала залѣчить вызванные ею недуги. Уже указано было, что одни видѣли такіе идеалы въ водвореніи господства церкви и религіозныхъ началъ и въ возстановленіи уничтоженныхъ революціей правъ и привилегій; другіе—въ возвышеніи королевской власти и третьяго сословія и въ распространеніи конституціонныхъ формъ. Но были и такіе, которые считали необходимымъ для водворенія лучшаго политическаго порядка господство свободы. Это высказалъ Детютъ де

Траси въ своихъ Комментаріяхъ на сочиненіе Монтескье (Destutt de Tracy: Commentaires sur l'Esprit des lois) *) Въ своихъ замѣчаніяхъ на раздѣленіе властей у Монтескье онъ, подобно тому, исходитъ изъ связи этого начала со свободою. Онъ задаетъ вопросъ (XI к.): разрѣшена ли у Монтескье задача распредѣленія властей въ обществѣ самымъ благопріятнымъ для свободы образомъ? И затѣмъ переходитъ къ опредѣленію свободы, идея которой, въ обширномъ смыслѣ, есть ничто иное, какъ идея силы, возможности осуществлять свою волю. Такое осуществленіе необходимо для благополучія. Слѣдовательно чѣмъ, болѣе свободы, тѣмъ болѣе счастія, тѣмъ болѣе прочности въ извѣстномъ порядкѣ. Энтузіасты, говоритъ онъ, которые ставятъ ни во что счастіе, когда говорятъ о свободѣ, высказываютъ вдвойнѣ нелѣпую мысль: ибо если счастіе можетъ быть отдѣлено отъ свободы, то безъ сомнѣнія оно должно быть предпочтено; но нѣтъ свободы, когда нѣтъ счастія, ибо въ такомъ случаѣ надо заставлять свою волю терпѣть. Изъ этого совпаденія благополучія и счастія со свободой Траси не выводитъ, однако, безусловности понятія о свободѣ націи: нація, говоритъ онъ, должна считаться совершенно свободною, когда ей нравится ея правительство, если даже оно, по своей природѣ, согласно съ принципами свободы менѣе, чѣмъ другое, которое ей не нравится. Учрежденія улучшаются соотвѣтственно распространенію въ массѣ народа знаній, такъ что лучшія изъ нихъ абсолютно не всегда лучшія относительно. Слѣдовательно не форма правительства составляетъ сама по себѣ важное обстоятельство въ жизни народа.—И Траси, подобно Монтескье, считаетъ крайне опаснымъ для свободы и, стало быть, для благополучія гражданъ соединеніе властей или, какъ онъ выражается (XI к.), трехъ главныхъ функцій и даже двухъ между ними. Ибо, говоритъ онъ, если одинъ человѣкъ или одно собраніе будутъ облечены, въ одно и тоже время, властью желать и исполнять, то безспорно, они будутъ слишкомъ могущественны, чтобы кто либо могъ осудить ихъ и еще менѣе принудить. Если только тотъ, кто составляетъ законы, будетъ и судить, то онъ,

*) Въ первый разъ напечатано въ Филадельфіи въ 1811 г.; я пользовался парижскимъ изданіемъ 1819 г.

безъ сомнѣнія, станетъ господиномъ тѣхъ, которые исполняютъ ихъ; если же тотъ, кто страшнѣе всѣхъ фактически, потому что располагаетъ физической силой—пользующійся исполнительной властью—присоединитъ и функціи судьи, тогда легко можетъ случиться, что законодатель будетъ предписывать ему только такіе законы, которые онъ пожелаетъ принять. Указать такого рода опасности, по мнѣнію Траси, не заслуга, потому что онѣ слишкомъ очевидны; но трудно найти средства, чтобы избѣжать ихъ. Монтескье, замѣчаетъ онъ, избавилъ себя отъ такого рода трудности: ему болѣе нравилось быть увѣреннымъ, что они уже найдены. Разрѣшеніе такой задачи онъ открылъ въ англійской конституціи и такое предубѣжденіе въ ея пользу заставило его забыть, что функціи законодательная, исполнительная и судебная ничто иное, какъ функціи препорученныя, которыя могутъ доставить власть или довѣріе тѣмъ, кому онѣ ввѣрены, но не власти, существующія сами по себѣ. Есть только одна правовая власть—народная воля, фактической же нѣтъ другой, кромѣ человѣка или собранія, облеченныхъ исполнительными функціями, располагающихъ деньгами и войскомъ и имѣющихъ въ своихъ рукахъ всю физическую силу. Монтескье не отрицаетъ этого, но и не думаетъ объ этомъ. Онъ постоянно смотритъ только на три воображаемыя имъ власти, какъ на независимыя и соперничествующія, которыя нужно только согласить и сдержать для того, чтобы все шло хорошо, и совершенно не принимаетъ въ соображеніе національныхъ силъ. Чтобы три власти могли дѣйствовать согласно, для этого нужно, чтобы король былъ дѣйствительно повелителемъ парламента, чтобы онъ распоряжался имъ или путемъ страха или подкупа. Есть только одно, что можетъ говорить въ пользу этой организаціи, представленной Монтескье,—это, по мнѣнію Траси, твердая воля націи, которая понимаетъ, что она существуетъ, которая обладаетъ мудростью, состоящею въ непреодолимой привязанности къ сохраненію индивидуальной свободы и свободы печати. При крайнихъ злоупотребленіяхъ короля своей властью англійскій народъ, по словамъ Траси, заявлялъ свою твердую волю тѣмъ, что низвергалъ его, какъ это случилось въ XVII в. два раза и какъ это всегда возможно на островѣ. Въ томъ, что англійскій народъ низлагалъ своихъ королей, въ теченіи своей исторіи шесть или семь разъ, онъ и видитъ твердую точку опоры его консти-

туціи. Но, прибавляетъ онъ, это не есть конституціонное средство, а скорѣе возстаніе, предписываемое необходимостью. Траси, упрекая Монтескье въ томъ, что онъ не обратилъ никакого вниманія на силы народа, самъ всюду сопоставляетъ ихъ съ королевской властью. Такое сопоставленіе въ англійской конституціи приводитъ его къ тому, что онъ видитъ въ ней только двѣ власти, изъ которыхъ одна пользуется всей дѣятельной силой и почти никакой общественной благосклонностью; другая не имѣетъ никакой силы и пользуется всей благосклонностью до той минуты, пока не захочетъ низложить своего противника, и даже включая эту минуту;—приводитъ его къ мнѣнію, что эти двѣ власти, соединяясь, пользуются одинаковымъ правомъ измѣнить всѣ установленные законы, даже тѣ, которые опредѣляютъ ихъ существованіе и ихъ взаимное отношеніе, потому что никакой законъ не запрещаетъ имъ этого и онѣ дѣлали это нѣсколько разъ *). Такимъ образомъ свобода въ Англіи не установлена политическими законами, и если англичане пользуются ею до нѣкоторой степени, то это происходитъ болѣе отъ ихъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, чѣмъ другихъ. Поэтому Траси считаетъ, что великая задача, состоящая въ такомъ распредѣленіи властей общества, что ни одна изъ нихъ не можетъ преступать предѣлы, предписаннные ей общимъ интересомъ, и что всегда ее легко удерживать или вводить въ нихъ мирными и законными средствами,—эта задача не разрѣшена въ Англіи. Онъ отдаетъ честь этого разрѣшенія С.-Американскимъ штатамъ, конституція которыхъ предписываетъ, что должно случиться, когда исполнительный органъ, или законодательное собраніе, или оба вмѣстѣ превысятъ свою власть или окажутъ противодѣйствіе другъ другу. Но можно ли достичь разрѣшенія этой задачи въ государствѣ единомъ и нераздѣльномъ, не только что федеративномъ? Для этого законодательная и исполнительная власти не должны быть соединены въ однѣхъ рукахъ: первая должна быть ввѣрена собранію, вторая—что въ его глазахъ самое важное—не одному

*) При этомъ онъ дѣлаетъ такого рода примѣчаніе: считается положеніемъ, что въ Англіи король можетъ сдѣлать все, когда онъ находится въ согласіи съ своимъ парламентомъ.

лицу, такъ какъ единство необходимо для воли, а не для дѣйствія. Свою мысль онъ доказываетъ тѣмъ, что мы имѣемъ одну голову и нѣсколько членовъ, повинующихся ей; тѣмъ, что нѣтъ государя, который бы не имѣлъ нѣсколькихъ министровъ, которые въ дѣйствительности и исполняютъ, онъ же только желаетъ и часто не дѣлаетъ ничего. Послѣднее доказательство онъ подтверждаетъ и тѣмъ, что въ странахъ, устроенныхъ на подобіе Англіи, король имѣетъ значеніе только по участію въ законодательной власти, и если отнять отъ него это участіе, которое не должно принадлежать ему, то онъ будетъ совершенно безполезенъ. Законодательное собраніе и коллегія (corps) министровъ—вотъ, по его словамъ, дѣйствительное правительство. Что порученіе исполнительной власти нѣсколькимъ человѣкамъ представляетъ большія выгоды, чѣмъ одному лицу, это доказываетъ онъ тѣмъ, что большинство немногочисленнаго совѣта производитъ единство дѣйствія совершенно такое же, какъ и единый глава; что при такомъ устройствѣ исполнительной власти одинаково возможна скорость въ дѣйствіи, какъ и при единоличномъ, и даже гораздо чаще; что въ большомъ государствѣ исполненіе дѣлъ, хотя и направляемыхъ вообще законодательнымъ собраніемъ, должно быть ведено одинаковымъ образомъ и въ одной и той же системѣ; что одинъ человѣкъ мѣняетъ свои взгляды и принципы гораздо чаще, чѣмъ совѣтъ; что съ его удаленіемъ все измѣняется сразу, совѣтъ же измѣняется по частямъ, почему и разумъ его неизмѣненъ и вѣченъ. Въ противоположность этимъ выгодамъ онъ представляетъ невыгоды, истекающія изъ положенія монарха: избранный на время съ ограничительными условіями не выражаетъ собою идеи монарха; избранный на время безъ такихъ условій или самъ вдается въ интриги, или будетъ окруженъ интригами; избранный пожизненно напомнитъ собою королевскую власть въ Польшѣ, приведшую къ разложенію самое общество, или будетъ стремиться закрѣпить власть за своимъ семействомъ; монархъ неограниченный не соотвѣтствуетъ идеѣ народнаго суверенитета и пр. Такимъ образомъ исполнительная власть должна быть предоставлена небольшому собранію, послѣдовательно возобновляющемуся, а законодательная—болѣе многочисленному собранію, возобновляющемуся по частямъ ежегодно. Но оба эти собранія неодинаковы по своему значенію, такъ какъ одно изъ нихъ—первое по той простой при-

чинѣ, что нужно прежде желать, чѣмъ дѣйствовать; оба эти собранія не могутъ соперничать другъ съ другомъ или находиться во взаимной оппозиціи, такъ какъ второе непремѣнно зависитъ отъ перваго въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе слѣдуетъ за волей. Но въ дѣйствіе должна быть приводима только та воля, которая законна, слѣдовательно зависимость исполнительнаго собранія не можетъ быть страдательною, не можетъ быть такою, чтобы члены его были назначаемы или смѣняемы законодательнымъ собраніемъ. Такъ какъ одно изъ этихъ собраній можетъ упрекать другое въ дурномъ дѣйствіи, т. е. нарушеніи закона, другое же, въ свою очередь, можетъ упрекать первое въ дурномъ желаніи, т. е. въ составленіи законовъ противныхъ конституціи; то ясно изъ этого, что эти собранія могутъ и должны имѣть пренія, которыя должны оканчиваться мирно и законно. Слѣдовательно нужно еще одно въ политической машинѣ, чтобы она могла свободно двигаться: нужно еще политическое собраніе, которое должно облегчать и регулировать дѣйствія двухъ другихъ. Оно обязано провѣрять выборы членовъ законодательнаго собранія, вмѣшиваться въ выборы членовъ исполнительнаго совѣта, въ избраніе верховныхъ судей, отставлять членовъ исполнительнаго собранія по просьбѣ законодательнаго, рѣшать, вслѣдствіе такой же просьбы, имѣетъ ли мѣсто обвиненіе противъ нихъ, объявлять неконституціонными акты одного изъ собраній по представленію другаго или кого либо, имѣющаго на это право; объявлять, вслѣдствіе такого же представленія, когда долженъ быть произведенъ пересмотръ конституціи, и созывать для этого конвентъ или учредительное собраніе. Это охранительное собраніе состоитъ изъ пожизненныхъ членовъ, на первый разъ назначаемыхъ учредительнымъ собраніемъ, а затѣмъ избираемыхъ особыми собраніями изъ кандидатовъ, представленныхъ законодательнымъ и исполнительнымъ органами. Такое собраніе не можетъ пріобрѣсти огромной власти, замѣчаетъ Траси, потому что будетъ составлено изъ людей, довольныхъ своей судьбой, проживших годы страсти и проектовъ и обязанныхъ свои рѣшенія представлять на обсужденіе націи.

Но это замѣчаніе Траси нельзя назвать основательнымъ. Изъ того, что люди довольны своей судьбой, не слѣдуетъ, чтобы они не желали быть еще довольнѣй и получить еще большее значеніе, чѣмъ то, которымъ они пользуются. Положеніе же лицъ,

составляющихъ охранительное собраніе, таково, что они, имѣя въ своихъ рукахъ задатки значительной власти, но не пользуясь ею, будутъ стремиться къ ея пріобрѣтенію. И въ самомъ дѣлѣ: стоитъ обратить вниманіе на опроверженіе Траси того, что это собраніе можетъ пользоваться огромной властью, чтобы согласиться, что обезпеченіе отъ его произвола лежитъ не въ людяхъ, составляющихъ его, что само по себѣ это собраніе можетъ пріобрѣсти важное значеніе, представляясь постояннымъ, пользуясь, какъ такое, правомъ объявлять неконституціонными акты другихъ властей, вмѣшиваться въ выборы и пр. Болѣе дѣйствительное обезпеченіе отъ его произвола представляетъ обращеніе къ народной волѣ; но народная воля имѣетъ такое же отношеніе и ко всѣмъ другимъ властямъ, пользуясь учредительною властью. Такимъ образомъ эту охранительную власть мы почти можемъ прибавить къ двумъ, принимаемымъ Траси: законодательной и исполнительной; и во всякомъ случаѣ она будетъ имѣть не меньше значенія, чѣмъ исполнительное собраніе, какъ ввѣренная лицамъ пожизненно, а не временно, какъ послѣдняя власть. И тѣ двѣ, подобно охранительной, суть функціи одной власти—народной воли.

Упрекая Монтескье въ односторонности и въ предубѣжденіи въ пользу нѣкоторыхъ идей и политическихъ формъ, самъ Траси, конечно, выказываетъ большую широту взгляда, обращая вниманіе на народную силу и особенно на экономическое положеніе народа, что̀ у Монтескье совершенно упущено изъ вида; но и онъ, въ своей склонности къ извѣстнымъ формамъ и идеямъ, не чуждъ нѣкоторой односторонности. Такъ напримѣръ разрѣшеніе задачи распредѣленія властей наилучшимъ образомъ для свободы онъ находитъ только въ Соединенныхъ Штатахъ; государства же нефедеративныя только тогда разрѣшатъ ее, когда приблизятся къ ихъ устройству. Дѣйствительно, та организація властей или, вѣрнѣе, функцій народной власти, которую представляетъ Траси, есть республиканская, и даже болѣе, чѣмъ въ С. Америкѣ, такъ какъ единичное законодательное собраніе представляетъ собою всѣ крайности быстрой смѣны однихъ взглядовъ другими. Еще большую односторонность высказываетъ Траси въ сужденіи объ англійской конституціи: и на нее онъ смотритъ только съ точки зрѣнія сопоставленія королевской власти съ народной силой; весь

ходъ исторіи Англіи онъ объясняетъ этимъ сопоставленіемъ, совершенно забывая аристократію, которая играла такую важную роль въ судьбахъ своей страны, что многіе писатели, въ противоположность Траси, сопоставляютъ въ Англіи короля съ аристократіей, не вспоминая о народѣ. Онъ забываетъ, что если и бывали случаи, что англійская аристократія соединялась съ народомъ, то она относилась и враждебно къ нему. Мнѣніе его, что королевская власть въ Англіи имѣетъ свое значеніе только по участію въ законодательствѣ, опровергается всей политической исторіей этой страны и ея устройствомъ. Что возстанія и низложенія королей служатъ точкой опоры тамошняго устройства, это опровергаетъ и самъ Траси замѣчаніемъ, что они суть крайнія, неконституціонныя средства. Къ такимъ средствамъ обстоятельства заставляли прибѣгать народъ и не въ одной Англіи. Точку опоры не составляютъ крайнія мѣры, къ которымъ обращаются вѣками, потому что присутствіе ея необходимо всегда въ политическомъ строѣ каждой страны.

Что касается вообще до взгляда Траси на власти, то нужно замѣтить, что онъ смѣшиваетъ двѣ точки зрѣнія: различіе между ними по правамъ и обязанностямъ, принадлежащимъ имъ, и различіе по субъектамъ, обладающимъ ими. Такимъ образомъ у него съ указаннымъ сопоставленіемъ двухъ властей или съ народной волей смѣшивается дѣленіе по правамъ.

Взглядъ на судебную власть, какъ на такую, которая сливается съ другими и не составляетъ отдѣльной, взглядъ, котораго держится Траси, во французской литературѣ встрѣчается рѣдко. Такъ въ Dictionnaire de l'administration française Блокка (см. Administration) принимаются только двѣ главныя власти: законодательная и исполнительная. Послѣднюю, глава которой императоръ, составляютъ: правительство, администрація и судъ; правительство даетъ высшее направленіе государственнымъ интересамъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, даетъ побужденіе администраціи, а судъ творится въ его имя. Администрація и судъ призваны спеціально къ исполненію или приложенію законовъ, но каждая въ своей области. Но эти двѣ власти, хотя и вѣтви одной и той же, однако же параллельны между собой и

одна отъ другой независимы: онѣ, помогая другъ другу и дополняя одна другую, различаются между собой по своей природѣ, по своей силѣ, по своему объекту и по формѣ производства дѣлъ.

Французская литература XIX в. представляетъ намъ значительное согласіе съ Монтескье въ числѣ политическихъ властей; разногласіе же происходитъ, какъ это было и въ прошломъ столѣтіи, въ вопросѣ о первенствующемъ значеніи одной изъ нихъ, что зависѣло отъ направленія писателей. Такъ какъ вопросы конституціоннаго устройства въ настоящемъ вѣкѣ подверглись въ ней болѣе тщательному обсужденію и такъ какъ они были для нея нерѣдко вопросомъ дня, то вслѣдствіе этого болѣе опредѣлились и права каждой власти. Болѣе, чѣмъ относительно другихъ властей, встрѣчалось несогласіе относительно судебной, которая то соединялась съ другими, то получала политическое значеніе, такъ что положеніе ея было менѣе опредѣленно; но нужно замѣтить, что и въ этомъ отношеніи разнорѣчія между писателями были нечасты. Такъ какъ большинство писателей было противъ исключительнаго проведенія раздѣленія властей—слабая сторона теоріи Монтескье, дававшая твердую почву всѣмъ возраженіямъ, направленнымъ противъ нея,—то отрицалось и ихъ равенство. Вопросъ о ихъ равновѣсіи отдѣлялся большей частью отъ вопроса о ихъ раздѣленіи и рѣшался не всегда утвердительно. Нужно замѣтить, что тщательное изученіе конституціоннаго устройства заставило обратить прилежное вниманіе и на Англію; но результаты знакомства съ ея парламентарными формами были не всегда одинаковы. Такъ Траси, какъ мы знаемъ, выставлялъ почти исключительное вліяніе народа въ Англіи, другіе, какъ Батби, указывали на господство аристократіи. Послѣднее особенно старательно доказывалъ Леонъ Фоше въ своихъ Etudes sur l'Angleterre (1845 г.). Онъ называетъ равновѣсіе трехъ властей въ Англіи—демократіи, аристократіи и короля—воображаемымъ, романомъ конституціи, а не

ея исторіей; между этими властями и ихъ стремленіями не видитъ никакого различія. Въ подтвержденіе онъ приводитъ мнѣніе Сеніора, что теорія трехъ властей, дѣйствующихъ независимо одна отъ другой и взаимно контролирующихъ другъ друга, можетъ быть хорошей темой для школьниковъ, но совершенно неприложима къ дѣламъ великой націи *). Представительное правленіе у англичанъ, говоритъ Фоше, слагается изъ трехъ неравныхъ по достоинству вѣтвей: короля и двухъ палатъ; первый въ государственной іерархіи идетъ прежде послѣднихъ, а затѣмъ лорды пользуются предпочтеніемъ передъ общинами. Но степень значенія каждой власти идетъ не въ такой послѣдовательности. Король, по мнѣнію Фоше, на самомъ дѣлѣ менѣе могущественъ, чѣмъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, который ничего не можетъ сдѣлать безъ содѣйствія сената, чѣмъ венеціанскій дожъ, находившійся подъ контролемъ совѣта десяти; самый ничтожный баронетъ имѣетъ болѣе значительный кліентель и болѣе обширный патронатъ, потому что располагаютъ патронатствомъ, принадлежащимъ коронѣ, министры. Всемогущество въ Англіи всегда было и есть на сторонѣ аристократіи: она всегда была тамъ правительствомъ; ей принадлежалъ во всемъ починъ, такъ что она связана со всѣми революціями и реформами; ею установлена и развита свобода учрежденій, почему она всегда заботилась при этомъ и о своихъ частныхъ интересахъ; парламентарное правительство, правительство партій, власть общественнаго мнѣнія— все это ея дѣло. Поэтому всякому успѣху свободы въ исторіи Великобританіи соотвѣтствуетъ какой-нибудь успѣхъ аристократіи; поэтому все въ Англіи объясняется аристократіей: она есть ключъ всѣхъ общественныхъ аномалій. Она управляетъ въ Англіи посредствомъ двухъ палатъ, на отсутствіе различія между которыми указалъ еще Бентамъ; она не боится и силы общественнаго мнѣнія, потому что оно аристократическое: исходитъ сверху къ массѣ вмѣсто обратнаго порядка. Она усиливается еще и отъ того, что палата лордовъ пользуется судебною властью, какъ верховное судилище (II, 389—433 и др.). Вслѣдствіе такого господства аристократіи установляется согласіе въ дѣйствіи

*) National property.

трехъ властей, а не вслѣдствіе необходимой силы вещей, какъ предполагалъ Монтескье: въ послѣднемъ случаѣ, замѣчаетъ Фоше, и самыя дурныя правительства стоили бы самыхъ лучшихъ и порядокъ не отличался бы въ своихъ послѣдствіяхъ отъ анархіи.— Какой односторонностью страдаютъ такіе взгляды на англійскую конституцію, какъ только демократическую или какъ только аристократическую, это можно судить уже изъ представленнаго выше ея очерка, точно также и о томъ, дѣйствительно ли общины пользуются такимъ ничтожнымъ значеніемъ, а король имѣетъ такую незавидную роль, какъ говоритъ Фоше.

Теорія Монтескье, какъ извѣстно, вызвала въ Англіи цѣлый рядъ послѣдователей, благодаря трудамъ которыхъ она получила здѣсь такое значеніе, какимъ не пользовалась и на континентѣ. Нѣкоторые между ними, держась ея началъ, сами пріобрѣли такую извѣстность, что ихъ сочиненія сдѣлались предметомъ обработки для многихъ авторовъ. Таково, напр., сочиненіе Блакстона, которое, по выраженію Моля, составляетъ какъ бы юридическое евангеліе еще и теперь. Оно подвергалось множеству толкованій, которыя не отступали отъ его началъ и, слѣдовательно, косвеннымъ образомъ поддерживали и вліяніе идей Монтескье *). Изъ такихъ сочиненій особенно извѣстно Стивена (News Commentaries on the laws of England, 4 B.), которое не только слѣдуетъ системѣ Блакстона, но и въ теоретической части основывается, не говоря уже о мнѣніяхъ, даже на его словахъ, такъ что авторъ въ предисловіи огораживаетъ себя отъ отвѣтственности за нихъ. И въ изложеніи ученія о раздѣленіи властей и ихъ взаимныхъ отношеній Стивенъ совершенно слѣдуетъ Блакстону **).

---

*) У Моля во II т. Gesch. und Literatur на стр. 44 указаны нѣкоторыя такія сочиненія.

**) Book IV, part. I, ch. 1 и 6 по изд. 1848.

И въ родственной съ Англіей странѣ, воспитавшейся на одинаковыхъ началахъ,—въ С.-Американскомъ союзѣ—мы видимъ писателей, строго придерживающихся теоріи раздѣленія властей. Но, какъ уже было упомянуто, это не можетъ быть объяснено вліяніемъ авторитета Монтескье. Въ самомъ устройствѣ союза, какъ уже говорено выше, лежитъ много залатковъ болѣе послѣдовательной, чѣмъ въ другихъ странахъ, приложимости начала раздѣленія. Политическое же устройство представляетъ въ этомъ случаѣ достаточную фактическую основу для теоретическихъ положеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ и большую твердость и постоянство. Поэтому-то нѣкоторые американскіе писатели и провозглашаютъ это начало, какъ безусловное и неоспоримое. Такъ напр. Либеръ считаетъ раздѣленіе управленія по тремъ органамъ, или, точнѣе, раздѣленное ихъ положеніе свойственнымъ англо-американскому народу, необходимымъ для охраны свободы и получившимъ свое начало въ Англіи съ давнихъ поръ. Ихъ соединеніе, продолжаетъ онъ, порождаетъ безграничную силу, произволъ съ одной, рабство съ другой стороны, будутъ ли они соединены въ рукахъ одного, или многихъ, или массы. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ мнѣніе Вебстера: „первое желаніе всякаго свободнаго народа есть охрана своей свободы; свобода же охраняется соблюденіемъ границъ, положенныхъ конституціей, и правильнаго раздѣленія властей;... а отъ соблюденія границъ между ними зависитъ и продолжительность правильной свободы.“ Единство государственной власти Либеръ называетъ знаменемъ французскихъ друзей свободнаго государства, ведущимъ свое начало отъ воззрѣній Руссо на начало раздѣленія. Но это единство власти есть ничѣмъ нескрытое, нагое господство силы. „Мы же, говоритъ онъ, настаиваемъ на верховной власти, а не на безграничности законодательства; желаемъ равномѣрнаго единства согласно дѣйствующаго цѣлаго, но гнушаемся единства власти.“ Отрицаніе раздѣленія властей, по его словамъ, служитъ и друзьямъ господства народа и королямъ, видящимъ въ этомъ отрицаніи божественное право. И тѣ и другіе говорятъ противъ раздѣленія суверенитета, т. е., иначе говоря, противъ раздѣленія власти; ибо то, что ученые называютъ суверенитетомъ, не можетъ быть никогда раздѣлено, слѣдовательно не можетъ быть и приводимо противъ начала раздѣленія. Самовластіе или суверенитетъ есть

достаточный самъ въ себѣ источникъ всякой государственной власти, изъ котораго выводятся всѣ отдѣльныя власти. Онъ можетъ принадлежать только обществу, народу; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не есть безграничная власть. Гдѣ только есть безграничная власть, тамъ она осуществляется однимъ человѣкомъ, есть ничто иное, какъ господство одного лица. Поэтому и народное господство, стремящееся къ единству власти, приходитъ на самомъ дѣлѣ къ самовластію государя *).

Такое сужденіе Либера нельзя, впрочемъ, назвать безошибочнымъ. Оно болѣе справедливо относительно С.-Американскихъ штатовъ, но никакъ не Англіи, гдѣ начало раздѣленія властей не проведено въ такой степени, какъ въ нихъ. Если мы видимъ, что сами англичане открывали его въ своей конституціи, то въ этомъ случаѣ они гораздо болѣе подчинялись вліянію Монтескье. Но такое вліяніе здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, не могло оставаться долгое время непоколебимымъ. Оно дало сильный толчекъ изученію англичанами государственнаго устройства своей страны, но не могло, конечно, удержать ихъ на этомъ пути въ тѣхъ понятіяхъ. которыя почерпались изъ Esprit des lois. Тѣ слабыя стороны сочиненія Монтескье, которыя были замѣчены писателями на континентѣ, не могли не обратить на себя вниманія и здѣсь, и можетъ быть даже большаго, такъ какъ онѣ вытекали изъ разбора англійской конституціи. Такъ появились возраженія, повторяющіяся и теперь, противъ полнаго раздѣленія властей. Однако при этомъ дѣлаются уступки въ пользу судебной власти; напр. Россель, отрицая возможность полнаго отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной, не подтверждаемаго никакой конституціей и отрицаемаго уже тѣмъ, что парламентъ состоитъ изъ палаты и короля, главы послѣдней власти, признаетъ ее для судебной, указывая въ этомъ случаѣ на примѣръ Англіи, установившей ея независимость. Точно также онъ отрицаетъ выраженіе, что три элемента законодательной власти установляютъ равновѣсіе государственнаго устройства, считая болѣе правильнымъ уподобить ихъ соединеніе сложенію силъ

*) Lieber: Ueber die bürgerliche Freiheit und Selbstverwaltung, übers von Mittermaier, 1860, стр. 124 и сл.

въ механикѣ, такъ какъ соединенное движеніе опредѣляетъ направленіе цѣлаго *).

Англійскіе писатели находятъ невозможнымъ не одно послѣдовательное проведеніе начала раздѣленія; нѣкоторые не соглашаются и съ числомъ самыхъ властей. Такъ лордъ Брумъ, исходя изъ того, что въ каждомъ обществѣ существуетъ власть независимая и безконтрольная, которая и составляетъ основаніе всякой формы правительства, допускаетъ, однако, раздѣленіе верховной власти, видя въ этомъ удобство, оправдываемое различіемъ въ вѣдомствѣ властей. Необходимо, чтобы въ каждомъ государствѣ (community) правомъ издавать законы пользовалась власть, которая бы принадлежала извѣстной его части и дѣйствовала бы извѣстнымъ и одинаковымъ образомъ; иначе народъ не будетъ знать, кому повиноваться. Эта власть есть высшая на томъ основаніи, что, кто пользуется правомъ издавать законы, тотъ неизбѣжно имѣетъ право направлять и контролировать ихъ примѣненіе (administration) и исполненіе. Равно необходима и власть, которая бы предпринимала мѣры по приведенію въ дѣйствіе законовъ, которая бы исполняла то, что предписываютъ законы—исполнительная власть. Она можетъ сама отправлять судъ или поручить его отправленіе другимъ; также и законодательная власть можетъ сама отправлять всѣ судебныя функціи или только часть ихъ. Такъ въ государствахъ грубыхъ глава можетъ быть и законодателемъ, и исполнителемъ законовъ и судьей; въ государствахъ, вышедшихъ изъ такого состоянія грубости, глава исполнительной власти назначаетъ судей, которые должны отправлять судъ отъ его имени; а въ цивилизованныхъ государствахъ высшая или контролирующая судебная власть часто остается въ рукахъ того же собранія, которое пользуется и законодательной. Такимъ образомъ въ послѣднемъ случаѣ законодательная власть удерживаетъ за собою и эту отрасль исполнительной власти.— По различію способовъ установленія, распредѣленія и отправленія законодательной и исполнительной властей (такъ какъ онѣ вполнѣ охватываютъ собою всю дѣятельность государства) отличаются

*) John Russel: Essai sur l'histoire du gouvernement et de la constitution britanniques, trad par Derosne. 1865, стр. 109 и сл.

одна отъ другой и разныя формы правительства. Достоинство и недостатки послѣднихъ зависятъ отъ стремленія каждой изъ нихъ доставить самый лучшій способъ изданія законовъ, самое благотворное исполненіе изданныхъ законовъ, наивыгоднѣйшее распоряженіе средствами страны и т. п. (L. Brougham, Political Philosophy; I, ch. 2) То, что у Монтескье и его послѣдователей составляетъ теорію равновѣсія властей, относится у него къ природѣ смѣшанныхъ правительствъ.

Точно также и Льюисъ (Remarks on the use and abuse of some political terms, 1832) говоритъ только о двухъ властяхъ. Верховная власть, говоритъ онъ, отправляется посредствомъ двухъ: издающей законы и приводящей ихъ въ исполненіе. Послѣдняя, какъ наказывающая преступленія и охраняющая гражданскія права, должна быть въ постоянной дѣятельности. Дни междуцарствія и беззаконія—когда верховная власть бездѣйствуетъ, спитъ, когда ни лица, ни собственность не пользуются никакой охраной и когда наступаетъ полнѣйшая безнаказанность преступленій—достаточны для того, чтобы разрушить самое цвѣтущее государство. Слѣдовательно существованіе верховной исполнительной власти (the exeticuve sovereignty) должно быть безпрерывно. Между тѣмъ, когда государство уже основано и законы установлены, верховная законодательная власть (the legislative sovereignty) часто бездѣйствуетъ (in abeyance) въ теченіе долгаго періода времени (35 и сл.) Но это не значитъ, чтобы послѣдняя уступала въ своемъ значеніи первой: Льюисъ признаетъ, что исполнительная должна быть на столько подчинена законодательной, на сколько законодательство даетъ администраціи форму. А изъ этого вытекаетъ, что обѣ власти одинаково необходимы для существованія государства и каждая изъ нихъ зависитъ отъ другой; ибо если, съ одной стороны, законы не могутъ быть приводимы въ исполненіе, если они не составлены, то, съ другой, безполезно и составлять ихъ, если они не могутъ быть приводимы въ исполненіе. Стало быть изслѣдованіе объ относительной важности этихъ властей на столько же полезно, на сколько и обсужденіе вопроса о томъ, кто хуже: тотъ ли, кто замыслилъ злодѣяніе, или кто привелъ замыселъ въ дѣйствіе. Ибо если скажутъ, что преступленіе не было бы задумано, если бы не было кому совершить его, то

точно также можно сказать, что оно никогда не было бы совершено, если бы никогда не было обдумано. Фактъ тотъ, что если необходимы двѣ власти, то необходима и каждая изъ нихъ. Однако и затѣмъ онъ заключаетъ, что если смотрѣть на ихъ отправленіе, то исполнительная представляетъ большую важность, чѣмъ законодательная: ибо въ то время, какъ послѣдняя засыпаетъ, такъ сказать, на долгій промежутокъ, первая должна постоянно бодрствовать (45 и сл.) Что касается до равновѣсія властей, то, и по его мнѣнію, оно предполагаетъ соединеніе трехъ простыхъ формъ правительства. Законно не можетъ быть соперничество между различными властями одного и того же государства, какъ скоро есть верховная и нераздѣльная власть; и никакая другая власть, согласная съ законами, не можетъ войти съ нею въ соперничество. Но акты лицъ, составляющихъ верховную власть, могутъ подвергаться вліянію желаній, интересовъ и дѣйствій другихъ, и даже цѣлыхъ классовъ общества; такимъ образомъ, хотя невозможно законное равновѣсіе, нравственное должно существовать вездѣ (ch. X).

Отдавая полную справедливость силѣ и оригинальности выраженій, въ которыхъ Льюисъ говоритъ объ одинаковой необходимости законодательной и исполнительной властей, нельзя однако сказать, чтобы вопросъ о ихъ сравнительной важности рѣшался такъ просто. Одна изъ нихъ даетъ направленіе жизни всего государства, другая слѣдуетъ этому направленію.

И другой знаменитый современный англійскій мыслитель, Д. С. Милль обращаетъ вниманіе, подобно Льюису, на то значеніе, какимъ пользуется въ государствѣ исполнительная власть: она — та отрасль правительства, которая держитъ въ рукахъ непосредственную власть и которая находится въ прямомъ соприкосновеніи съ обществомъ; къ ней обращены всѣ надежды и опасенія людей; она раскрываетъ передъ глазами народа и благодѣянія и ужасы, распространяемые правительствомъ. Поэтому какъ скоро ей не будетъ противодѣйствія, какъ скоро власти, которыя должны сдерживать и умѣрять ее, не будутъ поддерживаемы народными мнѣніемъ и чувствомъ, она найдетъ средство отстранить ихъ или привести въ повиновеніе себѣ. (Le gouvernement représentatif, trad. Dupont—White, 1862; стр. 86.) Главная сдерживающая ее власть заключается въ народныхъ представительныхъ учрежденіяхъ, продолжительность или постоянство существованія кото-

рыхъ зависитъ отъ готовности народа къ борьбѣ за нихъ, когда они находятся въ опасности (87).

Такимъ образомъ въ указанномъ сочиненіи Милль принимаетъ двѣ власти: власть представительнаго собранія и исполнительную. Исполнительныя функціи, высшія ли, низшія ли, должны быть возложены на одно лицо: народное собраніе неспособно къ управленію, и если бы оно вздумало вмѣшиваться въ него, то такое вмѣшательство было бы почти всегда прискорбно. Всякая вѣтвь администраціи имѣетъ свои правила дѣйствія, имѣетъ свои особенныя преданія, изъ которыхъ многія извѣстны только тому, кто участвовалъ въ ея отправленіи. Настоящая же дѣятельность представительнаго собранія заключается не въ управленіи, къ которому оно положительно неспособно, а въ надзорѣ, контролированіи правительства, въ обнаруженіи его дѣйствій, въ ихъ порицаніи, въ требованіи отъ него отчета и объясненій, въ удаленіи отъ управленія лицъ, злоупотребляющихъ своею властью или отправляющихъ ее противно точной волѣ народа, въ назначеніи имъ преемниковъ. Кромѣ того парламентъ есть комитетъ жалобъ и конгрессъ мнѣній, арена, на которой выходятъ на свѣтъ не только общее мнѣніе народа, а и мнѣнія различныхъ его партій и, если возможно, замѣчательныхъ людей страны. Неспособный, такимъ образомъ, къ участію въ административной дѣятельности народъ не долженъ участвовать, ни лично, ни чрезъ своихъ представителей, и въ назначеніи органовъ исполнительной власти: право назначенія должно принадлежать одному лицу, имѣющему право и смѣнять подчиненнаго чиновника; оно распространяется на всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и на судей. Но исполнительная власть не остается безо всякаго отношенія къ представительному собранію: оно установляется какъ правами послѣдняго, касающимися первой, такъ и правами этой— распускать парламентъ (право, предоставляемое Миллемъ первому министру) и созывать новый (108, 123, 297—310).

Такого рода власти только и могутъ быть въ представительномъ государствѣ. Его управленіе есть типическій идеалъ совершеннаго. Ибо единственное управленіе, могущее удовлетворить всѣмъ требованіямъ общества, то, въ которомъ участвуетъ весь народъ, хоть бы отправляя и низшія общественныя должности, такъ какъ всякое участіе полезно; но какъ подобное участіе возможно

только въ маленькихъ государствахъ, то болѣе значительныя должны прибѣгать къ представительству (38). Такого рода государство соотвѣтствуетъ той основной идеѣ, которая проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Милля: оно, съ одной стороны, содѣйствуетъ развитію индивидуальности, только и производящему развитыя человѣческія существа и требующему ея огражденія отъ тираническаго на нее дѣйствія коллективнаго мнѣнія; съ другой — дастъ возможность обществу дѣйствовать на индивидуумовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы касаются главнымъ образомъ до него. Здѣсь соглашается, слѣдовательно, общее и единичное, подобно тому, какъ утилитаризмъ стремится къ соглашенію счастія и интересовъ каждаго со счастіемъ и интересами цѣлаго *).

Въ приводимомъ нами сочиненіи Милль указываетъ и на тѣ мѣры, со введеніемъ которыхъ въ представительное правленіе оно высвободитъ личность изъ подъ власти большинства. При этихъ мѣрахъ оно должно быть правленіемъ и вполнѣ народнымъ и лучшихъ умовъ, правленіемъ, не лишающимъ никакой классъ общества права участія въ политическихъ дѣлахъ. Съ этой точки зрѣнія онъ смотритъ и на то, что называютъ равновѣсіемъ властей. Во всякой конституціи, говоритъ онъ, долженъ быть центръ сопротивленія господствующей власти и, слѣдовательно, въ демократической — демократіи. На этомъ основаніи необходимы двѣ палаты; но вторая палата полезна только тогда, когда она можетъ разсчитывать на общественную поддержку. Такимъ образомъ въ демократической конституціи власть дѣйствительно умѣряющая должна дѣйствовать въ демократической палатѣ и чрезъ нее (286).

Этотъ обзоръ англійской литературы представляетъ намъ такое же разнообразіе мнѣній по вопросу о раздѣленіи властей, какое мы видѣли и въ другихъ. Но при этомъ мы, конечно, не замѣчаемъ того стремленія, которое овладѣвало весьма многими французскими писателями, представить необходимость господства исполнительной власти. Подобное стремленіе было бы и несогласно съ самымъ государственнымъ устройствомъ Англіи. Англійскіе

*) См. его On liberty и Utilitarianism.

писатели не уменьшали, какъ мы видѣли, значенія этой власти, но не считали ея возвышенія разрѣшеніемъ задачи государственнаго единства. Твердое и сильное слово науки, исходящее изъ наблюденія надъ явленіями государственной жизни, ищетъ разрѣшенія этой задачи въ соглашеніи интересовъ лица и общества, въ освобожденіи меньшинства изъ-подъ давленія .большинства, а лица изъ подъ гнета силы, откуда бы она ни выходила. Самое разрѣшеніе можетъ быть и неудачно; но дѣло не въ немъ, а въ указаніи его необходимости, въ постановкѣ его вопросомъ, требующимъ усерднаго изслѣдованія.

VI.

ОТНОШЕНІЕ НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАСТОЯЩАГО ВѢКА КЪ УЧЕНІЮ О РАЗДѢЛЕНІИ ВЛАСТЕЙ.

Мы уже говорили о томъ различіи, какое замѣчается въ нынѣшнемъ вѣкѣ между нѣмецкой съ одной стороны и французской, англійской и другими политическими литературами съ другой. Мы уже знаемъ, что монархическій принципъ, полагающій такую рѣзкую грань между писателями нѣмецкими и другихъ странъ, утвердился въ политикѣ Германіи въ настоящемъ столѣтіи; знаемъ, какъ онъ и установился въ ней. Для насъ любопытно теперь прослѣдить, въ какое отношеніе стала къ нему нѣмецкая литература и какъ онъ установился въ ней; и это тѣмъ болѣе любопытно, что оно покажетъ намъ, не совершилось ли и здѣсь того, что было въ политикѣ нѣмецкихъ государствъ, выразившей установленіемъ этого принципа свое отношеніе къ началу раздѣленія властей.

И въ самомъ дѣлѣ, на нѣмецкую политическую литературу, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго ея изложенія, торжественное признаніе этого принципа и усиленное примѣненіе его всѣми германскими государствами оказало рѣшительное вліяніе. Уже въ прошломъ столѣтіи упрекали, какъ мы знаемъ, теорію Монтескье въ отсутствіи единства между властями: установленіе монархическаго принципа дало теперь сразу писателямъ это недостающее единство, а главное—ту точку отправленія, отъ которой они ис-

ходили въ своихъ сужденіяхъ объ этой теоріи. Естественно, что, при такой исходной точкѣ и при ея совпаденіи съ такою же въ политикѣ, между нѣмецкими писателями появилось болѣе враговъ теоріи раздѣленія, чѣмъ послѣдователей. Число послѣднихъ было сравнительно незначительно, и при томъ они относились къ ней своеобразно, подчиняясь большею частью вліянію того же германскаго начала.

Воинственное и патріотическое пробужденіе Германіи въ началѣ настоящаго столѣтія положило рѣзкую печать на состояніе ея общества того времени; оно не осталось безъ сильнаго вліянія и на самую ея литературу и наложило густой оттѣнокъ и на произведенія ея писателей. Но оно не прервало того философскаго направленія, которое приняла нѣмецкая литература въ XVIII вѣкѣ. Исканіе абсолютныхъ началъ, стоящихъ надъ дѣйствительностью и не почерпнутыхъ изъ нея, начатое философами прошлаго столѣтія, теперь продолжалось еще болѣе усиленно, совпадая съ такимъ же стремленіемъ къ абсолютному и въ сферахъ практической дѣятельности. Такимъ образомъ единый дѣятельный разумъ Фихте становится у Шеллинга всеобщимъ, индивидуальное я—абсолютнымъ, тожество субъекта съ объектомъ совершается не въ самосознаніи, какъ у Фихте, а въ пространствѣ *). Я Шеллинга—это абсолютная сила, абсолютное дѣйствіе, абсолютная необходимость. Все есть проявленіе этой силы, также какъ и право, въ которомъ выражается гармонія необходимости и свободы. Государство есть внѣшній организмъ этой гармоніи, только выраженной въ реальномъ, въ противоположность церкви, представляющей эту гармонію въ идеальномъ. Оно есть высшее представленіе тожества всеобщаго и особеннаго: одно видимое учрежденіе связываетъ множество отдѣльныхъ воль **).

Не таково абсолютное, къ которому стремилась философія Гегеля: оно не останавливается только на согласіи всеобщаго съ особеннымъ, а оно—вѣчно двигающееся, безконечно развивающее-

---

*) См. Шталя: Geschichte der Rechtsphilosophie; 373—414.

**) Поэтому самое совершенное государство—то, гдѣ такое тожество всецѣло, т. е. древнія республики: здѣсь народъ былъ и единство, какъ государь, и множество, какъ народъ.

ся и возвращающееся къ самому себѣ. Движеніе его представляютъ моменты развитія духа, проведеннаго Гегелемъ по всѣмъ степенямъ науки и жизни: какъ чистая мысль, развивающая понятіе,—логика; какъ чистая мысль, развивающаяся во внѣ, въ пространствѣ и времени,—философія природы, и какъ мысль, возвращающаяся изъ природы къ себѣ самой, сознающая себя въ себѣ, слѣдовательно какъ духъ, личность,—философія духа. Такимъ образомъ, чтобы дойти до возвращенія къ себѣ самому, духъ прежде всего является субъективнымъ, какъ личность, я, сознающій свою противоположность съ объективнымъ міромъ; далѣе—объективнымъ, выражающимся во внѣшнемъ бытіи, созидающимъ себѣ собственный міръ, и наконецъ—абсолютнымъ, какъ соединеніе субъективнаго съ объективнымъ, осуществляющееся въ искусствѣ, религіи и философіи. Извѣстно, какимъ діалектическимъ пріемомъ совершается у Гегеля это развитіе всего реальнаго изъ чистой мысли; онъ состоитъ изъ положенія, которое переходитъ въ противоположеніе, а затѣмъ слѣдуетъ соединеніе ихъ обоихъ въ одномъ высшемъ (моменты: отвлеченный, діалектическій и спекулятивный; напр. право, преступленіе и наказаніе и т. п.) *).

Право относится къ объективному духу, какъ проявленіе свободной воли, т. е. свободнаго практическаго духа (Grundlinien der Philosophie des Rechts, herausg. von Gans, § 4). Свободная воля является прежде всего, какъ отвлеченное, абстрактное—лицо; это область формальнаго, абстрактнаго права, куда принадлежатъ собственность, договоръ и нарушеніе права. Вторая степень—воля, какъ субъективно обособляющая себя: область морали. И наконецъ третья—единство первыхъ двухъ моментовъ, всеобщей воли въ ея абстрактномъ понятіи и воли въ ея дѣятельности, область нравственности, куда относятся семейство, гражданское общество и государство (§§ 5—7, 33). Государство онъ понимаетъ и представляетъ какъ разумное само въ себѣ (Vorrede, 18 стр.): оно есть дѣйствительность нравственной идеи, духъ, субстанціальная воля, сознающая себя, исполняющая то, что она знаетъ. Въ этомъ субстанціальномъ един-

*) Смотри критику этого пріема у Шталя въ Gesch. der Rechtsph. 414 и сл.; у Сергѣевича: Задача и метода, 68 и сл.

ствѣ, которое есть само себѣ цѣль, абсолютная, неизмѣнная свобода достигаетъ своего высшаго, правоваго развитія; поэтому главная обязанность отдѣльныхъ лицъ быть членами государства. Государство онъ разсматриваетъ само по себѣ, какъ непосредственную дѣйствительность—это государственное устройство или внутреннее государственное право, въ связи съ другими государствами—внѣшнее государственное право, и какъ духъ, осуществляющійся въ процессѣ міровой исторіи (§§ 257—259). Государство есть организмъ. Этотъ организмъ государства или, что одно и то же, его политическое устройство, есть во-первыхъ процессъ органической жизни государства по отношенію къ самому себѣ; во-вторыхъ онъ даетъ государству индивидуальность по отношенію къ другимъ. Государство во внутренней своей дѣятельности есть гражданская власть, во внѣшней же—военная власть, которая составляетъ опредѣленную сторону его жизни. Задача государства поставить эти обѣ стороны въ равновѣсіе. Иногда, замѣчаетъ Гегель, гражданская власть совершенно исчезаетъ, опирается только на военную, какъ было во времена римскихъ императоровъ и преторіанцевъ; иногда же, какъ въ новыя времена, военная власть исходитъ изъ гражданской, когда всѣ граждане обязаны служить въ войскѣ (§ 271).

Государство есть организмъ, т. е. развитіе идеи въ ея различіяхъ, которыя составляютъ различныя власти. Государственное устройство тогда разумно, когда государство различаетъ и опредѣляетъ свою дѣятельность по природѣ своего понятія и притомъ такъ, что каждая изъ властей (т. е. не военная и гражданская, а тѣ, о которыхъ сейчасъ будетъ сказано) сама въ себѣ есть цѣлое. Эти власти: законодательная, опредѣляющая и устанавляющая всеобщее, правительственная—подчиненіе особыхъ и отдѣльныхъ случаевъ общему, и власть государя (княжеская, fürstliche), въ которой первыя двѣ сходятся въ единство, которая есть вершина и начало цѣлаго—конституціонной монархіи (§§ 269, 272, 273). Единство идеи не допускаетъ такого раздѣленія властей, которое исключало бы ихъ единство, не допускало бы ихъ соглашенія, соединенія въ одно цѣлое. Въ раздѣленіи властей, какъ понимаетъ его отвлеченный разумъ, заключается отчасти ложное назначеніе самостоятельности ихъ, одной относительно другой, отчасти односторонность—представить ихъ взаимныя отно-

шеній какъ отрицательныя, какъ взаимное ограниченіе. Съ самостоятельностью властей законодательной и исполнительной наступаетъ или разрушеніе государства, или борьба, исходомъ которой будетъ подчиненіе одной власти другой. Каждая власть должна заключать въ себѣ цѣлостное понятіе: должна заключать въ себѣ другіе моменты и въ то же время пребывать въ своей идеальности и составлять только одно индивидуальное цѣлое. Въ этомъ субстанціальномъ единствѣ моментовъ заключается существенное назначеніе государства. Поэтому взглядъ новыхъ государствъ, по которому органъ правительственной власти исключается изъ законодательства, совершенно ложенъ (§§ 272, 276, 300).

Власть короля содержитъ въ себѣ, слѣдовательно, три момента всего цѣлаго: всеобщность устройства и закона, обсужденіе, какъ отношеніе особеннаго ко всеобщему, и моментъ послѣдняго рѣшенія, какъ самоопредѣленіе, въ которомъ сходятся всѣ прочіе и откуда начинается приведеніе въ дѣйствительность (§ 275). Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы монархъ могъ поступать произвольно; напротивъ того, онъ связанъ конкретными случаями обсужденія, и когда конституція прочна, то ему часто ничего не остается дѣлать, какъ подписывать свое имя. Но это имя важно: это вершина, черезъ которую нельзя перейти. Разсуждать о неспособности, о личныхъ качествахъ монарха Гегель считаетъ неосновательнымъ: при совершеннѣйшей организаціи государства вся суть вопроса заключается въ главенствѣ формальнаго рѣшенія (§§ 279 и 280). Наслѣдственность этой власти необходима по идеѣ совершеннѣйшаго государства. —Правительственная власть, подъ которою понимаются судебная и полицейская, имѣетъ своей задачей исполненіе и примѣненіе рѣшеній конституціоннаго государя, проведеніе и сохраненіе разъ уже рѣшеннаго, охраненіе законовъ, учрежденій для общей цѣли и пр. Всѣ чиновники, необходимые для отправленія этой дѣятельности, стягиваются, такъ сказать, къ одной вершинѣ—монарху. Они составляютъ главную часть средняго сословія (§§ 287, 289, 292, 297). —Законодательная власть, какъ цѣлое, соприкасается и съ другими моментами: съ монархическимъ, отъ котораго исходитъ высшее рѣшеніе, съ правительственною властью, которая помогаетъ ей своими конкретными свѣдѣніями и особенно знаніемъ нуждъ государства, и наконецъ съ сословнымъ элементомъ, который помогаетъ осуществляться обще-

ственному сознанію, какъ эмпирической всеобщности взглядовъ и мыслей многихъ (т. е., иначе говоря, объективному моменту всеобщей свободы).

Въ такомъ осуществленіи онъ видитъ естественное назначеніе сословій; мнѣніе же, что народъ или выборные изъ народа понимаютъ всегда лучше свое благо, онъ отвергаетъ: народъ часто не знаетъ, чего онъ хочетъ. Дѣла направляются къ общественному благу гораздо лучше опытными въ ихъ веденіи и глубже понимающими учрежденія и нужды государства высшими правительственными лицами; добрая же воля сословій, направленная къ достиженію блага такова, что чернь всегда вноситъ отрицательный взглядъ, предполагая въ правительствѣ злую или весьма мало доброй воли. Гегель даже не видитъ въ сословіяхъ никакой особенной, исключительной гарантіи свободы; главными же гарантіями онъ считаетъ верховную власть монарха, наслѣдственность трона, устройство суда. Впрочемъ онъ считаетъ сословія посредствующимъ органомъ между правительствомъ, съ одной стороны, и народомъ въ его индивидуумахъ и особенныхъ сферахъ, т. е. интересами отдѣльныхъ лицъ и круговъ, съ другой (§§ 300—302). Лица, составляющія сословный элементъ, должны имѣть одинъ характеръ, одинъ взглядъ, одну волю, соотвѣтствующую ихъ отношенію къ общимъ дѣламъ (§ 309); они должны при этомъ выходить изъ различныхъ корпорацій гражданскаго общества, должны быть представителями не отдѣльныхъ лицъ, а существенныхъ круговъ общества, каждой его отрасли, его великихъ интересовъ (торговыхъ, фабричныхъ и пр., § 311). Дальнѣйшія разсужденія его о сословіяхъ, какъ не относящіяся сюда, мы опускаемъ, тѣмъ болѣе, что изъ приведеннаго уже мнѣнія о нихъ ясно, какъ онъ понимаетъ государственное единство.

Это единство заключается въ монархѣ. Въ немъ замѣчается нераздѣльное единство двухъ моментовъ: отвлеченнаго, чистаго самоопредѣленія воли и непосредственнаго бытія; поэтому монархъ есть индивидуумъ. Это не есть одно логическое единство: въ понятіи этого непосредственнаго единства лежитъ назначеніе природы. Впрочемъ, переходъ отъ понятія чистаго самоопредѣленія къ непосредственности бытія и вмѣстѣ съ тѣмъ къ естественности, по признанію Гегеля, чисто спекулятивнаго характера, и его познаніе принадлежитъ логической философіи (§§ 279 и 280),

Однако этотъ переходъ не логическій только: у Гегеля онъ связанъ съ государственнымъ суверенитетомъ, который состоитъ въ единствѣ дѣлъ и властей (§ 278). Поэтому и народный суверенитетъ, какъ понятіе противоположное суверенитету монарха, есть ложное понятіе: народъ безъ монарха и необходимаго расчлененія общества ничто иное, какъ безформенная масса. О народномъ суверенитетѣ можно говорить въ такомъ смыслѣ, что народъ во внѣшнихъ отношеніяхъ представляетъ самостоятельное цѣлое и образуетъ государство; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ теряетъ эту верховную власть, какъ скоро не имѣетъ своего собственнаго государя или своего правительства (§ 279).

Поэтому не можетъ быть и рѣчи о томъ, кто можетъ составлять конституцію? Этотъ вопросъ предполагаетъ отсутствіе всякой конституціи, предполагаетъ только простую атомистическую массу индивидуумовъ. Конституція не должна быть разсматриваема, какъ нѣчто произведенное, дѣланное (ein Gemachtes). Поэтому и власть государя, въ которой различныя власти достигаютъ до индивидуальнаго единства, которая, слѣдовательно, есть начало и вершина цѣлаго, эта власть есть власть короля въ конституціонной монархіи (§ 273).

Остальныя части ученія Гегеля о внѣшней дѣятельности государства и о всемірно-историческомъ развитіи его, какъ не относящіяся къ нашему предмету, мы обходимъ.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вообще философіи права Гегеля *), не указывая на недостатки его діалектическаго пріема и то на взаимное уничтоженіе права и морали, то на соединеніе ихъ въ нравственности, на невозможность соединенія того, что уничтожаетъ другъ друга, на значеніе личности, какъ только логическаго момента **), на невозможность его выведенія государства изъ невозможнаго противоположенія общества семейству и т. п., обращаемся къ вопросу, занимающему насъ. Гегель, подобно другимъ писателямъ, отрицаетъ раздѣленіе властей, какъ понимаетъ

*) Многія, достойныя вниманія замѣчанія см. у Шталя: Rechtsphilosophie.

**) Субстанціальная мысль есть начало и конецъ (у Гегеля), альфа и омега, личность же только переходная ступень, средство привести безличное къ его существованію. Шталь, 458.

его отвлеченный разумъ. Причины тѣ же, какія выставлялись и другими: несоотвѣтствіе идеѣ государственнаго единства, практическія затрудненія и вредныя послѣдствія, вмѣстѣ съ тѣмъ несогласіе съ самымъ понятіемъ властей. Новаго здѣсь не высказано ничего; слѣдуетъ разсмотрѣть, каково его разрѣшеніе этого вопроса.

Упрекъ, который дѣлаетъ Гегель отвлеченному разуму, какъ понимающему начало раздѣленія своеобразно, заставляетъ насъ ожидать, что онъ не удовольствуется выведеніемъ этого начала изъ него; и это ожиданіе не остается обманутымъ, когда мы видимъ, что онъ для указанія ошибокъ отвлеченнаго разума обращается къ дѣйствительности. Но такое ожиданіе можетъ ли быть оправдано исходной точкой Гегеля: я, созидающимъ все изъ себя? Согласно ли съ этимъ творчествомъ духа выведеніе необходимости единства между властями не изъ одного отвлеченія? И здѣсь мы видимъ такую же непослѣдовательность въ пріемѣ Гегеля, какая заключается въ выведеніи его разумнаго въ государствѣ. Но допустимъ, что раздѣленіе властей у него должно соотвѣтствовать единству логическому и выводимому изъ него—государственному. Развитіе этого единства представляется въ трехъ властяхъ, изъ которыхъ каждая соотвѣтствуетъ особому моменту: всеобщности—законодательная, обособленія—правительственная и соединенія того и другого—королевская власть. Если прилагать къ разложенію этого понятія о власти діалектическій пріемъ Гегеля (понятіе, противоположное и единство обоихъ), то можетъ ли быть противоположною законодательной власти та, которая не предписываетъ законовъ, а исполняетъ ихъ, хотя бы сюда мы отнесли и судебную власть? Противоположною будетъ такая власть, которая, дѣйствительно, не предписываетъ законовъ, но въ тоже время и не исполняетъ ихъ, такая, которая должна, какъ противоположеніе первой, исключать ее, уничтожать ея дѣятельность. Слѣдовательно, въ этихъ двухъ моментахъ заключается та враждебность властей, въ которую, по обвиненію Гегеля, ставитъ ихъ отвлеченный разумъ. Необходимо, стало быть, примиреніе этой враждебности, для чего является монархическая власть. Но это только примиреніе, а не слитіе обоихъ моментовъ въ третьемъ, какъ бы требовалось по діалектическому пріему. Шталь и замѣчаетъ, что монархическая власть, какъ послѣдній моментъ, не сливаетъ первыхъ

двухъ, а сохраняетъ ихъ оба; тогда какъ въ другихъ случаяхъ, когда употребляется этотъ моментъ, слiяніе противоположностей ведетъ или къ торжеству одного понятія, или къ уничтоженію обоихъ *). Приложеніе такого пріема къ раздѣленію властей оказывается далѣе невозможнымъ и потому, что если законодательная опредѣляетъ всеобщее, то правительственной не остается никакого опредѣленія, такъ какъ частные случаи должны входить въ общее, а только выводить изъ общаго опредѣленія разрѣшеніе на частные случаи, примѣнять первое къ послѣднимъ. Ясно, что уже во всеобщемъ дается требуемое единство и что королевской власти остается только сохранять оба момента. Обнимая такимъ образомъ оба начала, монархъ представляется уже не одной вершиной или началомъ цѣлаго, а цѣлымъ, охватывающимъ части.

Тройственное начало проходитъ у Гегеля и чрезъ нѣкоторыя власти въ отдѣльности; такъ въ монархической заключаются три момента цѣлаго: всеобщность закона, обсужденіе и самоопредѣленіе. Но эти моменты охватываютъ собою почти всю государственную дѣятельность: всеобщность закона представляетъ собою ту обязательную его силу, которая вытекаетъ изъ совокупнаго дѣйствія короля и органа законодательной власти; обсужденіе заключаетъ въ себѣ дѣятельность законодательнаго собранія въ конституціонномъ государствѣ; самоопредѣленіе—моментъ послѣдняго рѣшенія, который принадлежитъ конституціонному монарху, и вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ его полной самостоятельности. Такимъ образомъ законодательной власти нечего и дѣлать, такъ какъ какъ вся ея дѣятельность переходитъ къ монарху; остается только для приложенія закона правительственная власть. Это очевидно и изъ самой дѣятельности законодательной власти.

Въ чемъ же можетъ состоять дѣятельность этой власти, когда все охватываетъ монархическая? Чѣмъ она отличается отъ послѣдней? Отвѣтъ можно вывести изъ соприкосновенія ея съ другими властями. Гегель говоритъ, что каждая власть заключа-

*) Такъ напр. наказаніе, какъ единство права и преступленія, уничтожаетъ преступленіе и даетъ торжество понятію права; міровой духъ (міровая исторія), какъ единство различныхъ государствъ и развитіе духа различныхъ народовъ, уничтожаетъ то и другое, сливая ихъ. Rechtsphilosoph ie. 443.

етъ въ себѣ цѣлостное понятіе и содержитъ въ себѣ другіе моменты. Такое соприкосновеніе необходимо и по идеѣ единства, проходящей между ними. Такимъ образомъ монархическая власть соприкасается съ правительственной и законодательной, тѣ двѣ другъ съ другомъ и съ монархической. Но соприкосновеніе ихъ неодинаково: въ монархическую всѣ другія власти входятъ какъ ея элементы; законодательная соприкасается съ правительственной на столько на сколько послѣдняя помогаетъ ей своими конкретными свѣдѣніями; правительственная соприкасается съ нею, какъ прилагающая ея постановленія къ частнымъ случаямъ, какъ подчиненная; и наконецъ обѣ онѣ соприкасаются одинаково съ монархической, отъ которой исходитъ для нихъ высшее рѣшеніе. Таково должно быть ихъ соприкосновеніе; на самомъ же дѣлѣ, такъ какъ всѣ моменты дѣятельности законодательной власти входятъ въ монархическую, то первая не можетъ соприкасаться съ послѣднею, а поглощается ею. Поэтому не можетъ быть у нея и того соприкосновенія съ правительственной властью, какого бы слѣдовало ожидать, такъ какъ конкретныя свѣдѣнія безполезны для нея, какъ неимѣющей своей дѣятельности. Поэтому Гегель, чтобы отличить ее или дать ей какое нибудь значеніе, вводитъ ее въ соприкосновеніе съ сословнымъ элементомъ. Но откуда этотъ элементъ, съ которымъ не соприкасается никакая другая власть? Ясно, что онъ введенъ Гегелемъ для полноты построенія его системы не изъ отвлеченія, что онъ долженъ имѣть такое же значеніе для законодательной власти, какое моментъ самоопредѣленія въ монархической, долженъ отличать ее отъ другихъ подобно тому, какъ послѣдній составляетъ существеннѣйшій для монарха, придавая ему значеніе вершины.

Между тѣмъ сословный элементъ не имѣетъ почти никакого значенія въ системѣ государственнаго ученія Гегеля. Всеобщность, составляющая характеръ законодательной власти и отличающая ее отъ другихъ, должна бы заключаться именно въ этомъ элементѣ и вытекать изъ него; между тѣмъ онъ представляется у Гегеля какъ бы случайнымъ. Сословія, да и то не всегда, а по какой-то снисходительности, Гегель признаетъ только посредствующимъ органомъ между правительствомъ и интересами отдѣльныхъ лицъ и круговъ; они помогаютъ только высказываться всеобщности (съ сословной точки зрѣнія) взглядовъ; своего же бла-

га, права, свободы они не понимаютъ. Въ довершеніе всего во главѣ сословій онъ ставитъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, по замѣчанію даже Шталя, котораго нельзя упрекнуть въ привязанности къ конституціоннымъ правамъ народа, народное представительство Гегеля таково, что государь и чиновники могутъ управлять и безъ него такъ же, какъ и съ нимъ. Но еслибы даже Гегель и придавалъ какое нибудь значеніе сословному элементу, то и въ этомъ случаѣ онъ не стоялъ бы твердо на почвѣ дѣйствительности, изъ которой онъ заимствуетъ его. Сословный элементъ принимается имъ въ буквальномъ смыслѣ: въ немъ отражаются интересы отдѣльныхъ лицъ, круговъ, правительственныхъ чиновъ, но не идея народнаго единства; при раздѣльности интересовъ, сословія не могутъ выражать этой идеи. Правда, повидимому этотъ элементъ приближается къ характеру новыхъ временъ тѣмъ, что существеннѣйшую часть его составляетъ среднее сословіе, въ которомъ сосредоточиваются высшее образованіе и юридическое сознаніе народа; но на самомъ дѣлѣ это образованное среднее сословіе сводится къ чиновничеству. Слѣдовательно у Гегеля не имѣется того начала, которое главнѣйшимъ образомъ представляетъ въ конституціи идею государственнаго и народнаго единства; сословный элементъ, какъ онъ принимается имъ, болѣе соотвѣтствуетъ сословнымъ государствамъ, а не современнымъ — конституціоннымъ; самая же законодательная власть, по ничтожности существеннѣйшаго ея элемента—сословнаго, представляется также ничтожною.

Такого рода союзы и отдѣльныя лица, не представляющія собою даже народа въ своей политической дѣятельности—если только можно назвать дѣятельностью ихъ роль въ государствѣ—безъ сомнѣнія изображаютъ собою безформенную массу, нуждающуюся въ постоянномъ воздѣйствіи на нее зодчаго, который бы далъ ей и поддерживалъ стройность, единство формы. Главная сила единства заключается въ монархѣ, какъ средоточіи властей: отъ него исходитъ послѣднее рѣшеніе; въ немъ заключается и государственный суверенитетъ, кототорый состоитъ въ единствѣ дѣлъ и властей. За народомъ Гегель признаетъ верховную власть (суверенитетъ) только во внѣшнихъ дѣлахъ, и то вмѣстѣ съ монархомъ. Такимъ образомъ и здѣсь народъ получаетъ свою форму, только благодаря связи съ послѣднимъ. По отношенію же ко

внутреннему суверенитету, ко внутреннимъ дѣламъ государства, Гегель не говоритъ объ этой связи между государемъ и народомъ: первый составляетъ цѣлое, выраженіе института властей. Однако, облекая государя такимъ всесиліемъ, Гегель признаетъ ограниченіе его конкретными случаями обсужденія, признаетъ, что въ прочно установившихся конституціяхъ ему ничего не остается дѣлать, какъ только подписывать свое имя, въ какомъ случаѣ онъ переходитъ въ область формальнаго права. Гегель находитъ, что въ этомъ имени заключается вся государственная сила. Но намъ извѣстно, что моменты монархической власти вовсе не таковы, чтобы ей въ какомъ либо случаѣ оставалось только формальное рѣшеніе, приходилось только подписывать свое имя. Подобное формальное положеніе никакъ не сходится и съ тѣми правами, которыя Гегель предоставляетъ въ дѣйствительности королю. Нужно при этомъ замѣтить, что, отдѣливъ его власть отъ правительственной, онъ избѣгъ того затрудненія, которое встрѣчается во многихъ вопросахъ конституціоннаго права, касающихся взаимнаго отношенія властей. Такъ, по его ученію, не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно права монархической власти издавать временныя распоряженія законодательнаго характера (Verordnungen), такъ какъ вся законодательная сила заключается въ ней.

Что касается до правительственной власти, то сліяніе въ ней функцій исполненія и суда мы видѣли уже у многихъ писателей; только тѣ, при этомъ, указывали на ихъ различіе, Гегель же не обратилъ вниманія на него.

Стараясь съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ многіе другіе писатели, возстановить единство властей, Гегель не столько указывалъ на ихъ различіе, сколько на ихъ соединеніе, такъ что его ученіе о властяхъ можно назвать ученіемъ о ихъ объединеніи. При такомъ стремленіи ему не могло представиться никакихъ затрудненій и въ опредѣленіи ихъ взаимныхъ отношеній, тѣмъ болѣе, что представительство не пользовалось въ его глазахъ никакимъ значеніемъ. Поэтому у него не могло явиться и вопроса о ихъ равновѣсіи. Онъ впрочемъ издаетъ свою теорію равновѣсія: именно говоритъ о двухъ властяхъ—военной и гражданской, различая здѣсь роды дѣятельности государства, а не содержаніе правъ въ томъ и другомъ родѣ. Онъ поставляетъ задачею государства

привести въ равновѣсіе эти двѣ силы. Но какимъ образомъ должно исполнить государство эту задачу, онъ не говоритъ. Съ нашей же точки зрѣнія такое равновѣсіе не можетъ быть и желательно. Если оно есть качественное равновѣсіе, равновѣсіе интересовъ, то они создаются временемъ: когда наступаетъ военное время, то на первый планъ выдвигаются военные интересы, которые заслоняютъ собой всѣ другія государственныя цѣли, такъ что тутъ не можетъ быть и рѣчи о ихъ уравновѣшиваніи другими; но такъ какъ военные интересы являются у государства рѣже, чѣмъ мирные, гражданскіе, то послѣдніе и становятся преобладающими, такъ что для желаемаго Гегелемъ равновѣсія надо создавать первые искуственно. Это ведетъ къ тому, что государства тратятъ огромныя деньги на содержаніе многочисленнаго войска, которое должно представлять собою силу, равную силѣ мирныхъ гражданъ. Подобная политика поведетъ естественно къ господству вооруженныхъ надъ невооруженными, т. е. военной силы, къ пренебреженію мирнымъ развитіемъ и благосостояніемъ страны. Государство должно имѣть средства къ защитѣ отъ враговъ, это безспорно; но безспорно и то, что эти средства могутъ создаваться въ обиліи только тогда, когда оно обращаетъ свое вниманіе на возвышеніе народнаго благосостоянія.

Такого рода желаніе Гегеля—уравновѣсить военную и гражданскую власти—даетъ особую окраску и его политическому идеалу. Съ одной стороны власть, стягивающая къ себѣ все, и равновѣсіе военныхъ интересовъ съ гражданскими, съ другой стороны союзы, отдѣльныя лица, даже не народъ—таковъ его идеалъ. Цѣль такого государства—государство само въ себѣ; но эту цѣль онъ ставитъ въ узкія рамки: это не государство въ обширномъ смыслѣ, не удовлетвореніе государственныхъ стремленій и потребностей народа, а одна сторона государства—учрежденіе властей. Народъ стоитъ внѣ этой цѣли и этого единства. Въ такомъ смыслѣ ученіе его можно назвать вмѣстѣ съ Шталемъ ультраправительственнымъ (ultragouvernemental). „Все должно совершаться устроенной силой (объективной)—правительствомъ, народъ же все это принимаетъ съ сознаніемъ и поэтому свободно; но ничто не должно совершаться въ обратномъ порядкѣ, такъ, чтобы оно развивалось изъ свободнаго, внутренняго, личнаго движенія (субъективности) отдѣльныхъ лицъ, ассоціацій, народа, со-

словій, а правительство бы только направляло, давало санкцію, умѣряло, или чтобы сословія сдерживали правительство и контролировали его". *)

Философскія начала оказывали и оказываютъ сильное вліяніе на нѣмецкихъ писателей; но господству ихъ въ настоящемъ столѣтіи представляются все большія и большія затрудненія. Это происходитъ отъ того, что въ этихъ самыхъ началахъ кроются задатки ихъ слабости. Они провозглашали своей основой только отвлеченную мысль, знали только логическіе выводы и діалектическіе пріемы, смотрѣли на существующее, какъ на произведеніе мысли и какъ на рядъ явленій, подчиняющихся только законамъ мышленія; но въ тоже время не могли отрицать продуктовъ исторической жизни, которые и принимали за продукты мысли, не показывая, какъ они могли произойти изъ нея. Въ сознаніи самаго Гегеля нѣкоторыя стороны государственной жизни представлялись органическимъ продуктомъ, конституція не казалась какъ нѣчто произведенное. Здѣсь философское направленіе дѣлало уступки, правда слабыя, тѣмъ началамъ, которыя вырабатывались историческимъ. Послѣднее признавало право не произвольнымъ актомъ людей, а произведеніемъ характера народа, тѣсно связаннымъ съ нимъ во все время своего существованія и развитія, подлежащимъ въ своемъ развитіи закону необходимости. Въ силу такой связи все, данное исторіей, необходимо и хорошо. Такимъ образомъ въ конечномъ выводѣ историческое направленіе сходится съ философскимъ положеніемъ: все дѣйствительное — разумно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не отрицая прогресса, развитія народной жизни, если только при этомъ сохранялись историческія основы, оно, питая благоговѣніе къ существующимъ правамъ и учрежденіямъ, какъ продукту исторіи, принимало характеръ даже реакціонный и давало слишкомъ скудное поле индивидуальной дѣятельности **).

На науку права вообще и въ частности государственнаго права историческая школа имѣла вліяніе главнымъ образомъ своими критическими трудами. Она, однако, не только не исключала вліянія, оказаннаго философскимъ направленіемъ, но вслѣдствіе

---

*) Шталь, 475.

**) Bluntschli, Geschichte des Allg. Staatsrechts; 570, 571.

воздѣйствія другъ на друга обѣ онѣ теряли свой исключительный характеръ и соединяли свои выводы.

Такъ это мы видимъ у Шмиттеннера, который въ самомъ методѣ своего изслѣдованія объявляетъ себя врагомъ исключительной философской дедукціи и старается соединить ее съ наблюденіемъ, которымъ естественно пользуется историческая школа; который различаетъ философское или идеальное право, основывающееся на абсолютной идеѣ, осуществляемой государствомъ (элементъ субстанціальный, объясняющій—почему государство существуетъ и должно существовать), и положительное, историческое, въ которомъ проявляется абсолютная идея, какъ конкретная, относительная, какъ идея государства въ историческомъ его развитіи (Zwölf Bücher vom Staate; I, §§ 12, 13; III, 3, 5, 13). Въ раздѣленіи властей онъ выходитъ изъ положительнаго начала, историческаго развитія государственной жизни. Обыкновенному раздѣленію у него предшествуетъ другое, основанное на различіи власти въ ея дѣятельности. Государственная власть, въ существѣ своемъ единая, представляется логически въ слѣдующихъ различіяхъ: I. По роду своего проявленія, какъ власть опредѣляющая (beschliessende) и исполнительная. Опредѣляющая или законодательная въ обширномъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ власть предписывать устройство общественныхъ учрежденій и налагать на подданныхъ обязанности, а также власть заключать государственные договоры. Она представляется въ слѣдующихъ моментахъ: законодательная власть, установляющая объективныя нормы права; судебная, рѣшающая о субъективномъ правѣ по объективнымъ нормамъ или по справедливому обсужденію; власть предписывающая (verordnende, jus edicendi) или право регулировать государственные интересы въ предѣлахъ конституціи. Исполнительная власть или право приводить въ исполненіе рѣшенія законодательной власти представляется какъ власть учредительная (institutiv), установляющая, безъ заявленія воли и правъ гражданъ, учрежденія и исполняющая общественныя обязанности, напр. возводящая публичныя зданія, чеканящая монету и т. п., и какъ принудительная—гражданская и военная власть. II. По объектамъ, на которые простирается государственная власть, различаются: личная власть, которая дѣйствуетъ на народъ и его членовъ, и территоріальная, состоящая изъ тѣхъ правъ, которыя

относятся до государственной области. III. По сторонамъ и областямъ государственной жизни, въ которыхъ проявляется государственная власть, она раздѣляется на внѣшнюю и внутреннюю. IV По моментамъ государственной цѣли различаются власти правовая и общественнаго благосостоянія. Первая (Rechtsgewalt, Justizgewalt, Justizhoheit) заключаетъ въ себѣ законодательную въ дѣлахъ права и судебную, подъ которой понимается и полицейская (Rechtspolizeigewalt), пресѣкающая всякое неправо и его возможность, равно какъ и возможность вреда. Вторая заключаетъ въ себѣ: финансовую власть (куда относится камеральная или право управлять непосредственно государственнымъ имуществомъ, податная власть, Steuergewalt, и право пользоваться государственнымъ кредитомъ), власть въ области государственнаго хозяйства (Staatswirthschaftsgewalt), какъ право отправлять обязанности государственнаго хозяйства, напр. чеканка монеты, проведеніе дорогъ, учрежденіе почтъ, и какъ полицейская власть благосостоянія (Wohlfahrtspolizei), и, наконецъ, культурную власть, относящуюся до нравственнаго и умственнаго образованія. V. Власть верховнаго надзора. VI. Наконецъ государственная власть, представляющаяся съ характеромъ верховнаго права (jus eminens). Двѣ послѣднія власти, впрочемъ, могутъ быть приложимы только въ нѣкоторыхъ случаяхъ: такъ первая можетъ быть различна по разнообразному отношенію низшихъ органовъ власти къ высшимъ; вторая власть приложима къ отношенію гражданскаго права къ государственному, которое господствуетъ надъ первымъ, подобно тому, какъ государственная власть надъ учрежденіями (стр. 295—374).

При первомъ взглядѣ на всѣ эти власти, мы видимъ, что онѣ, по большей части, ничто иное какъ права, входящія въ кругъ государственной власти, изъ которыхъ каждое, само по себѣ, не можетъ ни составить отдѣльной власти, ни назваться ею: оно, въ большинствѣ случаевъ, есть ничто иное какъ моментъ дѣятельности. Впрочемъ Шмиттеннерь допускаетъ, что названіе власти, имѣющее общее значеніе, можетъ быть также придано и ея моментамъ. Различіе, приводимое имъ, хотя основано на содержаніи правъ, принадлежащихъ верховной власти, однако, по его признанію, не можетъ быть существеннымъ: какъ ни ясно могутъ быть опредѣлены власти законодательная и исполнительная, онѣ входятъ въ составъ одной

недѣлимой государственной власти. Но какъ право нравственно обязывать безъ матеріальной силы лишаетъ гарантіи и самое исполненіе, такъ и матеріальная сила безъ нравственнаго основанія есть только грубая физическая сила. Поэтому обѣ онѣ находятся во взаимномъ отношеніи: какъ законодательная предполагаетъ исполнительную, грозя наказаніемъ, такъ, наоборотъ, и послѣдняя предполагаетъ первую, точно держась въ предѣлахъ, опредѣленныхъ закономъ. Обѣ, слѣдовательно, не роды власти, а ея моменты (299). И однакоже онъ допускаетъ (301), что эти моменты, напр. моменты законодательной власти, въ развитыхъ государствахъ ввѣряются различнымъ органамъ, хотя и безъ совершенно рѣзкаго разграниченія. Что касается до существа исполнительной власти, то она съ одной стороны представляется властью служебною по отношенію къ другимъ, назначенною только къ исполненію; съ другой стороны ея учредительная власть возвышаетъ и приближаетъ ее ко власти предписывающей, такъ какъ учрежденія отчасти основываются на писанномъ законѣ, отчасти существуютъ безъ него по простому повелѣнію законодателя или по старинѣ. Значеніе учрежденій, кромѣ того, возвышаетъ исполнительную власть надъ тѣмъ положеніемъ, которое дается ей на самомъ дѣлѣ: къ нимъ принадлежатъ, напр., семейство, государство (по формѣ, а не по идеѣ). Другія власти, какъ напр. дѣйствующія по объектамъ и сторонамъ государственной дѣятельности, представляютъ собою, не моменты государственной власти, а только качественную ея сторону, разсматриваемую съ разныхъ точекъ. Онѣ не могутъ быть основаніемъ дѣленія государственной власти, а собственно основаніемъ бо́льшаго сосредоточенія ея. Что касается до власти надзирающей, то, какъ мы увидимъ ниже, она вызываетъ многія возраженія противъ себя; да и самъ Шмиттеннеръ значительно ограничиваетъ ее. Какъ взятыя отдѣльно, такъ и взятыя вмѣстѣ, эти различія государственной власти не могутъ вести къ ея раздѣленію, ибо въ такомъ случаѣ представится не только крайняя дробность ея, но и совпаденіе многихъ органовъ въ ихъ дѣятельности, слѣдовательно и постоянное ихъ столкновеніе. Итакъ это различіе, по словамъ Шмиттеннера логическое, представляетъ само въ себѣ необходимость обратиться къ другому раздѣленію. Оно не можетъ быть смѣшиваемо съ той организаціей власти, которая приводитъ ея различія въ особыя системы, въ

которой она должна быть отправляема подъ различными формами различными субъектами, которая есть слѣдствіе того, что государственное устройство, какъ положительное выраженіе идеи государства, есть результатъ историческаго процесса. Это послѣднее различіе не должно быть разсматриваемо какъ раздѣленіе власти, потому что государственная власть едина и недѣлима и представляется въ различныхъ, но органически связанныхъ въ единство, системахъ: это есть, слѣдовательно, не раздѣленіе, а различіе властей въ государствѣ. Оно необходимо на томъ основаніи, что особенныя функціи, т. е. проявленія жизни и дѣятельности государства во внѣ, могутъ быть отправляемы болѣе совершеннымъ образомъ отдѣльными органами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что умноженіе органовъ и ихъ соотвѣтствующее идеѣ взаимное отношеніе обезпечиваетъ свободу и безопасность отдѣльнаго лица. Абсолютное раздѣленіе, при которомъ различныя власти должны быть предоставлены разнымъ независимымъ лицамъ, повело бы къ механизму государства и къ спору между его силами. Поэтому немыслимо и равновѣсіе властей, какъ слѣдствіе механическаго взгляда на государство (413, 474—480).

Этихъ различныхъ системъ государственной власти, обыкновенно называемыхъ властями, три: 1) Правительственная власть, какъ система собственно центральной и верховной власти, заключающая въ себѣ всѣ права государственной, не предоставленныя по конституціи другимъ системамъ. Она есть душа государства, отъ нея исходитъ движеніе государственной жизни, она заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, и права законодательныя, и верховныя, и судебныя. Но она не есть власть, стоящая надъ правомъ. Въ органически развитомъ государствѣ она есть высшая, отъ которой зависитъ всякая другая, хотя бы послѣдняя представляла самостоятельную систему государственной власти. Она есть собственно живая сила, протягивающая вездѣ руку закону, выступающая ежеминутно, опредѣляя и принуждая. Если въ республикахъ она представляется не высшей властью, а только магистратурой, то это ихъ недостатокъ. Правительственная власть не должна быть, слѣдовательно, поставлена наравнѣ съ правомъ управленія, установляющимъ общественные интересы въ границахъ закона, что ясно изъ того, что и тамъ, гдѣ государь возлагаетъ управленіе на отвѣтственныхъ министровъ, за нимъ остаются пра-

вительственныя права, какъ прерогативы. Она не должна быть сравнена и съ простымъ исполненіемъ, потому что ей принадлежитъ право вести сообразно съ законами государственныя дѣла, направлять частныя лица къ государственной цѣли и пр. 2) Законодательная власть, какъ система политической власти, пользующаяся правомъ постановлять въ извѣстныхъ случаяхъ обязательныя всеобщія правовыя нормы—законы въ тѣсномъ смыслѣ слова. Отъ этой власти, принадлежащей законодательному собранію, слѣдуетъ отличать ту, которая входитъ въ права опредѣляющей власти и остается нерѣдко принадлежностью правительства. 3) Судебная власть, какъ система государственной власти, сохраняющая въ государствѣ силу права. Она представляется особой органической системой только на высшей степени государственнаго развитія.—Всѣ эти системы или власти имѣютъ свое живое средоточіе въ одной: въ монархіи—въ правительственной власти государя, въ республикѣ—въ законодательномъ собраніи (414, 415, 477, 480—484). Такимъ образомъ Шмиттеннеръ какъ бы противополагаетъ это формальное дѣленіе, или, выражаясь его словами, различіе властей, матеріальному. Но какъ то, такъ и другое выражаетъ собою единство власти. Онъ не становится при этомъ на такую исключительную точку зрѣнія, какъ Гегель, признающій единство государства только въ конституціонномъ монархѣ, но его правительственная власть сходна съ королевской властью того. Поэтому принадлежность верховной власти одному физическому лицу составляетъ у него отличительнѣйшую черту наилучшей государственной организаціи.

Подобно Шмиттеннеру и Клюберъ (Oeffentliches Recht des Deutschen Bundes *), §§ 100, 101, 358 и сл.) принимаетъ нѣсколько мѣрокъ для различія властей. Онъ различаетъ права верховной власти (Staatshoheitrechte) по ихъ предмету: внѣшнія и внутреннія; къ первымъ принадлежитъ все, касающееся отношеній государства къ другимъ: война, миръ, договоры, особенно—о союзахъ, посольскія дѣла, государственные сервитуты; ко вторымъ: верховное право надзора (Jus inspectionis supremae), законодательство и верховная исполнительная власть въ

*) Ссылки по 4-му изд., 1840 г.

обширномъ смыслѣ (potestas exequendi suprema). По этимъ направленіямъ отличается и форма дѣятельности верховной власти. Что такое различіе не лишено важнаго значенія, это видно изъ слѣдующихъ словъ Клюбера: политика совѣтуетъ даже въ монархическихъ государствахъ отдѣлять исполнительную власть отъ законодательной, не нарушая этимъ единства государства. Провести полное раздѣленіе этихъ трехъ властей въ дѣйствительности— затруднительно и вредно, такъ какъ онѣ находятся въ постоянной связи. Кромѣ этихъ всеобщихъ верховныхъ правъ есть еще и особенныя, подчиненныя тѣмъ и выводимыя изъ нихъ, когда дѣятельность государственной власти будетъ обращена на особенные предметы управленія. Сюда принадлежатъ: 1) верховное право суда (Justizhoheit), 2) полицейская власть, 3) финансовая, 4) право раздачи привилегій, 5) должностей, титуловъ, орденовъ и т. п., 6) власть въ дѣлѣ воспитанія и образованія, 7) верховная власть въ религіозныхъ дѣлахъ, 8) ленная власть (Lehnhoheit), 9) военная власть (Wehr und Waffenhoheit), 10) власть предпринимать мѣры въ крайнихъ обстоятельствахъ (äusserstes Recht, jus eminens).

Это различіе властей Клюбера нельзя назвать основательнымъ. Внѣшнія права государственной дѣятельности не могутъ быть противопоставлены тройственному раздѣленію, потому что они входятъ въ которую нибудь изъ властей: и въ законодательную, и въ правительственную, и т. п. Точно также и особенныя права не представляютъ дѣятельности особенныхъ властей: они не только подчинены тѣмъ, но и входятъ въ ихъ дѣятельность. Что касается до его раздѣленія на три власти, то уже было говорено, что право надзора входитъ во всѣ другія власти. Здѣсь приведемъ мнѣнія нѣсколькихъ писателей, изъ которыхъ одни отрицаютъ такое дѣленіе, признавая право надзора только за правительственной властью, которая можетъ предоставлять его и другимъ органамъ управленія *); другіе считаютъ его принадлежащимъ и правительственной и законодательной власти **). Нель-

*) Ahrens, Organ. Staatslehre, 180.

**) Schmitthenner, Zwölf Bücher III, 294; Rönne, Das Staats—Recht der preuss. Monarchie I, 40.

зя не признать справедливости замѣчанія Шмиттеннера,—говорящаго, впрочемъ, какъ намъ извѣстно, о правѣ верховнаго надзора (jus supremae inspectionis),—что высшая власть принимаетъ на себя это право или характеръ надзирающей только тамъ, гдѣ есть подчиненныя сферы государственной жизни или гдѣ моменты власти, хотя и препоручены другимъ органамъ, но остаются въ зависимости отъ нея. Но въ большемъ объемѣ это право надзора предоставляется правительственной или, какъ обыкновенно говорятъ, исполнителлной власти: она дѣйствуетъ въ силу этого права какъ въ своей области, такъ и въ области суда, гдѣ надзоръ высшихъ инстанцій надъ низшими немыслимъ во имя безпристрастія судебныхъ рѣшеній и гдѣ онъ возможенъ въ самомъ ограниченномъ смыслѣ, какъ надзоръ корпораціи надъ своими членами или какъ надзоръ за исполненіемъ судебныхъ рѣшеній въ случаѣ обращенія къ суду съ жалобами на ихъ неисполненіе. Въ сферѣ же дѣятельности законодательныхъ органовъ право надзора сливается съ правомъ контроля, которое главнымъ образомъ ограничивается дѣятельностію высшихъ правительственныхъ органовъ, но не судебныхъ, а еще болѣе не чиновниковъ, простыхъ исполнителей предписаній начальства, по невозможности услѣдить за всѣми ихъ дѣйствіями. И такое ограниченіе права надзора законодательныхъ органовъ тѣмъ болѣе естественно, что ихъ дѣятельность сосредоточивается въ центрѣ государственной жизни, приходя въ соприкосновеніе главнымъ образомъ съ высшими отправленіями другихъ властей. Такимъ образомъ, по мнѣнію писателей, самый дѣйствительный надзоръ государственная власть можетъ имѣть только посредствомъ органовъ исполнительной власти *).—Что касается до единства властей, то оно, если проводить послѣдовательно мнѣніе Клюбера, не можетъ быть дано монархической властью въ той степени, въ какой принимаютъ это другіе писатели, такъ какъ онъ считаетъ договоръ и основаніемъ права, принадлежащаго монарху, представительства во внѣшнихъ дѣлахъ и основаніемъ государства.

---

*) Zöpfl, Grundsätze des gem. deutsch Staatsrecht, 5 Aufl, 769, прим. 1.

Точно также нѣсколько точекъ зрѣнія въ вопросѣ о раздѣленіи государственной власти мы видимъ и у Бишофа (Allgemeine Staatslehre), котораго можно назвать представителемъ идеологическаго взгляда на государство и государственную власть въ томъ значеніи, какое придавалъ этому слову Блюнчли, даже представителемъ богословскаго направленія, такъ какъ оно преобладающее въ этомъ взглядѣ. Онъ говоритъ только о христіанскомъ государствѣ, которое служитъ божественнымъ идеямъ, прирожденнымъ человѣку: права, благосостоянія и нравственности; которое преслѣдуетъ только одну высшую цѣль—возведеніе принадлежащихъ къ нему людей въ нравственное царство на землѣ черезъ развитіе скрытаго въ каждомъ божественнаго дара. Государственная власть выражаетъ собою идею единой воли, подчиняющей себѣ волю всѣхъ въ народѣ; а эту идею образуетъ объективно-господствующая въ народѣ разумно-нравственная государственная воля. Однако, не смотря на такой идеологическій характеръ государственной власти, два момента, которые онъ различаетъ въ ея понятіи, имѣютъ только реальное значеніе; это: 1) внѣшняя сила, служебная по отношенію къ исполненію государственной цѣли и 2) господство надъ внѣшней силой, суверенитетъ, suprema potestas. Служебное значеніе власти относительно идей полагаетъ ей предѣлы, вытекающіе изъ ея существа, такъ какъ она, какъ власть правовая и нравственная, должна уважать христіанскій нравственный законъ, права подданныхъ и права другихъ государствъ; кромѣ того предѣлы полагаются ей и въ самой правовой сферѣ, такъ какъ и здѣсь она должна быть руководима нравственнымъ закономъ. На дѣлѣ, впрочемъ, эти предѣлы сводятся къ весьма простѣйшимъ фактамъ, въ которыхъ Бишофъ видитъ торжество идеологическаго значенія власти, именно: 1) къ сознанію народа (онъ говоритъ собственно о германскомъ народѣ, въ которомъ это сознаніе вкоренено до величайшей глубины), что для государей существуютъ и другіе законы, кромѣ писанныхъ, и что властитель, хоть и не будетъ судимъ государственнымъ судомъ, но не избѣжитъ того, предъ которымъ предстанутъ и дѣла и помышленія всѣхъ людей; 2) къ извѣстному священному союзу. Въ виду такихъ предѣловъ, полагаемыхъ власти, и самое раздѣленіе ея не имѣетъ значенія начала, охраняющаго свободу. Въ этомъ вопросѣ Бишофъ сдѣдуетъ тому

взгляду, который мы уже встѣчали и еще встрѣтимъ у многихъ нѣмецкихъ писателей. При анализѣ заключающихся въ государственной власти силъ, говоритъ онъ, основаніемъ раздѣленія можетъ быть или предметъ дѣятельности государя (матеріальныя верховныя права), или форма его дѣятельности (формальныя верховныя права), или, наконецъ, его субъективная личность (права величія). По формѣ, въ которой государственная власть осуществляетъ свои верховныя права, онъ различаетъ: 1) законодательную власть, принадлежащую въ демократіи народу, а въ монархіи королю, который, чтобы видѣть подтвержденіе своей воли въ общественномъ сознаніи, созываетъ въ конституціонной монархіи представителей народа, сословія, а въ абсолютной—государственный совѣтъ(?); 2) правительственную (regierende, imperium), которая въ правовомъ и государственномъ порядкѣ осуществляетъ волю государственной личности, высказавшуюся въ законодательствѣ, но дѣйствуетъ не только какъ исполнительная, исходящая въ своихъ дѣйствіяхъ изъ воли закона, а и какъ предписывающая власть (verordnende), имѣющая въ виду главнымъ образомъ цѣлесообразность; 3) судебную, властительный характеръ которой заключается не въ приговорѣ, принадлежащемъ теперь присяжнымъ, а въ рѣшеніи, въ самомъ сужденіи (in jure, а не въ judicio). Отъ первыхъ двухъ она отличается тѣмъ, что направляется не на государственное цѣлое, а только на отдѣльное лицо. Впрочемъ значеніе этой власти, какъ отдѣльной, ослабляется у него тѣмъ, что ея передача особому органу—случайная и политическая, а не юридическая: этого требуютъ необходимость познаній для судьи и его независимость (I Liefer., 1860, 68-78, 105, 110 и сл.). Такимъ образомъ характеръ государства у Бишофа таковъ, что оно сливается съ церковью; а подобное сліяніе не можетъ дать какое либо значеніе раздѣленію властей.

Уже изъ мнѣній приведенныхъ нѣмецкихъ писателей мы видимъ, что между тѣми изъ нихъ, которые принимали тройственное раздѣленіе властей, не было согласія въ самыхъ властяхъ, подлежавшихъ этому дѣленію. Это мы замѣчаемъ и у многихъ другихъ. Такъ у Аренса, который, подобно предшествовавшему писателю, проводилъ въ своемъ ученіи о государствѣ религіозное начало, но какъ высшій, объединяющій, философскій элементъ, и

слѣдовалъ въ этомъ Краузе *). Прямая цѣль государства—естественнаго союза—право въ обширномъ смыслѣ, какъ органическая совокупность условій, зависящихъ отъ дѣятельности человѣческой воли и необходимыхъ для осуществленія блага и цѣлей человѣческой жизни **). Въ государствѣ онъ принимаетъ три власти: правительственную, законодательную и исполнительную. (Org. St. 178; Cours 510). Свое ученіе о раздѣленіи государственной власти онъ начинаетъ осужденіемъ всѣхъ предшествовавшихъ ему попытокъ и началъ, на которыхъ онѣ основывались (Org. St. 174-190). Психологическое начало, т. е. духовныя силы: для законодательной власти—разумъ, для судебной—способность сужденія, для исполнительной—воля, не можетъ быть принято основаніемъ раздѣленія, потому что каждая власть или каждое лицо, пользующееся властью, не могутъ обойтись безъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ этихъ силъ: никакой судебный приговоръ немыслимъ безъ разумнаго пониманія всеобщаго и приложенія его къ особенному; никакое законодательство немыслимо безъ способности сужденія и воли. Силлогизмъ, въ которомъ законодательная власть соотвѣтствуетъ первой посылкѣ, судебная—второй и исполнительная—заключенію, также не можетъ служить подобнымъ основаніемъ, потому что въ такомъ случаѣ, какъ замѣчаетъ и Шталь, никакой законъ не можетъ быть исполненъ безъ посредства суда. Онъ отрицаетъ и онтологическое начало—моменты всеобщаго и особеннаго, на которомъ основано раздѣленіе на власти законодательную и исполнительную, также какъ и другія основанія. Всѣ такія основанія раздѣленія односторонни и не обнаруживаютъ внутренняго существа различныхъ властей. Въ основаніе своего дѣленія онъ полагаетъ волю, 1) какъ дѣятельный элементъ всей правовой и государственной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ единственный принципъ, который въ раз-

---

*) Впрочемъ не въ раздѣленіи властей, потому что Краузе принимаетъ только двѣ власти или главныя государственныя дѣятельности (Naturrecht, 184): законодательную и исполнительную: первая издаетъ законы, касающіеся права и народнаго блага; вто[illegible] охраняетъ интересы права и образованія (Kulturpflege).

**) Die organ. Staatslehre, 43, 92; Cours de droit naturel, 5 ed. 140; Die Ruechtsphilosophie, 4 Ausg.

личныхъ своихъ направленіяхъ опредѣляетъ характеръ отдѣльныхъ функцій или властей. Воля, какъ всеобщій, выраженный въ неизмѣнной формѣ, принципъ, есть функція законодательства; направленіе воли въ особенномъ случаѣ къ праву, т. е. обсужденіе воли и, при необходимости, принудительное возстановленіе правильной воли въ тѣхъ, кто виновенъ въ проступкѣ или преступленіи, составляетъ существо и цѣль судебной функціи въ ея обѣихъ отрасляхъ; воля, опредѣляющая правовую и государственную жизнь какъ во всеобщемъ направленіи, такъ и въ отдѣльномъ случаѣ, составляетъ функцію власти, обыкновенно называемую исполнительной. Но для этого воля должна находиться въ прямомъ отношеніи ко всѣмъ духовнымъ силамъ: должна быть просвѣщена разумомъ, разсудкомъ, личной опытностью и воззрѣніями; должна быть одушевлена чувствомъ, должна быть твердою вслѣдствіе постояннаго своего проявленія. 2) Воля должна быть разсматриваема по отношенію къ различнымъ существеннымъ сторонамъ государственной и правовой жизни, которая устроена по образцу всякой жизни. Во всякой жизни, къ какому бы порядку или степени ни относилась она, мы видимъ три существенные момента: причинный, первобытный принципъ (ursachliche, urwesentliche); постоянный основной, какъ и вытекающія изъ него всеобщія отношенія и законы развитія; совершающій, развивающій моментъ, который осуществляется причиннымъ началомъ и по всеобщему основному типу и всеобщимъ отношеніямъ. И воля является какъ причинная, какъ постоянная, всеобщая и какъ особенная, при чемъ, однако, эти направленія ея не представляются отдѣльными, а взаимно опредѣляющимися. Во всѣхъ этихъ моментахъ воля приводится въ исполненіе различной дѣятельностью, которая представляется какъ возбужденіе и направленіе, какъ обсужденіе, какъ заключеніе и какъ исполненіе. Такимъ образомъ являются три особыя, существенно различныя власти, которыя ввѣряются разнымъ лицамъ: правительственная (Regierung), законодательная и исполнительная. Правительственная власть, какъ причинный моментъ, есть первая и высшая государственная власть. Ей принадлежитъ веденіе государственныхъ дѣлъ посредствомъ участія въ законодательствѣ, посредствомъ права распоряженія въ дѣлѣ исполненія законовъ, право надзора. Только по отношенію къ судебной власти она сохраняетъ нейтральное положеніе.

Но, будучи властью самостоятельной, она должна опираться на согласную волю цѣлаго. Законодательная власть, предписывающая постоянныя нормы для правовой и государственной жизни, заключаетъ въ себѣ дѣятельность двоякаго рода: предписывающую основной типъ для отношеній государственной и правовой жизни— основные законы и предписывающую, на основаніи этого типа, обязательныя, постоянныя нормы для отдѣльныхъ, болѣе или менѣе всеобщихъ цѣлей—законы въ собственномъ смыслѣ. Исполнительная власть проявляется или какъ судебная, или какъ управляющая, административная власть. Какъ судебная, она есть научная и логическая, потому что она прилагаетъ всеобщіе законы къ отдѣльнымъ случаямъ, чтобы составить приговоръ. Чтобы удержаться въ этомъ научномъ положеніи, она должна быть независима отъ правительства и управленія и не признавать надъ собою никакой другой власти, кромѣ закона. По своему положенію она власть нейтральная между сторонами. Она проявляетъ свою дѣятельность не вслѣдствіе побужденія изъ самой себя, а призываемая къ ней; между тѣмъ административная власть дѣйствуетъ самостоятельно (selbstthätig). Управленіе, по своему существу, находится въ непосредственномъ отношеніи къ правительству, которое составляетъ его главнѣйшую часть, побуждая его въ направленіи къ особенному и субъективному, подобно тому, какъ оно составляетъ часть и законодательной власти, побуждая ее во всеобщемъ и объективномъ. Впрочемъ и управленіе должно пользоваться въ своей сферѣ относительною самостоятельностью, опредѣляемое въ своихъ обязанностяхъ конституціей, законодательствомъ и конституціонной практикой.

Государственная власть, организованная такимъ образомъ въ своихъ развѣтвленіяхъ, касается всѣхъ сторонъ и цѣлей государственной жизни и является какъ внутренняя и внѣшняя, какъ власть собственно правовая и культурная (религія, нравственность, наука, искусство, воспитаніе, промышленность и торговля) и, наконецъ, по формѣ, какъ аристократическая, демократическая, монархическая и смѣшанная.

Начала, выставленныя Аренсомъ, для раздѣленія властей, не могутъ быть признаны безошибочными *). Начать съ того, что

*) См. объ Аренсѣ у Сергѣевича. Задача и метода, стр. 77.

000215422
ЮФ СПБГУ

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ

выходитъ въ неопредѣленные сроки книгами въ 30 печатныхъ листовъ.

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ ДВА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.

Съ требованіями обращаться въ правленіе Лицея.